

The book cover features a vibrant, painterly illustration. At the top, a bright yellow sun with radiating rays shines in a blue sky. Three white swans are depicted in flight, their wings spread. In the lower-left corner, a small blue church with golden domes sits atop a green hill. In the lower-right corner, a young girl with a braid, wearing a light blue dress, stands on a grassy bank, holding a white cloth aloft. The background is a deep blue sky with soft, white clouds. The overall style is reminiscent of classic children's book illustrations.

ЛИДИЯ ЛАЗОР

Свеча судьбы

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Генеральский путь явился,
Генералом стала я.
И роман в душе родился,
Вам его дарю, друзья!*

Лидия Лазор

СВЕЧА СУДЬБЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Роман, рассказы

Луганск – 2012

ДОРОГА ДОБРА И ПРОСВЕЩЕНИЯ

"..Любая дорога, если она не ведёт к Господу, добру, любви, милосердию, то это лишь суета сует и не более в нашей жизни".

Лидия Лазор.

Читая некоторые книги, мы часто невольно задумываемся над тем, правильно ли мы живём, хорошо ли поступаем, в чём видим ценности жизни и на что сможем рассчитывать в вечности. Именно такой книгой является третья часть трилогии "Свеча судьбы", да и вся трилогия в целом. Перед нами великая книга! Она способна помочь, вразумить, объяснить, вдохновить, научить, посоветовать и даже просто поговорить с читателем о жизни, Боге, вечных ценностях, о том самом главном и важном в нашей жизни, о чём мы не всегда размышляем.

Третья часть романа "Свеча судьбы" – это 27-я по счёту книга известного в Украине и далеко за её пределами поэта и писателя Лидии Ивановны Лазор, декана юридического факультета Восточноукраинского национального университета имени В.Даля, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Украины. Трилогия "Свеча судьбы" – фундаментальное, цельное и поистине грандиозное произведение. Лидия Ивановна создавала этот роман десять лет. Первая книга романа была написана в конце 2002 года, вторая – в 2008 году, а третья – в начале 2012 года. Время действия охватывает период с 1941-го по 2000-е годы. Поэтому как в историческом, так и в общечеловеческом аспектах перед читателем большая жизнь главной героини, которая непременно перекликается с жизнью автора. И читатель догадывается об этом, что вызывает у него ещё больший неподдельный интерес к судьбе героини.

Красной нитью через всё произведение проходит ду-

ховная тематика. Лидия Ивановна на примере нелёгкой жизни главной героини Елены Михайловой сумела раскрыть и показать смысл и назначение жизненного пути православной христианки-просветительницы. Именно такой путь является образцом и примером для подражания. Архиепископ Луганский и Старобельский Иоанникий однажды так написал об этом в своей рецензии к книге Л.И. Лазор "Поэма о пути Господнем и Его избранных": "И только Христово учение показало, что смысл жизни всякого человека заключается в том, чтобы восстановить и возродить в себе искажённый грехом образ Божий". Только когда человек живёт с Богом в душе и в сердце, он способен нести свет, доброту, милосердие. И об этом неоднократно говорит нам автор как в своих поэтических произведениях, так и в прозе.

Лидии Ивановне Лазор удаётся с первых строк романа захватить внимание читателей и держать его в напряжении, пока он не прочтёт последнюю строчку книги. Мы вместе с автором сопереживаем героине, огорчаемся из-за её жизненных трудностей, сочувствуем ей и, напротив, очень радуемся за её успехи, достижения и победы. Л.И. Лазор смогла создать так называемый эффект присутствия: мы словно следим за героями, находясь где-то рядом, наблюдаем за ними через призму повествования автора, но всё же являемся невидимыми участниками происходящего. Необходимо отметить, что далеко не все писатели пользуются подобным литературным приёмом, что говорит о незаурядном писательском даровании Лидии Ивановны.

Созданный автором образ главной героини Елены даёт нам понять, что в жизни нельзя роптать и опускать руки, а нужно ставить перед собой цели и добиваться их. Елена оказалась в исправительно-трудовой колонии строгого режима, её осудили на семь лет лишения свободы, лишили всех степеней и званий, заслуг и наград. Казалось бы, жизнь закончена, чего ещё от неё ждать? Но нет! Лидия Ивановна, будучи челове-

ком верующим, показывает нам, что истинная вера в Господа укажет путь и выведет из любых трудностей. Вот почему в романе Ангел, который приснился Елене, говорит ей такие слова: "...Неси свой крест жизни с терпением, ниспосланным Господним Промыслом, наполняй его познаниями и вручай их народу..." И Елена удаётся пройти этот путь, все испытания она переносит с достоинством, выполняя свою просветительскую миссию. Везде и всюду, в заключении и на воле наша героиня несёт свои знания о Боге, Пресвятой Богородице, Святых и апостолах в народ. И люди с радостью слушают и впитывают то, что несёт им Елена, им хочется знать больше и больше. Л.И. Лазор через главную героиню романа "Свеча судьбы" стремится донести простым людям правду о Святых Писаниях, о главных Божьих Заповедях, об истории православия, ведь в то время, когда страной правила советская власть, знать и говорить о Боге было запрещено. Но автор показывает нам, что именно благодаря таким людям, как Елена и схииархимандрит Тимофей православная вера будет жить всегда.

Господь наградил Лидию Ивановну Лазор многими талантами, поэтому она передаёт свои знания, опыт и талант людям через свои многочисленные труды – как научные, так и литературные. Хочется провести параллель в сокровищнице произведений автора между духовной трилогией Л.И. Лазор в поэтической форме "Поэма о Пути Господнем и Его избранных", "Поэма об Иисусе Христе", "И к Богу хочется мне руки простирать" и трилогией в прозе "Свеча судьбы". Обе трилогии Лидии Ивановны несут людям свет познания, радость и надежду на то, что святая вера спасёт, поможет, укажет путь, научит и просветит в любом деле, в любой жизненной ситуации. Лидия Ивановна в своём романе показывает, как через молитву обращается Елена к Богу. И он помогает ей, внимая молитвам. Поэтому с помощью молитвы человек всегда должен искренне обращаться к Господу, и тогда мы сможем рас-

считывать на Божье благословение и помощь.

В романе очень богатая и интересная палитра положительных героев. Таким образом Лидия Ивановна хочет показать, что Господь посылает на пути любого человека, в данном случае главной героини, добрых людей не случайно, они способны помочь, поддержать, выручить, то есть идут в нашу жизнь со своей милосердной миссией. В романе это и семья Елены, муж Иван, детки Игорёк, Ленусенька и Сашенька, и сестра Тамара, её муж Михаил и сын Олежек, и Тина, и женщины из боевой дружины, и Владимир Сергеев, и схиархимандрит Тимофей, схиархимандрит Кирилл, и доктор Михаил Иванович, и начальник колонии Григорий Николаевич и многие другие.

Л.И. Лазор – прекрасный и талантливый литератор. Она создала роман с классическими жанровыми характеристиками. Он охватывает во временном аспекте целую эпоху – более полувека. На протяжении всего произведения меняется всё, как и в жизни. Реально отображается жизнь государства, рост и развитие, взлёты и падения героев, мы знакомимся с множеством персонажей как положительного, так и отрицательного плана. Сюжет строится достаточно динамично, оттого автор и не отпускает внимание читателя. Важно отметить, что стиль самобытного и гениального автора вполне узнаваем. Язык, которым Лидия Ивановна ведёт повествование прост и лаконичен, диалоги понятны и интересны, речевые характеристики героев соответствуют их социальному статусу и положению. Читатель наблюдает, как разговаривают между собой женщины-заключённые, используя просторечные выражения и даже немного грубоватые обороты, как ласково разговаривают между собой влюблённые Иван и Елена, как искромётно иногда шутят друзья, а вот Ангел во сне и схиархимандрит Тимофей несут в своём лексиконе духовную окрашенность. Поэтому роман будет интересно читать людям любого возраста.

Раскрывая достоинства автора, хочется отметить,

что Лидия Ивановна Лазор – мудрейшая женщина, добрый и справедливый человек, ведущий учёный, умелый руководитель, талантливый просветитель, великий поэт и писатель рубежа веков. Через все свои произведения, и в частности трилогию "Свеча судьбы", она смогла пронести ту искренность, веру, любовь к Богу и к людям, доброту, милосердие, надежду на лучшие, неиссякаемый оптимизм и просто красоту, которые присущи ей, как автору и человеку. В романе "Свеча судьбы" Лидия Ивановна посеяла то рациональное зерно, которое призвано дать благодатные всходы. Вот почему такие книги необходимы во все времена. Они не просто интересно и на одном дыхании читаются, они имеют просветительское, воспитательное и милосердное значение. Такие книги, если хотите, способны вылечить больную душу, затянуть сердечную рану, потому что дают надежду на лучшее, учат быть терпимее, добрее и чище. Надежда, вера и любовь словно пронизывают весь роман, а без них картина не имеет красок, как жизнь не имеет смысла.

Роман Л.И. Лазор "Свеча судьбы" с достоинством пополнит литературную копилку широко известных современных писателей и будет являться классическим произведением литературы нового века. Он займёт свою нишу востребованных и необходимых в наше время книг, потому что будет интересен и молодому поколению, и тем людям, которые прожили свою жизнь, познав на своём пути и то, через что смогла пройти и выстоять главная героиня романа Елена Васильевна Михайлова.

**Литературный аналитик
творчества Л.И. Лазор:**

Т.В. Харкордина, филолог.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

Стоял суровый январский день 1975 года.. Елена Васильевна находилась в следственном изоляторе, у неё начались предродовые схватки. Невыносимая боль охватила живот и поясницу. Сокамерники подняли шум, требуя врача. И врач незамедлительно явился, её поместили в палату. В страшных муках родился мальчик, Елена сразу же назвала его Александром в честь памяти своей матери Александры Петровны.

Мальчик родился очень слабеньким, и Елена чувствовала себя неважно, но окрылённой радостью, и это ей придавало сил. Она светилась счастьем материнской благодати и шептала:

– Сашенька, милый мой сынок, вот ты и появился на белый свет. Прости, что ты родился в таких условиях. Здесь нет в достатке ни солнца, ни тепла, ни внимания. Нет ни папки, ни братика Игорёчка, ни сестрички Ленусеньки, а я у тебя, как меня здесь называют, арестантка, порочащая советский строй, распространяющая клеветнические измышления в целях подрыва советской власти. А я, Сашенька, какая же преступница? Ведь я только люблю Бога, мне хочется читать духовную литературу и самой писать о Величии Господнего пути, Веры в Него. Разве можно лишать свободы за это?.. Нет, конечно. А меня за это будут судить через три дня. Сашенька, как же мы будем жить? Какой срок мне определят?.. Прости, сыночек, что я лишу тебя надлежащего уюта, материнской ласки.

И вдруг слёзы скорби брызнули из глаз и потекли по лицу Елены струйками, падая на одежду малыша, взирая болью и страданием. Елена смахивала их со своего лица ладонью, не давая им падать и оставлять след на

самом дорогом – Сашеньке. И стала более удобно подставлять свою грудь ребёнку, но он очень вяло всасывал молоко. Лена с силой сдавливала грудь, обхватив её пальцами правой руки, направляя сосок в ротик мальчика, молоко без усилий текло, отчего малышу приходилось его активно глотать.

Таким образом Елена сумела накормить сына. На душе у неё стало как-то светлее. Сашенька задышал ровнее и вскоре уснул, наполняя мать умилением и торжествующим счастьем. Елена, напоенная зовом природного явления и ощущения себя нужной и необходимой для своего сыночка, забылась в радостных эмоциях. Но вдруг вошла медсестра, сказав:

– Ребёнка следует забрать и отнести в общую палату, где находятся ещё семь малышей. Через некоторое время я вновь вам его принесу. А сейчас отдохните, наберитесь сил.

Но особо отдохнуть ей не пришлось. Принесли обед. Он был очень скромный. Подали щи, которые походили на баланду, три небольших кусочка хлеба, размазанную по чашке жидкую перловую кашу и стакан чая, скорее всего напоминающего кипяток, закрашенный зажаренным до черноты сухарём.

Лене не хотелось есть, но она твёрдо знала, что теперь в ответе не только за себя, но и за сына, поэтому с трудом всё поела, выпила чай. Затем прилегла на кровать, мысли незаметно рассеялись, в голове образовалась пустота, и она уснула.

Поспала Лена недолго. Ей принесли Сашеньку, она его вновь покормила, затем распеленала. Осмотрев его худенькое тельце, никаких недостатков не нашла. С любовью лёгкими движениями рук погладила малютку и снова со старанием запеленала его, взяла на руки, с нежностью прижала к груди и задумалась.

Думы шли разные: и страх за будущее Сашеньки, и за Игорька, Ленусеньку, мужа. Она ведь уже так давно не видела их, свиданий ей с ними не давали. Они даже не знают, что у неё родился Сашенька. "Вот разве что адвокат скажет, он должен сегодня прийти. Хотя бы пришёл", – подумала Лена. Но уже прошло много времени,

на дворе стемнело, а адвоката всё не было. И вот, наконец, Елену вызвали на свидание с ним.

– О, Леночка, я тебя поздравляю с новорождённым. Желаю здоровья тебе и малышу. Как назвала?

– Сашенькой...

– Александром, значит... Хорошее имя, так звали мою бабушку. Она, кстати, прожила 91 год. Так что я тебе, Леночка, и твоему Александру тоже желаю жить и не тужить до ста лет.

– Да как же, Пётр Фёдорович, не тужить, ведь на днях суд. И дадут, небось, на полную катушку. А свиданий вон, как особо опасной преступнице, не дают.

– Ну ты, Леночка, не преувеличивай! Ты у нас никакая не особо опасная преступница, а ты у нас – писательница.

– Так что, если я писательница, то меня за это судить надо?!

– Но ты же у нас, Леночка, не простая писательница, а золотая. Вон про Бога да про святых, про их пути-дороги сколько много написала. Да читать людям давала. Вот тебя за это и привлекают. То есть проводила ты у нас, Леночка, антисоветскую агитацию и пропаганду.

– Пётр Фёдорович, что вы говорите? Вы мой защитник или обвинитель?

– Леночка, шучу я. Конечно же, защитник. И надеюсь, мы дело выиграем. Или, во всяком случае, получим условно. А на счёт свиданий, то мне пообещали, что завтра тебе разрешат встретиться с мужем.

И действительно, на следующий день в послеобеденное время состоялось свидание Лены с Иваном. Когда Лена зашла в комнату свиданий, у Ивана болезненно схватилось сердце, Лена была очень бледной и худой. И только её пронизательный взор остался прежним.

– Ванюша, милый мой, здравствуй...

– Здравствуй, здравствуй, моя ненаглядная. Как же долго мы с тобой не виделись. Я оббил все пороги, пока разрешили свидание с тобой. Мне в этом помогал и Пётр Фёдорович. Вот наконец-то дали свидание и то благодаря рождению малютки. Как мы его, Леночка, назовём?

– Я его, Ваня, уж назвала Сашенькой. Тебе нравится?

- Конечно, нравится. Александр – красивое имя. Да и маму твою так звали. Ты ж её очень любила. Поэтому я с тобой заодно. А как Сашенька себя чувствует?

- Вроде бы ничего. Он родился таким маленьким, всего два килограмма четыреста семьдесят грамм и ростом сорок сантиметров.

- Да ничего, Леночка, лишь бы был здоровеньким, а вес наберёт, да и подрастёт. Я ж у тебя не маленький, да и старший братик растёт не по дням, а по часам, уже наравне со мной.

- А как он вообще? Как Ленусенька? Как ты, Ванечка, с ними справляешься? Как работа идёт?

- Ого, Лена, сколько ты мне сразу вопросов задала. Начну отвечать по порядку. Игорёк – молодец, очень старается учиться на отлично, чемпион среди юниоров по шахматам, много читает, на улицу не спешит бежать. Учит Ленусеньку в шахматы играть. Она тоже девочка очень способная и старательная, Игорю не уступает. Они поделили обязанности между собой, Игорёк ходит по магазинам, моет полы, а Ленусенька готовит еду, моет посуду, а с уборкой и я помогаю. Вообще, Леночка, мы живём дружно. Но нам всем очень не хватает тебя. Мы так за тобой все соскучились. На днях Ленусенька не выдержала, повисла у меня на шее и в слезах запричитала: " Ну где же наша мамочка? Когда же она придёт? Её там, наверное, обижают. И как мама там родит? Ей же беременной там очень тяжело..."

- Ну теперь скажешь, что родила, слава Богу, всё хорошо. На свет появился новый член семьи Сашенька. Послезавтра суд. Ты ожидай меня с детьми возле суда. Когда будут меня выводить из машины, может быть, увижу их... Я очень за ними соскучилась!

- Хорошо, Леночка, я так и сделаю.

Они многое ещё хотели сказать друг другу, но тут вдруг раздался голос дежурного:

- Свидание закончено. Все разошлись...

Лена нехотя встала и пошла к выходу. На сердце было грустно... И радостно оттого, что встретила с мужем, узнала кое-какие новости о детях. Правда, Иван практически ничего не успел рассказать о своей работе. Но Еле-

на тешила себя мыслями, что послезавтра суд, и, возможно, её отпустят домой, но это были только её мечты..

На следующий день состоялся суд над Михайловой Еленой Васильевной по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР за агитацию и пропаганду, проводимую Михайловой в целях подрыва советской власти.

В десять часов Елену в наручниках ввели в зал судебного заседания. Она увидела на столе у председательствующего суда свои рукописи, которые у неё выкрал Виктор Петрович и отдал Дану, а он отнёс их в прокуратуру.

- Михайлова Елена Васильевна, эти рукописи принадлежат вам?!

- Похоже, что мои..

- Так, похоже или ваши?

- По внешнему виду будто мои, но я не знаю что в них написано. Дайте мне их для ознакомления.

Елене подали рукописи, с которыми она внимательно ознакомилась. Они были в таком же состоянии, как и прежде. Однако в конце прилагался ряд стихотворений, которые были бранными и очень остро критиковали советский строй, а эти стихи она не писала.

- Михайлова, вы ознакомились с рукописями?

- Да, ознакомилась. Но не вся рукопись моя. Три стихотворения под названием "Советская власть" мне не принадлежат.

- А кому же они принадлежат?

- Я не знаю..

- А в деле имеется материал, доказывающий, что все рукописи принадлежат именно вам. Пригласите в зал свидетеля - Устицкого Дана Абрамовича.

Устицкий Дан Абрамович одет был по-щёгольски. Он злым взором окинул Елену и занял место для дачи показаний.

- Устицкий Дан Абрамович, что вы можете сказать по делу Михайловой Елены Васильевны?

- Я знаю, что Михайлова Елена Васильевна ходит в Церкви, в разные Храмы, в Монастыри. Любит писать на церковные темы стихи, в которых она высмеивает советскую власть. И эти антисоветские стихи она раздаёт людям. Вот и мне Елена подарила такого рода поэзию.

Я и отнёс всё это в прокуратуру.

– Михайлова Елена Васильевна, так это ваша рукопись?

– Моя, как я уже сказала, но не полностью. Три стихотворения под названием "Советская власть" не принадлежат мне. Вы обратите внимание, что в этих трёх стихотворениях не тот стиль и форма повествования, которые употребляю я в своих произведениях. И никакой агитации, которая была бы направлена на подрыв советской власти, я не проводила. И стихи свои я никому не раздавала и не дарила. А их у меня украл бывший муж Снегирёв Виктор Павлович и отдал Устицкому. Я действительно люблю писать стихи на духовно-историческую тематику, о Господе, о Божьей Матери, об Апостолах. Мне интересно исследовать становление и развитие православного христианства. Разве за это можно заводить против людей уголовные дела и признавать их виновными? В чём здесь кроется подрыв советской власти или дискредитация советского строя?

– Хочу вам заметить, Михайлова Елена Васильевна, – сказал раздражённо председательствующий судебного заседания, – что это дело суда давать оценку какие действия являются уголовно наказуемыми, а какие – нет. У вас есть ещё что добавить суду или какие-нибудь пожелания?

– Нет...

Председательствующему явно не понравилось вольнолюбивое и грамотное выступление Михайловой. Он внимательно смотрел на Елену, пытаясь понять её внутренний мир. Ведь он знал и о значимости её вклада в науку, и что она является ведущим учёным в космической сфере и в области военных технологий, и что толкнуло её стать глубоко верующим человеком. Судья понял, что Елена не осуществляет никакой антисоветской агитации и не подрывает устои существующего строя. Прочитав внимательно три стихотворения, которые, по словам Михайловой, не принадлежали ей, он понял ещё и то, что они действительно не принадлежали её перу. Эти стихи были написаны умышленно грубым языком и безграмотно обличали советский строй. Но в суть рассматри-

ваемого дела председательствующий вникать не хотел, боялся как бы чего не вышло. Поэтому он не слушал адвоката, который просил суд признать Михайлову Елену Васильевну невиновной за недоказанность и вынести ей оправдательный приговор. Елена получила жёсткую меру наказания, её лишили свободы сроком на семь лет.

Елене стало плохо, когда она услышала приговор. Её качнуло в сторону, и она, как срубленное дерево, рухнула на пол. Подбежали конвоиры, взяли осуждённую под руки и в бессознательном состоянии повели её к выходу.

Через некоторое время Елена очнулась в тюремной камере. "Что же мне делать, Боже?.. Меня направили в исправительно-трудовую колонию строгого режима сроком на семь лет лишь из-за того, что я хочу познать и писать о том, о чём просит моя душа. В чём же заключается моя вина? В чём же проявляется моя особая опасность? Чем же я подрывала советскую власть? Какое всё же бесчеловечное у нас государство. Вся система строится на крови и лжи в угоду бесовской коммунистической власти. Это самое антидемократическое и преступное государство, способное без сожаления губить миллионы людей, лишь бы оставшихся держать в страхе. И это для того, чтобы небольшой кучке главарей находиться у власти. Но ведь наш народ сам хотел этого, когда в 1917-м начал рушить Церкви, идти против Бога. Этот же народ поставил выше Господа коммунистов, которые свергли всё духовное, чистое, светлое, честное, а вместо этого взрастили двуличие, безнравственность, жестокость и безразличие к народу. Все лозунги и призывы пестрят демократическими принципами, свободой слова, свободой вероисповедания. А на деле меня вот уpekли в колонию строгого режима на семь лет только за то, что я хочу верить в Бога. Больше я ни в чём не виновата. А у меня дома двое маленьких детей. И здесь в нечеловеческих условиях родился ребёнок. Ведь я имею большие заслуги перед страной. Но ничего не учли. Боже, в каком страшном государстве я живу. Господи, прости наш народ за то, что он отрёкся от Тебя, за мракобесие, за большевистский вандализм. И прости, Всесущий, меня за мои грехи и роптание. Помоги мне выжить в этих ужасных ус-

ловиях и спасти Сашеньку. Владыко, возлей мне силы, чтобы устоять в этом страшном и грязном круговороте жизни. Ниспошли мне, Господи, силы духа, чтобы я не сошла с Твоей тропы добра и милосердия..."

В голове Елены мысли одна за другой пробегали давящей волной страха. В них она боялась не выстоять и кануть в бездну ада. Михайлова встала на колени и хотела помолиться, но в этот момент ей принесли сына. Она взяла его и начала кормить. Та боль и съедающая её тоска, которая давила грудь, потихоньку отступали с каждым прикосновением к малышу. Лена гладила беззащитное тельце мальчика, приговаривая:

– Сашенька, расти, мой сыночек, не болей, набирайся сил, а то видишь, какие здесь сложные условия. Через десять дней нас с тобой направят в то постоянное место, где мы будем отбывать своё заключение. Сашенька, сыночек, прости меня за то, что и тебе из-за меня придётся жить в таких скверных условиях, и ты не будешь видеть ни папку, ни братика Игорька, ни сестричку Ленусеньку. И на улице тебе мало разрешат гулять, да и мне позволят быть с тобой определённое время. И то, наверное, в течение двух лет, а меня же осудили на семь. Но может, убавят срок, я попрошу адвоката, чтобы он подал апелляцию в вышестоящий суд о пересмотре дела. Ведь я, Сашенька, никакого преступления не совершала. Я, наоборот, сынок, стремлюсь быть ближе к Богу, чтобы стать чище, добрее и милосерднее относиться к людям. Но похоже, в нашем государстве за добро платят другой монетой. Ну, ничего, Сашенька, мы с тобой должны выстоять, не сломаться. И ты, мой сыночек, будешь помогать мне в этом. Ты же моя надежда и опора, стержень моей жизни. Так ведь, мой ангелочек?

Елена Васильевна долго беседовала с сыном, пока его не забрали. Её душевное состояние стало чуть лучше, а физическое ухудшилось, она почувствовала ломоту во всём теле, жар. Пригласили врача, он поставил диагноз. Все признаки указывали на ангину. В горле были нарывы, температура была около 40 градусов. Она очень испугалась за Сашеньку, ведь у неё могло перегореть молоко от высокой температуры, и тогда нечем будет кормить

сьнишку. Но врач оказался человеком душевным, глубоко вник в проблему своей пациентки, пожалев её. Он принёс из дому малины, масла, мёда и народными средствами стал лечить осуждённую. Елена была безгранично благодарна доктору. Он сердобольно посмотрел на Михайлову и сказал:

– Детка, не благодари меня. Что стоит ваша благодарность в сравнении с бедами и мучениями, которые вы здесь переносите. Я сам сирота, прошёл через все крути ада беспризорщины. Но на моём пути встречались хорошие люди, благодаря которым я выжил и даже выучился на врача. И мне со своей стороны хочется оказать по-настоящему помощь людям, попавшим в беду. Только ты, Леночка, об этом начальству не говори, а не то меня с работы уволят. А у меня дома два гаврика, одному всего двенадцать лет, а другому сыну уже скоро будет двадцать. Он у меня студент, пошёл по моим стопам. Бог даст – будет врачом. Поэзию любит, и сам стихи пишет. Мне сказали, вы тоже стихи пишете?

– Да, пишу. Вот за них и угодила за решётку.

– Но ты же, Леночка, угодила за решётку не за стихи, как ты сказала, а за антисоветскую литературу.

– Да какую там антисоветскую литературу, Михаил Иванович. У меня на эту тему нет ни одной строки. А на религиозную тематику стихи имеются.

– А можно мне их почитать?

– У меня же их нет, Михаил Иванович.

– Так ты их по памяти восстанови. Я очень хочу узнать о Боге, о тех чувствах, что люди испытывают к Нему. Моего деда, кстати, расстреляли в 37-м году. Он был священником. Мой отец погиб в войну, а мать вслед за ним умерла, вот я и остался сиротой. Ну, что-то я, Леночка, уж очень разболтался. Пойду, мне уже пора... Через время зайду к тебе, принесу бумагу и карандаш. А ты мне напишешь, что вспомнишь. Ты меня не бойся, я не стукач, не сдам тебя. Душа просит духовности, дедовы гены что ли во мне живут, это они так волнуют мою душу... Леночка, не откажи в моей просьбе.

– Хорошо, Михаил Иванович. Приносите бумагу и карандаш, что вспомню, то специально для вас напишу.

Не пришлось ждать и десяти минут, как Михаил Иванович снова пришёл, принёс горячего чая с малиной и мёдом. Он по-воровски дал ей ученическую тетрадь и новый хорошо заточенный карандаш.

– Ты ж меня в случае чего, Лена, не выдавай.

– Ну что вы, Михаил Иванович. Я вообще никого не выдаю, а тем, кто делает людям добро, тем более. Спасибо вам большое. Я постараюсь... А если я не вспомню старое, можно я напишу то, что подскажет мне душа?

– Конечно, Леночка, можно.. Я завтра приду с утра, а вы с Сашенькой поправляйтесь... До свидания.

– До свидания, спасибо вам за всё.

Но Михаил Иванович уже не слушал Лену. Он быстро встал со стула и вышел из палаты.

И распахнулась душа у Елены, загорелась в ней Божья искра. Она, не чувствуя боли и усталости, того психологического давления, которое испытывала в последнее время, начала писать:

*Люблю, Творец, народ душою,
Я для него стихи пишу.
Он боль познал своей судьбою –
Поэтому Тебя прошу:*

*Спаси его, Господь Всесущий,
Покаявшихся пожалей,
Ведь ищет путь к Тебе влекущий –
Во тьме им света Ты возлей.*

*И обними людей прощеньем,
Сними грехи с их скорбных плеч.
Укрой, Господь, народ спасеньем,
Чтоб Рай любви в нём мог возлечь.*

Прочитав строчки этого стихотворения, Елена воспрянула духом Веры в Господа, в Его силу, вечность и непоколебимость своего желания служения Всевышнему. И из её души полилось жизнеутверждающее признание Господу.

*Божья в нас воля витает,
Мы же творенье Его,*

**От бездны Он ограждает,
Без Бога же мы – ничего...**

**В Боге цветёт наша сила,
В Боге надежда парит,
А без Него жизнь постыла,
В ней души свет не горит.**

**В Боге полёт всей Вселенной,
В Боге весь мир наш живёт,
С Ним лишь тропинкою милой
Люд наш к спасенью придёт...**

Действительно, как люди не поймут, что мы – творение Господнее. Только с Богом цветёт наша сила и только Всевышний приведёт народ к спасению, ведь чтобы спасти души людей, Творец принял на себя страшные испытания...

**Ради нас Господь Спаситель
Смерть суровую познал,
К нам пришёл как Избавитель,
Своей смертью смерть поправ.**

**И открыл врата Он Рая,
Жизнь нам вечную вручил,
Нас спасти Господь желая
В себя муки допустил.**

**Мы ж об этом забываем
И не очень сердцем чтим,
Бога мало прославляем
И молиться не хотим...**

**А наш Бог – души Спаситель,
Муки ради нас познал,
К нам пришёл как Избавитель,
Своей смертью смерть поправ...**

Окрылённая пламенем Господнего благословения, Елена без перерыва и почти без исправлений написала около десяти стихотворений на духовную тематику, в которых была радость, зов и любовь к Господу, Надежда и Вера в то, что только Господь может спасти народ и

вывести через прощение и очищение к нормальной жизни. Где бы торжествовали благодатные явления, понятия вечности души, добра и счастья. И эти ценности в людях должны быть опосредованы через сознание и подсознание, являясь смыслом жизни.

И Елена, удовлетворённая результатом своего труда, растворилась в чистоте отношений, которые были раскрыты в её стихах, ей не хотелось думать о плохом, о сложности окружающей её жизни. Тем более, что вскоре принесли Сашеньку. Она покормила его, перепеленала, и он уснул у неё на руках безмятежным сном. Когда ребёнка унесли, Елена съела через силу принесённую ей еду, хотя она была невкусной и некалорийной, и легла спать. Температура спала, голова стала болеть меньше. Она мысленно поблагодарила Михаила Ивановича за оказанную помощь, порадовалась, что сможет завтра отдать ему написанные стихи. Она ждала его с нетерпением. Ночь прошла без осложнений. Елена дважды кормила Сашеньку, он почти не плакал. Пососав грудь, тут же заснул и спал до самого утра.

А утро пришло морозное. На улице лежал снег, нежно обняв крыши домов и построек, словно боясь опустить на землю ту красоту, которую он смог уложить пышной белой шапкой. Но люди в своей суете не замечали красоты, что дарила им матушка-природа, и спешили кто куда. Вот и вошёл в палату запыхавшийся Михаил Иванович, дыша ещё свежим уличным морозцем. Его щёки горели румянцем, глаза блестели, он явно был взволнован ожиданием ответа.

- Леночка, ну как, что-то вспомнила?.. Написала?..
- Написала, Михаил Иванович.
- Вот и прекрасно. Но вначале скажи, как здоровье?
- Да вроде бы лучше, температура падает, голова болит меньше. Вот горло, правда, ещё ощутимо болит.
- Ну, я тебе, Леночка, ещё медка, маслица, малинки принёс. Моя жена Тая налила тебе пузырёк лечебного народного средства. Выпей ложечку прямо сейчас.
- Спасибо, Михаил Иванович, вам и вашей жене Таисии... Как её там по бабушке?
- Ты её зови просто Тая. Она не любит, когда её назы-

вают по имени и отчеству. Вот так вот. Ну, выпила?

– Да.

– Таблеточки тоже давай примем. И выпей чайку. Я принёс из дома кипятильничек и кружку, в которой будешь воду кипятить. Это будет твоя посуда. Мы тебе её с Таечкой дарим.

– Спасибо вам и Таисии, я тронута вашим вниманием и добрым ко мне отношением.

– Да ладно... Это всё мелочи.. Не стоит благодарности. Вон смотри, вода уже кипит. Выключай кипятильник. Пусть кипяток немного остынет, а то мёд и малина потеряют свои лечебные свойства, если мы в него сразу их положим. Мёд и малина не теряют свои качества, если их растворять в воде градусов этак 65–70. Понятно, Елена Васильевна?

– Даже очень понятно. Спасибо за ценную информацию.

– Ну давай бросай, остыло уже. Ложку масла, ложку малины, ложку мёда. И я плесну тебе ложку коньячку, прихватил для тебя маленькую фляжечку. Её мне Таечка на пятидесятилетие подарила.

И Михаил Иванович аккуратно открутил металлическую пробку с двухсотграммовой фляжечки, сам налил в чашку ложку коньяка. Всё это тщательно помешал и подал Елене.

– На, пей. А потом считаешь свои стихи.

Михайлова с благодарностью взяла из рук Михаила Ивановича чашку с содержимым и осторожно начала пить.

– Да ты не бойся, Леночка, пей поактивней, а то напиток остынет, и от него будет мало проку.

Лена, смущаясь, дула на чай. Она смелее стала пить свой напиток. Когда выпила залпом всё до конца, разругмянилась, её лицо покрылось потом. И тогда Михаил Иванович незамедлительно сказал:

– Какая ты, Леночка, румяная стала, ну как аленький цветочек. И пот прошиб. Это очень хорошо, ещё разок-другой и болезнь отступит. А теперь давай показывай своё творчество.

Лена достала из-под подушки ученическую тетрадь,

которую подарил ей Михаил Иванович, открыла её и своим бархатистым голосом стала читать стихи все подряд. Врач слушал, как заворожённый, стараясь не пропустить ни одного слова. А когда Михайлова закончила читать, он с минутку помолчал, а затем взволнованно выпалил:

– Ты, Елена, гений. Гений. Я никогда подобных стихов на эту тему не читал и не слышал. Сколько в них тепла, сердечности, добра, веры и всего прекрасного – не перечесть. Они у тебя словно откуда-то с неба льются и так радостно ласкают душу, что хочется слушать и слушать. А ты мне их подаришь?

– Конечно же, Михаил Иванович. Я же для вас их написала.

– И за один вчерашний вечер?

– Да, они были написаны быстро. Мне их словно кто подсказывает. Стихи родились почти без правки.

– Это просто чудеса... Вот Таисия и мой сын Андрей будут рады. Я признаюсь тебе, Леночка, они любят ходить в Церковь, да и я люблю. Но боюсь, меня как-то за это чуть с работы не выгнали. Я перестал бывать в Храмах, а если где бываю в глубинке, то непременно посещаю. У меня, Леночка, в душе такой зов разливается, что порой прям таки удержу нет.

– Михаил Иванович, а хотите, я вас познакомлю со схииерхимандритом Тимофеем? Он живёт в Подмосковье, в Монастыре.

– Конечно, хочу! А как же ты меня с ним познакомишь?

– Во-первых, вы же дали мне бумагу и карандаш, следовательно, я напишу ему коротенькое письмо, сообщу о себе, чтобы он обо мне помолился, ведь он мой духовный отец. Во-вторых, я дам адрес моего мужа, он с ним тоже знаком и не раз бывал у него.

– Вот здорово. Леночка, конечно же, дай адрес мужа, я сегодня к нему сразу после работы слетаю. О тебе расскажу. И от него весточки принесу.

– Михаил Иванович, а может, вы поедете к моему мужу завтра? Я сегодня ночью подготовлю письмо, а вы завтра заодно ему и отвезёте.

– Коль так, то я не возражаю. Но адресок сейчас запиши, а то вдруг завтра не получится. И я побежал. Я у тебя засиделся. Как бы начальство не заподозрило чего. До свидания, Леночка.

– До свидания, Михаил Иванович, завтра вас буду ждать.

– Бог даст, прибегу... Жди.

И он, подморгнув, лихо собрал все свои бумаги, положил их в папку, а стихи аккуратно сунул во внутренний карман пиджака и пошёл осматривать других больных. А Лена с нетерпением ждала ночи, чтобы написать письмо мужу, где бы она смогла поделиться с ним своими мыслями.

И вот пришла ночь. Всё вокруг она окутала тишиной и покоем. Лена достала карандаш и тетрадь, подаренные ей Михаилом Ивановичем, и стала писать: "Здравствуй, мой дорогой Ванечка. Я безумно по тебе скучаю. И в этой боли, которая пала на мою долю, мои мысли всё равно о тебе и о детях. Я всех вас бесконечно люблю. Ты прости меня, что я вот своей поэзией, своей неосторожностью внесла в дом горе и беду. Но, Ванечка, видать, так Богу угодно. Наверное, в этом и заключается промысел Божий. Ты же знаешь, Господь шлёт каждому из нас ношу по нашей силе. Значит, мой любимый, мы должны выдержать эту боль.

Я здесь познакомилась с врачом Михаилом Ивановичем Дарюшиным. Он показался мне хорошим человеком. Любит ходить в Церковь, но, как и все мы, боится, как бы не узнали, да не выгнали его с работы. По возможности съезди с ним к батюшке Тимофею. И не забудь взять детей. Пообщайся с доктором тепло. Он из дома носит мне кое-какие продукты, лечит меня своими лекарствами. Одним словом, на мой взгляд, Михаил Иванович – добропорядочный человек. Ты в этом сам убедишься.

Напиши мне, мой Ванюша, как дети. Слушаются тебя? Тяжело тебе, мой дорогой, с ними. Но ты крепись. Не падай духом! Мне дали семь лет, это, конечно, много. Но адвокат подаёт на апелляцию в вышестоящий суд, возможно, срок убавят. Я здесь буду находиться, пока не пересмотрят дело, но не менее десяти дней. Подойди к

адвокату и попроси его, чтобы он ходатайствовал о свидании с тобой и детками. Я очень сильно скучаю и очень сложно представляю, как же столько времени я буду жить без вас. При одной только мысли сердце обливается кровью, и в душу идёт тоска. Одна утеша — это молитвы. Я мысленно много молюсь и уповаю на Бога, тогда мне становится легче. Да и сынулька Сашенька мне придаёт силы. Он, слава Богу, крепчает, набирается сил, спокойный. Во всём сыночку и мне по возможности помогает Михаил Иванович.

Ванечка, вероятно всего меня вместе с Сашенькой направят в женскую Харьковскую исправительно-трудовую колонию строгого режима. При этой колонии есть дом ребёнка, и Сашенька в нём будет находиться до двух лет. Так указано в Исправительно-трудовом кодексе. А там видно будет, что мы с ним будем делать. Возможно, ты заберёшь или кто-то из наших совместных родственников. До этого ещё надо дожить. Но ты, мой дорогой Ванечка, крепись, не отчаивайся. И не вздумай свою тоску топить в спиртном. Ты же у меня умненький и сам знаешь, к чему привела выпивка Снегирёва. А нам же с тобой детей ставить на ноги надо, они же у нас ещё такие маленькие, особенно Сашенька. Он, кстати, очень похож на тебя, ну просто Иван Петрович в миниатюре. У него твой носик, твой ротик, твои глазки, волосики такие же кучерявенькие. Я его очень люблю, также, как и тебя. Писать заканчиваю, дорогой. Поцелуй от меня Игорька и Ленусеньку. Не обижай их и без контроля не оставляй. Я вас всех очень и очень люблю. Целую тебя крепко-крепко. Твоя Лена".

Закончив писать письмо, Лена свернула его пополам, затем ещё раз пополам, положила его в тетрадь и спрятала под подушку. Затем легла спать. Но сон не шёл. На сердце было тревожно и тоскливо. Её обуревали мысли о детях. Она подумала: "Ни Ленусенька, ни Игорёчек Ване не родные же дети, как он к ним будет относиться? Ведь меня не будет с ними целых семь лет. Игорю уже будет под двадцать, да и Ленусенька станет почти невестой, когда закончатся годы моего заключения. Хватит ли у Ивана терпения ждать меня? Про мужчин говорят, что

они сильный пол, но, как правило, в этой ситуации женщины бывают более выносливыми. Господи, помоги мне всё это выдержать и не сойти с ума. Тяжко мне, Боже, очень тяжело. Сердце печёт, словно в него вонзили раскалённое железо. Облегчи, Господи, мой путь, не покинь меня, без Тебя я пропаду.

**Благодатью омой,
Господь Вечности,
Хочу быть я с Тобой,
В Твоей светлости.**

**Сними грех, Бог, с груди,
Чтоб дышать могла,
Зажги свет впереди,
Чтобы тьму прошла.**

**Благодать ниспошли,
Каюсь в грешности,
Свет во тьме расстели,
Господь Вечности".**

Елена быстро встала, не ожидая пока поэтическая строфа покинет её, достала тетрадь и быстро записала только что родившееся в голове стихотворение. На смену этому стихотворению пришли другие мысли. От сильной давящей боли и безысходности она почувствовала в душе не то, что холод, но страх того, что она не выдержит этого пути. Ей стало страшно ещё и от набежавшей остуды к Богу, пробившейся в душу. Елена встала на колени, глядя на восток, начала читать молитву в поэтической форме:

**«На коленях к Тебе припадаю
И тебя я, Всевышний, прошу,
Глубиною души умоляю
Снять ту боль, что в сердечке ношу.**

**Она давит тяжёлой плитой,
Наполняя остудой грудь,
И встаёт всё глухую стеною,
Не даёт к Тебе путь распахнуть.**

**Ты вручи мне терпенья большого,
Изнутри чтобы боль излечить,
И пути ниспошли мне святого,
Чтоб смогла им себя подкрепить.**

Господи, Ты прости меня, если вдруг я уйду в сторону, рухнет от боли моя уверенность в себе, и я остываю своей душой к Тебе. Господи, какая я слабая, помоги мне. Не оставь меня, Боже. Но несправедливо же, Господи, за Веру в Тебя мне дали семь лет. А Ты меня не защитил, не освободил меня от тюрьмы, я оказалась в неволе, ещё и с младенцем на руках. Как же я буду жить, Господи? Я ропщу, Владыко, но у меня нет сил. Я не могу смириться с тем, что меня лишили воли на долгие годы. А этот Дан, по чьему доносу и чужим стихам меня осудили, на свободе и здравствует. Я же безвинно здесь мучаюсь. Боже, ну почему Ты так поступил? Почему не взял меня под свою опеку и не отбросил злодеяние, совершённое против меня? Неужели я настолько грешна, Господи? Зачем же, Всевышний, за мои грехи будут мучиться Иван, Игорёк, Ленусенька и Сашенька? Но я-то уже ладно, а они? Дети же только начинают жить. И уже такой тяжёлый путь для них пролёг. Прости меня, Господи, но я не в силах разобраться. В меня вселяется неуверенность, которая, независимо от моей воли и понятий, вползает в душу, лишает меня терпения и кричит безысходностью, уничтожая веру. Неужели же, Боже, на мне лежит такой тяжёлый грех, и чтобы его снять, мне нужно пройти такой нелёгкий путь?»

Не в силах больше владеть собой, Елена горько зарыдала. Слезы мук бежали по её бледным воспалённым щекам и разливались по подбородку, шее, падали на грудь, лаская её смирением и, вероятно, вносили росток терпения... Елена незаметно забылась и уснула. И снится ей такой сон. Видит она голубое небо и в нём Ангела. Он словно спустился к ней и говорит: "Вот ты, Елена, снова плачешь и убиваешься своим горем. Ропщешь, ещё немного и готова свернуть с верного пути. Тебе уже как-то во сне было сказано, что путь к Господу – это сложный путь. Но его осилит идущий! И по этому пути идут избранные Господом, для них стезя лежит более тернис-

тая. Но Владыко даёт таким дорогу по их силе. Тебе выпал путь просвещения. И ты будешь заниматься этим не только на воле, но и в местах лишения свободы. Там тоже живут люди, и они больше нуждаются в слове Божьем. Они как никто должны знать Заповеди Божьи. Ибо для всех, в том числе и для тебя, только Заповеди Божьи будут действительны и спасительны, если в сердце нашем станет царствовать святая любовь Христова к Богу и ближнему. О том так сказал Сам Господь: "На сих двух Заповедях – любовь к Богу и ближнему – утверждается весь закон и пророки". Это есть подлинная и истинная жизнь. Лена, помни, знать истину Веры одним только умом и памятью, но не пронести её через душу, испытания, без деятельности, не превращая её в правило жизни для себя и других, есть бесплодное познание. Тебе надо не равнодушно, а вместо отрады вести эту работу и сердцем вершить путь, нести Божье Слово людям, особенно обездоленным и заблудшим. А самые обездоленные и заблудшие – это заключённые. И им особенно нужно, чтобы сердцем, самоотверженностью и благими намерениями, живым ощущением души через свои боли достучались до их самосознания. Только живые ощущения, осязаемые через боли личностного характера, дают истинный путь познания Веры, ощущения небесного зова, Божественного порыва, роднят человека с Небом и вручают ему силы вкусить явления грядущего века. И только если этот человек пройдёт определённые лишения, скорбь, боль, то это способствует рождению чистой любви, которая ниспосылается более тесным и действительным союзом с Богом и несёт живую Веру людям, проникая в их сердца своей откровенностью, подлинной истинной жизнью. Именно такими побуждениями мы сможем призвать народ к очищению и познанию Слова Божьего. Особенно в этот такой непростой век, когда царит сплошное мракобесие, запреты не только жить интересами Церкви, но даже посещать её. А ведь в Церкви пребывают наш Отче, Иисус Христос и Дух Святой. В Таинствах Церкви они посылают нам свои благодатные дары, чтобы укрепить нас на пути спасения. Поняла, Елена? И не позволяй больше, чтобы в тебя просачивался дух роптания.

Неси свой крест жизни с терпением, ниспосланным Господним промыслом, наполняй его познаниями и вручай их народу..."

И вдруг Елена проснулась. Она долго размышляла над этим своим сном. Затем по памяти записала его в тетрадь. Михайлова не знала, что делать и как поступить, но твёрдо решила, что надо учиться быть терпеливой, меньше роптать и не сворачивать с пути Веры в Господа и Его восславия. А ещё Елена была убеждена, что те заветы, которые во сне ей дал Ангел, она должна выполнять, нести по жизни, ведь она сильная и сможет справиться с этим.

Лена так и не смогла больше уснуть до утра. Утро пробивалось незаметно. Серый свет вкрадчиво заглядывал в окно палаты, постепенно освещая всю комнату. А она была сырая и грязная, на кроватях лежало застиранное бельё, на окнах резали глаз чёрные решётки, напоминающие о местонахождении заключённой.

И вот уже утро в полной мере вступило в свои права. За дверью раздавались шаги, слышались голоса людей, и в палату вошёл Михаил Иванович.

– Леночка, как настроение? Личико у тебя уставшее. Плохо спала? Сынок не давал спать?

– Да нет... Сашенька спал ночью хорошо. У меня как-то крепкого сна не получилось.

Лене не хотелось говорить о том, что ей приснился необычный сон, который её очень взволновал и лишил сна.

– Давай-ка, Елена Васильевна, измерим температуру. А что же ты не спрашиваешь меня про твои стихи? Я же их жене и сыну почитал. Они были просто в восторге и тоже хотят познакомиться с батюшкой Тимофеем. Можно они поедут со мной?

– Я не возражаю, Михаил Иванович. Ваня тоже хочет взять в Монастырь Игорька и Ленусеньку, они тоже хотят там побывать, давно уже не были. Как вы все в машине поместитесь? Не тесно будет?

– Нет. Ленусенька же маленькая, я её возьму на колени, или Тая. Она у меня детей очень любит и умеет их к себе расположить.

– Если они вас не стеснят, то я буду рада, что мои дети познакомятся с такими прекрасными людьми.

– Ну, прекрасные – это, Елена Васильевна, не про нас сказано. Но мы будем стараться вас не подвести. А вы письмо написали?

– Написала, Михаил Иванович. Вот оно. Возьмите.

Врач быстро взял письмо, вложил его в принесённый им конверт, запечатал и быстренько спрятал в боковой карман пиджака.

– Леночка, а температурка нормальная. Я вот тебе тут кое-что принёс. Это Таисия тебе передала, хочет, чтобы ты скорее поправилась. Ей очень понравились твои стихи, всё просила ещё что-нибудь почитать. Ты этой ночью ничего не написала?

– Написала два стихотворения.

– Можно их почитать. Леночка, прочитай ты, а? Мне очень нравится слушать, когда ты читаешь.

– Да уж Сашеньку скоро принесут.

– А ты не рядись, доставай и начинай.

Михайловой не хотелось дальше пререкаться, и она с грустью и чувством поэтического вдохновения прочитала стихи один за другим.

– Леночка, это тебе так тяжело, да? В стихах столько боли и скорби, что душу всю пронизывает. А можно я их заберу. Дома я их перепишу и буду хранить для тебя. А когда срок закончится, я тебе их отдам.

– Ой, Михаил Иванович, срок-то уж очень большой. За это время много воды утечёт. Но я не возражаю. Берите, может, и правда дождутся и найдут меня эти стихи.

– Непременно найдут, я их буду хранить как зеницу ока, а то ещё лучше. Ну ты, Леночка, давай всё же чаёк с медком выпей. Будет тогда что поесть и Сашеньке. Молоко-то есть у тебя?

– Еды Сашеньке, похоже, хватает. Заметно он крепчает. Уже, кажется, мне улыбается. Меня узнаёт...

– Уж прямо-таки и узнаёт. Мал он ещё, Леночка. Ну что крепчает, как ты сказала, то это очень хорошо. Я его сегодня при обходе осмотрю, а сейчас я уже должен идти. После работы поеду к вашему супругу и всё ему расскажу, а утром принесу вам новости из дома.

- Спасибо, Михаил Иванович. Я буду очень ждать. Если можно, то пусть письмо напишут Игорёк, Ленусенька, да и Ваня. Вы их попросите об этом.

- Непременно скажу. Ну, всё, Леночка, я побежал.

Уж немало прошло времени, как ушёл Михаил Иванович, а Сашеньку всё не несли. Елена уже начала волноваться и вот, наконец, его принесли. Мать тщательно осмотрела его тельце и ничего подозрительного не нашла. Не было у него ни потницы, ни покраснений. Елена его аккуратно с любовью запеленала, поднесла сына к груди. Сашенька живо теребил грудь, а, наевшись вдоль, стал смотреть на мать, словно что-то ей хотел сказать. Его голубые глазки выражали умиротворение и радость. Елена с любовью смотрела на кроху, любуясь им, ощущая счастье материнства. Она качала его, пока он не заснул. Вскоре пришла нянечка, забрала малыша и унесла к другим деткам.

Елена чувствовала, что выздоравливает. Ей захотелось отвлечься от всего и уснуть. Но долго ей спать не пришлось, потому что к ней пришёл адвокат, который написал апелляционную жалобу о пересмотре дела.

- Елена Васильевна, я принёс жалобу, будем обжаловать приговор суда.

- А может быть, не станем, Пётр Фёдорович?

- Да что вы? Непременно подадим! Ведь явно суд по существу не разобрался и вынес завышенную меру наказания. Я написал, чтобы по вот этим стихам, как они там называются - "Советская власть"?

- Так, Пётр Фёдорович.

- Они же, Елена Васильевна, сфальсифицированы, не надо быть экспертом и литературоведом, чтобы понять, что они вам не принадлежат. Это же подлог, и дело против вас сфабриковано. Нет, мы это так не оставим. Подаём жалобу, Елена Васильевна?

- Ну, коль вы так считаете, то я, конечно, согласна.

- Где-то через недельку-другую дело будет рассмотрено в областном суде. Вам об этом сообщат. Но вы не робейте, говорите уверенно. Нет там никакой антисоветской агитации и тем более подрыва советской власти. Стихи про Бога, ваши взгляды на эту проблему и больше

ничего, но за это нельзя же лишать свободы, да ещё и на такой непомерный срок. На семь лет! Это же ужасно. Но я их разгромлю в суде.

Но Пётр Фёдорович напрасно надеялся на лучшее и обнадёживал Елену Васильевну. Областной суд рассмотрел дело, но приговор оставил в силе: Елена осуждена на семь лет и направлена в Харьковскую женскую исправительно-трудовую колонию вместе с Сашенькой.

Перед отъездом в Харьков ей разрешили свидание с мужем и детьми. Елена очень ждала этого свидания. И вот настал день, когда Лена встретила с мужем, Игорёком и Ленусенькой.

– Мамочка, это за что же они тебя в тюрьму посадили? Это незаконно, так сказал адвокат. Когда я вырасту, то я им покажу, – обнимая, сквозь слёзы, уткнувшись в плечо матери, говорила дочь.

– Да что ты, Ленусенька?.. Не надо на них зла держать. Лучше расскажи, как вы живёте.

Но в этот момент её обнял и поцеловал Игорёк.

– Крепись, мамуля, мы с тобой.

– Я смотрю, что до меня очередь никак не дойдёт, чтобы я смог обнять и поцеловать свою дорогую жёнушку, – Ваня подошёл к Елене, крепко обнял и поцеловал её, еле сдерживая слёзы, – ну давай, мать, показывай нам нашего богатыря. Ой, какой красивый, да маленький больно.

– Папа, он очень похож на тебя.

– Правильно, Ленусенька! Очень похож.

– Папа, папа, смотри, а он уже улыбается.

– Игорёк, да ему ж уже скоро два месяца.

– Мамуля, дай я подержу братика.

– А я тоже хочу понянчить, ма.

– Все понянчите. Но вначале, как положено, я первый подержу своего сыночка Сашеньку. Уж, какой бутуз славенький! Агу, Сашенька, глянь – это твой братик Игорёк, а это сестрица Ленусенька. Они очень хотят с тобой поиграть. Ну-ка, помашим им ручкой. Ой, какая славная ручка и пальчики такие маленькие. Погладь папку, братика и сестричку. Мы так скучали по тебе. Ты мне, мой сыночек, не раз снился. Я именно таким тебя и

представлял, мой прелестный Сашенька.

– Папа, ну уж хватит тебе, дай я хоть немного поношу.

И Ленусенька наконец очень осторожно взяла из рук отца Сашеньку и походила с ним по комнате, а за ней вереницей следовали мама, папа и Игорёк, и все с большой любовью заглядывали на Сашеньку. А он, словно понимая важность этой встречи, им улыбался своей невинной детской улыбкой, умилённо агукая.

– Мама, хватит уже Ленусеньке носить Сашеньку. Я тоже хочу его подержать, ведь он мой младший брат, и я хочу его повоспитывать.

Елена с Иваном рассмеялись от речи Игоря, а Ленусенька недовольно сказала:

– Ну ладно, я тебе дам его, только ты не смей его воспитывать. Он ещё очень маленький. Будешь воспитывать, когда Сашенька подрастёт. Хватит, что ты меня каждый день воспитываешь.

Елена поцеловала Ленусеньку, аккуратно взяла из её рук Сашеньку и передала Игорьку, приговаривая:

– Не ссорьтесь, дети, мы вместе будем целых три часа, так что все успеете понянчить Сашеньку.

И, обращаясь к Ивану, спросила:

– Ну как, дети слушаются тебя? Помогают по хозяйству?

– Очень даже слушаются. У нас дети золотые. По дому они всё успевают делать. Много занимаются. В школе о них отзываются великолепно. Фотографии одного и другого висят на доске почёта. Ими учителя не нахвалятся. Вот без тебя, дорогая моя Леночка, грустно. Нет той радости, которая наполняет дом и делает его счастливым.

– Потерпи, Ванюша.. Всё наладится. Ещё будет солнце в нашем доме.. На работе как к тебе относятся?

– Если честно, Леночка, то иногда покусьвают, называя мужем диссидентки, политического деятеля. Но это они, в основном, шутя. А так на самом деле кажется, они мне сочувствуют, как-то стараются меня защитить, на грузку дают поменьше. Одним словом, жить можно.. Не переживай. Главное, чтобы вы с Сашенькой лиха не терпели. Меня страх берёт, как же вы до Харькова доберётесь? Зима ведь. Холодно на улице, морозы вон за двад-

цать. Я тебе, Леночка, целый чемодан пелёнок, распашонок, кофточек, штанишек, пинеток, шапочек и других вещей вот принёс.

- Спасибо, Ванюша... Но разрешат ли взять?

- Может врач Михаил Иванович поможет? Он, по моему, хороший человек.. О тебе Михаил Иванович тепло, сердобольно, с уважением говорит. Мы же все ездили к бабушке Тимофею. Бабушка нас по-родственному встретил. Очень сокрушался, что тебе дали такой срок. Но просил, чтобы ты не переживала. У тебя будет всё хорошо. Облегчения определённые будут. Сказал, чтобы ты не впадала в панику, не роптала, а добросовестно трудилась, ведя путь к Богу. Он тебе, кстати, вот письмо передал. А то чуть не забыл. Бабушка Тимофеей очень понравилась и Михаилу Ивановичу. Он исповедовал нас всех, и мы причастились. Целую службу там были. Тебе же, наверное, Михаил Иванович рассказывал.

- Да, сообщил. Михаил Иванович говорит, что после посещения Монастыря он и его семья как на крыльях летает. Не могут никак нарадоваться. Будет тебя просить, чтобы ещё всем вместе в Монастырь съездить. Ты не против?

- Нет, конечно. Вот поставлю новые шины, а то они у меня голые, скользят, очень сложно ехать. Я познакомился с его сыном и женой Таисией. Они нам всем понравились. А Таисия, его жена, немного старше тебя, где-то наверное лет на пять. Бойкая она, притащила целую сумку подарков детям. Звала в гости. Съездить?

- А почему бы и нет. Дружба с хорошими людьми душу греет, даёт силы и помогает жить. Ваня, а ты посмотри на наших детей.. Сидят, как голубята. Игорёк держит Сашеньку, и Ленусенька тоже рядышком примостилась, держит Сашенькины ножки. А он, кажется, уснул.

- Лена, не подходи к ним. Пусть так посидят, а то долго не будут видеть Сашеньку.

- Если будет всё хорошо, то в иконе или в июле может разрешат длительное свидание с ночёвкой.

- Лена, а тебе можно будет посылать посылки и передавать передачи?

- Нет, Ванечка... В Исправительно-трудовом кодексе

сказано, что лишь после отбытия половины срока наказания разрешается в течении года получать одну посылку или одну передачку.

– И всё? Так что это тебе в течение трёх с половиной лет нельзя посылать ни одной посылки и ни одной передачи?

– Да, Ванюша, именно так.

– Леночка, да это же беспредел. Какая всё-таки жестокость. А что же тогда можно?

– Можно получать не более двух бандеролей в год и отправлять не более двух писем.

– Что, даже в письмах ограничения? Вот это несуразица! Это хуже фашизма. Что за такие варварские законы?

– Ванюша, потише, а то ещё заберут и тебя. Кто тогда будет мне служить опорой, и кто будет кормить детей?..

– О, Лена, Лена, у меня от возмущения нет слов.

– Не возмущайся, успокойся... Лбом стену не прошибёшь. Тем более таким красивеньким, как твой.

– Леночка, ты всё шутишь? А я в бешенстве. Откуда ты так знаешь этот Исправительно-трудовой кодекс?

– Я его на днях прочитала. Здесь это разрешается. И мне понравилось читать юридическую литературу.

– Ты ещё юристом станешь, Леночка?

– А тебе это не нравится? Ты не хочешь, чтобы я это читала?

– Да нет... Что знаешь, за плечами не носить. Этими законами себя не изведи.

– Здесь же, Ваня, нечего читать, а законов можно познать множество, их вон здесь горы. И выдают без ограничения.

– Хорошо, Леночка, я не возражаю, смотри сама. Ты же у меня, жёнушка, умненькая. Мы же тебе вкусненького принесли. Ты давай, скорее поешь, а то скоро нас уже отсюда попросят.

И Иван быстро подошёл к хозяйственной сумке, достал из неё пакеты и разложил перед Еленой всевозможные продукты: нарезки, бутерброды, конфеты, шоколад. Рядом он положил большой кусок сыра, две палки колбасы, по банке чёрной и красной икры.

- Ешь, Леночка.
- Да я одна не буду, давайте все вместе.
- Тогда я Сашеньку возьму на руки, а дети пусть сюда подходят.

И он подошёл к Игорьку и Ленусеньке, а Сашенька продолжал спать. Иван осторожно с трепетом взял сына, а дети встали и подошли к столу. Лена дала им бутерброды, и они стали есть их с тревожным чувством. Затем она подошла к Ивану с бутербродами в руках, шёпотом сказав:

- Ванюша, открывай ротик, я тебя бутербродиком покормлю. Вкусно. Я такие не ела целых семь месяцев. А то и больше. Одним словом, с июня, а сейчас уже февраль на дворе.

- Так ешь сама, Леночка.

- Ванюша, ты принёс много, на всех хватит. Да и если вы не будете есть, у меня без вас нет желания кушать. Аппетит, Ванюшенька, сразу пропадает. Кусай, любимый.

И она его с большой нежностью и любовью поцеловала мужа в макушку, потом в щёки, глаза, губы. Крепко обняла за шею и сказала:

- Ванечка, я тебя очень и очень люблю и сердцем, и душой, и каждой клеточкой своего тела. Ты у меня самый лучший, самый желанный. Я очень много думаю о тебе. И много в голове написала стихов, которые посвящаю тебе. Послушай:

***Как сердцу сладко с тобой, милый,
В твоей роскошности звенеть,
Вмиг час срезается постылый,
И в песню хочется лететь,***

***Которая всю тонкость сердца
Тебе, любимый, отдаёт,
И в нежность открывает дверцу,
И лирой вечности поёт.***

***Где благодать твоя гуляет,
Порывом зорьки расписной,
Меня величьем обнимает,
Стелясь желаньем надо мной.***

**Хочу в котором раствориться,
Познав парение крыла,
И на века с тобой сродниться,
Начало где любовь взяла.**

**И никогда не расставаться,
И быть всегда во всём твоей,
Мне помоги, Господь, воззваться,
И быть тебе из всех милей.**

**Ведь так отрадно с тобой, милый,
Роскошной ласкою звенеть,
Вмиг час срезается постылый,
И сердцу хочется лететь.**

– Леночка, моя дорогая, любимая, ты мне всех милей. Я тебя очень сильно люблю и буду ждать тебя. При одной мысли, что меня любит такая женщина, как ты, мне становится легко и радостно. И я знаю, что у меня хватит сил. Ты мне, моя зорянушка, своей любовью даёшь силы, чтобы я не свернул на изменную тропу. Я тоже всегда душой и сердцем с тобой, хотя и на расстоянии. Твоя мудрость, доброта, любовь меня окрыляют и дают духовную нежность, веру, снимает боль с пути испытаний, который обрушился на нас. Крепись, моя лазорюшка. Разлука не разорвёт наши семейные узы. Такой прекрасной женщины нет в целом мире. Ты единственная, ненаглядная и желанная. Я твой навеки. Леночка, чтобы мне легче было, ты подари мне это стихотворение. Я сейчас дам тебе бумагу и ручку, а ты его запиши. Я непременно выучу его наизусть и когда на душе будет больно и будет не хватать тебя, я буду слышать твой голос в этом стихотворении, ощущать твою верность, любовь, веру, разделённость чувств и полётность сердца.

И он с порывом восторженной любви обнял Лену одной рукой, другой крепко держа сына, нежно и чувственно поцеловал жену. Он передал ей свой внутренний зов сердца и души, рвущийся из груди сладострастной любовью, ощущениями разделённого чувства.

– Ванюша, милый, Сашеньку раздавишь...

Но Сашенька безмятежно спал у папы на руках, трепетно посапывая. Ленусенька и Игорёк, тоже увидев ра-

достное настроение родителей, были счастливы и не мешали им. Но эту душевную идиллию вдруг нарушил стук в дверь. Вошла охранница.

– Время свидания окончено. Пора присутствующим покинуть комнату свиданий. Давайте я посмотрю, что вы, заключённая, хотите взять с собой.

Иван достал сумку, вынул из неё все детские принадлежности и разложил на столе, охранница разрешила их Елене забрать с собой. Но продукты взять не разрешила. Тогда Ленусенька кинулась в слезах к охраннице и запричитала:

– Тётенька, миленькая, разрешите, мама ведь такая слабенькая, а ей грудью надо кормить Сашеньку. Он кроме грудного молока ничего больше не ест. Разрешите, мы же маму долго не увидим, кто её там пожалеет. Её же с Сашенькой увезут в Харьков, в тюрьму. И нам с ней встреч не позволят. Тётенька, разреши маме взять продукты. Мы и вам гостинец принесли.

И она достала из своей сумки коробку конфет и колбасу, которую они купили для дома.

– Возьмите, пожалуйста, мы вас очень просим. Правда, папа, Игорёк? Смилуйтесь, хорошая тётенька.

– Ну ты, девочка, просто чудо какое-то. Нельзя же мне этого делать, а то меня с работы выгонят.

– Не выгонят, не выгонят. Я очень крепко перед иконой Божьей Матери помолюсь, и она заступится. Вы же доброе дело сделаете, а не плохое.

– Что же с тобой делать, просительница? Пусть будет по-твоему, может быть и не выгонят. Собирайте всё в сумку, отдавайте матери и расставайтесь.

– Спасибо, тётенька, вам большое. Я помолюсь, чтобы Господь за вашу доброту дал вам благодать и здоровье. И ваш дом осыпал везением.

– Спасибо тебе, щебетушка.. Я выйду, а через пять минут приду. А вы прощайтесь.

Охранница вышла. Игорёк быстро всё сложил в сумку, поставил её возле матери и обнял её. Слезы брызнули из глаз крупными каплями. И он, смущаясь, сказал:

– Mamочка, держись, я с тобой.. Я тебя не предаю и не подведу. Буду очень стараться во всём: и в школе, и дома,

и папу буду слушать, помогать ему, потому что, мама, я очень тебя люблю. Помни об этом.

– И я, мамочка, очень и очень тебя люблю. Я тоже стану во всём слушаться папу и не задираться с Игорьком. Я буду всё делать по дому и хорошо учиться. Мамочка, но я не хочу с тобой разлучаться. Нам так плохо без тебя. Я каждый день целую твой портрет, который папа поставил на стол. Ну что это за такие несчастья всё рушатся на наш дом? Ты же ни в чём, мамочка, не виновата. Ты у нас хорошая и самая добрая, а тебя в тюрьму сажают за то, что ты Богу молишься. Ну я всё равно буду молиться, чтобы Господь тебя не оставил и помогал тебе, моя ненаглядная.

– Не плачь, Ленусенька... Время быстротечно. Пробегут эти годы лишения, и мы опять будем вместе. Крепись, моя доченька... Держись, а то вот видишь, и я плачу. Мне тоже очень больно с вами расставаться. Я очень всех вас люблю, дорогие мои. Но у Бога всего много. После скорби радость придёт, только надо потерпеть. Не плачь, моё солнышко. Возможно, мы летом в Харькове встретимся. Я уже папе об этом говорила. Так что будем надеяться на лучшее.

Её речь прервала вошедшая охранница, она пришла не через пять минут, как обещала, а через пятнадцать. Всё это время она стояла за дверью и слышала весь разговор матери с детьми. Ей было жаль Елену. Она тоже была наслышана о несправедливости вынесенного ей приговора. Потому и отнеслась к ней с сочувствием. Но работа есть работа, и её надо выполнять в соответствии с требованиями, которые к ней предъявляются. Поэтому она вновь строго повторила:

– Свидание закончено.

Елена ещё раз спешно всех поцеловала, взяла Сашеньку, на руку повесила сумку и пошла в палату, а Ленусенька, Игорёк и Иван поехали грустные домой. Все они думали о ней. Прошедшее свидание осмысливалось ими, и воспоминания о нём отдавалось болью в сердце каждого.

У Елены на душе тоже было неоднозначно: ей было грустно от разлуки с родными, но радостно от того, что у неё такие хорошие дети, прекрасный любящий муж, го-

товый идти на лишения, чтобы облегчить её ношу, преодолевая трудности, ощущая добрым своим сердцем ответственность, сострадание и любовь к этой женщине. А ещё Елена задумалась над тем, как же она в таких холодных и неблагоприятных условиях доведёт свою крошку в Харьковскую колонию. Как там разместится? Как встретят её заключённые? Эти мысли не давали ей покоя и до боли волновали сердце. Ей ещё здесь оставалось быть дня два-три. Елене всё-таки повезло. О ней негласно заботились люди, с которыми она была непосредственно связана. И в первую очередь Михаил Иванович. В сопроводительном заключении он написал, что Михайлова Елена Васильевна и её сын Михайлов Александр Иванович в силу слабости и болезни нуждаются в тепле и дополнительной одежде, в противном случае есть угроза заболевания воспалением лёгких, то есть возможны тяжкие последствия, вплоть до летального исхода. Администрация хлопотала об улучшенных условиях содержания Михайловой и её сына.

Михаил Иванович уже сегодня сам принёс тёплые вещи для Елены и для Сашеньки, имея на то разрешение начальства.

– Леночка, вот я принёс тебе тёплый свитер, чтобы не застудила грудь, тёплые колготки, так их называет Таисия, и тёплое одеяльце для Сашеньки.

– Михаил Иванович, спасибо большое, вы и так много сделали для меня.

– Ничего-ничего, бери. Пригодится всё, а не понадобится, то просто выбросишь.

– Что вы, Михаил Иванович, такое добро нельзя выбрасывать. Если не разрешат носить, то я это всё как память сохраню. И после освобождения заберу.

– Ой, Леночка, Леночка, через столько времени едва ли эти вещи сохранятся. Ну да ладно. На новые заработаем, так ведь, Елена Васильевна?

– Не знаю, Михаил Иванович, как сложится.

– Ну, как ты, Леночка, говоришь, у Бога всего много. Поэтому не будем о грустном. Я вчера написал письмо своему другу Дмитрию Васильевичу. Он в той колонии, куда тебя направляют, врачом работает. Мы с ним в од-

ной группе в медицинском училище. Дружили, в одной комнате жили, хлеб-соль делили. Он, правда, моложе меня на пять лет. Мы с ним и сейчас крепко дружим. Они с женой в прошлом году гостили у нас около месяца. Приглашал и нас к себе. У него хорошая дача. Возможно, поеду к нему вместе с Таисией. Тогда там мы с тобой и встретимся.

- Вот, Михаил Иванович, было бы хорошо.

- Да, Леночка, было бы неплохо. Я тебе весточки через Дмитрия Васильевича буду передавать. Ты не возражаешь?

- Нет, конечно. Я буду очень рада, Михаил Иванович, получать от вас новости. Они станут мне душу согревать и снимать с сердца скорбь.

- Откуда, Леночка, ты знаешь, что мои вести будут тебе душу согревать? А если я в письмах тебя ругать стану, а?

- Нет, Михаил Иванович, как я поняла, - улыбаясь, ответила Елена, - ругаться вы не умеете.

- А как научусь?

- Если научитесь, то мне всё равно будет отрадно получать от вас весточки. Я грешница, и нуждаюсь в том, чтобы меня иногда и поругали.

- Леночка, да какая же ты грешница? Ты похожа на сущего Ангела. Мне очень жаль, что тебя ни за что упекают в заключение, да ещё на такой длительный срок.

- Ничего, Михаил Иванович, Бог даст - выдержу...

ГЛАВА II

И вот наступила предпоследняя неделя февраля месяца. Елена с Сашенькой ехали поездом в Харьковскую женскую исправительно-трудовую колонию. Поезд "Москва-Харьков" следовал по своему привычному маршруту, без каких-либо изменений. Единственное заключалось в том, что к последнему пассажирскому вагону был прикреплён вагон, в котором ехала заключённая Михайлова с сыном. Кроме неё в вагоне были ещё и другие заключённые, сопровождаемые конвоем. В вагоне было не очень холодно, но и не тепло. Вода не замерзала, однако

сидеть без движения было зябко. Елена, обняв хорошо закутанного в одеяльце Сашеньку, ходила по вагону. Конвоиры ей этого не запрещали. Согревшись, она села. Напротив неё сидели ещё две женщины. Одна из них, обращаясь к Елене, сказала:

– Ну что, зэчки, знакомиться будем? Меня зовут Виктория Константиновна Устрицкая. Схлопотала я срок десять лет. Я любила роскошную жизнь до того, как уколошила своего любовника, совершенно нечаянно, толкнув его с кровати в пьяном угаре. А он свалился и ударился виском о валявшуюся острую железку и замолк, не стал ко мне приставать. Я думала, что он уснул и не прикасалась к нему до утра. Однако, оказалось, что он потерял сознание и истекал кровью. Утром, когда рассветло, я увидела на полу лужу крови. Я вызвала "Скорую". Она быстро примчалась. Возлюбленного повезли в больницу, но он от потери крови, всё же, подлец, умер. А мне вот за это впяяли десять лет. Если бы кто другой так умер, простой работяга, то меня бы не приговорили на такой срок, во всяком случае, дали бы условно. Поскольку я не думала его убивать, только толкнула, чтобы не приставал, а он – на тебе, сдох. Этот Степан Григорьевич работал секретарём горкома компартии, одним словом шишка, поэтому вот и впяяли ни за что десять лет. Но вообще-то он был мужик ничего, не жадный, меня в "Шампанском" купал, разные наряды дарил, не только мне, но и Лизке, моей дочке, которой сегодня, кстати, исполняется пятнадцать лет. А разного рода колбас, сыров и всякой всячины было просто-таки завались. Где он это всё брал мне, конечно, не докладывал. Но тут и козе понятно, где брал – воровал. А по отчётам списывал на различные встречи, конференции, другие придуманные мероприятия. Хитрый был, глазки маленькие, как у свины, да и жирный, как кабан. Одним словом, до сердца он по своим мужским качествам не прикипел. Вот и столкнула его скотину, а теперь мотать срок, целых десять лет. Это же с ума можно сойти, из-за этой твари столько сидеть.

– Ну ты, прикуси язык, Устрицкая. А то за такие высупления ещё добавят, – сказал вдруг вмешавшийся кон-

воир.

– Чего это добавляют? Я же тебя не сталкиваю, ты же ко мне не пристаёшь? Аль пристаёшь? Давай погреемся, может я и тебе вмажу, а?

– Дура ты, Устрицкая...

– Сам ты дурак. Вот напишу твоему начальству, что ты оскорбил моё достоинство, и упекут тебя в тюрьму. Так что сиди и помалкивай, Виктория говорить будет. На чём же я остановилась? Ааа, о кабане, которого я свалила, падлюку. И вот такие нами да нашим государством правят. Их, сволочей, надо гильотине предавать, как во Франции, были же такие времена, а не до управления допускать. А то разворуют втихаря всё государство, да молодёжь развратят тайком в своих борделях.

– Это ты что ли молодёжь?

– А что ты ослеп? Я – молодёжь. Мне ещё и тридцати нет.

– Тогда как же уже ты имеешь пятнадцатилетнюю дочь?

– Да вот так! Другая скотина присмотрел меня, когда я выступала в Кремле в четырнадцатилетнем возрасте. После выступления приказано было меня к нему доставить. Я упиралась, как могла. Родителям сказали, что меня направляют с другими давать концерты по городам, а на самом деле привели к этому старикану. Это уже он концерты творил передо мной, да такие, что я от страха сначала плакала, а когда он напоил меня коньяком, то хохотать стала, и такие кренделя с ним вытворять, после чего сразу и запузателя. Понятно теперь тебе, пёс конвойный?

– Заключённая Устрицкая, я приказываю вам замолчать!

– Видал, на вы перешёл.. Сдрейфил что ли? Я-то тебя не боюсь, ничего ты со мной не сделаешь. Карцера здесь нет. Может, из вагона выпустишь?.. Так я с радостью пойду, вон прямо на ходу выпрыгну.

– Заключённая, повторяю: прекратите говорить!

– А то что, кляп в рот вставишь? Так тебе этого делать нельзя. Так что сам, служивый, помолчи. Если хочешь, чтобы я помолчала, то дай чего-нибудь вкусенького.

Тогда, пока буду есть, помолчу. А так нет. На меня говорунов нашёл, видал, сколько слушателей, я их поразвлекаю, да и время скорее пройдёт. И боль в душе, быть может, замну, а то силы нет, как сердце щемит, как будто на нём открытая рана. И из-за этого старого жеребца, который начало положил, сломалась вся моя жизнь. Правда, он обо мне заботился, подарков дарил видимо-невидимо. Когда узнал, что я беременная, сказал, чтобы аборт сделала. Я всё маме рассказала, а она в крик. Всё грозилась к этому первому секретарю горкома партии идти. Да её с треском оттуда выгнали. Врачи меня обследовали и сказали, что аборт делать нежелательно. Вот так и появилась на свет Лизонька, вопреки желанию Борова. Но надо отдать должное, что он всё же нашей семье помогал. Маме выделили трёхкомнатную квартиру. Её на работе повысили. За мной был установлен негласный надзор. Учителя прознали о том, почему у меня живот растёт. Умирали от любопытства – кто же отец моего ожидаемого ребёнка? Не знаю, прознали они или нет, но, кажется, догадывались, поскольку ко мне относились уважительно и со вниманием. Мне кажется, что всё-таки они правду узнали и из-за страха так ко мне относились, но я, как партизан, кроме мамы никому об этом не рассказывала. Да как говорится, шило в мешке не утаишь. Ну да ладно... Мне было организовано, когда я была на второй половине беременности, обучение на дому. Учителя приходили к нам домой и экзаменовали меня по всем предметам. А на следующий год я, как и все, училась в школе. Меня в школе в глаза почти никак не обзывали. Один, правда, старшеклассник называл меня "гулящей сучкой". Так я его так отдубасила на виду у других школьников, что у всех сразу охоту отбила меня оскорблять. И школу я закончила успешно, даже поступила в Московский государственный университет. Диплом тоже там получила. Пошла историком работать, но там мне платили копейки. А я привыкла к роскошной жизни. Вот и спуталась по наследству с партийным боссом, да не совсем удачно, как вам уже известно. Сковырнула его с кровати, и вся жизнь теперь пошла насмарку.

И Устрицкая прервала свой разговор. Задумалась.

Устремив свой взор в глубину себя, было видно, что Викторию охватила тоска, которая и задушила рассказ, рвущийся бесстрашием и наполненный горечью. И остальные присутствующие молчали. Все находились под впечатлением услышанного. Один только Сашенька подал голос, требуя себе пищу. Елена встала и стала искать глазами место, где бы ей разместиться и накормить сына грудью, чтобы не быть в центре внимания присутствующих.

– Ну что вы все зенки вытаращили? Не слышите, что ребёнок плачет и хочет есть? Дайте матери место, идите туда подальше. Что рта за себя не можешь открыть? Сразу видно, что интеллигентка. Как тебя зовут?

– Елена.

– А полностью?

– Елена Васильевна Михайлова...

– По какой же статье тебя упекли?

– По семидесятой.

– А что это за статья? Что-то я не знаю, о чём она. Что это тебе в приговоре нарисовали? Что ты там наделала?

– Меня приговорили за агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва советской власти.

– Так ты политическая диссидентка? Вот это да! Уважаю таких людей.

И сколько тебе впаяли?

– Семь лет.

– Так какую же ты антисоветскую деятельность развернула, что так запугала наш советский суд?

– Стихи писала. В них людей призывала быть чище, лучше, не чинить зла, не запрещать людям ходить в Церкви, разрешить народу свободно читать духовную литературу, Библию. И, пожалуй, всё...

– Так что тебе за это присобачили семь лет?!

– Да, за это...

– Елена, почитайте хоть одно своё стихотворение.

– Виктория, я на память не очень помню, – уклончиво ответила Михайлова. Ей не хотелось в присутствии этой публики, да ещё имея на руках Сашеньку, касаться этой серьёзной темы. Но ушлая Устрицкая сразу разгадала её умысел.

- Что не хочешь в данной ситуации на эту тему говорить? Но всё равно я от тебя не отцеплюсь. В одну же зону едем. Мне это очень интересно. Мне бабушка говорила, что моя прабабушка пела на клиросе разные молитвы, псалмы. Но признаться, я мало что в этом сообщаю.

- Хорошо, Виктория, при возможности я вам поясню.

- При чём тут "вам"? Называй меня на "ты". Привыкай, на зонах заключённые друг друга называют на "ты".

- А кем ты работала?

- Директором научно-исследовательского института в Москве.

- Учёная что ли? Как там степень, звание имеешь?

- Да, я доктор технических наук, профессор.

- Ни фиги себе. И на что это тебе надо было писать такие стихи, коль ты при портфеле. Я же сама машиностроительный Московский институт закончила. Я уже об этом говорила. Хоть училась я так себе, но всё же вуз закончила и знаю, что это за элита – доктора и профессора. А ты же такая молодая. Ты, похоже, ровесница мне. Сколько тебе лет?

- Тридцать три...

- А мне тридцать один. Так что, Елена, ты далеко от меня не ушла. Но ты уже вон кто, а у меня ничего нет... И, похоже, впереди уже ничего хорошего не светит. Когда выйду из зоны, мне будет уже 41 год. А моей Лизоньке – двадцать пять, почти двадцать шесть... Как она без меня жить будет? Ну да ладно, что будет, то будет... Давайте уже спать, а то поздно уже. Поезд когда приходит в Харьков?

- В девять утра. Но неизвестно, когда за нами придёт машина, – ответил молоденький конвоир, явно симпатизируя Виктории.

- А нам чаю хоть дадут, чтобы согреться или еды какой? – спросила заключённая лет сорока пяти.

- Чаю не положено. А сухие пайки вам же давали, вот и ужинайте.

- Да мы их уже поели.

- Поели, так поели.. Завтра в зоне есть будете.

Недовольные таким ответом, заключённые развернули матрацы, одеяла, белья им никакого не выдали, и все, кроме конвоиров, легли спать. Лена, не раздеваясь, тоже с Сашенькой примостилась поудобнее на нижней полке. Она переживала, чтобы не застудить сына и благополучно доехать до места назначения.

Поезд прибывал вовремя, задержек никаких не было, Сашенька спокойно спал в дорожной тряске, да и заключённые вели себя спокойно. На станции ждала машина. Все заключенные вышли, строго охраняемые конвоирами. Да никто из них и не собирался никуда бежать. Они, утомлённые допросами, сборами, поездкой, сами хотели скорее уже добраться до места назначения. Поэтому спокойно подошли к машине и забрались в неё. Виктория протянула руку Елене и помогла взобраться ей с Сашенькой в машину. Машина их быстро домчала до лагеря. И всех заключённых поочерёдно разместили по камерам. Елену с сыном направили в дом ребёнка, который находился на территории колонии.

Администрация Исправительно-трудовой колонии в течение трёх дней разрешила Елене побыть в доме ребёнка, чему Михайлова была очень рада. По приезду, занеся Сашеньку в комнату, она полностью распеленала его. К её счастью, на коже мальчика никаких покраснений не было. Елена завернула сына в пелёночки и лёгкое одеяльце, которое купил ему отец. В комнате было тепло и относительно чисто. Она хотела направиться к администрации дома ребёнка и спросить, где же ей находиться эти три дня. Но в этот момент подошёл врач Дмитрий Васильевич.

– Это бы будете Михайлова Елена Васильевна?

– Да... А вы Дмитрий Васильевич?

– Так точно.

– Очень приятно познакомиться. Мне о вас много хорошего рассказывал Михаил Иванович.

– Спасибо за добрые слова. А я о вас тоже наслышан. Михаил Иванович на днях прислал письмо и о вас целый рассказ написал. А в рассказе слова-то всё не простые, а золотые.

Елена улыбнулась, смутилась, не зная как отвечать

ей на эту шутку. Да на помощь пришёл сам Дмитрий Васильевич.

– Леночка или Елена Васильевна? Как вы прикажете вас звать–величать?

– Как вам нравится. Можете просто Леной.

– Вот и прекрасно, Леночка. Я хочу сразу же сказать тебе, какие твои права. Ребёнку сколько дней?

– Пятьдесят три дня, Дмитрий Васильевич.

– Тогда ты здесь в этой комнате сможешь находиться с сыном три дня. Спать будешь вот на этой койке, рядышком с малышом. Как его зовут?

– Сашенькой..

– Так вот, с Сашенькой ты можешь находиться до того момента, как ему исполнится пятьдесят шесть дней. А затем ты будешь приходить и кормить его во время работы каждые четыре часа, а может и раньше, посмотрим туда дальше, как он себя поведёт до достижения ему годика. А жить ты будешь в комнате, которая находится в колонии. Пока больше я утруждать тебя не стану. А то вы с дороги устали. Поешьте вначале, я вам кое–что прихватил. А потом ложитесь и отдохните. Обедать будете в столовой, которая находится на территории колонии.

– Спасибо, Дмитрий Васильевич, за внимание и за продукты.

– Кушайте, Елена Васильевна, набирайтесь сил и отдыхайте. Я к вечеру, если будет возможность, загляну к вам.

– Я буду очень рада, Дмитрий Васильевич.

– И я доволен, что в относительной степени выполнил просьбу моего друга Михаила Ивановича.

И, открыто улыбаясь, вышел. Елена обратила внимание на то, что Дмитрий Васильевич хорошо выглядел. Он был высок, прекрасно сложен, ему можно было дать лет сорок, а то и меньше. Одет он был в тёмно-синий костюм и белую рубашку. На нём был красивый галстук с синими разводами, который подчёркивал тонкий вкус владельца. Всё было в нём гармонично – и внешность, и одежда. На его красивом лице особенно выделялись большие чёрные глаза, пронзительные, но добрые, они словно заглядывали в душу. Особенно красоту подчёркивал

греческий профиль и ослепительная белоснежная улыбка, которая открывала ровные, правильной формы зубы из-под сочных губ. Его густые русые волосы только немного тронула седина. Кожа была бархатистой, будто излучала жизненную энергию, привлекая к себе внимание. Елена подумала: "Надо же, какой красивый мужчина, ну просто как нарисованный".

Но тут же она поймала себя на мысли: "Что это я так на него засмотрелась? Мужчина как мужчина, таких миллионы, ну если не миллионы, так множество. И какая для меня разница, красив он или нет". И с этими мыслями Елена легла на кровать и забылась крепким сном.

Сон её был тревожным, сначала она часто просыпалась и поглядывала на кровать, где спал сын. Сашенька, посапывая, спал детским безмятежным сном, вызывая у Елены умиление. Под утро ей очень хотелось спать, но начавшийся день требовал бодрствования. Природа всем выставляет одинаковые требования, хотя, конечно, бывают и исключения, которые определяются ситуацией. Вот и Сашенька завозился, желая напомнить о себе, потому что подошло время кормления, и маленький организм требовал своего.

Елена проснулась от лёгкого кряхтения малыша, он уже начинал плакать. Она взяла его на руки, перепеленала и стала кормить, приговаривая:

– Вот, Сашенька, это твой дом. Здесь придётся, сынок, жить теперь, пока не исполнится тебе двух годиков. Как они пройдут – легко ли, сложно ли? Сейчас сложно ответить. Но другого нам с тобой не дано, поэтому, давай, сыночек, будет крепиться и довольствоваться тем, что у нас есть. Прости ещё раз меня, Сашенька, что я создала тебе такие сложные условия. Но ведь ты же у меня, сынок, мужик? Так ведь? Не дашь маму в обиду, да?

Мальчик, словно понимая слова матери, усердно сосал грудь и заглядывал в её глаза со всем своим детским вниманием. Когда он насытился, Елена подержала его столбиком, чтобы молочко в желудке улеглось. Она подошла с ним к окошку и сказала:

– Сашенька, посмотри.. Вдали виднеется небо. Оно

сегодня пасмурное, тучки плывут тяжёлые, они несут в себе снег, чтобы им укрыть землю. Ей зябко в мороз быть раскрытой, вот небушко и хочет нашей земле-матушке помочь. А потом холодное время пройдёт, наступит весна. Всё будет цвести, красиво станет и в лесах, и на лугах, и на полях. Жаль, что эту красоту ты, сыночек, видеть за решётками не сможешь. Ну, я тебе, Сашенька, всё буду рассказывать, и ты всё поймёшь. Кажется, к нам кто-то идёт.

В комнату действительно вошла женщина, работник колонии, лет сорока пяти, симпатичная, плотного телосложения. Она, довольно улыбаясь, спросила:

– Ну как вам, Михайлова, спалось на новом месте?

– Как на лубом новом месте – как-то тревожно, – ответила Елена.

– Ничего, привыкайте. Меня зовут Дарья Сидоровна. А ваши данные я знаю. Я посмотрела в регистрационной карточке. Это ваш сын – Михайлов Александр Иванович? А вы – Михайлова Елена Васильевна, так ведь?

– Да, правильно, Дарья Сидоровна.

– Ну а если правильно, то заключённая Михайлова, как здесь принято вас называть, одевайте ребёнка и несите в общую комнату, где все дети, там их много. У вас сегодня врач был? Выписал вам заключение-направление?

– Нет, сегодня ещё не приходил.

– Тогда пока никуда не ходите, ждите Дмитрия Васильевича.

Не успела Дарья Сидоровна закончить фразу, как в комнату бойко вошёл Дмитрий Васильевич.

– Здравствуйте...

Женщины в ответ поздоровались. Затем Дарья Сидоровна ушла, а Дмитрий Васильевич, обращаясь к Михайловой, сказал:

– Я заходил к начальнику колонии. Он, кстати, мой кум, я крестил его дочку Ниночку, ей уже пять годиков. Попросил твоё дело, ознакомился с ним. Ты действительно осуждена за антисоветскую агитацию и пропаганду сроком на семь лет, но есть там и дополнительная мера наказания. Это, Леночка, лишение тебя учёной степени

доктора технических наук и учёного звания профессора.

– Как?! Дмитрий Васильевич, я почему-то об этом не знаю.

– Это записано в приговоре суда, возьми, посмотри.

Лена взяла выписку из своего дела и обнаружила в приговоре, что она лишена учёной степени доктора технических наук и учёного звания профессора, следовательно, её дипломы доктора и профессора признаются недействительными.

– Дмитрий Васильевич, а как же так случилось? Почему я об этом не знаю? Вероятно, когда председатель суда оглашал приговор, в котором я была осуждена на семь лет, я временно отключилась и не слышала оставшуюся часть приговора, в которой, наверное, и была зачитана эта дополнительная мера. Да, действительно... Помню, когда прозвучало, что "за антисоветскую агитацию и пропаганду в целях ослабления и подрыва советской власти согласно статьи 70, части 3 Уголовного кодекса РСФСР лишить Михайлову Елену Васильевну свободы сроком на семь лет с отбыванием меры наказания в Исправительно-трудовой колонии строгого режима...", у меня всё закружилось в голове, и я мало что слышала и соображала. Боже мой, Боже, за что же они так жестоко наказали меня? Все мои труды по защите диссертации теперь низложены, запрещены, и я – никто. Дмитрий Васильевич, а я ведь – лауреат Государственной премии, мною разработаны целые программы по развитию оборонной и космической промышленности. Сколько труда я вложила в ракетное обеспечение, у меня же по этим направлениям есть несколько открытий, признанных даже за рубежом. И вдруг меня всего этого лишили? Как же так можно? Какое жестокое у нас государство, и какие жестокие наши законы, Дмитрий Васильевич!

– Леночка, нельзя так говорить. Успокойся. Ты же умная, у тебя впереди ещё целая жизнь, что-нибудь придумаем...

– Что уж тут придумаешь, Дмитрий Васильевич? Всё рухнуло, мне тридцать три года. Когда я здесь отсижу свои семь лет, мне будет сорок. После заключения меня же не возьмут никуда на работу. А у меня трое детей. Са-

шеньке вон скоро будет только два месяца.

– У тебя же, Леночка, супруг есть?

– Есть.

– Вот он и поможет.

– Да я его уже замучила. Боюсь, что Иван не выдержит. Как жить, Дмитрий Васильевич? У меня нет больше сил, я не выдержу этих испытаний.

И внутренняя боль, что давила её, выплеснулась наружу, слёзы заблестели на глазах. Она в эти минуты выглядела такой оскорблённой, обиженной и скорбной, что хотелось взять её в охапку и вытянуть из этого, затягивающего насмерть, круговорота. Дмитрий Васильевич не выдержал, обнял, прижав её по-родственному к груди, и сильным голосом зашептал:

– Не плачь, Леночка, не плачь. Я тебе непременно буду помогать. Я постараюсь вытащить тебя из этого пекла несправедливости. Тебе ещё засветит солнышко. Мы что-то придумаем. Ты только крепись. Пройдёт это лихое время, и у тебя ещё будет праздник.

Елена вдруг опомнилась, почувствовав дыхание Дмитрия Васильевича, отпрянула от него, смутившись и потупив взор, сказала:

– Спасибо, Дмитрий Васильевич, за поддержку и добрые слова. Что-то я совсем расклеилась. Простите, пожалуйста, за слабость. Буду стараться впредь не допускать этого.

– Ну что ты, Леночка, я рад помочь. И обязательно мы что-нибудь придумаем с тобой, безвыходных ситуаций не бывает. Только надо пережить эту боль, а потом станет легче. Это я вам как врач говорю, поверьте.

Но вдруг открылась дверь. Зашла медсестра и сказала:

– Дмитрий Васильевич, вас приглашает начальник колонии Григорий Николаевич.

– Сейчас иду. Леночка, я пошёл. Отдам ему выписку из твоего дела, а то он уже волнуется.

– Спасибо за всё, Дмитрий Васильевич.

– Я о тебе, Леночка, поговорю с Григорием Николаевичем. Может быть, в перспективе какие-то пути решения твоего вопроса найдём.

И он, мило улыбаясь, вышел. Его уже, как известно читателю, поджидал Григорий Николаевич.

– Григорий Николаевич, я пришёл.

– Вижу, Дмитрий Васильевич. Ты что взял выписку из дела Михайловой и бегаешь с ней. Этого же делать нельзя, а ты себе такое позволяешь.

– Ой, Григорий Николаевич, извини, так получилось. Михайлова, как я понял, хороший человек. Она в тридцать лет была уже доктором технических наук, профессором. А по приговору суда, как ты знаешь, все звания с неё сняли. Какая же она преступница? Елена Васильевна – умная, светлая и добрая женщина. Такие, как она, уж никак не смогут подорвать советскую власть. Ты с ней общаешься – сам поймёшь. Ей за то, что она стремится сделать мир лучше дали срок семь лет да лишили степеней и званий. Это же, Гриша, беспредел! Почему мы такие бессердечные дикари?

– Ну-ну, Дмитрий. Ты прекращай в такой плоскости говорить. Ты не забывай, что ты находишься в кабинете у начальника колонии, а не на даче.

– Помню, помню, Григорий Николаевич, но всё же Михайловой надо помочь. У неё трое маленьких детей.

– Как я, Дима, смогу ей помочь.

– У неё же 70-я статья Уголовного кодекса. Это анти-советчина, за что и загремела в колонию строгого режима. Отсидит хотя бы полсрока, будет себя примерно вести, тогда и подумаем что делать.

– Ну и сухарь ты, Гриша, бессердечный начальник.

– А иначе, Дмитрий Васильевич, нельзя. Поскольку если не буду соблюдать правила внутреннего распорядка колонии и Исправительно-трудовой кодекс, то меня же выгонят с работы. Ты этого хочешь?

– Нет, я этого никак не хочу. Но Михайловой как-то надо помочь. Ждать три с половиной года – это слишком. У неё ни за что бесшабашный срок – семь лет, ты же сам читал, там всё шито бельми нитками.

– Ты, Дмитрий, не врач, а прямо-таки адвокат. Тебе надо было бы в юридический институт поступать, а не в медицинский.

– Я, Гришенька, и врачебную деятельность люблю.

Но за Михайлову мне хочется заступиться.

– Вот прицепился, как банный лист. Дай осмотреться, а там видно будет.

– Это уже что-то теплее, Григорий Николаевич. Спасибо. Я пойду. На приём много заключённых записано, грипп всё же вовсю свирепствует. А к вопросу о Михайловой мы ещё с тобой вернёмся.

– Вернёмся, вернёмся... Иди уже.

Дмитрий встал и по-дружески пожал руку начальнику колонии. Поскольку в кабинете кроме них никто не находился, им ни к чему было скрывать свои добрые отношения. И с облегчённым сердцем он пошёл принимать больных, думая о Елене и о том, что он вместе с начальником колонии Григорием Николаевичем сможет ей помочь. А Елена в это время сидела на кровати в комнате для родителей. Мысли в голове пробегали грустные, противоречивые, то успокаивающие, а то давили страхом до отчаяния.

Дни, когда она могла находиться вместе с Сашенькой, завтра уже заканчивались. Поэтому она с трудом встала и пошла получать спецодежду установленного образца для женщин этой колонии. И вот уже утром Михайлова пришла на поверку, после чего её поместили в 217 камеру, выдали матрац, одеяло, кусок сбитой ваты, напоминающей подушку. И начальница, управляющая рабочим процессом, сказала:

– Неси, Михайлова, это всё в свою камеру, выбирай свободную койку, клади на неё все свои принадлежности и приходи в пошивочный цех. На всё тебе даю тридцать минут, ну от силы – сорок. Смотри, не опаздывай.

Елена быстро пошла в свою камеру. Когда вошла, то не смогла определить какая койка свободная. Поэтому она положила свои вещи в уголок, сообщила об этом дежурной и пошла в пошивочный цех, решив, что вечером займёт свободную койку. После она пошла к начальнице за заданием.

– Что, Михайлова, справилась?

– Да.

– Тогда садись и слушай. Ты – кормящая мать. Тебе положены перерывы для кормления ребёнка. Ты будешь

их получать, но норму тебе ни кто не убавит. Успевай справляться с заданием как все, а то посажу на голодный паёк, не будет тогда молока, нечем будет кормить малыша, поняла?

– Поняла.

– Ну если поняла, то вот тебе заготовки, будешь сегодня шить рукавицы. Я тебе даю для пробы, а завтра посмотрим, на что ты годишься. Ты шить умеешь, Михайлова?

– Не очень.

– Кто ты по образованию?

– Инженер.

– Аааа, белоручка.. Тогда толку наверное от тебя не будет. Вон видишь, у окна стоит свободная машинка, правда, она поломана слегка, но строчить можно. Иди, занимай её. И с этого дня это будет твоя машина.

Елена, забрав целую кипу заготовок, пошла к указанному месту. Она подвинула стул к машинке, села и начала пробовать шить. Машинка делала пропуски в строчке, ход у неё был очень тяжёлый. Елена раскрутила винт, держащий иголку, прочистила стержень, держатель, смазала детали машинным маслом, вставила иголку на место. Также она открутила и почистила лапку, в ней заметила нехватку маленького винтика, поискала его в стоявшем рядом ящике, где находились запасные части, нашла такой и вкрутила. Разобрала и гнездо, где находился челнок, в нём тоже устранила ряд поломок. После она взяла заготовку и снова начала строчить. Пропусков в строчке теперь не было. Но машинка всё равно шла тяжело, колесо под ремнём буксовало. Она убрала ремень, раскрутила головку, её тоже почистила, подтянула, смазала и села шить. Машинка заработала как часы. Елена в течении двух часов строчила без отдыха, не отрываясь, сумела переработать больше заготовок, чем получила. Затем побежала кормить Сашеньку.

– Сынулечка, ты меня заждался. Я к тебе так бежала, мой золотой ребёнок. Мой ангелок прекрасный, набирайся сил. Поел, мой маленький? Давай я тебя перепеленаю. Может, ещё молочка попьёшь? Молочко ещё есть у мамы, так что кушай, мой ненаглядный Санечка. Что, больше

не хочешь? Ну тогда пойдём, я отнесу тебя к деткам, там поиграешься и поспишь. А я побегу на обед, поем и пойду свою норму выполнять. А то начальница попалась строгая, сказала, что если норму не выполню, то порцию убавят, тогда для тебя, Сашенька, у меня молочка меньше станет. Но я не хочу, чтобы ты у меня был голоднёнький. Поэтому, мой малыш, я пошла. Вечером приду, и мы с тобой поиграемся, покушаем. А сейчас я положу тебя в кроватку, а ты веди себя хорошо и жди мамочку.

И Елена, поцеловав сына, пошла в столовую. В столовой было полно народу. Она стала в очередь. На раздаче ей дали три куска чёрного хлеба, немного перловой каши, маленький кусочек мяса и почти полную железную миску борща. Елена быстро всё съела и, не дожидаясь пока покушают остальные, пошла в цех шить. Она, не отрываясь, закончила свою дневную норму и понесла сдавать всё начальнице.

– Ты что, Михайлова, всё уже пошила?

– Да.

– А на какой машинке ты шила?

– На той, что вы мне сказали...

– Так она же не работает.

– Я её отремонтировала.

– До окончания смены ещё два часа, в камеру тебе идти ещё рано.

– Я не в камеру. Пойду сына кормить.

– Туда тоже успеешь. Вон видишь машинку первую во втором ряду? Пойди, отремонтируй её, а потом иди, корми малыша.

Елена села на стул возле машинки, сноровисто раскрутила её, почистила, смазала, устранила все поломки, и машинка стала работать как новенькая.

– Ты что и эту отремонтировала, Михайлова? Да так быстро. Механик два дня ремонтировал, да так ничего и не сделал. А ты вон за час справилась. А может, ты меня обманываешь? Давай, я сама попробую.

Начальница взяла заготовку у рядом сидящей заключённой и стала строчить. Машинка работала легко, плавно и без усилий делала хороший шов.

– Ну ты, Михайлова, просто кудесница. Завтра отре-

монтируешь ещё семь машинок. А сейчас отправляйся к малышу. Как там его у тебя зовут? – подобрёвшим голосом спросила начальница.

– Сашенькой...

– Как Александра Невского, пусть растёт победителем, – состригла она и довольная пошла к другим заключённым, крикнув на ходу. – Не опаздывай, Михайлова, на ужин.

Лена, удовлетворённая своим рабочим днём и результатами работы, пошла к сыну. Вновь покормила его, поворковала с ним как голубица, попестовала, помассажировала лёгкими прикосновениями рук, запеленала, поносила по комнате и пошла в столовую ужинать.

В столовой вечером было шумно и многолюдно. Но Елена спокойно взяла причитающийся ей ужин, села и начала есть. Вдруг к ней подошла заключённая и сказала:

– Ты что жрёшь сама и не делишься? Делиться надо.

И она взяла у Елены оладьи, поданные на ужин. Елена, не раздумывая, выхватила с разноса свою порцию оладий и поставила их на стол перед собой, сказав:

– Не смей брать, а то ударю.

– Ты меня ударишь, диссиденточка? Да я от тебя мокрое место оставлю.

И хотела ударить Михайлову. Елена на лету резким движением перехватила её руку и ударила об стол. Заключённая взвизгнула от боли, но больше в драку не вступала:

– Этот номер тебе даром не пройдёт.

Елене этот инцидент был крайне неприятен. Заключённые, что сидели рядом, сделали вид, что ничего не произошло. Но по их лицам было件нятно, что они довольны поведением Лены. После этого случая они зауважали её.

А Елена, слегка успокоившись, продолжила ужинать. Всё съев и залив чаем, она пошла к Сашеньке. Расспросила у нянечки, как он ведёт себя в её отсутствие. Получила положительный ответ. Она склонилась над сыном и шептала ему ласковые слова. Лена покормила его, приласкала материнской нежностью, отдавая ему тепло

любви, идущей от истоков души и сердца. И к указанному в правилах внутреннего распорядка времени пошла спать в общую камеру.

Когда Михайлова вошла в камеру, то обнаружила свои вещи в том же углу, в котором и оставила их утром. Она взяла их и пошла дальше по камере, высматривая свободную койку. Увидев незанятую койку, она спросила у рядом лежащей заключённой:

– Эта койка не занята?

– Вон у Степаниды узнайте. Она у нас этим ведаёт. Это всё по её части.

– Кто такая Степанида?

– Да вон она стоит.

– Светловолосая что ли? Высокая?

– Да, это она.

Елена внимательно посмотрела на высокую светловолосую женщину и узнала в ней ту, которой она за ужином не уступила оладьи. Она подумала про себя: "Это, значит, Степанида. Похоже, она у них здесь главарь. Не буду я к ней подходить. Много чести". Михайлова спокойно стала расстилать матрац, а в этот момент к ней подскочила та самая Степанида.

– А кто тебе разрешил эту койку занимать?

– Она свободная, вот я и решила её занять.

– Не смей! Пошла вон от этой койки! Возле двери на второй полке занимай.

– Это свободная, я на ней и буду спать. Ты для меня не указ. Отойди от койки и не мешай мне.

– Ах, ты, политическая стерва! Ты думаешь, что это тебе на трибуне выступать да народ дурачить. Я тебе покажу здесь твоё место.

И она ударила Елену по лицу. Михайлова, не раздумывая, схватила её за волосы, наклонила и коленкой со всего размаху ударила в лицо. Кровь полилась ручьём изо рта и носа, и Степанида вместе с кровью выплюнула два выбитых зуба. Она бросила на Елену обезумевший взгляд, из голенища выхватила нож, занесла его над Михайловой, норовя попасть ей в грудь. Елена увернулась от удара Степаниды, затем, как учил её муж, ударила ногой в пах. Степанида, как скошенная трава, повали-

лась на пол. А Елена стояла над ней, ожидая дальнейших действий противницы. Окровавленная женщина какое-то время лежала без движения. Затем с трудом поднялась и пошла к своей койке, обернувшись, зло прошипела:

– Ну, сука политическая, теперь тебе не жить на свете.

– Не смей, Степанида, меня оскорблять!

– Видали, какая стерва! Учить меня ещё будет!

Степанида вновь подбежала к Лене и ударила её. Та в ответ, не раздумывая, вновь применила приём каратэ и ударила ребром руки по шее Степаниды, затем ногой толкнула её, приговаривая:

– Это тебе за "политическую сучку", чтобы больше никогда не смела меня оскорблять и делать мне зло.

Степанида снова рухнула на пол, а Елена спокойно развернулась, подошла к своей койке, застелила её и легла. А по камере пронеслось:

– Всё, Степанида, закончилось время твоего правления. Теперь ты нам не вождь. Теперь Михайлова всем заправлять будет, так ведь?

Однако Елена молчала, ей не хотелось ни с кем говорить. На душе было муторно и неудобно. Ей хотелось от всего отключиться и ни о чём не думать. Но вдруг она услышала возле себя знакомый голос Виктории:

– Леночка, вот молодец. Я от тебя такой удалы не ожидала. Ты как гладиатор сражалась. Такая хрупкая, а так отколошматила громадину Степаниду. Теперь она присмывает, а то и ко мне цеплялась. Меня заставляет за себя работать. Теперь – дудки, я тоже буду давать ей отпор. Пусть только привяжется. Ты же, как за старую знакомую, за меня заступишься? А где ты таким приёмам научилась?

– Муж научил, да и в юности увлекалась, – уклончиво ответила Елена.

– А как Сашенька? Не болеет?

– Да пока, слава Богу, растёт потихоньку.

– А я вот не знаю, как там моя доченька, Елизавета?

– Не переживай, Виктория, Бог даст – всё наладится, а сейчас давай уже спать. А то мне завтра до работы нуж-

но будет к Сашеньке сбегать, покормить его, посмотреть, как он себя чувствует. И без опозданий явиться на работу.

- Да ты, Елена, правильная, везде успеешь.

И Виктория нехотя пошла к своей койке, а Елена, повернувшись на правый бок, пыталась заснуть. Но ей не спалось. Мысли увели её в далёкую Москву, она думала об Иване, Игорьке и Ленусеньке. Затем про себя помолвилась. Ей явно не понравилась вся эта драка, но она понимала, что если бы уступила Степаниде, то та бы ей спуску не дала. "Да и сейчас не знаю, как всё обойдётся. Вряд ли Степанида утомится", - неожиданно для себя вслух сказала Михайлова. От этих дум ей сделалось как-то неуютно. Но она стремилась снять с себя всё внутреннее напряжение и уснуть. Уснула же она далеко за полночь, когда в камере уже вовсю разносился храп заключённых, к которому она никак не могла привыкнуть. Утром, когда сокамерники ещё спали, Михайлова проснулась, оделась и побежала к Сашеньке.

Когда она пришла к нему, то малыш ещё безмятежно спал. Но то ли время уже подошло, а то ли взор Елены, направленный на него словно лучи солнца, греющие материнским теплом, заставили его проснуться. Он заулыбался матери.

- Сашуленька, сыночек мой, ты проснулся? Знаешь, что мама пришла, молочка тебе принесла, да? Теперь ты покушаешь. Мы потом с тобой зарядкой позанимаемся, поиграем, и я побегу на работу.

Елена только успела его покормить, стала массажировать его тельце, и в этот момент к ней зашёл Дмитрий Васильевич.

- Леночка, ты прямо как профессиональный массажист. Хорошо у тебя получается. А как ты спала?

- Нормально, Дмитрий Васильевич. Только вот подралась со Степанидой.

- Что же так? Почему?

- Да она у меня оладьи хотела забрать, не давала койку занять, хотя она была свободна.

- Елена, да Степанида же большущая женщина, как ты с ней сладила? Её тут на зоне все боятся. Досталось,

наверное, тебе?

- Ей больше досталось. Я ей два зуба выбила, да и лицо разукрасила.

- Что-то не верится, Лена.

- Сами увидите, Дмитрий Васильевич.

- Ну тогда тебе, Леночка, не сдобровать. Она очень мстительная, злая и жестокая! Тебе надо её опасаться. Степанида здесь сидит уже два года. Она – настоящая бандитка и непременно станет искать моменты, чтобы на тебе отыграться. А как всё же тебе удалось её одолеть?

- Да я знаю ряд приёмов каратэ.

- Это хорошо. Ну плохо, что ты с ней связалась. Здесь бы тебя оставить в свободной комнате, да все койки заняты. Может, попрошу начальника колонии, чтобы он дал раскладушку?

- Дмитрий Васильевич, я была бы рада побыть здесь вместе с Сашенькой. Да если я останусь здесь, она сразу подумает, что я её испугалась. И это придаст ей силы. Тогда ей со мной расправиться будет куда легче, пусть уж идёт, как идёт. Если всё нормализуется, то я была бы рада находиться рядом с Сашенькой. Бегать надо будет меньше, больше свободного времени появится, смогу может почитать.

- Я об этом, Леночка, подумаю и поговорю с Григорием Николаевичем. А сейчас веди себя осторожно.

Но Дмитрий Васильевич побоялся оставлять этот вопрос без решения и всё же пошёл к начальнику колонии. Зайдя к нему, он поздоровался.

- Здравствуй, Григорий Николаевич...

- Здравствуй, здравствуй, Дмитрий Васильевич, опять пришёл просить за Михайлову?

- Так точно, Григорий Николаевич, а как это вы угадали?

- Тут и угадывать нечего. Вся колония гудит о том, как твоя Михайлова отлупила Степаниду. Да так, что она сегодня на работу не вышла. Вся синяя лежит и без зубов. Твою Михайлову надо в карцер сажать.

- В какой карцер? Ведь Степанида первая на неё обрушилась.

- Первая-то первая, но нельзя же так избивать.

- А ты знаешь, что Степанида на Лену с ножом пошла, так что ей ничего не оставалось делать. И почему ты разрешаешь Степаниде иметь при себе нож?

- Этого я не знал. И уже надзирательнице за это внушение сделал. Ты понял, Дмитрий Васильевич? И то, что Степанида первая набросилась, да ещё и с ножом, освобождает Михайлову от наказания и карцера.

- Гриша, Степанида мстительная, она ж настоящая бандитка. Надо поговорить с ней, чтобы она больше не нападала на Михайлову. Ей бы коечку поставить в доме малютки, да и пусть там поживёт, пока ребёнку исполнится два года. Это же по Исправительно-трудовому кодексу разрешается.

- Разрешается, Дмитрий, но только в виде исключения.

- А в её случае разве не исключение? Ребёнок маленький, слабенький. А его мать добросовестная, честная, трудолюбивая и объективная.

- Ты все положительные эпитеты о Михайловой собрал.

Врач не совсем понимал, что его друг шутит, он продолжал:

- Елена ещё очень мудрая, красивая, находчивая, уважительная.

- Хватит, хватит, Дима, а то тебя не остановить, и ты до утра будешь перечислять достоинства Елены. Я приглашу Степаниду и поговорю с ней.

Григорий Николаевич вскоре сдержал слово. Он пригласил к себе Степаниду. Та пришла с распухшими губами и носом, под глазами сверкали синяки.

- Степанида, кто это тебя так разукрасил?

- Никто, Григорий Николаевич, это я так неудачно упала в потёмках и ударилась о жёсткие предметы.

- Слушай, Степанида, мне уже обо всём до самой последней мелочи известно. Ты почему на Михайлову набросилась?

- Так, значит, вам уже обо всём донесли? Тогда темнить нечего. Не понравилась она мне. Подчиняться мне отказалась. Да эта политическая стерва оказалась такой боевой, что я от неё такой прыти не ожидала. Но я всё

равно своё возьму, воспользуюсь моментом как-нибудь и в долгу не останусь.

– Не смей, Степанида, так называть Михайлову и прекрати к ней цепляться. Если что с ней случится, то посажу тебя в карцер, ты меня знаешь, поняла?

– Да что же тут не понять... Видать, она приглянулась вам. Но я и когда на волю выйду, ей своё избиение припомню. Этот случай я ей с рук не спущу, вы тоже запомните.

– Не будь, заключённая Иволгина, такой жестокой. Михайлова – мать троих детей. Так что оставь её в покое. Свободна.

Иволгина вышла от начальника колонии и подумала: "Чем всё же Михайлова взяла за живое начальника? Красотою, наверное. Вон ведь какая она смазливая. А может быть она родственница? Да нет, если бы она была родственницей, то его бы не держали в начальниках. Тогда почему он за неё заступается? Наверное, потому, что она политическая, как их ещё называют, диссидентка, и он с нею заодно. Да нет, он не похож на политического. За советскую власть да за коммунистов с нами с утра до вечера всё проводит политзанятия. В чём же тогда секрет? Не я буду, если не разгадаю эту загадку. Начну теперь за ней внимательно следить. Всё равно проявится то, чем она дышит".

И, успокоенная такой мыслью, Степанида пошла в пошивочный цех. Она была озлобленной на жизнь и на людей. В молодости Степанида была красивой. Несмотря на то, что она располнела и была одета в лагерную одежду, черты её былой красоты просматривались и сейчас. Природой ей дан был острый ум, хорошая память, но уровень знаний был не высок. Степанида была беспризорницей, она была помещена в приют, где её стремились приучить к дисциплине, что ей очень не нравилось. Поэтому она часто убегала из приюта. Её находили, наказывали и вновь требовали, чтобы она исполняла те обязанности, которые определялись трудовым распорядком приюта. Когда же Степанриде было около шестнадцати лет, она снова сбежала из приюта, но больше туда не вернулась. Связалась с бандитами и ворами, не раз грабила

квартиры. По ночам с друзьями по несчастью останавливали парней и девушек, снимали с них хорошую одежду и украшения, затем продавали на рынке эти ворованные вещи. В семнадцать лет Степанида официально вышла замуж за бандита. Муж сначала любил её, а потом стал бить, требуя, чтобы жена всегда готовила ему вкусную горячую еду, а к ней подавала коньяк или, в крайнем случае, водку. А когда не было денег, то он гнал её воровать, сам крутился в воровском мире. Когда он был пьян, то в нём просыпался зверь, он дрался, больше всех доставалось Степаниде. Однажды она не выдержала и сказала:

– Сколько, Трифон, ты будешь издеваться надо мной? Прекрати, а не то я тебя убью, – она схватила топор и замахнулась на мужа.

Но Трифон сумел выхватить у женщины топор, избил её ремнём, привязал к батарее, а сам уехал в другой город. Привязанная к батарее с кляпом во рту, Степанида провела около семи суток. По чистой случайности в квартиру вошёл нищий и увидел связанную Степаниду. Он развязал её, вытащил изо рта кляп, а сам ушёл. Женщина с великим трудом доползла до кухни, поднялась на колени, открыла кран, выпила немного воды и повалилась на пол. Через некоторое время Степанида смогла встать, она подошла к холодильнику, достала там бутылку несвежего кефира, налила его в стакан и выпила. Силы потихоньку возвращались к ней. Она испытывала сильное чувство голода. Степанида где-то читала, что после долгого голодания нельзя много есть, а нужно постепенно и маленькими порциями. Она допила кефир, посидела ещё полчаса, затем пошла в ванную. Включила душ, помылась под ним, смыв с себя неприятный запах, вытерлась насухо и выпила ещё полстакана кефира. Потом женщина помыла пол, на котором просидела столько дней привязанная, проветрила комнату, чтобы избавиться от удушливого запаха, легла на кровать и крепко уснула.

Проснулась Степанида, когда в комнату уже заглянула темнота. Она сварила суп, поела, ей стало легче. Впервые женщина задумалась о своей семейной жизни и ре-

шила бросить своего Трифона. После этого она прожила в квартире ещё три дня, немного поправила здоровье после случившегося и уехала к своей подруге, такой же воровке. Вместе с ней они жили на заброшенной даче, ночью воровали, а днём отсыпались, пили и снова шли воровать.

Однажды они зашли к пожилым людям, забрали у них все сбережения и украшения и уже хотели уходить. Но тут пенсионер, которому они связали руки, поднялся и сзади хотел ударить Степаниду ножом. Подруга увидела это, ударила мужчину по голове гаечным ключом на глазах жены. Она неистово закричала. В этот момент Степанида ударила её железным прутом, но пенсионерка сопротивлялась, тогда Степанида стала бить её, пока женщина не упала на пол. В это время в квартиру вошёл сын пенсионеров со своими друзьями, они поняли что произошло, схватили воровок, связали им руки и вызвали милицию и "Скорую помощь".

Обе машины приехали почти одновременно. Врачи склонились над пенсионерами, они еле дышали. По дороге в больницу оба скончались.

Прокуратура по факту воровства и гибели пенсионеров Сыроваткина Петра Никитовича и Сыроваткиной Людмилы Петровны возбудила уголовное дело против Иволгиной Степаниды Викторовны и её подруги Готоваловой Евдокии Карповны. Иволгину приговорили к пятнадцати годам лишения свободы.

Вот после этого приговора и сидела Степанида в Исправительно-трудовой колонии уже два года. Она мечтала выйти на волю и убить Трифона, полагая, что это он испортил ей всю жизнь. Эти мысли сделали её бесстрашной, злобной и коварной. Поэтому Степанида не боялась нападать на заключённых и подчинять их себе. А тут вдруг такой конфуз вышел: какая-то политическая заключённая, как говорили остальные, "обломала ей рога". Никак не могла Степанида смириться с этим, поэтому была озадачена разговором с начальником колонии и не знала как поступить. Своё лидерство женщина уступать явно не хотела. И знала теперь, что если она хоть пальцем тронет Михайлову, то её упекут в карцер, началь-

ник колонии зря слов на ветер бросать не будет. "А что, если я Дуняху подговорю, чтобы она вместо меня отколотила у всех на виду эту диссидентку, ведь она моя подруга, и я за неё горой, она живёт за мной, как за каменной стеной".

Степанида пошла в пошивочный цех, увидела там Дуню, подошла к ней и сказала:

– Угадай, Дуняха, где я была?

– Да тут, Степанида, и гадать нечего. Вся зона знает, что ты подралась с политической, и тебя вызывал начальник колонии. Ну и что он тебе сказал?

– Что сказал, что сказал? Сказал, чтобы я эту сучку и пальцем не тронула, а иначе упрячет меня в карцер.

– Да ты что? Вот это новость. Я думала, что упекут политическую, а получилось наоборот. Тебя она вон как разукрасила, почти изуродовала, а её милуют. Тут что-то, Степанида, не чисто.

– И я так, Дуняха, думаю. Ну что к чему пока понять не могу. Надеюсь, что всё же разберусь. Ты мне в этом поможешь?

– Да как же я, Степанида, тебе помогу?

– Очень просто. Отколотишь её в присутствии заключённых, так отомстишь за меня.

– Что ты, Степанида? Я не справлюсь. Вон как она тебя отделала, и ты её не победила, а я тем более не смогу. Нет, не сердись, подруга, но я боюсь, не буду я с ней драться.

– Дуняха, ну надо же её проучить. А то куда это годится, какая-то диссидентка будет нами управлять... Мне же строго-настрого запретили к ней прикасаться.

– Тем более, Степанида, ты меня толкаешь прямо в карцер. Давай ей просто западню устроим, чтобы никто не знал.

– Как, Дуняха, ты себе представляешь западню?

– Думать надо. Может, я ей змею в кровать подброшу?

– Да ты что? Где ты зимой змею найдёшь? Совсем башкой не варишь.

– Тогда, Степанида, надо сверху на неё обрушить койку.

– Как ты на неё обрушишь, когда там же спит Хоризма?

– Вместе с ней, пусть полетает. Её-то до смерти не зашибёт, она сверху будет падать и угодит прямо на политическую. Просто у койки Хоризмы надо открутить болты. Их надо чуть наживить, а ночью, когда Хоризма будет ворочаться, они разболтаются сами по себе, и доски с железом и вместе с Хоризмой свалятся на эту стерву.

– А если до смерти зашибут все эти тяжести политической? У неё же трое маленьких детей.

– Степанида, а нам-то что? У неё же муж есть, как сейчас нянчится, так и дальше будет.

– Да тут же у неё ещё есть маленький тюремщик.

– Ну и фиг с ним. Мы же с тобой росли без родителей, пусть и он познает эту дорогу жизни.

– Не знаю, Дуняха, надо подумать. А вдруг Хоризма насмерть разобьётся. Она же неплохая, трудяга, нас с тобой слушается.

– Да не бойсь, Степанида, ничего с ней не будет. До смерти не зашибётся, а с синяками походит, так это не беда.

– Надо же от этой политической сучки избавиться? Прощать ей это нельзя, а то вот Вика мне сегодня прямо в глаза сказала: "Ну что, твоя подруга допрыгалась? Да вот нашлась другая, которая её расписала как ворота позора. Теперь она не пикнет при этой политической. Кончилась власть Степаниды".

– Вот тварь, я её сегодня же проучу. И именно на глазах у политической сучки. Посмотрим, что она станет делать. Если она кинется драться, то ты дубась эту диссидентку, а я Вику разделаю.

На том и порешили, разошлись по своим местам и стали шить раскроенную спецодежду. И здесь рядом оказалась Елена, она ремонтировала машинку. Увидев Михайлову, Степаниде очень захотелось подойти к ней сзади и ударить чем-нибудь тяжёлым или всадить в неё ножницы. Степанида еле сдерживала в себе нахлынувший гнев, она со всей силы нажала на педаль, машинка лихорадочно застучала, иголка вмиг поломалась, вонзаясь поломанным остриём в прямо в палец. Степанида взвизгнула от боли, схватила железный ящик и ударила им по ста-

нине машины, колесо свалилось с вала и рухнуло ей на ногу. Заключённая в диком вопле, словно в безумстве, вцепилась в корпус машинки и стала её трясти с бешеной силой, так что детали стали сыпаться во все стороны. Увидев это, к ней с одной стороны подбежала надсмотрщица, а с другой – Михайлова.

– Ты что творишь? Ты что раскурочила всю машинку? Я тебя за это сейчас поведу к старшей, чтобы она посадила тебя в карцер и вычла всё из твоей зарплаты за ремонт машинки. Что с тобой случилось, зверюга ты такая? Это же надо додуматься – машинку колотить... Пошли к старшей, там составим акт. Да нет, я её сюда приглашу. Вот в присутствии заключённой Михайловой и составим акт о поломке Иволгиной швейной машинки.

– Не приглашайте, пожалуйста. Просто Степанида от неудачи не в себе. Я бесплатно после работы отремонтирую машинку, – сказала Елена.

– Видала, защитница нашлась! Да не ты ли, Михайлова, вот так разукрасила Иволгину? А теперь в адвокаты лезешь.

– Я вас прошу, Наталья Николаевна, вы всё-таки не приглашайте старшего надсмотрщика. Я показания против Иволгиной давать не буду. Ведь я действительно не видела, как она разбивала машинку. Я вон только вижу, что у неё из пальца кровь течёт, и нога распухла. Вы отпустите её в санчасть, а я тем временем отремонтирую её машинку.

– Ну, Михайлова, тебя совершенно не понять: то ты её колотишь до полусмерти, а то возишься с ней, как с родной, защищаешь её. Пусть будет по-твоему. Иди, Иволгина, в санчасть, а ты быстро приведи машинку в порядок.

Иволгина была очень удивлена реакцией Михайловой. Она вместо того, чтобы мстить Степаниде, стала её защищать. Иволгиной не понятна была такая логика, и она подумала: "Что это за Михайлова? Что за святоша? Я на её месте обязательно подписала бы акт. И ни за что за свой счёт не стала бы ремонтировать машинку. Что же она за человек? Что же её движет? Она явно меня не боится. Тем более, что находится под такой крепкой за-

шитой самого начальника колонии, а заступилась за бандитку, которая обидела, оскорбила и причинила ей боль. Она что инопланетянка какая? Не от мира сего что ли? Вот диво! А мы ещё с Дуняхой наметили её убить. Нет, надо ей сказать, чтобы это дело пока отменить". И она в непривычном для неё благодушном состоянии медленно похромала в санчасть, которая находилась совсем рядом. Вскоре добрела до неё и постучалась в дверь.

– Заходите... Это вы Степанида? Что случилось?

– Да ничего особенного, Раиса Петровна, я вот иголкой прошила себе палец. И, кажется, часть иголки застряла в пальце. Её бы достать надо. Вон она даже видна. А тут ящик свалился на ногу, и она распухла и болит. Освобождение мне надо бы дать, Раиса Петровна.

– Иди хорошо помой руку, только палец с иглой не дави, а то она дальше уйдёт. Нет, лучше давай сейчас сюда руку, я её обработаю спиртом и попробую этот осколок вытащить.

– Ой, Раиса Петровна, больно...

– Терпи, Иволгина. Сейчас, стой. Я лёгкий надрез сделаю. И тогда всё пойдёт, как по маслу.

И Раиса Петровна ловко подхватила кусочек иголки, вытащила его, сказав:

– Ну вот и всё, Степанида. Шва накладывать не буду. И так быстро заживёт. Помажу ещё тебе зелёнкой, забинтую и всё... А теперь показывай ногу. Что там с ней? Ууу, как разнесло. Но перелома, кажется, нет. Всё же на всякий случай я тебя на рентген отправлю.

– Да заживёт, Раиса Петровна, как на собаке. Не надо меня туда направлять. Выпишите мне дня на три бюллетень, да и всё.

– Нет, Иволгина, иди сделай снимок, а там будет видно что с тобой делать.

И Степанида с великой неохотой пошла сделала снимок и принесла его Раисе Петровне.

– Перелома нет, просто сильный ушиб. Я тебе, Иволгина, дам освобождение пока на три дня, а там видно будет.

– Спасибо, Раиса Петровна. Я тогда поковыляю к своей начальнице и скажу ей о своём освобождении.

Степанида немедля разыскала старшего мастера Никитенко Валентину Сергеевну, отдала ей больничный лист и пошла в камеру. Там она прилегла на кровать, думать ей ни о чём не хотелось. Но мысли сами лезли в голову. Ей не терпелось узнать, отремонтировала ли Михайлова её машинку. "Отремонтировала, наверное. И по лицу видно, что она смекалистая. А вот ведь в тюрьму угодила. Что же она на самом деле натворила? Мокрухи нет, воровства нет, спекуляции нет, а семь лет впяляли. Как же это она советскую власть подрывала? Что за агитацию проводила? А может она разведчицей была, сдавала какие-нибудь тайные чертежи? Она же была директором научно-исследовательского института. Большой, говорят, учёный, профессор, доктор наук, диссидент. А что это такое диссидент? Я и не знаю толком, надо будет спросить у старшего мастера. Валентина Сергеевна знает, наверное. И присмотреться мне надо внимательно к этой Михайловой, она меня прямо заинтриговала своей тайной, которую хранит в себе. Надо будет к ней поближе быть, тогда скорее разгадаю её загадку. На своём веку таких людей, как она, я ещё не встречала. За обедом подсяду к ней поближе. А что же мне делать? Поблагодарить её или нет? Если я её поблагодарю, то эчки станут думать, что я испугалась, начнут потешаться надо мной. Теперь же Михайлова стала лидером, а не я, это ведь понятно, и теперь они будут слушать её, будут делать то, что она скажет. А не поблагодарить – тоже плохо, ведь Михайлова отказалась подписывать акт о том, что я умышленно поломала машинку. А если бы она не отказалась? Тогда бы не на койке мне сейчас лежать, а сидеть в ледяном и голодном карцере. Что же делать, а? Михайлова оказалась ведь доброй и милосердной, вот заступилась за меня. Никто раньше по делу не стоял за меня горой, все стремились обидеть, украсть, обмануть, навредить. Разве что Дуняха... Да и она сдаст на первом повороте, если прижмут, хоть и подруга. А Михайлова, можно считать её врагом, а подставила мне свою спину и руки. Вон она трудится, а я лежу на кровати, изволю отдышаться. Что же мне делать? У меня голова уже трещит от этих мыслей. У меня так не болела голова, когда она

побила меня, как сейчас болит от этих дум. Вот дела так дела. Михайлова сделала мне доброе дело, а я болею от этого. Я заглядываю внутрь себя, ищу что-то сокровенное то ли в себе, то ли в Михайловой. Но душа во мне словно перевернулась. Мне стало почему-то неуютно за себя, такого со мной ещё никогда не было. Хочется стать лучше что ли, а? Ничего не могу понять. Неужели добротой и сочувственностью, которую мне никто никогда не оказывал, она так ранила душу? Я ведь готова чуть ли не бежать к Михайловой и просить у неё прощения. Что-то всё же на душе потеплело. Но дудки, однозначно не пойду к ней извиняться".

Иволгина ещё долго рассуждала сама с собой, заглядывала в свою душу, но ничего понять так и не смогла. Она еле дождалась перерыва на обед, помчалась в столовую, искала там глазами Михайлову, но не увидела её. Тогда она стала крутиться возле заключённых, чтобы убить время, за стол так и не садилась. Наконец, она увидела вошедшую Михайлову, она взяла свой обед и села за свободный стол. Иволгина тут же перестала общаться с заключённой, взяла свой обед и пошла в ту сторону, где сидела Михайлова. Она подошла к заключённой, которая сидела возле неё и сказала:

- Освободи для меня место.
- Степанида, это же не твоё место?
- Не моё, но сегодня я здесь хочу посидеть. Поняла?
- Поняла.

И заключённая, поставив свой обед на разнос, перешла на другое свободное место. А Иволгина села рядом с Михайловой. Она посмотрела на неё, и их взгляды встретились. Елена доброжелательно, с сочувствием спросила:

- Осколок иголки из пальца достали?
- Да, врач вытащила.
- А нога как? Перелома нет?
- Нет.

- Ну и слава Богу. Если нет перелома, то опухоль быстро пройдёт. Я отремонтировала твою машинку, Степанида, заодно почистила её и смазала. Теперь она у тебя как новенькая. Ты извини, Степанида, что так получи-

лось, и мне пришлось ударить тебя. Мне очень стыдно, совесть грызёт меня. Я заработаю денег и отдам тебе, чтобы ты смогла вставить зубы. Прости меня, Степанида...

От такой чистоты, простоты и участия Елены в случившейся по вине Степаниды беде ком подкатил к её горлу. Степаниде хотелось расплакаться и обнять Михайлову, и она неожиданно для себя восторженно сказала:

– Да что ты, Лена, кажется, тебя так зовут? Я должна просить у тебя прощения. Это я во всём виновата. А ты вместо того, чтобы наказать, спасла меня, да ещё прощения просишь. Спасибо тебе. И прости меня...

Степанида виновато опустила глаза и стала есть борщ. Елена, в свою очередь, не ожидала извинений от Иволгиной, засмушалась, а затем стала спокойно обедать. После обеда Михайлова побежала в библиотеку, чтобы записаться в неё, но во время перерыва ей никаких книг не выдали, и она вновь помчалась работать. Сегодняшнее задание Михайлова выполнила. Но всё же подошла к мастеру, Татьяне Сидоровне Журавлёвой, которая сидела за столом и подсчитывала в журнале процент выполнения нормы каждой заключённой и соответствие этого плану.

– Татьяна Сидоровна, все задания, которые вы мне давали, я выполнила.

– Я знаю, Михайлова. И знаю, что ты отремонтировала машинку Иволгиной. Молодец, что тут скажешь. Ты у нас и механик, и швея отменная, даже не знаю чего в тебе больше. Возьми ещё заготовки, до конца дня три часа осталось, ещё успеешь кое-что пошить.

Елена взяла заготовки и пошла к машинке. Она пересчитала их и стала уверенно строчить одну за другой. До конца смены Михайлова успела выполнить почти всю дополнительную работу. Собрав в ящик сшитые рукавицы, она понесла сдавать их Татьяне Сидоровне.

– Примите мои вещи, Татьяна Сидоровна, я не дошла всего десять пар.

– А остальные, Михайлова, пошила?

– Да, пошила.

– Там же дневная норма. Как это тебе удаётся так бы-

стро шить и без брака? Ты раньше швейей работала что ли?

– Нет. Я по образованию инженер. Я же вам говорила...

– Говорить-то говорила, но я почему-то не верю тебе. Не может человек без опыта так быстро и качественно шить.

– Я в отрочестве шила, особенно платья на заказ.

– Что значит, Михайлова, в отрочестве?

– А то и значит, Татьяна Сидоровна, что в тринадцать-четыренадцать лет я шила людям.

– А училась где?

– Нигде, самоучка я. Правда, вначале мама объясняла, а потом вскоре я и без её помощи справлялась.

– Да ну тебя. А что же ты шила?

– Я же вам сказала: шила всем то, что просили.

– Что и брюки, и костюмы?

– Нет, я шила блузы, юбки, халаты, платья.

– Так вот, значит, откуда у тебя навыки. Тогда всё понятно. Ты у нас с такой быстротой сумеешь в день две нормы выполнять. У нас же за работу платят. Денежки идут на счёт, а после отбъития срока сразу получишь большую сумму денег. Да и здесь можешь расходовать на всё необходимое деньги свои не больше пяти рублей в месяц. А у тебя же есть ребёнок, обратись к врачу, он подскажет, какие ему дополнительно продукты нужны. На это тебе разрешат ещё дополнительно деньги тратить. Зрозумила?

– Да, спасибо, Татьяна Сидоровна, поняла.

Журавлёва посмотрела на Михайлову, ей почему-то стало её очень жаль. И она сердобольно спросила:

– А малыш-то как себя чувствует?

– Пока, слава Богу, ничего.

– Грудью кормишь?

– Да, грудью.

– Тогда беги уже, Михайлова, корми. Твоё время наступило, ты ж у нас по-особому графику работаешь: и день рабочий сокращённый тебе предусмотрен, и дополнительный перерыв есть.

– Спасибо, Татьяна Сидоровна.

- За что ж мне спасибо? Это ж всё Исправительно-трудовым кодексом предусмотрено, правилами внутреннего распорядка колонии, а не я эти льготы тебе даю.

- Ну всё равно спасибо за разъяснения.

Лена уставшая, но не подавленная, поспешила в дом малютки, где её уже ждал Сашенька. Она быстро тщательно помыла руки, согрела их возле батареи, а затем вдоволь накормила сына. А тут к ней заглянул и врач.

- Здравствуй, Леночка.

- Здравствуйте, Дмитрий Васильевич.

- Как, Елена, рабочий день прошёл?

- Живо, Дмитрий Васильевич. Потихоньку привыкаю.

- Тебя там Степанида сегодня не обижала?

- Нет. Она села на обеде возле меня и как-то даже виновато передо мной извинилась.

- Ну, Елена, если перед тобой Степанида извинилась, то наверное скоро конец света наступит. Она же отпетая хулиганка. Мне там донесли, что ты её от старшей мастерицы защитила. Может, это положительно на неё подействовало. Степанида ни перед кем никогда не извинялась, хотя не раз за свои злые бандитские выходки сидела в карцере. А тут на тебе - извинилась, да ещё перед кем? Перед тем, кто её отлупил. Я же слежу за её поведением, вернее, за ней следят, чтобы она ничего с тобой не сделала. И тут, когда мне донесли, что она к тебе подсела да ещё и извинилась, я просто не поверил. Ты, Леночка, волшебница, кудесница, раз так на неё благотворно повлияла.

- Дмитрий Васильевич, я сама первая за своё поведение извинилась, а ей ничего не оставалось, как ответить взаимностью. Вот и всё.

- Это тебе, Лена, не на воле. На зоне здесь другие нравы. Сама скоро всё поймёшь. Как бы Степанида чего не задумала, ты всё же будь начеку. Не очень ей доверяй. Я вот перед начальником колонии похлопотал за тебя. Григорий Николаевич дал разрешение спать тебе в доме малютки. Вот уже и раскладушку принесли. Но начальник пока разрешил только на три месяца.

- И за это вам спасибо и Григорию Николаевичу. Я

буду очень стараться, Дмитрий Васильевич, чтоб вас не подвести. Я прямо-таки и не знаю, как вас отблагодарить.

- За то я знаю. Мне Михаил Иванович говорил, вернее, в письме написал, что ты, Лена, пишешь необыкновенные стихи, и мне бы очень хотелось их послушать.

- А на какую тему - духовные или лирические?

- Я бы хотел про любовь, что-нибудь такое с грустинкой.

- Тогда давайте, Дмитрий Васильевич, я прочитаю вам стихотворение, которое называется "Свеча любви":

***Стучусь к тебе весною яркой,
Открой врата своей любви,
Впусти мечту надеждой сладкой,
Меня любовью позови.***

***Во мне она парит крылато,
Совсем не ведая границ,
Уходит вглубь небес с раскатом,
Сливаясь с нежностью зарниц.***

***Средь них в цветении сердечном
Мы души будем восхищать,
И в этой неге в счастье вечном
С тобою будем пребывать.***

***Открой врата любви желанной,
Наполни мне надеждой грудь,
Ворвись весной благоуханной,
Не дай свечу любви задуть...***

- Чудесное стихотворение, Леночка. Столько в нём нежности, любви, надежды, вечности, весеннего благоухания. Похоже, это стихотворение ты кому-то посвящала. А мне никто никогда не посвящал стихов. Я люблю поэзию, хотя сам не пишу, но душой глубоко чувствую. Леночка, я понимаю, что ты устала после работы и тебе надо отдыхать, но ты почитай ещё одно, и я побегу.

- Я, Дмитрий Васильевич, затрудняюсь, какое же вам почитать. Почитаю вот это стихотворение, оно из последних, я его ещё никому не читала. Вы будете первым слушателем.

*Сердечко бьётся, грудь терзая,
Печалью всю себя избив,
Свеча дорог моих, стораая,
Дымит, слезою чуть покрыв.*

*Столь скорби в душу поселилось,
Её б хватило на отряд,
Но счастье где-то всё ж искрилось,
Да забивал ненастий смрад.*

*И жизнь прошла дорогой сорной,
Неся польнь да лебеду,
Душе хотелось быть раздольной,
Вдыхать цветъ роз, звенеть в саду.*

*И виться птицей быстроекрылой,
Парить, не ведая границ,
А не скорбеть слезой унылой
В красе взывающих зарниц.*

*Видать, мне путь такой подарен,
Коль он всю жизнь ко мне бежит –
Ухабистый, тоской изранен,
Но прелесть всё ж и в нём лежит.*

– Лена, не верится, что это ты его написала. Какое же оно утончённое, грустное и в то же время откровенное. Как так можно написать? В нём столько горечи, слезы, и в то же время смирения за те дороги, что преподносит судьба. И есть в нём всё же ощущение радости, полёта и прелести. Мне после этого стихотворения хочется вскочить, сделать что-то прекрасное для тебя. Я хочу обнять весь мир и кричать: "Люди, не делайте зла друг другу, не дарите польнь да лебеду, а распахните сердца для любви, счастья и нежности. Вдыхайте аромат роз, наслаждайтесь в саду их благоуханием".

– Дмитрий Васильевич, а вы очень впечатлительная натура. Вы чувствуете самое сердце стиха. Вам приятно их читать.

– Леночка, а можно вы посвятите и подарите мне какое-нибудь стихотворение, пусть даже очень малень-

кое. Так хочется от вас получить в подарок стихотворение. Ведь поэты посвящают стихи своим родственникам и друзьям. А я постараюсь быть вам настоящим другом, помощником и верным товарищем.

- Хорошо, Дмитрий Васильевич. Как только посетит меня творческое вдохновение, то я непременно напишу стихотворение и подарю его вам.

- Так что, Леночка, можно надеяться и ждать?

- Можно, Дмитрий Васильевич.

- Леночка, а почему бы тебе стихи не почитать со сцены для заключённых? У тебя они прекрасные. Женщины станут рыдать, услышав их в твоём исполнении и написанные тобой. У нас же будет концерт, посвящённый 8 Марта. Участники самодеятельности в зоне приветствуются, а у тебя же талант. Порадуй на праздник наших женщин.

- Надо подумать, Дмитрий Васильевич.

- Что тут думать. Я скажу руководителю, и пусть тебя включат в программу. А то уже времени осталось мало. И я приду на концерт. Когда у нас проходят концерты, то на него приходят и обслуживающий персонал, и администрация колонии. Это у нас здесь радостное событие. Так что, Леночка, это нужно ещё и для дела.

- Хорошо, Дмитрий Васильевич, я поняла и постараюсь.

- Ну и отлично.. Я стану ждать с нетерпением, чтобы насладиться твоей поэзией.

- А какую же тематику выбрать?

- Как какую? Про любовь, конечно же, ну и чтобы воспитательное значение имела. Я сегодня забегал и осматривал Сашеньку. Не волнуйся, со здоровьем у него всё в порядке. Так что не переживай, вливайся в коллектив зоны, в том числе и в творческую деятельность. Скоро, Леночка, уже весна, а весной легче и интересней жить. Вот через неделю уж 8 Марта.

ГЛАВА III

По погоде сложно было определить, что приближается весна. Вовсю лютовали морозы. Температура опустилась до минус двадцати пяти градусов, что редко бывало в этих местах. Нередко кружились снежные бури. Сухой снег, словно песок, хлестко бил в лицо. Сугробы росли метров до трёх. Но дороги и тропинки в зоне быстро чистились, так что все проходы к зданиям обеспечивались незамедлительно. Организовывались даже ночные смены, чтобы не было сбоя в привычной нормальной жизни в зоне. Но сегодня погода, кажется, смилоствивилась, буря утихла. И засветило яркое солнце, лаская своими лучами и придавая настроению радости, заглядывая в цеха милым светом воодушевления.

Яркий луч солнышка падал и на машинку Елены, когда она работала. К ней подошла руководитель художественной самодеятельности колонии и сходу спросила:

- Это ты Михайлова Елена Васильевна?

- Я.

- О тебе мне рассказывали, что ты пишешь стихи и не возражаешь принять участие в концерте, посвящённом 8 Марта. А я - Свинцова Татьяна Валентиновна, ответственная за самодеятельность, а, значит, и за концерт. Приходите сегодня после работы, а то до концерта осталось только три дня.

- Приду, Татьяна Валентиновна.

- Да я такая же заключённая, зови меня просто Таней. За что ты сидишь?

- Как в приговоре указано - за агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва и ослабления советской власти.

- Политическая, значит. Так ты, наверное, опасная, наговоришь со сцены кто знает чего, а мне из-за тебя срок добавят. Ты принеси свои стихи, я на них посмотрю.

- Да, Татьяна, они у меня в голове.

- Тогда расскажешь. И подумаем стоит их заключённым читать или нет. Хорошо, Михайлова?

- Хорошо, а сколько их готовить?

- Ну не знаю.. Какие они у тебя - длинные или корот-

кие? Вечером сориентируемся. Так что приходи. А меня не бойся, хотя я и сижу за мокруху. Мужа я своего убила. Он довёл меня,пил очень. Меня бил и стал прикладываться к Васютке. Ударил его палкой и хотел ещё ударить, а я в этот момент его топором по голове и хряпнула. Сразу насмерть, не мучился. А мне за это семь лет и отписали. Два я уже отбыла. Старалась, чтобы перевели на лёгкий режим или досрочно освободили, а то Васятка у моей мамы живёт. А ей уже пятьдесят семь лет, сынуле же семь только. Вот я и стараюсь, чтобы к ним поскорее вернуться. Ты не обессудь, что вот так к тебе отнеслась. Я до лагеря учителем русского языка и литературы в старших классах работала. Немножко стихи писала, в них толк понимаю и люблю их. И вообще я обожаю литературу. Так что приходи. Буду ждать.

Елене понравилась Татьяна с первого взгляда. В ней она почувствовала что-то родное, близкое и откровенное. Ей хотелось не подвести её. Она стала перебирать в памяти стихи, которые можно было прочитать на концерте. Стихи роem кружились в её голове. Одни перебивались другими. Она никак не могла остановиться. Елена понимала, что заключённым явно воспитательные, нравственные стихи вряд ли понравятся. Можно было почитать здесь остросюжетные стихи, тогда их тоже могут признать как антисоветскую агитацию, направленную на подрыв и ослабление советской власти, а за это могут и срок добавить, чего Елена очень не хотела. Ей хотелось прочитать женственные стихи, чтобы в них воспевалось торжество женщины. "Лагерь-то женский, - подумала она, - и здесь большинство женщин сидит за вину, которую и виной-то считать нельзя. Взять хотя бы эту Таню, она же спасла своего сына, вот и ударила мужа топором. Она же не хотела его убивать, но в противном случае её супруг мог убить сына. И таких тут ползоны. Что-то мне надо такое почитать, чтобы администрация колонии меня бы не ругала, да и женщины ощутили бы на душе праздник, веру в себя и свою желанность. В этом случае наверное подойдёт стихотворение "Женщины". Но одного же мало, надо, чтобы сердце, хоть и заключённой женщины, всколыхнулось воспоминанием и пробудило

бы в ней грустинку о прошлом, но и в определённой степени распахнуло душу и заставило бы её осмыслить свою жизнь. Нужно, чтобы в моих стихотворениях была печаль, ощущение одиночества. Тогда прочитаю стихотворение "Берёза". Ну и про любовь же надо почитать. Прочитаю "Звёздный дождь", одно стихотворение и хватит".

Михайлова после работы, покормив Сашеньку, побегала к Татьяне. Ей она прочитала те стихи, которые запланировала. Выбор этот Свинцовой понравился. И вот наступил вечер. Елена волновалась, она не знала, как отнесутся присутствующие к её стихам. Ведущая концерта Татьяна объявила:

– А сейчас вам читает свои стихи Михайлова Елена.

– Попросим, попросим.

Присутствующие нехотя зааплодировали. Громче всех хлопал Дмитрий Васильевич и светился от радости и нетерпения услышать стихи.

– Дорогие женщины, – начала Елена, – я хочу прочитать стихотворение, которое посвящается вам:

***О, женщина, – источник жизни!
Ты – свет домашнего тепла,
Какой бы ни был мир капризный,
Тобой обласкана земля.***

***Пусть в честь твою поются гимны,
Цветут, красуются сады,
Пусть всегда в моей Отчизне
Твои сбываются мечты.***

***Хочу, чтоб ты звенела счастьем,
Небесной нежностью горя,
Чтобы не знала ты несчастья,
Любовь великую творя.***

***Чтобы во всём – пора настала,
Была ты ярче, чем заря!
И не сходила б с пьедестала
Воззванья, славы и добра!***

После того, как Елена закончила читать, раздался шквал аплодисментов. Присутствующим на концерте явно понравился стих, и они хлопали, не жалея своих ладоней.

– А сейчас я хотела бы прочитать вам стихотворение "Берёза". Оно наполнено воспоминаниями и грустью. Состояние одинокой берёзы ассоциируется с тем, что и жизнь нам порой преподносит сюрпризы неожиданного одиночества:

*У речки, скованной морозом,
Где снега намело к утру,
Стоит на холмике берёза,
Стоит и гнётся на ветру.*

*А лишь вчера над ней с восхода
Весь день под солнцем до зари
Средь бус хрустальных гололёда
Резвились славно снегири.*

*Искрились веточки алмазом,
С пригорка отгоняя тень,
Погожий, словно по заказу,
Для белоствольной вышел день.*

*И вот смешались снег и ветер,
Даль за пригорком не видна,
И кажется на белом свете
Она одна, совсем одна...*

Аудитория не ожидала услышать такое тёплое и сердечное стихотворение. Состояние одиночества берёзки было как-то близко и понятно внутреннему состоянию каждого, кто сидел в зале. Громко аплодируя, благодарные слушатели кричали: "Бис... Bravo..." Михайлова поклонилась и сказала:

– Милые женщины, я продолжу. Подарю вам ещё одно лирическое стихотворение, которое называется "Звёздный дождь". В нём есть цветение души, лучезарность и блаженство, которое тронет сердце, хотя и находится в данный момент в застенках бытия:

*Заточение бьётся в окошко,
Приоткрыв незаметно тоску,*

**Память всё ж улыбнулась немножко
И сказала: "Забить не могу**

**Тот простор и сирени цветенье,
Запах мяты, берёзовый стон,
И души лучезарной смятенье,
И сердечка ликующий звон.**

**И объятий пленительной силы,
Взгляд луны, юнопылкую грудь –
Как роскошны вы были и милы,
Небосвод вам распахивал путь.**

**Звёздный дождь укрывал вас блаженством
Средь цветов вдохновенной весны,
Вы казались тогда совершенством
И величия были полны.**

**Но увя. . . Весна двери закрыла,
Осень стужей стучит уж в окно,
Но ведь было цветение! . . . Было! . . .
Только жаль, что всё было давно. . . "**

Закончив читать вдохновенно, выразительно и проникновенно, Елена поклонилась аплодирующему залу, поблагодарила и ушла за кулисы. А зал не унимался, требуя от неё новых стихов.

– Лена, видишь, как ты приглянулась всем и как понравились твои стихи. Вон никак не уймутся. Иди ещё почитай.

– Таня, я больше не готовила. Я не знаю что им ещё почитать. Иди и объявляй следующий номер.

Ведущая вышла и сказала:

– А сейчас вашему вниманию будет представлен отрывок из балета "Лебединое озеро".

Но народ из зала кричал: "Михайлову на сцену. Пусть ещё почитает стихи. Bravo, Лена. Бис! Бис! Просим Михайлову..."

Ведущая вернулась за кулисы. Она развела беспомощно руки и, обратившись к Михайловой, взмолилась:

– Леночка, ну выручай, прочитай ещё что-нибудь. Видишь, как публика требует. Неужели у тебя нет в за-

пасе никакого стихотворения? Не может ведь такого быть.

– Таня, плохое же стихотворение не хочется читать, да ещё в таком месте. Я больше никаких стихов не повторяю. А без повторения боюсь, что не вспомню, начну запинаться и буду стоять как столб.

– Ну что же делать тогда, Лена? Ты же слышишь, как безумствует публика.

– Таня, а есть гитара?

– Есть. И очень хорошая, настроенная.

– Тогда давай, я рискну и спою.

И Михайлова, взяв гитару, вышла на сцену. Она сказала:

– Спасибо большое за поддержку. Я очень тронута тем, что мои стихи вам понравились. Окрылённая вашим тёплым приёмом, я хочу спеть вам песню, слова к которой я написала сама, а музыку – Иван Казанцев. Называется она "Моё сердце ты лаской укрой".

И Лена красивым задушевым голосом начала петь, аккомпанируя себе под гитару:

*Нас судьба разлучила с тобою,
Напоила остудностью дней,
Изболелась, родимый, душой,
Я от ран одиноких ночей.*

*Так они изнывают томленьем
Наших встреч под заветной сосной.
Сиротеют соловушки пеньем,
Что неслось к нам цветущей порой.*

*Их сейчас мне, мой друг, не хватает,
Хоть я слышу их голос весной,
И трель меня не вдохновляет,
Ведь рядом нет тебя со мной.*

*Ты приходи, дорогой мой, как прежде,
Лаской душу мою распахни,
Дай взметнуться крылатой надежде
И мне пылкое сердце верни.*

*Нас судьба разлучила с тобою,
Напоила остудностью дней.*

***Изболелась, родимый, душою
Я от ран одиноких ночей.***

Когда Елена закончила петь, она увидела, как многие женщины вытирают слёзы. Эти стихи и задушевное исполнение тронули сердца женщин, особенно тех, кто расстался со своими любимыми, оказавшись в заключении. Справившись с эмоциями, зал дружно и долго аплодировал Михайловой. В ней они увидели яркого и утончённого поэта и прекрасную исполнительницу песен.

На следующий день в зоне, как среди персонала, так и среди заключённых только и говорили о вчерашнем концерте и о замечательном выступлении Михайловой. К ней многие подходили. Одни её поздравляли с успешным выступлением, другие просили переписать стихотворения, звучавшие на концерте. К ведущей также подходили люди и просили её раздобыть стихи Михайловой.

Считая, что в стихах нет ничего крамольного Лена с Таней решили их отпечатать и сдать в библиотеку, а там желающие смогут взять их и переписать. Так они и сделали. Отпечатанные стихи Михайловой уже на следующий день находились в библиотеке.

Авторитет и популярность Елены после этого выступления на концерте быстро выросли. Пообщаться с ней хотели очень многие. И она никому не отказывала. Михайлова вскоре стала лидером среди заключённых, да и администрация колонии считалась с её мнением.

И вот однажды к ней подошла и Степанида.

– Лена, а можно и мне к тебе подходить? Твои стихи тронули мою душу, она словно очистилась что ли? Не знаю, как и сказать, но я как-то стала даже думать по-другому. Ты вот такая умная, добрая, стараешься людям помочь, а тебе зло делают. Вот и я тоже думала тебя утrophать. Ты прости меня, а?

– Бог простит, Степанида, и я тебя прощаю.

– Лена, не пойму, о чём ты говоришь?

– Ну это значит, что я тебя прощаю. А главный судья в наших делах – Господь. За все наши дела мы в первую очередь ответ несём перед Всевышним Владыкой.

– Лена, а ты христианка?

- Да, я отношу себя к этой вере. За что меня сюда и посадили. И признали, что я тем самым провожу анти-советскую агитацию и пропаганду, чем подрываю советскую власть, поскольку стремлюсь жить христианской жизнью.

- Так что же тогда собой представляет христианская жизнь?

- Степанида, настоящая добрая христианская жизнь может быть только у того, кто имеет в себе веру Христову и старается жить по этой вере, то есть своими добрыми делами исполнять волю Господа. Добрые дела есть выражение нашей любви, а любовь есть основание всей христианской жизни. Как сказано в Библии: "Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём.. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную". Так Бог делом проявил свою любовь к людям.

- Ой, Лена, я что-то тут совсем ничего понять не могу.

- Степанида, да что тут понимать? Та любовь, которая не сопровождается добрыми делами, не есть истинная любовь, а есть любовь только на словах. Вот почему Слово Божье говорит: "Вера без дела мертва есть". Ведь сам Господь Иисус Христос сказал: "Не всякий говорящий Мне "Господи! Господи!" войдёт в Царствие Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного..." Поняла?

- Ничего я, Елена, не поняла. Но мне это так интересно. Можно, я к тебе буду приходить, а ты меня потихоньку будешь просвещать?

- Можно, а почему же нельзя? А ты не боишься, что за это добавят срок?

- А я об этом, Леночка, никому говорить не стану. Мне самой так хочется знать Закон Божий. Душа вот сейчас, да и вообще в последнее время, по-другому жить призывает. Не хочется мне больше грязи и зла. Меня, кажется, гложет совесть. Лена, что такое совесть по-твоему, а то я толком и не знаю?

- В Законе Божьем сказано, что совестью называется внутренняя духовная сила в человеке. Совесть есть внут-

ренный голос, который присущий всем людям. И этот голос нам подсказывает, что есть добро и что есть зло, что честно и что нечестно, что справедливо и что несправедливо. Голос совести обязывает нас делать добро и уклоняться от зла. За всё доброе совесть награждает нас внутренним миром и спокойствием, а за всё недоброе и злое – осуждает и наказывает. И человек, который поступил против совести, чувствует в себе разлад – угрызения или мучения совести.

– Именно так, Елена, я в себе стала чувствовать разлад, какие-то муки. Раньше такие ощущения мне были совсем не знакомы. Я случайно не схожу с ума, а?

– С ума ты, Степанида, точно не сходишь. Но душа твоя пробудилась. А по какой причине – надо ещё разобраться. Может быть, ты сама прозрела, а может быть, чьи-то молитвы помогли – родственников или каких-либо других людей, мне это сложно сказать. А ты сама – как думаешь?

– Родственников у меня нет, так что они за меня не могут молиться, я ж детдомовская. Правда, есть у меня сестра моей бабушки Ефросинья, она вроде бы и знает меня, живёт на севере. И она в Церковь ходит, не то, что моя бабушка Ирина, которая была в заключении в тридцать седьмом году. Я толком не знаю, за что она сидела, кажется, за антисоветчину какую-то. Но конкретно за что, нет у меня сведений, да я, признаться, не интересовалась. Вот и все родственники. Хочу разыскать и бабушку Ирину, и бабушку Ефросинью, может, ещё живы они.

– Конечно, свои родовые корни надо знать. Это, Степанида, очень важно для человека. Это же наши пращурь. В нас ведь гены не только родителей, но и более дальних родственников, которые рано или поздно дадут о себе знать. Так вот, Степанида, может о тебе бабушка Ефросинья молится, оттого ты и стала чувствовать душевное волнение.

– Не знаю, Елена, может и так. А ты мне дашь почитать что-нибудь, связанное с Богом и Церковью?

– У меня ничего нет. Там в Москве была духовная литература, и Библия была. Но по доносу одного нехоро-

шего человека, Дана Абрамовича Устицкого, у меня в милиции всё забрали.

- Вот гад, таких убивать надо. Правда, Лена?

- Убивать их, Степанида, не надо, Бог их Сам накажет, но от них подальше надо держаться, это точно.

- А кто он такой этот Дан?

- Очень и очень нехороший человек. Я из-за него сижу здесь. Он был другом моего бывшего мужа Снегирёва Виктора Павловича. Снегирёв все мои рукописи на духовную тематику забрали и отдал Дану. А он отнёс их в прокуратуру, потому что я отказалась ему подчиниться, поскольку узнала, что он был сатанистом. И из-за этих рукописей против меня было возбуждено уголовное дело, а мои действия признали антисоветскими. По версии следствия, содержание моих рукописей подрывало устои советской власти. И вот дали мне за мои стихи, где я признаю Бога, Его творения, Его высшую силу, Его вечность семь лет.

- Только за это, Лена?! А другого ты ничего не совершила?!

- Ничего, Степанида. Моя вина только в том, что я хочу быть христианкой, верить в Бога, почитать Законы Господние.

- Так что же в этом плохого? Ты же по христианской вере зовёшь к добру, не творить зла, и где же тут подрыв советской власти? А может и мою бабушку Ирину за что-то подобное посадили, а?

- Возможно, Степанида, посадили и за веру. В наше не совсем объективное время всё возможно.

- Ты прямо, Лена, разбудила во мне любопытство. Я непременно напишу письмо бабушке Ефросинье и спрошу её по-хитрому обо всём. А она женщина умная, всё поймёт и ответит как надо. Может быть, и моя бабушка по чьему-то доносу, как ты, сидела в тюрьме. А сейчас где этот Дан? Жив этот иуда?

- Жив, в Москве работает. Да ну его, Степанида... Не хочу я о нём говорить, он очень нехороший человек, к тому же занимается мужеложством.

- А что это такое, Леночка?

- Про таких людей здесь говорят, что они "голубые".

– Тогда всё понятно. Дальше можешь не рассказывать. А вот о Боге, о сверхъестественном Божественном Откровении мне хочется послушать. Я об этом случайно слышала, старушки говорили, но ничего не поняла.

– Главное Своё откровение, Степанида, Бог сообщил людям особым, необычным способом или, как мы говорим, сверхъестественным образом – это когда Бог открывает правду о Себе непосредственно Сам или через Ангелов. Такое откровение и называется сверхъестественным Божественным Откровением.

– Лена, а такое откровение Бог может являть всем людям?

– Нет, Степанида. Не все люди могут принимать откровение от Самого Бога из-за своей нечистоты греховной и немощи духа и тела. Поэтому Господь избирает особенных праведных людей, которые могут принять это откровение.

– Что же это за люди такие?

– Первыми провозвестниками откровения Божия были Адам, Ной, Моисей и другие пророки и праведные люди. Ведь они приняли от Бога и проповедовали начало откровения Господнего. В полноте же и совершенстве Божие откровение принёс на землю Сам воплотившийся Сын Божий, Господь наш Иисус Христос и распространил его по всей земле через своих апостолов и учеников. Это Божественное Откровение теперь распространяется между людьми и сохраняется в истинной святой православной Церкви двумя способами: посредством Священного Предания и Священного Писания.

– Лена, а что первично?

– Конечно же, первично Священное Предание, ведь от начала мира до Моисея не было священных книг, а учения о Вере Господней передавались устно, преданием, то есть словом и примером от одного к другому и от предков к потомкам. Степанида, ведь и Сам Иисус Христос Своё Божественное учение и установления передал ученикам Своим словом или, как ещё называют, проповедью и примером Своей жизни, а не книгою, то есть не писанием. Поняла?

– Поняла, Елена, ну ты ещё хоть немножко расска-

жи, так всё это интересно и захватывающе. Ты скажи, таким же способом вначале и апостолы распространяли и утверждали Церковь Христову?

- Да, именно таким. Ты гляди, Степанида, какая ты смекалистая, сразу всё поняла.

- Просто ты доходчиво и понятно всё объясняешь. А откуда ты всё это знаешь? Прямо как священник.

- Этому, Степанида, меня научил схиархимандрит Тимофей. Он служит в женском Монастыре. Находится этот Монастырь недалеко от Москвы. Батюшка Тимофей говорит на проповедях то, о чём я тебе рассказывала. И он мне давал много Святых Писаний. Вот оттуда я всё и почерпнула.

- Лена, после того, как я с тобой поговорила, на душе у меня стало как-то теплее и уютнее. Можно я ещё приду к тебе, и ты мне расскажешь о Библии, Святых, Иисусе Христе, о праздниках церковных.

- Степанида, чтобы удовлетворить твои запросы, мне нужно рассказывать тебе не один год.

- Во-первых, Лена, ты сказала, что я сообразительная и быстро схватываю, а, во-вторых, что нам здесь ещё делать? Времени у нас здесь предостаточно.

- Хорошо, тогда вот тебе первое задание. Бери ручку и пиши основополагающую Господнюю молитву "Отче наш".

И Елена стала диктовать Иволгиной молитву, которую она старательно записала.

- Так вот, Степанида, чтобы завтра выучила эту молитву наизусть. И не очень её показывай другим, а то за неё ни тебе, ни мне не поздоровится.

- А можно я Дуняхе её почитаю и дам выучить? Она, как камень, не выдаст, никому ничего не скажет.

- Смотри, если ты ей доверяешь, то дай. Пусть тогда для себя перепишет.

- Она, Лена, не только перепишет, а и наизусть выучит, у неё прекрасная память. Спасибо тебе за всё. И прости меня. Ты такая хорошая, а мы с Дуняхой против тебя зло замышляли. Ты вон как к Господу льнёшь, значит, это Он и защитил тебя, да?

- Ой, Степанида, я тоже большая грешница, хоть и

стараюсь быть чище, да не всегда это получается. Давай иди уже, а то мне Сашеньку давно кормить надо..

- Ухожу, ухожу, а завтра примчусь. А можно я приду с Дуняхой? Она мне как родная сестра. Ей про Бога тоже будет интересно послушать. Я ей про сегодняшнюю беседу всё расскажу.

- Если ты ручаешься за неё, я тебе это уже говорила, то приводи.

- Ручаюсь, ручаюсь, Леночка. Она, наверное, как и я была бы хорошая, если бы мы с ней не стали на воровской путь и не убили бы этих двух пенсионеров. Вот уже с тех пор прошло два года, а картина их убийства перед глазами так и стоит. И я хочу за них помолиться. Можно мне за них помолиться?

- Можно, даже нужно. Иди уже, Степанида. Кажется, не дождались меня, Сашеньку сюда несут.

Дверь отворилась, и в комнату вошла нянечка с Сашенькой на руках. Малыш плакал, требуя ужина. Елена взяла мальчика на руки, приложила к груди, и он стал жадно сосать. Когда он наелся, то стал улыбаться маме, радостно агукая.

- Что, Сашенька, хочешь поблагодарить маму за вкусный ужин? Ты мой хорошенький, ненаглядный, славный мой сыночек, тебе ж уже скоро три месяца исполнится. Ты у меня уже большой, давай на ножках постоим. Давай, давай.. Вот так, шагай, мой ангелочек, шагай.

Михайлова с наслаждением и материнской радостью возилась с малышом, делала с ним необходимые упражнения. Затем запеленала его, покачала, и он вскоре уснул. Елена отнесла сына в общую детскую комнату, где уже спали остальные дети.

По пути она зашла в комнату, куда приносят корреспонденцию. Там она увидела письмо от сестры Тамары. Лена быстренько его открыла и стала читать с радостью и волнением: "Дорогая моя сестрица, ну почему ты не отвечаешь? Я тебе пишу по счёту уже десятое письмо, а ты не отвечаешь. А может письма не доходят до тебя? Я вся извелась уже. А у нас здесь всё по-старому. Я так же работаю директором, а супруг - начальником участка.

Только очень переживаю за тебя. Звоню Ивану, разговариваю с Ленусенькой, Игорьком. Они вроде держатся неплохо. Все стараются, трудятся. Где-то в начале апреля, к твоему дню рождения, буду в Москве. Там в кругу твоей семьи непременно отметим твой день рождения. Что тебе, дорогая сестричка, купить? Я ведь так люблю тебе что-нибудь дарить в этот день. И на этот раз подарю тебе платье, пусть висит и дожидается хозяйку. Леночка, мне так тебя не хватает. Если будут давать свидание, то я к тебе приеду. Как ты на это смотришь? Я вот с Иваном поговорю, и если разрешат в июне-июле свидание, то всей гурьбой и приедем. Мне же тут близко, за семьдесят часов можно добраться.

Леночка, ты хоть какую-то коротенькую записочку передай с кем-нибудь, а то я очень волнуюсь. Как там чувствует себя Сашенька? Может, я могу тебе что-то передать? Может быть, какие-нибудь лекарства нужны? Я отправляла тебе посылку, а она назад вернулась. Я там по своим каналам узнавала, мне сказали, что тебе ещё не положено посылки отправлять. Это правда? Вот законы так законы..

Я по тебе, Леночка, очень соскучилась. А так здесь у всех братьев и сестёр дела идут по-старому. Все работают. Олег учится на четвёрки и пятёрки. На отличника не тянет.

На могилку к мамочке хожу частенько. Люблю там бывать. Там как-то спокойно и в то же время тревожно. Находясь там, я часто задумываюсь: а правильно ли я живу? Зачем я живу? К чему эта вся наша суета? Ну не будем о грустном, так ведь, сестрица? Перечитываю твои стихи, мне они в душу запали. Все твои поздравления выучила наизусть. Пользуюсь ими, когда поздравляю людей или говорю тосты. Народу они нравятся.

Письмо, сестричка, получилось сумбурное. Ты извини, это, наверное, оттого, что не имею от тебя весточки. Но буду надеяться, что ты ответишь мне, моя родная.

Целую тебя, моя сочинительница, крепко-крепко. Держись там. Все несчастья и недоразумения пройдут. Всё наладится, время лечит. До свидания. Целую ещё раз. Тамара".

Прочитав письмо от сестры, Елена задумалась и закрутилась. Она очень любила Тамару, ведь они ещё в детстве делились с ней крахмальной хлебом. Чтобы облегчить участь больной матери, обе сестры много и добросовестно работали, полагаясь только на себя. Эта детская любовь друг к другу не остыла ни в юности, ни в зрелые годы.

"Как быстро бегут годы. Те, что я провела на свободе, просто пробежали. А те, что я проведу здесь, наверное, будут тянуться. Они теснят печалью, тоской и недопустимостью. Здесь мою жизнь хоть и не отняли у меня, однако в зоне человек живёт не по тем правилам, что диктуют душа и разум, а по тем, что предусмотрены Исправительно-трудовым кодексом и правилами внутреннего распорядка колонии. Даже не разрешают письма отправлять родственникам в том количестве, в котором хочется. Я же Тамаре отправляла письма, значит, их не пропустили. Сейчас напишу и попрошу Дмитрия Васильевича, чтобы бросил в почтовый ящик за территорией зоны, тогда Тамара точно получит моё письмо", - думала Елена.

Она вырвала из ученической тетради лист бумаги, взяла ручку и начала писать. Но мысли почему-то разбежались, и она не знала с чего начать. Сердце подсказало, и Михайлова приступила: "Здравствуй, моя любимая сестрица Тамара Васильевна. Я тоже очень тебя люблю. Ты пишешь, что отправила мне около десяти писем, а я вот только сегодня получила первое за весь период пребывания в КПЗ и колонии. Очень по тебе скучаю. Я тоже тебе неоднократно писала. Но, наверное, не пропустил контроль. Это письмо я постараюсь отправить через одного человека, который бросит его в почтовый ящик в городе.

Ты, Томочка, спрашиваешь, как я здесь живу. Потихоньку привыкаю. Конечно, условия колонии не те, что на воле, но жить можно. Ну а если в себе воспитывать терпение, то трудностей совсем не заметишь.

Я с заключёнными живу дружно, вначале, правда, некоторые из них приняли меня в штыки, а теперь они же меня и охраняют, и защищают. Этому же вероятно

поспособствовало моё выступление на концерте, который был посвящён празднику 8 Марта. Я там читала свои лирические стихи и спела свою песню. Моё выступление всем очень понравилось, мне долго аплодировали. Многие подходили, да и сейчас подходят с просьбами переписать им мои стихи. Распевают повсюду здесь песни на мои слова. Одним словом, Томочка, после этого концерта я проснулась местной знаменитостью. Администрация колонии тоже ко мне хорошо относится. Я стараюсь ничего здесь не нарушать, планы выполняю и перевыполняю наравне с остальными заключёнными, хотя норма у меня значительно меньше, чем у них. И такая норма сокращённая будет у меня, пока Сашеньке не исполнится два годика. А потом его у меня заберут, и куда его определят, пока не знаю.

Сашенька, слава Богу, растёт нормально. Вес набирает хорошо. Молока у меня много, пока не прикармливаю. Врачи осматривают Сашеньку и говорят, что он не нуждается ни в каких добавках.

Томочка, конечно же, мне здесь грустно. Не хватает воли, которая позволяла мне ехать к тебе, когда захочется, и звонить, сколько я хочу. Пообщаться бы с тобой вволю, вспомнить наше с тобой детство, хоть и тяжёлое, но наше, наполненное нашими проблемами, нашей любовью и ссорами, нашими достижениями и утратами, нашими радостями и печальями – всем тем, с чем мы росли, что наполнило нашу душу и плоть. А ты же мне, Томочка, всегда была и остаёшься и сестричкой и подружкой, с которой можно обо всём поговорить – и о жизни, и о женихах, и тайны друг другу доверить самые сокровенные. И защитницей ты моей в детстве была самой смелой. Помнишь, как на меня напали три мальчишки, как я ни отбивалась, они поколотили меня до крови. А ты их встретила со своим Петяшей да так отлупила, что они больше никогда меня за волосы не дёргали и обходили десятой дорогой. А потом помнишь, я с ними дралась с каждым по отдельности, а ты стояла недалеко, вот тогда я победительницей выходила. И много-много раз ты меня выручала. Спасибо тебе, моя любимая.

Томочка, а ты знаешь, что меня лишили учёных сте-

пеней и званий? Я теперь не доктор технических наук и не профессор. Это очень печально для меня. Теперь мне дорога в космическую и оборонную промышленность закрыта. И на моих разработках сотрётся моя фамилия, мои открытия и изобретения могут кануть в лета. Мне теперь надо думать о каких-то других путях, но каких – я не знаю. В голову ничего разумного не приходит. У меня же трое маленьких детей и мне всего лишь тридцать три года. Вся жизнь впереди. Правда, мне ещё надо отсидеть шесть лет и четыре месяца. Это немалый срок, но его, Томочка, мне надо использовать для другого дела. У меня в колонии есть свободное время. И поскольку пути в ракетную отрасль для меня закрыты, поэтому и в зоне, и на воле меня ждут постылые дороги жизни. Ведь после заключения кроме как токарем, ну в лучшем случае масте-ром, меня больше никуда не возьмут.

Дорогая сестричка, поезжай в какую-то глубинку, а если будешь в Москве, то загляни в Монастырь к батюшке Тимофею и расскажи ему обо мне, помолитесь, чтобы Господь через вас подсказал бы что делать. Я и сама здесь молюсь. Но батюшка Тимофей – прозорливый человек, он явно подскажет, какой путь мне выбирать. Ведь у Бога всего много, и Господь для каждого из нас по своей силе заготовил путь. А когда мы молимся в Церквях и Монастырях преподобным, то чётче нам грешным приходит разумение, как поступить порой в наших прискорбных ситуациях. Я, Томочка, с нетерпением буду ждать письма от тебя. Ты, сестрица, направь письмо не на адрес колонии, а на городской адрес: г. Харьков, улица Пушкинская, 71. Савраскиной Фаине Петровне. Она очень хороший человек, это жена нашего врача. На уголке конверта поставь плюстик. А когда письмо придёт, то Дмитрий Васильевич отдаст мне его. Томочка, на моём пути и здесь встречается много хороших людей. Спаси их, Господи, и сохрани. До свидания, моя любимая сестрица. Поклон Олежику и мужу. Целую и до новых новостей и встреч".

Елена перечитала письмо, свернула его и спрятала в подписанный конверт, а утром отдала Дмитрию Васильевичу.

- Дмитрий Васильевич, вам не трудно будет бросить письмо моей сестре в почтовый ящик за территорией зоны?

- Конечно, не трудно. А где же, Леночка, обещанные стихи?

- Будут... Дмитрий Васильевич, мне сестра написала, что отправила мне около десятка писем, а я вот только первое получила. Я написала в письме для сестры ваш адрес и фамилию вашей жены, чтобы моя сестра на ваш адрес ответное письмо написала. Если в уголке конверта будет стоять плюсык, то это письмо будет для меня. Вы не возражаете?

- Какая ты, Лена, осмрительная. Конечно, не возражаю. Но стихи всё-таки мне давай. Ты так красиво их читала на вечере и пела, что я был потрясён. От стихов на глаза наворачивались слёзы, душа то ликовала, то плакала, то парила в пространстве желанной и искромётной любви. Ощущения после твоего выступления были возвышенными и необычайными. Я дома, конечно же, рассказал про твоё выступление и твои стихи. Жена тоже теперь не даёт мне покоя, просит, чтобы я принёс их. Те, что ты отдала в библиотеку, я переписал и отдал ей. Так Фаина после этого ещё больше насаждает на меня, чтобы я ей принёс твои стихи. И особенно ей хочется духовные, молитвенные. Такие у тебя есть?

- В голове, Дмитрий Васильевич, есть, а на бумаге нет. Но я обещаю их написать, а то такие стихи просит и Степанида.

- Кстати, о Степаниде. Что ты с ней сделала? Её словно подменили, это заметили кум, мастера, заключённые и охранники. Не нарадуются на неё. Нормы с лихвой выполняет, никому не дерзит, старается помочь. И за тобой вон хвостиком всё бегают.

- Степанида, Дмитрий Васильевич, по природе прекрасную душу имеет. Но судьба её загнала, как вам известно, в беспризорщину, где есть не дают, одежды тоже, да и ночлега не предоставляют. И она, когда была ещё ребёнком, научилась сама себя обеспечивать и защищать. От этой непомерной ноши она ещё в раннем возрасте огрубела душой, обозлилась на окружающий мир от

голода и холода, и в эту безжалостную трясиину борьбы за выживание она падала всё глубже и глубже. На её пути не попался человек, который бы ей по-доброму протянул руку дружбы, любви и взаимопонимания. Встретила она на своём пути вон Дуняху, но и она такая же обездоленная и никем не защищённая. Вот от этого, чтобы выжить, они и стали жить по законам природы. Поэтому и воровали, и при сложившихся обстоятельствах совершили убийство, которое их угнетает. Степанида как-то в разговоре упомянула, что убийство двух пенсионеров в последнее время не даёт ей покоя, рвёт душу, чуть ли не доводит её до самоубийства. Это говорит о том, что её душа не мёртвая, не сатанинская, а просто доведённая людским озлоблением до крайней степени отчаяния. Возможно, моё доброе и бескорыстное отношение к ней или какие-нибудь обстоятельства поспособствовали прозрению её души. Она почувствовала это и пытается найти путь спасения. В этом ей особенно сейчас надо помочь, и я всем сердцем стараюсь это сделать. Степанида это чувствует, поэтому, как вы говорите, она и ходит за мной хвостиком и слёзно просит меня написать молитву. Стала интересоваться Господом, Библией, христианством. Я как могу, даю ей пояснения. И чтобы она смогла обрести покой в душе, я написала для неё вот такие молитвы. Одна называется "Утренняя молитва", другая "Вечерняя молитва"

– Леночка, почитай.

– Хорошо, читаю.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Доброе утро, Иисус

Христос!

*Позволь жизни дня решить мне
вопрос*

*Не так как я всё спешу
совершить,*

*А как Ты желаешь мне путь
проложить.*

Тебя я прошу – мне, Господь,

помоги,
Чтоб душу мою не стубили
враги.
На доброе дело мне путь
освяти,
К работе душа чтоб стремилась
идти.
Но Имя Твоё выше всех чтоб
несла
И Веру в Тебя глубиной
берегла.
И чтоб не горела корыстью и
злом,
И не болела чужим
серебром.
А к людям любовь душа чтоб
имела,
Но горе сеять она бы
не смела.
И труд чтоб рождала во благо
людей,
Чтоб им от него было в жизни
милей.
Благослови Ты на это
меня,
Возлей, Вседержатель, старанья
огня.
Восславьем душа к Тебе чтоб
звенела,
А о грехах своих, Отче,
скорбела.

– Леночка, какая удивительная молитва! Какие здесь слова! Вот будто бы и простые, но столько в них чистоты, любви, откровения, веры, надежды и разлитой боли в душе, которую просящий желает иссушить, моля освободиться от корысти, зла, сребролюбия, зависти и всего недоброго. Он взывает, чтобы Господь благословил в течение дня вершить старание, смирение, недопущение грехов и всей откровенностью души славить Отче вселен-

ной надеждой идущего дня. Так я, Лена, понял твою молитву?

– Так, Дмитрий Васильевич. Эта молитва будет лечить душу добрым отношением к Иисусу Христу, проникновением души к просьбе, в которой Господь непременно поможет, коль она наполнена желанием делать добро.

– Елена, а можно я её перепишу и дам своей супруге?

– Я буду рада что-то доброе сделать для вашей супруги. По вашим словам Фаина – прекрасная жена и хороший милостивый человек, жаль, что я знакома с ней лишь заочно.

– Это ничего, Елена Васильевна, придёт время, ещё будем дружить семьями.. Но я тебя отвлék. Мне же не терпится услышать и твою вечернюю молитву.

– С радостью, Дмитрий Васильевич.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

*Слава Тебе, Боже, что день
освятил,
Способность к труду мне, Всевышний,
вручил.
И вновь лучезарился белый Твой
свет,
Зарёй улыбался небесный
рассвет.
Славный денёк красотой
горел,
Путь мой сердечко отрадою
грел.
И труд благодатью меня
окрылил,
Надежду и веру, добро
подарил.
И пищу, Предвечный Ты Отче, мне
дал,
И кровом надёжным меня
обласкал.
И радостью мой озарялся
чертог,*

**Меня не коснулся исчадия
рок.
День выдался красным и зовом
звенел,
И дышит здоровьем семейный
удел.
Восславе за всё Тебе, Сущий
Творец,
Хвала Тебе, слава, Всевышний
Отец!
За то, что Ты благом, Бог, снова
укрыл,
И счастьем прожитого дня
наградил.**

- Лена, я просто поражён! Где ты находишь такие слова? Когда тебя слушаешь, чувствуешь, что ты умная и начитанная, как и все интеллигентные люди. Но благодаря твоим стихам ты кажешься совсем другой. Чувствуется сразу твоя вдохновенность, твоё недостижимое мышление, твой простор души, которой ты охватываешь мир и даёшь читателю, слушателю то, что душа слышит, носит в себе, чувствует, но не всегда может раскрыть и выразить то, что её волнует и зовёт. Я восхищён, Леночка, и этой молитвой. Диктуй пожалуйста быстрее, я её запишу Фаиночке на радость.

- Эти две молитвы для человека необходимы как ночь и день, как сердце и душа, как две руки, как два крыла. Утренняя гармонично отражает вечернюю молитву. И, наоборот, вечерняя молитва ложится своей сочностью, восславием и благодарением к тому зову, что заложен основой души в утренней молитве.

- Ты, Михайлова, поэт от Бога. Я ни у кого не читал подобных стихов. Они у тебя действительно как молитвы. Как это тебе удаётся?

- В этом мне, Дмитрий Васильевич, помогает Господь.

- Это уж точно, без помощи Всевышнего тут не обходится. Вот где талант пропадает. А народ так нуждается в этой духовной пище. Лена, неужели твои стихи не увидят свет, а будут читаться из-под полы? Наверное, всё же

придёт время, когда их любой желающий сможет открыто и не прячась почитать. Как ты думаешь?

– Надеюсь, что придёт такое время. Но прозреют ли люди, пойдут ли к Богу? Смотри, ведь сколько лет из людей калёным железом выжигают эту духовность, делают их бесчувственными, эгоистичными, безнравственными, а лет через двадцать вырастет новое поколение, ещё опустошённое.

– Но как ты, Леночка, говоришь – у Бога всего много. И время покажет к чему мы идём, к чему придём и с чем останемся. Времена перемен придут, в этом я с тобой согласен. Уже мы не можем сопоставить страшное время тридцать седьмого года и наше. Наше время всё же более демократичное и справедливое.

– Ой, Дмитрий Васильевич, так ли то, о чём мы с вами говорим? Если бы власти и кагэбэшники слышали наш разговор, то вас, как и меня, упекли бы за решётку. Так что давайте на политическую тему говорить не будем, а то кто тогда мне будет помогать?

– Да, Леночка, ты права. Ну ничего, будем крепиться, держать язык за зубами и делать своё дело. Спасибо тебе, что ты умеешь вовремя остановить, дать полезный совет и облегчить душу. Я таких людей ещё не встречал. И слава Богу, что мне Господь на жизненном пути послал такого великолепно, сильного, милого и обаятельного человека. Я, Леночка, твой. На меня ты можешь рассчитывать полностью. А после получения этих молитв и моя Фаиночка будет ещё с большей радостью помогать и мне, и тебе. Она у меня очень жалостливая. Я очень рад, что ты меня в очередной раз просветила. Буду от тебя набираться ума-разума и светлеть, и нести этот свет в массы, – глядя на Елену, сказал врач и пошёл к своим больным.

Елена же покормила Сашеньку и пошла выполнять своё ежедневное задание. Она села за машинку и работала, не отрывая головы, пока не выполнила свою норму. Когда уже собралась уходить, к ней подошла Степанида. Она светилась улыбкой, поздоровалась и спросила:

– А ты чего это задержалась? Я знаю, что у тебя индивидуальный график, но сегодня ты пришла позже. Поче-

му?

– Да был у меня, Степанида, Дмитрий Васильевич.

– А этот врач чего к тебе повадился? – ревниво спросила она. – Я знаю, что он мужик неплохой, не сексот, но нечего ему делать возле тебя.

– Степанида, он и его жена Фаиночка тоже хотят побольше узнать о Боге, о Церкви, о вечности. Так вот я ему кое-что рассказала и дала ему две молитвы. Вечером после ужина придёшь, я и тебе их почитаю и дам.

– А можно я приду с Дуняхой? Всё, что ты мне говорила о Господе, о христианстве я ей рассказала. Ей всё это понравилось аж до слёз.

– Приходите, я сейчас пойду поужинаю, постираю пелёночки, покормлю Сашеньку и буду свободна.

Едва успев переделатъ все свои дела, Елена услышала шум за дверью и голос Степаниды.

– Елена, мы пришли, можно войти?

– Заходите...

– Лена, ты меня не выгонишь? Я случайно узнала, что Степанида и Дуняха к тебе собираются, а мне тоже к тебе очень хотелось прийти.

– Проходи, проходи, Виктория, не выгону. Ну, о чём мы девчонки говорить будем?

– С тобой, Лена, о чём ни говори, всё равно как-то тепло и радостно на душе. И времени не чувствуешь, и полегче заключение переносить. Ты, Леночка – наше солнышко, светишь нам и души греешь. Ты нам кажешься и мамой, и подругой, и учителем.

– Уж ты, Степанида, разошлась, прямо как оратор. Учиться тебе надо.

– Да я уже старая. Мне двадцать пять лет, как и Дуняхе.

– Двадцать пять лет для жизненного пути – это небольшой период, только четвертая часть жизни. А сколько вы с Дуняшей закончили классов?

– Десять на двоих.

– Маловато, Степанида. А вы давайте экстерном обучайтесь. Можно за три года получить полное среднее образование. Правда, Виктория? Ты же учительница, можешь им?

– Да я не против. Могу с вами позаниматься, и вы с сентября сразу пойдёте в седьмой или восьмой класс, как справитесь с программой.

– Они, Виктория, справятся, эти девушки способные. А в случае чего, то и я помогу по точным предметам.

– Если так, то я хочу идти учиться. А ты, Дуняха?

– Я тоже, Степанида, но при одном условии: не зови меня Дуняхой, а зови так, как называет Елена – Дуняшей.

– Ох, ты какая, ещё не выучилась, даже в школу не пошла, а величай её уж Дуняшей. Ну ладно, не буду больше называть тебя Дуняхой, но тоже с условием, чтобы училась на пятёрки.

– Многого ты от меня, Степанида, хочешь. На пятёрки я, наверное, не потяну, а стараться стану.

– Все девчонки обсудили и решили: будем учиться! А сейчас задавайте вопросы, кого что интересует?

– Я, Елена, слышала, что Россию крестили, правда это?

– Степанида, не Россию крестили, а Русь, она так всегда называлась. По преданию Святого Апостола Андрея Первозванного он был направлен в Скифию с проповедью о Новом Завете, то есть в страну, из которой впоследствии и образовалась Россия. И когда он поднялся на киевские горы, то там поставил деревянный крест и сказал, что в этой стране будет сиять истинная вера Христова. Бог определил освятить землю князю Владимиру, внуку Ольги. Сначала Владимир был ревностным язычником и вёл нечестивую жизнь, при нём были принесены в жертву идолам два христианина. Это отец Фёдор и его сын Иоанн, которые, таким образом, были первыми мучениками на Руси. Но вскоре Владимир почувствовал всю пустоту язычества и стал думать о другой лучшей вере.

– А что он сразу её крестил и всё?

– Нет, Дуняша, князь сначала посоветовался с боярами и по совету их отправил десять мудрых послов, чтобы они прошли по разным странам и определили на месте, чья вера лучше. Послы побывали в тех странах, откуда приходили проповедники. Возвратясь в Киев, они рас-

сказали Владимиру всё, что видели. Больше всего хвалили греческую православную веру. Послы говорили, что лучше греческой веры нет нигде и ни у кого. "Когда мы стояли, – говорили они, – во время службы в греческом Храме, то мы не знали, где находимся: на земле или на небе". И ещё добавили, что, вкусив сладкого, они не хотят больше горького, то есть, узнав православную веру греков, больше не хотят служить своим богам-идолам. При этом стоявшие здесь бояре тоже поддержали послов и заметили князю Владимиру: "Если бы вера греческая не была лучшая из всех, то не приняла бы её бабушка твоя княгиня Ольга – мудрейшая из людей". Тогда князь окончательно решил принять православную веру. И в 988 году окрестил Русь.

– Лена, а как крещение происходило?

– Вначале, Дуняша, Владимир предложил креститься своим двенадцати сыновьям, и они крестились. Затем за ними крестились многие бояре. Наконец, князь Владимир повелел всем жителям Киева прийти в назначенный день на реку Днепр, и в присутствии князя было совершено духовенством святое крещение. Владимир в радости и восторге, устремив свой взор на небо, молился Богу, чтоб Господь, сотворивший небо и землю, благословил народ русский, дав ему познать Его, истинного Бога, и утвердил в нём веру правую. По преданию в этот великий день земля и небо ликовали.

– А что произошло с князем Владимиром? Он после крещения каким стал?

– Приняв христианство, Степанида, Владимир во всём изменился. Из грубого и жёсткого язычника он стал благочестивым и милосердным христианином. Князь повелел всем бедным людям приходить к нему на княжеский двор и получать там всё нужное: одежду, пищу и даже деньги. Кроме того, сказал нагрузить подводы хлебом, мясом, рыбой, овощами, мёдом, квасом и послать по городам и сёлам для всех больных и нищих, которые сами не могли ходить. Народ полюбил своего великого князя Владимира и прозвал его "Красное Солнышко". Он, как к солнцу, тянулся к нему и вместе с ним шёл к Богу нашему Иисусу Христу. Великого князя Владимира впоследствии

ствии Святая Церковь причислила к лику святых, как и святую Ольгу. И православная вера из Киева вскоре распространилась и утвердилась по всей русской земле. Народ всей душой воспринял веру православную, которая несла с собою духовное просвещение: письменность, Монастыри, Церкви, Храмы, учреждения школ, развитие всякого рода искусств и создала высокую нравственность и культуру. И всё это, как вам известно, уважаемые мои подруги, большевики в 1917-м году низвергли, разрушили большинство Церквей, Храмов, Монастырей, уничтожили труды наших пращуров, их устои, культуру, нравственность, любовь к Богу, то есть то, к чему народ шёл и что строил веками. Но время придёт, и вновь станут возводиться Церкви и Храмы, будут возрождаться Монастыри. Придёт Михаил "Меченый" и даст простор быстрому развитию, распространению и утверждению вновь на славянской земле Православной Христианской Веры, с которой жили и погибали за наше Отечество наши славные пращурьы.

Услышав такую речь, заключённые почувствовали, что от слов Елены вдохнули свет разума, торжества и веры, которая неожиданно засветилась прозрением, восторгом и уверенностью в себе. Они совершенно по-иному посмотрели на откровенную Елену. Она не сдержалась и без утайки сказала то, что пряталось в глубине души, что другим она говорила совсем скупно. Но Елена не жалела, она подумала: "Значит, в этом здесь и есть промысел Божий, и эти заключённые – Виктория, Степанида и Дуняша – должны знать то, что я сказала. Они не донесут кагэбэшникам. А если и донесут, то на всё воля Божья".

Заключённые молчали несколько секунд, осмысливая сказанное. Им так и о том, что они услышали, никто никогда не говорил. Женщины доверчиво и с благодарностью смотрели на Михайлову. И Виктория своим бархатистым голосом сказала:

– Я учительница, закончила исторический факультет МГУ, но этого и близко не знала. Спасибо тебе, Елена Васильевна, ты меня просветила. Во мне словно что-то раскрылось: то ли радость, то ли надежда, то ли вера на-

ших прашуров, которая живёт в каждом из нас, но она была утоплена во тьме насильственным путём, а теперь хочет найти свет, спотыкаясь о горе наших властей, возвращённое их безумием.

Елена, закончив беседу, не стала никого предупреждать, что этот разговор не должен дойти до администрации колонии, а тем более до ушей кагэбэшников, иначе же им всем могут добавить срок заключения. Степанида, Виктория и Дуняша понимали это.

Пообщавшись ещё с полчаса, они разошлись, думая о том, что они услышали из уст Михайловой и о своей судьбе. На душе было тревожно, но в то же время радостно, это заметила каждая, особенно Дуняша, ведь она впервые так общалась с Еленой. Дуня не совсем поняла всей глубины сказанного, но скоро у неё чётко сформировалась мысль о жестокости советской власти. И она вспомнила, как у неё на глазах забрали отца за то, что он, будучи председателем колхоза, полмешка ржи отдал женщине, которая умирала с голода. Отцу тогда дали за это восемь лет. "А если бы отца не забрали, то и мама бы не умерла, ведь её сердце не вынесло несправедливости, которую допускала советская власть, кругом сеяла зло и лихо. И отец не вернулся из тюрьмы, умер от тоски и горя. А ведь он был большевиком и сражался за советскую власть, верил, что она принесёт людям радость и счастье. А эта самая власть принесла разруху, боли и смерть. Если бы отца не посадили, то мама бы была жива, и я бы не оказалась в детдоме и не стала бы беспризорницей, да и сейчас не сидела бы в этой колонии", — думала Дуняша. Ей так стало жаль себя, что она заплакала.

— Ты чего это разрыдалась, Дуняша?

— Себя стало жаль, тебя тоже, что вот нас с тобой лишили детства, родительской любви и всего того, что должен иметь ребёнок. И поэтому мы с тобой стали такими злыми, бессердечными и ненавистными, нас ведь с раннего детства обижали и оскорбляли. А пенсионеров этих, которые потом и кровью своё добро наживали, мы убили за их имущество, ну и кто мы после этого? Звери мы, звери, Степанида. А может и хуже зверей. Я сейчас это всё переосмыслила, а раньше меня это как-то даже не угне-

тало. Это ведь власть сумела вбить в нас такие бесчеловечные качества. Мы с тобой, Степанида, убили, лишили жизни двух невинных людей как звери какие-то. Меня это так гложет и душит в последнее время, особенно после беседы с Еленой.

– Дуняша, милая моя Дуняша, ты права. Я полностью с тобой согласна. Мы с тобой, как и тысячи, а может и миллионы таких уродцев, какими нас сделала советская власть, спрятались в кокон зла и выползаем из него, чтобы смертельно укусить человека и спрятаться вновь. И для нас в радость насладиться этим ядовитым укусом, затем снова и снова жалить ни в чём не повинных людей. Но коль мы с тобой, подружка, раскаиваемся, то в нас просыпаются человеческие качества. И мы сможем, Дунечка, стать лучше и чище душой, взрастить любовь к людям, к Богу. Это и есть та любовь, о которой говорила Михайлова. Видимо, она для нас посланник с неба. Наверное, это наши родители там о нас с тобой очень молятся, чтобы мы с тобой прозрели. И Господь нам дал эту благодать, послав на жизненном пути Елену. Давай её слушаться, и пойдём, как она велит, в школу, ведь она верит в нас. До неё же в нас никто не верил. А она верит! Значит, мы не совсем пропащие. Мы с тобой, Дуняшечка, сможем исправиться и станем добрее, лучше, искупим свой грех, во всяком случае, всеми своими делами и действиями будем стараться. Кто его знает, сколько нам ещё жить, может быть, ещё сумеем стать хоть немного похожими на Елену?

– Я тоже так думаю.. Нам же только по двадцать пять лет исполнилось, как сказала Михайлова, вся жизнь впереди..

– А тебе, Степанида, Виктория понравилась? – вдруг резко повернувшись, спросила Дуняша.

– Да ничего она. Но Виктория уже МГУ закончила, а ведь она лишь немного старше нас. Она очень красивая, тоже сидит за убийство. Говорят, с кровати столкнула своего любовника, он пьяный был, свалился, ударился головой о что-то острое, истёк кровью и умер. Он, говорят, партийным боссом был.

– Ну, Степанида, туда ему и дорога.

- Нельзя так, Дуняша, думать, хоть и босс он партийный, но живой же человек был. Да и дочка у них осталась, ей уже пятнадцать лет. Виктория родила её в четырнадцать лет.

- Да ты что? Вот это картинка расписная, золотая..

- Ну точно, а все подробности я, Дуняша, не знаю. Но видишь, Виктория к нам клонится, и когда созреет, то сама нам всё и расскажет. А ты её не спрашивай, не бередь раны. Виктория мне нравится. В ней есть что-то светское, королевское.

- Я тоже это заметила. Но она, Степанида, не кичится своим эмгэушным образованием. Ведёт себя просто, но без заискивания. Я бы не возражала тоже с ней дружить.

- Поживём, Дуняша, и увидим, как наша жизнь сложится. Но я одно поняла: буду стремиться всеми силами снять со своей души грехи, которые давят меня в последнее время, как плита.

- Я тоже, Степанида, с тобой заодно.

- Тогда, Дуняша, иди уже на свою койку, хватит нам шептаться, будем спать.

- Да-да, я уже уйду.

И Дуняша ловко и тихо перебралась на рядом стоящую свою койку.

В камере давно уже витал дух ночи, который укрывал окружающих осуждённых кого сном, кого воспоминаниями, а кого уводил в мир грёз и мечтаний.

Вот и Виктория ещё тоже не спала. Её сознание осмысливало то, что она услышала от Михайловой. Она всё думала и думала об этом разговоре и сделала такие выводы: " Елена – очень сильная и волевая, умная и добрая женщина. Она любит Бога и людей. И даже при таких сложных жизненных обстоятельствах не сломалась, да ещё таких дур, как я и Степанида с Дуняшей воспитывает. И старается помогать, несмотря ни на что. И столько трудится, хотя многое уже в жизни имеет.. А я? Я – эгоистка, распутница и совершенно избалованная девочка. Ну получился грех – забеременела я. Но ведь не было бы этого, если бы этот высокопоставленный дядька не изнасиловал меня. А затем он день ото дня растлевал мою душу, внося в неё боль, тоску и безразличие. Я же была

лучшей в классе, первой ученицей в школе, имела артистические способности, но ничего не добилась, сижу вот за решёткой. Отец моего ребёнка – подлец, но и я не поднялась над злом, мне ведь понравилось повелевать им, держать его в страхе и шантажировать. Это я быстро поняла, стала пользоваться своей красотой, своей властью над ним и требовать от него исполнений всех моих эгоистических желаний. Я перестала учиться, работать над собой и почти не нянчила свою Лизоньку. Это делали мои родители. А я вела праздную жизнь. В московский университет на лучший факультет это же он за меня поступил, а я вместо того, чтобы стараться, ходила туда, словно в гости. Преподаватели знали, что я любовница секретаря горкома, ставили мне отличные оценки. И мне это льстило. Разве после этого я не стерва? Стерва и шлюха последняя. Бедная моя мама, какво это ей было всё это видеть и терпеть? Но он и её тоже сумел подкупить. Дал же тогда сразу трёхкомнатную квартиру и повысил её в должности. А она приняла всё это как должное. Боже, какая грязь. Но если мне не было ещё полных четырнадцати лет, как он меня изнасиловал, маме то было под сорок, она уже ведь взрослой женщиной была, могла полностью всему этому отдавать отчёт. Но она ничего не делала, неужели он так запутал маму? И эту чашу позора она выпила молча до дна. Какой кошмар и ужас! Этот секретарь с экранов телевизоров без зазрения совести призывал людей к чистоте отношений, справедливости, честности, сам же оставался подлецом и вряд ли верил в то, о чём он говорил. А люди, затуманенные и подавленные коммунистическим игом, не коснувшись этой грязи, верили этим призывам. Лишь только те, кто умнее, понимали, что вся эта коммунистическая верхушка жила по двойным стандартам. Они людям говорили одно, а делали совсем другое. В этих людях нет ни жалости, ни совести, ни чести, а есть только животный страх, и из-за него они перед вышестоящим начальством изворачивались, как змеи, стремясь угодить им, пряча все свои неблагоприятные стороны жизни. Для начальства создавались такие условия, при которых их совесть и честь спали бы, а процветало прелюбодеяние, самодовольство и

распутство для удовлетворения собственного извращённого самолюбования. И всё это происходило потому, что отсутствовали надлежащее образование и культура. Действительно, что у нас за власть? Государство узурпировало народное богатство, труд, волю и даже жизнь людей. Существует оно за счёт средств, которые зарабатывает народ. На эти средства они создали армию, милицию, ими прикрываются и защищаются от людей. На потребности небольшого количества власть имущих работает такой громадный механизм, который по первому зову без всякой жалости перемальвает в своих жерновах миллионы людей. Это страшно. И народ, придавленный страхом, молчит и будет молчать, пока эта пожирательная машина не взорвётся изнутри. Почему же я этого так долго не могла осмыслить? Беседа с Еленой меня прошибла, словно током. Во мне зажётся какой-то неизвестный до этого свет и осветил то, что я не видела. Или я не хотела видеть? Так ведь тоже удобно – не думать, не делать, а плыть по течению. Михайлова сегодня, не страшась ничего, смогла столько всего просто, чётко, ясно донести. Это же её свет мне осветил мою никчемную дорогу жизни. Он как будто встряхнул меня и заставил думать. Что же мне делать? Как жить дальше? Я же наверное не смогу как Елена делать добро для других, взывать Бога и быть такой милосердной. Но, похоже, и прежней я уже не смогу быть. То, что во мне проснулось не даст мне, как прежде, безмятежно спать и идти тропой безнравственности. Где бы взять то, о чём говорила Елена? Я тоже хочу много знать о христианстве, о Боге, о святых и их жизни, о молитвах. Мне очень хочется почитать Библию. Может Лена мне в этих вопросах поможет? Я к ней теперь ближе буду держаться... Вон Степанида и Дуняха, которые были такими отпетыми зэчками, и то к ней тянутся не по выгоде, а по зову души. Сегодня ведь как они её слушали, и во мне эта беседа зажгла свечу спасения. Пойду завтра к ней и всё это расскажу".

И с этими мыслями Виктория Устрицкая погрузилась в сон, в котором она увидела своё детство, дом в селе у бабушки, где она любила бывать, особенно летом, когда ласково сияло солнышко и было тепло. Ей снилось, как

они вместе с бабушкой идут на речку.

– Виточка, ты далеко не ходи, а то там глубоко, уто-
нуть можно. Давай я поучу тебя плавать. Ложись на воду
и бей ножками. Вот так, вот так. Молодец. Поплыли
вдоль реки. Наплавалась?.. Давай пойдём уже на бере-
жок, а то ты посинела.

И они вместе с бабушкой вышли на берег. И вдруг, от-
куда ни возьмись, на них могучий колхозный бык бежит.
Виктория испугалась и закричала, от этого крика про-
снулась. "И зачем мне такой сон приснился?" – подума-
лось Виктории.

Но она долго раздумывать не стала, повернулась на
другой бок и продолжила спать, пока в камере не прозвуча-
ло: "Подъём!"

Заключённые лениво поднялись, стали одеваться и
готовиться к новому рабочему дню.

ГЛАВА IV

Рабочие дни, один сменяя другой, шли своим чередом.
Особенно любили заключённые воскресенье, в этот день
они могли позволить уделить себе больше времени.

Вот и Михайлова, устроившись поудобнее, писала
мужу письмо: "С воскресным днём тебя, мой сизокры-
лый голубок, мой Ванюшенька. Вчера получила от тебя
письмо и очень обрадовалась. Ты пишешь, что очень ску-
чаешь. И я, Ванечка, очень хочу видеть тебя и наших
дорогих деток. Не скоро мы свидимся с тобой, ведь толь-
ко в июле дадут долгосрочное свидание. Нам выделят
комнату, где все вместе сможем побыть два дня. Пред-
ставляешь, сколько у нас будет счастливых часов?! Тог-
да я наконец-то увижу тебя, смогу погладить твои пре-
красные волосы, услышать их запах, насладиться твоей
замечательной улыбкой. Мне так хочется почувствовать
твое горячее волнующее дыхание и посмотреть в твои
милые добрые глаза, которые могут открыто, доверчи-
во и с любовью смотреть в душу. И от этого взгляда ста-
новится так радостно и трепетно, что чувствуешь себя
счастливой.

Я очень люблю тебя, Ванечка, и с нетерпением жду
встречи, до неё осталось около двух месяцев. Думаю, что

это время быстро пробежит. У нас весна полностью вступила в свои права. Правда, так жаль, что на зоне мы не можем увидеть цветущих садов, но дыхание весны всё же ощущается.

Некоторых заключённых, которых администрация считает благонадёжными, направляли за территорию зоны наводить порядок. Я тоже попала в их число, поэтому полной грудью смогла ощутить это чудесное время года. Я думала о тебе, так мне стало грустно. Помнишь, родной, как мы с тобой ездили на речку, когда гостили у Любушки? Как там было прекрасно! Всё цветло, ты мне тогда нарвал целый букет полевых цветов. Я сплела венки, затем надела их на голову тебе и детям, и мы бегали в них, как индейцы, по берегу, а Игорёк и Ленусенька ещё исполняли для нас забавные танцы. Мы все смеялись, было так радостно и весело.

Я верю, мой дорогой муженёк, что придёт ещё к нам с тобой этот желанный праздник, где наши сердца сольются в едином дыхании, ощущении благодати и счастливой любви. Тогда мы вновь наполнимся счастьем нашего взаимного чувства и ощущения того, что мы рядом и вместе. А пока, мой ненаглядный, приходится терпеть и ждать. Но мы же с тобой, Ванечка, умеем ждать, правда? Время быстротечно, пролетит и не заметим..

Целую тебя, мой ненаглядный муженёк, и деток наших целую. Я им вкладываю по небольшому письмецу. Отдай им, пусть тоже почитают. Ответ можно не писать, вы быстрее приедете ко мне.

Жду вас, дорогие мои муженёчек, Ленусенька и Игорёчек с нетерпением. Я счастлива, что у меня есть такой прекрасный муж и замечательные детки. Сашенька растёт, с ним всё хорошо. Ещё раз всех целую.. Пока-пока.."

Елена положила письмо в конверт, сунула в карман и пошла кормить Сашеньку.

А Сашенька уже ждал свою маму. Она подошла к малышу, протянула к нему руки и сказала:

- Сънуленька мой, заждался маму, да?... Я делом, Сашенька, была занята. Папе, твоей сестричке Ленусеньке и братику Игорёчку письма писала. О тебе я мало написала. Сюрпризом для них будет то, что ты уже сидишь и

пытаться стоять. Они думают, что ты у меня маленький, а ты уже вон какой большой. И давай уже будем учиться говорить, мой мальчик. Говори: "Па-па, ма-ма". Не поучается, сынок? Ну ничего, получится. Зато мы умеем уже смеяться, гулить, ножками топать и ручками хлопать. Так ведь, сынулька? Скоро все наши приедут, а ты их приятно удивишь, да? Давай ползуночки тебе оденем. Они нам уже маловаты, да, малыш? Ну ничего, ещё их немного поносим.

А Сашенька словно понимал её слова. Он вдоволь поел и улыбался маме, перебирая ручками её волосы, и мило гулил.

– Ой, сыночек, ты решил маме волосы расчесать? Смотри, ручки не порань. Давай, я тебя к окошку поднесу, на небо посмотрим с тобой. Вон солнышко, смотри, как светит ярко и просится к нам с тобой. Да не разрешают, Сашенька, ему двери открывать, оно на нас с тобой через окошко смотрит. Ну, ничего, сынок, Бог даст, будем с тобой свободными и пойдём куда захотим. А сейчас, мой золотой ангелочек, пришло время спать. Пойдём, я тебя покачаю, песенку спою, которую когда-то пела твоему старшему брату Игорёчку.

Елена стала качать сына, тихо напевая ему колыбельную. И малыш вскоре уснул. Она положила его в кроватку и вышла во двор. Там она увидела дежурного, который чётко сказал ей:

– Михайлова, тебя завтра в одиннадцать часов вызывает начальник колонии.

– А по какому вопросу?

– Вот этого, Михайлова, он точно мне не докладывал. Пойдёшь завтра и сама всё узнаешь.

Елена заволновалась. "Зачем же он меня вызывает? Кажется, никаких происшествий не было. Замечаний тоже никто не делал, норму я перевыполняю", – так подумала Елена и с нетерпением ждала одиннадцати часов.

И вот наконец она открыла дверь кабинета начальника колонии.

– Вызывали?

– Вызывал, проходите, садитесь. Скажи, в чём сек-

рет? Почему за тобой заключённые ходят толпой?

- Не знаю..

- Ну всё же, Михайлова, ответь. Ты же явно знаешь, но не хочешь говорить. В чём секрет, за что они тебя так уважают?

- Да вы их сами и спросите.

- Я спрашивал, но они не отвечают.

- Значит, плохо спрашивали, коль молчат.

- Не дерзи, Михайлова! Может быть и плохо, но ты научи, чтобы я хорошо спросил.

- Этому нельзя научить. Людей надо чувствовать, любить, не питать к ним злобу, уважать их, тогда они сами захотят открыться и искать возможность побеседовать.

- Михайлова, давай не будем ходить вокруг да около. Я уважительно к тебе отношусь. И меня очень радует, что с твоим приходом у нас в колонии стало намного спокойнее. Наша Степанида, от которой раньше шёл дым коромыслом да её подруга Дуняша творили каждый день такие фокусы, что нам всем тут покой только снился. От них шума было на всю колонию. Я их бесконечно сажал в карцер, но это не помогало. Они всю колонию в страхе держали. Их боялись больше, чем начальство. Но ты каким-то образом на них подействовала, обломала им рога. Стали они теперь такие смирные. Скажи, как ты это сделала?

- Да никому я, Григорий Николаевич, никакие рога не ломала. Степанида и Дуняша – неплохие люди.

- Уж какие они люди были, Михайлова, мне известно. А вот почему дружими стали – не пойму. И это по твоей милости. Они теперь делают то, что ты им скажешь.

- Ничего я им не говорю. Они сами взрослые и разумные люди. Делают то, что им полагается делать согласно правилам внутреннего распорядка колонии.

- Ты, Михайлова, это знаешь?

- Я эти правила изучила в первые дни пребывания в колонии и действительно знаю те обязанности, которые должны выполнять заключённые, а иначе нельзя, Григорий Николаевич.

- И это правильно, надо знать свои права и обязанности. Но, похоже, что ты выходишь за рамки своих прав и

создала на зоне тайное общество.

– Я создала тайное общество? Да вы что, Григорий Николаевич?! Никакое общество я не создавала. От вас впервые слышу.

– Михайлова, мне по своим каналам стало известно, что кто-то из колонии направил в КГБ в Москву письмо, в котором говорится, что здесь создано христианское православное общество, а ты его возглавляешь. Вот копия этого письма. На, почитай.

Елена взяла письмо и стала читать его: "Председателю КГБ СССР.

Доводим до вашего сведения, что у нас в колонии создано тайное христианское православное общество. Возглавляет его заключённая Михайлова Елена Васильевна. В него входят заключённые: Устрицкая Виктория Константиновна, Иволгина Степанида Викторовна, Готовалова Евдокия Карповна и другие.

Это общество занимается антисоветской пропагандой и порочит социалистический строй. В нём читают и раздают листовки запрещённого содержания и призывают верить в Бога. Одним словом, клеветуют на советский строй и занимаются подрывом устоев государства".

Прочитав письмо, Михайлова сказала:

– Григорий Николаевич, да не возглавляю я никакого тайного общества. И нет у меня никаких листовок. Правда, приходили ко мне Степанида, Дуняша и Виктория, просили рассказать им о Боге, о религии. Я им говорила, что сама знала. На душе ведь у заключённых очень тоскливо, им хочется какого-то утешения, веры в то, что наступят дни освобождения, и я помогала всем, кто обращался ко мне, чем могла. А иначе очень сложно жить и становиться чище и лучше. Меня просили написать молитвы. Женщинам хотелось какого-то успокоения, я и продиктовала им сочинённые мною утреннюю и вечернюю молитвы. По-моему, они выучили эти молитвы и читают для души, когда им хочется. Но это было давно, я диктовала им их месяца три или два назад.

– Михайлова, ты говоришь правду, любишь людей и стараешься им помочь, за что я тебя и уважаю. Фактически ты ничего противозаконного не делаешь. Эти мо-

литвы и моя жена переписала у Фаины, жены Дмитрия Васильевича, и родителям моим они понравились. Да и я их читал. В них очень глубокий смысл. И действительно они могут утешить и успокоить. С ними душа отдыхает, умиротворяется доверительностью и откровением. В них я не вижу ничего плохого. Но ты, Елена, скажи всем своим подружкам, чтобы никто не имел ни при себе, ни в своих вещах этих написанных молитв, поскольку на днях к нам приедет проверяющая из КГБ Никитченко Тина Фёдоровна. Её к нам внедряют для того, чтобы изнутри изучить всю ситуацию в колонии. Никитченко к нам будет посажена за то, что она якобы убила своего любовника, поэтому предупреди всех, что эта Тина будет стремиться втереться к вам в доверие, особенно к тебе, Степаниде, Дуне и Виктории.

– А как, Григорий Николаевич, быть со стихами, которые имеются в библиотеке?

– Пусть там и находятся. Они же лирические, про любовь, в них крамольного ничего нет. Так что пусть заключённые и те, кому стихи эти нравятся их читают. Но вы никаких встреч со своими подругами не организуйте, друг с другом не общайтесь в течение этого времени, пока в колонии будет эта катэбистка. А она будет здесь где-то около месяца. Когда выйдешь от меня, то обо всём расскажи Степаниде. Пусть она очень аккуратно скажет обо всём тем, кому надо. И старайтесь друг с другом не говорить и вести себя холодно. Поняла?

– Поняла, Григорий Николаевич. Спасибо, так мы и сделаем.

Через пять дней в колонии действительно появилась осуждённая за убийство любовника Никитченко Тина Фёдоровна. Она сразу была активной, стала знакомиться с заключёнными и вести себя вызывающе. Подошла к Степаниде и словно нечаянно её толкнула.

– Брысь отсюда, а то сейчас так толкну, что полетишь, и пятки засверкают, – гневно рявкнула Степанида.

– Извини, я нечаянно.

– А я чайно врежу.

– Я ж не знаю здешних порядков, я здесь всего несколько дней, никого не знаю и хотела бы с кем-нибудь подру-

житься.

– Так иди и дружи, а от меня отцепись.

– А тебя Степанидой зовут?

– Вот прицепилась, как репьях. Ну, допустим, что Степанидой, а дальше что?

– Меня, Степанида, Тиной предки назвали. Ты – степь, а я – тина, значит, одного поля ягоды. Ты за что сидишь?

– Не твоё это дело и знать тебе это ни к чему.

– Ну а всё же? Я вот своего любовника шмякнула, он подлецом оказался, изменять мне стал с молоденькой бухгалтершей. А я не выдержала и всадила ему ножичек в грудь, а он и скопылчился прямо на работе. Теперь из-за этого подонка пятнадцать лет сидеть придётся. Скажи, Степанида, это справедливо?

– Справедливо или несправедливо – это меня не касается. Отстань от меня, иди вон, я и так с тобой кучу времени потеряла. За то, что ты столько времени забрала, будешь шить за меня двадцать пар рукавиц. Въехала?

– Въехать – то я въехала, но шить я за тебя не стану. Много тут вас найдётся таких недоделанных собак.

– Ты что, сука, сказала?

Степанида мгновенно схватила Тину за грудки и стала её трясти. Тина в ответ ударила Степаниду со всего размаха по лицу. Степанида сразу ещё в начале встречи поняла, что Тина ищет с ней знакомства и провоцирует на драку. Поэтому она несколько сдержанно вела себя с этой кагэбисткой и в ответ бить её по лицу не стала, чтобы не было следов, а ответно ударила её в солнечное сплетение. Тина схватилась руками за больное место и стояла так, согнувшись, не имея возможности вдохнуть воздух. От боли слёзы стояли у неё в глазах.

И в этот момент к ним подбежала надзирательница. Их увели. Начальник колонии дал распоряжение посадить обеих в карцер. Ему же официально не сообщили, что в колонию эту Тину внедряют как работника КГБ, это он узнал от своих друзей. Когда Григорий Николаевич узнал, что к нему в колонию будут тайно внедрять кагэбистку, он понял, что ему не доверяют. Поэтому он стремился никакими действиями не выдать, что ему всё известно. Необходимо было принимать обдуманные ре-

шения. Когда они пробыли в карцере несколько дней, их одновременно выпустили. После этого Тина уже не стремилась подружиться со Степанидой. Она искала повод познакомиться с Еленой. Такой повод выдался. Зная, что швейные машинки ремонтирует Михайлова, Тина умышленно испортила нарезку в лапке, отчего строчка не шла, а буквально буксовала на месте. Узнав о поломке машинки, старший мастер пригласила к себе Михайлову.

– Михайлова, у Никитченко поломалась машинка. Ты узнай, в чём там дело и отремонтируй.

– Я сейчас, Валентина Сергеевна, дошью эту партию и пойду ремонтировать.

– Ну, ты там, Михайлова, поспеши, завтра дошьёшь, а то ведь Никитченко бездельничает.

– Хорошо, тогда я сейчас иду к Никитченко.

Она подошла к новой заключённой и спросила:

– В чём дело? Почему машинка не шьёт?

– Поломалась вот и не шьёт, ты ремонтируешь, вот и разберись почему.

Михайлова на едкие слова Никитченко не отреагировала. Раскрутила лапку, посмотрела на неё и сказала:

– А зачем это ты умышленно так разнесла нарезку? Из-за продолжительной работы она так износиться не могла. На ней явно видны следы тяжёлых ударов.

– Ты что, мерзавка, на меня наговариваешь?

– Во-первых, я не мерзавка, а, во-вторых, не смей меня оскорблять, а то я за себя могу постоять. И, в-третьих, если будешь себя так вести, то я скажу об истинной причине поломки старшему мастеру. Тогда ремонт будет осуществлён за твой счёт.

– Извини, я погорячилась, после карцера сил нет, а тут надо норму выполнять. Вот я нечаянно зубилом и испортила нарезку.. Не выдавай меня начальству, а то я от того карцера ещё не отошла.

– Ты натворила, сама и докладывай, – уклончиво ответила Михайлова.

– А как докладывать? Кто ремонтировал мою машинку?

– Моя фамилия Михайлова, а зовут Еленой.

– А меня зовут Никитченко Тина. Занять тебе место в столовой, а то там народу тьма? – услужливо предложила Тина.

– Нет, не надо. Я приду позже. Я кормлю грудью ребёнка, только потом бегу в столовую. А когда прихожу, то тогда уже много свободных мест.

– А как зовут твоего ребёнка?

– Моего сынульку зовут Сашенькой.

– Сколько ему уже?

– Да маленький ещё, полгода только. Ну, всё, Тина, работай. Я тоже пошла норму выполнять.

– А ты кроме того, что ремонтируешь машинки ещё ишьёшь?

– Я, Тина, стараюсь не отставать, норму выполняю и частенько перевыполняю. Деньги же надо зарабатывать на соки Сашеньке. У мужа тоже денег не густо. С ним дома ещё живут двое наших детей.

– Сложновато тебе, Елена. А хочешь, я буду тебе помогать?

– Не надо, Тина, сама постараюсь справиться. До вечера или до утра, – улыбаясь собеседнице, ответила Елена.

Михайлова встала и пошла к своему рабочему месту. Никитченко сразу поняла, что Елена умная, скромная, но за себя постоять сумеет, хотя зря, как Степанида, драться не станет. Её сложно будет раскусить и расположить к себе. Под её, на первый взгляд, простотой скрывался кладёзь известных лишь ей сокровенных мыслей, которые без её воли не станут доступны другим. Вслух она сказала:

– Да, Михайлова, непростой ты орешек. Но я всё же попробую тебя раскусить, а то грош мне цена в базарный день.

А Елена же, в свою очередь, работая за машинкой, подумала: "Эта Тина хитра, коварна и не по-умному амбициозна. Однако, сложно мне будет держать себя с ней. Ясно, что она сядет на хвост не только мне, Степаниде, Дуняше и Вике, но и заглянет во все уголки колонии. Может быть, даже найдёт того, кто писал письмо в КГБ. Но как? Бог даст, поживём – увидим".

Михайлова немного успокоилась и продолжала шить. Смена шла уже к концу. Елена выполнила норму, чему была очень рада, и поспешила к сыну. После кормления Сашеньки она пошла в столовую, где ещё был народ. Когда она поела, то увидела, что к ней навстречу идёт Никитченко.

– Лена, ты уже тоже поела?

– Долго ли умеючи.

– Сейчас куда идёшь?

– На отдых, наверное, – уклончиво ответила Михайлова.

– Пойдём к Степаниде, я извинюсь перед ней. А то я с ней некрасиво поступила, это она из-за меня в карцер попала.

– Нет, Тина, это ваши дела, вы сами и разбирайтесь. А я тут, как говорится, третий лишний.

– Лена, скажи, это правда, что ты пишешь стихи?

– То не стихи, а одно недоразумение.

– Не скромничай. Я была в библиотеке и читала твои стихи. Они очень душевные и красочные, в них много любви и печали. Ты бы мне не могла какие-нибудь почитать? Очень хочется послушать.

– Не могу, Тина, я устала, нет желания.

– Ну хоть одно какое-нибудь коротенькое, Леночка, почитай.

Михайлова поняла, что Тина от неё не отстанет. И чем больше она будет отговариваться, тем упорнее та будет её упрашивать.

– Ну, хорошо. Тогда почитаю тебе стихотворение "Священный холм". Его я читала на вечере, который был посвящён Дню Победы.

***Где старый дуб склонился низко,
Где жёлт и грустен листопад
Под белым строгим обелиском
В родной земле солдаты спят.***

***Им свежий ветер на рассвете
Поёт про вдохновенный труд.
И к обелиску наши дети
Цветы в молчании несут.***

*Им салютует с небосвода
Грозы июльской мощный бас,
Кружатся звёзды хороводом
Над ними в полуночный час.*

*Родная степь вокруг без края
В размахе полевых работ,
Солдат, присягу принимая,
Здесь клятву Родине даёт.*

*Когда заря в наклоне низком
По нему крылья развернёт,
Здесь в караул у обелиска
Само бессмертие встаёт.*

– Ой, Лена, какое патриотическое, славное, наполненное грусти и в то же время любви к нашим бойцам, павшим на полях сражений, стихотворение. И подрастающие поколения, и солдаты, принимающие присягу в наши дни должны быть благодарны им за их ратные подвиги и верить в их бессмертие. А ты только одно стихотворение на этом вечере читала?

– Нет, я читала три стихотворения. Ещё я читала "День Победы" и "Папа".

– Ты же их помнишь на память?

– Помню.

– Почитай, пожалуйста, Леночка, прошу тебя. Про победу нашу я много стихов слышала и читала, а вот про папу не встречала. Я понимаю, что надоела тебе, но вот про папу почитай, и я от тебя отстану.

Лена посмотрела в глаза Тины, и там она увидела не кагэбэшное любопытство, а любовь к поэзии. И поэтому начала:

*Я – дочь погибшего отца,
Ты не ласкал меня, мой папа,
Но буду ждать я до конца
Тебя с войны домой солдата.*

*Ведь я хочу тебя иметь,
Хочу, чтоб мама посветлела,
Хочу в глаза твои глядеть
И прослезиться от веселья.*

***Хочу сказать, как я ждала
И верила, что ты вернёшься,
Как я лишь встречейю жила,
...Но ты с портрета лишь смеёшься.***

- Так у тебя отца на войне убили?
- Да, он погиб на войне.
- Сколько же детей у матери было?
- Нас у мамы было семь человек.
- Кто же ей помог вас всех растить?

- Никто, нас мама одна вырастила. У нас рядом даже ни бабушек не было, ни дедушек. И всех она сумела нас вырастить, правда, от чрезмерного труда в сорок лет стала инвалидом. Мы с малолетства работали во всю мощь. И все выжили.

- Ой, Лена, сколько же вам всем досталось, а твоей матери в особенности. Мы с мамой вдвоём жили, и то было очень трудно, а вы такой оравой. Не могу и представить, что вам пришлось вынести.

Ей стало по-настоящему жаль Елену, и она подумала: "Она вынесла такое горе, беду, нищету, лишения, а тут я явилась, чтобы её утешить и снова усилить ей муки. Она и так за десятерых натерпелась. Нет, я не стану её топтать. Да и за что же её наказывать? И так дали непонятно за что семь лет. Человек, который пишет такие стихи, никогда не сможет быть преступником. Из неё вон любовь, добро и трудолюбие так и льются". А вслух спросила:

- Лена, прости, а тебя за что осудили?
- За стихи.
- Что, за эти?

- Нет, был у меня один друг моего бывшего мужа Дан, он в мои рукописи, где я писала о Боге, подложил непонятно чьи стихи, в них была явная антисоветчина, и меня осудили по ст. 70 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду и приговорили к семи годам лишения свободы.

- А почему ты не заявляла о назначении экспертизы по чужим стихам?

- Адвокат заявлял, да суд не принял это во внимание.

- А в вышестоящий суд приговор обжаловали?
- Обжаловали, Тина, да всё оставили без изменения.

Тина поняла, что Елена её не обманывает, а говорит всё то, что зафиксировано в деле, которое она читала. Она знала, за что Михайлова осуждена. Знала и о том, какой она огромный вклад внесла в науку, как в развитие оборонной, так и космической промышленности, и о том, что она за свои открытия награждена Государственной премией и что была доктором технических наук, профессором. А теперь с неё степень и звание сняли. И в деле действительно были стихи, но их Никитченко плохо анализировала и мало их помнит. Когда она ехала в колонию, то думала, что здесь встретит клякастого монстра, а перед ней сидела умная и красивая женщина, любящая поэзию, в которой чувствуется свет, любовь и тепло.

Тина посмотрела на Елену и сказала:

- Лена, я получила массу удовольствия от твоих стихов и общения с тобой. Спасибо тебе большое. Надеюсь, что ты мне ещё считаешь, ведь я очень люблю поэзию. Твои стихи обворожительны! До свидания.

И она медленно пошла. Но её, словно током, пробилась мысль: "А если Михайлова очень хитрая и водит меня за нос? Я расчувствовалась и уже готова представлять её чуть ли не к награде. Суд зря не вынесет такую меру наказания. Надо притаиться и быть внимательнее и ласковее с ней, глубже во всё вникнуть. А эта Степанида – опасная зэчка, она может и прибить, с ней надо осторожно. Грудь ведь ещё до сих пор болит. К следующей надо пробираться к Дуняхе. Или вначале к Вике? Нет, пойду завтра к Дуняхе, а уже на закуску оставлю Вику".

Выбрав удобный момент, Никитченко подошла к Дуняхе и с завораживающей улыбкой слащавым голосом произнесла:

- Доброе утро, Дуняша... Как дела?
- Дела как сажа бела, утро тоже недоброе. Вон мастерица меня ругала, брак в работе наделала. Переделывать надо, а мне совсем не хочется.
- Так давай, я тебе помогу..
- А это с каких делов ты мне помогать станешь?

– Да не с каких, Дуняша... Просто по дружбе, я вижу, что ты хорошая. А хорошим людям почему бы не помочь, – заискивающе говорила Тина.

Дуняша поняла, что Никитченко, коль ничего у неё не получилось со Степанидой, решила на неё переброситься. Ей было интересно посмотреть, как Тина будет извиняться. А вслух она сказала своей собеседнице:

– Коль так, то я дружбой не гнушаюсь. Но я очень вспыльчивая и не люблю, чтобы мной командовали.

– Я не властная, Дуняша. Да и уступчивая. Но ты подруга Степаниды, как же ты с ней дружишь? Она вон на меня напала, что мы с ней даже подрались.

– Слыхала, слыхала я об этом. Но то ваши дела. Я тоже с ней ругаюсь, да и в последнее время не дружу с ней. Она себе нашла другую подружку – Людку Свердловскую, она всё к ней бегают.

– Сколько здесь эта Людка сидит?

– Где-то уже около трёх лет.

– За что её сюда улекли?

– За крупный мордобой со смертельным исходом. С мужем подралась, стукнула его скалкой, а он и дуба дал.

– А ты, Дуняша, за что срок мотаешь?

– За то, что пенсионера уложила, хотя и нечаянно, но на вечные времена. Все вопросы аль ещё есть? Ты чего это, Тина, как следователь, всё пытаешь? Любопытная что ли такая? У нас тут не очень любознательных любят. А вообще-то всё знает Людка Свердловская. Её хлебом не корми, а лучше разных сплетен плясни.

– Это та, Дуняша, что со Степанидой дружит?

– Она самая. И что в ней Степанида нашла? Людка така сексотка, ненадёжная. Одним словом – дрянь. Я из-за неё со Степанидой поругалась.

Получив такую информацию, Тина подумала: "Кажется, я нашла то, что должна была найти. Эта Людка Свердловская для меня находка. Она мне всё, что надо и выболтает. Да и Дуняха оказалась разговорчивой. Если так дела и дальше пойдут, то скоро я доберусь и до Михайловой". И, оторвавшись от своих мыслей, она спросила:

– Дунечка, а Степанида дружит с Михайловой?

- Степанида у нас грубиянка, вряд ли она понравится Михайловой. Елена любит поэзию, она учёная, витаает в облаках, а у Степаниды образование пять классов и шестой коридор, им и говорить-то не о чем. Так что вряд ли Степаниде подойдёт Михайлова для сердечных бесед.

- А ты с Михайловой дружишь?

- Как тебе сказать, Тина? Я же тоже от Степаниды недалеко ушла. У меня нет высшего образования. Учиться я не любила, книги читать тоже не люблю. Так о чём мне с Михайловой говорить?

- Но вроде, Дунечка, Михайлова создала какой-то союз? Что-то я такое слышала, христианский, кажись.

- Не знаю, не слышала. Вряд ли. Если бы она что-то создала, то здесь бы все узнали. А так она просто стихи пишет, и заключённые просят, чтобы она их почитала. Но она не очень-то нас этим балует. Только на каких-нибудь праздничных вечерах. Вот был вечер, посвящённый Дню Победы, так она читала на нём стихотворение про отца, про холм и ещё какое-то, где было о солдатах. Стихи были такие сердечные, мне очень понравились. А так она не очень-то нам свои стихи читает. Да и эти прочитала только потому, что её упростила руководитель художественной самодеятельности Свинцова Валентина. Михайлова совсем мало общается с заключёнными. Она в основном время проводит со своим малышом, он же ещё совсем маленький.

- А подруги, Дуняшечка, у неё есть? Ведь ей так тяжело.

- Да какие там подруги? Я же говорю, что она всё свободное время проводит с сыном. Она добрая, ни с кем не конфликтует, никуда не ввязывается.

- А стихи на какие темы она пишет?

- В основном про любовь, про войну, про мать, про отца. В библиотеке есть её стихи, которые она нам читала. Так что если ты очень любишь поэзию, то там можно взять и почитать.

- А про советскую власть стихи Михайлова пишет?

- Нет, Тина, таких стихов я никогда от неё не слышала.

- Я вот, Дунечка, люблю стихи о Боге. Елена случай-

но такие не пишет?

– Кажись, Лену и засудили за стихи о Боге, но я толком не знаю. Стихи про Бога – это не про любовь, я их не понимаю. И Михайлова никогда на вечерах и мероприятиях стихов на такую тему не читала.

– А может быть на каких-нибудь кружках?

– Да я же тебе говорю, что она не любит никуда ходить, а всё с сыном возится. Слушай, Тина, ты мне уже надоела с расспросами. Кстати, а чего это ты так ею интересуешься?

– Понравилась она мне, Дуня, очень, вот и хочу о ней побольше узнать, – слукавила Тина.

– А как это понимать – мне дружбу предлагаешь, а сама сохнешь по Михайловой?

– Не ревнуй, Дуняшечка, я хочу и с ней, и с тобой дружить. Ты такая славная, да и она ничего.

– Ну, коль так, то ладно. А ты иди уже, Тина, а то мастерица разгневется и начальству о нас доложит, мы уже долго стоим. Сегодня очень надо постараться, чтобы к нам никто не прицепился, поэтому надо норму выполнить. Поняла?

– Тогда я пошла, Дуняшечка, начну быстренько строчить. До вечера.

Никитченко ушла. Дуняша села за свою машинку и начала шить. Вопросы один за другим лихорадочно мелькали в её голове. "Но, кажись, я ничего лишнего ей не сказала, а приманку бросила. Теперь надо, чтобы хорошо свою роль сыграла Люда Свердловская".

В свою очередь и Никитченко была довольна разговором с Евдокией. Ей показалось, что Готовалова ей всё про Михайлову выболтала. Теперь будет легче распознать Михайлову, и она побыстрее постарается узнать создала ли она это самое христианское общество или нет. Никитченко стала продумывать свой дальнейший план. Чтобы не осложнять отношения с мастером, она тоже стремилась выполнить норму, поэтому до обеда строчила заготовку за заготовкой, не разгибаясь.

На следующий день Никитченко всё же решила подойти не к Люде Свердловской, а к Виктории. Когда Вика шла одна, она поспешила к ней. Поравнявшись с заклю-

чённой, она применила приём, чтобы обратить на себя внимание – стала падать и, поскользнувшись, схватилась за Викторию.

– Ой, извини. Тебя, кажется, Викой зовут? Спасибо, что поддержала меня, а то я могла бы и нос разбить.

– Смотреть надо, а не переть, как лошадь.

– Да, нехорошо получилось. А я что, Вика, ударила тебя?

– Я бы тогда так ударила, что костей бы не собрала.

– Ну что ты, Вика, так обиделась? Я не хотела, я же нечаянно. Давай я счищу грязь, которая прицепилась. Не ругай меня, а то мне и так досталось. С Валькой Терёхиной чуть не подралась. Она хотела мой завтрак переполовинить, а я скандал подняла, но отвоевала. Я узнала, что Валька скверная и доносчивая баба, к тому же неграмотная, не то, что ты. Ты же МГУ закончила, имеешь высшее образование. Мне об этом сказала твоя подруга Лена Михайлова.

– Михайлова никогда моей подругой не была и не будет. Я не люблю таких правильных. Она перед начальством выслуживается, все их задания выполняет. И все делают только то, что оно скажет.

– Но она же рафинированная, стихи пишет.

– Да какая она там рафинированная? Клуша несчастная да и только. А стихи, так это пародия на стихи. Ты читала Высоцкого или Мандельштама? Вот это стихи! Они там поносят советскую власть, а эта всё про любовь пишет. Какая там любовь? Я вон своего любовничка, с которым не хотела не то, что целоваться, а даже рожу его видеть, столкнула с кровати. Да так, что он своей лысой головой стукнулся и больше её не поднял. А Михайлова в своих стихах пишет о чём-то возвышенном и неземном.

– Так что, Виктория, Михайлова о Боге пишет?

– Это она раньше писала, за что её и загребли сюда. А здесь я ни одного стихотворения о Боге от неё не слышала. Молчит о Нём, как рыба. Всё со своим сыном носит-ся.

– Она же успевает заниматься ещё и общественной деятельностью, выступает на концертах, какие-то союзы

организовывает.

– Чего, чего? Ты что, белены объелась? Какие союзы? Какая общественница? Да её на праздничных вечерах из-под палки заставляют стихи читать. Начальство требует, чтобы участвовала во всех праздничных концертах, а иначе урежут часы, которые она может проводить со своим ребёнком. Вот она и выступает по указанию начальства.

Никитченко спросила у Виктории всё, что ей хотелось. Удовлетворённая ответами на поставленные вопросы, подумала: "Все, с кем я говорила, практически рассказывают одно и то же. Вероятно, здесь никакого христианско-православного союза и в помине нет. Ну кто-то же это написал? Откуда же ноги растут? Может быть, это кто-то по злобе на Михайлову сочинил эту писульку? А тогда почему в ней указаны и Степанида, и Дуняша, и Виктория? Они ни гу-гу. Если бы в письме была правда, то кто-то бы проболтался хотя бы намёком, а так ни единого слова... Пойду к Людке Свердловской, может она что-то скажет. Не бывает же дыма без огня?"

После разговора с Никитченко Вика подошла к Степаниде и всё ей подробно рассказала. Они продумали план того, как вести им себя дальше с этой кагэбэшницей. Пока им ход действий нравился. Осталось решить только один вопрос, но он был по сценарию самым сложным и важным. Ведь от исхода разговора и поведения Люды с кагэбэшницей зависело многое. Вечером они без участия Елены составили уточняющий план, рассказали Людмиле Свердловской как конкретно вести себя и что говорить этой Тине.

И Никитченко не заставила себя долго ждать. Теперь она искала момент, чтобы подойти к Свердловской и поговорить с ней. Такая возможность представилась.

– Ну что, Людмила, справилась с колонизаторской нормой?

– А тебе что не всё ли равно справилась я или нет?.. Иди своей дорожкой.

– Мне, Люда, скучно, вот я и хочу к тебе примкнуть. А то у нас такие все затурканые, а ты, говорят, лучшая рассказчица.

- Тебя за что власть наказала?
- За любовь... Кстати, а откуда ты знаешь моё имя? Как тебя зовут?
- А что это секрет? Мне о тебе рассказала Вика Устрицкая. Зовут меня Тина. Она о тебе очень хорошо отзывалась. Вот я и решила с тобой познакомиться. Хочется ведь здесь хорошую подружку иметь. Тут, я гляжу, все дружат, только у меня подружки нет. Я здесь уже сколько времени нахожусь, даже в карцере успела побывать, а подружку не обрела. Так за что ты, Людочка, сидишь?
- Я же тебе сказала - за любовь. Мужа из-за ревности прибила.
- Чем же это ты его прибила?
- Молотком, Тина, молотком, да так, что он через три дня и помер. Оставил меня одну сиротинку. Я любила его без памяти, а он, тварина заморская, с молодой секретуткой спутался. Так вот я его и распутала. А ты за что?
- Да у меня, Люда, подобная ситуация. Мне мой муж тоже изменил, кобелина пузатый, да ну его, не хочу о нём говорить. Его уже не вернуть, а жизнь он мне навек испортил, как вон и твой тебе. Пусть они себе лежат в земле сырой спокойно, а нам с тобой надо искать пути-дорожки как жить дальше даже в этих вонючих застенках.
- Найти бы пути, чтобы отсюда сбежать да пожить на воле. Но, наверное, нет возможности, или есть, как ты думаешь, Тина?
- Сложная эта задача, но безвыходных ситуаций нет. Надо просто всё хорошо обмозговать. Я подумаю, может с тобой вместе и сбежим. Давай, я всё хорошо взвешу, все "за" и "против". У меня на воле есть один человек, который может и помочь. Ты сама хочешь или ещё кого прихватить с собой?
- Да есть у меня Дуняха, правда, она со Степанидой дружит. Может и их, Тина, прихватить?
- А Степанида с кем ещё дружит?
- Ни с кем, они с Дуняхой паруются. И я возле них. Они сильные, особенно Степанида. На них на воле можно положиться, а иначе я пропаду.
- А с Михайловой они дружат?

– Нет, с Михайловой фактически никто не дружит, хотя она и неплохая баба. Да больно она умная, не знаешь о чём с ней говорить. Она же доктор технических наук, профессор, стихи пишет.

– У вас тут, говорят, есть христианско-православный союз или сообществом его ещё называют?

– Не знаю, не слышала. Хочешь, я всё разузнаю и тебе расскажу? У Степаниды и Дуняхи спрошу, а потом тебе всё передам.

– Тогда ты, Люда, долго не тяни. Эта информация нам может пригодиться и помочь в наших дальнейших действиях.

– Поняла. Я буду стараться. Может, даже сегодня с ними поговорю, а тебе завтра сообщу.

– Хорошо. До завтра... Я ночью насчёт побега подумаю, может, какой удачный вариант придумаю.

Никитченко не ожидала такого разговора, была удивлена. Она размышляла и пыталась понять: "Не ловит ли её на мушку эта Свердловская? Или она действительно такая безмозглая? Над этим хорошо надо подумать. И этой ситуацией надо воспользоваться. В любом случае это для меня выигрышный вариант. И им не воспользоваться нельзя. Но надо думать, чтобы не наломать дров. Надо, наверное, соглашаться, дать ей план и о нём же рассказать начальнику колонии. Будет двойная выгода: и начальству угожу, и все секреты уже точно узнаю – занимается ли здесь Михайлова подрывной деятельностью или нет, и создан ли здесь христианско-православный союз, кто за ним стоит или это блеф".

Тина с нетерпением ждала очередной встречи со Свердловской, а Люда словно куда-то пропала. Она уже проглядела все глаза, и, наконец, увидела её в углу пошивочного цеха.

– Люда, ну что ты узнала насчёт союза? И что окончательно решила про побег?

– Тина, я прошулыкала вчера вечером девчонок. Кроме Степаниды, Дуняхи, Виктории ещё и Лилю, Свету, Лябу, но никто и понятия не имеет об этом христианско-православном союзе. В колонии однозначно нет никакого союза.

– А Михайлова участвует в каких-нибудь мероприятиях?

– Нет, только, как я уже говорила, в самодеятельности. Там она иногда под гитару песни поёт и стихи читает.

– У Михайловой бывают антисоветские стихи?

– А что это такое?

– Это такие, в которых порочат советскую власть.

– Таких я никогда от неё не слышала. Михайлова про любовь, про природу, про размах полей любит говорить. Что же касается побега, то и Степанида, и Дуняха были бы рады этому. Они хоть завтра готовы бежать.

– Завтра рановато, а вот денька через три-четыре можно всё хорошо продумать и сбежать. У меня план такой: ночами быстренько подрывать под забором и колочей проволокой. А как будет всё готово, то и совершить побег.

– Ну это же рискованно, Тина.

– А у тебя есть другой план?

– Нет.

– Тогда остаётся тщательно готовиться. Рыть начнём возле бани, там со всех сторон плохо просматривается. Когда станем рыть, то надо будет незаметно оттащить землю и рассыпать её по территории. Двое будут рыть и двое разносить землю. Давай пойдём к Степаниде и всё ещё раз вчетвером обсудим подетально.

Тина и Людмила разыскали Степаниду с Дуняхой, всё взвесили досконально и решили действовать согласно разработанному плану. О готовившемся побеге они рассказали Михайловой, чтобы она сообщила начальнику колонии, так как они на самом деле бежать не хотели, а думали проучить кагэбешницу. Поэтому они и пошли на поводу у неё, желая знать сдаст их она или нет.

Елена пошла к Григорию Николаевичу и рассказала ему о плане кагэбешницы. Начальнику эта затея не очень понравилась, но деваться было некуда, и он согласился.

И они стали ночами подрывать землю под стенкой. На третий день, увидев, что охрана их никак не обнаруживает, Тина пошла и донесла начальнику колонии. Этого сообщения начальник ждал, сам он не хотел обнаруживать заключённых, чтобы не усугубить дело. Поэтому

му он обрадовался, когда Никитченко, наконец-то, явилась.

– Я, Никитченко, знаю, что в колонии готовится побег. Этот план я разработала для того, чтобы сдать нерадивых заключённых и отомстить им за то, что они так ко мне отнеслись. Это Иволгина, Готовалова и особенно Свердловская.

Заключённые знали, что их будут брать этой ночью. Но, чтобы не подвести и не выдать начальника колонии, они продолжали рыть землю. Около двух часов ночи, когда женщины уже приступили к работе, Никитченко сказала, что ей стало очень плохо, она ушла в камеру. И в этот момент по разработанному сценарию охранники доставили Иволгину, Готовалову и Свердловскую к начальнику колонии, затем их поместили в карцер.

Эта новость быстро распространилась по колонии. Пока Степанида, Дуня и Людмила находились в карцере, три их подруги решили отомстить Никитченко. Ночью они подошли к спящей Тине, разбудили её, сунули в рот кляп, накиннули на лицо платок, обвязав им голову, связали руки, вытащили в коридор и устроили там ей тёмную. Они били её так, чтобы не осталось следов, при этом приговаривая: "Ты чего, сука продажная, доносчица, настучала начальнику колонии о девках, а? Сама же их подбила, сама же и сдала. На тебе, мразь продажная... На...На... На... А если кому скажешь, что били, то совсем убьём... На... На..."

Они били её до тех пор, пока она потеряла сознание. После чего сняли платок, развязали руки, положили на кровать и разошлись. Утром охранница нашла Никитченко лежащей без сознания. Тину поместили в больницу на территории колонии.

Врач, Романов Дмитрий Васильевич, осмотрел пациентку. На теле он не обнаружил никаких следов побоев. Но на снимках было видно, что лёгкие, печень, почки, селезёнка, кишечник и, возможно, другие органы повреждены.

– Тебя, Никитченко, били? – спросил доктор.

Тина вспомнила, что когда женщины били её, то приговаривали, чтобы не вздумала никому говорить об этом,

а в противном случае грозили убить. Никитченко знала, что заключённые – жестокий народ, они зря слов на ветер не бросают. Поэтому она ответила:

– Никто меня не бил. Мне просто плохо. Отлежусь и всё пройдёт. Думаю, что всё заживёт. Сколько мне здесь лежать придётся?

– Недельки две, не меньше.

В голове у Тины закружились мысли: "А как же быть с заданием? Я же ничего не успела сделать. И срок моего здесь пребывания заканчивается. Что же я скажу начальству? Если я скажу им правду, то они засмеют меня. Неправильно я сделала, что разрешила им побег, да ещё сама его и спланировала. Меня ведь за это могут и с работы выгнать. А если эки узнают, что я подослана была и их выдала, они точно меня убьют. Мне в данной ситуации уж лучше промолчать. Начальству доложу, что в зоне всё спокойно, никаких здесь христианско-православных кружков нет, никакие занятия о Боге, Библии не ведутся. Михайлова нормально отбывает наказание, о духовной литературе заключённым не рассказывает. Одним словом, никакую антисоветскую агитацию не ведёт. Только так в данном случае надо поступить, иначе я останусь без работы. А если уволят меня по профессиональной непригодности, то с такой формулировкой меня никуда на работу тогда не возьмут".

Поэтому сколько вопросов Дмитрий Васильевич не задавал Тине, предполагая, что она чего-то боится, поэтому не говорит, она стояла на своём и твердила: "Никто меня не бил. Я упала. Ударилась..."

Дмитрий Васильевич посмотрел на Никитченко долгим пронзительным взглядом. Его взгляд выражал понимание того, как можно разрешить сложившуюся проблему. Но вопросов Тине он больше не задавал. Он взял её показания, которые записал на листок и пошёл к начальнику колонии.

– Ну, Дмитрий Васильевич, как чувствует себя заключённая Никитченко?

– Да вроде ничего, Григорий Николаевич. Но явно хитрит. Я спрашиваю у неё, били ли её, она говорит, что не били, а на снимках внутренних органов видны следы по-

боев.

- Никитченко, Дмитрий Васильевич, понимает, что заигралась и перегнула палку. Она знает, что если расскажет, что её били заключённые, то ей придётся всё объяснять, что отразится в твоих показаниях. А это же письменное доказательство, которое потом никуда не спрятать. Похоже, когда на неё придёт запрос о её освобождении, где будет указано, что она служащая КГБ, и ей придётся покинуть колонию, то она будет просить меня, скорее всего, чтобы я об организованном ею инциденте не говорил.

- Как вы тогда поступите, Григорий Николаевич?

- Буду молчать, для нас это самый лучший вариант. Дмитрий, если будут приходить проведать её заключённые, то не отказывай им, пусть ходят.

- Хорошо, Григорий Николаевич, я заключённым навещать Никитченко запрещать не буду.

Но к Тине, сколько она лежала в больнице, кроме Михайловой никто не приходил. Вот и сегодня, купив на свои деньги печенье в магазине на территории зоны, Лена отправилась проведать Никитченко.

- Тина, я тебе принесла печенья, чтобы ты поправишься... Как ты себя чувствуешь?

- Да уже лучше. Кажется, что и внутри уже болит меньше. И голова не кружится, но ещё подташнивает. А тебе, Леночка, огромное спасибо и за печенье, и за внимание, и за помощь, которую ты оказываешь.

- Я за тебя, Тина, Богу молюсь, чтобы ты скорее поправлялась.

- Вот оказывается почему я так быстро поправляюсь. А врач Дмитрий Васильевич всё удивляется как же так быстро восстанавливается мой организм после такихшибов. Спасибо тебе, Леночка. А какие молитвы ты читаешь?

- Разные.

- А всё же.

- Тина, молюсь Богу и прошу, чтобы Господь помог тебе выздороветь, и чтобы ты прозрела душой, и тебе легче жилось бы на этом свете.

- Лена, да ты сама в таких же условиях живёшь, а за

меня молишься.

– Я сильнее духом. Я всё выдержу, а тебе надо помогать, у тебя веры нет, не на что опираться. Ты одна, как в поле ветер. Зачем ты так ведёшь себя? Я о тебе, Тина, если не всё, то многое могу сказать. Вот, например, ты не замужем, но имеешь дочь Надежду. Ей тринадцать лет. Родила ты её тайно, она живёт у матери. Отец твоего ребёнка – начальник КГБ РСФСР Краюхин Игорь Сидорович. Он женат, жена его больна раком, но она об этом не знает. Ты как приедешь, скажи ему об этом. Пусть жену обследует, а то у них двое детей. Дальше продолжать?

– Лена, а откуда у тебя обо мне такая обширная информация. Ведь ты сказала то, о чём знаю только я. Я же тебе ничего не рассказывала. Ты что прозорливая?

– Сложный ты мне, Тина, вопрос задала. Я не могу сказать, что я прозорливая. О тебе я очень молилась, чтобы ты скорее выздоровела. Ты так стонала, когда была без памяти и всё звала дочь Надежду, плакала. Я возле тебя ни одну ночь просидела. У тебя почки отказывали, когда ты уже в больнице лежала. Ты помнишь об этом?

– Нет, я не знала, что я в больнице теряла сознание.

– Тут все перепугались: и Дмитрий Васильевич, и начальник колонии Григорий Николаевич. Ты три дня была без сознания. Я все эти ночи молилась, чтобы Господь тебе помог. И тогда мне открывалось, кто ты есть.

– Лена, так ты знаешь, где я работаю?

– Знаю, Тина, ты работаешь в КГБ.

– И после этого ты продолжаешь обо мне молиться?

– Продолжаю, ты ведь сюда не по своей воле пришла, а тебя направили. И я очень хочу, чтобы ты прозрела, ведь твой прадедушка был епископом, и его в 37-м расстреляли. Он очень за тебя молится. Твой прадедушка мне приснился и всё о тебе рассказал. Меня во сне очень просил, чтобы я о тебе молилась и рассказала об этом. Вот что я и делаю..

– Да ты что? Действительно, мой прадедушка был епископом, и его расстреляли. Но эта информация держится в кругу нашей семьи в строжайшем секрете. На

работе ни один человек об этом не знает. А иначе туда бы меня не взяли. Ты знаешь, тебе же во сне мой прадедушка рассказал. Значит, это правда, что он тебе приснился и всё это изложил, иначе ты нигде не могла бы получить эту информацию. А что ещё, Леночка, прадедушка говорил?

– Много, Тина, рассказывал.

– Скажи, Леночка, мне очень хочется это знать, скажи.

– Твой прадедушка просил, чтобы ты не занималась этой работой, а шла по его стопам.

– Как по его стопам?

– Очень просто, несла бы Слово Божье в народ, помогала людям прозревать, снимала бы грехи, которые своей работой причинила. Ты же не одного человека утопила в крови, в муках за то, что они в Церковь ходили, утешали себя молитвами. Ты же и сюда пришла за этим, чтобы меня со свету изжить. Да по моим молитвам и молитвам твоего дедушки тебе открылась картинка твоего преступного мира. Но в большей степени по молитвам твоего дедушки. Был он чистым, праведным епископом, и за его доброту, трудолюбие и то, что он не предал Господа ни по жизни, ни в час смерти, Владыка даровал ему Царствие Небесное и наделил его святостью. Святые в Небесном мире перед Господом имеют большую милость. По их молитвам перед Господом спасаются грешные души, вот и ты такой пример являешь. Если ты изменишься и будешь идти дорогой прадедушки, то вместо ада тебе будет дарован рай.

Услышав это из уст Елены, Тина была потрясена. Она поверила всему тому, что рассказала ей Михайлова. Она была поражена, что Лена знала то, что кроме неё никто не знал. Осмысливая воспалённым сознанием услышанное, Тина долго молчала. Она размышляла, пыталась понять себя и свою душу. Информация, как гром среди ясного неба, поразила её. И она неожиданно спросила:

– Лена, что я должна делать?

– Молиться, Тина, чтобы Господь помог тебе обрести себя в чистоте, справедливости и любви ко Всевышнему.

– Да я же, Лена, не знаю ни одной молитвы. А ты зна-

ешь?

- Знаю.

- Леночка, я тебя умоляю, дай возможность и мне познать молитвы. Ты их наизусть знаешь? Сможешь мне их продиктовать?

- Смогу, Тина.

- Тогда у меня в тумбочки есть бумага и карандаш. Я сейчас это возьму, а ты мне поддиктуешь.

- Поддиктую, садись поудобнее. Мы сегодня запишем основополагающую молитву "Отче наш", а завтра ещё запишем. А ты пока её поучишь.

- Хорошо, Лена, я так и сделаю. У меня память очень хорошая. Я её быстро выучу.

Они записали молитву, и Михайлова ушла из палаты Никитченко. А Тина стала учить "Отче наш" наизусть.

Но молитва ей не давалась, она удивилась тому, что молитва такая короткая, а выучить её не удаётся. На следующий день, когда пришла Михайлова, Тина сказала:

- Лена, я никак не пойму в чём тут дело. У меня очень хорошая память, я без труда даже страничку греческого текста способна выучить где-то за час, и стих тоже прочитаю три-четыре раза и знаю на память, а вот "Отче наш" раз семьдесят-сто прочитала, а наизусть так и не знаю.

- Это же, Тина, Господняя молитва. Её дьяволы очень боятся, и кто в их власти, то не очень дают её познать.

- Так что, Леночка, я во власти дьяволов?

- А кого же, Тина?! Ты же Бога гнала. Вот и сюда приехала бороться против Него, против меня, что я Слова Господни пытаюсь до заключённых донести, не так ли?

- Так, Леночка! Мне страшно, Лена. Что мне делать?

- Паниковать не надо. Тебе необходимо покаяться перед Господом за свои грехи, которые ты совершила. Надо бы это сделать в Церкви. Когда отсюда освободишься, то сходишь там покаешься. А сегодня, когда я уйду, прочитаешь молитвы, покрестишься, покаешься перед Господом.

- Лена, как креститься?

- Да вот так, смотри: складываешь три пальчика правой руки - большой, указательный и средний - вместе, а

два последних – безымянный и мизинец – пригибаем к ладони.

– А что это обозначает?

– Это, Тина, означает, что сложенные три первых пальца вместе символизируют Веру в Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, как единосущную и неразделённую троицу. А два пальца, прижатые к ладони, означают, что Сын Божий по сошествию Своём на землю, будучи Богом, стал человеком. То есть, означают две Его природы – Божескую и человеческую.

– Как же правильно, Лена, надо крест на себя наносить и что это означает?

– Осеняя себя крестным знамением, мы кладем сложенные так пальцы на лоб – для освещения нашего ума, на чрево, то есть, живот – для освещения наших внутренних чувств, потом на правое и левое плечи – для освещения наших сил телесных.

– Лена, а когда надо креститься?

– Осенять себя крестным знамением или, как ты говоришь, креститься нужно в начале молитвы, во время молитвы и по окончании молитвы, а также при приближении ко всему святому, когда входим в Храм, когда прикладываемся к кресту, к иконе и подобному. Креститься, Тина, нужно во всех важных случаях нашей жизни, то есть в опасности, в горе, в радости. Но когда мы крестимся не во время молитвы, то мысленно про себя говорить нужно: "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь". Этим мы выражаем нашу Веру в Пресвятую Троицу и наше желание жить и трудиться во славу Божию. Поняла?

– Поняла, Елена. Но не знаю, что же означает слово "аминь"?

– Слово "аминь" значит: истинно, правда, да будет так.

– Как интересно! Я же не крестилась, когда молитву учила, потому она мне на память и не далась. А теперь я креститься стану, тогда точно выучу. Ты мне другие молитвы принесла?

– Принесла, Тина.

– А где же они? У тебя же нет ничего в руках – ни бума-

ти, ни тетради.

— Они у меня в голове да в душе. Пиши, мы с тобой сегодня запишем краткие молитвы: молитву Господу Иисусу, молитву Святому Духу, молитву "Трисвятое", молитву Пресвятой Троице и хвалебную песню Богородице "Достойная есть...". И на сегодня тебе хватит. Ву-чишь, потом ещё запишем. А сейчас я тебе расскажу о Библии, о Законе Божьем, о святых.

Елена ушла от Тины далеко за полночь... После её ухода Никитченко очень задумалась над своей жизнью, над своими действиями. Она всё проанализировала, что ей рассказала Елена, и ей очень хотелось всем этим поделиться с матерью, посетить те места, где служил её прадед, и покаяться в своих грехах. В голове пронизывающе звенела мысль: "Прадедушка Матфей, спасибо тебе, что ты в мире ином за меня молишься и спасаешь от ада, даёшь мне прозрение и послал на моём пути такого прекрасного человека, как Елена. Я приехала, чтобы её уничтожить, а она вон меня спасла... Прадедушка, какая же я грешница великая, но стану молиться и просить у Бога прощения, каяться буду, пойду в Церковь и там перед Господом паду на колени и стану Всевышнего молить о прощении".

Этой ночью Никитченко почти не спала. Она думала о своей жизни, о грязных делах, совершенных ею, анализируя всё до мелочи. Тина посмотрела на себя со стороны и ужаснулась: по своим расследованиям и доносам она ни одного священника посадила в тюрьму. Возможно, они могли быть сподвижниками её прадедушки. Это он молился за неё и упросил Бога помочь ей увидеть, что совершала грязные дела и несла людям горе и боль. Господь помогает тем людям, которые делают добро во спасение народа. А такие, как она, безумные чинят зло и смерть, разрушают то святое, что годами приобреталось нашими пращурами, становясь извращенцами, порождая сплошной сатанизм и убивая в душах всё светлое и благородное. Но самое страшное, что такие люди не дают отчёта своим преступным действиям, а думают, наоборот, что они поступают правильно во благо народа. На самом же деле такие действия творятся не во благо наро-

да, а в угоду сатанинской государственной машины, которой управляют люди, подобные ей – слепые безумные безбожники.

"Нет, если всё благополучно закончится, то я уйду с этой работы и буду брать пример с Михайловой.. Это же надо случиться такому диву Господнему – через её сон донести до меня, что я неправильно живу, рассказать мне правду о моём прадедушке, дать весточку с другого света, куда уходят навечно, где есть Господь и истина, о которой говорила Елена. А нам здесь столько лет вбивают в наши головы это мракобесие, сатанизм и ложь! Нам запрещают ходить в Церкви, да их почти все и закрыли, чтобы люди не знали правды о сотворении мира Господнего, а впитывали бы большевистскую идеологию, в которой можно найти лишь горе, ложь и бездушие. И вот Господь Своей силой в одну ночь просветил меня и дал мне озарение, где я увидела свою великую греховность, поклоняясь той советской идеологии, которой насыщали меня. И я стала частью той жестокой машины, которая уничтожала просветительские души таких людей, какие имели мой прадедушка и тысячи тысяч таких же людей, как он в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, да и в настоящее время. Пример тому – проповедница Слова Божьего Михайлова. И таких, наверное, много. Могло бы быть и больше, если бы советская власть не уничтожала таких людей. Господи, я, чтобы искупить свои грехи, буду очень стараться просвещать людские души, молиться и делать людям добро, чего бы мне это не стоило. Помогите мне, Господи, и прости меня – падшую и грешную рабу Твою Тину".

И Никитченко плакала навзрыд от той боли, что вдруг стала давить её. По лицу непрерывно текли слёзы, но это были слёзы очищения и облегчения.

Тина, долго стоя на коленях, молилась откровением души, веры и озарением того будущего пути, который звал всё её сознание и весь внутренний мир, согревая её надеждой и любовью к Господу. А под утро, когда она словно смыла всю налипшую грязь, которая не давала ей покоя, крепко уснула.

Проснулась она лишь тогда, когда во время обхода в

палату вошёл врач Дмитрий Васильевич.

– Как, Никитченко, здоровье? Есть улучшения?

– Улучшается, Дмитрий Васильевич.

– Тогда скоро выписываться будем.

– Я, Дмитрий Васильевич, не возражаю. Сколько я здесь уже лежу.

– Уже больше двух недель. Пришло представление о переводе тебя в другое место. Завтра начальник колонии тебя вызывает.

– Хорошо, я уже могу ходить и работать.

Тина задумалась: "Как же мне поступить в данной ситуации: сказать ему об истинной цели нахождения в колонии или нет? Месяц уже прошёл, и меня возвращают в Москву. Командировка моя закончилась. Ну что же я буду докладывать в Москве? О том, что на самом деле здесь происходит, я говорить не хочу да и не могу. А что мне говорить начальнику колонии? Ему всё же не скажу правду, а если пойму по ходу разговора, что он меня не понимает, то буду просто осторожнее в беседе".

На следующий день Тина постучалась в дверь начальника колонии, потом вошла и спросила:

– Можно, Григорий Николаевич?

– Проходите, Никитченко, и присаживайтесь. На вас пришёл запрос и представление из Москвы о направлении в другое место. Но странно, что тебя будут сопровождать московские конвоиры, а не наши местные.

Григорий Николаевич не подал виду, что знает, почему её будут сопровождать конвоиры из Москвы. Он понимал, что это будут не конвоиры, а сотрудники КГБ. Но ему будет интересно узнать, как будет вести себя Никитченко и что она станет говорить.

Тина же, в свою очередь, думала как вести себя и что сказать. В голове молниеносно пронёсся разговор с Еленой Михайловой, о котором она не хотела рассказывать начальнику колонии.

– Ну что, Никитченко, задумалась? Тебе не хочется уезжать из нашей колонии? Тебя здесь обижали?

– Нет, Григорий Николаевич, никто меня не обижал. Мне понравились все заключённые, особенно Михайлова. В ней столько любви, тепла и доброты. И за что её

только посадили? Когда я болела, она неоднократно навещала меня, читала свои стихи. Они необыкновенные, просветительские, поучительные и такие нежные, возвышенные и зовущие. Мне они во многом помогли разобраться, – многозначительно посмотрев на начальника колонии, сказала Тина.

Григорий Николаевич понял, что Никитченко ничего плохого о заключённых и о действиях Михайловой говорить в КГБ не будет. Ему стало легче от этого заключения.

А Тина подумала: " Ну вот и всё, больше я ему ничего говорить не буду. Если голову имеет на плечах и что-то обо мне прознал, то всё поймёт. Лишнего ничего Григорию Николаевичу говорить не следует, а то вдруг проболтается, и тогда план, который я наметила, может провалиться. А мне же так хочется помочь Елене".

Внимательно посмотрев на начальника колонии, она лишь спросила:

– Так когда же меня будут конвоировать?

– Если ты себя хорошо чувствуешь, то и сегодня можем телеграфировать, чтобы за тобой прислали конвой.

– Я, Григорий Николаевич, чувствую себя хорошо, да меня уже выписал Дмитрий Васильевич из больницы, так что всё в порядке.

– Тогда через два-три дня, Никитченко, ты нас покинешь. А сейчас у меня больше вопросов к тебе нет. Ты свободна.

Тина вышла от начальника с чувством облегчения. Ей казалось, что она у него вела себя правильно и сказала ему именно то, что он должен был знать. Ей очень хотелось подойти к Михайловой, но, чтобы не вызвать ревность у других, она пошла к мастеру, получила заготовки и села шить. За работой она подумала: "Я непременно должна пообщаться с Михайловой и сказать ей, что я сделаю всё, чтобы ей помочь".

Тина знала, что после работы Елена идёт кормить Сашеньку, тогда она и пошла к ней.

– Елена, можно к тебе?

– Заходи, Тина, заходи. А мы вот с Сашенькой уже ходить пытаемся, мы же уже большие – нам скоро во-

семь месяцев.

– Дай мне Сашеньку, мне очень хочется с ним познакомиться.

– Я не против, зови его.

– Сашенька, Сашенька, иди ко мне. Давай с тётёй Тиной будем ходить. Давай свои ручки. Ой, какие крохотные пальчики. Держись ими крепко, чтобы мы с тобой не упали. Топ, топ, топ, Сашенька, побежали, побежали. Ну что, ножки набегались? Давай теперь полетаем самолётиком, я ручками обхвачу тебя под животиком, и мы полетим, жи-жи-жи. А теперь давай покатаемся, как на лошадке.

И Тина посадила Сашеньку на шею и бегала с ним по комнате вприпрыжку, издавая необыкновенные звуки. Сашенька улыбался, ему нравилось так играть, он хотел снова и снова следовать её зову.

А мать на всё это смотрела с умилением, радуясь распахнувшейся теплоте Тины и восторгу сынишки. Наконец они наигрались и уставшие повалились на кровать.

– Ой, Лена, какой у тебя прекрасный карапуз. Он такой крепьш у тебя. Ты его чем подкармливаешь?

– Немного. Соки даю. А так больше грудным молоком кормлю. Я сама много жидкости пью, так что молока хватает. Вот боюсь, что когда от груди отлучать стану, то проблемы начнутся.

– Да, моя дочка тоже с трудом отвыкала от груди. Ну ничего, привыкла. И твой Сашенька привыкнет. Деваться же некуда, да тем более в заключении. Скоро я уеду в Москву. У меня есть план, Лена, по которому я постараюсь помочь тебе досрочно освободиться. Если освободить не получится, то хотя бы смягчить тебе меру наказания. Сегодня меня вызывал начальник колонии и сказал, что дня через два-три за мной приедет конвой. Я ему не сказала, что работаю в КТБ. И ты не говори, где я работаю, и о нашем разговоре о сне и моём прадедушке, и о том, что ты поставила меня на праведный путь. Григорий Николаевич, как я поняла, неплохой человек, но ему не понять того, о чём ты мне рассказала. Если бы он побывал в моей шкуре, тогда бы понял. А сейчас будет слушать, а душой не услышит.

– Не скажу, Тина. Но Григорий Николаевич действительно хороший человек. Он к заключённым относится с сочувствием, не унижает, не оскорбляет, и заключённые его уважают.

– А я вот, Леночка, тебя зауважала. Так к тебе привязалась. За такое короткое время я познала то, что не могла познать за всю свою жизнь. Я буду за тебя бороться и сама стану на путь новый, Господний. Когда ты ушла тогда из палаты, я стала впервые в жизни молиться, просила у Господа, у прадедушки прощения, каялась за свои плохие поступки. И рыдала почти всю ночь. Не знаю, услышал ли Господь мои молитвы, но на душе у меня стало светло и уютно. Я теперь точно знаю, какова цель моей жизни, и буду идти к ней, чего бы мне это не стоило. Буду помогать людям, стану ходить в Церкви и стремиться идти путём спасения. Не знаю, как это у меня получится, но душа моя озарилась радостью и болью, которую я сама себе и причинила. Я хочу очистить себя от этой дьявольской скверны. Ты веришь мне, Лена?

– Конечно же, Тина, верю. Ты запиши адрес моего мужа, когда будешь в Москве, сходи к нему. Скажешь ему, чтобы вы все вместе с детьми съездили к схииеромандриту Тимофею. Он служит в женском Монастыре, который находится недалеко от Москвы. Этот человек – Святой. Батюшка Тимофей прозорливый. Ты там исповедуешься и причастишься. Тебе поможет мой супруг Иван Петрович, он подскажет тебе как себя вести в Монастыре.

– Ой, Леночка, я с удовольствием зайду к твоему супругу и съезжу со всеми в Монастырь. Когда я приеду в Москву, то поработаю около месяца, чтобы не вызвать подозрений, а потом уволюсь. Хочу потом работать адвокатом. Это не такая грязная работа, как в органах.

– Да работать с Богом в душе можно, Тиночка, в любом месте. Но ты права, на одной работе больше искушения, а на другой меньше. Однако с молитвой перед любым искушением всегда устоять можно.

– Лена, все молитвы, что ты дала мне, я выучила наизусть. У тебя в памяти есть ещё молитвы?

– Есть, Тина, и много.

- Тогда подиктуй их мне, пожалуйста.
- Хорошо, давай запишем "Символ веры", "Ангельское приветствие Божьей Матери", "Молитву Ангелу Хранителю". Давай запиши ещё "Утреннюю молитву" и "Вечернюю молитву". Эти две молитвы я написала. Людям они нравятся. Обе они обращены к Господу нашему Иисусу Христу.

Записав молитвы, Тина, обращаясь к Елене, спросила:

- Лена, ты мне сказала, чтобы я в Монастыре у бабушки Тимофея причастилась. А что это такое?

- Причащение – это таинство, в котором верующий православный христианин, вкушая хлеб и вино, принимает самоё Тело и Кровь Господа Иисуса Христа. Благодаря этому таинству он соединяется с Христом и становится причастником вечной жизни. Таинство святого причащения установил Сам Господь наш Иисус Христос во время последней Тайной Вечери накануне Своих страданий и смерти. Он сам совершил это таинство. Иисус Христос взял хлеб, возблагодарив Бога Отца за все Его милости к роду человеческому, переломил и подал ученикам, говоря: "Примите, ядите: сие есть Тело Моё, которое за вас предаётся". Затем взял чашу, подал её Своим ученикам и сказал: "Пейте из нея все; ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за вас и за многих изливаемая во оставление грехов". Так Иисус Христос, установив таинство причащения, заповедовал ученикам совершать его всегда: "Сие творить в Моё воспоминание". В беседе с народом Иисус Христос сказал: "Если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрещу его в последний день. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нём".

- Лена, а где это записано?

- Это, Тина, записали ученики Иисуса Христа, в частности Матфей, Марк, Лука, Иоанн. И это всё есть в Новом Завете.

- А у вас дома есть Новый Завет?

- Нет. Был у меня, кроме него были ещё Святые Писа-

ния, но всё это у нас при обыске конфисковали.

– Где же мне, Лена, это можно почитать?

– Возможно, игуменья Анна даст. Она является настоятельницей того женского Монастыря, куда вы с моим мужем поедете. А может быть даст почитать духовную литературу батюшка Матфей. Он в своё время много книг давал мне почитать. Да ты у себя в КГБ посмотри некоторые политические дела, там ты наверняка найдёшь и Библию, и другие Святые Писания.

– Это мысль, Леночка, я у себя на работе посмотрю.

– Тина, а когда ты приедешь в Москву, то навести врача Михаила Ивановича Рязанцева, он работает в КПЗ, где я находилась до суда. Это очень хороший человек. Он много доброго для меня сделал. Расскажи ему всё, что считаешь нужным. И передай, что я очень ему благодарна и низко ему кланяюсь. Если ты хочешь работать адвокатом и как-то мне пытаться помочь, то мою защиту осуществлял Пётр Фёдорович Саночкин. Он в курсе всех событий. И, кажется, он хотел мне помочь, подавал апелляцию в вышестоящий суд, но у него ничего не получилось. Приговор оставили без изменений.

– Да, Лена, как только представится случай, то я постараюсь побывать и у Михаила Ивановича, и у Петра Фёдоровича. Но я думаю, что это правильнее будет сделать, когда я уже уволюсь из КГБ. А то ведь у нас крутом сплошная слежка. Поэтому, чтобы не навредить, я к ним приеду немного позже. Смотри, пока мы с тобой говорили, Сашенька притих и безмятежно спит. Пора мне уходить, а то я у тебя засиделась, хотя так не хочется. А тебе же надо Сашенькины вещи постирать. Я думаю, что мы ещё увидимся и поговорим. И ты мне ещё много расскажешь о Ветхом и Новом Завете.

На следующий день на работе они виделись, но поговорить им не пришлось, так как в конце дня Никитченко была конвоирована в Москву.

ГЛАВА V

Прибыв в Москву, Никитченко явилась к своему начальнику Державину Олегу Сергеевичу и обстоятельно в соответствующей форме доложила о результатах сво-

ей командировки.

– Олег Сергеевич, факты, изложенные в письме, не подтвердились. В колонии всё спокойно, христианско-православного союза я там не обнаружила. Заключённая Михайлова никакой агитационной работой против советской власти не занимается. Она трудолюбивая, всегда выполняет и перевыполняет нормы, не только шьёт, но и выполняет функции механика, ремонтируя машинки, хотя у неё там грудной ребёнок. Заключённая Михайлова, Олег Сергеевич, активно участвует в общественной работе, в художественной самодеятельности, читает со сцены стихи о любви, природе, поёт песни. По натуре она добрая, её любят заключённые.

– Да вы, Тина Фёдоровна, расхвалили Михайлову так, что после ваших слов её хоть к награде представляй.

– Олег Сергеевич, Михайлова действительно очень старательная и нареканий на неё нет ни со стороны администрации колонии, ни со стороны заключённых.

– А почему же мы тогда анонимку получили?

– Там есть одна заключённая, которая ревнует Михайлову к другим и завидует ей. У неё не всё в порядке с головой. Её хотят направить в психиатрическую больницу на лечение. Я сверила её почерк с почерком в анонимке – одинаковый. Я увидела её почерк, когда она выполняла наряд. Но не смогла привезти вам это доказательство, не удалось. Олег Сергеевич, а за старание Михайловой, которая служит примером для заключённых, на мой взгляд, целесообразно было бы как-то её поощрить.

– Как ты себе это представляешь?

– Адвокат Михайловой Саночкин Пётр Фёдорович подаёт в Верховный Суд апелляцию. Он считает, что ей дали очень большой срок. Дело в том, что к рукописям Михайловой, за которые её осудили, подложили стихи, в которых действительно была агитация против советской власти. Михайлова отрицает, что это её стихи. Адвокат настаивал на экспертизе, но её не сделали. Стихи Михайловой очень отличаются по стилю, форме и манере написания от тех, которые ей подложили. Кто-то ведёт против Михайловой нечестную игру, поэтому и отправили в

прокуратуру её стихи и эти чужие антисоветские.

– Что же это за стихи у Михайловой? Чем они наполнены?

– Да в основном это лирические стихи. Есть духовные, но они такие чистые, какие-то своеобразные. В них чувствуется любовь и нет никакой антисоветской пропаганды.

– Но, Тина Фёдоровна, у неё же есть стихи о Боге.

– Есть, Олег Сергеевич. Но их содержание не направлено на подрыв советской власти. Можно её за эти стихи наказать, но не так же сурово. Поэтому я считаю, что этому адвокату Саночкину можно и помочь, дать ему хорошую характеристику на Михайлову на запрос, который он нам присылал.

– Нет, никакой характеристики, которая бы смягчала вину Михайловой, мы адвокату направлять не будем. И то, что ты была в колонии, мы оставим в секрете. Пусть всё идёт, как идёт. Ясно?

– Жаль, Олег Сергеевич, хороший человек пропадает.

– Что значит пропадает? Вы, Тина Фёдоровна, говорите да не заговаривайтесь! Вы свободны и нигде ни слова о том, где вы были и чем занимались. Лишних проблем здесь я иметь не хочу. Пусть сидит Михайлова в зоне, да ума набирается, чтобы знала как о Боге писать.

Тина вышла от начальника опечаленная. Все её усилия помочь адвокату и Елене с положительной характеристикой из КГБ для обжалования приговора областного суда и направления апелляции в Верховный суд не увенчались успехом. И неожиданно для себя сказала:

– Какой гад этот Олег Сергеевич! Как боится за свою шкуру. Видит же несправедливость приговора, а помочь Михайловой не хочет. Недаром нас, кагэбистов, нигде не любят. Чёрные и продажные мы люди. Ещё недельки две поработаю здесь, а потом уволюсь. А как же мне помочь Елене? Раз они на это дело поставили гриф "секретно", то его публично нигде нельзя использовать.

Тина впервые на свою работу посмотрела с неудовлетворением и с раздражением, а когда-то она ей очень нравилась, она гордилась ею. Сейчас же такая работа ей по-

казалась преступной. Она словно прозрела и увидела изнутри плоды своей деятельности. И Тина с великим трудом ходила на работу, держала себя в руках, чтобы не дерзить начальству.

– Тина, вы почему в последнее время ходите подавленная и сумрачная? Случилось что? – спросил начальник.

– Ничего, Олег Сергеевич, не случилось... Просто я хочу уволиться.

– Как уволиться?! Вы же добросовестный и старательный работник. С моей стороны к вам нет никаких замечаний.

– Спасибо, Олег Сергеевич, но работать я здесь не буду. Не хочу я больше в КГБ работать.

– Но почему, Тина Фёдоровна?

– Устала, Олег Сергеевич, пропадаю здесь сутками, постоянные командировки, ребёнок предоставлен сам себе.

– Вы же раньше любили в командировки ездить. Хорошо, реже буду вас в командировки направлять.

– То было раньше, а сейчас я хочу спокойной работы.

– Надо подумать, Тина Фёдоровна.

– Я уже всё обдумала, Олег Сергеевич. Вот, возьмите моё заявление, я его у секретаря зарегистрировала.

Она положила заявление на стол и вышла из кабинета. Никитченко не хотелось больше работать здесь и дня. Поэтому она отработала указанный в заявлении начальником срок и уволилась. Олег Сергеевич неоднократно уговаривал Тину остаться, но она сделала свой выбор. Тина побывала в семье Елены, познакомилась с её мужем и детьми, вместе они съездили к бабушке Тимофееву в Монастырь – всё это ещё больше укрепило решение уволиться из органов.

Вот и сейчас Тина спешила к Михайловым. Она обещала мужу Елены Ивану Петровичу принести Уголовный кодекс. Вместе они хотели подробнее изучить статью 70-ю, по которой осудили Елену. Уже вечерело, когда Никитченко позвонила в дверь к Михайловым. Дверь открыл Игорёк.

– Добрый вечер, Игорёк. А где все?

– Здравствуйте, Тина Фёдоровна. Все дома. Папа с Ленусенькой уроки учат, а я ужин готовлю.

Услышав разговор в коридоре, из комнаты вышел Иван Петрович.

– К нам гости пришли. Проходите, проходите, Тина Фёдоровна. Сейчас ужинать будем. Игорёк замечательный плов приготовил. Правда, я ему тоже помогал. Так ведь, Игорёк?!

– Так, так, помогал папа, консультантом был, рис мыл. А сейчас давай узнаем, какой из меня повар получился. Плов готов. На кухне будем ужинать?

– На кухне, на кухне, чтобы грязь не развезить, – сказала Ленусенька.

– Уж ты какая чистюля, Ленусенька.

– Тина Фёдоровна, мои мужчины в последнее время испортились, не очень хотят чистоту соблюдать, так я их воспитываю.

– Какая же ты умница, Ленусенька. Давай я тебе помогу. Что мне делать?

– Мойте руки и садитесь за стол. Вы плов любите?

– Люблю, Игорёк.

– Вот сейчас и оцените мои кулинарные способности.

И Игорь стал ловко накладывать в тарелки плов, Ленусенька ставила их на стол, а папа нарезал хлеб, положил его в плетёную корзиночку и тоже поставил на стол. Тина стояла и наблюдала за слаженной работой в этой семье. У неё на душе было радостно и празднично. Она достала из пакета тортик и отдала его Ленусеньке.

– Спасибо, тётя Тина. Несите его на стол, – деловито скомандовала Ленусенька.

– Слушаюсь, Ленусенька.

– Ну всё, уже садитесь все за стол, а то плов остынет и вы не оцените его по достоинству.

– Игорёчек, не переживай, плов отменный, очень вкусный. Я такой только в Ташкенте ела, да и то в ресторане.

– Вы не шутите, тётя Тина?

– Не шутит, не шутит, братик. Плов такой же, как папа готовит, а то ещё и лучше.

Игорёк, довольный, что плов удался, мило улыбнулся и подсыпал желающим добавки. Потом они пили чай с

тортом. Затем всей командой убрали со стола, помыли посуду и пошли в зал.

В зале Тина достала книгу, открыла нужную страницу, где было изложено содержание статьи 70 УК РСФСР, по которой осудили Елену, и стала читать. Все внимательно слушали. Закончив читать, Тина спросила:

– Конечно, по данной статье в отношении Елены нельзя было возбуждать уголовное дело. В её стихах нет никакой антисоветской пропаганды и тем более агитации, направленной на подрыв советской власти. Я, Иван, Петрович, наконец-то полностью уволилась из КГБ. Теперь пойду к адвокату, который защищал Елену, Петру Фёдоровичу и будем с ним писать жалобу, подавать апелляцию в Верховный Суд.

– А вы, Тина Фёдоровна, думаете, поможет Верховный Суд?

– Не знаю, Иван Петрович, обнадёживать не стану. Но попытаться помочь буду. Ваша жена – такой прекрасный человек, редкая женщина, как по красоте и уму, так и по доброте. Я её очень полюбила, а ведь ехала в зону, чтобы ей ещё больше срок добавили, а может и жизни лишили. Да, слава Богу, как любит говорить Елена, с меня словно пелена спала, и я увидела всю истину. После беседы с ней я поняла в чём смысл жизни. Ведь на таких людях, как Елена, держится наш мир. А если не станет таких людей, то земля канет в бездну, это я поняла после разговора с батюшкой Тимофеем. Я почувствовала, как он глубоко любит Елену.

– Она же его духовное чадо.

– Я тоже, Иван Петрович, хотела бы, чтобы отец Тимофей был моим духовным наставником.

– Для этого, Тина Фёдоровна, нужно чаще бывать в Монастыре, больше молиться и быть добрее и чище.

– Да, я понимаю. Мне далеко до Елены, но я буду очень стараться, буду брать с неё пример, чтобы стать лучше. Я же поэтому и уволилась из КГБ. Нашла уже себе работу, меня берут в адвокатуру. Буду теперь работать адвокатом. Очищаться душой станет легче. Иван Петрович, а когда мы ещё поедем к батюшке Тимофею?

– Давай, Тина Фёдоровна, поедем на следующей неде-

ле во вторник, но лучше всего в субботу.

- Да, в субботу, мне кажется, удобнее, да и детям лучше, так ведь, Игорёчек?

- А почему только Игорёчек? А я?

- Ой, Ленусенька, я и тебя имела в виду.

- Нечего, Тина Фёдоровна, иметь меня в виду, меня надо просто спрашивать.

- Хорошо, хорошо, Ленусенька, больше этого не повторится.

- Ленусенька, нехорошо меня ревновать, я же твой брат.

- А я и не ревную, просто хочу, чтобы и с моим мнением считались. А то вы все считаете меня маленькой, а мне уже скоро десять лет.

- В таком случае, Ленусенька, мне уже скоро четырнадцать будет... Поняла?

- Не ссорьтесь, мои ж вы детки взрослые. И я, и Тина Фёдоровна непременно учитываем мнение каждого.

И Иван Петрович, улыбаясь, обнял обоих детей и задумчиво сказал:

- Мои вы голубята, что бы я без вас делал? Да я бы просто пропал. Вот в субботу съездим в Монастырь и потом поедем к маме. Надо и Михаилу Ивановичу сказать, он тоже хотел поехать, ведь он в КПЗ нашу мамочку практически спас.

- Папа, он не только мамочку спасал, он же и Сашеньку лечил. Наверное, они вдвоём с тётёй Таей захотят поехать?

- Ленусенька, у меня же есть машина. Они сядут ко мне, мы все тогда вместе и поедем.

- Это будет здорово, тётя Тина. А какая у вас машина?

- "Волга", Игорёк.

- Я никогда на "Волге" не катался.

- Покатаешься, сынок, какие твои годы.

- Хотите, Игорёк, Ленусенька, я сейчас вас покатаю. Я на "Волге" приехала.

- Если папа разрешит. Я только вместе с ним поеду.

- Разрешаю, Ленусенька, разрешаю..

- Тогда поехали?

- Поехали, Тина Фёдоровна.

И они быстренько собрались и пошли к машине.

Машина была почти новая, белого цвета, чистенькая и ухоженная. Тина открыла двери, дети сели на задние сидения, а Иван Петрович сел впереди, рядом с хозяйкой машины.

- Сколько лет этой машине, Тина Фёдоровна?

- Четвёртый год.

- Гляжу, она в отличном состоянии.

- Да, я очень мало на ней езжу: в деревню к маме с дочкой ездим, да вот и всё. Ленусенька, Игорёк, куда поедем?

- Тётя Тина, давайте поедем на "Красную площадь".

- Чудесно, едем на "Красную площадь". Я тоже это место люблю.

- А у вас, Тина Фёдоровна, есть ребёнок?

- Есть, у меня дочка, ей тринадцать лет. Она живёт у бабушки. Я днями пропадала на работе, а теперь заберу её к себе жить. Работа теперь будет у меня спокойная.

- А деревня, в которой мама живёт, далеко?

- Нет, километров восемьдесят.

- А может мы и вашу дочку возьмём в Монастырь?

- Это хорошая идея, Иван Петрович. Как вы, Ленусенька, Игорёк, не возражаете?

- Нет, - хором ответили дети.

- Тогда я её в пятницу привезу, а в субботу и поедем двумя машинами.

Михаил Иванович, узнав о приглашении ехать в Монастырь, был несказанно рад, тут же согласился и попросил взять его жену Таисию.

И вот они на двух машинах приехали в Монастырь. Там шла служба. Дети и взрослые присоединились и начали молиться, внимательно слушая каждое слово священника. А после литургии они все причастились и исповедовались. Затем после службы они подошли к батюшке Тимофею, попросили у него благословения. Батюшка Тимофей пригласил их всех в келью. Он долго с ними общался, желая их всех напутствовать Божиим словом. Его все слушали с большим вниманием, стремясь уяснить всё сказанное, ведь Михаил Иванович и его жена Тая, а также Тина и её дочка Надежда ещё мало знали

как Ветхий Завет, так и Новый Завет. Поэтому всем было очень интересно познавать пути Господни. Их радости не было предела, когда вдруг батюшка Тимофей открыл шкаф и достал маленькие иконочки с Образом Господа, их он раздал всем присутствующим.

– Спаси вас Господи, батюшка Тимофей, – быстрее всех нашёл что сказать Игорёчек.

За ним слова благодарности стали говорить и Тая, и Михаил Иванович, и Тина. Только Надя стояла растерянная и молчала. А Ленусенька подскочила к батюшке Тимофею, обняла его и слёзно стала просить:

– Батюшка Тимофей, я вас умоляю, помолитесь за маму и братика Сашеньку, им в тюрьме очень тяжело. Попросите Господа, Божью Матерь, чтобы они смягчили участь мамы и Сашеньки. А то ведь заключённые злые и плохие люди, они могут убить там маму. У меня уже нет сил жить без мамы, я за нею очень соскучилась.

– Скоро, моя хорошая Ленусенька, ты к ней поедешь и увидишь свою мамочку.

Все присутствующие переглянулись, ведь батюшке Тимофею никто и словом не обмолвился о поездке к Елене в колонию. Поэтому всех интересовал вопрос, откуда он знает об этом. Тогда все убедились в том, что батюшка Тимофей прозорливый и всё знает о людях, только обычно не говорит.

– А откуда ты, батюшка Тимофей, об этом знаешь? Можешь сказать?

– Ленусенька, обманывать нехорошо?

– Конечно, нехорошо.

– Ну вот, ты сама знаешь, что обманывать нехорошо. Но есть такие вещи, о которых нельзя говорить. Если ты хорошо-хорошо, подумаешь, то поймёшь. Если сейчас не поймёшь, то поймёшь чуть позже, когда подрастёшь... Так что, Ленусенька, собирайся к маме. Сегодня в вашем почтовом ящике лежит уже разрешение на свидание. И будете там вы все вместе ночевать. Так что не убивайся.. Потерпи.. Но твоей маме там не так уже плохо. Заключённые её окружают неплохие. Да и врач, и начальник колонии ей там тоже помогают.

Вдруг он замаялся, поскольку в голове насчёт Елены и

её супруга Ивана Петровича увидел печальную картину. Но он ничего не рассказал, а лишь покрепче прижал к себе Ленусеньку, поцеловал и сказал:

– Ничего, Ленусенька, мама твоя всё выдержит. Господь вручил ей тяжёлую ношу, но и силой наделил большой. Передавайте Леночке от меня поклон, пусть не ропщет, трудится и просвещает заключённых. Сами они слепые душой, вот и заблудились, а им надо помочь и вывести из темноты. Для этого её Господь туда и направил. Пусть им там свои стихи читает, в которых есть Слово Господнее, а они бы от этого прозревали. Пусть крепче проповедует Слова Христовы, которые Он завещал Своим ученикам. А Бог всё управит. Поняла, моя деточка?

– Поняла, батюшка Тимофей.

– Ну тогда маме всё и расскажешь. А сейчас вам уже пора домой ехать.

– Батюшка Тимофей, а мы вот вам, настоятельнице Анне и монашкам гостинцев привезли.

– Спаси вас Господи.. Отдайте все гостинцы монахине Ирине, а настоятельницы сегодня в Монастыре нет, она только завтра будет.

Они так и сделали, отдали гостинцы монахине Ирине и поехали в Москву. Каждый думал о своём, но на сердце было уютно и хорошо. Весь разговор Ленусеньки с батюшкой Тимофеем слышали все, и он взволновал и Игорька, и Ивана Петровича, и Тину, и Михаила Ивановича, и Таисию. Только Наденька, дочка Тины Фёдоровны, не поняла смысла разговора и спросила:

– Мама, о чём говорил батюшка Тимофей? Какие проповеди в колонии должна вести Елена? И кто она такая? А кто такие заключённые?

– Наденька, ты задала слишком много вопросов. Я же за рулём, мне нельзя отвлекаться. Когда приедем, я дома тебе всё расскажу. Хорошо?

– Хорошо.

– Скажи лучше, тебе Игорёк и Ленусенька понравились?

– Понравились, только я не поняла, почему Ленусенька так просила батюшку Тимофея о спасении матери?

– Это, Наденька, длинный разговор. Я тебе дома всё

поясню.

– Хорошо. Мама, а Игорььку сколько лет?

– Скоро четырнадцать будет.

– Так значит он всего на год старше меня, а выглядит старше – лет на шестнадцать-семнадцать.

– Да, он мальчик рослый и сообразительный. Он – чемпион по шахматам среди юниоров.

– Вот это да! И учится, наверное, на отлично?

– Наденька, они оба – и Ленусенька, и Игорёк – учатся только на пятёрки. Сами всё дома делают: и стирают, и убирают, и готовят, и в магазины ходят. А ведь живут они без мамы.

– А что, им папа не помогает?

– Почему же, помогает. Но папа работает. Он старается после основной работы ещё и где-то подзаработать. Семья же у них большая, деньги нужны. Вот и ты, моя Надюша, бери с этих детей пример.

– Мама, ну я ведь тоже учусь на пятёрки и бабушке помогаю. Я и пол мою, и картошку чищу, и за водой хожу, делаю всё, о чём просит бабушка.

– Значит, ты у меня, Наденька, тоже хорошая девочка. Я вот скоро тебя от бабушки заберу.

– А бабушка переживать будет, не очень захочет меня отпускать.

– Ну сама-то ты хочешь жить со мной?

– Хочу, мамочка, но и бабушку мне жалко. Вот если бы бабушка согласилась жить в Москве, мы тогда были бы все вместе... Вот было бы здорово!

– Да, Надюша, было бы неплохо. Может, мы её ещё уговорим. Ведь она уже старенькая, ей пятьдесят семь лет.

– Ты что, мама, какая же бабушка старая? Она у нас ещё молодая. К ней всё Порфирий Петрович чуть ли не каждый день заходит. Он её замуж зовёт.

– Как выйдет, Наденька, наша бабушка замуж..

– Это было бы хорошо. Я бы за неё, мамочка, не переживала. Мне бы с тобой тогда было бы спокойнее.

– Ой, Наденька, ты у меня, доченька, совсем по-взрослому рассуждаешь. Выросла уже. Вот время летит, тебе скоро тринадцать лет, а мне тридцать три будет.

Беседуя непринуждённо, по-доброму, мама с дочкой не заметили, как доехали до дома. А вот Иван всю дорогу молчал и думал: "Что же хотел сказать батюшка Тимофей? Была какая-то грусть в его словах. Неужели меня или Елену ждёт ещё какое-то новое испытание? Я же не выдержу... Но одно утешает: скоро поедem к Елене. И батюшка Тимофей так сказал".

Когда Иван Петрович вернулся домой, тотчас помчался к почтовому ящику. В нём действительно лежало извещение, в котором им разрешалась встреча с Еленой. Кружась с письмом по комнате, он восторженно кричал:

– Игорёк, Ленусенька, отгадайте, что это за письмо?

– Это письмо, папа, в котором говорится, что нас ждёт встреча с мамой.

– Правильно, Ленусенька, угадала! Угадала!

Он схватил Ленусеньку и в радости закружился с ней по комнате:

– Ура! Ура! Дети, мы послезавтра едем к маме в Харьков! Я сейчас побегу брать билеты. А вы кушайте без меня. Думайте, что будем брать с собой. Подготовьте список, что надо купить в дорогу. Может, мы даже завтра в Харьков поедem, если я билеты куплю и договорюсь с начальником. Вот так вот!

Как ни старался Иван Петрович, чтобы отправиться к Елене завтра, у него ничего не получилось. Они поехали в понедельник.

Понедельник выдался хороший. Стояла ранняя осень, листья и деревья были ещё почти все зелёные, лишь некоторые стали желтеть. Но дыхание осени всё же чувствовалось.

Они ехали в купе. Когда они взяли постель, то расстелили её на своих полках. Ленусенька и Игорь легли на полки и стали смотреть в окно бегущего поезда. Поезд мчал их на долгожданную встречу с мамой. И долго они ехали молча. Потом Ленусенька посмотрела на нижнюю полку, где лежал отец, и спросила его:

– Папочка, мы едем без опозданий?

– Да, без опозданий. Едем строго по расписанию.

– И когда наш поезд в Харьков прибывает?

– В десять пятнадцать.

- Ночь поспим, а там уже скоро и Харьков. Так ведь, папочка?
- Так, так, Ленусенька. А вы ужинать будете?
- Игорёк, ты хочешь?
- Да ещё не очень проголодался.
- А я, братик, хочу чаёчку попить и съесть бутербродик.
- Ну, тогда я пойду к проводнице и попрошу сделать чаю. Папуля, три порции брать?
- Бери, Игорёк, три порции. Тогда поужинаем плотно, чтобы до утра есть не хотелось.
- И Иван вдруг обернулся к рядом сидящему пассажиру и спросил его:
- А может быть и вам чаю взять?
- Я не против. Мы как-то не познакомились. Меня зовут Владимир Владимирович.
- А меня Иван Петрович. Ну вот и познакомились... Неси, Игорёк, четыре чая.
- Вы, Владимир Владимирович, в Харькове живёте?
- Да. Я в Москву к другу ездил. А вообще-то на конференцию. Во всесоюзном юридическом заочном институте проходила конференция по трудовому праву. Участниками были преподаватели со всего Союза. Вот и я побывал. Я работаю в юридическом институте на должности доцента, пишу докторскую диссертацию. Участвовать в конференции было очень интересно, я по своей теме выступал там, дискутировали с другими учёными по проблемам трудового права. А вы где живёте, Иван Петрович?
- Я живу в Москве. Вот с семьёй еду к жене. Она находится в женской Исправительно-трудовой колонии.
- За что же её осудили?
- Леночку осудили за антисоветскую пропаганду и агитацию по статье 70-й УК РСФСР.
- Что же жена натворила? Простите меня за любопытство.
- Ничего особенного. Писала стихи религиозные, вот и всё.
- А сколько же ей дали?
- Семь лет.

– Семь лет?! За что семь лет?! Да это же немислимо, Иван Петрович... Бедная ваша жена. А я там знаю начальника колонии. Мы с ним вместе учились. Я у него частенько бываю, он мой друг. В своей дикторской диссертации я исследую трудовую деятельность работников исправительно-трудовых колоний. Могу поговорить с ним и похлопотать о Елене. Как её фамилия?

– Михайлова Елена Васильевна.

– А вам, Иван Петрович, долгосрочное свидание дают или краткосрочное?

– Долгосрочное, Владимир Владимирович.

– А давайте, я вам оставлю свой адрес. Я живу один. У меня двухкомнатная квартира. Вам же негде приютиться? Зайдёте ко мне, переночуете, отдохнёте. С детьми ведь тяжело. Это же ваши дети?

– Мои: дочка Ленусенька и сын Игорёчек. Я тоже хочу дать вам наш адрес в Москве. У нас двухкомнатная квартира, так что места хватит. Будете в Москве, приезжайте к нам. С гостиницами ведь, я знаю, проблематично.

– Я с удовольствием, Иван Петрович, воспользуюсь вашим предложением. А теперь давайте ужинать, а то дети уже нас с вами заждались. И чай уже почти остыл.

– Да, мы немножко заговорились, ну ничего.

И Иван Петрович вытащил из-под полки хозяйственную сумку, взял приготовленные ещё дома бутерброды, кроме того достал яблоки, помидоры, огурцы, и все стали есть.

– Вы, Владимир Владимирович, не стесняйтесь, кушайте с нами, у нас много еды. Ленусенька с Игорёчком у меня молодцы, четыре сумки наготовили.

– Спасибо, спасибо. У меня тоже с собой кое-что имеется. Вот тебе, Ленусенька, конфеты, а это тебе, Игорёк.

– Да я уж взрослый, Владимир Владимирович, конфеты-то есть. Но всё равно возьму с удовольствием, красивая коробочка, я её маме отдам.

– И мою коробочку, Игорёк, тоже отложи.

– Дети, ешьте сами. У нас же для мамы есть конфеты.

– Но таких, папочка, нет. У нас же простые шоколадные конфеты, а это в коробках, да ещё "Курочка ряба" и "Золотой ключик". Может быть, мама разрешит угос-

тить ими братика Сашеньку.

- Нет, Ленусенька, он очень маленький. Ему ещё нельзя конфеты давать. Мы для него соки везём. Вот их мама наверняка разрешит Сашеньке давать.

- А что, у вас ещё один сын есть, Иван Петрович?

- Да, есть, Сашенька... Ему уже девятый месяц пошёл. Леночка его родила, находясь в КПЗ. Мы его не видели почти полгода. Соскучились, так ведь, дети?

- Очень, папуля, соскучились. Сашуля уже, наверное, ползает, а может и ходит.

- Нет, Ленусенька, ходить ему ещё рановато, но на ножках он уже, наверное, хорошо стоит.

- Недолго, дети, осталось ждать. Скоро мы их с мамой увидим и услышим, Сашеньку понычим. Так ведь?

- Это да. Только очень мало. Вместе побудем всего только день и ночь, а потом опять уезжать надо будет. Хотя бы ещё сутки дали, а то ведь он к нам и привыкнуть не успеет.

- Да, Игорёк, я с тобой согласен. Короткое свидание дают.

- А хотите, Иван Петрович, я с вами вместе пойду в колонию и попрошу начальника Григория Николаевича Шерстнёва продлить вам свидание до трёх суток? Думаю, он другу не откажет.

- Ой, Владимир Владимирович, это было бы здорово. Давайте, я за это вас поцелую, - и Ленусенька с восторгом обняла и поцеловала его.

- Ленусенька, - улыбаясь, сказал Владимир Владимирович, - теперь мне надо очень стараться, чтобы оправдать твоё доверие. А вдруг не получится? Что тогда делать?

- Получится, получится, я это чувствую.

- Ну, дай, Бог, доченька. Вот мы тогда маму порадуем. Покушали уже? Давайте теперь всё уберём и подготовимся ко сну, а то уже поздно.

И дети не стали возражать. То, что осталось, они аккуратно завернули, сложили в сумки, поставили их на место. Потом каждый разместился на своих полках. Но никому не спалось, каждый думал о предстоящей встрече. Но всё же под плавное покачивание вагона и монотон-

ный стук колёс все под утро уснули. Когда наступило утро, все стали собираться, готовиться к выходу, а завтракать не стали.

Поезд "Москва-Харьков" прибыл вовремя. Владимир Владимирович вышел из вагона первым и стал подавать руку Ленусеньке и Игорььку, затем он взял вещи у Ивана Петровича. И все вместе поехали в исправительно-трудовую колонию.

Добравшись до колонии, Владимир Владимирович обратился к дежурному. Было понятно, что Сергеева Владимира Владимировича здесь знают, и он здесь свой человек.

- Витя, а Григорий Николаевич у себя?

- Да, Владимир Владимирович, наверное, у себя. Он на территории колонии, зашёл минут сорок назад и не выходил. Хотите ему позвонить?

- Сейчас позвоню. Гриша, доброе утро. Я к тебе в гости пришёл, да не один, а с друзьями - с мужем Михайловой Елены Иванов Петровичем и их детьми Ленусенькой и Игорььком. Куда мне дальше идти?

- Володя, здравствуй. Ты иди ко мне, а семью Михайловых пусть дежурный проводит в комнату свиданий. Дай трубку дежурному.

- Слушаюсь, Григорий Николаевич, - отчеканил дежурный.

- Лямзенко, проводи семью Михайловых в комнату свиданий, пусть пока там располагаются, а Михайлова сейчас подойдёт.

Пока один дежурный провожал семью Елены в комнату свиданий, другой получил команду, чтобы туда пошла и Михайлова с сыном.

Сергеев и семья Елены вышли вместе, пошли в одном направлении, около здания администрации колонии Владимир Владимирович сказал:

- Иван Петрович, вам немного дальше. Я сейчас зайду к Григорию Николаевичу и попробую договориться с ним о трёхдневном свидании, а потом зайду к вам и расскажу о результатах.

- Хорошо, Владимир Владимирович, мы будем ждать вас.

Михайловы зашли в комнату свиданий и стали там располагаться.

– Папа, а комната большая. Смотри, даже газовая печка есть, вон и кастрюли стоят, и посуда имеется, и чайник. А мы как раз чаю набрали да разных круп. Только вот кровать одна, где же мы спать будем?

– Где, где, Ленусенька! На полу постелем. Невелика барынька!

– Игорёк, ну на полу так на полу. А ты что такой раздражительный?

– Я не раздражительный. Я озабоченный. Сейчас мама придёт, давайте к её приходу накроем на стол. Отсюда нас уже не выгонят, раз уж пропустили.

– Ты прав, сынуля. Давайте чайник вскипятим, да бутербродами стол украсим.

Все проворно и ловко стали накрывать на стол, предвкушая радость встречи.

– Ой, папа, чуть не забыла. Я же скатерть прихватила, смотри, как она сюда подходит.

– Расстилай, расстилай, Ленусенька. Молодец ты у меня.

– И я, папа, тоже молодец, я привёз для мамы её любимую салфетку.

– И ты, Игорёчек, молодец. Вы у меня оба молодцы. Дети, кажется, стол богатый получился.

– На первый раз сойдёт, а потом я суп и плов приготовлю. Мама ведь давно нашего супа не ела, а плова тем более, я ведь его недавно научился готовить.

– Да, да, Игорёчек, приготовишь.

– А я тогда картошки поджарю, как меня Тина Фёдорова научила.

– Конечно, поджаришь, Ленусенька. Смотри, уже чайник закипел, заваривай чай.

Только Ленусенька начала заваривать чай, как на пороге появилась Елена с младенцем.

– Мамулечка, – первой бросилась к ней Ленусенька, – мы наконец-то встретились!

Девочка обхватила мать обеими руками и расплакалась. Но это, конечно же, были слёзы от радости встречи. Игорёк тоже подбежал к матери, крепко обнял её и

поцеловал:

– Мамуля, мамочка, родная ты наша...

– Эээ, да я вижу, мне до Леночки и Сашеньки не добраться, не дожидаться. Я вас всех вместе, дорогие мои, обниму и расцелую. Леночка, Сашенька, сыночек мой славенький, ангелочек ты наш.

Сашенька вдруг расплакался, перепуганный такой эмоциональной встречей.

– Ну, Сашенька, чего же ты плачешь?! Иди к папе на ручки, иди, мой мальчик.

– Ванюша, он успокоится и пойдёт к тебе. Тут же мужчин нет, и никто его на руки из мужчин не берёт, иногда, правда, при осмотре врач Дмитрий Васильевич. А тут сразу двое, да и Ленусенька третья пытается его взять. Вот он и испугался немного, хотя уже не плачет. Как же я за вами соскучилась, – обнимая и целуя всех по очереди, сказала Елена, – как долго вас ждала. А ты, Игорёчек, как вытянулся! Уже выше папы на полголовы.

– Мамулечка, я же тоже выросла?

– Выросла, Ленусенька, скоро меня догонишь.

– Я, Мамочка, седьмая по росту в классе стою.

– А я, мама, пятый. Так что не хвастайся.

– Да вы оба, мои детки, такие большущие и такие славные. Помощники вы мои золотые. Папу слушаетесь?

– Да ещё как! Правда, папуля?

– Правда, Ленусенька. Ой, Лена, я вижу, Сашенька уже адаптировался, дай мне его на руки.

– Возьми, Ванюша.

Отец трепетно взял сына. Сашенька вначале хотел расплакаться, но услышав ласкающие утешения отца, видимо, передумал. Он внимательно слушал отца, словно понимая его слова:

– Сашуленька, я же твой папа. Я очень соскучился по тебе. А это твой братик Игорёк и твоя сестричка Ленусенька, они тоже соскучились. Мы все приехали из Москвы, чтобы с тобой встретиться и помянуть тебя. Понял?

Мальш словно понял папу, улыбнулся ему, и все увидели, что у мальчика уже появились четыре зубика.

– Мама, а у Сашеньки зубки!

– Да, Ленусенька, два сверху и два снизу прорезались, рядом снизу ещё один прорезается.

– Ух ты.. Так ты, Сашенька, у нас уже такой зубастенький? Иди ко мне на ручки. Папуля, дай мне его.

– Бери, бери. Иди, Сашенька на ручки к сестричке. Она тоже хочет тебя подержать.

– Мне тоже хочется, папа. Ты, Ленусенька, зови его и я буду звать, к кому он пойдёт, тот и возьмёт.

Но маленький сын вдруг обхватил ручонками отца и не захотел идти ни к кому.

– Смотрите, смотрите, – радостно воскликнул Иван, – он меня признал, своего папочку. Так ведь, Сашенька?

И он в восторге закружил сына по комнате, затем несколом раз подбросил малыша. Сашенька не плакал, а довольно улыбался отцу.

– Ах, ты мой ненаглядный! Ты действительно очень и очень похож на папу. Ты нисколько не изменился после нашей первой встречи, наоборот, мои черты в тебе ярче проступают. Вот чудеса, Сашулька, сынуленька! Разве такое бывает, Леночка?

– Бывает, Ванечка, бывает, ты же сам видишь. Но позже он может перерасти.

– А ты, Сашенька, не перерастай, оставайся похожим на папу, ну разве немножечко на маму. Но мамин ум можешь взять полностью, я не возражаю, будь таким же умненьким.

Пока Иван восторгался сыном, Елена обнимала Ленусеньку и Игорька, приговаривая:

– Как же я соскучилась и как рада, что вы приехали. Вы подарили мне настоящий праздник.

– Мамочка, посмотри, а мы по-праздничному и стол накрыли, привезли тебе разных вкусностей.

– Да, стол получился богатый. Вы уже кушать хотите? Давайте будем садиться за стол.

– Ванюша, Сашенька, садитесь уже за стол.

– Хорошо, Леночка, но только я буду держать Сашеньку на руках. Сын уже ко мне привык и не плачет, признал своего папульку. Так ведь, Сашенька?

– Садись, Ванюша, никто у тебя его не отбирает.

– Как это? Я хочу его отобрать.

- И я тоже, Игорёк, дрожу от нетерпения.

- Давайте, дети, покушаем, а потом Сашенька и к вам пойдёт. Он любит уже ножками ходить, держась за ручки. Вот, ты, Ленусенька, возьмишь его за одну ручку, а Игорёчек - за другую и поведите его потихоньку по коврику.

Угомонившись, Игорёк и Ленусенька быстренько поели, выпили чаю и стали возле папы, который по-прежнему держал на руках Сашеньку. Малыш спокойно смотрел на всех, не очень-то желая идти к брату и сестре. И вдруг Ленусенька вспомнила, что она купила для маленького братика машинку. Девочка достала игрушку, завела её, и она покатила по полу. Сашенька насторожился, обратив внимание на жужжащую машинку, слез с рук отца и пополз к игрушке. Ленусенька с Игорьком обрадовались, подошли к машинке и стали заводить её вновь и вновь, а Сашенька ползал вокруг. Затем малыш взял машинку в руки и неожиданно для всех произнёс: "Дль, дль, дль". Он протянул игрушку Ленусеньке, она же поставила её на подоконник. А потом дети взяли Сашеньку за обе ручки, как им говорила мама, и стали водить его по комнате, восхищённо улыбаясь своему младшему братику. Потом Ленусенька взяла мальчика на руки и стала носить его по комнате, приговаривая:

- Игорёк, твой старший братик, уступил мне, чтобы я тебя поносила. Спасибо нашему братику, он у нас умный, добрый, уступчивый. За это я его и люблю. И ты, Сашенька, будь таким же, как твой брат. Не огорчай здесь маму, слушай её, а то ей и так тяжело, расти быстрее, учись говорить "ма-ма", "па-па". Что, не получается? Получится. А ты тяжёленький, ручки у твоей сестрички уже устали. Пойдём, я тебя Игорёчку отдам. Игорёчек, возьми меня, я к тебе хочу, у Ленусеньки ручки заболели, а то она меня ещё уронит.

Счастливый Игорёк взял Сашеньку у сестры и стал его, как папа, кружить и подбрасывать вверх. Сначала малыш хорошо вёл себя у Игорька, а потом стал капризничать и плакать.

- Игорёчек, он плачет потому, что ему пора уже кушать. Давай, я его покормлю.

Елена взяла сына на руки, покормила его. Сашенька хорошо покушал и быстро заснул. Мама отнесла маленького сына на кровать, вернулась к семье, и они снова все вместе сели за стол. Вместе им было так хорошо.

– Леночка, тяжело тебе здесь?

– Не очень. Но скучаю за всеми, бывает так грустно, что силушки нет. Хочется схватить Сашеньку и полететь к вам в Москву птицей вольною, обнять вас всех, прижаться и не улетать от вас, даруя вам своё внимание, ласку и доброту. Но увы.. Открою глаза, никого рядом со мною нет: ни дорогой Ленусеньки, ни любимого Игорька, ни моего самого лучшего муженька.

– Зато мы сейчас с тобою, ненаглядная моя жёнушка. Придёт время, и мы всегда будем вместе, не будем с тобой расставаться. Надо, золотая моя, набраться терпения и пережить это сложное для нас всех время. И мы его переживём, так ведь?

– Кто знает, как всё сложится, Ванечка.

– Не надо, Леночка, думать обо всём с пессимизмом, ведь мы же оптимисты. Надежда, милая, горы свернёт, а уньние могилу отроет.

– Да, Ванечка, ты прав, надо жить надеждой, а остальное Бог управит. Уньние Церковью не приветствуется. И правильно: уньние всегда делает жизнь невыносимой и толкает на самоубийство. А самоубийство – это величайший грех.. Ой, кажется, к нам кто-то стучится в дверь.

– Это, наверное, Владимир Владимирович. Мы не успели тебе рассказать, что мы с ним вместе ехали в поезде. Он обещал нам кое в чём помочь.

Как и предполагал Иван, в комнату вошёл Владимир Владимирович и спросил:

– Можно?

– Проходите, Владимир Владимирович. Знакомьтесь, это моя жена Елена Васильевна.

Протягивая руку для знакомства, Михайлова сказала:

– Можно называть меня просто Леной.

– Тогда и меня прошу называть Володей. Тем более, что я столько хорошего узнал о Елене от Григория Нико-

лаевича. Он мне даже бутылочку дал, чтобы мы здесь лучше познакомились.

– Присаживайте к столу, мы как раз трапезничаем.

– С удовольствием, Иван Петрович.

– Ну, раз, как говорится, пошла такая пьянка, и вы решили с Еленой называть друг друга по имени, то и меня прошу называть Иваном.

– Хорошо, – ответил Володя, доставая из внутреннего кармана пиджака бутылку водки.

Владимир поставил бутылку водки на стол. Иван налил одинаковое количество водки мужчинам в кружки, а Елене в стакан.

– Да мне же нельзя, я кормлю Сашеньку грудью.

– Ну что ты, жена, для знакомства можно. После этой капли Сашенька только лучше спать будет. Водка ведь в нормальных дозах для организма полезна. А ты её уже не пила больше двух лет. Выпей, Леночка.

Михайлова больше не стала отговариваться, подняла свой стакан, а мужчины кружки, все дружно стукнулись и выпили до дна. Шла оживлённая беседа, а закуска исчезала. Тогда внимательный Игорёк сказал:

– Вы кушайте, разговаривайте, а я вам по-быстренькому суп сварю с тушенкой и плов приготовлю.

– Ой, Игорёчек, спасибо, я так давно не ела домашнего супа, а тем более плова. Давай, сыночек, я тебе буду помогать.

– Нет, мамуля, ты сиди за столом, мне будет помогать Ленусенька.

– Да, да, мамочка, я очень хочу вместе с Игорьком готовить.

– Ну хорошо, милые вы мои, – Елена их поцеловала с нежностью и больше не стала предлагать свои услуги.

И дети дружно стали готовить еду. Взрослые же беседовали обо всём.

– Елена, Иван, я договорился, чтобы ваше свидание было продлено до трех дней. Григорий Николаевич о тебе, Лена, очень хорошо отзывается. Он рассказал о кагэбэшнице, которая приезжала сюда, чтобы получить информацию о колонии, о заключённых, но ничего у неё не вышло. Ей заключённые тёмную устроили, они же не

знали, что она специально подослана. А ты, Елена, знала?

– Володя, мне бы не хотелось на эту тему говорить. А вот за то, что ты помог свидание продлить нам до трёх дней огромное сердечное спасибо. Я так соскучилась за всеми. Ещё раз большое спасибо. Я очень этому рада. У меня будет целых три дня праздников.

– За это, жёнушка, можно и выпить. Так ведь, Володя?

– Я разделяю, Иван, твою точку зрения и хочу, чтобы вы почаще приезжали к Елене и поддерживали её. А я буду помогать вам и скажу начальнику, чтобы врач Романов Дмитрий Васильевич был более внимателен к вашей жене и сыну. Он осматривает Сашеньку?

– Да, Володя, Дмитрий Васильевич хорошо относится и к Сашеньке, и ко мне, и к заключённым. Его здесь все уважают. Он добрый и очень хороший человек.

– Так он же кум Григория Николаевича, а я – кум Дмитрия Васильевича. Мы потихоньку уехали в деревню к родителям в Воронежскую область и там в одной из Церквей покрестили девочек: я стал крёстным дочке Димы Настеньке, а Дима покрестил Гришину дочку Танюшку.

– Ну и замечательно, теперь у моей жёнушки есть защитники. Спасибо, Володя, я рад тебе быть другом. Когда будешь теперь в Москве, то чтобы только у нас оставался. Пьём за дружбу.

Иван вновь налил понемногу водки в свои кружки, все дружно стукнулись и выпили. Елена, лишь пригубив, поставила стакан на стол.

– Леночка, за дружбу надо выпить, а иначе так дело не пойдёт. Правда ведь, Володя?

– Точно так, Иван, за дружбу все пьём до дна, чтобы жизнь к нам шла сполна.

– Володя, да ты поэт? Вот стихами говоришь. А моя жёнушка такие замечательные стихи пишет... Вот сейчас она выпьет и нам что-нибудь почитает. Ну, выпей, Леночка, мне так хочется, чтобы ты расслабилась. Выпей, жёнушка.

Елена поняла, что ей не отвязаться от назойливого

предложения мужчин и, чтобы не обращать больше на себя внимания, выпила. Водка теплом разлилась по телу. Елена раздурманилась, стала оживлённее беседовать и, глядя на мужа влюблёнными глазами, спросила:

- Ванюша, а как тебе в поезде с детворой ехалось? Как они вели себя с Володей? Не надоедали?

- У нас, Леночка, отличные дети. Так ведь, Володя? Они тебе в купе не мешали?

- Нет. Они у вас смекалистые и воспитанные.

- А у тебя, Володя, есть дети?

- Нет. Я ещё, Леночка, не женат.

- Что же вы до сих пор семьёй не обзавелись? Без семьи, по-моему, жизнь пуста и одинока, нет тепла, в доме нет радости, внимания и гомона детей, отчего на сердце больше солнца и нежности, хотя и с детьми добавляются хлопоты. Но это хлопоты любви и надежды.

- Ой, Елена, ты так красиво о семье говоришь, что мне захотелось жениться. Да я вот всё никак невесту себе не найду, никто мне не нравится. Я ещё в школе влюбился в красивую девушку Нину, а она полюбила моего друга Артёма. За него и вышла замуж. Артём и Нина тоже окончили Харьковский юридический институт, как и я. Их распределили на север, а я здесь остался. У меня мама болела. Кроме меня у неё никого не было, поэтому меня и оставили в Харькове.

- Сейчас как её здоровье?

- Мама год назад умерла.

- Извини, Володя, что затронула эту тему. Я тоже маму похоронила, знаю, как это тяжело. Вот уже столько лет прошло, а душа стонет и болит о маме. Раньше хоть к ней на могилку ходила, а сейчас и этого не могу сделать.

- Да, без мамы тяжело. Она у меня хоть и плохо ходила, но всё же, как ты говоришь, Лена, дом был согрет её теплом. Одному жить, конечно, неудобно. Никто не ждёт, никто не заботится. Вот подыщу себе невесту и женюсь.

- Давай, Володя, я тебе в Москве невесту найду.

- Да я же, Иван, в вузе работаю, там невест хватает.

- И правда, ты же доцентом в институте работаешь. Может среди студенток себе хорошую жену найдёшь, такую, как моя Еленушка, так ведь?

– Ну, такую, как Елена, вряд ли найду, а студенток в вузе много хороших. Буду присматривать себе жену среди них, может, кого и выберу.

– А какого ты года рождения, Володя?

– Я сорокового года.

– Так ты такой же, как и я. А моя Леночка сорок первого. На годок нас с тобой помоложе. Но мы только доценты, а Леночка профессор, доктор технических наук.

– Ванюша, ты же знаешь, что с меня сняли учёную степень и звание.

– Леночка, может быть восстановят?

– Нет, Ванюша, уже не восстановят. Напрасно надеешься. Теперь доступ к исследованиям закрыт. Я же, Ванюша, почти враг народа. В приговоре сказано, что я осуждена за антисоветскую пропаганду. Я даже теперь не знаю, где меня после освобождения возьмут на работу, токарем и то, наверное, не устроюсь...

– Елена, а может другую специальность получить?

– Какую и как?

– Ректор института – мой двоюродный брат. Его недавно назначили на эту должность. Давай поступай в наш институт на заочное отделение.

– Володя, да как же я поступлю? Меня же не отпустят на экзамены, на сессию.

– Григорий Николаевич отпустит. Он говорил мне, что ты очень хороший человек и выручила его. Правда, я не понял, как ты его выручила. Но он записал тебя в свои друзья. Этот год мы уже пропустили, а вот в следующем году давай будем поступать. Тебе юриспруденция нравится?

– Да я, Володя, толком пока не пойму. Когда я работала директором института, то любила читать "Трудовое право". В этом учебнике изложены права и обязанности как работников, так и администрации. А мне нужно было знать многое по работе, чтобы не нарушать законов. В моём учреждении юрисконсульта не было, поэтому мне самой приходилось разбираться в юридических вопросах. И, по-моему, у меня это получалось.

– Ну, вот видишь! Значит, давай поступай, закончишь институт, а там видно будет. Знания за спиной в мешке

не носить, жизнь длинная, всё пригодится. Да и срок отбывать будет как-то легче. Правда, Иван? Ты не возражаешь против такого предложения?

– Это отличное предложение. Будешь, Леночка, знать законы, возможно, отстаивать свои права и добьёшься восстановления ступени доктора и звания профессора. Да и время станет бежать быстрее. Если тебя начальник колонии будет отпускать, то надо непременно воспользоваться. Чтобы это сбылось, надо обязательно выпить. Водочка налита, за умное предложение Владимира все пьём до дна.

Елена уже не сопротивлялась, всё выпила. А потом подумала: "А может быть из этого что-то и получится? Во всяком случае учиться мне всегда нравилось и нравиться. А что заочно, то ничего. Я же школу вечернюю закончила и институт заочно, диссертацию защитила. И, хотя докторантуру не заканчивала, а защитилась успешно". А вслух спросила, обращаясь к Владимиру Владимировичу Сергееву:

– А ты, Володя, над докторской работаешь?

– Работаю. Я как раз работаю над темой, которая связана с трудом работников исправительно-трудовых колоний. А ты мне, Елена, помогать будешь, здесь в библиотеке мне нужный материал готовить, а?

– Володя, да какой из меня помощник? Я же в этом не разбираюсь.

– Разбираешься, жёнушка, разбираешься, у тебя непременно всё получится. А сейчас суп готов, скоро и плов подспеет. Давайте есть суп.

Игорь налил всем супа, Леночка помогала тарелки ставить на стол. И все дружно стали кушать.

– У нас, как у щедрых хозяев, завтрак перерос в обед. До чего же вы, Игорёк и Ленусенька, вкусный суп сварили. В жизни такого вкусного супа не ел. Ой, молодцы, вот уж умницы, первоклассные повара!

– К такому обеду и водочки бы надо.

– А чего же не налить? – Елена быстро достала бутылку водки из своей сумки.

– Лена, а как это тебе удалось?

– Ой, Ванюша, хоть ты и мой дорогой муженёк, но это

тайна, и секрет я никому не выдам.

– Ну и правильно, а я всё же, Лена, догадался, кто это тебе принёс.

– Володя, догадка не всегда бывает сладка, поэтому оглашать вслух не станем. А давай, мужёк, налей-ка водочки к вкусному супчику. Для детей у меня есть две бутылочки ситро.

– Неси, Игорёк, чашки, в сумке как раз две есть.

– Да, папа, ты правильно сделал, что чашки в сумку положил, а я ещё не хотел.

– Ну, Игорёчек, я же у тебя бывалый папа, знаю что куда брать. Давайте, мои любимые детки, садитесь. А что вы стоите?

– Да вот думаем, может ещё конфеты поставить, которые Владимир Владимирович подарил. Мама, как ты думаешь?

– Ленусенька, это же твой подарок, как хочешь, так и делай.

– Тогда я поставлю конфеты на стол. У нас, как сказала мама, сегодня праздник. Ну раз уж суп поели, то давайте я соберу и помою тарелки, а ты, Игорёк, в них плов разложи.

– Я вам сейчас, дети, помогу.

– Нет, мамуля, вы все сидите, мы с Игорьком сами за вами поухаживаем.

– Спасибо, мои помощники.

Они вдвоём быстро убрали со стола тарелки, Лена мыла, а Игорёк их вытирал. Затем Игорёк насыпал плов, а Ленусенька его разносила. Обслужив маму, папу и Володю, дети тоже сели за стол, и все стали кушать.

– Нет, Игорёк, я опять удержаться не могу, не плов, а объедение! Кто же тебя научил так готовить плов?

– Папа. Он говорит, что плох тот мужик, который не умеет готовить плов.

– Значит, Игорёк, я плохой мужик, ведь плов я готовить не умею.

– А я вас, Владимир Владимирович, непременно научу, когда вы приедете к нам в Москву.

– Вот и отлично, Игорёчек. Я приеду к вам в декабре или январе. В это время должна будет проходить всесо-

юзная конференция по трудовому праву, которая будет проводиться в МГУ. Мне очень хочется принять участие в ней.

- Хорошо, Володя, приезжай, мы будем ждать тебя. У тебя же адрес и телефон есть?

- Да, спасибо, есть. Ну я уже буду откланиваться, а то и так очень долго здесь пробыл и у вас забрал массу времени.

- Что ты, Володя, я так рад, что с тобой познакомился. Ты столько хорошего для нас сделал - и со свиданием помог, и надежду на поступление в институт Елене подарил. Спасибо тебе большое.

- И я присоединяюсь, Володя, к словам Ванюши. Мне приятно было с тобой познакомиться, я очень благодарна тебе за помощь.

- Не стоит... Мне тоже было отраднo с вами познакомиться и завести новых друзей. Я с удовольствием стану вам помогать всем, чем смогу.

И Владимир Владимирович расцеловался со всеми и довольный поехал домой. Он полюбил семью Михайловых всем сердцем, ему очень хотелось помочь всем, особенно Елене. Её судьба взволновала его до глубины души. Он поражался стойкости Михайловой, её интеллигентности, самообладанию, эрудиции и какой-то удивительной женской привлекательности. В его голове пронеслась мысль: "Почему в мире всё так несправедливо? У Елены есть всё - и ум, и красота, и прекрасный любящий муж, а она такая несчастная. Любая другая простая женщина, не имеющая ни образования, ни красоты, которая просто живёт с таким же мужем, счастлива и радуется жизни. Она не покоряет жизненных высот, в ней нет утонченности, но она идёт своим путём и на всё смотрит проще. И в её жизни нет строгих правил, высоких требований и тернистых дорог. А Елена, натура тонкая, образованнейшая, с пытливым умом, решала судьбоносные вопросы, не знала отдыха, стремилась помочь другим, а сама при этом была глубоко несчастлива. Она работала во славу государства, а оно выкачало из неё все жизненные силы, присвоило себе результаты её титанического труда, а правящая верхушка ради мнимого ве-

личия государства часто зло и несправедливо поступает с теми людьми, которые укрепляют его мощь. И ведь без таких людей, как Елена, государство не может существовать, но в то же время оно боится таких людей, сознательно держит их под своим наблюдением, уничтожает, сажает в тюрьмы, прикрываясь нормами закона. И именно это государство создаёт такие законы для уничтожения сильных, чтобы прикрыть свою слабость и быть сильным за счёт людей, кормящих его. Государство есть наивысший узурпатор, если оно не живёт интересами народа, а ставит целью создание государства для государства, а не для людей. Такое государство непременно падёт, укрывая его создателей позором и проклятием народа. Ну да ладно... А то я расфилософовался, ещё не удержусь и выскажусь где-нибудь в обществе, в котором обязательно будет ставленник КГБ. А он обязательно донесёт информацию в страшные жернова, которые безжалостно мелют многих и без разбора, именно потому, что это звено является основополагающим в поисках сильных и, по их мнению, опасных людей, но которые являются плотью и кровью от народа и составляют фундамент государства. Убери их или дай свободу их мышлению, и государство затрещит по швам и распадётся. Но ведь создали такое государство наши предки то ли по недомыслию, то ли по бандитскому насилию могущественного клана, который не имел ни милости, ни добра, ни жалости, а был одержим злом. И в этом государстве нам, потомкам, приходится жить. А сколько нам в нём жить ещё осталось? На этот вопрос, Владимир Владимирович, очень сложно ответить. Надо бы тебе спросить это у Михайловой, она наверняка даст более точный ответ".

И эти мысли глубоко засели в его голову, он стал ждать новой встречи с Еленой.

А Елена нисколько не думала ни о сложных проблемах государственного устройства, ни об их новом знакомом Сергееве. Она наслаждалась обществом своих родных и близких людей.

– Мапочка, а Сашенька уже говорит "па", "ма". Он у нас такой чудненький, такой красивенький, ну просто

ангелочек. Сашенька красивее меня и Игорька?

– Ленусенька, вы все у меня красивые. И каждый по-своему самый лучший. Иди ко мне на ручки, пусть мальчины понянчатся с малышом, а ты, моя красавица, иди ко мне, иди.

Девочка подошла к Елене, мать взяла её на руки, прижала её к груди и сказала:

– Ленусенька, как же я тебя долго, моя ненаглядная, на руках не держала. Ты у меня уже вон какая большая, умненькая, хорошенькая. Мальчишки уже, наверное, на тебя заглядываются?

– Мамуля, я правда хорошенькая? Ты не шутишь?

– Ну что ты, моя доченька, посмотри какой у тебя красивый носик, глазки большие голубые, как небо, ротик аккуратный, губки алые, словно спелые вишни, волосы роскошные, и фигурка точёная вырисовывается. Ты у меня красавица! Только, доченька, не надо зазнаваться, хвастаться своей красотой. Это же не твоя заслуга, это тебе дал Господь. Надо Бога благодарить, а не думать, что это твоё достижение. Все люди хотят быть красивыми, но от них это не зависит. Но вот внутренняя красота зависит от человека, это – доброта, трудолюбие, смирение, сочувствие, терпение, бескорыстие. Эта красота глазу не видна, однако, она главенствующая. Внешняя красота быстро отцветает, а внутренняя, если человек её не растрачивал в злобе, а, напротив, умножал, то такая красота, доченька, вечна. Бог обратит на это Свой взор и совсем не посмотрит на внешность.

– Мама, а какая во мне внутренняя красота. Она есть или нет?

– Есть, доченька. Ты старательная, милосердная, уважительная, трудолюбивая, людям помогаешь и Господа любишь. Вот и обо мне заботишься, стремишься облегчить мою ношу. То есть, в тебе заложены доброта и сострадание. И если ты эти качества по жизни не растеряешь, а станешь их развивать, то непременно твоя внутренняя красота будет притягивать к тебе людей. Именно такая красота угодна Богу. Господь любит в нас именно эти качества, по ним и по поступкам нашим Он и будет судить нас по истечении жизни на земле.

– Мамуля, а почему же люди стремятся дружить только с красивыми людьми?

– Доченька моя, а потому что внешняя красота наверху лежит, её человек сразу видит, она радует глаз. А внутренняя красота запрятана и проявляется в поступках человеческих. Её сразу не разглядишь.

– Мамочка, а есть люди, которые красивы и внешне, и внутренне?

– Конечно, есть. И ты, и Игорёчек имеете и внешнюю, и внутреннюю красоту. Правда, вы ещё у меня не совсем взрослые, и ваша внутренняя красота может измениться, чего бы я никак не хотела. А наш папа уже взрослый, и его внутренняя красота проявляется со всею своею силой. Поэтому я считаю, что наш папа красивый человек и внутренне, и внешне.

– Мама, а ты его любишь?

– Люблю, Ленусенька, очень-очень, как тебя и Игорёчка.

– Кого больше?

– Всех, доченька, люблю одинаково. Вы мне все очень дороги.

– Ма, а как это понимать – люблю, не люблю?

– Ой, Ленусенька, это очень сложный вопрос, однозначно не ответишь. Но попытаюсь тебе объяснить. Когда, дочка, любишь, то внутри горит огонь, он светит в душе, зовёт. А когда встречаешься с тем, кого любишь, то он разгорается костром, рождая чувства, которые окрыляют, и хочется постоянно лететь к этому человеку, быть с ним, видеть его, если не воочию, то думать о нём постоянно. Тогда любишь его взор, его речи, его нежность, его внутреннюю и внешнюю красоту, порой даже не замечаешь недостатков. Но если человек внутренне некрасив, то эти чувства полётности, окрыления, трепетности пройдут со временем, и человек прозреет, увидит все эти недостатки и непременно разлюбит его, если не сразу, то постепенно. И это, Ленусенька, для души и сердца большая травма, хотя со временем она зарубцуется. Может прийти и новая любовь к другому человеку, она тоже обретёт свои крылья, подарит счастье и умиление. Но у такой любви будет уже осторожность, потому что

останутся осколки от раны первой любви. Другими словами, доченька, чувства будут уже не такими острыми, они не долетят до той высоты, которой достигли при первой любви. В таком случае больше будет присутствовать в новых чувствах мышление. Любовь по разуму, возможно, и крепче, но она никогда не станет восторженной и первозданной, как пришедшая весна с её половодьем и цветением. Поэтому, Ленусенька, к чувству любви надо относиться аккуратно, бережно и с пониманием. Если тебе нравится мальчик, то не спеши открывать свои чувства. Сначала испытай себя и не раз, проверь любовь на взаимность, разберись и в его чувствах, ведь в чувствах должна быть граница, особенно в твоём возрасте. Безграничность в любви заменится вседозволенностью и перенасыщенностью. А это очень опасно в отроческом возрасте, когда ещё дороги жизни не исхожены, не впитаны познания жизненных ситуаций. Поэтому, моя хорошая, не спеши любить той любовью, о которой мы с тобой говорили, чтобы не опалить крылья настоящей любви. Понятна тебе, доченька, моя лекция о любви?

– Не очень... Мне бы эту речь записать. Но, кажется, я её всю запомнила. У меня же, мама, хорошая память. Я о нашем с тобой разговоре ещё буду думать много раз. И прежде, чем на что-то решиться, я буду анализировать эту нашу с тобой беседу. Буду думать, пока не пойму всё до конца. Но я чётко одно поняла: чувства любви надо растить и раньше времени не раскрывать их человеку, не рассмотрев его внутреннюю красоту. Так ведь, мамуля?

– Так, моя красавица... Давай, Ленусенька, пойдём и уделим уже внимание нашим мужчинам, а то мы с тобой уже давно секретничаем. Они уже устали нас ждать. И Сашеньку кормить пора. Пойдём к ним.

– Мама, мама, погоди минуточку. Скажи, а если не любишь, то таких чувств возвышенных и крылатых нет?

– Нет, детка моя, нет...

– Тогда зря Вадик за мной бегаёт. У меня к нему таких чувств нет. Спасибо, мамуля, теперь я за себя спокойна.

Елена улыбнулась, поцеловала Ленусеньку в макушку, и они счастливые подошли к мужчинам.

- Как вы, наши дорогие мужчины, здесь себя чувствуете?

- Хорошо, Леночка. Сынулька вон как ползает прекрасно, да уже и ходить скоро будет. Представляешь, он самостоятельно стоит. Игорёк его ставил, а он с минутку-другую стоял. Правда, мы его страховали, и он даже один шагок сделал. Сынулька уже и смеётся в голос. Игорёк его сажал ко мне на спину и поддерживал его, а я возил Сашеньку, ему это очень нравилось, он заливался от смеха.

- Да, мама, Сашенька у нас бутуз хороший. Мы его с папой и за ручки водили. Он бегаёт на цыпочках. Вот посмотри. Папа, бери его за ручку, а я за другую. Побежали, побежали, Сашуля. Видали, как наш Сашенька бегаёт? Вот то-то... Он прямо-таки герой, а ползать не очень братик хочет.

- Игорёчек, негде ему ползать. Сам видишь, какие условия. Он больше лежит в кроватке.

- Зато за эти три дня он наползается и набегается вдвоём. Так ведь, папа? Мы его с тобой поводим за ручки, да?

- Почему это вы, а я? Я тоже хочу Сашеньку понанять и поводить за ручки. Давай, Игорёк, ты бери братика за ручку, а за другую я.

- Не буду, иди секретничай с мамой.

- Игорёчек, ну что ты? У нас же с Ленусенькой могут быть женские разговоры, так же, как и у вас с папой могут быть мужские беседы, так ведь?

- Так-то оно так, мама, да немножко не так. Когда больше двух, то говорят вслух.

- Ну, хорошо, мой дорогой сыночек, больше мы с Ленусенькой уединяться не станем. А сейчас, родные мои, пора нам с вами и поужинать. Давайте вы накроете на стол, а я покормлю Сашеньку. Так идёт?

- Ленусенька, подавай тарелки, а я, как заправский повар, буду разливать, ты же - носить их на стол. А ты, папа, давай из сумок всё, что там осталось, тоже на стол клади, чтобы не испортилось.

- Уж, какой ты хозяин рачительный. Молодец, сыночек, я всё так и сделаю.

И они втроём дружно накрыли на стол и сели ужинать. Когда поели, также дружно убрали со стола, помыли посуду и начали вновь забавляться с Сашенькой. Малыш начал капризничать, он хотел спать, поскольку подошло время сна.

Дети, утомлённые насыщенным днём, разложили принесённые дежурным раскладушки и легли спать. Елена и Иван последовали их примеру, но к ним сон не шёл, так хотелось много сказать друг другу о своих чувствах, желаниях и о любви. Эти чувства волновали сердце и просили выплеснуться наружу зовом любви и стремлением насытиться долгожданным и радостным свиданием, которое им подарила судьба, хотя и произошло оно в таких неблагоприятных условиях.

Иван шептал Елене слова, наполненные чувством восторженной и неистраченной любви, и целовал её. Она тоже отвечала мужу взаимностью.

– Милый, дорогой мой Ванечка, я тебя очень и очень люблю. Ты – моя радость, опора и счастье. Я очень благодарна судьбе, что Господь ниспослал мне такого прекрасного, доброго и славного мужа, в котором есть и милосердие матери, и строгость отца. Я так тебе благодарна за наших детей, ты правильно воспитываешь их.

– Леночка, голубушка моя, ты – смысл моей жизни, моя надежда, настоящее и будущее, моё время, которое греет меня ореолом твоей женской красоты и величием идеала верности. Я люблю тебя всей душой. Все уголки моего сердца наполнены верой в тебя, нежностью и признанием счастья, которое ты даришь мне. Я летел к тебе на крыльях, мне так хотелось увидеть тебя и обласкать твоё прекрасное личико, твой великолепный стан. Я знаю, моя ненаглядная, как тяжело тебе нести эту ношу, несправедливо обрушившуюся на тебя. Мир к тебе, дорогая жёнушка, ужасно несправедлив. Он безжалостно бросил тебя в пасть зла и беззакония. Дорогая моя, мне всею душой хочется помочь тебе, разделить с тобой эту участь. Я дома и дня не живу, чтобы не думать о тебе. Ты – мой свет, который освещает душу и даёт мне силы жить и любить в это нелёгкое время. Меня убивает и угнетает то, что ты живёшь здесь среди этих заключённых.

Мне хочется безумно кричать и рушить эту советскую власть. Перед отъездом мы все – я, Игорёчек, Ленусенька и врач Михаил Иванович со своей женой Таей – ездили к батюшке Тимофею. С нами ещё ездила и Тина со своей дочкой Надей. Он нас встретил хорошо. Мы там помолились, исповедовались, причастились. Батюшка для нас провёл очень откровенную беседу-проповедь. Тина в Монастыре была впервые, она получила много впечатлений, была поражена и восторженна. Михаил Иванович и Таисия тоже были очень довольны. Таисия всю дорогу восторгалась, в её душе загорелся свет от посещения Монастыря. Когда я еду в Монастырь, то всегда их приглашаю. Все просили передать тебе поклон. Я уверен, что они полжубили тебя, говорят о тебе, моя дорогая, с таким восторгом, сердобольностью и сочувствием. Тина уволилась из КГБ. Сказала, что теперь будет вместе с адвокатом Петром Фёдоровичем заниматься твоим делом. Они готовят материалы в Верховный суд для обжалования приговора. Возможно, моя любимая, добьются пересмотра, и тебе уменьшат срок. Так что, мой ненаглядный цветочек, не печалься, может быть, мы скоро снова будем вместе. Я очень за тебя, моя лебёдушка, переживаю и волнуюсь. Ты же, моя звёздочка ясная, горишь, указывая мне путь. Мне хочется видеть тебя, ласкать и отдавать себя всего без остатка. Ты такая зовущая, нежная и благодатная, моя жёнушка. Я без тебя схожу с ума. Хорошо, что дети со мной, они меня в некоторой степени спасают. Игорёк уже совсем взрослый, берёт очень большую нагрузку по дому, выполняет любую работу, с Ленусенькой не ссорится. Она тоже старается, слушает не только меня, но и Игорька. А Игорь в последнее время стремится заработать копейку, несёт её домой, отдаёт мне, и мы заработанные им денюжки кладем в общую копилку. Деньги тратим сообща и вместе обсуждаем что купить и от чего отказаться. Они тебя, зорянушка моя, очень любят, тоскуют по тебе, но вида не подают. Я не раз видел их плачущими, особенно Ленусеньку. Вот и недавно прихожу домой, а Ленусенька сидит с заплаканными глазами, а в руках держит твою фотографию. Спрашиваю: "Что, скучаешь по маме?" Она

утвердительно кивнула головой, губки и борода задрожали, из глаз покатались слёзы. Я её обнял, поцеловал, а самому, Леночка, тоже хотелось плакать навзрыд, но я сдержался. Нам тебя, солнышко ты наше, очень не хватает. Ты же наша дорога жизни, свеча судьбы, которая освещает наши пути. Я очень и очень тебя люблю.

И Иван ласкал свою жену зовом сердца, в котором билась радость, нега страсти и всеобъемлющая любовь, возвышая чувственную красоту через зеркальное отражение порыва души. Они парили в высоте сладострастности притяжения любви, открывшейся для них чистой отношений, верностью и крылатым созвездием, которое освещало им пути светозарным влечением сизокрылой и вечной любви.. Иван с Еленой, окрылённые чувствами верности, любви и счастья, ворковали, как голуби, чуть ли не до рассвета.

Рассвет пробивался в комнату, освещая стол и раскладушку, на которой спал Игорь, и косыми лучами раннее солнышко касалось лица отрока. Но постепенно утренний свет заполнил всю комнату. Стало совсем светло, и уже день стремился вступить в свои права. На территории колонии раздавался шум от машин, гомон заключённых и работников лагеря.

Первым от шума проснулся Сашенька. Он завозился в своей кроватке, зафряхтел, заворочал головкой, словно что-то искал. Услышав это, проснулась Ленусенька. Она подошла к нему, дала ему соску-пустышку, приговаривая:

– Сашулечка, ещё поспи немножко, пусть наша мамочка тоже понежится в кроватке, а то ведь её некому здесь пожалеть. Мы вот приехали, а она пусть немного отдохнёт. Тяжело ей без нас в этой колонии. Давай, Сашуля, я тебя покачаю, а ты поспи, баю-бай.

Но Сашенька спать не хотел, выплюнул пустышку и стал громко плакать. Елена услышала и полушёпотом сказала:

– Подай его, доченька, мне. Я его грудью покормлю. Ему уже кушать пора.

Ленусенька аккуратно взяла братика из кроватки и подала его матери.

- Проголодался, Сашенька, да? Давай, малыш, завтракать будем, молочка попьём, а попозже поедим пюре и выпьем сока. Тебе их папа, Ленусенька и Игорёчек привезли аж из Москвы, они такие вкусные, там много витаминчиков.

Сашенька, словно понимая мамины слова, успокоился и стал кушать молочко. Насытившись, он оставил мамину грудь и стал ей мило улыбаться.

Ленусенька увидела, что Сашенька уже играет, подошла к кровати и спросила:

- Мамуля, можно я возьму Сашульку, переодену его, и мы с ним ходим?

- Конечно можно, доченька. Возьми его и ходите с ним.

- Сашулечка, пойдём к сестрице на ручки. Я одену на тебя новую распашонку и ползуночки, которые я сама для тебя купила. Они синенькие, как раз для мальчиков. И пинеточки оденем, их купил тебе братик Игорёк. Давай поблагодарим его и пощекочем ему животик.

- Кто тут собирается щекотать мне живот?

- Это я, Игорёчек, твой младший братик Сашенька. Просыпайся уже, будем гулять, ходить по полу и заниматься зарядкой, а то тебя защекочем. Давай, Сашенька, ручку, пощекочем Игорька.

- Ой, Сашенька, щекотно. Я встаю. Помогите мне подняться. Дай твою ручку. Вот так, молодец, тяни брата со всей силы. Покажи, какой ты у нас богатырь.

И Игорёк соскочил с раскладушки, сложил её и поставил в угол. Затем быстро умылся, почистил зубы, а после подошёл к сидящим на коврике Ленусеньке и братику.

- Это кто меня будил, а? Кто мне спать не давал? Это Сашенька, да? Давай-ка, братец, я тебя вверх подброшу, чтобы ты рос бесстрашным и сильным.

Родители ещё немножко понежились в кровати и тоже встали. Ленусенька приготовила лёгкий завтрак, все покушали, попили чаю, и разговор вновь полился рекой.

- Леночка, я же тебе писал, что мои родители уехали в Свердловск к старшей сестре. Моя же квартира теперь пустует. Давай обменяем мою однушку и нашу двухком-

натную на трёхкомнатную квартиру. У меня уже кое-какие варианты имеются. Если Верховный суд оставит приговор без изменения, то тебе даже после отбывтия наказания в течении пяти лет жить в Москве будет запрещено. Поэтому трёхкомнатную московскую квартиру будет легче обменять на такую же в любом другом городе.

– Я, Ванюша, не возражаю. Но может Верховный суд хоть эту меру наказания отменит и разрешит мне жить в Москве?

– Не знаю, Леночка, но лучше быть готовыми ко всему. Какая разница где жить, лишь бы с тобой и нашими детками вместе. Для меня в этом счастье заключается. А что Москва? Огромный шумный город, да и только. И без тебя в этом городе мне свет не мил, ты же знаешь.

– Спасибо, дорогой мой муженёк. Я очень тронута твоими словами и твоим стремлением. Я тоже тебя очень люблю.

– А мы с Игорёчком тоже очень папу обожаем. Так ведь, Игорёк?

– Я, Ленусенька, как мама, люблю папу очень-очень, а как обожать, я не понимаю.

– Не вредничай, Игорёк, ты сам мне говорил, что ты папку обожаешь.

– Говорил, говорил... Но понятие "люблю" выше, чем понятие "обожаю". Поэтому я когда-то папу обожал, а теперь люблю. Поняла?..

– Поняла... В таком случае, я папку тоже обожаю и люблю.

Иван, умилённый признанием детей, встал и поцеловал Ленусеньку, а затем Игорька и сказал:

– А я тоже, Игорёк и Ленусенька, вас обожаю и люблю. Спасибо, что вы такие у нас такие прекрасные есть. Вы нашу жизнь согреваете и делаете её милее, богаче и счастливее.

– И тебе, папуля, спасибо, что ты у нас есть такой хороший, с такой богатой душой. Папаня, а ты маме рассказал о тёте Любе и дяде Семёне? Передал от них приветы?

– Нет, ещё не успел. Но вот ты мне напомнил, теперь

скажу. Наша Любаша живёт очень хорошо с Семёном, воспитывают малышку, но она очень за тобой, Леночка, скучает и собирается к тебе приехать на краткосрочное свидание. Ты не против, Леночка?

– Конечно не против, я буду очень рада. Я тоже по ней соскучилась. А как там поживает мама Маня?

– Мы у неё недавно были. Заезжали, когда в Монастырь ездили. Она была очень рада нашему приезду. Суетилась вокруг нас, как настоящая мама.

– Мамуля, она нам с Игорёчком подарила носки и рукавички для зимы. Они такие красивенькие. Игорёчку носки и варежки бабушка Маня обвязала синей каёмочкой, а мне красной. Это для того, чтобы мы с ним не путались. Она нас и на зимние каникулы, и на летние к себе приглашала. Вы отпустите нас?

– Я не возражаю. А как папа?

– Если будете хорошо себя вести и на пятёрки учиться, то конечно отпущу.

– В этом, папаня, не сомневайся, мы тебя не подведём.

– Тогда, дети мои, замётано.

– Спасибо, папуля, – обнимая отца, сказала Ленусенька. – Ты у нас самый лучший на свете.

Елена, глядя на детей, блаженно улыбалась. На душе было спокойно и уютно. Для неё и в этой комнате за колючей проволокой билось счастье, распахнутое её любимым мужем, который сумел воскресить и дать ей хоть на время счастливый семейный очаг, в котором цвела любовь, как весенние сады, и светило солнце, лаская её детской трогательной откровенностью, теплом и крылатостью любящих её людей.

Но это счастье быстро пролетело, три дня свидания промчались. Наступил момент прощания, в котором были страх, горе, боль и слёзы.

– Мамочка, я не хочу с тобой расставаться. Без тебя мне так плохо, горько и пусто, – обнимая мать и целуя её, даря ей свою детскую любовь, в которой горела нежность, разочарование, тоска и одиночество, сказала Ленусенька. – Мне без тебя плохо, очень плохо...

– Доченька, крепись. Это же не в моей власти.. Я же подневольная, отбываю срок заключения. Если сбегу, то

меня непременно найдут и как особо опасную преступницу снова упрячут. Только уже посадят в более жёсткие условия и срок добавят. Так что, девочка моя, мужайся. Жди, Бог даст, всё нормализуется. Не плачь, мой ангелочек, я вам буду письма писать. Я вас всех очень и очень люблю...

И здесь Елена не выдержала и заплакала. Она уронила голову на грудь мужа и запричитала:

– Ванюша, ну почему ко мне судьба так несправедлива? Я стараюсь всею душою делать добро, а мне в ответ идёт зло и лиходейство. Ну за что меня сюда упекли? За что? За то, что я говорю тем языком и теми словами, которые живут во мне, поднимаю те вопросы, которые волнуют миллионы людей. Ванечка, где же природные права человека? Но мы же не животные, мы люди. Господь нам дал жизнь, свободу в наших действиях, суждениях, а государство нас лишает этого. Не государство ведь нас породило, а мы создали государство, а теперь оно нас уничтожает, делает нашу жизнь невыносимой. Нас государство сделало своим приложением, где обозначило для себя права, а для народа одни лишь обязанности. Зачем нам такое государство, которое не охраняет ни нашу жизнь, ни человеческие права? Ведь эти права даровал нам Бог. От такого государства надо бежать туда, где его нет – в леса, в тайгу, чтобы оно не нашло там людей. И там нужно строить своё счастье, свободное от насилия. Ванюшенька, милый, я не выдержу здесь без тебя, без детей.

– Леночка, жёнушка моя, соберись, не плачь. А то мы все здесь будем рыдать, разрывая свои сердца на части. Ты же сама нам говорила, чтобы мы крепились, а теперь так убиваешься.

– Прости, Ванюша, но почему-то на сердце невыносимо больно. Мне так тяжело с тобой расставаться, такая тяжесть на душе. Не хочется тебя выпускать из своих объятий.

И она осыпала поцелуями своего мужа и детей.

– Леночка, дорогая моя жёнушка, нам пора...

– Мамоchка, наша любимая маманя, не плачь. Мы тебе станем помогать и стараться чаще к тебе приезжать.

Видишь, я ведь уже на полголовы выше тебя. И мы, мамулечка, будем разделять с тобой твою боль, потери, родная.

– Игорёк, Ленусенька, Ванюша, спасибо вам за всё. Простите за слабость. Я вас всех люблю откровенностью души и верностью сердца. Прощайте...

– До свидания, ненаглядная жёнущка...

– До свидания, мамуля.

– До встречи, маманя.

– До свидания, мои дорогие детки и мой любимый Ванюша.

И они, опечаленные разлукой, закрыли за собой двери комнаты свиданий, в которой поселились и радость встречи, и боль расставания...

ГЛАВА VI

Семья Михайловых спешила на поезд "Харьков–Москва". До его отправления оставались считанные минуты. Запыхавшиеся, они сумели забежать в поезд уже после предупреждения о том, что он отправляется.

Михайловы вошли в своё купе и сложили опустевшие сумки под полки. В купе кроме них других пассажиров не было. Все молчали, никому не хотелось говорить. Каждого угнетали тоска, боль и печаль. Только часа через два– три Иван спросил:

– Ну, что, дети, ужинать будем?

– Мне не хочется, папа.

– Мне тоже, папочка, не хочется.

– Тогда будем ложиться спать?

– Да, – хором ответили дети.

Они быстро застелили свои полки, легли, но никому не спалось. Все думали о Елене.

И Игорёк, наконец, дал волю своим слезам. Ему очень жаль было мать. Но он не в силах был ей чем-то помочь. И слёзы безысходности катились по его щекам, капая на подушку.

А поезд мчался по просторам могучей Отчизны, скрывая несправедливость, жестокость и волюнтаризм восседающей власти зла и шизофрении, где сорок тысяч ко-

мандиров Красной Армии было убито перед началом Великой Отечественной войны, два миллиона ни в чём не повинных людей погибло от голода и тифа. В этой стране процветает самая сильная структурная единица органов государственной власти – КГБ, которая занимается политическим преследованием, розыском инакомыслящих, прослушиванием всех и вся, защищая коммунистическую партию от свободных мыслей народа, которая к 1985 году уже насчитывала около девятнадцати миллионов человек, сея насилие и террор в строительстве социалистического государства...

Но природа берёт своё. Ночь прошла, выглянуло красное солнышко. Оно осветило своей улыбкой вагон и заглянуло прямо в личики спящим Ленусеньке и Игорёчку. Иван уже сидел за столом и о чём-то думал.

– Папаня, ты уже проснулся? По расписанию когда мы должны быть в Москве?

– В десять тридцать.

– До прибытия поезда ещё полтора часа. Можно ещё полежать.

– А может быть чаёчку попьём, Игорёк?

– Ой, папа, не хочется. Это надо сумки доставать, всё там нарушим, давай уже дома будем завтракать.

– Ну, хорошо... Дома так дома... Я сегодня, Игорёк, иду на работу. Ведь я задержался на день, не знаю как и что начальству говорить.

– Правду, папочка, говори. Что, они такие бездушные что ли? Поймут, я думаю, не осудят... А мы с Ленусенькой уберём в квартире, приготовим кушать и будем учить уроки. А то мы ведь тоже почти неделю пропустили. Папа, а ты о нашем отсутствии в школе тоже должен пояснить что-то нашим классным руководителям. Что ты там будешь писать?

– Что бы ты хотел?

– В такой ситуации, папаня, напиши что-нибудь такое философское. Я не хочу, чтобы в школе знали правду. В классе много несерьёзных учеников, а классная обязательно расскажет, и будут надо мной потешаться, насмехаться. Поэтому напиши, что мы навещали бабушку.

– Хорошо, Игорёк, такие справки я тебе и Ленусеньке напишу. Вечером после работы ты мне напомни об этом, пожалуйста, а то я могу забыть.

– Я, папуля, напомню. Я слышала весь разговор. Молодец, Игорёчек, правильно рассудил. Какой ты, братец, умный, прямо гений.

– Давай уже, Ленусенька, поднимайся. Иди зубки почишь, скоро уже подъедем. Время так быстро пролетело, пора постель сдавать.

– Хорошо, папулечка, встаю.

И Ленусенька бойко поднялась, спрыгнула с полки на пол. Отец помог ей свернуть матрац, после чего все собрали с полок свои постельные принадлежности, и Игорёк отнёс бельё проводнице.

И вот уже показался шумный город Москва. На перроне было много встречающих. Но семью Михайловых никто не встречал. Они вышли из вагона и поспешили домой.

Дома Игорёк и Ленусенька занялись домашними делами, а Иван пошёл на работу. Начальник Ивана не ругал, но сказал, чтобы пропущенный день он отработал. Иван был рад такому исходу дела и с удовольствием приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

И дни побежали один за другим. Иван начал заниматься квартирным вопросом, ему в этом помогала Тина. Сегодня она с дочкой пришла в гости к Михайловым.

– Тина, какие-нибудь новости по обмену квартиры есть у тебя?

– Есть новости, Ваня, и неплохие. Нашла три квартиры: одна на Таганке, другая на Ленинском проспекте, третья на Арбате.

– Когда пойдём смотреть?

– Пойдём смотреть в воскресенье, во второй половине дня. Как, не возражаете?

– Дети, вы свободны? Мы вместе будем осматривать квартиры?

– Я свободна, а ты, Игорёчек?

– Я тоже во второй половине дня освобожусь... У нас соревнования часов в двенадцать закончатся.

– Вот и прекрасно.

- Мама, а меня возьмёте с собой?
- Игорёк, Ленусенька, возьмём?
- А как же. Надежда нам тоже выскажет свою точку зрения и оценит квартиры по достоинству. Так ведь, Ленусенька?
- Конечно так, а не иначе.
- Уж, какие вы щебетуньи. Пойдём в первую квартиру в два часа, а потом и вторую посмотрим.
- Тина, а как обстоят дела с жалобой в Верховный суд?
- На этой неделе, Иван, дело в Верховном суде будет рассматриваться. Мы с Петром Фёдоровичем всё подготовили по этому вопросу. Планируем, что в пятницу к данному делу приступят.
- Ой, хотя бы дополнительные наказания отменили. А то ведь какая несправедливость: ни за что, ни про что семь лет дали, да ещё лишили степени доктора наук, звания профессора и права проживать в Москве пять лет.
- Да, Иван, совершенно необоснованно, бездоказательно вынесли такой приговор, но будем надеяться на лучшее. Ну ладно, нам с Надеждой домой пора.
- Мама, а я ещё хочу побыть с Игорьком и Ленусенькой. Ты иди домой, а я ещё останусь. Игорёк меня поучит в шахматы играть. Поучишь, Игорёк?
- С удовольствием, Наденька.
- Ну ладно, оставайся, а я побегу к Петру Фёдоровичу. Мы с ним ещё потолкуем по делу нашей Елены..
- Незаметно наступила пятница, Верховный суд рассмотрел дело Михайловой, но ничего не отменил, всё оставил в силе. Пётр Фёдорович и Тина очень старались, но не сумели доказать суду невиновность Елены. Суд не слышал и не хотел слышать адвоката Михайловой.
- Расстроенная Тина Фёдоровна после суда сразу пришла к Ивану и сказала:
- Иван, ты представляешь, ничего не отменили: семь лет лишения свободы, лишение всех степеней, званий и наград, то есть степени доктора, звания профессора, Государственной премии. И Елене так же запрещено проживать в Москве в течение пяти лет. Как же мы теперь об этом Леночке скажем, а? Она же так надеялась, что хотя бы в Москве после освобождения разрешат жить. Что

теперь, Иван, делать? Как же быть? Это ведь наивысшая инстанция. Это конец..

- Тина, я сам в панике. Я не знаю что делать. Леночка, узнав о таком повороте дела, не выдержит. Надо ей как-то написать обтекаемо, а не конкретно. Напиши ей ты, Тина Фёдоровна, я не стану.

И он залился слезами, плакал, как ребёнок, навзрыд. Хорошо, что в квартире кроме их двоих никого не было. Наплакавшись, Иван пошёл в ванную, умылся, затем сел и смотрел на всё безучастным взглядом, не реагировал на вопросы Тины.

Тина подошла к нему сзади, обняла за плечи, положив свой подбородок на его голову, и ласково сказала:

- Ванечка, ну что же делать? Такова судьба, пережить надо. Нам надо идти смотреть квартиру, ты не забыл? Тем более раз так сложились обстоятельства. И детям тоже пока не надо рассказывать о решении Верховного суда. Пощади ты их, они ведь тоже могут не выдержать. Ты же, Иван..

Не успела Тина Фёдоровна закончить фразу, как в квартиру вошли разруганные дети, которые играли во дворе.

- Тётя Тина, Верховный суд сегодня мамино дело рассматривал? Что там решили?

- Ты знаешь, Игорёк, суд не состоялся. Его в силу многих причин перенесли.

- А когда же теперь станут пересматривать?

- Ну, наверное, позже... Там же много разных дел.

- Ну, хоть квартиру мы пойдём смотреть, папа?

- Пойдём, Игорёк, как договаривались, в воскресенье...

Вот наступил декабрьский воскресный день. Было холодно. Снега было мало, но мороз трещал. На месте стоять было невозможно, хотелось подпрыгивать или делать какие-то движения, чтобы хоть как-то согреться. Иван обнял Ленусеньку и Надежду и стал их тормошить, чтобы им было теплее. Наконец, подъехал автобус. Все быстро вбежали в него и поехали на Арбат.

Интересующая Михайловых квартира находилась на третьем этаже девятиэтажного дома. Они позвонили в

дверь. Им открыла дверь хозяйка, немолодая женщина.

– Мы по поводу квартиры. Я – Иван Петрович, а это моя команда во главе с адвокатом Тиной Фёдоровной. Покажите нам, пожалуйста, свои апартаменты.

– Пожалуйста, проходите. Меня зовут Зоя Сергеевна. Вот одна спальня, напротив другая, а это зал, кухня, ванная, туалет. Рассматривайте, не спешите, недавно мы делали ремонт. Сын женился и хочет жить с молодой женой отдельно. Поэтому мы и хотим поменять трёхкомнатную квартиру на двухкомнатную и однокомнатную. Вы же предлагаете именно такой вариант?

– Да, у нас есть двухкомнатная квартира на третьем этаже и однокомнатная на четвёртом в этом же подъезде.

– А когда вы позволите посмотреть ваши квартиры?

– Приходите вечером послезавтра.

– Вам, Иван Петрович, понравилась квартира?

– Я ещё не совсем осмотрелся.

– Папаня, а мне здесь понравилось.

– И мне, папулечка, тоже нравится. Моя комната вот эта будет, потому что здесь обои розовые. А эта, Игорёчек, твоя, она имеет голубой мальчишеский цвет.

– Посмотрите, Тина Фёдоровна, они уже и комнаты разделили. Как говорится, поделили шкуру неубитого медведя.

– А в целом, Иван Петрович, квартира вполне подходит для вас. Я думаю, это неплохой вариант. Но надо всё взвесить, на мой взгляд, – сказала Тина и шёпотом добавила. – Надо ещё и на Таганке посмотреть.

– Тогда поехали, – также тихонько ответил Иван Петрович. – Зоя Сергеевна, нам квартира понравилась, но о нашем окончательном решении я вам завтра позвоню. До свидания.

– До свидания. А может быть вас чаем угостить?

– Спасибо, Зоя Сергеевна, как-нибудь в следующий раз.

Выйдя из квартиры, Михайловы и Тина Фёдоровна стали обсуждать все её достоинства и недостатки. И пришли к выводу, что квартира хорошая и по всем параметрам подходит.

– Но всё же поедem ещё посмотрим квартиры на Таганке и на Ленинском проспекте, может там они получше.

И все поехали осматривать другие квартиры. Но ни на Таганке, ни на Ленинском проспекте им квартиры не понравились, они были значительно меньше и требовали ремонта.

На следующий день Иван Петрович позвонил Зое Сергеевне. Её семья немедленно приехала осматривать квартиры Елены и Ивана. Им они очень понравились. Тогда с помощью адвоката Тины Фёдоровны Зоя Сергеевна и Иван Петрович осуществили обмен квартирами.

Переезд занял немного времени. А вот на благоустройство квартиры ушла не одна неделя. Иван Петрович вместе с Игорьком то расставляли мебель, то прибывали полочки, то докупали необходимую мебель и другие предметы интерьера. А Ленусенька в основном раскладывала вещи, посуду, убирала и готовила еду. Работа у них спорилась. В течение двух месяцев Михайловы смогли придать квартире праздничный вид. И сегодня они сделали последний штрих в наведении порядка.

На дворе стоял уже март, но тепла ещё не было. Морозы не хотели уступать пришедшей весне. Снег тоже стремился укрыть землю, он всё падал и падал, ложась мягкими и пушистыми сугробами. Вот и сегодня снег запорошил всю одежду вбегающей в квартиру Ленусеньки.

– Ленусенька, ты что это как снеговик?

– Папулечка, посмотри в окно, что там творится. Снег идёт сплошной стеной с неба. Как красиво стало! Всё-всё побелело: и крыши домов, и ветки деревьев, земля словно укрыта белым одеялом. Пойдём, папуля, погуляем в такую погоду, а?

– Доченька, что-то не хочется.

– А почему, папулечка?..

– Я маме письмо собирался написать. От неё почему-то ответа на моё письмо долго нет. Не случилось ли чего?

– Тогда, папочка, я не стану тебе мешать, а пойду учить уроки.. Игорёк скоро придёт, мы тогда с ним погуляем. Мамулечке от нас передавай поклон. Я ей недели три назад письмо отправила, ответа тоже не получила. Спро-

си, пожалуйста, почему она не отвечает.

– Конечно, спрошу, доченька.

И Иван, собравшись с духом, настроившись писать письмо, начал: "Здравствуй, моя любимая, самая красивая, дорогая жёнушка. Почему ты не отвечаешь на письма? Я очень волнуюсь. Тебе я неоднократно писал, что мы поменяли наши квартиры. Теперь мы живём на Арбате. Квартира хорошая, на третьем этаже. Мы её, наконец, благоустроили. Теперь она вся сияет. Очень жаль, что ты в данный момент не можешь её увидеть. Квартира бы и тебе непременно понравилась. Она большая, общая площадь составляет девяносто пять квадратных метров, а жилая – пятьдесят два квадратных метра. Есть большой балкон, я его немного улучшаю. В квартире прекрасная ванная и отдельный туалет, просторный коридор. Одним словом, любимая жёнушка, красота, да и только.

Тина очень помогала в обмене квартиры. Она к нам часто приходит с дочкой Надей. Надежде, похоже, понравился Игорёк. Она по поводу и без повода стремится к нам попасть. Дружит и с Ленусенькой, хотя больше общается и играет в шахматы с Игорьком. Я смотрю, и Игорёк не против с ней проводить время. Вчера втроём ходили в кино. Ленусенька мало куда ходит. Чаше она всё дома находится. Сейчас сидит и уроки делает. Тебе поклоны шлёт. Она тоже волнуется вместе с Игорьком, что от тебя так долго нет писем.

Ты же, моя ненаглядная жёнушка, не забывай нас, а то мне без тебя жизни нет, очень горестно и пустынно. Я очень скучаю по тебе, живу теми минутами, что ты дарила мне раньше и мечтой о предстоящем свидании, которое тебе в сентябре должны дать. Так ведь, солнышко моё красное? Я вновь смогу обнять и обласкать дорогую и необыкновенную свою жёнушку.

Леночка, ты береги себя. Я же знаю, условия там ужасные. Поэтому деньги, что имеешь, не копи, а трать на дополнительное питание. А то я очень боюсь, что мой любимый цветочек не станет цвести во всю свою красоту. Ведь ты у меня несравненная и обворожительная. В тебя Господь вложил самые лучшие качества: ты и ум-

ная, и красивая, и деловая, и пылкая, моя верная спутница.

Ты всем своим существом даёшь мне силу, надежду и веру, что держит меня на земле. Дорогая и обаятельная моя Еленушка, я так счастлив, что на жизненном пути встретил тебя, и ты подарила мне много счастья, любви и нежности, то есть то, что может подарить любимая женщина любимому мужчине своей распахнутой душой и влюблённым сердцем. Я буду тебе верен, моя красавица, стану ждать тебя хоть всю жизнь. Ты у меня одна, моя единственная и ненаглядная жёнушка.

Нас Господь обвенчал, и только смерть разлучит нас. Все женщины в сравнении с тобой меркнут. Ты, словно месяц на звёздном небе, своим светом затмеваешь все звёздочки. Они есть, но второстепенны. Ты – моя озаряющая свеча, которая освещает путь жизни, любовь и надежду. А в них бьётся счастье, моё вдохновение и вся моя жизнь. Пусть сейчас для нас этот путь горький, тернистый, разлучный, увитый тоской и печалью. Но он очистится и засияет светом встречи, преданности и вечным горением чарующей любви, которую мы с тобой поклялись перед Господом не угасить ни при каких обстоятельствах. Так ведь, дорогая моя?

А как там наш сынулька Александр Иванович поживает? Наверное, уже хорошо бегаёт? Что он там говорит? О папочке и о братике с сестричкой помнит? Я по нему тоже очень скучаю. Видел его во сне вместе с тобой, Ленусенькой и Игорёчком: будто бы ты на свободе, мы с тобой идём под руку, а Игорь с Ленусенькой ведут за ручки Сашеньку. Он такой довольный кричит: "Папулю держите, а то уйдёт". Ты же мне говоришь: "Ванюша, Ванюша, сынулька говорит как большой". Я подскочил к нему, схватил его, подбросил вверх несколько раз, потом вижу, что вы все пошли в одну сторону, а я в противоположную. И вошёл в новый дом. И лишь слышу твой голос: "Ванюша, Ванюшенька, ты не уходи". А я хочу повернуться, но выйти из дома не могу. Я проснулся, на душе стало как-то тревожно. Рассказал про этот сон Тине, а она примерно вот что ответила мне: "Сон как сон, мне таких снов много снится, я на них не обращаю внима-

ния. А твой сон хороший, вон сына вверх подбрасывал, значит, расти станет и будет высоким, понятно?"

И этот сон, Леночка, как-то меня не покидает... Засел и сидит в голове. Ты как считаешь, жёнушка, плохой это сон или хороший? Я, наверное, моя незабудочка, сплутал и зря тебе про этот сон рассказал. Но мне почему-то захотелось им с тобой поделиться. Вероятно, потому, что я очень по тебе соскучился. И даже в письме мне не хочется с тобой расставаться, но пора, моя ненаглядная, а то я, наверное, очень утомил тебя своей болтовнёй. Заканчиваю предаваться письменным изъяснениям. Обнимаю и целую нежно твои глазки, лобик, щёчки, бородку и непременно твои алые губки.

Навеки твой, как ты любишь говорить, Ванюшечка".

Лена, получив письмо от Ивана, обрадовалась, но удивилась почему её письма не доходят ни до Ленусеньки, ни до мужа, ни до Игорька. Несмотря на сильную головную боль, Елена стала анализировать ситуацию с письмами.

В зоне появилась новая заключённая Ольга. Однажды она подошла к Михайловой и сказала: "Привет тебе от Дана". Елена ничего не ответила ей. Но Ольга стала преследовать её и при возможности делать различные пакости: то иголку ей в машинке поломает, то нитки спрячет, то украдёт шитые вещи, а Елене подложит заготовки. А месяц назад выбила из-под Михайловой стул, она упала и ударилась головой. Когда Елена поднялась, то, как коршун, налетела на Ольгу и стала бить её кулаками в грудь, лицо, нанесла сильный удар в пах. Ольга залилась кровью, она упала на пол, стонала и вопила:

- Ну святоша, ну стерва, это тебе так просто не пройдёт. Если тебя Дан не добил, так я доконаю. Я за себя постоять сумею..

Затем к ним подошли другие заключённые, они видели, как Ольга выхватила стул из-под Елены, когда она садилась, видели, как она упала и ударилась, поэтому они её не осуждали, а, напротив, возмущены были поведением Ольги. Мастер находилась рядом, она тоже видела всю эту картину, поэтому Михайлову не обвиняла в содеянном, а только сказала:

– Чего собрались? Все расходитесь по своим рабочим местам.

Заключённые нехотя пошли работать. Елена тоже села за машинку и начала строчить. Ольга с трудом поднялась и пошла в туалет. Там она смыла кровь с лица, помыла руки и только через час подошла к своему рабочему месту.

Позже Елена заметила, что Ольга мило беседует с работником, ответственным за пересылку писем заключённых. И Михайлова подумала: "Значит, эта работница Светлана мои письма не отсылала. И это письмо я получила только потому, что её вот уже неделю заменяет другой человек. А то бы и это письмо от мужа я не получила".

Елена долго раздумывала над сложившейся ситуацией и решила рассказать о случившемся начальнику колонии Григорию Николаевичу. Он выслушал Михайлову и вызвал к себе Тынину Светлану Тихоновну, которая отвечала за корреспонденцию.

Тынина отрицала, что она уничтожала письма, адресованные Михайловой и её семье по просьбе заключённой Ольги Викторовны Щукиной. Но в конце концов после показаний свидетельницы, которая видела, как Тынина рвала письма и бросала их в урну, призналась. Начальник колонии уволил Тынину с работы, а Михайловой сказал:

– Ты, Елена, будь внимательней, а то Щукина очень опасная преступница. Она сидит здесь за убийство священника. И убила она его не одна, а с Даном Абрамовичем Устицким, но всю вину Ольга взяла на себя. Я узнал по своим каналам, что теперь Устицкий пытается всеми путями освободить из заключения Щукину.

– Григорий Николаевич, я знаю, кто такой Дан Устицкий. Он – сатанист и гомосексуалист. Он с моим бывшим мужем Виктором занимался мужеложством, а потом, когда ему грозило разоблачение, завёл Виктора во время охоты на болота и там утопил. Я знаю, что Устицкий очень опасный человек. Он пытался и меня убить, но я выкарабкалась из его сетей. Это же по его доносу я в колонию попала. Это он выпросил у Виктора мои стихи,

приложил к ним ещё чьи-то чужие и отнёс в прокуратуру.

– Тогда, Елена, тебя и предупреждать особо не надо. Ты теперь понимаешь, что представляет собой Шукина. Если Устицкий пытается вытащить её из заключения, значит она тоже сатанистка. А ты же знаешь, что за народ сатанисты. И коль Шукина передала тебе привет от Дана и пытается тебе здесь навредить, что даже из-за неё мне пришлось уволить Тынину, то она не оставит тебя в покое. Тем более после того, как ты эту Ольгу избил. Теперь она затаила зло на тебя, будет мстить и выискивать удобный момент, чтобы с тобой рассчитаться. Поэтому, Елена, будь осторожней и осмотрительней, одна старайся не ходить.

– Спасибо, Григорий Николаевич, я постараюсь следовать вашему совету. Ещё хочется мне вам рассказать о проверяющей Тине Фёдоровне Никитченко, которая здесь с нами была простой заключённой – она из КГБ уволчилась и сейчас работает адвокатом. После того, как она побывала на зоне, больше не смогла работать в органах.

– Это ты, Елена, на неё своими познаниями о Библии и стихами о Господе повлияла.

– Возможно, в какой-то степени и так. Тина со своей дочкой, моими детьми и мужем, её коллегой, адвокатом Петром Фёдоровичем были в Монастыре. Там исповедовались, причастились, она написала мне в письме, что словно на свет заново родилась. На душе, говорит, стало спокойно и уютно. Удивляется сама себе, как это она могла работать в КГБ и делать там такие грязные дела.

– Елена, а это письмо в нашу колонию пришло?

– Нет, Григорий Николаевич, письмо было отправлено на адрес жены Дмитрия Васильевича с пометкой "секретно" для меня. И Дмитрий Васильевич принёс его мне.

– Хорошо, а то письма же все перечитываются, а потом их содержание передаётся куда надо. А здесь есть что читать и о чём доносить. Ну всё, Леночка, иди и будь осторожна.

– Спасибо, Григорий Николаевич, и низкий вам поклон за поддержку и помощь.

Михайлова пошла в столовую, где её поджидали Сте-

панида, Дуняша, Люда и Вика. Они очень сдружились, и их часто можно было видеть вместе.

– Лена, говорят, что ты сегодня отметелила Щукину?

– Было дело. Ой, девчонки, я узнала, что она очень скверная и опасная дама. Вместе с Даном, о котором я вам рассказывала раньше, они убили священника за то, что он читал проповедь о сатанистах, то есть колдунах, астрологах, экстрасенсах и другой нечисти и том вреде, который они наносят людям.

– Ой, Елена, я наслышана про этих сатанистов. Это те люди, которые впустили в себя демонов и бесов, и именно они руководят этими людьми. Будь осмотрительнее с этой Щукиной. Она такая злая, вон и на Дуняшу как-то хотела напасть за то, что та её случайно назвала дьяволицей. Хорошо, что мы с Викой рядом стояли и усмирили её пыл.

– Спасибо, Степанида, за предупреждение. Бесы – это страшные и коварные существа, они могут вселяться в человека.

Ну Елене не хотелось рассказывать, как Виктор в неё сумел вселить бесов и сколько из-за них она перенесла мучений. И только благодаря молитвам и стараниям батюшки Тимофея они были из неё изгнаны. Она вспомнила это, и ей стало страшно.

– Лена, ты чего вдруг так загрустила? Испугалась что ли? Не бойся, мы тебя в обиду не дадим. Справимся с этой Щукиной, поставим её на место.

– Спасибо, Виктория, что бы я без вас делала? Вы оказались такими хорошими девчатами. Жаль, что судьба вот так загнала вас в угол. И вы помимо своей воли от тяжёлой жизни стали грубыми. Давайте, я вас всех поцелую, чтобы вселить в вас мою нежность и доброту.

– Ой, хитруня, ты, Леночка. Ты, как ангелочек, как лучик света в этой зоне. Мы тоже тебя полюбили и в обиду не дадим. А когда, Лена, ты нам свои стихи считаешь? Мы давно их уже не слышали.

– Ты новые стихи какие-нибудь написала?

– Написала, Дуняша, и читаю их вам, только не сегодня. У меня после драки с Щукиной болит голова. Я же падала и сильно головой о цементный пол ударилась

и переволновалась. Пообщаемся через два-три денька.

– Мы не против, Леночка, так ведь, подружки?

– Так, Степанида, дадим Елене набраться сил и окрепнуть, – в поддержку подруг ответила Люда. – А сейчас пошли ужинать, а то можем опоздать.

Поужинав, они разошлись по своим делам. Елена покормила Сашеньку и легла спать. Но спать не хотелось, из головы не уходил сон, о котором написал Иван. Рассказ о сне давил её необъяснимой печалью. Но в письме было и много радости, любви, надежды, что несказанно грело сердце. Елена подумала: "Какой всё же Ванечка прекрасный и хороший муж. В письме столько нежности, ласки и светлых чувств, которые мне помогают здесь находиться и ощущать себя нужным человеком. Об обмене квартиры мне Ванюша сообщил, а что же по поводу Верховного суда ничего не сказал? Наверное, раньше в письмах написал, да вот их эта Тьнина уничтожила. Может, там мне Верховный суд приговор смягчил и сократил срок наказания? Возможно, и учёную степень доктора, и звание профессора восстановили и разрешили жить после отбывания наказания в Москве... Завтра напишу письмо и обо всём расспрошу. А сейчас надо выпить таблетку, а то голова болит всё сильнее..."

Елена встала, нашла анальгин, выпила и вновь легла. Она ещё много передумала, пока сон пришёл к ней и принёс покой душе и сердцу. Утром она покормила малыша, позавтракала и пошла выполнять и перевыполнять свою норму.

И так дни бежали один за другим. Уставшая, но довольная Елена шла по территории зоны к магазину, чтобы купить молока, печенья и сока. Она его уже не кормила грудью, поэтому покупала молоко, которое завозили в колонию для детей. Но сегодня молоко не завезли. Елена купила для Сашеньки только сока и печенья и несла это ребёнку.

И вдруг перед ней появилась Ольга. Она держала в руках железный прут и, горя злобою, прошипела:

– Ну что, сука, попалась? Святоша недоношенная. На тебе, за Дана и за меня. На, на, получай.. На расстоянии ты меня своими приёмами не достанешь.

И Ольга наносила удар за ударом железным прутом по голове и телу Елены. От первого же удара она потеряла сознание и упала, а Ольга продолжала бить лежащую Михайлову прутом.

Эту картину увидел охранник. Он стал кричать, стрелять вверх, но озверевшая Щукина ничего не слышала и продолжала наносить удары. Подбежавший охранник вырвал прут из рук Ольги, схватил её и стал звать на помощь. На шум быстро прибежали работники охраны. Они отнесли Елену в санчасть. У Михайловой и на голове, и на теле были кровавые рубцы, по лицу сочилась кровь, она была без сознания.

Узнав о случившемся, прибежал врач Дмитрий Васильевич. Когда он увидел, в каком состоянии находилась Елена, то ужаснулся. На теле не было живого места, лицо распухло, на голове было множество гематом. Он оказал первую медицинскую помощь, потом стал консультироваться со специалистами что делать дальше. Дрожа от волнения, Дмитрий сделал обезболивающий укол Елене. Она никак не реагировала, оставалась без сознания. Все раны Дмитрий Васильевич осторожно продезинфицировал сам, не доверив это медсестре. Он ещё больше пришёл в ужас от зверского поступка Щукиной. Врач подготовил медицинское заключение об избиении Михайловой, чтобы против Щукиной возбудить уголовное дело.

Щукину до выяснения всех обстоятельств посадили в карцер. Подруги Михайловой, Вика, Степанида и Дуняша, узнав о том, что её избили, подговорили дежурного, проникли в карцер и там избили Ольгу до полусмерти, отбив все внутренние органы.

Врачи поместили её в санчасть, где она пролежала без сознания две недели. Открыв глаза, она поняла, где находится и тихим голосом спросила:

– Я буду жить или умру? Скажите только правду... Мне это важно знать.

Находившаяся рядом медсестра ответила:

– Мы все невечные, все будем когда-нибудь умирать.

Ольга поняла, что на этом свете она больше не жилец, попросила дать ей ручку, бумагу и конверт. Медсестра

выполнила её просьбу и дала всё, что она попросила, да ещё и лист картона, чтобы ей было удобнее писать. И она приступила: "Дорогой Дан, я выполнила твою просьбу: убила эту тварь. Но и сама я умираю. Прощай.. Ольга".

Сложив письмо в конверт, Ольга попросила медсестру:

- Я тебя очень прошу, когда я умру, отправь это письмо.

- Щукина, я же этого не могу сделать. Нам же запрещено это делать. Я сделаю всё так, как мне скажет начальство. Я же, Щукина, на работе. Если нарушу законы, то меня выгонят, а у меня двое маленьких детей. Кто их кормить будет? Поэтому, если начальство разрешит, то я письмо отправлю, а если нет, то не буду.

Через несколько дней Щукина Ольга Викторовна умерла, а за жизнь Михайловой врачи продолжали бороться. Уже пошёл третий месяц, а Елена в сознание так и не приходила. Вот и сегодня возле неё сидит Дмитрий Васильевич и приговаривает:

- Леночка, ну соберись, сколько можно отсутствовать? Возле тебя я, Дмитрий Васильевич, твой лечащий врач. Мне так хочется, чтобы ты пришла в сознание, а то мне так горько без тебя. Я вот и Сашеньку к тебе принёс. Он уже большой, ему скоро два годика. Сашенька, скажи: "Мама, вставай, давай играть". Погладь, малыш, мамочку по личику и скажи ей что-то хорошее. И вдруг Сашенька, глядя на Елену, действительно произнёс:

- Мама, мама, вставай. Будем кушать. Почему не встать?

Сашенька громко заплакал. Елена же слегка вздрогнула и тихо открыла глаза. Она еле слышно прошептала:

- Что со мною?

- Ничего, Леночка, особенного. Ты подралась с Щукиной, поэтому и попала сюда. Раз ты открыла глазки, значит, всё будет хорошо. Молодец, Сашенька, разбудил маму, а то она спит и спит.

- Давно я сплю, Дмитрий Васильевич?

- Давненько, но память, слава Богу, не нарушена. Вот и меня узнала. Дела наши, как говорят немцы, "гут", то

есть замечательные. Пойдём на выздоровление, Елена Васильевна. И ты, Сашенька, не плачь, скоро твоя мамочка поправится. А теперь иди к нашей медсестре Верочке, она тебя отнесёт к другим деткам. Завтра тётя Вера снова тебя принесёт к мамочке, и ты с ней поиграешь.

И Дмитрий Васильевич, отдал мальчика медсестре, а она отнесла его в детскую комнату. Счастливый врач засуетился возле Елены, стал задавать вопросы.

– Леночка, голова болит?

– Не очень, Дмитрий Васильевич. Шум в голове слышу, подташнивает, немного всё перед глазами плывёт.

– А кушать хочется?

– Нет...

– Чего же тебе хочется?

– Ничего, разве только Сашеньку подержать.

– Ещё, Леночка, наверняка подержите. Я так рад, что вы в себя пришли. А то всё спите и спите. Но на сегодня нам общаться хватит. Давай я тебе капельницу поставлю и укольчик сделаю, чтобы ты ещё скорее пошла на поправку.

Сделав Елене все необходимые процедуры, доктор пригласил медсестру. Ей он поручил наблюдать за состоянием больной, а в случае необходимости звонить ему домой в любое время. Сам же в приподнятом настроении пошёл к начальнику колонии.

– Григорий Николаевич, у меня хорошие новости! Михайлова пришла в себя и даже немного разговаривала.

– А как это случилось, Дмитрий?!

– Я, Гриша, взял Сашеньку и попросил его позвать маму и погладить её по лицу. Он же стал звать её. Когда увидел, что она лежит неподвижно, то громко заплакал. И этот плач словно пробился в сознание матери, её материнские чувства. А может, Бог помог? И Леночка открыла глаза, представляешь? Теперь, Григорий Николаевич, дело быстрее пойдёт на поправку. Я ей сделал всё необходимое, посадил рядом медсестру, и она сейчас спит.

– Дима, а не случится так, что она опять проспит два месяца.

– Нет-нет, такого уже не произойдёт, но наблюдать за

ней нужно, потому что Елена ещё очень слаба. И для поднятия духа, для стимула ей нужно приносить каждый день сыночка. Он будет придавать ей сил.

– Хорошо, Дмитрий Васильевич, я дам такое указание. Пусть твоя медсестра и будет ответственна за это. Ты не возражаешь?

– Не возражаю, даже рад. Вера не просто хорошая медсестра, а и прекрасный человек. Она не одну ночь просидела у кровати Михайловой и слышала слова души Елены, которые были полны горечи и боли.

– И что же она говорила?

– Говорила всё о том, что в нашем государстве существует такая несправедливость, что её ни за что упекли в тюрьму, отчего страдает не только она, но и ни в чём не повинные дети и муж. Ему Елена не раз в любви признавалась. Похоже, она очень любит его.

– Кстати, там письма для Михайловой пришли. Ей можно давать их читать?

– Нет, Григорий, пока этого делать нельзя! Елена ещё очень слаба, а любая информация может отрицательно отразиться на её состоянии, тем более, что это письма из дома. Они могут взволновать её, а пока это больной противопоказано.

– Я, Дмитрий Васильевич, полностью с тобой согласен. В данном случае как ты считаешь нужным, так и поступай.

Новость о том, что Михайлова стала поправляться, быстро разнеслась по колонии. Её подруги уже замучили Дмитрия Васильевича вопросами о Елене. Они просили его разрешить навестить свою подругу.

– Дмитрий Васильевич, позвольте хоть одним глазком посмотреть на Леночку. Мы даже говорить не будем.

– Степанида, это ты-то не станешь говорить со своей женской дружиной?

– Не стану, Дмитрий Васильевич. Ну дайте нам хотя бы в замочную скважину по очереди на неё посмотреть, когда вы будете её осматривать.

– Степанида, приходите где-то через неделю. Если состояние Елены будет улучшаться так же, как и сейчас,

то я разрешу вам всем навестить Михайлову.

– Мы согласны, Дмитрий Васильевич. Спасибо вам большое.

И женщины, довольные общением с доктором, разошлись кто куда с мыслями о скорой встрече с Еленой. Они очень за неё переживали, сдавали для неё кровь, всячески готовы были помочь ей. Начальство колонии подозревало, что это они отомстили Шукиной за Елену. Однако, их не допрашивали и в карцер не посадили.

Неделя в ожидании протекала для женщин очень медленно. И вот они, наконец, всей компанией оказались в палате Михайловой.

– Леночка, милая, как ты?

– Ничего, девчонки, уже на поправку пошла.

– Ну, Слава Богу, а то мы так все за тебя переживали. Нам Дмитрий Васильевич разрешил побыть с тобой только пять минут, но обещал, что через пять дней увеличит время посещения. А вот поцеловать тебя он нам не разрешил, чтобы мы не занесли никакой инфекции. Поэтому, Леночка, мы шлём тебе воздушные поцелуи. Пока-пока, подружка. Жди нас через пять дней, придём к тебе всей нашей женской дружиной, нас теперь так в колонии называют.

– Спасибо, девчата, я буду вас ждать, – и Елена в ответ им счастливо улыбнулась.

И женская дружина, возглавляемая Степанидой, вышла из палаты. Женщины стали делиться впечатлениями от посещения Елены.

– Какая она бледная, похудевшая, одни глаза остались.

– Ой, Степанида, а что ей пережить пришлось. Это чудо, что Елена после таких побоев пришла в себя. Я думала, что она не выживет.

– Это, Виктория, наверное, ей Господь помог. Иначе бы ей не выжить: мало того, что эта зверюга так избилась, так ещё и пять переломов у неё обнаружено.

– Дмитрий Васильевич сказал, что переломы рёбер и руки хорошо срослись.

– Люда, переломы-то срослись, а вот шрам на голове будет виден.

- Под волосами, Дуняша, ничего не видно, лишь бы голова не болела.

- Это ж какие, Степанида, Елене муки пришлось пережить, страшно подумать.

- Но мы, Виктория, этой Щукиной за избиение Елены отомстили сполна. А начальство сделало вид, что не знает, кто так поколотил Щукину, и не проводило никакого расследования.

- Да её, эту сатанистку, эту гадину никто терпеть не мог: ни заключённые, ни начальство. Жаль, что из-за обмана Щукиной пострадала та работница, что отвечала за почту.

- Ну её тоже жалеть не стоит. Это ж надо - порвать письма?! Их ждёшь, как манну небесную, а тут на тебе...

Заключённые ещё долго обсуждали состояние Михайловой, новости колонии, которые передавались по зоне самими заключёнными с огромной скоростью.

Вот и Виктория с опечаленным сердцем сказала Степаниде:

- Ты знаешь, Степанида, я так боюсь, что моя дочка повторит мою судьбу. Мать прислала письмо, в котором сообщает, что Лиза решила мне помочь, завела любовника, который работает секретарём райкома партии. И она полна решимости завести ещё более влиятельного любовника. Моя дочка Лизонька - дивчина очень красивая, обаятельная, хитрая и проницательная. Мама говорит, что она сейчас особенно похорошела и расцвела. Ей скоро исполнится восемнадцать лет. И задумала она меня из этой зоны выгнать. Да боюсь я за неё, Степанида, испортит себе жизнь, как я. Эти секретари КПСС всех уровней разжирили, как боровы, а о народе совсем не думают, только о своих развлечениях и мечтают. Они прячутся от людей в свои потайные берлоги, там одурачивают молоденьких девочек, обещая им золотые горы, а, наигравшись, выгоняют их и заводят новых. Прежних же оставляют при пиковых интересах в лучшем случае, а в худшем - прячут в тюрьмы. Вот такие они, вожди наши. Это не вожди, Степанида, а подонки, которых надо уничтожать. У них нет ни чести, ни совести, а только лишь сплошная корысть и мерзость. Когда попадаешь в

этот порочный круг, то из него очень тяжело вырваться. Вот почему я и боюсь за Лизу.

- А может быть, всё обойдётся, Вика? Ведь ты сама говоришь, что твоя дочка умная и хитрая.

- Ой, Степанида, да эти люди изверги. Они очень умные, коль сумели по трупам пройти и добраться до вершины власти. Разве моя Лиза сумеет их перехитрить? Нет, конечно, ведь она такая молодая, наивная и доверчивая. Её обмануть очень просто. Я ей вот письмо написала на имя троюродной сестры, да боюсь, что не дойдёт.

- Сестра что ненадёжная?

- Не то, чтобы ненадёжная, просто немножко бестолковая. А непосредственно направить письмо на имя Лизоньки я побоялась, ведь знаю, что кагэбэшники мои письма читают. А я в том письме Лизоньку поучала не вступать в их грязные дела, не заводить любовников из партийной элиты, а то они погубят её жизнь. Я рассказывала ей в письме о низости и подлых делах вождей КПСС. Я же, Степанида, так много знаю об ужасах, которые они творят. Мой любовник, бывало, хватит лишнего и начнёт мне такое рассказывать, что у меня волосы дыбом поднимались. А утром, протрезвев, спрашивает: "Я тебе, Викторюшка, о делах партийных что-нибудь рассказывал?" А я ему отвечаю: "Нет, ничего такого ты мне не говорил. Ты быстро уснул и спал всю ночь". В ту ночь, когда я столкнула его с кровати, он тоже был мертвецки пьян. Мне он рассказал, как он лихо командовал расстрелом десятерых неповинных священников на Соловках. Мне было очень гадко от такого омерзительного признания. Я съёжилась, лежу ни живая, ни мёртвая, а он ещё и лезет ко мне со своими поцелуями. Я его и столкнула со всей силой с кровати, а он грохнулся и напоролся головой на железяку, которая валялась на полу. Я думала, что он там спит, а он всю ночь истекал кровью. Он умер, а я вот из-за этого гада должна сидеть десять лет в тюрьме. Вот такая история - нарочно не придумаешь...

- Да, Виктория, без вины виноватой ты оказалась. Но дважды судьба не повторяется. С твоей Лизонькой такого не случится.

- А кто его, Степанида, знает, что там в пути дочку

ждёт. На сердце горестно. Рыдать что-то хочется.

- Ничего, подружка, прорвёмся. Мы ещё покажем, чего мы стоим.

- Да ничего мы уже не покажем. Наши самые лучшие годы здесь пройдут. Мы же и психологически, и физически будем сломлены и никому не нужны. Разве вот таким, как Михайловой только? А таких у нас в государстве мало, им кагэбэшники да вожди КПСС не дают воли. Их или в тюрьмы сажают, или совсем со свету сживают.

- Вика, не тужи. Мы, женская дружина, выстоим и победим. Одну сволочь проучили и уничтожили. Сообщи проучим и других, кто у нас на дороге будет стоять. А сейчас давай пойдём к остальным. А то, наверное, уже Люда с Дуняшей нас заждались. Завтра к Елене пойдём, вот кому живётся невыносимо. Нам же с тобой, Виктория, ещё ничего.

- А правда, Степанида, железный человек эта Елена, но в то же время добрейший и честнейший. Она своим милосердием, умом, красотой и духовными познаниями притягивает к себе, как магнит.

- А стихами она, Вика, как располагает к себе людей, так ведь? Завтра Лена наверное читать их не станет.

- Нельзя её, Степанида, завтра просить стихи нам почитать. Она ещё очень слабенькая.

- Смотри, Вика, а вон к нам, наверное, идут Люда с Дуняшей.

- Где это вы ходите, девчонки? Мы с Людой вас уже целый час ищем: в библиотеке искали, не нашли, в комнате политпросвещения тоже. Где вы были?

- Да, Дуняша, нигде мы не были, здесь стояли и разговаривали, вот уже к вам собрались идти. Кстати, уважаемые мои ученики, как у вас идут дела в вечерней школе? Помощь кому-нибудь нужна?

- Мне, Виктория, нужна по физике, химии и математике.

- А мне нужна ещё и по алгебре.

- Тогда, Люда, Степанида и Дуняша, пойдёмте в поллиткласс. Я там с вами позанимаюсь хотя бы до ужина. В воскресный день можно. Мы в этот день относительно свободные люди...

И они все вместе пошли заниматься в политический класс, где им Виктория Константиновна Устрицкая старательно отвечала на все поставленные вопросы. Затем они решали много задач и примеров по физике, алгебре, геометрии, химии. Кроме того, массу вопросов рассмотрели по истории, биологии, литературе. Виктория им читала стихи Есенина, Блока и других поэтов, а ученики – Дуняша, Степанида и Люда – слушали своего учителя с большим вниманием.

– Спасибо, Вика, ты классный учитель. Мы тебе все очень благодарны. Если мы так будем дополнительно заниматься, то все точно на отлично вечернюю школу закончим.

– Я рада, девочки, что у нас получается, и что вы так легко усваиваете материал. Хотите, я буду с вами ходить в вечернюю школу?

– Конечно, хотим, только разрешат ли учителя?

– Почему же, Дуняша, не разрешат? Разрешат, я буду ходить туда с вами, как свободная слушательница. Никто не имеет права мне запретить. Я буду видеть, что вы хорошо усваиваете, а что плохо. Может, мы за один год шестой и седьмой класс закончим?

– Вот бы было здорово, Виктория!

– Мне эта идея очень понравилась.

– Дуняша, да разве тебе одной эта идея понравилась? Мы все от неё в восторге. Правда, Люда?

– Мне будет сложновато. Я же закончила только четверть класса, но я буду стараться.

– А мы тебе тогда все вместе будем помогать. Правда, девочки?

– Правда, правда, на то мы и есть боевая женская дружина.

– Спасибо вам, женская дружина. На сегодня мы закончили заниматься, да? А то от знаний у меня уже трещит голова.

– Тогда, дружина, стройся. Пойдём ужинать.

Улыбаясь, заключённые уставшие, но довольные, пошли в столовую, где ужин уже шёл полным ходом. После ужина все разошлись кто куда, а Виктория пошла писать письмо своей дочке Лизоньке: "Дорогая моя Лизонь-

ка, здравствуй. Я получила письмо от мамы, то есть от твоей бабушки Вари. В нём она пишет, что ты пытаешься мне помочь, чтобы меня освободили из колонии.

Доченька моя, таким путём, какой ты избрала, прощу, не освобождай меня. Лучше я отсижу весь свой срок, чем рисковать, что и ты можешь попасть сюда. Этот путь, на который ты стремишься встать, очень скользкий, грязный и опасный. С него легко сорваться и попасть в одну из таких колоний. А здесь, Лизонька, такая тоска, скорбь, ненависть и злоба. У заключённых уничтожается чувство собственного достоинства. Мы здесь отбросы общества, мусор, который легко бросается под ноги в угоду корысти власти. Отсюда люди придут проклятые бесчеловечными отношениями.

Но нам, дочка, повезло. Здесь с нами находится одна необыкновенная женщина. Зовут её Еленой. Ей дали семь лет лишения свободы за то, что она проповедует христианство, любовь к Богу, к честности, к добру, то есть те понятия, которые изложены в Библии.

У нас здесь организовалась боевая женская дружина, именно так нас называют. Мы поддерживаем эту Елену. Благодаря ей, её беседам, мы становимся не таким злыми и агрессивными. Если хочешь, то мы даже ощущаем угрызения совести. Лена раскрывает нам пути Господни, принятие Христом распятия ради спасения человечества. А мы с подачи коммунистической партии, её вдохновителей этого не видели и чтим эту партию, а не Господа. У компартии телохранителем и поисковой собакой является КГБ, который, как сатана, защищает все пороки, никчемность и злодеяния неприродной структуры этой партии. Изначально, по своей сути, коммунистическая партия является сатанинской, ведь она замешана на крови миллионов убиенных людей, поругании основ духовности, уничтожении Церквей, Храмов, Монастырей, всего того, что в человеке будило совесть, веру, надежду и любовь. А ведь именно эти качества Господь внушает нам и нашим пращурам веками.

И подумай, доченька, может ли коммунистическая партия быть хорошей и преданно служить народу, если она борется против Господа, Его Заповедей. А Господь

Сам ради людей стал жертвой, выносил невероятные мучения, но не предал народ и его интересы. Коммунистическая партия, чтобы скрыть правду от народа, чтобы ей легче было держать народ в неведении и управлять им, стала на сатанинский путь и готова убивать народ, который борется за просвещение путей Господних.

Ты прости меня, доченька, что я тебе всё так путано излагаю. Я сама недавно прозрела и поняла суть Библии, Господнего учения и увидела преступность коммунистической партии. Вот если бы ты послушала нашего учителя, нашу Елену, то и ты бы всё глубже поняла. А из меня пока плохой проповедник путей Господних и обличитель компартии. Поэтому, дорогая моя доченька, подумай, разберись в себе, чтобы ты смогла понять сущность и назначение человека на земле вообще и себя в частности...

А чтобы тебе легче было разобраться, поезжай в Монастырь к схиархимандриту Тимофею. Он прозорливый, духовный отец Елены. Высылаю тебе адрес, где находится Монастырь. Лизонька, прислушайся ко мне, обязательно побывай в Монастыре. Брось своих любовников, они не помогут мне, а только погубят твою жизнь.

Доченька, ты очень красивая, но красота со временем увядает, как осенний лист. Сейчас ты притягиваешь к себе мужчин своей молодостью, свежестью, но это, как я тебе уже сказала, с годами проходит, а вместе с этим уходят и годы. И не дай Бог тебе повторить мой путь. Я ведь тоже была красивой, а сейчас ни красоты, ни чистой доли, на мне клеймо заключённой навсегда. Даже после освобождения у меня будет немало проблем. Пойми это, Лизонька.

Я хочу, любимая и дорогая моя доченька, чтобы ты переступила через эту грязь и училась. Ты же хотела быть врачом? Ты же умненькая, с тебя хороший специалист получится. Воспитывай в себе волю, как Елена нас учит, а воля правит сердцем и душой. Душе же принадлежит вечное, если она на земле живёт совестью, добротой и трудолюбием. Взрасти, доченька, в себе эти качества. Мать твоя не смогла изначально это понять. Совратил меня этот старый боров-коммуняка и сломал мою

жизнь, да так, что и тебя задело. Ты прости меня, моя единственная и ненаглядная доченька. Остановись, одумайся и сойди с этого грязного пути. Не повторяй ошибку своей матери, тогда мне здесь, в заключении, будет легче переносить все невзгоды и лишения, если я буду знать, что на воле в чистоте растёт мой любимый цветок.

Я люблю тебя очень всем сердцем и душой. И ещё раз прошу прощения у тебя, что из-за меня и тебе приходится терпеть такие тяготы в жизни. Но я, дорогая моя девочка, верю в тебя и знаю, что ты всё выдержишь и пойдёшь по правильному пути, который для нас проложил Господь Бог – наш Защитник, Опора и Вечность.

Лизонька, я тебе посылаю письмо по условному адресу, и ты направляй письма на адрес жены Дмитрия Васильевича.

Целую тебя крепко, моя самая лучшая, самая добрая, самая разумная доченька.

С нетерпением жду от тебя, мой цветок, весточки.

До свидания, твоя непутёвая и оступившаяся мама".

Написав письмо, Виктория почувствовала облегчение. Она была уверена в своей Лизоньке, уверена в том, что она остановится и осмыслит всё то, что она изложила ей в своём письме. И с облегчённым сердцем легла спать, чтобы утром проснуться и делать то, что она делала вчера, позавчера и много дней подряд. Но Викторию это уже не так угнетало, она постепенно привыкла к этой тупой и однообразной работе и жизни в колонии, где для неё всё же пробивался луч света от Елены и боевой дружины подруг. И это радовало её.

– Виктория, ты сегодня норму выполнила?

– Нет, Степанида, ещё не всё сделала. Вон двадцать пар осталось.

– Ты чего это, подруга, так отстаёшь? Давай, я тебе подсоблю, возьму у тебя десять пар. Мы же сегодня к Елене идём, ты забыла что ли?

– Не забыла, Степанида, но у меня как-то сегодня всё не совсем ладится, поэтому и норму не выполнила. А тебе спасибо за помощь. А ты узнавала, Дуняша и Люда с нормой справились?

- Да была у них, они уже дошивают. К ужину, Вика, не опаздывай, поедим и сразу пойдём к Михайловой.

- Хорошо, Степанида, я постараюсь.

И вот уже вся боевая женская дружина в палате у Елены.

- Леночка, как ты себя чувствуешь?

- Уже немного лучше, но ещё ходить не могу. А вы, подруги, как там работаете и учитесь?

- Ты знаешь, Лена, они очень смекалистые ученицы, я с ними дополнительно занимаюсь. В школе они получают только пятёрки. Если дело так пойдёт, то мы с ними за один год программу двух лет осилим.

- Молодцы, подруги, умницы.

- Да это Виктория молодец, она гоняет нас по учебному материалу, как сидоровых коз, - довольно улыбаясь, сказала Дуняша.

- Дуняша, правильно подметила. Виктория - учительница что надо.

- А мы вот все, Леночка, принесли тебе яблочек, молочка и сока. Можно тебе это есть?

- Можно, но что-то, подруги, аппетита нет.

Это они сами заметили. Елена выглядела ещё очень плохо. За те дни, что они её не видели, она мало изменилась в лучшую сторону. Поэтому они не стали донимать её вопросами, поговорили ещё минут пять и ушли, решив зайти к врачу.

- Дмитрий Васильевич, мы, как и обещали, долго у Елены не находились. Но что-то она не очень быстро поправляется. Почему?

- Ну что ты, Виктория... Я думал, что будет хуже, а так, слава Богу, ещё ничего. Ведь у неё были такие глубокие раны и тяжёлые переломы. Вы завтра не приходите, ей нельзя ещё сильно волноваться и переутомляться.

- А послезавтра, Дмитрий Васильевич, к ней можно будет прийти?

- Приходите, но минут на десять-пятнадцать, не больше. Ей надо восстанавливаться, меньше переутомляться и больше спать, тогда выздоровление пойдёт быстрее.

- Хорошо, Дмитрий Васильевич, мы будем следовать вашим рекомендациям и Леночке надоедать не станем.

До свидания.

– До свидания, боевая дружина, – мило улыбаясь, ответил врач.

Подруги вышли от доктора немного грустные. Им так хотелось подольше поговорить с Еленой, ведь уже три месяца они не общались с ней, не слушали её стихов.

– Виктория, ты среди нас самая грамотная. Скажи, когда же к Лене вернутся силы?

– Дуняша, ты же слышала, что врач сказал? Ещё не одна неделя пройдёт, пока Елена выздоровеет. Значит, так и будет. А я же не врач, я в медицине не разбираюсь.

– Степанида, в следующий раз давайте ей медку принесём. Меня бабушка от всего мёдом лечила, и помогало.

– Я тоже слышала, что мёд сил придаёт. Как же я раньше не вспомнила? Вот осина горькая!

– Раз вы, девочки, говорите, что мёд помогает, значит, достанем.

– Степанида, а в нашем киоске его не продают.

– Так на воле закажем.. Клич сегодня же по зоне бросим. Где-нибудь да найдём, мы же ведь боевая дружина, а боевая дружина всё может, так ведь, подружки?

– Так, Степанида.

– А раз так, то пойдём добывать мёд.

И они разошлись... А Михайлова, проведив подруг, задумалась о том, как же ей быть с Сашенькой. Ему скоро исполняется два года, а из дома обнадёживающих новостей нет. От Ивана недавно получила письмо, оно было какое-то грустное. Игорёк с Ленусенькой тоже письма пишут не очень радостные. Сестра Тамара пишет с какими-то непонятными намёками.

А Тамара не находила себе места, не знала, как ей поступить, поэтому решила приехать к сестре и всё рассказать ей о нависшей беде. Она позвонила начальнику колонии Григорию Николаевичу, с которым уже успела познакомиться, и выпросила разрешение на свидание с Еленой. И вот она приехала, вошла в палату к сестре.

– Томочка?! Это какими же судьбами и дорогами ты ко мне приехала, а?!

– Разными, моя дорогая Леночка. Дай-ка я тебя расцелую, ненаглядная ты моя сестричка! Какая же ты блед-

ненькая...

– Раз ты, Тома, приехала, то я скоро поправлюсь. Я сегодня о тебе думала.

– А вот я и явилась и теперь не только в мыслях, но и наяву перед тобой стою. Тебе, Леночка, на кровати можно садиться?

– Можно, но недолго. Ты, сестрица, рассказывай, как вы там живёте? Как Олежек? Как Михаил?

– По тебе, Леночка, все очень скучают. Они просились со мной, но я им сказала, что в следующий раз возьму.

– Зря, Томочка, надо было взять, ведь я тоже по ним очень соскучилась.

– Леночка, они провинились, потому я их и не взяла. Вот исправятся, сниму с них наказание, тогда и приедем все вместе, – полусерьёзно ответила Тамара.

– Ох, сестрица, какая ты у нас строгая.

– Да уж, я такая.. Но зато, сестричка, мою строгость и деловитость оценили по достоинству – меня назначили генеральным директором швейного объединения в Донецке. Вот я к тебе приехала посоветоваться – соглашаться мне или нет?

– Конечно же, Томочка, соглашаться. Ты же у нас молодец: строгая, сильная, волевая, трудолюбивая, со всем справишься. А как на это твой муж Миша смотрит?

– Михаилу хочется, чтобы я работала на этой должности, поскольку и ему предлагают должность директора шахты недалеко от Донецка.

– А квартиру предоставляют?

– Да, Леночка, хорошую, в центре города. Там снесли три старых дома, а на их месте построили красивейший двенадцатиэтажный дом.

– Тома, а на каком этаже вам квартиру дают?

– На третьем, сестричка. Хочешь, пешком добираться, хочешь, на лифте поднимайся. Одним словом, Леночка, красота.

– Когда вы решили в Донецк перебираться?

– И мне, и Михаилу надо уладить всё на прежней работе. Я не знаю, сколько это времени займёт. Как Бог даст.

Тамара посмотрела на бледное лицо Елены и не решилась ей рассказать то основное, о чём хотела.

- Томочка, а ты у наших в Москве давно была? Что-то они мне мало и как-то скупо пишут.

- Нет, не очень. Я была в Министерстве лёгкой промышленности СССР и в Госплане. Там я решала вопросы о моём назначении и о планах поставок. Ночевала я в твоей семье.

- Как там они себя чувствуют? Как Иван, Игорёк и Ленусенька?

- Да нормально. Игорёк совсем взрослым стал, самостоятельным. Он подрабатывает, почту после школы разносит. Учится хорошо, на пятёрки.

- Тяжело ему учиться и работать?

- Ничего, Леночка, он шустрый. Вырос очень, себя в обиду не даст, шахматами продолжает заниматься. Так что с ним всё в порядке.

- А Ленусенька как там себя ведёт?

- Она тоже уже невеста. Дом в порядке содержит. Она готовит кушать, Игорь ей тоже во всё помогает, живут они дружно.

- А что же об Иване ты ничего не говоришь? Как он там поживает?

- Он, Леночка, немного приболел.

- А что с ним?

- Да я толком не знаю, наверное, простудился.

Тамара-то знала, что с ним на самом деле и чем он болен. Но посмотрев на слабое здоровье Елены, она не решилась сказать правду, опасаясь, что этой правды Елена не выдержит. Она решила, что озвучит эту правду позже, когда сестричка окрепнет.

- Леночка, что с твоим здоровьем? Что врачи говорят? Когда тебя выпишут?

- Доктор говорит, что я уже поправляюсь. Недельки через две-три меня отсюда выпишут, и мы встретимся с детьми и Ванкушей, ведь ещё три месяца назад я должна была получить свидание с семьёй. Но из-за моей болезни свидание не состоялось. На меня здесь одна сумасшедшая сзади напала, ударила по голове железным прутом. Оказалось, что она сатанистка, знакомая Дана, они вдвоём убили священника, но всю вину она взяла на себя. Здесь мы с ней встретились случайно.

– Лена, а где она сейчас?

– Она умерла. Но, по-моему, мои подруги помогли ей умереть, правда, они в этом не признаются. Мои подруги – Люда, Степанида, Виктория и Дуняша – были такие разбъшаки, а сейчас переменялись в лучшую сторону. Их в колонии называют боевой женской дружиной в защиту Михайловой. Сегодня они ко мне приходили, стараются меня поддерживать. В душе они очень хорошие люди, да вот оступились, огрубели и совершили преступления, за что и попали сюда. Здесь заключённые сидят со всего Советского Союза. И кто за что – кто по вине, а кто и без вины.

– Вот как ты, например, да, Леночка? Ведь совершенно безосновательно тебя, сестричка, осудили.

– Ну, Томочка, значит так Богу угодно. Не переживай, скоро уже три года будет.

– Не три, Леночка, а только два с половиной. Вот Сашеньке скоро два годика исполнится, с кем он будет жить? Здесь ведь разрешают ребёнку находиться только до двух лет?

– Как с кем? Ты что, Тамара, с отцом, конечно! Ванюша оформит его в ясельки, и сообщая с Игорьком и Ленусенькой будут воспитывать. Тяжело мне будет здесь без него, я к нему очень привыкла, он такой славный.

– Леночка, а нельзя ли попросить, чтобы его сюда принесли?

– Я, Тома, сейчас попробую.

Лена нажала на кнопку, и на звонок пришла медсестра Вера Петровна.

– Вера Петровна, ко мне приехала сестра Тамара Васильевна, генеральный директор швейного объединения города Донецка, ей очень хочется посмотреть на племянника. Принесите его сюда, пожалуйста.

– Вера Петровна, позвольте угостить вас шоколадным "Шахтёрским" тортом из Донецка. А нянечек, которые за детьми ухаживают, угостите вот этими конфетами. Я от Елены слышана о вашем хорошем отношении к ней и к Сашеньке. Поэтому мне хочется сделать для вас что-то приятное. Возьмите, пожалуйста, Вера Петровна.

– Спасибо, Тамара Васильевна. Сейчас я принесу Са-

шеньку вам и отдам там нянечкам ваши конфеты.

– Очень вам признательна, Вера Петровна.

Минут через десять Вера Петровна принесла малыша.

– Сашенька, иди-ка к тётё Томе.

И Сашенька на удивление протянул к ней ручки и сразу пошёл к тётё. Довольная Тамара подбрасывала Сашеньку, а он весело смеялся. Вера Петровна, увидев, что без неё здесь справляются, вежливо сказала:

– Елена, если я понадобится, то нажмите на кнопку, я приду.

– Хорошо, Вера Петровна.

– Леночка, а Сашенька уже большой, вон как хорошо и бойко бегают.

– Сестрица, да он не только бегают хорошо, но и говорит.

– Да ты что? Ну-ка, Сашенька скажи: "Мама, папа".

И малыш повторял: "Мама, папа".

– А как тебя зовут?

– Саша.

– А маму как зовут?

– Лена.

– А папу как зовут?

– Ваня.

– Ой, какой же ты, Сашенька, молодец. А теперь скажи: "Тётя Тома". Это меня так зовут – тётя Тома. А теперь ты скажи, как меня зовут?

– Тома.

– Правильно, Сашенька! Никаких тётей, просто Тома. Ах, ты ж, моя умница, дорогой мой племянничек! Как же ты вырос, какой большой стал. Давай-ка побегает: ты убегай, а я тебя догонять стану.

– Я не хочу бегать. Я хочу к маме. Мамочка, ты всё болеешь? Что у тебя болит: горлышко, ножки, головка? Почему не встаёшь? Почему не ходишь?

– Сашенька, смотри, я уже поднимаюсь и сижу на кровати. Скоро буду по палате ходить, и мы с тобой будем бегать. А пока ещё, сыночек, у мамы голова кружится.

– Лена! Да он у тебя уже, как старичок, говорит целыми предложениями. Мой Олег так в это время не разго-

варивал.

– Сашенька начал уже где-то месяцев в десять говорить отдельные слова.

– Да я же помню, когда была у тебя, он говорил, но не так же, целыми предложениями.

– Томочка, да после этого уже полгода прошло. Малыши ведь в это время быстро развиваются.

– Но всё равно, Лена, твой сын, как в сказке, не по дням, а по часам растёт. Он – необыкновенный ребёнок. Ему только через две недели два годика исполнится, а он такой рассудительный. Кстати, Сашенька, я же тебе игрушки привезла. Вот они, возьми их.

– Спасибо, Тома.

– Пожалуйста, Сашенька. Вот уж удивил так удивил. Ты уникальный и необыкновенный, мой племянничек.

– Тома, да тут и удивляться особо нечему, он же находится среди деток, которым вот-вот исполнится по два года, а они очень разговорчивые, особенно девочки. Он детей очень любит, не дерётся с ними, делится игрушками. Да и нянечки любят с ним поговорить, он же у нас ласковый от природы. Ты просто так близко с ним не общалась, а вот сейчас вы играете, и тебе кажется, что он стал уникальным в последнее время.

– Может быть и так, Леночка. Но твой сын в любом случае очень сообразительный парень. Сашенька, скажи, а что ты любишь кушать?

– Конфеты, Тома.

– Да ты что? Я как раз тебе их привезла. Сейчас Тома из сумки их достанет и даст Сашеньке. Какие тебе, дорогой племянничек, эти или вот эти?

– Я, Тома, карамельки люблю.

– Ну удивил, племянничек! Возьми карамельки. А шоколадные ты что не любишь, Сашенька?

– Нет, не люблю. А ты, Тома, дай и маме конфет.

– И правда, Сашенька, а маме-то я и не дала. Вот невоспитанная эта Тома, ая-яй. Но я исправлюсь, мой прекрасный воспитатель Сашенька. А как, мой дорогой, со стихами ты дружишь? Знаешь какие-нибудь стишочки и сказочки?

– Знаю.

- Какие, Сашенька, назови.
- "Мишка косолапый", "Гуси, гуси", "Колобок", "Каравай".

- Вот это здорово! Какой же ты молодец!

- Тома, ты мне сына захвалишь. Ещё поймёт, что он необыкновенный и начнёт этим пользоваться, тогда с ним проблем не оберёшься. Нам с ним и ему с народом тяжело будет жить. Поэтому, Томочка, не хвали ты его. Он должен знать, что он такой же, как все, чтобы не развивались в нём порочные качества высокомерия и горделивости.

- Больше не стану, Леночка. Ну ты же его каждый день видишь, а я редко. Потому и такая реакция. Правда, Сашенька? Расскажи стишок про Мишку косолапого.

- Не буду. Я хочу рядом с мамочкой полежать.

- Давай, мой племянничек, я положу тебя к мамочке. Подвинься, мамочка, подвинься ещё немного. Вот так. Рядышком сынок Сашенька ляжет.

Когда Сашенька лёг рядом с Еленой, то просунул свою маленькую ручку ей под шею, обнял её, поцеловал несколько раз и стал гладить её, приговаривая:

- Врач сказал, ты скоро-скоро поднимешься. Болезнь от тебя отстанет. Но я должен куда-то уехать. Куда, мамочка? Я от тебя никуда не поеду.

- Сашенька, ты поедешь к папочке, сестричке Ленушеньке и братику Игорёчку. Они уже тебя ждут. Ты же помнишь их? Правда, из-за моей болезни мы пропустили наше длительное свидание. Но ты же сам сказал, что я уже поправляюсь и буду скоро ходить. Я, Сашенька, чтобы ходить старательно зарядкой занимаюсь. У меня уже хорошо дела идут. Думаю, что через недельку буду уже бегать, понял?

- Понял.

- Вот и хорошо... Скоро мы с тобой папочку, Ленушеньку и Игорёчку встречать будем. Я, сыночек, очень сильно за ними соскучилась, просто сил нет. Дай я тебя за всех расцелую.

- А меня?!

- И тебя, дорогая моя сестрица Томочка!

- Но нам уже и ужинать пора. Как вы, семья Михайловых, думаете?

- Раз старшая сестрица сказала, что пора, значит, пора.

- Тогда я сейчас здесь накрою на стол: бутербродики с икорочкой сделаю, колбаски докторской нарежу, сосисочек отварю, хлебушка нарежу, заварю чаёчку. И мы с удовольствием покушаем. Так что давайте уже поднимайтесь, Сашенька и Леночка. Ты, Сашенька, что будешь кушать?

- Сосиски, хлебушек с икрой и чай.

- А ты, Леночка?

- А я всё, что дадут, буду есть с удовольствием.

Затем Тамара прямо на кровати расстелила полотенце, разложила на нём приготовленные бутерброды. Все дружно поужинали, после попили чаю с печеньем.

- Ну что покушали, Сашенька, Леночка?

- Покушали, даже очень хорошо, так ведь, Сашенька?

- Да, покушали хорошо.

- Тогда, дорогие мои, я всё убираю, мою, складываю на места, и мы будем готовиться ко сну.

- Нет, Тома, спать я не хочу. Я ещё с мамочкой полежу и расскажу ей "Гуси, гуси".

- Хорошо, Сашенька, и я с удовольствием послушаю. А хочешь, я с тобой позанимаюсь. Мы букочки с тобой поучим. Я забыла совершенно, что я тебе кубики привезла. Они у меня в другой сумке, потому о них и забыла. Сейчас Тома достанет кубики и даст Сашеньке. Посмотри, красивые?

- Красивые кубики... А кто их купил?

- Твой брат Олег. У тебя кроме братика Игорька есть ещё и брат Олег, понял?

- Понял, а почему же брат Олег не приехал?

- Он в школе учится, поэтому я его с собой и не взяла, но скоро ты с ним познакомишься.

- Тома, как скоро? Ты что с Олегом в Москву собираешься?

Тамара не знала, что ответить. Правду она пока ещё говорить не хотела, но и обманывать не могла. Поэтому

уклончиво ответила :

– Может и соберёмся, скоро ведь каникулы. Ведь у Бога всего много, как ты, Леночка, любишь говорить. Так что всё во власти Господа.

– Тома, а ты мне мало о Мише рассказала. Как он там? Водочкой увлекается?

– Хватка у него есть. С рабочими он очень ладит. Из шахты не выходит, любой работы не чурается. План выполняет, а зачастую – перевыполняет. Обвалов в шахте пока, Слава Богу, не было. За газом тоже следит. Крепежи, стойки, подпорки ставит своевременно. Ну, за плохую работу, сама знаешь, на повышение не пошёл бы. А то вот ведь назначили директором шахты. Что же касается водочки, то тут однозначно сказать не могу. Домой бывает пьяным с работы приходит. Там же порядки такие установили, что все любят обмывать то свадьбы, то рождения, то перевыполнение плана, одним словом, причины всегда находятся. За дамами не волочится. Мне кажется, что никаких любовниц у него нет. Миша как был добрым, таким и остался. Деньги все домой несёт, по дому старается помочь, Олегу в учёбе помогает, с ним мне живётся легко и интересно. По тебе он скучает, всё меня расспрашивает, вспоминаем часто тебя. Со мной сюда просился, но я его не взяла. В следующий раз возьму, а то квартиру не на кого было оставить. Ирина, которая за нашей квартирой присматривает, уехала на свадьбу к брату. Так что Миша на хозяйстве. Ему поручено и за квартирой Иры приглядывать. Такие вот, Леночка, дела.

– А Олежек там ещё себе невесту не присмотрел?

– Олежек взрослеет. Похоже, на девушек уже поглядывает. В школу старается ходить чистым и наглаженным. Даже если я не успеваю ему что-то погладить, он хоть ночью, но всё равно сам погладит, а в школу кое-как не пойдёт. Раньше он так не следил за собой. Денег просит то у меня, то у отца. Ходит на разные молодёжные мероприятия, но мы особо его не отпускаем. Гуляет только по выходным до одиннадцати часов вечера.

– А учится он как?

– Старается, но не так, как твои Игорёк с Ленусень-

кой. Олежек с ленцой учится, ему здорово помогает Миша. Мы пытаемся стимулировать его: если получает тройку, то денег на выходные не даём. А обмануть нас у него не получается. Классный руководитель – моя подруга. И у нас с ней договорённость, о которой не знает Олег. Когда он получает тройку, она звонит мне немедленно. У него, Леночка, кажется, невеста всё же есть. Он Свету уже несколько раз приводил в дом. Эта девочка неизбалованная, учится на отлично, хотя живёт только с матерью. Отца года три назад в шахте засыпало. Да ты, наверное, его знаешь – Валентин, он с нами часто на танцы ходил, худой такой, кудрявый, симпатичный был, ещё за тобой немного приударял. Помнишь?

– Помню, Тома, этого Валентина. Он был добрым и очень стеснительным. Очень жаль его. Валентин же ещё очень молодой.

– Да, он был наших лет. Но увы, Лена, у каждого, видимо, свой век, своя дорога жизни. Но не будем о грустном, Леноч. Давай уже готовиться ко сну, а то твой сынуля уже спит. И я сейчас раскладушку приготовлю для себя и для Сашеньки.

– Пусть, Томочка, пока Саша спит со мной.

– Хорошо, как устанешь в такой позе лежать или беспокоить станет, то я Сашеньку к себе заберу, договорились?

– Договорились, моя любимая сестрица Томочка.

– Вот то-то вот.. Вот так-то вот, Леночка, – довольно улыбаясь приговаривала старшая сестра.

Но Сашенька почти всю ночь, прижавшись к матери, сладко спал. Лишь под утро Тамара, напоив мальчика лёгким чаем, положила его на раскладушку и всё посматривала, чтобы он не упал.

А утро не заставило себя долго ждать, прибежало быстро. Работники колонии приступили к выполнению своих обязанностей, и в палату пришла нянечка.

– Пора Сашеньку покормить, а то он у вас, как я поняла, питался одними бутербродами.

– Нет, Вера Петровна, мы ему сосиски, яблоки и чай давали.

– Как Сашенька ночью себя вёл? Не плакал?

– Нет, Вера Петровна, мой племянник вёл себя как взрослый и совершенно не плакал.

– Да, он у нас такой. Сразу понял, что к маме сестра приехала, ей надо с мамой поговорить, так ведь, Сашенька?

– Так, Вера Петровна.

– Ну, мой понятливый, пойдём, я тебя кормить буду.

– Вера Петровна, а потом, когда покормите, приведёте его сюда? А то я сегодня уезжаю, ещё хочу с Сашенькой побыть.

– Ладно, нажмёте кнопку, и я его приведу.

И Вера Петровна, взяв Сашеньку, пошла с ним в детскую комнату, где его уже ждал детский завтрак. А Тамара с Леной, позавтракав в основном бутербродами, пили чай.

Елена то ли от радостной встречи с Тамарой, то ли от прикосновения тёплого тельца сына, отчего душа её ликовала, почувствовала себя заметно лучше, сильнее и увереннее.

– Тома, а ты знаешь, мне хочется встать.

– Давай попробуем, Леночка. А врачи не станут нас ругать?

– Не станут, не станут, – улыбаясь, сказал вошедший врач.

– Знакомьтесь, это моя сестра Тамара Васильевна, она у меня генеральный директор швейного объединения города Донецка. А это врач наивысшей категории, начальник медсанчасти колонии Дмитрий Васильевич, – с радостью представила их друг другу Елена.

– Очень приятно, Тамара Васильевна, – подавая руку Тамаре, сказал врач.

– Взаимно, Дмитрий Васильевич, я тоже рада нашему знакомству.

– Вот и чудесненько. Так что, Леночка, тебе хочется попробовать встать? Тогда сейчас мы с Тамарой Васильевной поможем тебе. Давай, Лена, руку, обхватывай ею мою шею, а другой рукой сестричку.

И он взял Елену вначале аккуратно за талию, осторожно поставил на ноги. Она встала, но Дмитрий Васильевич всё же слегка держал её на весу, спрашивая:

- Как, Леночка, себя чувствуешь? Где ощущаешь боль? Голова кружится?

- Дмитрий Васильевич, боль в рёбрах слышу, но не очень резкую. В ногах почти нормально. Голова чуть кружится.

- А тошнит, Леночка?

- Немножко подташнивает.

- Держись за меня и за сестру, как я говорил. И сделали один шажок, другой, третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой. Так, достаточно, Леночка. Теперь присядь. Тошнота усилилась?

- Да будто бы нет, Дмитрий Васильевич.

- А боль в рёбрах сильнее стала проявляться?

- Кажется, также...

- Это отлично. Дайте, пожалуйста, Тамара Васильевна, чаю Леночке. Выпей, посиди, не спеши, залпом не пей. Вот так вот. Давай-ка я теперь осмотрю тебя повнимательней. Снимай халатик, а я послушаю, как там лёгкие дышат, как сердечко бьётся. Дыши глубоко, ещё глубже, не дыши, дыши.

И Дмитрий Васильевич обходился с Еленой не как с другими больными, а с особым чувством. Это Тамара сразу увидела и подумала: "Дмитрий Васильевич влюблён в мою сестричку. Вон с какой любовью и вниманием её осматривает, как хорошо к ней относится, готов её на руках носить и сам болеть вместо Елены. Значит, скоро поставит сестричку на ноги. Я в этом не сомневаюсь. А вот как же мне быть с Иваном? Что же мне делать? Говорить, не говорить?" И всё же решила: "Я Дмитрию Васильевичу всё расскажу и посоветуюсь с ним". И вдруг она услышала:

- Тамара Васильевна, о чём вы так задумались, что не слышите, как я вас зову? Давайте ещё немного пройдем с Леночкой по палате.

- Ой, простите, Дмитрий Васильевич, я действительно как-то отвлеклась. А теперь я к вашим услугам.

- Вот и прекрасно. Бери нас с сестричкой ручками и снова пошли. Сейчас сделаем десять шажочков, и пока хватит. В обед посмотрим на твоё состояние здоровья и тогда решим будем ходить или вечером тогда. А сейчас

посиди ещё немножко и ложись, тебе надо набираться сил.

После всех процедур и пожеланий Дмитрий Васильевич снова взял Лену на руки и очень осторожно положил её на кровать. И тут Тамара вдруг сказала:

– Дмитрий Васильевич, а можно я вас провожу?

– Очень буду рад, Тамара Васильевна.

И они вышли в коридор, где Тамара спросила его:

– Дмитрий Васильевич, можно мне с вами поговорить?

– А почему бы и нет, конечно, можно.

– Дело в том, что муж Елены тяжело заболел. У него рак поджелудочной железы четвёртой степени. Врачи сказали, что он и месяца не проживёт. Мне Елене об этом можно сказать?

– Вы что, Тамара Васильевна, ни в коем случае. Леночка перенесла такие травмы, она этого не выдержит. Надо, чтобы она окрепла, только тогда можно будет ей сказать.

– А что же мне делать? Через две недели Сашеньке исполнится два года, его же надо откуда забирать. Его могут направить в детский дом, а я не хочу этого.

– Куда же вы хотите его определить?

– Да я бы хотела оформить над Сашенькой опеку. Вот и приехала, чтобы с Леной посоветоваться. А вы не советуете ей это сейчас говорить.

– Ни в коем случае, Тамара, ей об этом говорить нельзя. А то, что вы над Сашенькой опеку хотите оформить, то это хорошо. А муж-то как, согласен?

– Да, супруг не против.

– А как же вы будете жить? У Елены ведь есть и другие дети – Ленусенька и Игорёк. Они что в Москве будут жить?

– Нет, Дмитрий Васильевич, я хочу поменять их московскую квартиру на квартиру в Донецке. Елене же разрешено проживать в Москве после освобождения в течение пяти лет. А дети в Москве без взрослых не смогут сами жить. Я над ними над всеми хочу оформить опеку. Но не знаю, как скоро я смогу это сделать. Столько вопросов надо решить, столько бюрократической воло-

киты пройти. А сроки поджимают, до двухлетия Сашеньки всего две недели. Иван очень слаб. Я уже, Дмитрий Васильевич, от всего этого места себе не нахожу. А тут ещё перемены с работой и у меня, и у мужа. Я раньше работала директором обувной фабрики, а супруг начальником участка, а теперь его назначили директором шахты, а меня генеральным директором объединения. И муж только что вступил в новую должность, и я только неделю работаю. Квартиру нам с мужем дали, но мы в неё ещё не въехали. Времени нет на переезд. Ездим в Донецк каждый день из Шахтёрска служебными машинами.

— Ну кое в чём, Тамара Васильевна, мы с начальником колонии Григорием Николаевичем вам поможем. Вы с ним знакомы?

— Немножко знакома. Это он мне вчера разрешил переночевать вместе с Леночкой и Сашенькой в палате.

— Пойдёмте тогда сейчас вместе к Григорию Николаевичу, он как раз сейчас закончил проводить совещание.

И они быстро направились к начальнику колонии. Постучали в дверь и вошли.

— Разрешите, Григорий Николаевич?

— Заходите, заходите. С какими вопросами пожаловали?

— Да с не очень хорошими. У супруга Елены Ивана рак поджелудочной железы. Врачи опасаются, что жить ему осталось месяц, а может и меньше. А Сашеньке здесь осталось находиться две недели. Я над Сашенькой и ещё двумя детьми сестры едва ли успею оформить опеку за это время. Поэтому прошу вас, Григорий Николаевич, разрешить сыну Михайловой пожить здесь до тех пор, пока я оформлю все документы.

— Сколько, Тамара Васильевна, вам на это потребуется времени?

— Я думаю, месяц, от силы полтора.

— На такой срок, думаю, я смогу Михайлову Александру разрешить пожить в колонии, но не больше.

— Я буду очень стараться уложиться в этот срок. Я сегодня же выезжаю в Донецк, а завтра лечу в Москву. В Донецке у меня есть кое-какие проблемы.

— О них я, Тамара Васильевна, расскажу Григорию

Николаевичу попозже, а сейчас мы пойдём к Леночке. Дорога каждая минута, поэтому время зря терять не будем.

– Спасибо, Григорий Николаевич, за помощь. И вам, Дмитрий Васильевич, спасибо за всё.

И они вышли от начальника колонии и направились к Елене. Она уже давно поджидала Тамару. Когда они вошли в палату вдвоём, то Елена удивлённо спросила:

– Вы, Дмитрий Васильевич, уже как будто уходили? Почему вернулись – забыли что или что-то случилось?

– Ничего, Леночка, не случилось. Я растяпа, забыл сказать, что твоим девчатам здесь сегодня особо делать нечего. А завтра ты с ними можешь общаться хоть два часа.

– Спасибо, Дмитрий Васильевич.

– Пожалуйста, Леночка. Я сегодня к тебе ещё забегу.

– Хорошо, ещё раз спасибо.

Когда ушёл доктор, Тамара, застенчиво улыбаясь, спросила:

– Леночка, а похоже, что ты Дмитрию Васильевичу нравишься.

– Да ну тебя, сестрица, придумаешь кто знает что. У меня есть Ванечка, которого я очень люблю.

– Ой, Леночка, а мне уже пора собираться. Сегодня в Донецке у меня назначена очень важная встреча.

– Томочка, а ты давно была у Анатолия Валентиновича и его жены Зинаиды Ивановны?

– Давненько уже.

– Я тебя, Тома, прошу: зайди к ним сегодня вечером и передай от меня поклон. Их дочка, по-моему, собирается жить в Москве, зять пошёл на повышение. Да в Москве у них проблема с обменом квартиры, мало кто хочет меняться из столицы в Донецк. Ты скажи Тине, пусть она по возможности им поможет.

– Непременно, Леночка, сегодня же забегу. От тебя поклон им передам, а от себя – их любимые конфеты. Ну вот, сестричка, пора нам с тобой расставаться. Ты тут поправляйся, не скучай, я может через месяц снова приеду. Я уже бегала с Дмитрием Васильевичем к начальнику колонии, и мы договорились, что он мне через месяц

вновь разрешит тебя посетить. Вот так вот, сестрица.

- Тогда хорошо, Томочка, я тебя буду ждать. Но ты мне, сестрица, так ничего про Ванюшу и не рассказала, почему он не приезжает забирать Сашеньку.

- Во-первых, Леночка, я тебе говорила, что Иван приболел, а, во-вторых, Сашеньке только через две недели исполняется два года. И, в-третьих, моя дорогая сестричка, мне пора убегать. Я на машине, думаю, что всё намеченное, Бог даст, сделаю. Мне Дмитрий Васильевич разрешил ему звонить. Так что все наши новости я тебе буду передавать через него. Ты не возражаешь?

- Нисколечко, Томочка, я рада. Дмитрий Васильевич очень хороший врач и человек.

- Кто бы, Леночка, спорил, а я нет. Давай, моя любимая сестричка, я тебя поцелую. И пока-пока...

И в этот момент на глазах сестёр появились слёзы. Лене никак не хотелось, чтобы уезжала Тамара, а Тамаре до боли было жаль Елену. Она ведь знала, какое горе ожидало её младшую сестричку...

ГЛАВА VII

Тамара всю дорогу думала о проблемах на работе и о делах Елены. Приехав в Донецк, она первым делом пришла на работу. Рабочий день уже близился к концу, но работники знали, что новый директор должен подойти, поэтому не спешили домой. К тому же, они уже за неделю почувствовали, что к ним предъявляются строгие требования к исполнению служебных обязанностей со стороны нового руководства.

Тамара Васильевна вызвала всех начальников отделов, обсудили текущие вопросы и планы на будущее. После совещания она поехала по просьбе Елены к Ямшикову Анатолию Валентиновичу, бывшему руководителю Елены.

Дверь открыла жена Анатолия Валентиновича Зинаида Ивановна. Увидев Тамару, она очень обрадовалась.

- Здравствуй, дорогая Томочка, проходи! Дай-ка я тебя расцелую.

- Кого это ты, жена, хочешь расцеловать? - послы-

шался мужской голос из другой комнаты.

– Да это Томочка, сестра Леночки приехала.

– Здравствуйте, Анатолий Валентинович.

– Здравствуй, здравствуй, Тамара Васильевна. Давненько вы к нам не заглядывали.

– Теперь, Анатолий Валентинович, буду чаще к вам заходить. Я переезжаю жить в Донецк, потому что назначена генеральным директором швейного объединения.

– Отлично, Тамара Васильевна. А я вот на пенсии. Вначале как-то тоскливо было, а сейчас привык. А как там Елена Васильевна? Как там у неё дела?

– Сегодня только от неё приехала. Приболела Лена там. Но поправляется. Там одна сатанистка напала на неё и избила железным прутом. От этих побоев Лена была в очень тяжёлом состоянии. Сегодня мы с доктором помогли ей немного походить по палате. Врач сказал, что кризис миновал, и теперь дело быстро пойдёт на поправку. А вот у её мужа Ивана дела очень плохи. У него рак поджелудочной железы четвёртой степени, болезнь очень запущена. Врачи говорят, что дни его сочтены.

– Вот горе-то какое опять на Леночку обрушилось. А как же теперь быть с Сашенькой, его же из зоны забирать надо. Ему скоро два года исполняется, да? И Игорь-ку скоро только шестнадцать лет исполнится.

– Я, Зинаида Ивановна, всех заберу в Донецк и оформлю над ними опеку. Московскую квартиру поменяем на донецкую.

– А подходящую квартиру ты уже нашла, Томочка?

– Нет ещё.

– Тогда, может быть, квартиру дочери посмотрите? У неё большая трёхкомнатная квартира на втором этаже, недавно ремонт сделали. Зять на повышение пошёл. Его берут в министерство, а квартиру пока не предоставляют.

– Я знаю об этом, мне Леночка говорила, что ваша дочка со своей семьёй в Москву переезжает. Елена знает, что по этому поводу у вас возникли трудности с обменом. Вот я и решила первым делом к вам заглянуть. Я не возражаю посмотреть квартиру прямо сейчас, а то у меня в

связи с оформлением опекуна времени в обрез.

– Тогда, Томочка, я сейчас же позвоню дочке, и мы пойдём смотреть её квартиру.

– Анатолий Валентинович, а вы поедете с нами?

– Да нет, Томочка, дочь сама пусть показывает. Я в этом вопросе плохой советчик. Но ты, Тамара Васильевна, заглянешь к нам ещё? А то ты так мало про мою любимую ученицу рассказала. Какой же она прекрасный человек, а несчастья вот преследуют её одно за другим. И я уже старый стал, не могу ничем помочь.

– Вы, Анатолий Валентинович, в своё время очень много для неё сделали. Вырастили мою сестрёнку из простого сотрудника в руководители. Благодаря вам она стала здесь в Донецке директором научно-исследовательского института.

– Как же это было давно. Она после этого столько всего добилась. А счастья нет... Вот беда так беда... А сейчас вот и мужа теряет. Но, может быть, ещё наладится её жизнь?

– Будем надеяться... Может и наладится. Мы пошли, Анатолий Валентинович. Я к вам через недельку-другую ещё забегу. До свидания.

– До свидания, Томочка, не забывай нас. Леночке передавай поклон.

– Передам, Анатолий Валентинович. Всего доброго.

И вот уже Тамара Васильевна с Зинаидой Ивановной приехали в квартиру дочери Ямщиковых.

– Ну как вам, Тамара Васильевна, квартира нравится или нет?

– Ничего, кажется не хуже московской. По размерам, может быть, немного уступает, зато здесь две лоджии. Но всё равно надо советоваться с детьми, как на это посмотрят Игорёк и Ленусенька. Завтра же мы с вами летим в Москву, вы осмотрите их квартиру, а вечером прилетим в Донецк с детьми, чтобы они посмотрели вашу квартиру. Тогда и примем окончательное решение.

Так они и поступили. Утром Тамара Васильевна и дочь Зинаиды Ивановны и Анатолия Валентиновича вылетели в Москву. Московская квартира дочери Ямщиковых очень понравилась.

– О такой квартире, Тамара Васильевна, можно только мечтать.

– Ну я рада, что она вам понравилась. Теперь посмотрим, как дети оценят вашу квартиру. Мы будем у вас вечером, где-то часов в девять. Мне надо ещё увидаться с адвокатом и ещё кое с кем. Извините, времени у меня в обрез.

– Тогда я вам не стану мешать, полечу обратно в Донецк. До вечера.

– Хорошо... До вечера.

И Тамара поехала к Тине Фёдоровне Никитченко, предварительно созвонившись, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

– Тина Фёдоровна, я опять к вам приехала.

– А вы что уже побывали у Леночки?

– Да, побывала, Тина Фёдоровна.

– Ей лучше не стало?

– Немножко лучше, но я о состоянии здоровья Ивана ей ничего не сказала. Врач мне этого сделать не разрешил. Она только начала немного ходить.

– Я, Тамара Васильевна, позавчера была в больнице у Ивана. Выглядит он очень плохо. Пообщалась с лечащим врачом, и он сказал, что ему осталось жить недели две-три.

– Что же делать, Тина? Времени совсем нет. Я сегодня квартиру Михайловых показывала женщине из Донецка, они хотят поменяться на Москву. Квартира ей очень понравилась.

– Тома, а что за квартира в Донецке?

– Да, пожалуй, равноценная. Но Москва есть Москва, это же столица, а Донецк – всего лишь областной центр. Но это, Тина, всё же очень хороший вариант.

– Тогда, Тома, срочно, пока Иван жив, надо произвести обмен. Я подготовлю необходимые для обмена документы для обеих сторон. Но для Михайловых я всё подготовлю сама, а для другой стороны сделаю образцы всех документов, чтобы они быстрее всё сделали. Ты когда улетаешь в Донецк?

– Да хочу взять детей, Ленусеньку и Игорёчку, и сегодня около пяти вылететь, чтобы там показать им квар-

тиру.

– Зачем квартиру детям показывать? Это лишняя суета. Ты же сама говоришь, что вариант хороший. Времени у нас совершенно нет. А то останемся без квартиры. Московская квартира оформлена на Ивана, в случае его смерти возникнут проблемы. Поэтому детей везти с собой не нужно, согласимся на этот вариант и будем оформлять документы.

– Тина, а как же ты об обмене Ивану скажешь?

– Это очень сложно, но придётся. Я придумую, как это сказать помягче. Правду говорить не буду и детей попрошу об этом молчать. Да он, Тома, не слишком уже во всё вникает, ему всё безразлично. Иван больше находится в полудрёме. Но для Елены он написал письмо. И сказал, чтобы в случае чего это письмо передали Леночке. Иван, наверное, знает, чем он болен? Хотя ему, по-моему, никто об этом не говорил: ни врач, ни я, ни дети, а там кто его знает, что он думает.

– Я хочу, Тина, сейчас к нему на минутку заехать. Ты пока документы готовь, а я к Ивану заеду, а часа в два ты к нам подъедешь. Хорошо?

– Постараюсь, может и пораньше, Тамара, успею. К этому времени уже и дети из школы придут.

– Думаю, и я уже к этому времени буду у вас.

И Тамара поехала к Ивану в больницу. Когда она зашла в палату и увидела Ивана, то боль и печаль пронзили её острым мечом в самое сердце. Но вида она не подала.

– Ванюшечка, я снова приехала тебя навестить. Лимончиков привезла, апельсинчиков. Почистить тебе апельсин?

– Нет, не хочется, – тихим слабым голосом ответил Иван.

Выглядел он очень плохо. За три недели, пока его не видела Тамара, он ещё больше похудел. Он стал похож на скелет, обтянутый кожей. Глядя большими глазами на Тамару, он спросил:

– Ты была у Леночки?

– Была, Ванюша.

– Как там она? Не болеет?

– Да ничего, живёт потихонечку. По тебе, по детям

скушает. В гости всех вас ждёт.

– Не приеду я к Леночке уж больше.

– Ну что ты, Ванечка, может быть, ещё всё наладится.

– Не успокаивай меня, Тома. Ни к чему обманывать ни тебя, ни меня. Ты ей, Томочка, помогай, тяжело ей будет одной. Там я письмо для Леночки передал, но не думал, что ты ко мне ещё приедешь, поэтому отдал его Тине. Когда умру, то передайте его Лене, не раньше. Детям я боялся письмо отдать. Подумал, что не выдержат и прочитают, а им это пока знать ни к чему.

– Хорошо, Ванюша, я и о Леночке заботиться буду, и о детях, и письмо передам. Не переживай, крепись, Ванюша.

– Иди, Тамара, я устал. Я хочу побыть один.

И он закрыл глаза. Тамара наклонилась и поцеловала его. Из его глаз катились скупые мужские слёзы прощания. Она не выдержала, сама заплакала, закрыла лицо руками и тихо вышла. Затем зашла в туалет и там дала волю рыданиям. Наплакавшись, Тамара умылась и поехала к племянникам.

В квартире были уже не только Игорёк и Ленусенька, но и Тина. Они все ждали её. Тамара подошла к Ленусеньке, обняла её и вновь разрыдалась. К ним подошёл Игорёк, обнял их и сказал:

– Тётя Тома, не плачь... Ты у папы была?

– Да, он очень слабый. Дела у нас крайне плохи. Папа едва ли две недели проживёт. Он тает, как свеча... Тина, ты говорила детям о наших планах?

– Говорила, Тома.

– И как же вы, Игорёк и Ленусенька, на это смотрите?

– Мы, тётя Тома, согласны на обмен нашей московской квартиры на квартиру в Донецке. Я же там родился, это мой родной город.

– И я, тётя Тома, согласна, я тоже там родилась.

– А как насчёт оформления опекуна?

– Мы с Ленусенькой очень рады, что вы будете нашим опекуном, пока мама в колонии. Спасибо тебе, любимая наша тётушка.

И Игорёк вдруг расплакался, вытирая слёзы кула-

ком.

– Мы, тётя Тома, с Ленусенькой очень будем стараться, чтобы не подвести тебя ни в чём: ни в поведении, ни в работе, ни в учёбе, как бы нам не было трудно. Я очень тебя люблю, моя заботливая тётушка...

– Я тоже очень люблю тебя, тётя Тома. Я всегда буду тебя слушаться.

И Ленусенька прижалась к Тамаре своим худеньким тельцем. И так они втроём стояли, обнявшись, и горько плакали от той любви, что испытывали друг к другу и от безысходности. Первой заговорила Тина:

– Томочка, тебе пора уже ехать в аэропорт, а то опоздаешь, ехать-то далеко.

– Садись, тётя Тома, быстренько картошечки поешь.

– Да нет, Ленусенька, я уже опаздываю.

– Тогда вот возьми, тётушка, тормозочек в дорогу, мы с Ленусенькой тебе приготовили.

– Спасибо, мои родные. Не провожайте меня. Я когда прилечу в Донецк, то позвоню вам. И тебе, Тина, позвоню. Прошу тебя, почаще сюда навещайся. А то же они совсем ещё дети. Пока всё утрясётся, не оставляй их без присмотра. Я через недельку постараюсь прилететь в Москву. Ты за это время успеешь оформить все необходимые документы?

– Для обмена квартиры должно получиться. А все остальные потом оформим.

– Спасибо, Тина, я очень тебе признательна за помощь и за добрую твою душу. Позволь я тебя поцелую.

Тамара подошла к детям, ещё раз их обняла и поцеловала. Затем она поспешила в аэропорт, времени было в обрез. Едва она успела приехать в аэропорт, как объявили посадку на самолёт "Москва-Донецк". Тамара прошла в самолёт и села на своё место. Рядом оказался разговорчивый пассажир.

– Вы в Донецк?

– Да.

– Вы там живёте?

– Да.

– Неудобно так разговаривать. Давайте познакомимся, меня зовут Николай Николаевич. А вас?

- Тамара Васильевна.
- Вы, Тамара Васильевна, работаете? В командировке в Москве были или так?
- Работаю, а была по делам. Простите, Николай Николаевич, но у меня нет желания разговаривать. Я очень устала.
- Ответьте мне ещё на один вопрос, и я от вас отстану. Кем вы работаете?
- Генеральным директором швейного объединения.
- Так мы же с вами коллеги, Тамара Васильевна, а я работаю директором обувного объединения. Как у вас с планом? Выполняете?
- Я не очень давно на этой должности.
- Мене почему-то ваше лицо знакомо. Кем вы раньше работали?
- Директором обувной фабрики.
- Это в Шахтёрске?
- Да.
- Вот тогда откуда я вас знаю. Мы как-то с вами на конференции встречались. Вы тогда с трибуны выступали. Ну тогда вы были бойкая и весёлая, а сейчас какая-то печальная. Что-нибудь случилось?
- Я, Николай Николаевич, просто очень устала. Вот отойду немного, и мы с вами наверстаем упущенное.
- Тогда, с вашего позволения, я вам позвоню, а сейчас оставлю вас в покое. А то говорить вы не хотите, а я всё вам навязываюсь со своими вопросами.
- Я не возражаю, Николай Николаевич, звоните.
- Ну всё, Тамара Васильевна, последний вопрос: почему вы такая грустная и не хотите со мной разговаривать. Я не очень верю, что причиной тому является усталость. Под этим скрывается что-то другое. А что?
- Просто у меня тяжело заболела сестра и смертельно болен её муж. А я их навещала.
- Да, Тамара Васильевна, картина тяжёлая.. А я всё вам надоедаю, простите, пожалуйста.
- Ничего, Николай Николаевич. Такова жизнь, и у каждого своя судьба, и мы порой не в силах её изменить.
- Сказав это, Тамара замолчала, задумалась и до самой посадки не проронила ни слова. Николай Николаевич не

осмелился больше её беспокоить. И лишь после того, как самолёт приземлился, и пассажиры стали готовиться к выходу, он спросил:

– А может быть вас, Тамара Васильевна, проводить? У вас багаж большой?

– Нет, Николай Николаевич, провожать меня не нужно, тем более, что и багажа у меня нет.

– Тогда, Тамара Васильевна, до свидания. Позже я вам перезвоню.

– До свидания, Николай Николаевич. Извините, что не совсем с вами была корректна.

– Ну что вы? Это вы меня простите, что я вёл себя не так, как надо. Я рад, что вы на меня не сердитесь. Всего вам доброго.

– Ещё раз до свидания, Николай Николаевич.

И Тамара Васильевна поспешила к выходу, где её уже ожидал водитель. Она села в машину, и они поехали к дочке Ямщиковых.

– Ну вот, Люда, я прилетела.

– А где же Ленусенька и Игорёк? Они тоже должны были прилететь?

– Мы на домашнем совете решили, что им ехать ни к чему. Они мне доверяют полностью. И поэтому будем меняться квартирами и как можно быстрее. Я была у Ивана в больнице, он очень слаб, тает на глазах. По сравнению с тем, как я видела его три недели назад, он стал выглядеть намного хуже. Я вам, Людмила Анатольевна, привезла образцы документов, которые вам необходимо подготовить для обмена. Мне в этом помогала наш адвокат Тина Фёдоровна. Думаю, что вам для оформления дня три-четыре хватит.

– Мне кажется, что мы, Тамара Васильевна, уложимся в этот срок.

– Люда, если мы поменяемся, а обстоятельства пока не позволят нам переехать, то вы не будете возражать?

– Конечно, Тамара Васильевна, не стану и войду в ваше положение.

– Тогда, Людочка, я поехала домой, а ты мне вечером сообщишь, что ты успела сделать. А Тина из Москвы мне расскажет, как там у них идут дела. Одним словом, бу-

дем работать в телефонном режиме. Если всё будет хорошо, то к концу этой недели со всеми документами полетим в Москву.

– Я буду стараться, Тамара Васильевна, чтобы с моей стороны никакой задержки не было.

– Хорошо, Люда, я поехала домой в Шахтёрск, а то уже поздно. Завтра к восьми надо быть в объединении. До свидания.

– Счастливого вам пути, Тамара Васильевна. Спасибо за всё.

Было уже около одиннадцати, когда Тамара села за стол немного перекусить. Домашние ждали её. Олежек быстро накрыл на стол, он сегодня дома был дежурным по кухне и ему пришлось готовить. Правда, ему частенько приходилось готовить и вне очереди.

– Мама, тебе супа налить?

– А на второе, сынок, что-нибудь есть?

– Есть, мама, макароны по-флотски.

– Давай тогда мне, Олежек, макарон и слабенького чая.

– А тебе, папа, что подать?

– А мне и супа, и макарон. Я очень есть хочу.

– Ты, Миша, давно приехал домой?

– Нет, Тома, минут сорок назад. Ты в Москву летала? Как там дела? Ивана видела?

– Летала в Москву, дела у Ивана очень плохи. Он с постели не встаёт, жёлтый весь, как восковой, и очень похудел. Совсем недавно весил девяносто килограмм, а сейчас, наверное, и сорока не будет.

– А что там, Тамара, с обменом квартиры?

– Будем меняться. Конечно, жаль менять такую шикарную квартиру в городе Москве на квартиру в Донецке. Но деваться, Миша, нам некуда. Ну, ничего, как говорится, что Бог ни даёт, всё к лучшему.

– Тома, а как с опекой вопрос будет решаться?

– Ленусенька и Игорёк рады, чтобы я была их опекуном, но за отцом и матерью плачут. Хорошо, что они ещё не знают, в каком положении их мать была, а то совсем бы извелись.

– Да... Совсем не сладко им: ни Елене, ни Ивану, ни

Ленусеньке, ни Игорёчку. На всех великое горе обрушилось. Но мы с тобой, Томочка, их не покинем. Будем изо всех сил помогать. Вот скорее бы в Донецк переехать, чтобы хоть наши проблемы сбросить.

– Как с обменом, Миша, закончим, так и будем готовиться переезжать, а до обмена квартиры никаких дружгих дел. Это у нас самое важное дело, а то Елену с детьми без собственного угла оставим. Поэтому в конце этой недели я вновь полечу в Москву, чтобы завершить это дело. Помоги, Господи, чтобы получилось.

– А как здоровье Елены?

– Лучше немного стало. Но ещё только начинает ходить. Врач говорит, что если никаких последствий не останется, то это будет чудо. За Еленой её врач Дмитрий Васильевич очень следит и очень к ней внимателен. Он ухаживает за ней, как за ребёнком. К ней часто приходят её подруги, которых в колонии называют не иначе, как боевая женская дружина в защиту Михайловой.

– Да что же это за боевая дружина в защиту Елены, коль не смогла её защитить? Грош цена такой дружине.

– Они, Миша, ей, видимо, за Лену всё же отомстили. Похоже, что эти подруги устроили ей тёмную, Ольгой, кажется, её звали. После этого она умерла. В зоне законы жёсткие. Умеют концы прятать так, что их не найдёшь. Но эти подруги Лену полюбили, помогают ей.

– А за что же, Тома, они Лену полюбили?

– За доброту, наверное, за трудолюбие, за просвещение.

– За какое просвещение?

– Как за какое? Лена же у нас очень начитанная и духовно богатая натура. Она им о христианстве, о Боге, Божьей Матери, о Святых много рассказывает. Когда Лена жила в Монастыре, то там много о духовности узнала. А её подруги о духовном мире очень любят слушать...

Вот и сегодня боевая дружина в полном составе с разрешения врача Дмитрия Васильевича пришла к Елене. Михайлова выглядела значительно лучше. Она уже могла ходить, свободно сидеть и без напряжения беседовать.

– Елена, ты нам давно обещала рассказать, какая же

главная заповедь Иисуса Христа.

– Я же вам, девчата, немножко об этом говорила. Но ещё расскажу поподробнее, потому что сами люди не раз спрашивали об этом Иисуса Христа: что же всё-таки главное в Его учении. Одни это спрашивали для того, чтобы получить вечную жизнь в Царствии Божьем, соблюдая эту заповедь, другие – из любопытства, а третьи для того, чтобы найти обвинения против Иисуса Христа. И вот однажды иудейский законник, то есть человек, который занимался изучением Закона Божьего, как сказано в Святом Евангелии учениками и Матфеем, и Марком, и Лукой, желая испытать Иисуса Христа, спросил Его: "Учитель, какая наибольшая заповедь в законе?" Иисус Христос ответил ему: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всей крепостью твоею. Это первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего своего как самого себя. На этих двух заповедях утверждается весь закон и пророки".

– Так что это значит, Лена? Ты прокомментируй пошире, поподробнее.

– Это значит, Виктория, что всё, чему учит Закон Божий, о чём говорили пророки, всё это целиком содержит в себе две эти главные заповеди. То есть все заповеди закона и учения Его говорят нам о любви. Если бы мы имели в себе такую любовь, то не могли бы нарушить и все остальные заповеди, так как все они есть отдельные части заповеди о любви. Так, например, подружки, если мы любим ближнего, то мы его не можем обидеть, обмануть, тем более убить или позавидовать ему, то есть вообще не можем ему пожелать чего-либо плохого, а, наоборот, жалеем его, заботимся о нём и готовы жертвовать для него всем. Поэтому Иисус Христос и сказал: "Другой большей заповеди, чем эти две, нет". Теперь, девчонки, понятно?

– Теперь это очень понятно. Но я слышала, Елена, что-то вроде притчи на лекции по атеизму о милосердном самаритянине. Лектор что-то высмеивал, но я не смогла понять. Леночка, расскажи.

– Виктория, это очень поучительная притча. Смысл

её заключается в том, что евреи желали оправдать себя, поскольку они считали ближними только евреев, а всех остальных презирали. Так вот один из них – законник – спросил Иисуса Христа: "А кто такой ближний?" Чтобы научить людей считать своим ближним всякого другого человека, кто бы он ни был, из какого бы народа он не происходил и какой бы веры ни был, а также, чтобы мы были сострадательны и милосердны ко всем людям, оказывая им посильную помощь в их нужде и несчастье, Иисус Христос ответил ему притчей. И в ней Он изложил следующее: один еврей шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. Случайно той же дорогой шёл еврейский священник, он посмотрел на несчастного и прошёл мимо. Также и левит, это еврейский церковный служитель, был на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. Затем по той же дороге ехал самаритянин, а евреи презирали самаритян так, что даже не садились с ними вместе за стол, старались не разговаривать с ними. Самаритянин, увидев израненного еврея, сжалился над ним. Он подошёл к нему, перевязал ему раны, возливая на них масло и вино, потом посадил на своего осла, привёз в гостиницу и там заботился о нём. А на другой день, отъезжая, он дал хозяину гостиницы два динария. Динарий, девчата, это римская серебряная монета. Он сказал: "Позаботься о нём, и если удержишься больше этого, то я, когда возвращусь, отдам тебе". После этого Иисус Христос спросил у законника: "Как ты думаешь, кто из этих трёх попавшихся еврею был ближним?" Законник ответил: "Оказавший ему милость (то есть самаритянин)". Тогда Иисус Христос сказал ему: "Иди и ты поступай так же". И эта притча, девчонки, в полном объёме изложена в Евангелии от Луки. Но что характерно для этой притчи, что кроме прямого и ясного смысла о любви ко всякому ближнему она имеет ещё, как учат святые отцы, и другой глубокий иносказательный и таинственный смысл.

– А в чём же, Леночка, он заключается?

– Согласно учениям святых отцов, он, девчата, заключается в том, что этот Человек, идущий из Иерусали-

ма в Иерихон, есть не кто иной, как наш праотец Адам, а в его лице всё человечество. Не устояв в добре, лишившись райского блаженства, Адам и Ева вынуждены были покинуть "Иерусалим Небесный", то есть рай и удалиться на землю, где их сейчас же встретили бедствия и всевозможные невзгоды. Разбойники – это силы бесовские, которые позавидовали невинному состоянию человека и толкнули его на путь греха, лишив наших прародителей верности заповеди Божьей, то есть райской жизни. Что же касается ран, то это язвы греха, который обессиливает нас. Священник и левит – это закон, данный нам через Моисея и священство в лице Аарона, которые сами по себе не могли спасти человека. Под образом же милосердного самаритянина следует понимать Самого Иисуса Христа, Который для исцеления наших немощей под видом масла и вина дал нам Новозаветный закон и благодать. Что же касается гостиницы, то под ней следует понимать Церковь Божью, где есть всё необходимое для нашего лечения, а хозяин гостиницы – это пастыри и учителя Церковные, которым Господь поручает заботу о мирянах. И под утренним выходом самаритянина святые отцы подразумевают явление Иисуса Христа после воскресения и его вознесения. А два динария, данные хозяину гостиницы – это Божественное Откровение, сохраняемое посредством Писания и Священного предания. И, наконец, обещание самаритянина на обратном пути зайти опять в гостиницу для окончательного расчёта есть указание на второе пришествие Иисуса Христа на землю, когда Он, согласно Евангелию от Матфея, "воздаст каждому по делам его".

– Спасибо, Лена, теперь мне всё понятно стало. А лектор – изувер, такую чушь нёс о милосердном самаритянине, что я ничего из его слов не могла понять, но притча запала мне то ли в душу, то ли в сознание, и вот, наконец, я разобралась в сущности и назначении этой притчи.

– А вы, девчонки, поняли?

– Очень даже хорошо осмыслили. Леночка, ты, наверное, уже устала с нами общаться, но мы по тебе очень соскучились, ты так давно не читала нам никаких своих стихов. Учитывая, что мы сегодня беседуем о Господе, об

Иисусе Христе, почитай на эту тему хоть несколько стихов.

– Тогда, Степанида, почитаю вам стихотворение "Допусти, Владыка":

*В закате небо золотом засияло,
Тревожно в сердце, бойко и тепло..
И вдаль вдруг счастье яркое позвало,
Туда, где солнце радостью взошло.*

*И сорвалась... Душою полетела
Ввысь, где заря усладушкой поёт,
И возвращаться долго не хотела
Да доля здесь еще свой крест несёт.*

*И я вернулась с трепетной душою,
Мне стало страшно зыбкою судьбой,
Ведь я грешна всей жизненной стезею,
А вдруг врата закроют предо мной?*

*И я останусь, Богом не прощенной,
Коль не сумею крест свой донести,
Не встану в строй я, Господом спасенной,
Коль не сумею грех свой отмести.*

*Мне помоги, Творец и Покровитель,
Смыть всю вину и горе отвести,
Тебе взываю сердцем я, Спаситель,
В час смерти, Боже, Ты грехи прости.*

*И допусти очищенной и званной
В Твой Храм, Владыка, Вечности войти,
А чтоб не быть душою окаянной
И пыток ада тяжких не нести.*

– Леночка, а почитай стихотворение "Раскаяние". Помнишь, ты мне его читала, а девчонки его не слышали. В нём столько всего того, что в прозе не скажешь, а я именно то чувствую в душе, о чём в стихотворении говорится.

– Хорошо, Дуняша. Сегодня у нас с вами, похоже, вечер по заявкам подружек.

*Душа трепещет, душа ноет,
У Бога ищет всё оплот,*

*В ней словно ветер грозный воет,
И слеза тяжкая гнетёт.*

*Она на свете повидала
Любовь и радость, и беду,
Чуток и счастья подобрала,
Что зацепилось на роду.*

*Но больше всех пал труд зубастый,
Что грыз удачей каждый день,
И вечер согревал глазастый,
В нём меньше всех гуляла лень...*

*И вот теперь с душой разбитой
Сижу, лишённая свобод,
Тропю, к Господу не витой,
В кругу небесных скорбных свод..*

*Душа трепещет, душа ноет,
У Бога ищет всё оплот,
В ней словно ветер грозный воет,
И слеза тяжкая гнетёт.*

– Точно, Леночка, и я этого боюсь. Я столько в своей жизни нагрешила. Так хочется смыть вину с души, как ты пишешь, подружка, очиститься. Как я с тобой познакомилась, Лена, то стала совершенно по-другому смотреть на мир и на жизнь. И мне страшно, вдруг Господь закроет врата передо мною, и я попаду в ад, ведь я ни разу не исповедовалась и не причащалась.

– И я, Люда, тоже. Ещё я и некрещеная, и в Церкви ни разу не была. Но душа в последнее время, как пишет Елена, "у Бога ищет всё оплот".

– Да, подружки, сочное стихотворение. Молодец, Леночка, но как ты так можешь говорить? Где ты такие слова находишь? И в то же время кажется, что так всё просто. А такой глубокий смысл, аж дух захватывает. Я как бы раньше не любила стихи и не понимала их, а сейчас все твои стихи, Лена, почти наизусть знаю.

– Елена, а мне очень хочется, чтобы ты нам ещё хоть одно стихотворение про Божью Мать прочитала. Ты нам про неё так мало рассказываешь, а я люблю слушать. У

тебя разве нет стихов про Богородицу, в которых ты обращаешься к Ней, ну типа молитвы?

– Но отчего же, подружки, у меня много стихотворений, которые посвящаются Пречистой Божьей Матери. В них я признаюсь в любви к Ней, раскаиваюсь и прошу простить нас грешных, которые излагаю в форме псалмов и молитв. Вот одно из них. Называется оно "Ты прости нас, Мати Благая". В нём как раз душа стремится распануться перед Владычицей, припадает к Ней признанием, всей своей болью и просит у Неё помощи и прощения:

*Очень хочется сутью разлиться
И прижаться к Пречистой душой,
Моё сердце тоскою томится,
Душа стонет в печали большой.*

*Ты прими меня, Мати Благая,
Под покров меня свой забери,
Для людей Ты для всех дорогая,
И мне, Дева, любовь подари.*

*Душа просится правды сияньем,
Глубиной к Тебе сердца припасть,
За Твои, Пресвятая, страданья,
На колени мне с грешными встать.*

*И сказать, что Ты ради спасенья
Боль несёшь добровольно за нас,
Ведь к Тебе мы взываем прошеньем
Помогать нам в наш горестный час...*

*Со слезами к Тебе припадаем,
Да ведь сами грешим и грешим..
А в час мук на Тебя уповаем,
Но восславые дарить не спешим..*

*Нас прости, наша Мати Благая,
Что такую всё сутью живём,
Тебя любим мы, Дева Святая,
Хоть и грех свой по жизни несём..*

– Леночка, вот именно "Со слезами к Тебе припадаем", да ведь сами грешим и грешим.. "А в час мук на

Тебя уповаем, но восславые дарить не спешим". Как точно сказано.

– Ты, Виктория, его уже и наизусть запомнила?

– Не всё, Леночка, но твои стихи так глубоко в душу западают. Вот стих твой, а мне кажется, что я его сама написала. Я так в них всё остро чувствую, и мне все эти стихи хочется знать наизусть. Ты нам, Леночка, их поддиктуй, а мы запишем.

– Ой, девчата, давайте завтра.

– Да завтра нас Дмитрий Васильевич сюда не пропустит.

– Тогда, Степанида, придёте послезавтра, а то сегодня я уже устала. Хочу побыть одна. Душа что-то очень болит, и тошнота появилась.

– Прости, Леночка, ты нас непутёвых. Мы совсем совесть потеряли и забыли, что ты у нас ещё не совсем оправилась. Вот возьми, мы тебе из нашего ларька кое-что купили, поправляйся. И спасибо тебе, Леночка, от нашей боевой дружины за духовное просвещение. То, что ты нам рассказываешь, мы говорим потихоньку другим. Другие подруги нас ждут с нетерпением, чтобы послушать о том, о чём в нашей библиотеке не читаешь.

– До свидания, Леночка. Не скучай, поправляйся, мы к тебе явимся, когда пройдем через кордон Дмитрия Васильевича.

И они все с нежностью и благодарностью поцеловали Михайлову. Довольные и умиротворённые, они пошли на ночлег.

А Елене ни ужинать, ни спать не хотелось. На душе было тяжело. Ей казалось, что Тамара чего-то не договаривала ей о домашних новостях, и она подумала: "А может быть в доме какая-то беда? Почему от Ивана нет писем? Ему же выслали разрешение на свидание, а он молчит. Почему? Тома тоже как-то неопределённо отвечает. И дети молчат, уже давно от них не было писем. В последнем письме ни у Игорёчка, ни у Ленусеньки нет восторга, а какое-то уныние и недосказанность. Письма короткие, последние письма очень отличаются от предыдущих. Что-то, наверное, дома случилось, и они умалчивают, не хотят мне говорить. Да что толку, если и ска-

жут, разве я смогу помочь, находясь в этих застенках? Боже, ещё мне так долго здесь сидеть. Скоро и Сашеньку заберут, ему уже через три дня исполнится два года. А что же все молчат? Даже начальник колонии, когда был здесь, ничего не сказал. И у Дмитрия Васильевича спрашивала, он тоже чего-то не договаривает. В чём же дело? Не беда ли какая приключилась с Ванюшей?.. А может, я зря так накручиваю себя? Тамара ведь сказала, что он приболел и поэтому не может приехать. Выздоровеет и придет. А когда же он выздоровеет? Когда явится? А может быть, он просто разлюбил меня? Но на Ванюшу это не похоже. Когда он в последний раз приезжал ко мне с детьми, то был таким внимательным, чувственным, любящим. Ванюша пламенел своим зовом любви ко мне. Нет, он так быстро не мог меня разлюбить. И Ванечка не такой, на кого нельзя положиться. Мой супруг чист и верен мне, у меня нет оснований подозревать его в измене. Здесь явно что-то другое. А что, если попросить Дмитрия Васильевича, чтобы он отправил телеграмму, в которой бы прямо спросил, когда придет Иван и как его здоровье? Ну если они не говорят, то вряд ли и на телеграмму правдой ответят. Так что это пустая затея.."

Елена Васильевна Михайлова долго ещё анализировала ситуацию, но на поставленные вопросы чёткого и однозначного ответа не находила. От безысходности она расплакалась и проплакала всю ночь. А утром, когда Дмитрий Васильевич делал обход, он заметил воспалённые глаза Елены.

- Как ты себя чувствуешь, Леночка?

- Голова что-то побаливает, Дмитрий Васильевич.

- Сейчас померяем твою температуру. Ой, Леночка, температура повышенная, около тридцати девяти. Ты пила что-то холодное, много ходила или что?

- Да нет, Дмитрий Васильевич, ничего холодного я не ела и не пила, ходила тоже немного. Правда, боевая дружина у меня была, я им стихи почитала, немного о духовности поговорили.

- Значит, Леночка, никаких посетителей целую неделю я к тебе не допущу.

- Что и Сашеньку?

- Нет, Сашеньку можно, но только, чтобы нянечка рядом была. Понятно?

- Абсолютно понятно, Дмитрий Васильевич.

- Ты мне, Леночка, сколько уже обещаешь стихи свои почитать, но так и не почитала, а этой боевой дружине только и читаешь.

- Хотите, Дмитрий Васильевич, я вам завтра стихи почитаю.

- Нет, вот окрепнешь, тогда и почитаешь. А сейчас я пошёл к другим больным, а вечером ещё раз приду. Принимай вот эти лекарства сейчас и в обед, а вечером посмотрим.

Не успел Дмитрий Васильевич уйти, как в палату без его ведома вошёл Владимир Владимирович Сергеев. Он пожал Елене руку и спросил:

- Леночка, дело идёт на поправку?

- Идёт, Владимир Владимирович. Скоро буду заниматься теми вопросами, о которых вы мне говорили.

- Вот и прекрасно. Мне очень пригодятся эти исследования для моей диссертации. Они явно помогут мне найти ответы на многие поставленные вопросы. Вы не раздумали ещё учиться в юридическом институте?

- Если получится, то нет, конечно, Владимир Вла...

- Да зови меня, Леночка, просто Владимиром, Володей. Ты же меня так уже называла.

- Вы..

- Не вы, а ты, Леночка.

- Хорошо, Володя, ты давно здесь не был, я и забыла, как тебя называла.

- Нехорошо, Леночка, так быстро забывать. А я не был потому, что ездил в командировку в Москву.

- А у наших были?

- Был.

- Как они там здравствуют и поживают?

- Потихоньку... Ленусенька и Игорёк бегают в школу, сами готовят. Кстати, меня тоже накормили. Я у них ночевал, а Иван лежит в больнице, приболел.

- А что с ним, Володя?

Владимир Владимирович получил приказ от Тамары правду не говорить и широко ни о чём не распространять-

ся. Поэтому он и ответил уклончиво:

- Простыл, наверное, как-то неудобно у Ивана было расспрашивать.

- А как Ванюша выглядел, когда вы к нему приходили?

- Леночка, он выглядел, как все больные. Вот вы болеете, у вас же на тумбочке таблетки, у него тоже их куча лежит.

- А когда ты у него был, Володя?

- Кажется, неделю назад.

- Ванюша там не говорил, собирается он ко мне или нет?

- Как-то, Леночка, у нас встреча не очень получилась, - продолжая фантазировать, отвечал Володя. - Я пришёл, мы немного поговорили, но вскоре пришла медсестра и забрала Ивана на процедуры. На следующий день я не смог к нему прийти, потому что уезжал в Харьков ранним поездом. Леночка, ты не передумала мне свои стихи почитать?

- Да вот, Володя, на душе тревожно. Я вчера весь день своим подругам стихи читала, а сегодня настроения нет. Чувствую себя немного неважно, поэтому можно я прочитаю тебе в другой раз?

- Извини, Леночка, считаешь как-нибудь в другой раз. Я совершенно безмозглый, человек болеет, а я со своими просьбами.

- Ничего, ничего, Володя. Что это ты себя так унижаешь? Никакой ты не безмозглый. Ты красивый, умный и обаятельный молодой человек.

- Правда, Леночка? Вот утешила ты меня. Спасибо тебе за добрые слова поддержки.

- Это, Володя, не слова поддержки, это истина. Что это девчонки тебя всё в свой плен не возьмут, а держат на свободе? Ты же у нас очень видный, статный, привлекательный, с наукой дружишь, эрудированный, с тобой приятно на любые темы поговорить. И к тому же очень добрый. Но сегодня, Володенька, прости, мне и говорить ни с кем не хочется.

- Тогда, Леночка, я пошёл. На днях заскочу. Поправляйся. Я тебе, моя помощница, принёс молочных про-

дуктов. Мне сказали, что это тебе можно кушать.

– Спасибо, Володя. Мне уже всё можно есть. Я очень тронута твоим вниманием. Ещё раз большое спасибо за заботу.

– Не стоит благодарности, Леночка. Мне приятно к тебе забегать и общаться с тобой. Но коль ты сегодня меня уже выпроваживаешь, то до свидания.

– До свидания, Володя. Не обижайся, пожалуйста.

– Нет, я не обижаюсь и всё понимаю. До свидания..

И Сергеев подошёл к лежавшей на кровати Елене, робко поцеловал её в щёки, погладил рукой по голове и, зардевшись румянцем, вышел из палаты.

Лена же этого не заметила, её мысли были то в Москве, то в Донецке. Но больше всего она думала об Иване, анализировала их совместный путь, который нёс ей и радости, и огорчения. Ей жаль было, что она явилась причиной огорчений мужа и детей, которые остались без ласки и внимания в этой многогранной жизни. От этих мыслей ей становилось горько и больно.

И как она только не пыталась переключиться, навязчивые и тяжёлые мысли не покидали её ни в этот день, ни всю следующую неделю. Даже Сашенька, которого приносила внимательная няня Вера Петровна, своими детским разговорами и поведением не очень стабилизировал настроение Елены. Вот и сегодня он, словно взрослый, подошёл к матери, взял её за руку, погладил и спросил:

– Мамочка, а ты почему такая грустная? Ты плакала? Что у тебя головка болит или животик?

– Нет, Сашенька, почему-то душа болит и сердце ноет, а голова и живот не болят.. Расскажи, сыночек, мне "Гуси, гуси".

– Я тебе, мамочка, и "Гуси, гуси" расскажу, и "Мишка косолапый". И мы с тобой по кубикам буквы прочитаем. Только ты не плачь.

– Ой, Сашенька, сыночек мой, ты у меня уже вон какой большой, – взяв его на руки и прижав к груди, сказала Елена. – Тебе уже пошёл третий годик. Ты у меня уже всё понимаешь. Наверное, правы те, кто общается с тобой, что говорят, что ты по развитию своих сверстников опережаешь. Вон как мыслишь глубоко. Говоришь об-

думанно, цельми предложениями, да и рассуждаешь как старичок. Ты и буквы все знаешь. Ой, мой сыночек, я так боюсь за тебя, как бы чего не случилось. В мире так много злых и завистливых глаз. Спаси и сохрани тебя, Господи, от таких нехороших глаз. Беспокоюсь, чтобы твоё раннее развитие не причинило бы тебе никакого вреда, ты у меня ведь некрещёный. Помогги, Господи, чтобы получилось тебя поскорее окрестить и причастить. Ог-ради, Владыко, от всякой скверны раба Божьего Александра, защити его и помилуй. И прости, Отче, просящую грешную рабу Елену за то, что вот так до сих пор мой сын не познал таинства крещения и причащения по моей вине. Прошу, Господи Иисусе Христе, помилуй меня и сына и прости все наши грехи вольные и невольные.

– Мама, а что значит "грехи вольные и невольные"? – вдруг прервал Сашенька говорящую Елену.

– Вольные грехи – это те, про которые человек знает и всё равно делает. Например, если я тебе говорю, что кошку бить нельзя, ей больно, а ты знаешь об этом, но всё равно её бьёшь на зло, то это и есть грех вольный. То есть, ты знал, что это нехорошо, и в твоей воле было выбрать делать так или нет, но ты делал. Понял?

– Понял. Я никогда кошек бить не стану.

– Вот и молодец. Вообще бить никого нельзя.. А невольный грех – это, Сашенька, такой грех, о котором ты не знал, но должен был знать. Например, ты не знал, что топтать цветы нехорошо, но ты топтал, а в силу своего развития ты должен был знать. Или другой пример: ты не хотел бить мальчика, но бил, тебя это делать заставили. И здесь воли твоей не было, но ты всё же бил, то есть делал это помимо своего желания, помимо своей воли, но всё же причинил зло и боль мальчику, а значит тем самым совершил невольный грех. Этот пример для тебя ещё сложный, и ты, сыночек, ничего не понял.

– Понял, я детей бить не стану.

– Умница ты моя. Жизнь такая сложная и неоднозначная, что порой так тяжело принять правильное решение. Помогги тебе, Господи, по жизни в соответствии с Божьи промыслом принимать решения и идти праведной тропой.. Скоро, сынулечка, тебя заберут от меня, и

ты будешь жить с сестричкой Ленусенькой, братиком Игорёчком и папой, если он с больницы выписался. Что-то папуля наш так долго болеет. Тебе дома пора быть, там хорошо, а ты, Сашуля, здесь со мной в плохих условиях всё ещё находишься.

- Мне, мамочка, и здесь хорошо. Я к ним туда не хочу.

- Ох, Сашенька, Сашенька, это уже от нас с тобой не зависит...

И она вдруг расплакалась. Слезы печали застыли в её глазах.

- Мамочка, не плачь, а то и мне тогда плакать хочется.

- Хорошо, сыночек, прости, не стану плакать.

И Елена, смахнув слёзы с лица, запела ему колыбельную, ту, что любила петь Игорёчку и Ленусеньке. И Сашенька вскоре заснул. Елена осторожно положила его на кровать и подошла к окошку, где февраль уже давно вступил в свои права, играя снегом, сметал его сильным ветром с верхнего слоя, кружа эту снежную завесу, как стайку встревоженных птиц.

Эта картина снова вызвала у Елены тоску по Ивану, Ленусеньке, Игорёчку и Тамаре. И она вновь с болью подумала: "Ну что это от них нет никаких вестей? Тамара обещала, пока Ванюша болеет, приехать с детьми на свидание. Однако, и её нет. Что там случилось? Что там происходит?"

А в Москве случилось горе. Умер Иван. И Тамара с Михаилом и друзьями Елены занимались похоронами. У них встал вопрос, где хоронить Ивана. Без согласования с Еленой этот вопрос решить было сложно.

Любушка с Семёном и Тиной настаивали, чтобы похоронили Ивана в Москве.

- Тамара, ну зачем Ивана везти в Донецк? Давайте его здесь похороним. Мы - его друзья, будем ходить на его могилку. Мы его все так любили, правда, Тина?

- Да, Тамара, мы Ванюшу без внимания не оставим. За могилкой его хорошо будем ухаживать. И Лена, когда захочет, будет приезжать к нам и ходить к нему. А так на дворе зима бушует, а вы там сами ещё не устроились. И как его везти в такую даль?

– Нет, Тина и Любушка, мы всё же Ивана повезём в Донецк. Пройдёт время, всё наладится, Лена выйдет из колонии. Квартиру, Слава Богу, мы успели обменять, и ей будет где жить со своим семейством. Елена Ивана очень любила, она станет за ним тосковать, ей захочется к нему на могилку сходить, а разве в Москву она наездится? Поэтому не обижайтесь, но вашими советами я не воспользуюсь. Поймите, Иван очень хорошо к детям относился, души в них не чаял, и они его любили душою и сердцем. Даже с этой точки зрения будет неправильно лишить детей возможности ухаживать за его могилкой, ведь Иван столько тепла им давал. Он им практически был и отцом, и матерью. Если бы Ивана его мать с Урала забирала к себе, то это был бы другой вопрос. Но она сама очень больна и не сможет даже приехать на похороны. Кроме того, растёт Сашенька, он очень похож на Ивана, он с детства, с малых лет будет ходить к отцу и станет глубже знать истину, воспитывать в своём сердце сострадание. В нём же гены отца заложены, и когда мальчик вырастет, то явно будет не доволен, что его отца похоронили не в Донецке, а в Москве.

– Хорошо, Тамара, раз ты так считаешь, то будем хоронить в Донецке.

– Я уже, Любушка, позвонила своему заместителю, чтобы он заказал крытую машину для перевозки Ивана, а для нас автобус. Кто будет ехать на похороны?

– Я, Тамара, с Семёном поеду.

– А я с Надеждой.

– И нас трое. Михаил уже вылетел в Донецк. Там он место для захоронения Ивана к нашему приезду должен подготовить и обед заказать. Одно только плохо: священника на похоронах не будет.

– Тамара, а я сейчас же поеду в Монастырь, там ведь хорошо знали и любили Ивана. Я думаю, что отец Василий согласится поехать в Донецк для погребения Ивана.

– Любушка, будет хорошо, если отец Василий согласится и поедет с нами. Тогда все проблемы в основном решены будут.

– Я времени больше терять не буду, а поеду в Монастырь. Если всё решу, то к вечеру и вернусь.

И Любушка с Семёном, не задерживаясь, сели в свою машину и поехали в Монастырь. Привезённая новость огорчила как игуменью Анну, так и батюшку Тимофея и отца Василия.

Настоятельница Анна подготовила венчик и все остальные принадлежности для погребения усопших, отдала их Любушке и спросила:

– А Леночка знает, что Иван умер?

– Нет, не знает. Мы решили ей пока не говорить. Она как раз в это время сильно заболела, и врач запретил ей об этом сообщать.

– Вот бедная страдальца Лена. Как же ей тяжело будет узнать правду. Помогите ей, Господи, укрепи и помилуй рабу Божию Елену... Но не стану вас задерживать. Поезжайте с Богом.

– Спаси вас Господи, игуменья Анна, за всё, – ласково сказала Любушка.

Она пошла к машине, а вскоре подошёл и отец Василий. Вместе они поехали на квартиру, где лежал усопший Иван. Около десяти часов вечера они приехали и поднялись в квартиру, где их ждали Тамара, Игорёк, Ленусенька, Тина и Надежда.

Посередине комнаты стоял гроб с телом Ивана. Отец Василий зажёл свечи, раздал их всем присутствующим, раскрыл Псалтырь и начал читать псалмы и молитвы об упокоении умершего.

Священник со старанием провёл панихиду. Стоявшие возле гроба Тамара, Игорёк, Ленусенька, Люба, Семён, Тина и Наденька молились со слезами на глазах. По окончании панихиды все присутствующие погасили свечи. Время было уже позднее.

Вскоре подошла крытая машина, куда поместили гроб с телом Ивана. Все остальные разместились в автобусе. Тамара закрыла квартиру и тоже пошла в автобус. Они тронулись в путь.

Дорога до Донецка была сложной. На дорогах были заносы, на некоторых участках сплошная гололедица. Ехали медленно, до Донецка смогли добраться только утром.

Но Тамара всё равно настояла, чтобы гроб с усопшим

занесли в квартиру. И его поставили на стулья в середине зала, а рядом стали все родные и близкие. Отец Василий ещё почитал молитвы, прося Господа простить усопшему грехи и удостоить его Царствия Небесного.

Продолжение отпевания состоялось на кладбище у могилки, предназначенной для усопшего Ивана. Отец Василий совершил разрешительную молитву. Затем все родные и близкие стали прощаться с покойным. Тамара подошла и поцеловала Ивана в последний раз. Её примеру последовала и Ленусенька. Поцеловав отца, она вдруг заголосила:

– Папочка, папулечка, ну что же ты нас покинул? Как мы будем теперь жить? Как же мама будет без тебя? Ей же станет очень тяжело, она тебя так любит, а ей нельзя даже проститься с тобой. Папочка, прости ты нас. Господи, пошли для нашего папы Царствие Небесное, прости ему грехи вольные и невольные.. Папочка! – и она упала на грудь навсегда усопшего Ивана, продолжая рыдать.

– Ленусенька, не плачь. Успокойся, милая. Бог даст, всё наладится. Я тебя, племянница моя, в обиду не дам. Всё будет хорошо. Мы скоро к маме поедem. Не плачь. Ничего же, Ленусенька, не поделаешь. Вот такой у папы короткий путь оказался, но мы его будем любить, не забудем нашего Ванюшу, будем просить Господа, Божью Матерь, чтобы ему в мире ином жилось хорошо. Потерпи, моя девочка.

И Тамара обняла её и отвела в сторону, дав возможность и другим попрощаться с Иваном.

Игорёк тоже весь в скорби подошёл и обнял отца, горько зарыдал, вытирая платком слёзы, которые одна за другой скользили по щекам. Он шептал:

– Папочка, прости меня, я тебя очень любил, люблю и буду любить и никогда тебя не забуду. Я стану молиться за тебя до конца своей жизни. Ты столько много доброго сделал и для меня, и для мамы, и для Ленусеньки. Светлая тебе, дорогой мой папочка, память. Прости мамочку, что она не смогла проводить тебя в последний путь.

Затем к усопшему подошла Наденька, поцеловала его. Она обняла Игорька и сказала:

– Не плачь, Игорёк, я всегда буду тебе во всём помо-

гать. Я тоже тебя очень люблю. Пошли, пусть мама к гробу подойдёт.

Наденька с Игорьком отошли, стали подходить остальные. Когда все попрощались, то тело стали опускать в могилу головой к востоку. При этом отец Василий совершил краткую заупокойную литию.

Гроб опустили, засыпали землёй, водрузили крест, разложили венки. После разложили на могилу живые цветы. Были среди них и розы, которые Иван очень любил и всегда стремился именно их дарить Елене. А теперь здесь, где он нашёл вечный покой, они взирают своей неповторимой красотой в этот морозный печальный февральский день.

После погребения все присутствующие помянули Ивана в скорбном молчании. Потом после вкушения поминальной пищи помолились, и отец Василий сказал:

– Мы в Монастыре в поминовение раба Божьего Ивана произнесём молитвы в третий, девятый и сороковой день после его смерти.

– Отец Василий, а можно ли поминовение Ивана осуществлять ежедневно в течение всех сорока дней со служением заупокойной литургии и панихиды?

– Тамара, ты хочешь узнать, можно ли усопшему Ивану заказать сорокоуст?

– Так, отец Василий, именно сорокоуст. Простите, я по незнанию не могу правильно выразиться.

– Почему же нельзя? Можно... Мы совершим это, Тамара, коль ты просишь.

– Спасибо, отец Василий, очень вам благодарна за всё: и за внимание, и за отзывчивость, и за старание, и за то, что, несмотря на такие суровые условия, вы согласились с нами в такую даль приехать. Можно я сделаю пожертвования на нужды Монастыря?

И она протянула отцу Василию конверт, наполненный множеством крупных рублёвых купюр.

– Спаси Господи и тебя, Тамара, за то, что ты часто вносишь вклады в строительство нашего Монастыря. Я знаю, что и вы и раньше с мужем не раз крупные суммы передавали в Монастырь. Мне об этом говорила Леночка. Кстати, как увидите Леночку, то передавайте ей по-

клон от меня. Тамара, а когда ты разрешишь мне откланяться и отбыть в Монастырь?

– Давайте сообща и решим. Люба, Тина, вы когда хотите уезжать в Москву?

– Если не возражаете, отец Василий и Тамара, то мы с Тиной решили так. Мы с Семёном и отцом Василием летим завтра. В квартире мы сложим вещи, упакуем всю мебель, заберём документы из школы на Ленусеньку и Игорька, нам поможет ещё и Люда. Дня за два-три мы справимся, и всё это богатство отправим сюда. А Тина и Наденька остаются здесь, пусть они тебе помогут с переездом из Шахтёрска в Донецк, то есть займутся благоустройством. А когда приедут сюда мебель и другие вещи из Москвы, то они помогут благоустроить и Леночкину квартиру. Тебе, Тома, надо помочь, а то ты сама и до следующего года не справишься.

– Да, Томочка, было бы неплохо. Я, Олежек и Игорёк будем заниматься тяжёлой мужской работой, а женская команда – более лёгким трудом. Я, Тамара, смогу работать в квартире только после работы, а то мне уже на работе замечание сделали. Да и тебя по головке не погладят, ты ведь уже много дней на работе отсутствуешь. Да ещё тебе с детьми надо будет к Елене съездить. Она, наверное, уже вся извелась, не имея вестей от нас.

– Я бы рада, Миша, принять такое предложение. Но как-то неудобно, девчата, вас так обременять, особенно Тину. Это же всё много дней займёт.

– Ничего, Тома, я взяла отпуск за свой счёт. Наденька у меня отличница, она потом нагонит всё, что пропустит в школе. А за недельку мы тебе обе квартиры и благоустроим.

– Спасибо большое, я очень рада вашей помощи.

– Тогда завтра мы вылетаем в Москву? Так, Люба?

– Так, отец Василий. Семён, пойдём быстренько за билетами.

И они поехали за билетами, а Михаил и Тамара поспешили на работу. Прибыв в объединение, Тамара вызвала к себе главного инженера Александра Тихоновича Барабаша и потребовала от него сводку о выполнении плана.

– Александр Тихонович, срывов в работе за эти дни не наблюдалось?

– Пока всё хорошо. Только вот Енакиевская швейная фабрика в последние два дня с планом захромала.

– Вы справлялись о причинах?

– Справлялся, Тамара Васильевна, но чувствую, что они лукавят и правду не хотят говорить.

– А на завтра у нас с вами какие-нибудь горящие дела имеются?

– Похоже, Тамара Васильевна, горящих дел нет, но дни проходят несколько напряжённо.

– Александр Тихонович, вы как-то на все вопросы отвечаете нечётко и неконкретно. Я не люблю таких ответов. Давайте с вами договоримся, что впредь вы мне докладываете и отвечаете на вопросы со знанием дела. Я в работу только вникаю. Ещё и проблемы возникли, хоть и не связанные с работой, но они жизненно важные, и я должна их решать. Однако это не должно влиять на результаты работы. И если я отсутствую, то вы должны оперативно и грамотно решать производственные вопросы и не отвечать мне двусмысленно.

– Простите, Тамара Васильевна, больше такого не повторится.

– Хорошо... Завтра вы поедете на Енакиевскую швейную фабрику и досконально разберётесь в чём там дело. Возможно, там перебои с поставками, и это тормозит весь процесс.

– Я завтра же, Тамара Васильевна, во всём разберусь и вам доложу о состоянии дел на фабрике.

Александр Тихонович понял, что его начальник довольно жёсткий руководитель. Он задумался и поспешил выполнять её задания.

Тамара Васильевна, вникнув в работу, проанализировав всё за те дни, пока её не было, в целом осталась довольна. Но в голове один за другим возникали нерешённые вопросы: "Как о смерти Ивана сказать Елене? Как доложить об обмене квартиры? Как рассказать об установлении опекуна? Кстати, этот вопрос как-то за тормозился. И сейчас надо его срочно решать".

Поэтому, придя домой, Тамара первым делом спроси-

ла у Тины:

– Тина, когда же мы будем оформлять опекунство? Когда поедет к Елене?

– Тамара, опекунство оформлять уже можно. Но ты вначале позвони начальнику колонии Григорию Николаевичу Шерстнёву и врачу Дмитрию Васильевичу Романову, сообщи им о смерти Ивана и о том, что мы уже обменяли квартиры. Узнай, когда нам разрешат приехать. А я сегодня же подготовлю перечень документов и их образцы для оформления опекунства Сашеньки, Игорька и Ленусеньки. А недавно Люба звонила из Москвы и сообщила, что долетели они благополучно. Семён отвёз отца Василия в Монастырь. Она уже заказала контейнер для отправки багажа и сейчас все вместе – Семён, Людмила, её муж Фёдор во главе с Любашей – занимаются упаковкой всего квартирного имущества, так что багаж скоро приедет.

– Вы, Тина, уже гляжу здесь красоту навели. Перемыли всё, отличные занавески повесили.

– Тамара, да Михаилу по работе нужно было в Шахтёрск съездить, вот он и привёз кое-что из вашей квартиры. А недавно Миша с Игорьком, да и Ленусенька с Надеждой увязались с ними, уехали в Шахтёрск и там помогают паковать вещи и мебель. А завтра с утра машина уже приедет и привезёт ваше добро. И мы тогда расставим мебель. А сейчас переодевайся, мой руки и садись за стол, я тебя покормлю.

– Спасибо, Тина, а сама-то ела?

– Не успела. Сейчас с тобой вместе и поедим.

И они легко поужинали, убрали со стола, и Тамара легла на диван, который был куплен уже в Донецке, а Тина села готовить документы.

А утром на рассвете приехала машина из Шахтёрска.

– Миша, что так быстро машина прибыла?

– Шахтёрск, Тина, от Донецка находится примерно в семидесяти километрах, поэтому мы так быстро и добрались. Детвора почти всю ночь паковала вещи. А когда приехала машина с друзьями, то они всё быстро и погрузили. Борис даже сюда помогать приехал. Тина, присмотришь к нему. Борис – парень неженатый, похоже, он из-

за тебя сюда и приехал. Я раньше ему о тебе рассказывал. Когда он узнал, что ты у нас, то тут же отпросился у начальника и приехал помогать. Я, естественно, от его помощи не отказался. Вон, кстати, он в полушубке к нам идёт.

– Михаил, ну что ты стоишь? Иди, будем шкаф заносить!

– Иду, иду, Борис.

Обхватив шкаф верёвками, Михаил и Борис понесли его на второй этаж, а им со всем усердием помогали Игорьёк и Олежек.

– Заносим его, Боря, вот в эту комнату. Тома, сюда?

– В эту, в эту комнату, ставьте его слева посередине. Вот... Правильно... Молодцы! Хорошо! А Диван, Миша, ставьте в зал. А светло-коричневый шифоньер занесите в соседнюю комнату.

– Ты, Тома, пока на работу не уходи, лучше управляй процессом, а то мы без тебя не справимся.

– Хорошо, Миша, я выйду вам помогать.

– К машине выходить не надо, там и дети хорошо справляются, а вот здесь узлы помогай принимать.

Все вместе они быстро разгрузили машину и занесли вещи в квартиру. Перекусив на ходу, Миша и Тамара поехали на работу, а Борис с детьми поехал в Шахтёрск, чтобы перевезти оставшиеся вещи.

Придя на работу, Тамара в первую очередь позвонила Григорию Николаевичу. По телефону она изложила ему всю ситуацию: о смерти Ивана, об обмене квартиры и об опекунстве. Начальник колонии разрешил её свидание с Еленой.

Затем она позвонила врачу Дмитрию Васильевичу, который очень огорчился, что умер Иван, хотя и не удивился этому. Но где-то в глубине души врач надеялся на чудо, которого, однако, не случилось.

– Дмитрий Васильевич, а как мне вести себя с Еленой? Говорить ей о смерти Ивана? Передавать ей предсмертное письмо Ивана или воздержаться?

– Ой, Тамара Васильевна, я и сам не знаю как в этом случае поступить. Леночка сейчас чувствует себя лучше, ходит по палате свободно и всё спрашивает об Иване, о

детях и о тебе. Она ждёт всех вас. Я ведь тоже ей никакой правды не говорю. И как она отнесётся к этой беде, я не знаю, Тамара Васильевна. Елена очень чувствительная, эмоциональная, она очень любила своего мужа, которого уже нет. Что делать, Тamarочка, я и сам не знаю. Но обманывать уже нельзя. Надо же Сашеньку из колонии забирать, а то Григория Николаевича за это нарушение могут снять с работы. Пока он нас прикрывает, потому что мы с ним друзья, да и кумовья к тому же. Он знает, что я очень люблю Леночку, да и Григорий Николаевич её уважает, у неё просто ну такая замечательная душа. Леночка ну просто ангелочек, в ней море добра. Она излучает свет, радость, глубину духовного познания и всё это дарит людям. А мы с тобой должны сказать ей самое ужасное и болезненное.

– Дмитрий Васильевич, а что сделать раньше: рассказать о смерти Ивана или передать ей его предсмертное письмо?

– Смотри, Тамара, по обстоятельствам. Хотя что вначале не сделай, всё равно в основе лежит смерть Ивана. А когда, Тома, ты приедешь? Надеюсь, ты возьмёшь с собой детей?

– Дня через три. Управлюсь с бумагами на опеку Сашеньки и приеду, конечно, с детьми. Поклон сестричке, Дмитрий Васильевич, передавайте.

– Спасибо, передам. Попробую подготовить её к предстоящему тяжёлому разговору.

– Ещё раз спасибо вам за ваши добрые дела и до свидания.

– До свидания, – донеслось на другом конце провода.

Тамара позвонила Тине и сообщила, что она через три дня едет в Харьков к Елене. Ни начальник колонии, ни доктор не возражают, чтобы я стала опекуном над всеми её детьми.

– Тогда, Тамара, сразу готовь документы о своей средней зарплате, о месте жительства, о составе семьи, заявление о твоём согласии и согласии мужа, копию свидетельства о браке. Понадобятся ещё и некоторые другие документы, но сегодня начни с этих.

Тина тут же позвонила Михаилу, продиктовала ему

перечень необходимых документов для того, чтобы оформить Тамару опекуном над детьми Елены Васильевны Михайловой.

На следующий день все документы были готовы. Тина Фёдоровна, как доверительное лицо, спешила поскорее всё сделать по закону. И вот, наконец, собрав все необходимые документы и завершив все формальности, процедура оформления опекуна состоялась. Тамара, собрав хозяйственные сумки с продуктами, одеждой и другими вещами, поместив их в багажник машины, отправилась с Игорьком и Ленусенькой в Харьковскую женскую колонию.

В колонию они добрались уже вечером, но Дмитрий Васильевич домой не уходил, а поджидал их. Все вместе они пошли в палату к Елене, Ленусенька первая бросилась на шею матери.

– Мамулечка, как же я за тобой соскучилась, – целуя мать, сказала она с лаской и болью.

– Я тоже очень за тобой, дорогая мамочка, грустил.

– Ленусенька, Игорёк, хватит мамочку целовать. Я тоже хочу её обнять и поцеловать, я тоже соскучилась.

Обняв и поцеловав всех по очереди, Елена спросила:

– А почему же вы так долго не приезжали ко мне, дорогие мои?

– Леночка, Дмитрий Васильевич не разрешал, говорил всё, что тебя беспокоить пока нельзя.

– Дети, а где же папа? Тамара, почему Иван не приехал?

В палате повисла тишина, все молчали, опустив глаза. Вдруг Ленусенька неожиданно сказала:

– А папочка написал тебе письмо и просил передать. Тётя Тома, оно ведь у вас?

– У меня, Ленусенька.

– Сестрица, так давай же его, а то я уже вся извелась. От Ванечки давно нет никаких известий.

И Тамаре ничего не оставалось делать, как отдать письмо Елене. Она с нетерпением разорвала конверт, дрожащими руками достала письмо, развернула и начала читать: "Дорогая моя, любимая жёнушка. Жизнь так распорядилась, что мы расстаёмся с тобой. Я знаю, что

тебе без меня будет очень тяжело, но я не в силах что-то изменить. Крепись, моя любовь, нежность и верность.

Я так надеялся на наше свидание, хотел приехать к тебе с детьми, но заболел. У меня обнаружили рак поджелудочной железы четвёртой степени, он молниеносно съедает меня. Я очень сильно похудел, самому на себя смотреть страшно. Поэтому и не приехал к тебе. О диагнозе я узнал почти сразу, но никому об этом не сказал, потому что не хотелось раньше времени никого огорчать.

У тебя, Леночка, очень хорошие сестра Тамара и зять Михаил, они столько много сделали для меня, чтобы облегчить мою долю, очень заботятся о детях, о Ленусеньке и Игорёчке. А кто же будет заботиться о нашем славном Сашеньке? Его же должны после моей смерти отдать в детский дом. Наш маленький ребёнок, дитя счастья будет находиться сам, имея маму, брата Игорёчка и сестрицу Ленусеньку в этом кошмаре без защиты и родительской опеки. Может быть, Тамара согласится быть детям опекуном, ты попроси её об этом. Не оставляй, моя любимая жёнушка, его одного.

Я, Леночка, счастье моё, очень люблю наших детей, но вот не удалось их поставить на ноги. Я догораю без времени, как свеча. Но я умираю с большой любовью к тебе и детям, вы свет моей жизни. Ты, моя ненаглядная, не убивайся за мной. Тебе же надо теперь без меня идти по жизни и растить детей. Но я в тебя верю, ты вырастишь их, ты у меня сильная и надёжная. Крепись, моя дорогая. Леночка, я так сожалею, что не дал тебе вдоволь счастья. И вот среди этого круговорота жизни я оставляю тебя одну.

Знать, так Богу угодно. Конечно, не стану лукавить, умирать мне очень не хочется. Я хочу жить, чтобы согреть тебя, моя обожаемая, распахивая для тебя путь жизни. Но увы, увядаю, как осенняя листва. Ты, моё солнышко, не гасни, а свети в этой жизни, иди той тропой, которую указал тебе Господь. Я верю в то, что наша жизнь вечная. Там, на Небесах, я буду молиться за тебя, а ты, моя дорогая Леночка, молись на земле и слушай батюшку Тимофея. Когда я в последний раз был у него, он мне намекал на то, что нас с тобой ждёт большое испытание.

И этот путь испытания тебе будет дан от меня. Я тогда ничего не понял, но на душе почувствовал тоску, уныние и угнетённость.

А тут ещё и сон приснился. Ты помнишь, Леночка, я писал тебе о нём. Получается, что он оказался для нас с тобой вещим. Уже тогда мне надо было задуматься и встретиться с тобой в последний раз, увидеть тебя, проститься с тобой не через письмо, а наяву. Но это, наверное, было бы ещё тяжелее. Поэтому, моя любовь, моя дорогая Леночка, всё произошло так, как ты любишь повторять: "Что Бог ни даёт, всё к лучшему".

Мне очень не хочется с тобой расставаться, и хотя бы в письме, но говорить и говорить с тобой, изливая свою душу, которая знает, что уходит в вечность и больше не сможет тебе рассказывать о своих чувствах и мыслях. Но, может быть, если Богу будет угодно, я буду появляться в твоих снах. А я там, в вечности, моя жёнушка, буду молиться о тебе и о наших детях, чтобы вам легче жилось на земле. И нужно жить тебе, жёнушка, прося Господа о прощении наших ведомых и неведомых сотворённых на земле грехов.

Ой, мой спасительный свет, моя Леночка, а у меня их, наверное, очень много. Хотелось бы, чтобы меня похоронили по устоям Святой Церкви и тем заветам, которые установил Иисус Христос с панихидой, молитвами и поминовением меня в третий, девятый и сороковой день после моей смерти.

Мне страшно, Леночка, умирать, ведь я мало молился и ходил в Церковь. Слава Богу, что тебя встретил, и ты меня во многом просветила, поэтому есть хоть какая-то надежда на спасение. Но я, Леночка, спаситель ты мой, хочу надеяться и на тебя, что ты будешь молиться за меня грешного раба Ивана.

Прости, мой дорогой свет радости, любви и откровения. И у детей я прошу прощения в свои предсмертные часы, если я вас чем-то обидел, я никогда не хотел этого. И за вас я готов был отдать свою жизнь. Я вас очень и очень люблю, и с этими чувствами я покидаю вас. Простите меня ещё раз, мои любимые жена и дети. И прощайте..."

Прочитав письмо, Елена взглянула на всех скорбным взглядом и рухнула на пол. Дмитрий Васильевич и Тамара подняли её и положили на кровать. Она была без чувств, напрасно Дмитрий Васильевич пытался привести её в сознание. Елена с закрытыми глазами лежала без движения и не реагировала на слова доктора. Ленусенька подбежала к матери и стала тормошить её.

– Мамочка, мамочка, что с тобой, пробудись, открой глазки, это я перед тобой, Ленусенька. Тётя Тома, Дмитрий Васильевич, что с мамой?

– Не знаю, Ленусенька... Возможно, это сильный стресс, а может и посерьёзнее что-то. Этого я и опасался. Не трогайте её, пусть Елена полежит в спокойствии. Позже я ей сделаю укол. А потом решим, что с ней и уже по обстоятельствам будем принимать меры.

И Дмитрий Васильевич присел за стол и задумался, но вскоре встал и сказал:

– Я сейчас пойду в свой кабинет, возьму всё необходимое, а вы не подходите к Лене и не тревожьте её. Я скоро приду.

Тамара очень опечалилась. Она подняла с пола письмо и не знала, что с ним делать. Но Игорёк пришёл к ней на помощь.

– Тётя Тома, а вы прочитайте. Возможно, там написано то, что нам надо знать. Кроме того, вы же для мамы самый близкий человек. Следовательно, вы обязаны знать, что в этом письме написано.

Тамара стала читать, лицо её побледнело, слёзы потекли из глаз ручьём. Она их вытирала платком, отчего он стал мокрым. Прочитав письмо до конца, она сказала:

– Игорёк, Ленусенька, это предсмертное письмо папы, в котором он в основном обращается к маме, но и о вас пишет, о том, как он любил вас и просит простить, если обидел.

– Не обижал нас папа. Это мы порой его немножко не слушали. Прости, нас, папочка, – и Ленусенька расплакалась.

– Не переживай, Ленусенька. Папа, наоборот, в письме вас хвалит и ни в чём не обвиняет. Жалеет, что рано с

вами расстаётся и просит, чтобы вы молились за него. Но больше он прощается с Еленой и пишет, как он её любит. Письмо, дети, очень эмоциональное. Вам его полностью читать пока рановато. Подрастёте немного, Елена разрешит вам его прочитать, а сейчас в силу того, что вы ещё совсем дети, вы не сможете понять всю глубину изложенного. В этом письме Иван просит, чтобы его похоронили по-христиански. Слава Богу, что мы ему и панихиду отслужили, и фактически помянули его так, как он в этом письме завещает, то есть по-Церковному.

– Господи, ну что же с мамой? Отчего она потеряла сознание?

– От этого письма, Игорёк. Елена же не знала, что Иван болеет. Она его ждала. Душой звала его, как живого, а мы ей похоронку от Ивана принесли, да ещё написанную его рукой. В этом письме много как любви, так и скорби. Елена очень любила мужа, а тут вдруг смерть. Да и слабая она, так сильно болела. Ведь ещё окончательно не восстановилось её здоровье, а тут снова такой сильнейший психологический удар. Но будем надеяться на Дмитрия Васильевича. Он опытный врач и сможет, я думаю, вывести Елену из этого состояния.

– Тётя Тамара, я за мамой наблюдаю, она как лежала, так и лежит, за это время не было никаких изменений.

– Игорёк, но Дмитрий Васильевич нам пока запретил маму тревожить. Будем ждать и делать то, что он разрешит.

– Тётя Тома, а что так долго нет Дмитрия Васильевича? Он же сказал, что скоро придёт, а его уже столько времени нет. Мне очень боязно за состояние здоровье мамы.

– Ленусенька, и я, и Игорёк переживаем. И Дмитрий Васильевич волнуется. Он, наверное, звонит своим коллегам, и они сообща пытаются понять, что случилось с Еленой и какие ей лекарства прописать. Вот поэтому его так долго и нет.

Вдруг послышались шаги, дверь открылась, и в палату вошёл озабоченный доктор.

– Я собрал целый консилиум, но к единому решению так и не пришли. Позвольте, Тамара, мне почитать пись-

мо, которое Иван написал Елене.

– Пожалуйста, Дмитрий Васильевич.

Врач внимательно прочитал письмо, немного помолчал, а потом сказал:

– Вы, Тамара Васильевна, читали письмо?

– Да, Дмитрий Васильевич, читала.

– Тамара Васильевна, какой же только порядочный человек умерший Иван, недаром его Леночка так любила. Это исключительной души человек, а как же сильно он её любил. Я не удивлён поэтому, отчего она потеряла сознание. От полученной информации у неё случился шок. Из этого состояния её трудно будет вывести, необходимо, чтобы прошло время. Лекарства здесь особо не помогут. Вы располагайтесь здесь на ночлег, а утром я приду. Свет на ночь не гасите и наблюдайте за Леночкой по очереди, а завтра мне всё расскажете.

– Хорошо, Дмитрий Васильевич, – ответила Тамара.

Тамара почти всю ночь не сомкнула глаз, а под утро её сменил Игорёк. Но изменений почти никаких не произошло. Елена также лежала с закрытыми глазами, не реагировала на звуки.

Утром пришёл Дмитрий Васильевич и сделал ей ещё укол. Елена снова не отреагировала. Он сказал, чтобы принесли Сашеньку, и нянечка быстро вошла вместе с малышом.

– Сашенька, подойди к маме, позови её, – сказал врач.

Ребёнок, словно понимая, ласково прижался к матери, обнял её своими ручонками и стал звать:

– Мамочка, проснись. Мама, мама...

Не увидев никакой реакции со стороны матери, Сашенька громко расплакался. Елена и на зов младшего сына не откликнулась, она не шелохнулась и глаз не открыла.

– Я не в силах, Тамара Васильевна, что-либо сделать.

– Как вы считаете, Дмитрий Васильевич, когда Елена выйдет из этого состояния?

– Не знаю, Тамара Васильевна, ничего определённого сказать не могу. Может быть, через неделю, а может и через месяцы Леночка оправится от этого шока. Нужно, чтобы произошло что-то необыкновенное, а что, я и сам

не знаю. Мои коллеги тоже ничего конкретного сказать не могут.

Услышав это, и Тамара, и Игорёк, и Ленусенька расплакались и стали украдкой вытирать глаза. Но вдруг Ленусенька не выдержала и бросилась на грудь Елены. В слезах она стала молить:

– Мамочка, ну услышь же ты нас, открой глазки! Нам же страшно, что ты так вот лежишь и молчишь, мы же хотим поговорить с тобой, мамочка. Папа умер, а теперь ты такая неподвижная лежишь. Как же мы жить без тебя будем? Мамочка, ну соберись с силами, посмотри на нас, облегчи наши страдания, мы же не сможем жить без тебя, родненькая.

На слёзы Ленусеньки остро отреагировал Сашенька и стал горько плакать. Дмитрий Васильевич дал возможность Сашеньке поплакать, но увидев, что на плач ребёнка Елена не реагирует, приказал нянечке отнести его в детскую комнату.

– Дмитрий Васильевич, что же нам делать?

– Вам, Тамара Васильевна, нужно ехать домой. Заберите Сашеньку и отправляйтесь. Я посажу здесь нянечку Веру Петровну, чтобы она присматривала за Леночкой. А я вам буду звонить и обо всех изменениях сообщать.

Приехав домой в тягостном настроении, Тамара обо всём рассказала Михаилу и Тине. Они тоже очень расстроились от таких известий. Однако помочь они ничем не могли. И тут вдруг Тамара предложила:

– А что, если позвонить Любушке в Москву и попросить, чтобы она съездила в Монастырь и обо всём рассказала батюшке Тимофею? Пусть попросит его, чтобы там службу отслужили, вдруг это Леночке поможет.

– Это, Тома, неплохое предложение, иди и звони, а я пока на стол соберу, а то Сашенька вон плачет, наверно, кушать хочет.

И они пошли заниматься каждый своим делом. Любушка, услышав о состоянии здоровья Лены, очень расстроилась и на следующий же день поехала в Монастырь вместе с Семёном. И там Люба рассказала любимице Елены настоятельнице Монастыря Анне и схиархимандри-

ту Тимофею о случившемся. В Монастыре в этот же вечер отслужили службу и помолились о здравии Елены. Кроме того, они решили, что если Тамара договорится с начальником колонии, то батюшка Тимофей с Любушкой и Тамарой приедут в колонию через неделю.

Люба сообщила обо всём этом Тамаре, а она вначале дозвонилась Дмитрию Васильевичу. Вместе они по телефону обсудили этот вопрос, и доктор сказал:

– Тамара Васильевна, проезд схиархимандрита к Елене вряд ли поможет ей, но и не навредит. Поэтому я буду спрашивать Григория Николаевича, чтобы он разрешил свидание батюшки Тимофея с Еленой. Я сейчас же пойду к нему и о его решении сообщу вам.

Через некоторое время Дмитрий Васильевич действительно перезвонил и доложил:

– Тамара Васильевна, я только что был у Григория Николаевича. Он в качестве исключения для пользы дела разрешил приехать отцу Тимофею.

– Да, Дмитрий Васильевич, мы приедем втроём. Я, батюшка Тимофей и Любовь Сидоровна Доронина.

– Какого числа вы думаете приехать?

– Числа четырнадцатого марта. А как сейчас себя чувствует Елена?

– Так же, ни на что не реагирует. Она в таком же состоянии, в каком вы её и видели. Как там Ленусенька и Игорёк себя чувствуют?

– Переживают очень, Дмитрий Васильевич. Частенько они украдкой плачут. Оба очень грустные. На улице почти не выходят.

– А школу, Тамара Васильевна, они посещают?

– Посещают уже оба: и Ленусенька, и Игорёк, адаптируются потихоньку.

– Опекунство вы уже оформили?

– Да, оформила, Дмитрий Васильевич.

– Сашеньку в ясли отдали?

– Нет, я нянечку нашла. Она за ним присматривает, пока Ленусенька и Игорёчек в школе, а потом они все вместе играют. Каждый вечер я захожу к ним. Мы договорились с детьми, что одну ночь я ночую у них, а другую – дома. Когда же я у них не ночую, то к ним приходит

нянечка Кира Ивановна. Она очень хорошая женщина, заботливая и добрая, только недавно вышла на пенсию. Все дети Киру Ивановну слушают, даже Сашенька.

– А Тина Фёдоровна ещё у вас или уже уехала?

– Уехала, Дмитрий Васильевич, в свою Москву. Спасибо ей большое, она мне так помогла как по юридическим вопросам, так и по дому. Я ей так признательна, что даже не хватает слов благодарности. Мы её очень полюбили. Надо признаться, что все друзья Елены очень чутко отреагировали на её горе и во всём помогали мне, помогают и по сей день. Вот и Люба из Москвы относится к ней как родная сестра. Когда она работала директором научно-исследовательского института в Москве, то Любашу она пригласила на должность начальника отдела кадров. И Любушка, как её любит называть Елена, до сих пор там работает. Они ещё с Монастыря поддерживают такие тёплые отношения.

– А разве Лена жила в Монастыре?

– Да, но это было давно. Леночка в очень тяжёлое для неё время жила в Монастыре, у неё тогда была сложная жизненная ситуация. Она не знала какое принять решение, поэтому уехала в Монастырь и находилась там в качестве послушницы. В Монастыре она очень сдружилась с монашками, игуменьей Анной и батюшкой Тимофеем. Благодаря им, она вновь обрела душевный покой и стала плодотворно работать.

– Ой, Тамара Васильевна, спасибо вам. Вы мне, как врачу, сообщили крайне необходимую информацию. Значит, у Леночки и раньше были психологические срывы.

– Но она, Дмитрий Васильевич, не теряла памяти и не впадала в кому. Лена просто в своей душе не находила покоя. И своё равновесие она искала в молитвах, отгородившись от суетной мирской жизни. Тогда Леночке стало легче, и она вернулась из Монастыря энергичной, сосредоточенной и вскоре добилась больших успехов в работе, ведь она стала и доктором наук, и профессором, и лауреатом Государственной премии в свои тридцать-то лет. Разве это не чудо?

– Чудо, конечно, Тамара Васильевна. Однако это чудо

и сделало Леночку такой уязвимой. Она в свои тридцать лет перенапрягла всю свою нервную систему, и это дало такой результат.

– Да, Лена себя не щадила. Но может быть, всё наладится, Дмитрий Васильевич.

– На это и будем надеяться. Когда будете выезжать к нам в колонию, то позвоните мне, пожалуйста.

– Хорошо, Дмитрий Васильевич, я так и сделаю. Мы с вами всё обсудили?

– Пожалуй, всё...

– Тогда до свидания.

– До свидания, Тамара Васильевна, – после этих слов Дмитрий Васильевич повесил трубку.

Он стал размышлять о состоявшемся разговоре с Тамарой. И подумал: "А Леночка мне ничего не рассказывала о Монастыре в таком плане, чуть только намекнула. Какая же всё-таки она впечатлительная натура, поэтому ей так тяжело и живётся. Всё близко к сердцу принимает. И что это там за схиархимандрит Тимофей? Надо, чтобы никто про это не прознал, а то начальнику колонии попадёт. Могут и с работы Григория Николаевича выгнать. Ну оформим как близкого родственника и будем надеяться, что пронесёт. А может он действительно поможет? А как же он станет помогать? Говорят, что он прозорливый. Очень интересно будет с ним познакомиться. Но я ведь всё же так далёк от Церкви по сравнению с Леной, мало же я в ней бывал. Вот жена моя Фаиночка умудряется как-то чаще бывать в Церкви. Если сказать ей, что к нам приедет схиархимандрит Монастыря, то наверняка ведь будет проситься. А не сказать, то ещё вряд ли такой случай представится".

И с этими мыслями и вопросами Дмитрий Васильевич поехал домой. А дома он не удержался и всё рассказал Фаине: и о предстоящей встрече со схиархимандритом Монастыря, и что он прозорливый, и что Елена жила в Монастыре несколько лет назад, и об остальном, о чём ему поведала Тамара.

Фаина, конечно, загорелась желанием встретиться со схиархимандритом и взять у него благословение, поэтому стала спрашивать мужа, чтобы он разрешил ей встре-

титься с бабушкой Тимофеем.

– Дорогой мой Димочка, ну позволь мне пойти в колонию и повидать бабушку. Упроси кума, чтобы он разрешил. Я в жизни не видела схиархимандритов, а ты говоришь, что он ещё и прозорливый. Я тебя умоляю, Димочка, сделай так, чтобы я сумела взять у него благословение.

– Смотри, Фая, если кто узнает про это, то и меня, и Григория Николаевича уволят с работы.

– Димочка, Димочка, я никому не скажу ни слова и буду вести себя там так, как ты разрешишь. Не переживай, я тебя не подведу.

– Ну хорошо, Фаина, пойдёшь в колонию, а там сориентируемся, как тебе со схиархимандритом встретиться.

– Спасибо, Димочка. Спасибо, родимый. Я теперь стану ждать этой встречи с нетерпением. Давай я тебя, мой любимый, накормлю.

– Да я же уже ел, Фая.

– Но у меня есть вкусненькое. За такие новости я тебе сейчас дам твои любимые конфеты. Имми хотела угостить тебя в воскресенье, но угощу сейчас.

– Тогда, Фаечка, подавай чай.

– Сейчас, сейчас, Димочка, подам и чаёчку

И Фаина проворно поставила чайник, чашки и конфеты на стол. Дмитрий с Фаиной пили чай и вели непринуждённую беседу, которая в основном касалась схиархимандрита, встречи с ним, состояния здоровья Елены и её семьи.

А за окном шумел мартовский порывистый ветер и хлестал сильный дождь.

ГЛАВА VIII

Но сегодня мартовский день выдался на редкость тёплым. Светило солнышко, птички весело щебетали, предвкушая наступление ранней весны. И они стайками то летали над строениями Исправительно-трудовой колонии, то взвивались вверх к небу, а то садились на крыши зданий.

В это время подъехала машина с харьковскими номерами. Из машины вышли Тамара, схиархимандрит Тимофей и Любушка.

Батюшка Тимофей был одет в простой старенький свитер, костюм и плащ, а одежду схимника Любушка несла в хозяйственной сумке. Дежурный их проводил в палату Михайловой Елены, где их ждали Дмитрий Васильевич и его жена Фаина. Елена лежала всё так же без движений и никаких признаков жизни не подавала.

Когда они вошли в палату, то дали возможность батюшке Тимофею переодеться в одежду схимника. Переодевшись, батюшка Тимофей всех благословил и достал иконы. Он расставил их над изголовьем Елены и начал молиться, освятив все углы палаты. Присутствующие повторяли молитвы, которые читал схиархимандрит. Один Дмитрий Васильевич не знал молитв и молча крестился.

Затем по окончании молитв батюшка обратился к присутствующим и попросил их выйти из палаты на три часа. Тамара, Любушка и Фаина вышли и ожидали в комнате свиданий, а Дмитрий Васильевич пошёл в свой кабинет.

Когда все вышли, батюшка Тимофей запер дверь на ключ и, упав на колени, вновь начал молиться. Потом ещё несколько раз перекрестил Елену, взял её за руку и начал говорить:

– Просыпайся, Елена! Хватит спать. Тебя ждут дела, дети и просветительская работа.

И Елена вдруг открыла глаза. Она посмотрела на батюшку Тимофея и сказала:

– Батюшка Тимофей, это вы?

– Я, Леночка.

– Зачем, батюшка, вы вернули меня с того света? Я не хочу жить на этом свете. Там я видела своего мужа Ванюшу. Мне там, батюшка, было хорошо. А вы опять меня вернули на землю, в этот мир.

– Я знаю, Лена, что ты там виделась с Иваном, поскольку он очень страдал, что не попрощался с тобой. Да и ты по этому поводу сокрушалась. Вот тебе за добрые дела твои и Ивана ангелы и предоставили эту встречу,

чтобы вы увиделись и попросились, и чтобы ты не страдала. Но ты должна вернуться на землю, чтобы трудиться дальше и нести Слово Божье в народ через беседы, книги, проповедуя пути Господни, просвещая людей. Тебе Господь воздал такую тропу, и ты должна до конца дней по ней идти.

– Батюшка Тимофей, я так устала, у меня уже нет сил. Муки, которые ниспосланы мне, я не в состоянии нести.

– А наш Иисус Христос, Сын Божий Господь принёс Себя в жертву за грехи мира. Он вытерпел все муки, скорби и унижения. Бог знал, что это Его ждёт, но шёл ради спасения душ человеческих, то есть и ради тебя. А тебе всего лишь ниспослан путь просвещения, а ты уже скорбишь от этой ноши. Ты, Елена, можешь скорбеть и плакать, если не сумеешь пройти этот путь. Тогда действительно тебя ждут муки ада, поскольку тебе Господь дал способности и дал ношу по твоей внутренней силе. Ты её имеешь. И ты увидишь ту благодать, что ты видела в Небе, только в том случае, если ты со старанием пройдёшь свой путь через муки и лишения. Разве может человек понять боль другого человека, если он сам не прочувствовал эту боль. Лена, тебе же уже снился сон, в котором Ангел об этом рассказывал. А ты вновь скорбишь и плачешь, стремишься жалеть себя. От потери мужа Ивана ты так пронзилась жалостью к себе, что получила помрачение памяти, чем допустила к себе дьявола. Но, Слава Богу, Ангелы сжалились над тобой и за то, что ты ранее совершила много добрых дел, изгнали дьявола из тебя и подарили тебе встречу, как я уже говорил, с Иваном для того, чтобы ты яснее и глубже всё осмыслила. Жена, живущая с мужем в сладострастии, может ли служить Господу всей глубиной души? Конечно, нет. Чистейшая и высшая любовь должна принадлежать Господу. Как сказано в основополагающей первой Заповеди Закона Божьего: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим". Любить Бога мы должны прежде всего и больше всего потому, что Он – наш Творец, Промыслитель и Спаситель. Им мы живём, движемся и существуем. Ты же об этом правильно говорила и объясняла своей боевой дру-

жине. И что же тогда у тебя, Елена, получается? Ты им говорила и верила, что говорила истину, а когда тебя лично коснулась эта проблема, то ты за своим сладострастием вон как горюешь.

- Батюшка Тимофей, да не за сладострастием я горюю, а о том, что умер Иван, и мне тяжело будет одной с тремя детьми.

- Так ты, Елена, решила и сама умереть, чтобы не знать сложной жизни. Какова же твоя любовь, если ты решила уйти из этой жизни, а троих детей оставить одних? Чем ты руководствовалась? Первой заповедью? Нет, тобой управляла жалость к себе и слабоволие. Да, умер Иван, тебе жаль его, и это естественно, но теперь у тебя больше места в душе осталось для любви к Богу. Как ты не поймёшь, что когда человек рождается, то он имеет уже свой путь и свою силу, а по ней и свою ношу, которую посылает Господь. Вот Всесущий тебе и вручил по твоему вразумлению пути познания. А ты должна их вернуть, понять и нести людям. Тебя Господь ещё при рождении приблизил к Себе, наградил тебя этой благодатью, а ты вместо того, чтобы радоваться этому, любить и восхвалять Творца, плачешь, скорбишь и гневишь Господа. Тебе об этом уже не раз говорили Ангелы во сне, а ты всё никак не разумеешь.

- Батюшка Тимофей, я вот вас слушаю и думаю о том, что вы мне много сказали того, чего я никому не говорила. А вы вот знаете об этом.. Можно я вам по этому поводу задам вопрос?

- Ну задай, Елена.

- Вы, батюшка Тимофей, прозорливый?

- Леночка, как тебе правильно сказать? Я прямо-таки затрудняюсь.

- Ответьте, пожалуйста, батюшка Тимофей как есть на самом деле.

- Да, Леночка, я многое знаю наперёд. И я бываю на Небе. И там я узнал о тебе. И просил Божью Матерь, чтобы она мне помогла прибыть к тебе и помочь. И вот я перед тобою и, как ты слышишь, браню тебя, внушаю, разъясняю, взываю, стучусь, чтобы ты услышала и поняла меня, наконец.

– Батюшка Тимофей, я вас слышу, понимаю, но во мне нет такого сильного духа, который держал бы меня в узде. Вы сильный духом и в вас вера крепче. Я никогда не стану такой, как вы.

И Елена вдруг горько расплакалась, упав на грудь батюшки Тимофея.

– Леночка, ну вот пришёл, чтобы тебя пожурить, а сам жалею, как ребёнка. Но делать, видимо, нечего, надо приоткрыть завесу и кое-что тебе сказать. Не плачь. Когда ты доживёшь до моих лет, то станешь прозорливей, чем я. Я тоже спотыкался, принимал иногда неправильные решения, но когда идёшь с Богом в душе, то Господь вразумляет, посылает на пути хороших людей. И они помогают и правильный путь найти, и нести ношу жизни, ниспосланную Творцом. Вот ведь тебе, Леночка, Господь в твоей жизни посылает много хороших людей. Ты вспомни, какая хорошая у тебя была мама, твои братья, сестры, особенно Тамара, её муж Михаил, Иван, Любушка, её мать, как ты называла её в Монастыре, мама Маня, монахини. Даже здесь Спаситель послал тебе людей, которые заботятся о тебе. Взять хотя бы врача, начальника колонии, боевую дружину, которая по молитвам очень тебя полюбила и стремится во всём помочь тебе и оградить от всяческих бед. Конечно, кто-то должен молиться и просить, чтобы Господь посылал разрешительное спасение в сложившихся ситуациях.

– Я знаю, батюшка Тимофей, это сейчас по вашим молитвам, а раньше по маминым Господь посылал и посылает мне хороших людей, которые помогают мне нести все тяготы моей жизни.

– Почему, Леночка, ты думаешь, что мамины молитвы помогали тебе раньше, твоя мама и сейчас молится, чтобы Господь давал тебе благодать. И меня она очень просила молиться за тебя, чтобы ты не сошла с ниспосланного тебе пути.

– Значит, батюшка Тимофей, я правильно почувствовала душой, что это и по вашим молитвам моя тропа жизни становится легче.

– Детка, Леночка, я тебя полюбил. Ты – истинная христианка. Я молюсь за тебя. Но есть и Ангелы, ниспослан-

ные Господом для тебя. Они тоже стремятся ставить тебя на правильный путь и очень огорчаются, если ты оступаясь. Зачем ты вышла замуж за Виктора Павловича Снегирёва? Тебе же Ангел ясно давал понять, чтобы ты этого не делала. И ко мне ты за благословение не пришла, так ведь? И то, что тебя здесь побила сатанистка Щукина Ольга Викторовна, это тебе расплата и искупление твоего греха. Поняла?

– Поняла, батюшка Тимофей. Я знала, что мне не надо было выходить замуж за Виктора, но я, гонимая слабостью, захотела иметь женское счастье, и, как вы сказали, жить в женском сладострастии. А он стал гомосексуалистом. Теперь я поняла, что он, возможно, из-за моих грехов стал гомосексуалистом. Так, батюшка Тимофей?

– Нет, Леночка, не из-за твоих грехов он стал гомосексуалистом, а из-за своих. Но Ангелы показали тебе его суть и твоё заблуждение, о котором они тебе говорили, а ты плохо анализировала свой внутренний голос. Вот почему всё так и произошло.

– Батюшка Тимофей, ну что же я такая бестолковая, грешная и совершенно не видящая? Вон вы прозорливы, всё видите, всё знаете наперёд, а я такая ничемная, только и умею, что грешить. Я никогда, наверное, не поднимусь над грехами?

– Поднимешься, Леночка, и ты станешь ещё прозорливее, чем я, когда доживёшь до моих лет. Я тебе об этом уже говорил. Только слушай лучше свой внутренний голос и не забывай о своей миссии. Ты должна нести Слово Божье по жизни, и я тебе несколько раз об этом говорил, и Ангелы во снах. И ты, Леночка, напишешь много книг, в которых будешь славить Творца нашего и Спасителя, Богородицу. И дашь людям много поэм, в которых будут изложены пути великих Святых. Духовная тема займёт центральное место в твоём творчестве. Ты не раз будешь общаться с Господом и Божьей Матерью. Только ты будь внимательна к своей душе, слушай её и не иди против её воли, а то тебе придётся опять страдать, искупая свои грехи.

– Батюшка Тимофей, вы говорите, что я напишу много книг про Господа, Владычицу, Святых. Ну как же я

их напишу? И как же я их до народа донесу? Я только несколько стихов написала о Господе и немного рассказала людям о Нём, а меня уже за решётку упекли.

- Детка моя, уже скоро придёт другое время. К власти придёт Горбачёв, как говорила твоя мама, Михаил "Меченый". У него на лбу имеются родимые пятна, поэтому намного раньше святые уже знали об этом. И они народу через сны и другими способами сообщили. Вот потому твоя мама ещё давно говорила про Михаила "Меченого". Его так предательски покинут его же однопартийцы, наделают много ошибок, чем и обидят простой народ, свергнут его в хаос и бедность, а Горбачёва полностью отстранят от власти. Но он за время своего правления даст людям свободу. Начнут строиться Церкви, Храмы, возрождаться Монастыри. И ты познакомишься тогда с другим схиархимандритом, который будет помогать тебе и по жизни, и в творчестве. Ты займёшь другую линию жизни, уйдёшь от технической специальности и станешь на другой путь познания, и добьёшься на нём хороших результатов. А люди свободно станут ходить в Церкви, креститься, исповедоваться, причащаться и никто их за это наказывать не будет. И ты, Леночка, будешь жить в это время, и свободно излагать свои духовные познания, и нести их людям на своём новом жизненном пути.

- А какой же новый жизненный путь меня ожидает, батюшка Тимофей?

- Детка, я уже и так тебе много рассказал о том, чего я не должен был тебе говорить. Пришёл тебя пожурить и строгостью своей призвать к ответу, а сам смягчился так, что позволил сказать лишнее, за что меня надо призвать к ответственности. Но это, Леночка, я всё сделал из-за любви к тебе, чтобы ты встала на твёрдый путь истины, не роптала и не поддавалась слабости, а несла бы свою жизненную ношу с радостью под ярким пламенем свечи судьбы. А за свою излишнюю разговорчивость я сегодня стану молиться Господу и просить прощения.

- Батюшка Тимофей, я сегодня тоже буду молиться за вас и за себя, чтобы Господь простил меня за мои грехи вольные и невольные.

– Спаси тебя Господи, дитя моё. Вот я тебе на память привёз иконочку Богородицы. Она будет тебе помогать идти по правильному пути и охранять тебя. Ведь ты родилась в тот день, когда Пресвятой Деве Архангел Гавриил сообщил весть о том, что Она будет Богородицей. И ты в этот Благовестный день появилась на свет. Следовательно, Леночка, ты должна нести добрые вести людям и помогать им. И вот ещё я подарю тебе иконочку, на которой изображён твой Ангел. А крестик, который я повесил тебе на шею, ты не снимай. Он тебя будет охранять от всякой скверны.

– Хорошо, батюшка Тимофей, спаси вас Господи. Я безмерно вам признательна и благодарна за то, что вы столько доброго и чистого сделали для меня и моей семьи, родных и близких.

И Елена расцеловала батюшку по-родственному, по-христиански и вновь расплакалась.

– Леночка, ты почему опять плачешь?

– Батюшка Тимофей, так что-то душа защемила, стало тоскливо и одиноко, и слёзы сами полились.

– Вот уж какая ты, Леночка, тонкослёзая. Воспитывал, воспитывал тебя столько времени, чтобы ты крепила силу духа, а ты опять, как ребёнок, плачешь. Ты смотри, о нашем с тобой разговоре никто не должен знать. А то я и так уже много нагрешил, раб ничтожный.

– Это вы-то грешный, батюшка Тимофей? Это вы-то ничтожный? Нет, вы сильный, хороший, богатейший своею милостью, любвиобилием к Господу и Владычице, вы не грешный. Если вы грешный, то мы все тогда какие?

– Все мы, Леночка, грешные, и я в том числе. И когда ты станешь свои стихи писать, то не возноси себя, не заблей манией величия. Помни, что ты грешница. И не бойся писать об этом. А Господь тебя по делам оценит. Ты должна много работать. Тебя Творец допустил до Библии. И ты будешь касаться великой Её глубины и поведствовать об этом народу, и идти по апостольскому пути. Смотри, не сорвись, впереди тебя ждут испытания...

И отец Тимофей посмотрел на неё продолжительным взглядом, затем по-христиански поцеловал её. После чего

сказал:

– Но, Леночка, нам пора уже открывать двери. Три часа уже прошли. Дмитрий Васильевич с женой, Любушка и Тамара ждут с нетерпением.

И батюшка Тимофей открыл дверь. Ожидавшие вошли, и не было предела их восхищению, когда они увидели улыбающуюся Елену. Она бросилась на шею сестре Тамаре со словами:

– Томочка, спаси тебя Господи, моя любимая сестрица, за всё, что ты сделал для меня и моей семьи. И вам, Фаиночка, Дмитрий Васильевич, спасибо и низкий поклон. И тебе, моя дорогая Любушка, я очень признательна.

И Леночка, улыбаясь, целовала всех с великим волнением и радостью. А они не могли поверить своим глазам: их Леночка ещё три часа назад лежала без сознания, а сейчас вдруг щебетала, словно это было не с ней. Больше всех такому быстрому выздоровлению был поражён Дмитрий Васильевич. Он не удержался и спросил:

– Батюшка Тимофей, что же вы такое сделали с Леной, что она так быстро выздоровела?

– Ничего особенного, Дмитрий Васильевич. Разве только то, что с вами молился. И мы все сообща выпросили у Господа для Леночки здоровья. Он же по Своему милосердию ниспослал ей здравие. Вот теперь Леночка и щебечет как птичка.

А Елена, пребывая в восторженном состоянии, обращалась то к одному, то к другому с накопившимися вопросами:

– Томочка, где же мои дети?

– Они все живут в Донецке.

– У кого и с кем?

– Ленусенька, Игорёк и Сашенька живут в собственной трёхкомнатной квартире. Мы вашу московскую квартиру обменяли на квартиру дочери Анатолия Валентиновича Ямщикова в Донецке. Теперь Люда живёт в Москве, а мы в Донецке. Квартира, Лена, шикарная. И хорошо, что в Донецке, а то ведь всё равно после освобождения тебе нельзя жить в Москве пять лет. Дети несовершеннолетние, поэтому квартира могла пропасть.

Вот мы все сообщаем и решили сделать такой обмен.

– Какие же вы молодцы. Спасибо большое. А как же дети там сами живут?

– За ними присматривает нянечка Кира Ивановна. Она с ними и живёт. А я там ночую через день. Мы тоже уже переехали жить в Донецк. Квартиру нам дали хорошую. Леночка, я оформила опеку над твоими детьми, пока ты здесь.

– Как же это здорово! Какая же ты молодец!

– Если кто и молодец, то это Тина, Любушка, Семён, Михаил и наши дети. Они трудились все дни и ночи напролёт без отдыха. И мы чудом успели всё сделать: обменять квартиры и оформить опеку. Без помощи Тины я бы не решила все эти проблемы. Я также очень благодарна Дмитрию Васильевичу и Григорию Николаевичу, без их содействия у меня бы ничего не получилось.

Улыбаясь и светясь радостью, Елена, обращаясь к Тамаре, весело сказала:

– Ну что, сестричка, с тебя теперь причитается. Надо не позднее, чем на этой неделе собрать всех помощников и обмыть квартиру.

– Я с удовольствием, Леночка. Так что я и моя сестричка приглашаем всех присутствующих – батюшку Тимофея, Дмитрия Васильевича, Фаиночку, Любушку – на новоселье, которое состоится в воскресенье. Я сейчас, пока вы здесь разговариваете, зайду к начальнику колонии Григорию Николаевичу и приглашу его с женой. Не возражаете, Дмитрий Васильевич, против такого предложения?

– Нет, Тамара Васильевна, совершенно не возражаю.

– Тогда пойдёмте, Дмитрий Васильевич.

И они в приподнятом настроении пошли к начальнику колонии. Там они изложили цель своего визита. Григорий Николаевич был потрясён от услышанного. Он спросил:

– Тамара Васильевна, а можно мне пройти в палату и там хоть одним глазком посмотреть на схиархимандриата Тимофея и на Лену? То, о чём вы рассказали, просто невероятно. Мне, признаться, мало во всё это верится. Так позвольте Фоме неверующему убедиться в этом.

– Пожалуйста, Григорий Николаевич, пойдёмте.

И они быстро пошли в палату, где схиархимандрит отвечал на вопросы Фаины.

– Вот ты, Фаина, просишь меня рассказать о пятой заповеди Закона Божьего, а вот вошли новые люди, и может быть они не хотят этого слушать.

– Очень даже хотим, батюшка Тимофей, – ответил Дмитрий Васильевич.

– Ну коль хотите, то слушайте. Пятая заповедь Закона Божьего гласит: "Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, и долголетие будешь иметь на земле". Это значит, что нужно почитать родителей, любить их, не оскорблять их ни словом, ни поступками, повинаться им, помогать им в трудах, заботиться о них, когда они находятся в нужде, особенно во время болезни и старости, а также молиться за них Богу как при жизни, так и после их смерти. Грех непочитания родителей есть великий грех. В Ветхом Завете те, кто злословил отцу и матери, наказывался смертью.

– Но мы же должны так и старцев почитать? Так, батюшка Тимофей?

– Да, наряду с родителями, Дмитрий, мы должны почитать и тех, кто так или иначе заменяет нам их. К таким лицам принадлежат: пастыри и отцы духовные, заботящиеся о нас; начальники гражданские, которые заботятся о нашей мирской жизни и защищают нас от притеснений; воспитатели, учителя и благодетели, которые стараются учить нас и дать нам только доброе и полезное; и вообще старшие по возрасту, имеющие большой жизненный опыт, поэтому способные дать нам добрый совет. Грешат поэтому те, которые не уважают старших, в особенности стариков, кто с недоверием относится к их опыту, равнодушно, а иногда с насмешкой относится к их замечаниям и наставлениям, считая их людьми отсталыми, а взгляды отжившими. Ещё в Ветхом Завете Господь сказал через Моисея: "Перед лицом седого вставай и почитай лицо старца, и бойся Господа Бога твоего". Ну что, друзья, доходчиво я вам рассказал? Может быть, Тамара, мы уже домой поедем?

– Конечно же, батюшка Тимофей, едем домой. Спаси

вас Господи.

– А можно мне, батюшка Тимофей, у вас на прощание благословение взять? Я начальник колонии Григорий.

– А почему же, Григорий, нельзя? На добрые дела всегда надо стремиться получить благословение, а плохих не делать. Мне Тамара много хорошего о тебе говорила. Поэтому я тебя с большой радостью благословляю. Ты там не знаешь как с сыном поступить? Не мешай ему, пусть женится, его невеста не падшая, Настю оговорили недруги.

Григорий от удивления потерял дар речи. Он об этом никому из присутствующих и словом не обмолвился. А тут вдруг батюшка Тимофей такое сказал, словно присутствовал при его разговоре с сыном. И с великой растерянностью произнёс:

– Спасибо, батюшка Тимофей, я так и поступлю.

– Вот и славно, Григорий. А теперь дайте мне возможность попроситься с Леночкой.

Все встали и вышли за дверь. А батюшка Тимофей подошёл к Елене, обнял её и тихо сказал:

– Запомнила, Леночка, что я тебе говорил? Старайся всё выполнять. Жизнь на земле – это путь испытаний. И чем он тернистее, тем больше Господь возлюбил человека и дал ему возможность проверить его веру на прочность и глубину отношения к Нему. Поэтому, моё любимое чадо, не ропщи, пиши, неси Слово Божье, будь трудолюбивой и доброй, но строгой, люби детей своих и чужих, а я тебя на это благословляю. Молись за меня раба грешного Тимофея, не забывай обо мне. Я о тебе не забуду и стану молиться здесь, на земле, а потом на Небе.

– Батюшка Тимофей, спаси и помилуй вас Господи.

И Елена вновь в слезах припала лицом к груди батюшки Тимофея и сквозь всхлипывания прошептала:

– Я вас никогда, никогда не забуду. И буду за вас молиться. Я душой, батюшка, поняла вашу пятую заповедь.

– Да не моя эта заповедь, Леночка, а Закона Божьего.

– Простите, батюшка, я хотела сказать, сущность это Господней пятой заповеди в вашем изложении.

– Ну и хорошо, Леночка, а ты молись о своих усопших

родителях, муже, им в мире ином нужна наша молитва, они её там ждут... А теперь давай прощаться, а то нехорошо, что за дверью стоит столько людей и ждут нас.

И, расцеловав Елену по-христиански, благословил её на прощание и прошагал к выходу, закрыв за собой старенькую дверь. Ожидавшие, увидев, что схиархимандрит вышел от Елены, пошли к нему навстречу. И Григорий Николаевич, приблизившись к схиархимандриту, спросил:

– Батюшка Тимофей, а когда я буду в Москве, можно приехать к вам в Монастырь с женой и детьми покреститься, исповедоваться и причаститься?

– Можно, почему же нельзя? Вы через Любушку держите со мной связь. Она у нас часто бывает, ведь рядом с Монастырём живёт её мама.

– А мы можем тоже, Батюшка Тимофей, присоединиться со своей семьёй и приехать к вам? – спросил Дмитрий Васильевич.

– Приезжайте, только не затягивайте особо время, не позднее июля...

Он не стал им объяснять, почему не позднее июля, а они тоже постеснялись задать ему такой вопрос. Они с радостью поблагодарили батюшку, и Григорий Николаевич с Дмитрием Васильевичем разошлись по своим кабинетам, а Фаина проводила Любушку, Тамару и батюшку Тимофея до машины.

Фаина до глубины души была тронута случаем, который произошёл с Еленой. Если бы она своими глазами не видела этого, то вряд ли поверила в такое чудо. И неожиданно для себя сказала вслух: "Но факт есть факт".

– Ты что-то сказала, Фаина?

– Да я, Тамара, вслух размышляю. Уж больно я рада, что Леночка поправилась. Вот сейчас вас провожу и пойду к ней в палату, пообщаюсь, чтобы ей не было скучно.

– Нет, Фаина, ты сейчас к ней не ходи. Леночка устала от посещения, пусть она отдыхает. Ты к ней завтра приходи. Давай-ка я тебя благословлю, и ты иди домой.

– Спасибо, батюшка Тимофей, за всё доброе, что вы для нас сделали. Вы сотворили такое чудо, если бы я не присутствовала, не видела, то не поверила бы. Врачи что

только с Леночкой не делали, а она лежала как мёртвая. Муж уже на выздоровление всякую надежду потерял, и его коллеги тоже не верили, что Леночка поднимется. Вы, батюшка Тимофей, такой переворот в моей душе сделали, что я теперь готова на крыльях лететь в Церковь и молиться там нашему Творцу и Спасителю и Владычице нашей. Так на душе тепло и отрадно оттого, что вы просветили мужа моего, да так, что он к вам в Монастырь на службу просится. А раньше на эту тему и слушать ничего не хотел. Спасибо вам, батюшка Тимофей, и за сына начальника колонии. А то Григорий своему сыну не верил, а верил наговорам. У нас в семье такой разлад был.

– Ну, полно, полно, Фаина, благодарить. Давай я тебя благословлю.

И батюшка Тимофей по-христиански поцеловал Фаину. После он сел в машину, где его ждали Тамара с Любушкой, и они помахали Фаине рукой. Машина тронулась из Харькова в Донецк.

Дорога, несмотря на март, была на редкость хорошей. Они ехали спокойно и уверенно. Уже около восьми часов вечера машина подъехала к дому, где их с нетерпением ждали Ленусенька и Игорёк.

Увидев подъехавшую машину, дети подошли к ней. Открыв дверцу и подавая руку схиархимандриту, Игорьёк спросил:

– Батюшка Тимофей, что там с мамой?

– Слава Богу, всё хорошо, Игорёк. Мама вам поклон передаёт.

– Так она уже разговаривает?

– Не только разговаривает, Игорёк, но и ходит.

– Вот это здорово! Спасибо, батюшка Тимофей, за такую новость.

– Это восславление Богу, а не мне.

– И вам, и вам, батюшка Тимофей, спасибо огромное, низкий поклон, – и он встал на колени и поклонился перед схиархимандритом до земли.

– Ну полно, полно, поднимайся, Игорёк, пойдём в квартиру.

– Пойдёмте, пойдёмте, позвольте, батюшка, я за вами

поухаживаю.

- А я? Ты что это, Игорь, батюшку захватил. И я хочу батюшку обнять, поцеловать и поухаживать.

- Ой, моя же ты ненаглядная деточка. Давай-ка, Ленусенька, я тебя поцелую и благословлю на добрые дела.

- Батюшка Тимофей, это правда, что мама ходит и разговаривает?

- Правда, сушая правда, Ленусенька.

- Как же это прекрасно! Как же это здорово! Спасибо тебе, батюшка Тимофей, за такие новости! И Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! Теперь наша мамулечка здорова! Ура...Ура...

И она со всем своим детским порывом бросилась на шею батюшки Тимофея, обнимая и целуя его.

- Задушишь, Ленусенька, - улыбаясь и лаская девочку, говорил батюшка.

И они все впятером весело и шумно поднимались на второй этаж в квартиру Михайловых, где их ждали Кира Ивановна и Сашенька. Кира Ивановна стала накрывать на стол, ей помогали Тамара с Любушкой, а Ленусенька и Игорёк всё крутились возле батюшки Тимофея, расспрашивая о маме, и делились с ним своими впечатлениями.

- Дети, вы уже утомили батюшку Тимофея, мойте руки и садитесь за стол. Всё уже готово и остывает.

- Хорошо, тётя Тома, мы идём. Пойдёмте, батюшка, я за вами поухаживаю.

- Да я сам, Ленусенька, справлюсь.

- Ну я, батюшка Тимофей, хоть постоек возле вас и полотенецко для вас подержу.

- Коль так, то пойдём, моя внимательная Ленусенька.

И, наконец, все они помыли руки, немного успокоились, помолились и сели ужинать. Ужин был постный, поскольку уже шёл пасхальный пост, но довольно обильный. Суп, разлитый по тарелкам, издавал аромат жареного лука с морковкой, который был настолько аппетитным, что его хотелось поскорее съесть. А жареная картошка-фри с золотистой корочкой не уступала своим аппетитным видом супу. Лишь скромный винегрет не издавал никакого особого запаха, но был привлекателен

своей яркой окраской. Батюшка Тимофей очень любил винегрет, поэтому ел его с большим аппетитом.

Поев вдоволь, выпив чаю, все присутствующие встали, помолчились и снова начали обсуждать волнующие их вопросы.

– Томочка, мы завтра в Москву поездом едем или летим самолётом?

– Самолётом, батюшка Тимофей. Я сейчас посмотрю в билетах, какое указано время отправления. Девять часов утра, батюшка.

– Прекрасно... И отдохнуть успеем, и день впереди ждёт почти свободный, так, Любушка? Ты завтра к маме не собираешься?

– Собираюсь, батюшка Тимофей. Я звонила Семёну, он нас будет ждать в Москве в аэропорту. И мы сразу с аэропорта поедем в Монастырь. А может быть вначале заедем к маме, а потом в Монастырь?

– Нет, Любушка, я бы хотел, чтобы мы с аэропорта сразу ехали в Монастырь.

– Хорошо, батюшка Тимофей, мы так и поступим.

В разговоре они не заметили, что стрелки часов уже подбирались к двенадцати ночи. Первой это заметила Тамара и в волнении сказала:

– Время почти двенадцать. Будем ложиться спать. Вы, батюшка Тимофей, ложитесь на диване, Любушка с Ленусенькой на кровати, Игорёк на другой кровати, а я на полу лягу.

– Нет, тётя Тамара, я не мужик что ли? Я буду спать на полу, а вы на кровати ляжете отдыхать. Вы за целый день ведь так умялись.

– Хорошо, Игорёк, спасибо за внимание и уважение.

– Пожалуйста, тётя Тома. А почему не пришёл дядя Миша? Он же собирался вечером быть у нас.

– Игорёк, он звонил и сообщил, что у них на шахте авария произошла, он до сих пор там.

– Люди погибли?

– Михаил сказал, что нет, но завалом одному шахтёру привалило ноги. Его отправили в больницу. Из больницы сообщили, что в нескольких местах есть переломы.

– Но ходить же он будет?

– Врачи сказали, что будет... Иди уже, Игорёк, спать...

И через некоторое время в квартире Михайловых наступил покой, он укрыл всех умиротворением и отдыхом в преддверии грядущего утра, которое обязательно снова перерастёт в новый день со своими проблемами и заботами.

Вот и наступило это утро. Первой проснулась Тамара. Она быстро приготовила свежий завтрак и всех накормила. Потом проводила схиархимандрита Тимофея с Любушкой в аэропорт, а сама поехала на работу. А счастливые дети пошли в школу. Они были радостные и довольные, ведь их мама говорит и ходит, значит, у неё появился смысл жизни, а кризис безумия и мук миновал.

И действительно Елена в палате пребывала окрылённая встречей со схиархимандритом Тимофеем, Тамарой и Любушкой, которых она очень любила. И именно они вернули её к жизни. Беседу с батюшкой Тимофеем она несколько раз анализировала и размышляла над её смыслом и значением. Елена была в беспамятстве на земле, а на Небе она помнит как встретилась с Иваном, увидела его радость и грусть расставания и в то же время ту веру и надежду, о которой говорил схиархимандрит. Елена вспомнила о письме, из-за которого она впала в бессознательное состояние. Письмо, конечно, было чувственное, любвиобильное, трепетное и прощальное. Но вдруг Елена подумала: "Ведь прав батюшка Тимофей, что я так жертвоприносительно ввергла себя в уныние и чуть не отдала свою душу дьяволу. Но ведь фактически я уже отдала, если бы не батюшка, не его молитва, не милость Божья, то вряд ли бы мне ощутить дыхание этой жизни, где живут мои дети и мой маленький Сашенька. А я ведь добровольно хотела уйти из этой жизни, скользя по волнам сладострастия и уныния одиночества. Ну какая же я одинокая, если у меня есть Ленусенька, Игорёк и Сашенька? Им я необходима, потому что они ещё дети, потому что они любят меня и нуждаются во мне, как в своей матери. Прости меня, Господи! Прости меня, Владычица! И восславие Вам за дар, который я через батюшку Тимофея, Тамару и своих верных друзей получила от Вас. Я буду стараться делать то, о чём мне говорил схиархи-

мандрит. Мне очень стыдно, что я себя возлюбила и ради собственного эгоизма повергла себя в такое состояние. Помогите мне, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородица, обрести крепкую силу Духа, более глубокую Веру и более сильную Любовь к Вам. Ниспослите мне смирение, терпение, кротость и строгость в тех ситуациях, когда нужно творить благочестивые и добрые дела, те дела, которые согреют человеческие души и отстранят дьявольское наваждение. Услышь меня, Господи, грешницу! Не отвергни лица моего, Отче! Взываю Тебя всем сердцем своим, всей душой своею, всей крепостью духа своего, всем разумением своим. Ниспосли мне, рабе грешной Елене, прощения..."

Но вдруг ход её мыслей нарушил стук в дверь. В палату вошёл Дмитрий Васильевич.

– Как, Леночка, вы себя чувствуете? Как настроение?

– Чувствую себя, Дмитрий Васильевич, хорошо и настроение прекрасное.

– А я вот, Леночка, всё думаю о нашей беседе и о встрече со схиархимандритом Тимофеем. Ты знаешь, Леночка, я внутренне изменился после этой встречи, я стал совершенно другим. Я стал верующим, поверил, что есть Бог, и Он творит чудеса. Разве это не диво? На глазах моих после молитв, обращённых к Господу, твоё безнадёжное тело вдруг оживает. И ты становишься абсолютно здоровой и адекватной. Я бы не поверил, но это всё происходило на моих глазах! Я верю, Леночка, что батюшка Тимофей прозорливый человек. Знаешь, Елена, в Бога поверил и Григорий Николаевич, а ведь он был убеждённым атеистом. Его жена верующая, сколько раз ему рассказывала о Боге, о Богородице, а он посмеивался над ней, говорил, что всё это сказки. А теперь всё спрашивает, когда же мы поедем в Монастырь к батюшке Тимофею. Я и не знаю, что ему ответить. Леночка, а почему схиархимандрит сказал, чтобы мы приехали не позднее июля.

– Вы же сами, Дмитрий Васильевич, сказали, что батюшка Тимофей прозорливый.

– Да, сказал и верю в это.

– Тогда, во-первых, как я могу предположить, он бу-

дет в длительном отъезде, а, во-вторых, видимо, знает, что ему предстоит отойти в мир иной. Он в беседе со мной намекал мне на это.

- Так что же батюшка знает, когда он умрёт?!

- Да, Дмитрий Васильевич, знает. Но бывает, что этот срок может отодвинуться, если прихожане и родственники просят и молятся об этом. И такие, как схиархимандрит, знают об этом.

- Тогда, Леночка, мы все вместе поедem где-то в мае.

- Хорошее время года, тепло уже будет. Жаль, что я с вами не поеду. Мне тоже хотелось бы побывать в Монастыре.

- А может уговорим Григория Николаевича, и он что-нибудь придумает?

- Нет, Дмитрий Васильевич, я не стану подставлять Григория Николаевича. Это очень далёкий путь, как бы чего плохого не вышло.

- Ну, Леночка, поживём, увидим. Пока не будем ничего конкретного решать. Тут твоя боевая дружина меня совсем замучила, хотят тебя навестить.

- Так вы, Дмитрий Васильевич, разрешите им прийти, ведь я уже себя неплохо чувствую.

- Опять ты, Леночка, стихи им читать будешь, а мне всё никак не хочешь.

- В следующий раз непременно вам прочитаю. А сегодня я и подругам читать не стану.

- Почему? Настроения нет или плохо себя чувствуешь?

- Да нет, и настроение хорошее, и чувствую я себя прекрасно, а нет творческого вдохновения. Я ведь пережила что-то такое необычное, необъяснимое. Необходимо время, чтобы всё встало на свои места, и у меня бы была возможность осмыслить всей душой произошедшее. Стихи требуют глубины, они должны вызреть, чтобы родиться, поэтому сейчас я и не хочу насиловать душу.

- Ой, Леночка, что-то ты такое философское наговорила, что я ничего не понял. Одно только понял, что ты стихи в ближайшее время писать не собираешься. Так ведь?

- Почти так. Напишу, Дмитрий Васильевич, тогда,

когда душа распахнётся, осмыслит те события, которые её питают, понесётся по лабиринтам неведомых дорог, освещая зовом полыхающего сердца.

– Лена, а ты и в прозе вон как красиво говоришь, слушал бы и слушал тебя. Да идти надо. Спасибо тебе за внимание. До свидания.

– До свидания, Дмитрий Васильевич. Когда вы уже меня выпишите?

– Если дело так пойдёт, то, наверное, где-то через неделю, а там посмотрим. Как ты говоришь: "Загад не бывает богат". Но я пошёл, Елена Васильевна.

– До свидания, Дмитрий Васильевич, спасибо за внимание.

Проводив врача, Елена вновь погрузилась в свои мысли. Ей почему-то вспомнилось родное село, дом, в котором она родилась и жила до отроческого возраста, колодец, из которого она носила воду в двух вёдрах на коромысле, их огород, где в основном росли лук, морковь, капуста и огурцы, и пазымо в двадцать пять соток, засаженное картошкой, которую они с Тamarой окучивали. И Елена подумала: "Как же сейчас ты поживаешь, моё сёлушко? Каким ты стало? Уж столько времени много прошло, а ты меня зовёшь. И мне очень хочется там побывать, походить по тем местам, где прошло босоное детство, повстречать лучистое солнце и искупаться в пахнущем раздолье". И вдруг помимо её воли из души полились слова памяти детства:

***Я с детством встретила лучистым,
В котором трепетность жила,
Ромашкой нежной и пушистой,
Что лаской в сердце проросла.***

***И мятой, пахнущей раздольем,
Фиалкой нежной у ворот,
Дышащей радостным Поволжьем,
Стелжущей дымкой в небосвод.***

***И утром, вытканым рассветом,
Входящим зорькой за бугром,
И греющим роскошным летом,
Царившим над моим селом.***

*Оно меня с зарёй будило,
Росой спешило умыть,
Краюху хлеба всё дарило,
Учило на земле стоять.*

*И чувствовать дыханье доли,
Что бьётся в острие труда,
И до сердечной жжёт всё боли,
Познав в чём суть и красота...*

*Ту красоту я распознала,
Рассвет села с собой взяла,
И с ним по жизни пошлагала,
И память детства понесла...*

Вероятно, так оно и есть: то, что связано с детством, оставляет в памяти самый глубокий след. И каким бы оно не было тяжёлым, детство умиляет своей наивностью, бескорыстием и надеждой. А особенно, если детство проходило среди раздолья природы, среди ромашек и берёз, росистого лета и встающего из-за бугра солнца. Эта красота впитывается с молоком матери и идёт по всей жизни вместе с памятью детства.

И вдруг Елена вздрогнула, поток её воспоминаний нарушил голос Степаниды:

– Леночка, ну что это такое? Мы к тебе стучимся в дверь, а ты не отзываешься и не открываешь нам. Мы так испугались, не случилось ли чего? И поэтому зашли к тебе без разрешения.

– Проходите, боевая дружина! Я за вами, мои подружки, очень соскучилась и так жду вас. А это вот задумалась немного. Село вспомнила и проведённое в нём детство.

– А ты разве из села, Леночка?

– Да, я родилась на Волге.

– Что-то ты на деревенскую не похожа.

– Так я, Виктория, ещё в пятнадцать лет из села уехала.

– Ну о деревне мы потом поговорим. Тут уже разные слухи ходят. Говорили, что ты очень больна, поэтому нас к тебе не пускали. Так что с тобой случилось, Леночка?

Как твоё драгоценное здоровье?

– Ничего, подружки, слава Богу, хорошо.

– Елена, ты нас не обманываешь? А по зоне ходят слухи, что ты умирала. Приехал какой-то врач, светило, и он тебя от явной смерти спас. Это так?

– Да нет, Степанида, всё нормально.

– Ну как нет? Вся зона гудит, а ты не признаёшься.

– Девчонки, давайте договоримся: обо всём, что со мной произошло, я расскажу вам тогда, когда это будет возможно.

– А когда эта возможность наступит?

– Это, подружки, не от меня зависит. Ну примерно года через два-три.

– Леночка, да мы же умрём от любопытства.

– Девочки, не мучайте меня. Я всё равно вам ничего не скажу, ведь я жива, а это главное.

– Елена, ты нам подруга или нет? Почему ты нам не признаёшься?

– Я вам, девчонки, подруга. И очень благодарна вам за всё. Вы очень много сделали для меня хорошего, но я дала обет молчания. Я обещаю вам всё рассказать со всеми подробностями, но позже. Согласны?

– Согласны, куда же нам деваться, коль ты не говоришь? Поговори тогда с нами, Леночка, о молитвах. И скажи, какие бывают молитвы.

– Есть, Степанида, молитвы хвалебные и благодарственные. Они читаются, когда мы и наши близкие здоровы и благополучны. Если мы одеты, обуты и сыты, то в наших молитвах мы должны благодарить и прославлять Господа. Есть ещё просительные и покаянные молитвы. Просительные молитвы читаются, если с нами или с нашими родными и близкими случится несчастье, болезнь, беда или нужда. Тогда мы должны просить у Бога помощи. Что же касается покаянных молитв, то они произносятся в том случае, если мы совершили плохое дело, то есть согрешили или провинились перед Господом. В этом случае мы должны просить у Бога прощения и каяться. Учítывая, что мы изначально грешны перед Господом, мы всегда, прежде, чем просить у Бога о чём-нибудь, должны покаяться. А уже потом просить

Господа о наших нуждах. Следовательно, покаянная молитва должна всегда предварять просительную молитву.

- Леночка, а как же Господь слышит нашу молитву? И как мы должны вести себя во время молитвы?

- Дуняша, во время молитвы ум свой мы должны направлять так, чтобы он ни о чём постороннем не думал, и чтобы сердце наше желало лишь одного: как можно лучше помолиться и угодить Богу. Если же мы будем молиться спешно, во время молитв будем разговаривать или смеяться, то тогда наша молитва будет не угодна Богу, такую молитву Господь слушать не станет и даже может наказать нас. Для прилежной и усиленной молитвы и доброй благочестивой жизни установлены посты.

- Елена, а что следует понимать под постом?

- Пост, Людмила, это такие дни, когда мы должны больше думать о Господе, о своих грехах перед Ним, больше молиться, каяться, не раздражаться, никого не обижать, а, наоборот, всем помогать, читать Библию, духовные книги. А чтобы легче было всё это выполнять, надо, прежде всего, меньше есть и совсем не есть скоромную пищу, а только постную.

- А что значит скоромная пища и постная?

- К скоромной пище относятся мясо, яйца, молоко, а к постной – хлеб, овощи, фрукты, то есть растительная пища.

- А как же нам быть, Лена, если мы захотим попить, нам же пищу разную дают? Если мы её не станем кушать, то мы ведь не сможем работать.

- Виктория, во-первых, мы здесь с вами люди подневольные, потому мы должны есть то, что нам дают. А, во-вторых, здесь пища почти всегда постная.

- Скажи, Лена, а где можно молиться Господу?

- Молиться, подружки, можно везде, потому что Бог находится везде. Господь наш присутствует и в доме, и в Церкви, и в Храме, и в Монастыре, и в пути, и даже здесь в данный момент находится с нами Господь.

- А как часто люди должны молиться?

- Христиане, Степанида, должны молиться ежедневно утром и вечером, перед и после вкушения пищи, перед

началом и по окончании всякого дела.

– А если я захочу перед обедом помолиться, то как же я смогу это сделать? Ведь когда я начну молиться, подумают, что я сумасшедшая. А ты, Лена, почему не молишься?

– Молюсь я, Дуняша, только мысленно, то есть про себя. Так и ты можешь молиться и утром, и вечером, и перед вкушением пищи, и по окончании всякого дела.

– И мы тогда, подруги, так давайте молиться. Ты только научи нас, Леночка, какие молитвы нужно читать, а то мы их так мало знаем.

– Научу, подруги, научу.

– А когда же нам можно будет к тебе прийти?

– Приходите, девчонки, хоть завтра. Тогда и поучим молитвы.

– Спасибо, Леночка, за просвещение, мы непременно придём. А сейчас, пожалуйста, Леночка, почитай нам стихи на эту тему... У тебя же есть такие, так ведь?

– Есть, подруги.. И их у меня много: и хвалебных, и благодарственных, и просительных, и покаянных.

– Почитай все, Леночка.

– Нет, подруги, всё читать вам не буду. Мы же условились, что я завтра почитаю.

– Лена, ну хоть два стихотворения прочти, и мы тогда уйдём. Так от тебя не хочется уходить. С тобой так тепло на душе и так уютно. Слушала б тебя и слушала бесконечно.

– Ой, хитруля ж ты, Степанида. Хорошо, прочту я вам два стихотворения, одно из них просительное, а другое покаянное. Начну с просительного:

***Господь, прости души терзанья,
Возлей улады тишину,
Где лучезарное сиянье
Лелеет счастья глубину.***

***Оно ведь душу согревает,
Возванье Неба жаждет грудь,
И на Тебя Бог уповает,
К Тебе торить и славить путь.***

*Да часто в гуще пропадает
Греховности глухих дорог
И от Тебя путь отдаляет,
Прости и помоги нам, Бог...*

*Чтоб только были мы с Тобю
И не терзались о пустом,
К Тебе б тропа была родною,
Лишь Твой взывался нам бы Дом.*

*Мы так истратились в исканьях
Судьбы без правды и Тебя,
Душа исплакалась в терзаньях,
И мы живем, себя губя.*

*Ты помоги нам, Боже Власти,
Путь лихоманный одолеть,
И смыть с души греховность страсти,
Чтоб чистотой к Тебе звенеть...*

– Да, Леночка, действительно, я так истратилась в терзаниях, в грехах, а хочется к Господу звенеть чистотой и славить Господа Бога всем своим существом, да только грехи не пускают. Я такая большая грешница, Леночка, но душа моя после твоих пояснений и стихов словно развернулась на сто восемьдесят градусов и смягчилась. Мне не хочется делать людям зла и я раскаиваюсь в том, что причиняла невинным людям боль и приносила несчастья.

– Да и я грешница, Дуняша. Я тоже на своём жизненном пути много грешила. По этому поводу за свои прегрешения я прошу у Господа не отвратить мой лик греховный и дать мне возможность славить Бога и укрепить душой. И вот с такими словами я обращаюсь к Господу:

*Хочу Тебя всем сердцем славить,
Всей искромётностью своей,
А леность в бездне всю оставить,
Чтобы душа была светлей.*

*Да слабость духа не пускает,
И беззаконность жжёт мой путь,*

*Лукавство, Боже, угнетает,
Зло не даёт к Тебе прильнуть.*

*Бог, укрепи меня судьбою,
Твоею щедростью омой,
Сбрось согрешение бывшее,
Дай оправдаться пред Тобой.*

*Твоей молитвою благою,
Вдыхая суть её душой,
Возрадуй глубиной святою,
Уста отверзи чистотой.*

*Не отверти мой лик греховный,
Бог, укрепи Твой дух во мне,
Воздай мне путь, любовью полный,
Тебя чтоб славить в вышине.*

- Леночка, какой искромётный, всеобъемлющий и прекрасный стих! Он будто бы для меня написан.

- Не только, Виктория, для тебя, но и для меня. Ты же сама говоришь "всеобъемлющий", значит, он и в меня проник, раскрыл мою душу, и мне тоже хочется покаяться перед Господом.

- Не возражаю, Степанида. Эти стихи действительно нам всем глубоко запали в души. И каждому кажется, что этот стих – его зов, его суть и живёт именно в нём. Это говорит о том, что Лена – талантливый поэт, который умеет так ярко раскрыть смысл и достучаться до нашего сознания.

- Леночка, а давай, эти два стихотворения мы сейчас быстренько запишем.

- Мы обязательно запишем, Степанида, но только не сегодня. Мы же с вами договорились, что завтра встретимся. А договор, Степанида, дороже денег. Да мы уже давно с вами общаемся, пора и вам отдохнуть, и я уже утомилась.

- И правда, пойдёмте уже, а то мы Елену своими расспросами замучили. Лена права, а то завтра ждёт нас рабочий день. Всё... Всё... Пойдёмте, пойдёмте, подруги. До завтра, Леночка, до свидания.

- До свидания, девочки, и спасибо вам большое за то,

что навестили.

– Это тебе, Леночка, спасибо и за стихи, и за свои разъяснения, и за твою прекрасную душу.

– До свидания...

И подружки, довольные и умилённые познаниями, пошли в свой холодный и сумрачный барак.

А Михайлова стала думать о Сашеньке, Ленусеньке, Игорёчке и Тамаре: "Какая у меня замечательная, добрая и сердечная сестра. Как же она мне помогла. Если бы не Тома, то я бы наверняка не выдержала все тяготы этой жизни. Ведь она смогла сделать невероятное за такой короткий срок: и квартиру обменять, и похороны организовать, и оформить опеку над детьми, и привезти схимандрита ко мне".

И Елена незаметно для себя встала на колени и стала молиться:

– Господи, прошу тебя, помоги моей сестрице Тамаре за её такое доброе, благочестивое и участливое отношение ко мне и моим детям, и дай ей здоровья на многие лета. Укрой Тому благополучием, Твоей милостью и благодарностью. А я для тебя, Господи, буду очень стараться служить верой и правдой, торить к Тебе, Господи, путь, какой бы он ни был тернистый. Я готова быть искренней, вести просветительский образ жизни, просвещать народ Верой к тебе, доносить Твоё Библейское писание до сознания людей, писать о Тебе, Господи, восславные молитвы, гимны, псалмы, раскрывать и разъяснять Твоё учение, о Тебе, Господи, писать поэмы, а также о нашей Богородице и о Твоих учениках, о сподвижниках и святых. Ниспошли мне, Отче, здоровья, терпения и воздай умения, чтобы могла я ярко, сочно, трепетно и безгреховно освещать Твои Тропы Творения, отражая в них Твоё Величие. Отче наш, Сыне Божий, Дух Святой, прости меня за грехи вольные и невольные и помоги мне осуществить намеченные пути и являть достижения в намеченных целях. Не допусти, Господи, творить мне в жизни неблагословенных Тобою дел. Помоги мне, Всевышний, растить в себе добро и дарить его людям. Защити меня, Творец, от злодеяний. Возлей, Владыко, мне молитвенных глубоких и постоянных стараний, которые бы освещали

Твой путь восславием и величием. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу за дар, ниспосланный мне великой грешнице Елене, за осмысление сути моей жизни, за явление благодати, оказанной схиархимандритом Тимофеем по Твоей, Господи, великой милости. Помоги мне, Господи, пронести по жизни эту память добра, чтобы я не забыла людей и того тёплого отношения, которое они сумели дать, чтобы облегчить мой путь. И помоги отвечать людям добром, а не копить в себе зло, корысть, сребролюбие и зависть. И огради, Господи, моих детей от зла, лиха, болезни и недобрых людей, а то они остались сами без отца и матери. Прошу тебя, Владыко, помоги, чтобы дети мои выросли милосердными, трудолюбивыми, добрыми и отзывчивыми, чтобы со старанием торили бы к Тебе, Господи, тропу спасения. Укрепи их, Всемилостивый Боже, от искушений. Возлей им здравия на многие лета. Избавь их от несчастий, терзаний, чтобы они не творили неугодных недобрых дел, а взрастили бы в себе открытость, понимание и бескорыстие.

Елена долго, до глубокой ночи молилась, прося у Господа прощения за совершённые греховные поступки. И она молила о Божьей милости, защите и укреплении силы духа, чтобы пройти распахнувшийся перед ней путь испытаний.

Охваченная зовом раскаянья, она вновь и вновь молилась не только о Тамаре, детях, но и об усопшем Иване перед иконой, подаренной схиархимандритом Тимофеем:

– Господи, прошу Тебя, услышь мои слова мольбы, направленные Тебе, Всеславный Владыко. Ты прости моему усопшему мужу Иоанну грехи вольные и невольные и даруй ему Царствие Небесное. Он был прекрасным человеком, старался делать людям добро, хорошо относился к детям, хотя они ему были неродными. Иоанн стремился быть чистым во всех отношениях. Я его очень любила и сейчас люблю. Его нельзя было не любить, мне с ним жилось радостно, счастливо и сладострастно. Прости меня и его, Господи, за сладострастие, которое переполняло нас чрезмерно и несло нам греховность. Это порочность вживалась в наши сердца чувством наслажде-

ния, где бушевала страсть и вожделение, а не определённое природой явление деторождения. Помилуй, Владыко, и вознеси усопшего Иоанна в Царствие Небесное. Прости и ему и мне эти пороки сладострастия и другие вольные и невольные грехи, которые чинились в жизни земной. Мой муж очень старался творить для людей радость и дарить им утешение, он стремился шагать по Твоей, Господи, тропочке, хотя и совершал грехи. Но он же, Господи, жил на земле, где дьяволом рассыпано так много искушений, что от них удержаться так сложно. И они независимо от нашей воли, Господи, проникают в нас, и тогда мы часто творим то, что не угодно душе. Ты прости нас, Господи, Иоанна и меня за эти, вросшие в нас, грехи и воздай мужу моему Царствие небесное. А мне помоги избавиться от них, чтобы я в чистоте могла молиться Тебе, Отче наш, и возносить Тебе, Творец, восславление. Мой муж Иоанн в прощальном письме просил молиться за него. Боже, я выполняю его волю и желание своей души, которая в глубокой скорби просит Тебя, Всесущий Боже, простить усопшего Иоанна и меня, грешницу Елену, и снять грехи вины, совершённые при различных обстоятельствах на жизненном пути. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, я буду очень стараться, чтобы стать чище, добрее и ярче нести Твоё Слово Правды. А у тебя, Отче, я прошу помощи в развитии ума, силы духа и укреплении более глубокой Веры в Тебя. Очисти меня, Господи, вдохни в меня Твою энергию и силу воли, чтобы по жизни я смогла достичь того, что Ты, Владыко, на меня возложил. А я буду стараться всем сердцем, всею душою нести свою ношу, о которой мне говорил схиархимандрит Тимофей и выполнять то, что я видела на Небе. Но без Твоей помощи, Господи, я не сумею это осилить. Прошу Тебя, Владыко, помоги мне. Услышь, Господи, просящую грешную рабу Елену и не оттолкни меня, Отче, от Себя, не закрой передо мной двери. Я слёзно взываю Тебя, Господи, ниспослать мне прощения за мои и усопшего Иоанна грехи вольные и невольные и даровать ему Царствие Невольное. И слава Отцу и Сыну и Святому Духу за творение, милосердие, спасение и за ниспосланный путь жизни.

Находясь в состоянии глубокой Веры в Господа Бога, открытости души в воззвании прощения грехов своих и усопшего Иоанна, раскаяния совершённых вольных и невольных грехов, Елена встала с колен, когда уже рассвет постучался в окно её палаты. И не успела она прилечь, как в палату вошёл врач Дмитрий Васильевич и как всегда спросил:

– Как, Леночка, состояние здоровья?

– Слава Богу, Дмитрий Васильевич, всё хорошо. Вот только за детьми очень соскучилась, я ведь их уже давно не видела.

– Ну, пока свидание с детьми не предвидится. Григорий Николаевич, учитывая, что такая ситуация сложилась у тебя в качестве исключения разрешил тебе свидание. А следующее положено согласно порядку, определённого Исправительно-трудовым кодексом. Получается, что это будет в мае. Так что, Леночка, не переживай, тогда ты и встретишься со своими детьми.

– А вы, Дмитрий Васильевич, не раздумали ехать в Монастырь?

– Да что ты, Леночка. Как тут раздумаешь? У нас дома, да и у Григория Николаевича только и разговоров, что о схииархимандрите Тимофее да о предстоящей поездке в Монастырь. Так что недельки через две-три собираемся уже ехать. Сегодня решим конкретно когда поедем, тогда я сам пойду брать билеты. Но ты, Леночка, не унывай, скоро уже пройдёт половина срока твоего наказания, и тебе станет легче. Да и цветущая весна уже на носу. Вон почки на деревьях набухли. Правда, ветер дует ещё холодный, но дыхание весны ощущается.

ГЛАВА IX

И действительно в этом году весна пришла ранняя. Бодрствовал ещё апрель, а деревья уже стремились раскрыть свои вновь родившиеся листочки, взывая к пробуждению тепла, радости и надежды на лучшее. Особенно рады наступлению весны были заключённые. Для них она несла не только радость тепла, но и вселяла надежду на скорейшее освобождение из колонии. Свобода же была

желанной для них, там ведь можно было восстановить свои права, обрести дом и семью. А на воле их ждут мужья, дети, родители, братья и сёстры, близкие им люди, по которым они скучают и с нетерпением ждут желанной встречи.

Вот и Михайлова всем сердцем и душой ждёт встречи с детьми, Тамарой и Михаилом, которые вот-вот должны подъехать. Наконец, подошёл срок для долгосрочного свидания. И ещё не стемнело на улице, как подъехала машина, за рулём которой был Михаил, а в салоне находились Тамара и дети: Сашенька, Ленусенька и Игорёк. И вот они всей ватагой счастливые зашли в комнату свиданий, где их ещё с обеда ждала Елена.

– Приехали! Ну слава Богу! А тоя уже вся извелась. Вы почему так поздно?

– Да мы, Леночка, поломались немного, – целуя сестру, ответила Тамара.

– Mamочка, я тоже помогала дяде Мише ремонтировать машину, чтобы скорее приехать к тебе, но у меня плохо получалось, Игорёк тоже помогал, – обнимая и целуя маму, щебетала Ленусенька.

– Ленусенька, отойди, дай, я маму поцелую. А то повисла, того и гляди маме шею оборвёшь.

– Скажешь тоже... Я за мамой соскучилась очень, потому и обняла так крепко. Тебе же не больно, мамулечка?

– Совсем не больно, Ленусенькка. Я тоже за всеми вами очень и очень соскучилась. Иди ко мне, мой сыночек. Как же ты вырос, такой большой стал. Я гляжу, ты уже выше дяди Миши.

– Да, мамуля, я уже сто семьдесят девять сантиметров. А дядя Миша сто семьдесят.

– Ой, ой, племянничек, обогнал дядю. Зато видишь, сколько у меня крепких мышц и жирок даже есть, а ты пока очень худенький.

– Дядя Миша, были бы кости, а мясо нарастёт.

– Видал, какой грамотный, – довольно улыбаясь и целуя Лену в щёку, ответил Михаил.

А Сашенька тихо стоял, молча на всех поглядывая, и не перебивал череду приветствий, пока сама Елена не

подхватила его на руки, целуя в щёчки:

– Сашенька, сыночек, и ты, мой мальчик, вон уже какой большой вырос! Прямо хоть в школу отправляй.

– Мне, мамочка, скоро уже три годика исполнится. Я и буквы уже знаю.

– Умница! Кто же тебя, Сашуленька, учит?

– Тётя Тома, Игорёк и Ленусенька. Я, мама, и считать уже умею. Я буду, как Игорёк и Ленусенька, на пятёрки учиться.

– Какой ты у меня, сыночек, молодец.

– Мамулечка, я букварь с собой привёз, хочу тебе почитать.

– Ну почитай, почитай, мой добросовестный ученик.

И Сашенька подбежал к сумке, достал свой букварь и стал читать оттуда разные отрывки. Елена была очень удивлена, как чётко её сын читал страничку за страничкой, слегка не выговаривая букву "р".

А пока они читали, Тамара с детьми достали всевозможные продукты, накрыли на стол и стали приглашать ужинать Елену и Сашеньку. Но Сашеньку было трудно остановить. Он с радостью продолжал читать и рассказывать стихи наизусть, продолжая сидеть у Елены на руках.

– Сашенька, хватит тебе уже читать. Я тоже за мамой очень соскучилась. И хочу посидеть возле неё и поговорить, а ты взял мамулю в плен и никому не даёшь.

– Не сердись, Ленусенька, иди, доченька, ко мне. Вот возле меня сядешь. Присаживайся здесь, моя ненаглядная.

– Мамуля, а я где сяду? Я тоже возле тебя хочу присесть.

– Присаживайся, Игорёк, тогда на моё место, – поднимаясь со стула и улыбаясь, сказала Тамара.

– Ой, сыночек, ты у меня большущий такой, а душой ещё совсем маленький, – целуя Игорёчка в голову, сказала Елена.

– Я, мамуля, совсем не маленький, но я тоже соскучился и хочу возле тебя посидеть и поговорить. Мне, мама, скоро уже шестнадцать лет. Я хочу работать у тёти Тамары в объединении дворником. А тётя Тамара гово-

рит, что этот вопрос необходимо с тобой решить, иначе она мне не позволяет работать. А я знаю, что можно в порядке исключения и с согласия профсоюза работать по достижении пятнадцати лет. Так что по закону я имею право работать. Я мужчина и не хочу сидеть на шее у тётки Тома. К тому же я старший в семье мужчина, поэтому должен заботиться о семье. Работать дворником мне совершенно не тяжело. После школы я смогу выполнять в полном объёме свою работу. И вам, тётка Тома, не будет стыдно за меня. А по дому Ленусенька уже и без меня справляется, тем более, что по хозяйству нам помогает и тётка Тамара, и Кира Ивановна. Сашеньке скоро три годика исполняется, мы его в детский сад будем водить, так ведь, тётка Тома?

– Место для Сашеньки действительно есть. Но я думаю, пусть ещё дома побудет, в садик его рановато отдавать. А то ведь болеть в садике начнёт. Так что пусть дома с Кирой Ивановной играет. Она хорошая и добрая женщина, прекрасно за Сашенькой ухаживает, да и общий язык они находят. А ты, Лена, как считаешь?

– Я согласна с тобой, Тамара. И если есть ещё такая возможность, чтобы Сашенька посидел дома, то и пусть пока садик не посещает.

– Мамуля, так что же ты молчишь насчёт работы?

– Ой, Игорёк, сложно и учиться, и работать. Но в то же время я очень рада, что у меня растёт такой ответственный, трудолюбивый и рассудительный сын. Поэтому, сыночек, я в принципе не возражаю. А Ленусенька как на это всё смотрит?

– Я, мамулечка, смотрю на это очень хорошо. Во-первых, Игорёк даёт понять, что он уже взрослый и что у нас есть дополнительная опора в его лице. А то тётка Тамара за всё платит: и за квартиру, и Кире Ивановне, и на продукты нам денег даёт. Когда же Игорёк станет работать, то у нас появится дополнительная копейка в доме. А, во-вторых, я буду ему помогать, когда справлюсь с домашней работой. Вдвоём мы быстрее там всё уберём, ведь объединение совсем близко от дома находится, поэтому я только "за", чтобы Игорёк работал.

– Ну вот, тётка Тамара, и обсудили. Теперь берёшь меня

на работу?

– Беру... Но на работе я же очень строгая и требовательная, поэтому там я не буду тебе тётёй Томой, а стану, как для всех, Тамарой Васильевной. И работа должна исполняться ежедневно и добросовестно.

– Не беспокойтесь, Тамара Васильевна. Я с этой работой справлюсь. Вам за меня не будет стыдно. Я ходил специально к дворникам, разговаривал с ними, поэтому знаю что и как делать. С какого числа вы берёте меня на работу?

– Как приедем, начнём оформляться. А здесь-то ты что перешёл на "вы" и зовёшь меня Тамарой Васильевной? Дома я тебе как была, так и остаюсь твоей любимой тётушкой, – целуя его, сказала Тамара.

– Спасибо тебе, Тамара... Какое счастье иметь в жизни такую прекрасную сестрицу.

– А мне спасибо есть или нет?

– Конечно же есть, мой дорогой Мишенька, земной тебе поклон. Вы с Тамарой для моей семьи как красное солнышко, согреваете нас, помогаете и даёте тропу спасения. Я молюсь и буду молиться за вас, за вашу доброту, заботу и милосердие.

И Елена вдруг расплакалась, подошла к Михаилу, поцеловала его по-родственному, сердечно и с благодарностью, а затем она обняла и поцеловала сестрицу, сказав:

– Господь мне послал на моём жизненном пути испытания, дал тернистую дорогу, на которой выросли горе и беда, но Всевышний ниспослал мне и радость в лице моей благочестивой и добропорядочной сестрицы Томочки, отзывчивого, порядочного и сердечного Миши и моих прекрасных, не по годам разумных, детей. Так что горе моё поделилось, и вы, близкие и самые дорогие мне люди, помогаете его нести. Спасибо вам всем большое и низкий поклон, я очень вам благодарна. Воздай вам всем, Господь, здоровья, Твоей милости и благодати за ваши добрые дела.

– И тебе, мамулечка, спасибо, что ты у нас такая славная, ласковая, терпеливая и любящая. Мы, твои дети, тебя очень любим и будем стараться радовать тебя.

- Спасибо... Спасибо... Ты, Игорёк, стал уже совсем взрослым и таким серьёзным.

- А я, мамуля, разве не серьёзная и не взрослая?

- Ленусенька, ты у меня тоже очень мыслящая, серьёзная и умненькая дочка. Я всею душой и сердцем рада, что вы все у меня такие замечательные! Это тепло, которое вы мне дарите, я постараюсь пронести по жизни и ответить взаимностью.

- Леночка, да ты и так нам всегда отвечаешь доброй взаимностью. И я очень рада видеть тебя в таком возвышенном настроении.

- А как же, Томочка, не радоваться, когда вы вот все ко мне приехали и такие хорошие новости привезли. У меня тоже неплохие новости. Скоро уже пройдёт половина срока моего наказания, и тогда мне будет положено ещё одно дополнительное долгосрочное свидание. А возможно даже, дорогие мои, я стану отбывать наказание на более льготных условиях, то есть смогу жить в колонии-поселении. Тогда мне разрешат ночевать не в колонии, а в Харькове, где можно будет снять квартиру. Обо всём этом мне говорил Григорий Николаевич, он обещал всё так и сделать месяца через полтора.

- Вот, Леночка, было бы здорово! Мы бы к тебе чаще ездили. И для тебя бы время быстрее пролетало, да и не так бы угнетало всё. И Тина бы к тебе приехала, она всё о тебе спрашивает и передаёт тебе поклоны.

- А как она там, Тамара, поживает?

- По-старому, работает адвокатом, никак не нарадуется, что ушла из КГБ. Дочка её Надя сдружилась с Игорёчком и Ленусенькой, собирается приехать на шестнадцатилетие Игорька, но может Тина ещё и не разрешит.

- А не рановато ли ей, Тома, на такие мероприятия ездить? - уединившись с сестрой, спросила Елена.

- Рановато, конечно, но Надежда - девочка строгого поведения, серьёзная, рассудительная, учится на отлично. Одним словом, она производит очень хорошее впечатление. По-моему, она влюбилась в Игорька, и он отвечает ей взаимностью.

- Сестрички, что же вы нас покинули? Сашенька, похоже, хочет спать.

– Нет, дядя Миша, я спать ещё не хочу, а хочу с Игорьком и Ленусенькой играть.

– А с мамой ты разве не хочешь поиграться?

– Хочу, но ты же, мама, с тётёй Томой занята. Я не хочу вам мешать. Вы же хотите наговориться, да?

– Ой, Сашуленька, какой же ты у меня славенький, я с вами всеми хочу наговориться и всех вас послушать. Давай, сыночек, я тебя покачаю на ручках, тебе уже спать пора.

И Елена взяла сына на руки, стала качать и петь ему колыбельную с большой нежностью и умилением. Вскоре Сашенька заснул, и она положила его на кровать. Остальным спать ещё не хотелось, они все разговаривали на разные темы, хотя время было уже позднее. Первым спохватился Михаил:

– Сестрички, а вы знаете который час?

– Неужели уже час ночи?! Ой, давайте уже будем ложиться спать.

– Чур, я с мамочкой лягу!

– А я, чур, Ленусенька, на раскладушке буду спать.

– Ложитесь, дети, кто где хочет. Слава Богу, начальник колонии Григорий Николаевич позаботился о том, чтобы всем хватило раскладушек.

Дети быстро легли, утомонились и заснули. Спал и Михаил. Только сёстры всё ещё никак не могли наговориться. И Елена шёпотом продолжала спрашивать сестру:

– Томочка, как ты с новой должностью справляешься? Успешно? Коллективом управляешь или он тобой?

– Кажется, Леночка, справляюсь. План мы выполняем, премии выдаю отличившимся сотрудникам, установила в объединении строгую дисциплину. Когда я приступила к работе, то дисциплина хромала, и план не всегда выполнялся. Двух начальников отделов пришлось уволить за нарушение трудовой дисциплины. Сама стараюсь не нарушать нормы законов. К трудолюбивым работникам отношусь внимательнее, нахожу нужные слова благодарности. Если есть возможность, то стремлюсь их поощрить разными способами: кому путёвки предлагаю, кому денежные премии выдаю. Одним сло-

вом, в объединении сейчас порядок: коллектив старается, план не только выполняется, но и перевыполняется.

– Тамара, а как дела у Михаила? Как ему работается в должности директора шахты?

– У него дела посложнее. Там и аварии случаются, но, слава Богу, пока без смертельных исходов. Михаил там днями и ночами пропадает. В этом месяце план выполнили, а раньше план на шахте не выполнялся. Миша тоже потихоньку порядок наводит. Ведь шахтёры любят тайком приносить самогон и распивать его то по случаю рождения ребёнка, то в связи с отпуском, то в связи с юбилеем. Одним словом, поводы разные находят, лишь бы выпить.

– А где и когда они этот самогон пьют?

– Лена, да это же мужики. Они могут свой самогон и в бане распивать, да и другие укромные места находят, но пьют всегда после работы. У них этот неписаный закон существует, они даже друг за другом следят. Миша начал прижимать шахтёров за употребление самогона. Он назначил ответственного, который следит за теми, кто приносит самогон и конфисковывает его у них. А шахтёры на днях устроили ему тёмную, так теперь этот работник наотрез отказался от такого поручения, и Миша озадачен как же ему теперь поступить.

– Да, Тома... Конечно, вопрос сложный. Но с распитием на шахте самогона надо наводить порядок. Миша разумный, я думаю, он досконально разберётся, найдёт того, кто приносит самогон и уволит его с работы. А само Тоша не пьёт?

– В последнее время совсем не выпивает то ли из-за того, что хлопот невпроворот, а то ли потому, что должность обязывает, не хочет потерять пост директора. Я же вижу, что эта работа ему нравится. Теперь удовлетворено его мужское самолюбие, а то ему было несколько неловко: я же давно работаю руководителем, а он раньше не имел руководящей должности. И от этого ему было не по себе. И теперь мы с ним на равных, Миша плечи расправил, нет у него уже той подавленности, которая раньше была.

– Тома, а звёздной болезнью он не заболеет? Какие

между вами отношения?

– Не знаю, Лена, но всё может быть. Пока я не замечаю каких-либо изменений в отношениях. Мне одна моя поставщица как бы ненароком обмолвилась, что Миша взял к себе в приёмную новую работницу. Но он о ней молчит, и я ничего не спрашиваю.

– Тамара, да мало ли каких работников руководитель берёт на шахту. Это же его работа, и ему необходимо обеспечивать эффективную работу шахты. А эта твоя поставщица, видать, хитроумная, она решила проверить твою реакцию, будешь ли ты ревновать. А ты как отреагировала?

– Да никак. Я, Лена, сделала вид, что не слышала.

– Вот и молодец. А в следующий раз, если будет приносить подобные новости, то осаждай её и не позволяй подчинённым разглагольствовать и доносить тебе всякие сплетни. Доносительство и панибратство между руководителем и подчинёнными недопустимо.

– Я тоже, Лена, так считаю. А вот как ты думаешь, жестокость надо к подчинённым проявлять?

– Нет, Томочка, я не сторонница такого решения вопросов. Я считаю, что жестокость вообще нельзя нигде применять, а тем более к своим подчинённым. Жесткость в работе руководителя – это, на мой взгляд, уместно, но и это качество нужно использовать не постоянно, а только там, где ставится вопрос ребром. К подчинённым, я считаю, надо относиться с душой, чувствовать их боль, помогать им, прощать их за несерьёзные проступки, то есть, Томочка, любить их и уметь защитить. Короче, я полагаю, что руководитель на предприятии должен быть строгой мамой, если это женщина, и строгим отцом, если это мужчина. Тогда на работе будет порядок, и план будет выполняться, и люди будут ходить на работу с удовольствием. Сложно именно так, Леночка, руководителем работать, ведь иной раз так выведут, что спасу нет, хочется рвать и метать, по столу стучать.

– Томочка, таким руководителем управляют распущенность, вседозволенность, невежество, надменность и отсутствие соответствующих знаний, а не те качества, которые он должен демонстрировать подчинённым, а

именно: терпение, уважение и воспитание. Мы же со своими детьми так не обращаемся? Так ведь, Томочка?

– Ну это же дети.. Мы детей любим, а к работникам мы такой любви не испытываем.

– Томочка, конечно, к детям у нас любовь ярко выражена, заложена самой природой на генетическом уровне. Но эти же качества только не через родственное поле, а через информационное в нас же живут или не находятся. А если их нет, то нечего идти в руководители. Ведь мы все страдаем, если к высокой власти пробирается человек без этих качеств, и в первую очередь страдает простой народ. При таком руководителе нет ни плана, ни слаженности, ни уюта, а есть недовольство, бедность, разгул коррупции, бандитизм и утеря мощи и стабильности государства, если такой руководитель управляет страной. Руководитель любого ранга в первую очередь должен думать о людях, об их интересах, о развитии вверенного ему участка работы, а потом уже о себе. Когда руководитель так будет строить работу, то все люди к нему потянутся и будут стараться и поскольку увидят такое отношение к себе со стороны руководителя, то, во-первых, почувствуют свой интерес, и, во-вторых, ощутят удовлетворённое чувство собственного достоинства.

– Жаль, Леночка, что Миша не слышит этого разговора, спит, наверное, крепким сном. Ему бы тоже было полезно это знать.

– Кто это вам, сестрички, сказал, что я сплю? Я с большим интересом слушаю вашу беседу. В основном я согласен с Еленой, но таких руководителей очень сложно найти. Наша власть и высшая школа не очень-то стремятся воспитывать у будущих руководителей такие качества, то ли опасаясь конкуренции, то ли по недомыслию. Тебе бы, Леночка, на эту тему написать статью и опубликовать во всесоюзном научном сборнике.

– Спасибо, Михаил, за подсказку. Я подумаю над этим. А сейчас я прошу прощения за то, что заговорила вас и не даю вам покоя. Скоро уже рассвет, а мы всё бодрствуем. Всё, я молчу, спокойной вам ночи, Миша и Томчик.

– Спокойной ночи, – в ответ сказала Тамара.

И в комнате наступила тишина. Однако Елена не смог-

ла заснуть, сон к ней не шёл. Она вдруг вспомнила о Владимире Владимировиче Сергееве, доценте, который работал над докторской диссертацией и должен был уже давно к ней прийти и дать ей задание. Михайлова подумала: "А почему он ко мне не приходит? Может, обиделся на меня? Наверное, уже защитился, и ему мой дополнительный материал не нужен. А может, он хвастун? Да не похож он вроде на хвастуна. Так много времени прошло, а он ни разу не пришёл. А может быть, он приходил, когда я болела, и ему не разрешили ко мне зайти? Кому же мне отдать исследуемый материал? Может быть, отдать его Григорию Николаевичу? Он ведь, кажется, его друг? Или пусть ещё полежит и не надо мне никого ни о чём спрашивать?"

И с этими мыслями Елена заснула. Но спать долго не пришлось, зазвенел будильник. И Михайлова потихоньку поднялась и начала готовить завтрак. Её гости сегодня утром должны уже уехать, поэтому Елена и завела будильник на такой ранний час. Она стала готовить суп-лапшу, которую очень любили Михаил и Тамара, поставила варить мясо для гуляша, который собиралась подать с гречневой кашей. И вскоре запах готовящейся еды наполнил комнату. Первой от этого аромата проснулась Тамара.

— Ой, Лена, как же у нас вкусно пахнет. Давай, я стану тебе помогать. Скажи, что делать.

— Полежи, Томочка. Я сама тут справлюсь. Всё, уже заканчиваю. Сейчас заправлю лапшу и будем завтракать. Гуляш с кашей тоже почти готов. Так что, Томочка, ещё полежи, понежься чуток. Мне делать всё равно нечего, а ты наберись силы в дорожку.

Елена подошла к Тамаре, поцеловала её с любовью, по-родственному, поправила одеяло и прошептала:

— Как же, Томочка, я тебя люблю за твою заботу о детях, ведь ты им сейчас и меня заменяешь, и отца. Очень хлопотно тебе с ними, моя дорогая сестричка, но ты в трудный час меня не покинула, а подставила свои добрые руки. Спасибо тебе, я перед тобой в неоплатном долгу. Как выберусь, Томочка, из этого лагеря, то очень-очень буду стараться во всём тебе помогать. Слава Богу,

что Господь мне послал такую сердечную, прекрасную, ангельскую сестрицу.

И Елена, нагнувшись, снова обняла и поцеловала Тamarу и вдруг расплакалась.

- Леночка, ну почему ты плачешь?

- От счастья, Томочка, от радости, от умиления, что у меня есть такая хорошая сестричка и такой прекрасный зять Миша, которые так много мне и моей семье помогают. У него доброе сердце, поэтому мама его тоже очень любила.

- Ой, Леночка, ты прямо уже захвалила нас.

- И ничего я не захвалила, так оно и есть.

- Раз ты так, сестричка Леночка, меня вознесла, то мне стыдно лежать. Надо статус доброй сестры поддерживать, тебе помогать.

- Полежи, полежи ещё, Томочка.

- Нет, не могу, Леночка. Пойду умоюсь и стану тебе помогать, а то скоро уже все остальные попросыпаются.

Вскоре проснулся Сашенька, сходил с мамой в туалет, умылся и никак не хотел спускаться с её рук.

- Mamочка, я без тебя крепко скучаю. А ты опять с нами не поедешь в Донецк, а останешься здесь?

- Да, Сашуленька, пока ещё здесь буду.

- А почему ты не хочешь ехать с нами? Живёшь за этой проволокой и за этим колючим забором.

- Я хочу, Сашенька, да меня не пускают к вам жить в Донецк.

- Почему же не пускают? Ты расскажи..

- Сашенька, сложный это вопрос, я не знаю, как тебе это объяснить, ты ещё очень маленький.

- Я не маленький, мама, а большой, поэтому говори мне всё как есть.

- Тогда, сынок, слушай. Сюда меня поместили, чтобы я немного остепенилась, лишнего не говорила, а отдохнула здесь и набралась сил.

- Похоже, мама, ты неправду говоришь. За колючим забором отдохнуть нельзя, к тому же ты здесь работаешь.

- Ой, Сашенька, ну ты уже как Ленусенька рассуждаешь. Конечно, здесь особо не отдохнёшь, но и волю на что другое не дают. Следят, чтобы мама поправилась, испра-

вилась скорее и тогда меня отсюда выпустят. Ты потерпи, Сашенька, скоро, возможно, полетче станет. А когда ты подрастёшь, то я тебе подробнее объясню. Согласен?

– Согласен. Ты только потом не забудь объяснить.

– Не забуду, Сашенька, ой, не забуду и всё тебе расскажу.

– Кто это кого не забудет? Давайте уже продолжать объяснения за столом, все садитесь и будем завтракать, – громко сказала Тамара.

– Садимся, садимся, жёнушка, пахнет вкуснотищей. Похоже, будут кормить в этом доме отлично.

– Это, Мишенька, не в этом доме будут кормить отлично, а Лена своими поварскими способностями нас будет радовать. Давай, я тебе ещё налью.

– С удовольствием, Томочка. А на второе тоже что-нибудь есть?

– На второе, Мишенька, гуляш с кашей.

– Это отлично. Надо место в желудке оставить и на гуляш с кашей. Так ведь, Ленусенька? Ты почему такая грустная? И вон лапшу плоховато ешь.

– Ленусенька, чего это ты, доченька, расплакалась? Давай, я тебя тоже на ручки возьму и вместе с Сашенькой посажу. Не плачь, моя ненаглядная, не плачь. Давай, давай покушай, а то мама старалась, а ты не кушаешь, нехорошо так, мой ангелочек.

После слов матери Ленусенька ещё больше разрыдалась, прижавшись лицом к её груди.

– Ленусенька, Ленусенька, ну почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел? Ну скажи, в чём дело?

– Мне так жалко тебя, мамулечка. Ты здесь, в этом заключении, одна и одна, живёшь в таких жутких условиях, что даже Сашенька и то заметил. Мы в Донецке все вместе, нам весело, сытно и вольно. А ты здесь питаешься баландой, никуда вас не пускают, даже нам не разрешают тебе передачи привозить и посылки отправлять. Вчера нас на проходной уж так проверяли и перепроверяли, большую часть не разрешали нам сюда взять. Только тогда разрешили всё забрать, когда тётя Тома позволила Григорию Николаевичу.

– Ну, Ленусенька, стоит ли за это так переживать? Ты

сама знаешь, к еде я отношусь равнодушно, я не сладко-ежка. Да подруги у меня здесь есть, целая боевая дружина. Они ко мне ходят на занятия, я провожу с ними беседы на духовные темы, которые они слушают с большим интересом.

– Леночка, ты здесь не очень-то лекции читай на духовные темы, а то ещё срок добавят. Будешь тогда знать. Стукачи же в наше время не перевелись.

– Я, Миша, аккуратно. Да и девчонки не болтливые. Они душой к Богу повернулись после моих бесед, стали чище, добрее, трудолюбивее. Раньше все они были такие отпетые хулиганки, никого здесь не слушали, устраивали драки с заключёнными и погромы, а сейчас ими администрация колонии не нарадуется.

– Всё равно, Леночка, я и здесь Мишу поддерживаю. Прошу тебя, будь поосторожней со своей просветительской деятельностью. Я уже так же, как и Ленусенька хочу, чтобы ты скорее вышла на свободу.

– Можно подумать, что только Ленусенька хочет, чтобы мамуля скорее домой вернулась. А мы с Сашенькой не хотим что ли? Мы тоже за мамулей до слёз скучаем и очень хотим, чтобы она поскорее покинула эти зловередные и угнетающие стены.

– Ой, сыночки мои, доченька, Томочка и Михаил, я обещаю вести себя осмотрительно, но не запрещайте мне просвещать заключённых духовно. Я перед Господом дала обещание, что буду проповедовать слово Божье и стану нести Его в народ, освещать письменно пути Господни и Его учеников, великих Святых.

– Ну, Леночка, смотри сама... Я тут не знаю, что сказать... А коль слово дала, то его надо сдержать. Дорогие мои друзья, пора нам отправляться в путь, а то мы с вами засиделись. Давай, Леночка, я тебе помогу, и мы станем собираться.

– Тётя Тома, разреши я мамочке вместо тебя помогу. Лучше я полностью сама всё уберу, а мамуля пусть с Сашуней позабавится.

– Спасибо, Ленусенька, помощница ты моя. Я счастлива, что у меня такая внимательная и заботливая дочка.

- А я разве не заботливый, мамочка?
- Заботливый, заботливый, Игорёчек. Вы оба у меня хорошие и прекрасные детки.
- Мамочка, а что я плохой?
- Да что ты, что ты, Сашенька? Не плачь! Ты у меня самый хороший, такой красавец!
- А ты меня, мамочка, любишь?
- Очень, очень люблю, Сашенька.
- Тогда я, тётя Тома, никуда не поеду, останусь здесь жить с мамой.
- Сашенька, да не разрешат ни тебе, ни мне, ни твоему братику Игорёчку, ни твоей сестрице Ленусеньке, ни дяде Мише здесь жить.
- Всем вам здесь не разрешат жить, а мне непременно разрешат. Я тут уже жил и дальше буду жить. Мамочка, скажи тёте Томе, пусть она меня не беспокоит и не сердит. А то я рассержусь и буду ругаться.
- Сынулечка, Сашенька, но тётя Тома права. Надо и тебе ехать в Донецк. Когда ты был маленький, то тебе здесь разрешали жить, а теперь ты сам говоришь, что уже большой, и тебе начальник, который управляет этим домом, не разрешит жить в нём..
- Тогда, мамочка, собирайся, поедем все вместе в Донецк.
- Меня же, Сашенька, не отпускают.
- Тебя не отпускают, мне не разрешают. Как же это, мамочка, может быть? Значит, тут начальник плохой и неправильно себя ведёт! Пойдёмте все вместе к нему, разберёмся с ним и накажем его.
- Сашенька, здесь начальник как раз хороший. Он исполняет всё, что ему приказывают.
- А что же такое плохое ему приказывают?
- Ой, сынуля, сложно в этом разобраться. Ну не сердись, мой родимый, давай будем собираться, пора уже ехать. Подрастёшь, Сашенька, тогда сам многое поймёшь.

Елена долго ещё объясняла Сашенька, чтобы он не плакал, почему его не могут здесь оставить. В конце концов всё же уговорила его ехать в Донецк. И он, успокоившись, стал собираться.

Ленусенька, Игорёк и Тамара, увидев, что Елена очень расстроена предстоящей разлукой, вели себя очень сдержанно, прятали свою скорбь в глубине сердца. Они все обнялись, расцеловались с Еленой и направились к машине.

Проводив детей и сестру с Михаилом, Елена не удержалась и дала волю слезам. Ей очень хотелось быть вместе с детьми, трудиться на свободе, а не находиться под надзором охранников. Наплакавшись, она собрала привезённые Тамарой гостинцы и понесла их в камеру. В камере раздала конфеты и другие вкусности в первую очередь больным, конечно же, не забыла и о своей боевой дружине. Они все уселись на кровати Степаниды и стали сообща лакомиться сладостями. Кроме того, каждой досталось хлеба белого и чёрного, по два кусочка мяса индюшатины и телятины и по большому куску буженины.

– Вот это царский обед.. Леночка, я первый раз в своей жизни пробую индюшатины.

– Понравилась тебе, Дуняша, эта индюшатины?

– Ещё бы не понравилась. Давненько я так вкусно не ела. Спасибо твоей сестрице. Заботливая она у тебя.. Похоже, не жадная и не корыстная, а очень милосердная.

– Тамара действительно очень заботливая и добрейшая сестра. И муж её Михаил очень щедрый и сердобольный человек.

– Лена, как дети тебя встретили?

– Уезжать не хотели, особенно Сашенька и Ленусенька. Сашенька за это время прямо таки повзрослел. Рассуждения у него взрослые. Грозился, что начальство побьёт, когда вырастет. Он так сердится, что меня отсюда не отпускают.

– И моя Лизонька ждёт меня не дожждётся. После моего письма, кажется, тоже поумнела. Пишет, что уже со своим партийным работником рассталась. Секретаря обкома партии отшила, не верит, что меня досрочно отпускают. Стала учиться ещё лучше, может, получится окончить школу с золотой или серебряной медалью.

– Хорошо вам, девки, у вас дети. А у нас с Дуняшей нет детей, никто нас не ждёт на воле.

– Степанида, у меня есть сын, но Пётр меня тоже не

ждёт. Он живёт у свекрови. После того, как я в драке убила её сына, она сделает всё, чтобы у Петруши ко мне воспитать ненависть. Петенька в этом году в школу должен идти. Но письма никто мне по этому поводу не пишет. Свекровь ни одного письма не прислала, хотя я много им писала.

– Ничего, Люда, у Бога всего много. Всё у вас, подружки, ещё изменится к лучшему: и дети будут, и любовь будет, и счастье будет. Я в этом ничуть не сомневаюсь. Вы встали на добрый путь, а добро к добру так же льнёт, как и любовь к любви, тем более, что мы с вами единая дружная семья, в которой все помогают друг другу. А сообща мы с вами и горы можем свернуть. Так ведь?

– Так-то оно так, но твои слова нужно закрепить подержкой, кровью.

– Как это, Степанида?

– А так. Я беру руку каждой из вас и делаю на ладони левой руки надрез, и мы кровью скрепляем то, что ты нам сказала, Елена. Это будет своего рода клятва для нас.

– Степанидушка, ну что ты такое придумала? Это же дикость, детство какое-то! Мы же взрослые люди, так делать нехорошо.

– Не знаю, Лена, дикость не дикость, но я так сделаю.

– Не смей, Степанида...

Но не успела Михайлова и фразу закончить, как Степанида провела острым ножом по ладони, и кровь потекла по руке, прокладывая себе путь на свободу.

– Я тоже так сделаю, – и Дуняша мгновенно полоснула по своей ладони, и из раны хлынул кровавой поток.

– Что вы делаете? Не смейте! Стыдно и нелепо так поступать! А если сухожилия порезали, тогда инвалидами станете?

– Не порезали.. Не переживай, Елена. Ничего с нами не произойдёт. Заживёт, как на собаке. Зато мы с Дуняшей нашу дружбу скрепили кровью навеки. Во всяком случае нам теперь шрам об этом будет напоминать.

– Варварство это, Степанида, а не вечная дружба. Дружба складывается совершенно из других качеств. Дружба верстается из характера человека, то есть из добра, зла, корыстолюбия, зависти, сребролюбия, жаднос-

ти, сёрдоболия, щедрости, нежности, глубины познания, воспитания и так далее. И если в человеке нет добра, а есть только зло и ненависть, то порежь ты такому человеку, Степанида, хоть и ноги, и залейся кровью, но этот человек никогда не станет другом. Человек с такими качествами непременно предаст, а руку помощи в тяжёлый час не протянет.

– И то, что вы с Дуняшей натворили, давайте забудем как страшный сон, как какой-то кошмар.

– Ты, Виктория, можешь и забыть, а мы с Дуняшей пронесём через всю жизнь. Так ведь, Дуняша?!

– Так, Степанида. Мы подобное делали с тобой ещё в детском доме, только на ноге.

И Дуняша, приподняв платье, показала шрам приблизительно в два сантиметра, который находился чуть выше колена. Такой же шрам и на том же месте красовался и у Степаниды.

– Дуняша, Степанида, да вы у нас ещё ну прямо-таки дети. И в вас эта память детства живёт и пронизывает глубоким чувством верности и преданности. И это хорошо. Эти чувства вас воспитывали и сближали на подсознании желания той ласки и внимания, которые должны давать родители по жизни. За неимением родительской любви вы воспитали в себе заботливость, веру и ответственность друг за друга. Ну если бы в вас обеих не было вложено добро и сёрдоболие, а вы бы были пронизаны злом и ненавистью, то вы бы никогда не резали в клятвенном порыве ноги. И этот кровавый ритуал Богу совершенно не угоден. Он запрещён даже Новым Заветом, поскольку бессмысленен. Вера прорастает теми качествами, о которых я уже сказала, хотя, если задуматься, то ваш поступок как-то можно оправдать, поскольку в вашем ритуале кроется воспитание силы духа. Но укрепление силы духа нам нужно проявлять не единоразово и не в причинении боли, а в воспитании в себе глубокого осмысления жизни, а также проявления добра и любви друг к другу, к природе, к народу, к животным, то есть, ко всему, что нас окружает. И не творить зла и боли ни по отношению к себе, ни по отношению к другим. Вера в Бога, вера в друга, вера в человека зиждется на фунда-

менте добра и зла. Если человек будет постоянно говорить, что он верует в Бога, любит Его, а сам ежечасно творит только зло, то разве такому человеку Господь откроет на Судный День дверь в Рай? Конечно же, нет. Ему будет уготован путь в ад. Поэтому, дорогие мои подружки, наша дружба с вами должна прорасти вглубь на почве добра и любви, а не на языческих истоках. У нас с вами есть Господь, Богочеловек, Иисус Христос. Он пришёл на землю, чтобы своим примером показать, как нужно поступать и чего делать нельзя и оставил нам кроме Старого Завета Новый Завет, которые являются Книгами Книг, и они в любой жизненной ситуации помогут принять правильные решения, в том числе и решения, касающиеся нашей дружбы.

- Леночка, спасибо тебе большое, что просветила, и извините меня за глупое решение клятвы на крови. И ты, Дуняша, меня прости за то, что я тебя подтолкнула на такой поступок. Но мне очень хочется, чтобы мы нашу веру друг в друга пронесли до конца своих дней в чистоте, искренности и доброте, чтобы никто из нашей боевой женской дружины не посмел предать, а при возможности, не лукавя, протягивал бы руку помощи и взаимопонимания, чтобы в наших сердцах, как Лена говорит, всегда бы горел свет добра, любви, верности, надежды и зашиты. Кто за это предложение, прошу голосовать!

- Ну ты, Степанида, прямо как на профсоюзном собрании.

- Не на профсоюзном, Виктория, а на собрании нашей боевой дружины.

- Если так, то я непременно, как и все, голосую "за".

И дружина полушутя, полусерьёзно приняла такое решение, в котором красной нитью проходили чистота отношений в дружине, открытость, честность и взаимопомощь.

После принятия такого решения подружки успокоились и разошлись довольные и счастливые по своим местам. Хоть утром их ждала такая же монотонная и безрадостная работа, но все они очень старались. Со стороны начальства к ним не было никаких замечаний, а даже, наоборот, за хорошее поведение и честное отношение к тру-

ду все они были отмечены почётной грамотой.

Что касается Елены, то на неё оформлялись документы на перевод в колонию-поселение, где она будет продолжать отбывать наказание. В этой колонии она будет содержаться без охраны, но под надзором. И Елена с трепетом и радостью ждала этого перевода, который должен был осуществиться через месяц.

Но сегодня Елене не здоровилось, она не могла работать, поэтому подошла к старшему мастеру Ирине Владимировне.

– Ирина Владимировна, у меня очень болит голова и меня лихорадит. Можно у вас термометр попросить, что бы померить температуру.

– На, Михайлова, пользуйся моей добротой.

Елена взяла термометр с благодарностью, поставила его под мышку, через пять минут достала.

– Ну что там, Михайлова, температура есть?

– Да, Ирина Владимировна, вот посмотрите, пожалуйста.

– Ого, да у тебя тридцать девять и пять. Иди немедленно в санчасть.

– Спасибо за термометр, Ирина Владимировна, возьмите, пожалуйста.

И Михайлова, словно пьяная, покачиваясь, побрела в медсанчасть. Врач осмотрел Елену и сразу госпитализировал. Ей сделали жаропонижающий укол, но температура не падала, а, напротив, подбиралась к сорока градусам. Срочно разыскали врача Дмитрия Васильевича.

Дмитрий Васильевич осмотрел Михайлову, выписал ей дополнительные лекарства и спросил:

– Где же это ты, Леночка, так простыла? Я подозреваю у тебя воспаление лёгких. Ситуация сложная. Сейчас тебе сделают ещё три укола, температуру надо сбить, а то сторишь до утра. А утром я непременно принесу тебе медку с маслом и малинки.

– Дмитрий Васильевич, да вы ведь когда-то мне уже приносили и мёд, и малину, и масло. Может не надо, а то разорю я вас.

– Ой, Леночка, выдумашь ещё кто знаешь что. Больше так не говори мне. А то за такие слова и Фаечка, суп-

руга моя, заругает, ведь она безумно любит тебя. А особенно после того, как мы побывали у схиархимандрита Тимофея. Батюшка так много доброго о тебе говорил. Говорил, что ты по жизни должна ещё много сделать и просил нас с Григорием Николаевичем тебя оберегать и жалеть. Так вот начальник колонии всеми правдами и неправдами выхлопотал тебе исправительно-трудовую колонию-поселение. Ему никак не разрешали, хотя уже и половину срока наказания ты отбыла, но эта 70-я статья всех настораживала. И Григорий Николаевич с трудом доказал, что ты давно стала на путь исправления, честно трудишься, выполняешь и перевыполняешь план и никакой пропагандой против советской власти не занимаешься. А тут на тебе – такую болезнь подхватила. Я вечером схожу к другу. Может быть, у него есть лекарство посылнее, чем то, что я тебе дал. Сейчас пойду позвоню. А ты лежи и принимай все таблетки, которые я тебе прописал. Поняла?

– Поняла, Дмитрий Васильевич. Спасибо вам большое за внимание и заботу. Передайте поклон и Фаине, я тоже её очень люблю и благодарна ей за всё.

– Спасибо, передам. А ты давай поправляйся.

И Дмитрий Васильевич вышел из палаты. Он приказал, чтобы возле Михайловой всю ночь находилась дежурная медсестра или нянечка, поскольку состояние у неё было критическое.

Но к утру Елене, к счастью, стало легче. И когда пришёл Дмитрий Васильевич, температура у неё была чуть выше тридцати восьми.

– Ну что, Леночка, полегчало немного, да? Вон гляжу, уже улыбаешься. Значит, кризис миновал, самое страшное уже позади. Давай я тебя осмотрю, а затем мы с тобой позавтракаем. Фаиночка вкусненького наготовила и приказала тебя этим накормить и проследить, что бы ты всё съела. Такое приказание, Леночка, мне по душе и я непременно его исполню.

– Шутите, Дмитрий Васильевич, значит, я и правда пошла на поправку.

– Какие тут шутки, Леночка, конечно, правда. Состояние здоровья, как ты любишь говорить, слава Богу, не-

плохое. Сейчас ещё укольчик сделаю. Я был у друга, взял у него лекарство, поэтому мы его и применим. После этого процесс выздоровления должен пойти быстрее. Ну так вот, подставляй своё молодое и красивое тельце, сейчас мы ему сделаем больно... Не напрягайся, Леночка... Вот так вот... Больно?..

– Чуть-чуть, Дмитрий Васильевич.

– Ну и хорошо. Ты полежи ещё немножко, а я пока приготовлю и станем завтракать. Смотри, Леночка, какие аппетитные блинчики с творожком Фаиночка приготовила. Компотика передала, но его я пока тебе не дам, зато я дам тебе чаёчку с медком, малинкой и лимончиком. А вот тебе ещё бульон с курочкой, и мне Фаечка положила курочки. Так что вставай уже, кушать будем, а лучше лежи. Я тебя, как маленькую, кормить и поить с ложечки буду.

– Дмитрий Васильевич, ну что вы, мне же стыдно так есть.

– Что тут стыдного? Что я не могу за больной поухаживать? Я же врач, это даже входит в мои обязанности.

– Но не настолько я больна, Дмитрий Васильевич, чтобы не могла подняться.

– Леночка, не упрямясь, раскрывай ротик.

– Дмитрий Васильевич, я вас умоляю.. Не ведите себя так. Я вас глубоко уважаю, но в данном случае вы ведёте себя неприлично.

– Что же по-твоему я делаю неприличного? Я имею право любимого человека покормить и за ним поухаживать. К тому же я очень соскучился по тебе. Ведь стихи ты мне обещала почитать, а сама так и не читала. Своей боевой дружине уже много раз читала, а мне до сих пор нет. Так вот буду тебя кормить с ложечки в наказание.

– Не предоставлялась такая возможность, Дмитрий Васильевич. Кроме того, я вам тоже читала.

– То, Леночка, было очень давно. Наверное, год назад. Ты после этого подругам своим много раз читала, а мне нет. Но я же ревнивый.. Ведь я тебя, Леночка, очень люблю, а ты это чувствуешь и всячески избегаешь меня.. Я тебя несколько раз вызывал на медосмотр, а ты проиг-

норировала мои вызовы. Я даже хотел пожаловаться начальнику колонии, но пожалел тебя и постеснялся своего кума. Мне кажется, что он тоже догадывается о том, что я тебя люблю.

- Вы ведь жену любите.

- Да, Леночка, люблю.. И мне казалось, что очень люблю, она прекрасная мать, отличная жена. И когда я её встретил, то земли под собой не чувствовал, она мне казалась неземной, Фаечка для меня была лучше всех на свете, а вот как встретил тебя, то как себя ни ругаю, как ни уговариваю выбросить тебя из головы и сердца, ничего не получается. И вот ты заболела, Леночка, а я безумно рад, что у меня появилась возможность видеть тебя и ухаживать за тобой. Извини, Леночка, но это так. Я вчера всю ночь не спал и сюда примчался за час до работы. Я уже обошёл всех больных, чтобы пораньше быть у тебя. Я зашёл к тебе к первой, тихонечко открыл дверь, а ты спокойно спишь. И так у меня на душе легко стало. Я понял, что тебе стало легче, и сердце забилось радостнее. Вот такие вот, Леночка, дела.

- Всё равно, Дмитрий Васильевич, давайте я буду есть сама. И вы со мной кушайте свои блинчики, а я чаёчку поплюю.

- Да нет, Леночка, начни с бульона и курочки. Это я тебе не как влюблённый, а как врач приказываю.

- Тогда я вам подчиняюсь... Ммм, вкусный бульон Фаиночка приготовила. Кулинарию хорошо постигла.

- Да Фаиночка - повар на славу, она великолепно готовит. И хозяйка она отменная, и удивительный человек.

- Чего же тогда, Дмитрий Васильевич, вам не хватает?

- Тебя, Леночка, не хватает. Я ведь и сам не знаю, ну почему же так происходит? Мне казалось, что я полюбил Фаину одну и на всю жизнь. И я, признаться, ей никогда не изменял, ни разу не посмотрел с интересом ни на одну девушку, женщину... А тут вот ты появилась. И всё пошло наперекосяк. И все мои чувства готовы сорваться и утонуть. Недаром говорят: "От тюрьмы да от сумы не зарекайся". А я бы ещё добавил: и от любви.

Когда мне говорили, что в жизни всё может случиться, и в любви тоже могут быть перемены, то я никогда не соглашался. Одному человеку я даже надерзил и назвал его параноиком, когда он мне рассказал, что любил одну девушку, хотел на ней жениться, а сам потом женился на другой по очень большой любви. А теперь выходит, что я сам параноик. Не могу в своих чувствах никак разобраться.

– Нужно время, Дмитрий Васильевич, всё может встать на свои места.

– Да ничего, Леночка, не изменится. С тех пор, как я тебя когда-то увидел, уже прошло почти три года, а мои чувства не гаснут, а разгораются всё больше и больше. Раньше я их мог скрывать, а теперь не могу. Мне стоит невероятных усилий держать их в себе, а вот сегодня не удержался, и они выпорхнули наружу. Наверное оттого, что я очень испугался за тебя. А когда я увидел, что тебе стало лучше, то мои чувства взорвались. Поняла, Елена Васильевна?

– Поняла, Дмитрий Васильевич.

– Так что же теперь, Леночка, будем делать?

– А ничего, Дмитрий Васильевич. Пусть всё идёт своим чередом.

– Как это? Я не могу, Леночка...

– Можете, Дмитрий Васильевич. Три года терпели, ничего с вами не случилось, и ещё потерпите. Тем более, что я скоро буду находиться в другом месте, и вы будете реже меня видеть.

– Тогда, Леночка, я сойду с ума.

– Не сойдёте, Дмитрий Васильевич. Вам не даст сойти с ума Фаиночка. Она вас очень любит, ценит, так заботится о вас, а вы тут расфилософствовались. Возьмите себя в руки. На любовь надо отвечать любовью. А я вас не люблю.

– Что, Леночка, совсем нисколючко?

– Люблю вас, Дмитрий Васильевич, как хорошего и внимательного врача, как доброго и сердобольного человека, но тех чувств, которые питает женщина к мужчине, у меня нет. Я очень любила своего мужа Ивана, у вас же на глазах проходила вся эта трагедия со мной пос-

ле того, как я узнала о смерти Ванкши. И если бы не схиархимандрит, то я вряд ли бы справилась с этой потерей.

– Да, Лена, я всё это помню прекрасно. Но после этого я ещё сильнее полюбил тебя. Ты стала для меня более притягательной и значимой, но в то же время ещё более недостижимой.

– Дмитрий Васильевич, давайте сменим тему разговора.

– Извини, Леночка, что я не удержался и вылил на тебя ушат своих чувств. Но я по тебе заметил, что ты о них и раньше знала, а иначе бы меня не избегала. Скажи, а когда это ты заметила и по каким признакам? Я же раньше о своей любви к тебе ничего не говорил.

– Ой, вы прямо-таки, Дмитрий Васильевич, как следователь на допросе всё расспрашиваете... Эти чувства женщины ощущают сразу. Это видно по взорам, по эмоциям, по тональности голоса и построению речи, по отношению и так далее.

– Леночка, но что же теперь мне делать с собой? Как быть? Что сказать Фаиночке?

– Я же, Дмитрий Васильевич, вам уже сказала, что делать ничего не надо. Вас любит Фаиночка, а я вас никогда не люблю. Вы же сами видите, что она очень вас любит, ценит, дорожит вами и вон как холит вас. Мне кажется, что ни одна женщина вам не сможет дать того, что даёт вам ваша жена. И от любви любви не ищут. Видимо, Фаиночка вас своей любовью излишне опекает. Вы перенасытились её чувствами и перестали их объективно воспринимать. И её всё доброе, светлое и прекрасное по отношению к вам воспринимаете как должное. И верите, что сегодня, завтра, послезавтра и во все ваши будущие года Фаина будет дарить вам своё открытое бескорыстие и поэтому решили приударить за мной, освежить свои чувства через моё восприятие, не пощадив жены. Вы хотите бросить за борт её веру в вас, её искреннюю любовь к вам, её честность и чистоту чувств, которые она дарит вам. В конце концов, вы предаёте основу источника любви к вам, из которого сами же насыщались и насыщаетесь. И от этого источника любви у вас дети, которые несут продолжение света вашего внутреннего мира,

созерцаемого только вами. В них непременно озаряется счастье вашей совместной любви, которая им будет помогать жить, верить в людей и чувствовать себя не обделёнными совместной родительской преданности, то есть того мощного стержня, на который нанизывается вся жизнь. А вы своими признаниями пытаетесь нарушить основу вашего семейного очага, где вы в определённой степени являетесь корнем, из которого произрастает мощное древо любви без червоточин с сильными побегами и прекрасными плодами чистейших отношений, предназначенных для дальнейшей человеческой жизни.

– Леночка, ну что ты меня винишь во всех этих житейских переплетениях? Разве я виноват, что поллюбил тебя?

– Я вас не виню, Дмитрий Васильевич, я просто вам говорю то, что действительно существует в нашей жизни и питает её. А то, что вы поллюбили меня, то в этом есть часть и вашей вины. Вы дали волю своим чувствам, исходя из того, что я вам выше сказала. А вы возьмите и запирайте свои чувства под замок. Вы же любили и любите Фаину, следовательно, то, что вы любите меня – это вовсе не любовь, а распушенность чувств. Вы переболеете, Дмитрий Васильевич, и всё пройдёт, поскольку это просто блажь. Как сказано у Есенина: "Кто любил, уж тот любить не сможет, кто горел, того не подожжёшь".

– Нет, Леночка, ни твой Есенин, ни ты совершенно не правы. Я любил, но тебя я поллюбил более сильной любовью. И чувства мои к тебе не горят, а пылают костром, который охватывает всего меня и весь мой путь. И тебя я никогда не разлюблю, что бы ты мне не говорила и какие бы доводы не приводила. У меня своя философия жизни, хотя я во многом с тобой согласен. И от тебя я не отступлюсь, так и знай!..

– Дмитрий Васильевич, поймите, я вас никогда не поллюблю той любовью, о которой вы мечтаете. В отличие от вас я любила и буду верна своей любви до конца своих дней. Своего мужа Ивана я никогда не забуду. Я уже говорила вам, что я дала обет перед Господом и буду стараться всеми силами его не нарушать.

– Леночка, но ведь твой муж умер. И после этого уже

прошло много времени. Жизнь ведь вносит свои коррективы, и живым надо думать о мирском. А ты такая прекрасная, нельзя так преступно зарывать твою красоту и не давать любоваться другим.

– Дмитрий Васильевич, во-первых, муж будет жить во мне вечно, во-вторых, свою красоту я не зарываю и, в-третьих, я – единое целое. Поэтому, давать, предположим, свои глаза, уши, нос, рот, губы и так далее другим я не намерена.

– Леночка, я просто неправильно выразился. Прости.. Прости меня, Леночка, что так много отобрал у тебя времени. Я пошёл, но к этому разговору мы ещё вернёмся.

Произнося последние слова то ли с грустью, то ли с угрозой Дмитрий Васильевич вышел, а в голове у него теснились мысли: "Какой же я дурак, зачем я упрашивал Григория, чтобы он ходатайствовал о переводе Елены в колонию-поселение? Она же теперь здесь не будет находиться, и я не смогу её видеть. А если бы я не просил кума, то она бы здесь осталась, и я смог бы с ней свободно встречаться. Может, попросить Гришу, чтобы он отменил своё решение, а? Но Елена уже знает о переводе в колонию-поселение, где у неё будет больше свободы. Да и кум засмеёт.. Нет, Дмитрий Васильевич, как сказала Елена, надо в себе растить силу духа, а свои чувства спрятать. А Леночка пусть отбывает наказание в более мягких условиях.. А может, как сказала Леночка, у меня любви к ней нет, а это блажь и только.. Тогда почему я не сплю ночами, а всё думаю и думаю о ней? И не месяц, не два, а уже вот четвёртый год пошёл, и чувства всё не остывают, а, наоборот, пламя любви бушует в моей груди, и вот сегодня оно взорвалось. Наверное, не надо было Леночке говорить о своей любви, а я ей обо всём рассказал.. Какой же я дурак! А может быть, как говорит Леночка, всё, что Бог не творит, всё к лучшему? Возможно, мне после сегодняшнего объяснения станет легче жить.. Съездить бы в Монастырь, облегчить бы там душу. Да там, наверное, стало уже не так уютно, ведь схиархимандрит Тимофей почил.. Как хорошо, что мы всей семьёй там побывали и во многом прозрели. Батюшка, вероятно, в Царствии Небесном находится. И заранее он ведь

знал о том, а иначе бы не сказал, чтобы мы к нему приезжали не позднее июля. Прозорливый был батюшка, это однозначно... Как жаль, что я его так поздно встретил и то благодаря Леночке. И почему Леночка, такой прекрасный человек, не встретилась мне в начале моего жизненного пути. Она, может быть, смогла бы меня полюбить, и не было бы этой шемящей боли, горечи и тоски, которая давит такой невыносимой мукой грудь. Вряд ли уже это пройдёт. Леночка – человек с большой силой воли и слово своё держать будет. А, возможно, всё ещё переменится, и я буду счастлив..."

Так по-разному рассуждал Дмитрий Васильевич, пока его не позвал другой врач Пётр Аркадьевич, чтобы он осмотрел больного и помог поставить правильный диагноз. Откликнувшись на просьбу, Дмитрий Васильевич подошёл к больному и стал его рассеянно осматривать.

– Дмитрий Васильевич, кажется, у больного менингит?

– Похоже на то, Пётр Аркадьевич. А анализы все взяли?

– Нет, сейчас направляю больного, чтобы он их сдал.

– Пётр Аркадьевич, результаты анализов мне предоставьте как можно быстрее.

– Хорошо, Дмитрий Васильевич, обязательно предоставлю. А что это вы такой грустный? Не случилось ли чего?

– Нет, Пётр Аркадьевич, не случилось, но что-то голова очень болит. Пойду таблетку выпью.

И он ушёл, но мысли о Елене и их разговоре не покидали его.

Елена тоже была встревожена произошедшей беседой между ней и Дмитрием Васильевичем. Она вспомнила всё, что ей говорил схиархимандрит, когда он был у неё, в том числе и про ту любовь, которую она должны нести по жизни. Ей стало одновременно грустно и радостно. Она понимала чувства Дмитрия Васильевича, но её чувства, как ей казалось, были совершенно спокойными, и она не могла ответить взаимностью Дмитрию Васильевичу. Размышляя об этом, Михайлова вдруг услышала стук в палату:

– Войдите... Это ты, Володенька? Здравствуй! Почему о себе так долго знать не давал?

– Здравствуй, Леночка. Я говорил о своих проблемах и Григорию Николаевичу, и Дмитрию Васильевичу. Разве они тебе ничего не сообщили?

– Нет... Наверное, Володя, они забыли мне сказать. Так где ты был? Что делал?

– Ой, Леночка, я нигде не был и мало что делал. Я где-то подцепил туберкулёз и целый год лечился, ездил в санатории, еле выкарабкался, а теперь я совершенно здоров. А ты, я пляжу, болееешь... Что с тобой?

– Ничего особенного, простыла, температура была высокая. Дмитрий Васильевич говорит, что у меня воспаление лёгких. Но сейчас мне уже лучше. Фаиночка мне через Дмитрия Васильевича хорошую домашнюю еду передаёт. А сам он очень внимательно ко мне относится, хорошо меня лечит, так что скоро болезнь окончательно меня покинет.

– Да, Фаиночку я знаю. Она – добрейшая душа, сердобольная, отзывчивая и очень порядочная женщина.

– И я, Володя, также считаю, что Дмитрию Васильевичу повезло иметь такую прекрасную жену.

– Правда, он почему-то в последнее время хмурый ходит, какой-то неласковый, так о нём говорила Фаиночка. Жаловалась, что сейчас между ними нет тех близких и милых отношений, которые раньше были. Ты не знаешь, Леночка, почему?

– Не знаю, Володя... Всякое может быть... Возможно, у него пошла такая полоса неудач... В нашей жизни всякое случается. Лучше расскажи, как твои дела в науке? Я тебе подготовила все данные, о которых ты просил. Как там твоя докторская движется?

– Признаться, Леночка, никак. А за то, что ты для меня исследования провела, большое тебе спасибо. Они мне очень необходимы, и я их намерен использовать в диссертации. Я же, Леночка, слышал, что тебя направляют в колонию-поселение. Теперь тебе легко будет учиться в юридическом институте.

– Ой, Володя, туда ещё надо поступить. Вряд ли зэчку примут. Да и сумею ли я сдать экзамены так, как надо.

– Во-первых, я уже с ректором на эту тему говорил, и он в порядке исключения пообещал принять документы. Во-вторых, в твоих знаниях я ничуть не сомневаюсь. До экзаменов остались ещё больше трёх месяцев, и ты сумеешь за это время подготовиться. Я тебе вот принёс все необходимые учебники. Прихватил также и программы. Так что, Леночка, теперь тебе болеть некогда, учить начинай. Я уже, Леночка, и о твоём месте проживания побеспокоился. Будешь жить у моего соседа. Он на днях уезжает в длительную командировку в Казахстан. Там он с казахскими учёными занимается исследованиями по космосу, так что его не будет где-то полгода, а то и больше. А за это время мы ещё что-нибудь подыщем. Ты согласна?

– Очень даже согласна, Володенька, спасибо тебе большое за помощь, за внимания. Я очень тебе признательна...

– Леночка, я слышал, что Иван умер.

– Да... Ниспошли ему, Господи, Царствие Небесное.

– Прими, Елена, мои соболезнования. Похоже, он был хорошим мужем.

– Даже очень хорошим был и мужем, и отцом, и человеком. Да вот не стало его.

– От чего же он умер? Чем болел Иван?

– Рак у него был поджелудочной железы. Сторел буквально за два месяца.

– Вот несчастье-то, Леночка. А как же дети? Мне сказали, что опеку сестра оформила над детьми, и квартирами вы поменялись. Это так?

– Да... Мне же запрещено жить в Москве в течение пяти лет после освобождения, поэтому и обменялись на Донецк. До Москвы я жила в Донецке. Я хорошо знаю этот город, там я, кстати, и в политехническом институте училась. И сестра с мужем там же живут.

– Дети давно были у тебя. За кем ты больше скучаешь?

– За всеми одинаково скучаю. Но Сашенька ведь самый маленький и в первую очередь нуждается во внимании. Замучили, наверное, они мою сестру.

– Да... Работа у твоей сестры сложная, ответственная.

Но Тамара Васильевна, как я понял, не из робкого десятка, под стать тебе, Леночка. Скоро легче будет. Они свободно смогут приезжать к тебе столько, сколько будет получаться. Так что, Леночка, не печалься. Потихоньку скоро всё наладится. Я тебе вот тут фруктов принёс. Скажи, что тебе принести в следующий раз?

– Ничего, Володя, не нужно, тут же кормят.

– Я знаю, как тут кормят, поэтому если ты не говоришь, то принесу по своему усмотрению. Кроме фруктов и соков принесу ещё молочных продуктов.

– Спасибо, Володя, не беспокойся. Тебе самому надо здоровье восстанавливать.

– Я уже, Леночка, здоров. Правда... Я чувствую себя отлично. И если будет всё хорошо, то через недельку-другую и тебя выпишут из больницы. Следовательно, будем перебираться в колонию-поселение. Так что грядут перемены к лучшему.

– Спасибо, Володя, я очень тронута твоим вниманием и заботой.

– Не стоит меня, Леночка, благодарить. Я для тебя ещё ничего не сделал. Напротив, ты вот для меня какой большой объём работы сделала. Проведённым тобой исследованиям цены нет. Так что тебе большущее спасибо. Я очень тронут твоей изобретательностью и проникаемостью.

– Ой, Володя, Володя, эта работа мне в радость была. Я вот статью по поводу аттестации работников написала, ту, о которой мы с тобой говорили. Если она представляет интерес, то ты можешь её взять.

– Интерес, я уверен, статья будет представлять, но я её себе не возьму. Мы её опубликуем под твоим авторством. Разумеется, я статью почитаю. Если там есть недостатки, то мы их устраним, и пусть люди читают. Предложения от практика будут представлять интерес для теоретиков и правоприменительной сферы. На эту тему статей очень мало. Этот институт в настоящее время фактически не исследован.

– Спасибо, Володя, тогда я её ещё подредактирую и тебе в следующий раз вместе с твоими исследованиями отдам. Хорошо?

– Очень хорошо. Я к тебе, Леночка, на этой недельке забегу и расскажу о том, какие новости накопятся.

– Буду ждать тебя, Володя.

– Спасибо, Леночка, я с удовольствием примчусь.

И действительно Владимир Владимирович Сергеев не заставил себя долго ждать. Он явился через три дня. За это время Михайлова переписала свою работу, отточив каждое слово в своей статье, и подготовила материалы для Сергеева. Когда к ней пришёл Володя, то она с большой радостью вручила ему свои труды.

Сергеев был поражён качественной стороной подготовленного материала. Он без правки направил статью в сборник "Право Украины" под авторством Михайловой, где она вскоре без изменений и в полном объёме должна быть опубликована. Володя о радостных событиях спешил сообщить Елене.

– Ты знаешь, Леночка, твоя статья будет опубликована в полном объёме. Я сегодня звонил заместителю редактора, и он мне сказал, что статья будет опубликована в следующем номере. Твоей работой редакция заинтересовалась, поэтому публикует вне очереди.

– А ты, Володя, сказал, что я заключённая.

– Сказал, Леночка, это вызвало ещё больший интерес. В наше время заключённых, которые бы писали научные статьи на юридические темы крайне мало. Леночка, тебя к выписке уже готовят?

– Дмитрий Васильевич сказал, что через пять дней меня выпишут и переведут в колонию-поселение.

– Как ты себя чувствуешь? Как там твои лёгкие? Хрипов не осталось?

– Всё хорошо, слава Богу! Здесь Дмитрий Васильевич очень внимательно к моему здоровью относится, послал меня на рентген, снимки делали. Лёгкие в отличном состоянии. Он меня здесь держит для перестраховки, переживает за меня. Я очень ему благодарна! Он прекрасный, добрый, отзывчивый врач.

– Да, Леночка, я с тобой полностью согласен. Но что-то он в последнее время не очень любезен. Я ему о тебе рассказал, какая ты умница и отличная исследовательница, так он мне на это сердито ответил: "Можешь не

докладывать. Я это и без тебя знаю". Ты ему говорила, что занимаешься наукой?

– Нет, Володя, не говорила. Ему же это будет не интересно, он же медик, а не правовед.

– Почему же, Леночка, он как-то негативно реагирует?

– Володенька, а ты сам его спроси.

– Да я спросил. А Дима так на меня крикнул, что у меня всякое желание пропало продолжать разговор на эту тему.

– Всякое настроение бывает у людей, Володя. И Дмитрий Васильевич не исключение, – уклончиво и обтекаемо ответила Михайлова, меняя тему разговора.

– Володя, исследование в полном объёме я тебе предложила или надо что-то доработать?

– Ничего не нужно больше делать. В этом исследовании материала предостаточно. Его теперь только нужно научно аргументировать, исследуя точки зрения как учёных Украины, так и всех других республик, занимающихся этой проблемой.

– А много учёных занимается этой проблемой?

– Нет, Леночка, эта тема фактически не исследована, поэтому она представляет большой интерес в науке и правоприменительной практике. Тропа в этой части науки трудового права совершенно не протоптана, так что работать есть над чем. Ну что, Леночка, я побежал.. До встречи.. Скоро уже увидимся в других условиях.

– До встречи, Володя, спасибо за всё, что ты делаешь для меня.

– Рад, Леночка, хоть чем-то тебе помочь. Ещё раз прими мои соболезнования по поводу смерти твоего мужа. Это же благодаря Ивану я познакомился с тобой. Мы с ним всю дорогу о тебе говорили. Похоже, он очень любил тебя, ведь он с таким восхищением рассказывал о тебе, как о человеке, матери, учёном, что я очень заинтересовался тобой и решил с тобой познакомиться. И теперь очень рад этому знакомству. Иван оказался прав: ты очень притягательна, Леночка, во всех отношениях. С тобой очень интересно общаться и никак от тебя не хочется уходить. Ну всё же мне надо иметь совесть и от-

правляться домой. Поэтому, Леночка, пока... Пока...

- До свидания, Владимир.

Проводив, наконец, Сергеева, Елена вновь вспомнила о своём муже, о его ласках и о своей любви к нему, об их счастливой жизни, но тут же ей припомнились слова схииерхимандрита Тимофея, где он в своей речи слегка журил её за чрезмерную любовь к Ивану. И чтобы избавиться от набежавшей тоски Елена встала с кровати и начала молиться перед иконой Казанской Богоматери, поцаренной батюшкой Тимофеем.

Помолившись, успокоившись и придя в душевное равновесие, Михайлова решила отдохнуть и обдумать рекомендации Владимира Владимировича Сергеева по поводу исследований по его теме. Но не успела Елена лечь в кровать, как в палату в полном составе ввалилась вся её боевая женская дружина во главе со Степанидой. Все по очереди они поцеловали Елену. Она ответила им взаимностью.

- Подруги, я за вами всею душой соскучилась. Ждала вас и вчера и позавчера, а вас всё нет и нет. Я прямо-таки за вами истосковалась.

- Ты знаешь, Леночка, нас к тебе Дмитрий Васильевич не пропускал. Он сказал на вахте, что если дежурная медсестра или кто-то другой нас к тебе пропустит, то он их уволит.

- Да, Леночка, Степанида говорит сущую правду. Дмитрия Васильевича словно подменили. Раньше он к нам хорошо относился, а сейчас ни на какие уговоры не поддаётся и гонит нас прочь. Так мы уже ходили к начальнику колонии и упросили его, чтобы он нам разрешил к тебе прийти.

- Виктория, а ты ещё расскажи, как мы к заму ходили и его просили, как он на нас набросился, и как ты спасла ситуацию.

- Смешно, Людмила, и комично получилось, - и вся дружина рассмеялась.

- Ты представляешь, Лена, мы пошли всей дружиной к Григорию Николаевичу, а его не оказалось в кабинете. Тогда мы пошли к его заместителю Виталию Сергеевичу. А он нам к нему зайти не разрешил. Я, открыв дверь,

говору: "Виталий Сергеевич, это вы почему не разрешаете нам к вам войти?" А он отвечает: "Потому, что вы плясать не умеете и защищать не умеете, хоть и называете себя боевой дружиной". Я поняла, что он шутит, но притворилась дуручкой и крикнула: "Это мы-то плясать не умеем?! А ну, девки, начинай". И я запела частушку:

***Ох, у зама мать, как бес,
Выбирает всё невест.
Она себе выберет,
Что ей глазки выдерет.***

А вся боевая дружина под эту частушку плясала, что аж пыль столбом стояла. Его мать действительно не разрешает ему жениться. Он ей на смотрины приводил четырёх разных невест, но все получили от ворот поворот. И в то время, как я пела частушку, а девчонки плясали, в приёмную вошёл начальник колонии. И поскольку дверь у зама была открыта, то он всё видел. После моей частушки Григорий Николаевич зашёл к заму и спросил у него: "В чём дело, Виталий Сергеевич? Что это у вас за пляски?" Он не ожидал, что войдёт Григорий Николаевич, но обманывать не стал, а сказал правду: "Да я, Григорий Николаевич, тут пошутил.. Боевая дружина просилась на приём, а я ей не разрешил, сказал, что плясать и защищать не умеете, так они ввалились в кабинет и под аккомпанемент Устрицкой стали вот выплясывать и такие кренделя выделывать. Я прямо не знал, что и делать. Спасибо, что вы зашли и выручили меня". Услышав это, Григорий Николаевич смеялся так, что хватался за живот, приговаривая: "Ну, дружина, теперь я верю, что вы и плясать, и защищать умеете. Может быть, и вас, Виталий Сергеевич, дружина должна защищать?" А зам ему ответил: "Что вы, что вы? Не надо меня защищать, Григорий Николаевич! Заберите ради Бога к себе эту дружину!". Тогда Григорий Николаевич говорит: "Ну что, дружина, в ваших услугах Виталий Сергеевич больше не нуждается. Пойдёмте в мой кабинет". Вот так вот, Лёночка, мы оказались в кабинете Григория Николаевича.

– С чем это пожаловала боевая дружина? Что это за вопросы, из-за которых вы даже в пляс пустились? – спро-

сил начальник колонии.

– Мы хотим проведать Михайлову, а Дмитрий Васильевич нам не разрешает.

– Я вам, конечно, разрешу, а то ещё и в моём кабинете пуститесь в пляс, – смеясь, сказал Григорий Николаевич.

– Тогда выдайте нам письменное разрешение, а то нам начальник санчасти не поверит.

– Поверит, поверит, Степанида.

– Так вот, Леночка, начальник позвонил в санчасть и распорядился нас пропустить к тебе. Таким образом мы отвоевали себе пропуск на встречу с тобой.

– Ой, девчонки, спасибо! Какие же вы находчивые и смелые, настоящая боевая дружина, – смеясь, говорила Михайлова.

– Ну вот, Леночка, мы заслужили, чтобы ты нам прочитала лекцию на духовную тематику.

– Конечно же, заслужили, мои дорогие подруги. На какую тему вы хотели бы послушать?

– Леночка, когда я училась в МГУ, то один наш преподаватель по атеизму пытался нам рассказать о беседе Иисуса Христа с одной самаритянкой. Но он говорил так, что мы ничего не поняли. На наши вопросы он ответить не смог. Я бы очень хотела узнать об этой беседе Иисуса Христа с самаритянкой.

– А вы, девчонки, о чём хотите послушать?

– Раз Виктория что-то такое интересное в МГУ на лекции слышала, значит, эта тема интересная и нужная, поэтому и мы хотим об этом узнать.

– А что, Лена, действительно проходила такая беседа Самого Иисуса Христа с самаритянкой?

– Да, Степанида, это было, когда Иисус Христос со своими учениками возвращался из Иудеи в Галилею. Проходили они через самаритянскую страну мимо города Сихарь. Перед городом был колодец, вырытый по преданию патриархом Иаковом. Иисус Христос устал в пути, сел отдохнуть у колодца. Время было полуденное, и ученики Его пошли в город, чтобы купить там пищи. В это время к колодцу шла женщина-самаритянка из города. Иисус Христос говорит ей: "Дай Мне пить". Эти слова

Спасителя очень удивили самаритянку. И она сказала: "Как это Ты, иудей, просишь пить у меня самаритянки? Ведь иудеи с самаритянами не общаются". Господь сказал ей: "Если бы ты знала дар Божий, то есть великую милость Творца, которую послал тебе Бог в этой встрече и кто говорит тебе : "Дай Мне пить", то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую".

- Леночка, а что следует понимать под живой водой?

- Под живой водой, Дуняша, Спаситель подразумевал Своё Божественное учение, потому что как вода спасает жаждущего человека от смерти, так и Его Божественное учение спасает человека от вечной смерти и ведёт к вечной блаженной жизни. А самаритянка подумала, что Он говорит про обыкновенную ключевую воду, которая у них называлась "живой" водой. Женщина с удивлением спросила Его: "Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодец глубок. Откуда же у Тебя вода живая? Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который выкопал нам этот колодец и сам из него пил, и дети его, и скот его?"

- И что же, Леночка, Иисус Христос, ответил ей?

- А Иисус Христос ей на это ответил согласно Закону Божьему: "Всякий, кто пьёт эту воду, возраждет опять, то есть опять захочет пить, а кто будет пить воду, которую Я дам, тот не будет жаждать вовеки, потому что вода, которую Я дам сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную".

- Лена, а самаритянка поняла значение этих слов?

- Нет, Людмила, самаритянка как раз и не поняла значения этих слов и сказала: "Господь! Дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать". Иисус Христос, желая, чтобы самаритянка поняла о чём говорит Он с ней, сначала велел ей позвать к Нему её мужа. Он сказал: "Пойди позови мужа твоего и приди сюда". А женщина Ему ответила, что она не имеет мужа. Тогда Иисус Христос сказал ей: "Правду ты говоришь, что у тебя нет мужа. Потому что у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе, это справедливо ты сообщила". Самаритянка, поражённая всеведением Спасителя, обнаружившего всю её греховную жизнь, поняла теперь, что говорит с необыкновен-

ным человеком. Она сразу же обратилась к Нему за решением данного спора между самаритянами и иудеями: "Скажи, чья вера правильнее и чья служба угоднее Богу? Господи, вижу, что ты пророк. Отцы наши поклонились на этой горе, – при этом она указала на гору Гаризине, где виднелись развалины разрушенного самаритянского храма, – а Вы говорите, что место, где должно поклоняться Богу, находится в Иерусалиме". На этот вопрос самаритянки Иисус Христос ответил следующее: "Поверь мне, наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу Небесному. Вы не знаете чему кланяетесь, а мы знаем чему кланяемся. Ибо спасение от иудеев, то есть только у иудеев была истинная вера. У них одних богослужение совершалось правильное, угодное Богу. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине. Ибо таких поклонников Отец ищет себе. Бог есть Дух невидимый и бестелесный. И поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине".

– Леночка, я почему-то не очень поняла это, ты прокомментируй это место ещё раз.

– Хорошо, Дуняша. Здесь идёт речь о том, что истинная и угодная Богу служба есть такая, когда люди поклоняются Отцу Небесному не одним только телом и внешними знаками и словами, а всем своим существом, всею душою, истинно веруя в Бога, любя и почитая Его. И своими добрыми делами и милосердием к ближним стремятся исполнять волю Божью. Услышав новое учение, самаритянка сказала тогда Иисусу Христу: "Знаю, что придёт Миссия, то есть Христос. И когда Он придёт, то возвестит нам всё и научит нас всему". Тогда Иисус Христос сказал ей: "Миссия – это Я, Который говорю с тобою". В это время вернулись ученики Спасителя и удивились, что Он разговаривает с женщиной-самаритянкой. Однако ж не один из них не спросил Иисуса Христа, о чём Он говорил с нею.

– Лена, а что же дальше? Как поступила самаритянка?

– Самаритянка же, Виктория, оставила свой водонос и спешно пошла в город. Там она стала говорить людям:

"Пойдите посмотрите Человека, Который сказал мне всё, что я сделала. Ни Он ли Христос?" И вот люди вышли из города и пошли к колодцу, где был Иисус Христос. И к Нему же подошли Его ученики, говоря Ему такие слова: "Равви, ешь". Они же принесли из города разных продуктов, пора уже давно было обедать. Но Спаситель сказал им: "У меня есть пища, которой вы не знаете". Ученики же ничего не поняли и стали разговаривать между собой, спрашивая друг друга что это за пища и кто мог дать её Иисусу Христу?

- Лена, ну что ты медлишь? Говори скорее, что им на это ответил Иисус Христос? Или ничего не ответил?

- Нетерпеливая ты, Степанида. Конечно же, Спаситель пояснил Своим ученикам вот что: "Моя пища есть творить волю Прославившего Меня Отца и совершать дело Его. Не говорите ли вы, что ещё четыре месяца и наступит жатва? А Я говорю вам: поднимите очи ваши и посмотрите на нивы, - и Господь указал им на самаритян - жителей города, которые в это время шли к Нему, - как они побелели и поспели к жатве. То есть, как эти люди желают видеть Спасителя Христа, с какой охотой готовы слушать Его и принять Его. Жнуший получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеюший, и жнуший вместе радоваться будут. Ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнёт. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились. Другие трудились, а вы вошли в их труд".

- Леночка, а что же делали самаритяне, которые были возле Иисуса Христа и слушали Его речь?

- Те самаритяне, Дуняша, что были возле Иисуса Христа и слушали Его речь и те, что раньше внимали словам самаритянки о вере Господней, многие из них уверовали в Него и просили Спасителя побыть у них. И Господь пошёл к ним и пробыл там два дня, и учил их. За это время ещё большее число самаритян уверовали в Иисуса Христа. Они потом говорили той женщине: "Уже не по твоим словам верим, а потому что сами слушали и узнали, что Он истинный Спаситель мира - Христос".

- А куда же, Леночка, делась та женщина-самаритянка?

– Из преданий известно, что самаритянка, беседовавшая с Иисусом Христом у колодца Иакова, всю последующую жизнь свою посвятила проповеди Евангелия Христового. За проповедь веры Христовой она пострадала в 66 году. Эта самаритянка была брошена мучителями в колодец. Святая Церковь празднует память её 2 апреля, а зовут её святая мученица Фотина-самаритянка*.

– Откуда, Леночка, ты всё знаешь?

– То, что я вам, Людмила, рассказывала, написано в Евангелии от Иоанна в четвёртой главе. И я же долго жила в Женском монастыре. Там очень хорошо читал проповеди схиархимандрит Тимофей. Там и Евангелия есть, и много других святых писаний. Я там в свободное от работы и от служб время читала часто запоями всю ночь напролёт.

– И ты вот, Леночка, для нас стала как та Фотина-самаритянка просветительницей и проповедницей Библии и Евангелия Христового. Спасибо тебе большое. Как же мы теперь без тебя будем жить?

– Степанида, вы уже сами poznали многое из духовного писания. И не только ты, а вся наша боевая дружина способна уже нести Слово Божье людям. Так ведь, подруги?

– Так-то оно так, Леночка, но мы без тебя здесь осиротеем, ведь мы по сравнению с тобой ещё так мало знаем, хотя я если что знаю, то непременно делюсь с другими заключёнными. Все они очень любят и хотят слушать о Господе, о Святых, о Библии.

– Вот, девчонки, и будете им рассказывать, а я постараюсь к вам приходиться. Ведь я буду жить в Харькове, так что, я надеюсь, наши встречи будут такими же частыми, и мы с вами будем продолжать общаться на духовные темы. Если я напишу что-нибудь новенькое, то вы непременно будете первыми слушателями.

– Спасибо, Леночка, а когда ты уже переедешь в колонию-поселение?

– Во вторник уже обещают всё завершить, документы почти все готовы. Вот только Дмитрий Васильевич дер-

* См. в Евангелии от Иоанна, гл. 4, 1-42.

жит и не выписывает. Говорит, что болезнь ещё о себе может напомнить, поэтому не нужно спешить с переездом.

– Не хочется ему, Леночка, тебя отпускать и всё. Любит, видно, врач тебя, Елена Васильевна.

– Девчонки, не позволяйте себе лишнего фантазировать. У него есть жена, причём прекрасный человек. И он Фаиночку очень любит.

– Леночка, да вся зона знает, как Дмитрий Васильевич по тебе сохнет.

– Ой, прямо-таки, Людмила, сохнет. Девчонки, что там в колонии заключённые говорят, это их проблемы, но вас я прошу: давайте на эту тему не говорить.

– Не говорить, так не говорить, но шило в мешке не утаишь.

– Людмила, тебе же сказали, что эта тема закрыта. Что ты себе позволяешь? – грозно сказала Степанида.

– Всё, девчонки, молчу, больше ни слова, извините.

И боевая дружина как-то вдруг сникла и стала проситься. И у Михайловой на душе стало неуютно.

Но время лечит. Наступил долгожданный вторник, и Елене выдали все необходимые документы. А начальник колонии сказал Михайловой напутственные слова:

– Ты там смотри, Елена, не нарушай режим, а то могут возникнуть неприятности, и тебя вновь придётся сюда возвращать.

– Григорий Николаевич, спасибо вам большое за ваше доброе сердце, за всё то, что вы для меня сделали, за то, что фактически по вашему ходатайству меня почти выпускают на волю. Я очень вам признательна. О вашем милосердии я буду помнить всю свою жизнь. И я, Григорий Николаевич, очень буду стараться не нарушать тех норм и правил, которые установлены в колонии-поселении, чтобы вас не подвести и скорее сбросить с себя эти оковы заключения.

– Но мы с тобой, Михайлова, ещё будем видеться. Я тоже рад за тебя, что ты почувствуешь себя комфортнее. И спасибо тебе, Леночка, за твоё духовное наставление и за то, что ты свела меня с такими прекрасными людьми, как батюшка Тимофей и игуменья Анна. Они очень на

многое открыли мне глаза и положительно повлияли на меня и на всю мою семью. Если там, Леночка, тебя кто будет обижать, то ты звони мне, не стесняйся.

– Ещё раз спасибо вам, Григорий Николаевич.

– И тебе, Леночка, спасибо.

И он пожал Михайловой руку и вышел из палаты. А через некоторое время со всеми выписками зашёл Дмитрий Васильевич.

– Ну что, Елена Васильевна, покидаете нас? Я тебе всё-таки решил сделать эти выписки. Пусть они будут у тебя на руках.

– Спасибо, Дмитрий Васильевич. Я сердечно вам благодарна. Вы сделали для меня столько доброго и хорошего. Если бы не вы, то вряд ли я была бы здорова. Вы несколько раз меня спасали от болезней. Я буду всегда помнить о ваших добрых делах.

– Хорошо, Леночка... А где ты будешь жить?

– Я ведь уже говорила вам, Дмитрий Васильевич, Владимир нашёл мне квартиру в его же доме. Хозяин этой квартиры на год уезжает в Казахстан, а я временно буду её снимать.

– А меня, Михайлова, к себе в гости пригласишь?

– Конечно, Дмитрий Васильевич, как только устроюсь, так и приглашу вас с Фаечкой. У меня же есть ваш номер телефона, я вам непременно позвоню и всё расскажу.

– Договорились, Леночка, давай вещи. А то вот уже Володя идёт. Ты не возражаешь, если я провожу тебя до машины?

– Нет, Дмитрий Васильевич, не возражаю.

– Тогда пойдём.

Он взял вещи Михайловой, и они пошли навстречу Владимиру Владимировичу Сергееву. Встретившись с ним, они поздоровались и пошли к машине. Разговор у них не клеился, поэтому все шли молча. Холодно простившись, Дмитрий Васильевич пожал Владимиру Владимировичу руку, поцеловал с грустью Елену в щёку, развернулся и пошёл назад в санчасть. А Михайлова с Сергеевым сели в машину, которая повезла Елену к новому месту жительства.

ГЛАВА X

И вот Михайлова поднимается на второй этаж пятиэтажного дома. Вместе с Сергеевым они вошли в двухкомнатную квартиру. В квартире было неуютно, ощущался запах табачного дыма, хотя Владимир и постарался, вымыл полы во всех комнатах, вытер пыль, но всё же свежести и лоска не чувствовалось.

В комнате стояла дорогая мебель, но вся в жирных пятнах, что говорило о неаккуратности хозяина. Газовая печь на кухне выглядела неухоженной, по ней была разбросана старая посуда.

Елена внимательно рассматривала квартиру. Владимир спросил:

- Ну как, Леночка, нравится квартира?

- Квартира хорошая, но нужно её отмыть. Видать, она несколько заброшена.

- Как тебе, Лена, сказать, она не заброшена, но здесь живёт холостяк, Леонид, который не уделяет квартире должного внимания. Он всё своё свободное время посвящает науке, космосу. Леонид часто бывает в разных командировках, вот и сейчас, как я уже говорил, больше года будет находиться в Казахстане. Так что теперь, Леночка, эта квартира в твоём полном распоряжении.

- А можно я первым делом в ней всё отмою?

- Леночка, что ты спрашиваешь? Конечно, можно. Если ты не возражаешь, то давай, я тебе помогу.

- Нет, Володя. Я хочу всё сделать сама. Я смотрю, тут и порошок есть, и мебель есть чем почистить. Впереди два дня в моём распоряжении. Я думаю, что сама за это время справлюсь.

- А ты, Елена, хочешь мою квартиру посмотреть? Правда, она у меня тоже не лучше, чем эта.

- Можно, Володя, посмотреть и сейчас, а можно и позже.

- Тогда, Леночка, через два дня. Раз ты хочешь эту квартиру отмыть, а я постараюсь свою. Почему-то мне стыдно стало приглашать тебя к себе, поэтому я сейчас же пойду драить свою квартиру. Леночка, вот холодильник стоит, я тебе еды наготовил, так что ты здесь не голо-

дай.

– Хорошо, Володя, спасибо... Тогда будем приниматься за работу?!

– За работу так за работу, я не против. Через сутки я к тебе приду. И если ты не справишься, то я стану тебе помогать. Договорились, Елена?

– Договорились, Владимир.

И Елена, переодевшись, первым делом начала убирать в комнатах. Она перемыла всю посуду, натёрла мебель, вымыла окна, двери, ванну, унитаз, стены, раковины, газовую печку. Елена убрала всё с балкона, почистила ковры, вытерла пыль с книг, сняла тюлевые занавески, выстирала их и развесила на балконе. И только под утро, заканчивая уборку, помыла полы.

От усталости она рухнула на пол, где уже лежал вычищенный ею ковер, и заснула. Поспала она часика два, потом встала, выпила чайку с бутербродом и стала продолжать работать.

Михайлова погладила занавески, которые уже успели высохнуть, и повесила их, навела порядок в шкафах, красиво расставила вымытую до блеска посуду.

И теперь каждая комната словно улыбалась чистотой, блеском, уютом и свежестью. В квартире чувствовался праздник, который взывал умилённостью и радушием.

И когда Сергеев вошёл в квартиру, то он был просто поражён произошедшей переменой.

– Леночка, что это ты с квартирой сделала? Я туда попал или не туда? Как ты добилась этого? Квартира стала неузнаваемая. Я свою драил, драил, но в моей квартире нет такого лоска и такой чистоты. Мне теперь стало ещё более неловко тебя к себе приглашать. Но я всё-таки пришёл по этому поводу, а то завтра ты уже пойдёшь по месту назначения. Начнётся у тебя рабочая неделя. Хотел тебя удивить своей чистой квартирой, да удивила ты меня, Леночка. Но всё равно я приглашаю тебя в гости. Ты, наверное, падаешь от усталости? У меня хоть отдохнёшь. Но всё же скажи, что ты сделала с квартирой, она так преобразилась. Я просто потрясён.. Вот что значит женщина!..

– Володенька, просто надо применить труд. Ничего

особенного я с этой квартирой не делала, а старательно мыла, чистила ее до блеска. И делала я все это не по принуждению, а с душой. Поэтому все и заиграло в квартире.

– Да, Леночка.. Так-то оно так, да немного не так. Я тоже драил, драил, а квартира мне не улыбается. Пойдем, посмотришь...

– Пойдем, товарищ Сергеев. Я же теперь могу так тебя называть? Я в квартире, а не в колонии. В колонии ты мне гражданин, а здесь товарищ. Чувствуешь разницу? Нет?.. А я вот, Володя, чувствую. И ощущаю большую разницу между этими словами после того, как я уже отсидела около четырех лет. Еще мне осталось быть в колонии-поселении больше трех лет. Это еще так много...

– Не печалься, Леночка, эти года легче будет пережить, учиться станешь, да и под конвоем теперь ходить не будешь. Я тебе сейчас покажу диссертацию. Ты не забыла взять исследования?

– Нет, не забыла.

Михайлова достала из сумки папку, в которой лежали подготовленные для Владимира Владимировича исследовательские материалы. Он с радостью их взял, и они вместе пошли в его квартиру, которая находилась напротив. Квартира Сергеева была почти такой же, как и та, в которой поселилась Елена.

– Володя, твоя квартира аналогична квартире твоего соседа Леонида, разве что немного больше.

– Да, она больше на семь квадратных метров. Здесь кухня чуть побольше и коридор, а всё остальное одинаковое.

– Володя, как у тебя много книг! Как здорово!.. Где ты их накупил?

– По-разному бывало: и подписывался, и у друзей выпрашивал, и ночами сам в очередях стоял. У меня много юридической литературы, особенно по трудовому праву. Вот посмотри, сколько книг, которые прямо или косвенно касаются моей диссертационной работы.

И Владимир одну за другой показывал своей собеседнице то монографии, то нормативные акты, то учебники. Просматривая книги, они и не заметили, как быстро

пролетело время.

А за окном вечерело. Владимир с Еленой, уставшие от такого плодотворного общения, вспомнили, что им давным-давно пора кушать.

Владимир готовился к встрече. Он сам приготовил жаркое, блинчики с творогом, голубцы, подготовил нарезки из колбас и сыров, так что стол ломился от яств и различных напитков.

– Ого, какой роскошный стол! Кто это, Володя, наготовил?

– Как кто? Это, Леночка, я всё старался, всё сделал сам. Так что прошу к столу попробовать мои угощения.

– С удовольствием, Володя. Как я давно не сидела за таким домашним, уютным, богатым столом.

– Что тебе, Леночка, положить?

– Ой, Володя, глаза разбегаются, хочу всего отведать. Давай начнём с жаркого и голубцов.

– А пить что будем: коньячок, водочку, шампанское?

– Признаться, пить мне ничего не хочется.

– Нет-нет! Как же так? Это дело надо обмыть... Хотя и неполная свобода, но всё-таки мы с тобой, Леночка, можем сидеть, разговаривать, и тебя никуда не гонят.

– С завтрашнего дня ведь, Володя, буду ходить отмечаться утром и вечером.

– Ну то отмечаться, а не постоянно жить под надзором и контролем. Это, Леночка, большая разница. Так что я налью коньячка, и мы выпьем за новые условия жизни, чтобы они приносили тебе удачу, вдохновение, везение, и ты не ощущала бы давления заключения, а я тебе буду в этом помогать!

– Спасибо. Я, Володя, так давно не пила спиртного, что мне даже страшно его пить.

– Леночка, не бойся. Посмотри, я уже весь свой коньяк выпил. А я ведь его приготовил специально для тебя и хочу, чтобы ты выпила. Если немного пить, то вреда для организма не будет, а, наоборот, это даже полезно. Тем более для тебя, ты же так тяжело болела. Давай, я ещё себе налью, и мы вместе выпьем.

– Умеешь ты, Володя, уговаривать. Хорошо, я выпью за твои добрые дела, пожелания и помощь, которую ты

мне оказываешь. Спасибо тебе большое.

Елена выпила коньяк, что был в её стопке, до дна, а довольный Сергеев всё подкладывал в её тарелку разную еду. И она ела с большим аппетитом.

Потом Владимир ещё налил коньяка, они снова выпили. Елена разругалась, и разговор у них лился рекой.

– Ой, Володя, спасибо тебе большое. Ты прямо-таки устроил для меня праздник. Я давно так хорошо себя не чувствовала.

– Я рад, Леночка, сделать для тебя что-то доброе и хоть немного облегчить твою ношу. Я очень хочу, чтобы ты в этом году поступила в институт или ты хочешь вернуться в свою прежнюю профессию?

– Да что ты, Володя? Кто же мне разрешит? С меня же сняли учёную степень доктора наук и звание профессора. Я же работала фактически на секретных объектах и готовила научные разработки по ракетам. Нет, мне теперь в эту сферу путь заказан до конца моих дней. После моей статьи, которая будет красоваться во всех моих документах, меня и мастером на завод не возьмут.

– Тогда, Леночка, надо тем более поступать в юридический, а там посмотрим. Имея диплом юриста, адвокатом, я думаю, ты устроишься работать.

– Туда же, Володя, поступить ещё надо и закончить. А это совершенно не просто в моей ситуации.

– Кто же говорит, что просто? Это не просто, но мы должны сквозь этот железный кордон прорваться. И с моей помощью, я думаю, мы этого добьёмся. Институт закончим и будем пытаться заниматься наукой. А если ты очень способная, то параллельно будешь писать и кандидатскую диссертацию. Вон твою статью ведь сразу и опубликовали. Я её и не правил. Значит, ты способная, ведь ты уже и доктор, и профессор, правда, в технической сфере. Но всё равно твой аналитический склад ума имеет высокий потенциал. И ты легко справишься с правовым исследованием, а я же тебе во всём стану помогать. Я буду твоим научным руководителем. Ты согласна стать моей ученицей?

– Согласна, Володя, да боюсь, справлюсь ли я? Оправ-

даю ли твоё доверие?

– А я в тебе, Леночка, совершенно не сомневаюсь. Ты – человек огромной силы воли, и непременно ещё пре-
взойдёшь своего учителя.

– Ой, Володя, шутник ты, однако. Спасибо тебе за веру в меня и за поддержку. Я буду очень и очень стараться. А там как Бог даст. Всё во власти Господа. Если Богу угоден этот путь, то я добьюсь и достигну многого. Тогда оправдаю твоё доверие. А если нет, то значит и это не моя стезя, как и работа по разработкам ракет. Но мне, Володенька, пора уже идти. Завтра вставать очень рано, мне уже без двадцати восемь нужно прибыть к новому месту назначения, чтобы там меня зарегистрировали и установили надо мной надзор и контроль.

– Леночка, у меня завтра с утра занятий нет, поэтому я тебя сам на машине отвезу.

– Не стоит, Володя. Спасибо большое, ты и так сделал для меня много добрых дел и столько много потратил времени. Мне стыдно за себя, поэтому я сама доберусь.

– Ты же, Леночка, города совсем не знаешь, да и мне приятно оказать тебе услугу и помочь. Я же твой друг? Скажи, друг?

– Друг, Володя, друг. Я очень дорожу твоей дружбой и боюсь ею злоупотреблять. Во всём должна быть мера.

– В дружбе, Леночка, никакой меры нет. Поэтому в шесть пятьдесят утра мы садимся в машину и едем туда, куда тебе надо. Не забудь только взять все свои докумен-
ты.

– Хорошо, Володя, я очень тебе признательна. Спаси и сохрани тебя, Господи, за твою доброту и отзывчивость.

– И тебе, Леночка, спасибо за такие хорошие слова. Мне такие ещё никто не говорил.

– А ты, Володя, в Церкви хоть раз был?

– Меня мама крестила, значит, был. И ещё из любопытства ходил раза два. Вот и всё. А ты, Леночка, говорят, верующая? И в Монастыре жила и работала. Это правда?

– Правда, Володя. Я и колонию попала за то, что стихи писала на религиозную тему. А осудили меня по 70 статье за агитацию и пропаганду, проводимую в целях

подрыва советской власти.

– А ты помнишь эти стихи?

– Помню, Володя, но не проси читать их сегодня, ведь завтра рано вставать. Ты же сам это знаешь. Я тебе их прочитаю в другой раз. Хорошо?

– Хорошо. Но любопытство разбирает. Когда мы ехали из Москвы в Харьков, твой муж кое-что рассказывал о тебе. Я так благодарен судьбе, что он познакомил меня с тобой. Да и тогда, когда я был у вас в комнате свиданий, я тоже немного узнал, но этого так мало. Мне, Леночка, хочется знать о тебе, о всей твоей жизни как можно больше. Иван рассказывал, что ты необыкновенный человек, и я с ним согласен. Он тебя очень любил, я это знаю. Он и сам это говорил, да и видно это было по вашим отношениям.

Закончив говорить эту фразу, он хотел дальше вспоминать об Иване, но, увидев грустный взгляд Елены, спохватился и сказал:

– Извини, Леночка, какой же я глупец. Прости, я не к месту и не вовремя затеял этот разговор вообще и об Иване в частности.

– Ничего, Володя, но я Ивана действительно очень любила, и он меня тоже любил. Наши отношения, его смерть – всё это ещё так свежо в памяти. И мне радостно от того, что ты о нём вспомнил, и грустно от того, что его нет с нами. Я очень рада тому, что он меня познакомил с тобой. Наше знакомство произошло в то время, когда ещё ничего не предвещало беды. Ванюша ведь спорел от рака за два месяца. Он знал, что умирает, знал, какой у него диагноз. Ваня написал мне прощальное письмо и мне вручили его, как он просил, после его смерти. Оно полно горечи, откровения, любви, прощания и напутствия в моей жизни. Ванюша был необыкновенный, добрый и очень хороший человек, прекрасный муж и отец. Прости, Господи, усопшему Ивану грехи вольные и невольные и ниспошли ему Царствия Небесного.

Сказав эти слова, Елена перекрестилась и хотела уйти, но Володя догнал её возле двери, обнял и тихо сказал:

– Прости, я глупец и недотёпа. Я тоже буду чтить светлую память Ивана. А ты меня, Леночка, научишь мо-

литься?

– Научу, Володя, научу. А сейчас до свидания. Спокойной ночи и до завтра.

– До свидания, Леночка. Я завтра в шесть пятьдесят постучу в твою дверь, и мы поедем в пункт назначения.

– Спасибо, Володя, я буду ждать.

Она вышла из квартиры Сергеева и зашла в свою. Её одолевали разные чувства: робости, тоски, страха и в то же время пронизывающей радости, рвущейся через тернии жизни.

Елена встала перед иконой, подаренной батюшкой Тимофеем, и помолилась проникновенно и с душой. И уже когда легла спать, задумалась над тем, что Господь даёт испытания и в то же время посылает много хороших и добрых людей, которые готовы разделить с ней ношу этих тяжких испытаний.

Гонимая этими мыслями, Елена встала и снова начала молиться за тех людей, которые протягивают ей руку помощи, прося Творца ниспослать им Господней милости, благодати и здоровья. Елена также попросила Господнего благословения на новую работу, на новых людей, которых ей придётся встретить на своём пути.

И вот Елена с Володей уже подъехали к административному корпусу, где она должна зарегистрироваться и где её должны направить на работу, а также где над ней будет установлен надзор и контроль.

Елена вышла из машины, предъявила документы дежурному и спросила к кому ей можно обратиться. Дежурный подробно объяснил ей, и она поднялась на второй этаж к начальнику колонии-поселения Тихомирову Борису Валентиновичу.

Борис Валентинович стал внимательно изучать все документы. У Михайловой было много почётных грамот и благодарностей, она характеризовалась, как очень честный и трудолюбивый заключённый. Начальник колонии-поселения был удивлён тому, что она сама прибыла к месту назначения, а не в сопровождении охраны, поэтому спросил:

– Михайлова, а почему ты одна, без сопровождения?

– Так решил начальник колонии Шерстнёв Григорий

Николаевич.

– Ну да, тебе нет смысла убегать и прятаться, когда ты получила такое смягчение в отбывании наказания. Здесь Григория Николаевича можно понять, но я бы всё равно тебя, Михайлова, доставил в сопровождении охранника. А у тебя есть где жить или мне тебе давать общежитие для поселенцев?

– Да, у меня есть жильё, Борис Валентинович.

– Тогда давай адрес.

Он взял адрес, записал его в книге регистрации и вновь спросил:

– Кем ты на воле работала, Михайлова?

– Директором научно-исследовательского института.

– Какие ты имеешь научные звания?

– Сейчас никаких. Раньше у меня было звание профессора и учёная степень доктора технических наук. Да по приговору суда меня всего лишили.

– А за что же тебя их лишили, Михайлова?

– Борис Валентинович, но в деле же всё указано: и за что сняли, и за что осудили.

– А я хочу услышать это из твоих уст. Понятно?!

– Я, Борис Валентинович, осуждена за агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва и ослабления советской власти по статье 70-й Уголовного кодекса.

– И в чём же проявлялся твой подрыв советской власти?

– Я писала духовные стихи, у меня их выкрал один нехороший человек и отослал в прокуратуру. За это меня и осудили.

– Понятно, Михайлова... А что же ты умеешь делать?

– Могу работать токарем, Борис Валентинович.

– Вот и отлично. У меня как раз имеется заявка на токаря с подшефного завода. Вот я тебя туда и направляю.

– Хорошо, Борис Валентинович. Когда приступать?

– Сегодня. Я сейчас тебе дам направление, подойдёшь к начальнику цеха Звонарёву Юрию Петровичу. Будешь отмечаться до и после работы в двести семнадцатой комнате у дежурного.

– Ну я же не буду успевать, Борис Валентинович?

– Будешь, я на направлении напишу, чтобы тебе обеспечили индивидуальный график работы.

– Спасибо, Борис Валентинович, я буду стараться успевать вовремя и сюда приходить, и на завод.

– За что же мне спасибо, Михайлова, это моя работа. Дежурный здесь работает круглосуточно, утром будешь отмечаться с шести до десяти, а вечером с пяти до девяти. Так что отметиться всегда успеешь. Смотрите, Михайлова, чтобы здесь был порядок, и на работе вы должны трудиться добросовестно, выполнять план, вести себя разумно, никаких стихов не писать и не читать. Иначе за нарушения вы будете опять направлены в колонию, но тогда вам увеличат срок наказания. Вы, Михайлова, всё поняли?

– Поняла, Борис Валентинович.

– Ну если поняли, то отправляйтесь на работу.

Елена взяла соответствующие документы, И Володя подвёз её к заводу, где она должна будет работать до окончания срока наказания.

Завод был расположен удобно: недалеко и от дома, где жила Елена, и от административного учреждения, где она должна была ежедневно отмечаться.

На проходной завода Елене выдали пропуск, и она пошла к начальнику цеха. Звонарёв Юрий Петрович был человеком строгих правил, во всём требовал соблюдения дисциплины и выполнения плана. Когда он увидел такую хрупкую женщину и прочитал её документы, воскликнул:

– Зачем мне тут ещё заключённые сдались? Что ты умеешь делать? Это тебе не в бирюльки играть, тут работать нужно. Работа токаря – точная и ответственная. Ты хоть когда-нибудь работала? По какому разряду работу выполняла?

– Я токарем, Юрий Петрович, работала. У меня четвёртый разряд.

– Ну, посмотрим..– уже более дружелюбно сказал начальник цеха. – На вот тебе, Михайлова, требования, получишь спецодежду: халат, обувь, ящик для инструментов, а также разнообразные резцы, свёрла и всё остальное. Будешь работать на участке номер два. Мастером

там трудится Николай Иванович Замков. К нему и по-дойдѣшь. Он будет твоим учителем и руководителем.

У Елены сердце словно пронзило стрелой, ведь когда-то она начинала свою трудовую деятельность с токаря, и её наставником тоже был Николай Иванович. И вот опять её учителем и руководителем назначен человек, носивший такое имя и отчество.

И Михайлова с волнением и щемящей тоской подошла к Николаю Ивановичу Замкову и сказала:

– Я, Николай Иванович, направлена к вам..

Он окинул её изучающим взглядом. Был Николай Иванович красив собой и очень напоминал другого Николая Ивановича – Снегирёва.

Увидев его вблизи, Елена побледнела, ей стало плохо и, чтобы не упасть, она присела на стоящую рядом замасленную табуретку и тихо произнесла:

– Простите, пожалуйста, Николай Иванович, мне что-то стало плохо.

– Ничего, посиди, Михайлова. Здесь воздух тяжело-ват, гарь от машинного масла столбом стоит. Водички дать?

– Дайте, пожалуйста, Николай Иванович.

Замков подошёл к раковине, налил в железную кружку воды и подал Михайловой.

– Спасибо, – сказала Елена, взяв дрожащими руками кружку.

– Ну, что, полегчало?

– Да, Николай Иванович, легче стало. Что мне делать? За каким станком мне становиться работать?

– Вот за этим.. Он, правда, в ремонте нуждается, да механик заболел, не знаю, когда выйдет.

– А можно я сама его посмотрю?

– А ты что, Михайлова, механиком работала?

– Нет, Николай Иванович, но в станках немного разбираюсь. Позвольте, я посмотрю его?

– Хорошо... Тогда идите, возьмите у кладовщика обувь, халат, переодевайтесь и приступайте.

– Спасибо, Николай Иванович.

И Михайлова пошла в кладовую, выписала полагающиеся ей спецодежду и спецобувь. Она переделалась и ста-

ла отремонтировать токарный станок. Она включила его, сердце её ёкнуло памятью тех далёких лет, когда она впервые услышала шум мотора. Она подумала: "А сколько же прошло лет с тех пор, как я впервые там, в Шахтёрске, училась у своего первого учителя Николая Ивановича? И надо же: через двадцать лет я вновь, как впервые, включаю станок своими дрожащими руками. И опять, как двадцать лет назад, Господь мне послал непосредственного начальника Николая Ивановича, так звали Снегирёва. И он так похож на того Николая Ивановича, которого я встретила много лет тому назад. Он такой же молодой и красивый, похож на Снегирёва не только внешне, но и внутренне. И такой внимательный, увидел, что мне стало плохо, сам предложил и принёс воды, и не постыдился, что поухаживал за заключённой. А по возрасту он, наверное, моих лет, может с разницей в два-три года. А сейчас Снегирёву было бы уже около пятидесяти пяти. Да он давно лежит в сырой земле и похоронен где-то в Москве. К нему, наверное, никто и на могилку не ходит. Хотя Любушка должна ухаживать за его могилкой. Сегодня же напишу ей письмо и попрошу, чтобы она помолилась за него в Монастыре и заказала панихиду, ведь он – моя первая любовь. Если бы Николай не был женат, то я бы, наверное, вышла за него замуж. Но я побоялась обидеть и обездолить его детей. А получилось так, что его самое любимое дитя, которое он назвал в мою честь Леночкой, я удочерила после его смерти. Наверное, я не прислушалась к своему внутреннему голосу и напрасно не вышла за него замуж. И этим причинила боль и ему, и себе. И из-за этой боли он спился, стал алкоголиком. А какой был прекрасный человек.. Господи, это же я виновата в его падении и гибели. Прости меня, Владыко, и прости усопшего раба Твоего Николая. Ниспошли ему Царствие Небесное и прости ему грехи вольные и невольные, которые он совершал при жизни на земле. Неужели же козни дьявола заключаются в том, что я намного глубже полюбила своего Ванюшу, из-за которого я чуть не лишилась жизни, как из-за меня Николай Иванович. И только благодаря бабушке Тимофею я выкарабкалась из этого сатанинского окру-

жения. Я же не хотела жить, готова была из-за его смерти лезть в петлю. Если бы я не потеряла сознание, я бы сделала это. Мысль о смерти была греховной. Вот почему я так долго не могла прийти в сознание. За мою душу боролись дьяволы, и они бы победили, если бы схархимандрит Тимофей не молился за меня. Господи, какая же я грешница. Ведь нельзя до такой степени любить человека, чтобы лишить себя жизни. А я из-за своей сладострастной любви хотела это сделать. Прости меня, Господи, за мою слабость... Один раз я уже хотела это сделать из-за Николая... Тогда меня спас Игорёк. Он меня позвал в ту секунду, когда я наносила себе удар ножом в грудь. Я дрогнула, и нож угодил в руку. Вот когда дьяволы взяли меня в плен и решили своего добиться. Я вновь полкубила страстной любовью Ивана и вышла за него замуж. Тогда дьяволы сделали всё, чтобы завладеть мною и отправить меня в ад, чтобы повелевать мною. Они стали подбираться ко мне через Виктора и Дана. Господи, почему же я тогда этого не увидела, а прозрела именно сейчас. Значит, в этом и есть Господний промысел. Мне нужно больше молиться, чтобы Господь приподнял завесу моего жизненного пути: как мне в этой жизни поступать и что делать".

Она отвлеклась от своих мыслей только тогда, когда услышала голос подошедшего мастера.

– Ну как, Михайлова, разобралась что со станком?

– Ничего особенного, Николай Иванович. В нём были забиты шестерёнки. Я их прочистила, ремень подтянула, станок работает. Теперь я настраиваю его на совместимость центров. Сейчас вставлю резец и испытаю на болванке.

Елена ловко зажала болванку в кулачки, включила станок и стала снимать с болванки верхний слой. Затем проверила на центровку. Достигнув желаемого результата, она сказала:

– Всё, Николай Иванович, на станке можно работать. Что вы ещё мне поручите?

Мастер так был поражён умением новой работницы, что не нашёл ответа. Наконец, собравшись, он произнёс:

– Не думал, Михайлова, что справишься. Обработы-

вать будешь вот эту партию. Здесь сто штук. Работы по плану на два дня.

– А сегодня мне можно начинать?

– Почему бы и нет. До конца смены ещё два часа.

И он, как лицо, отвечающее за план и порядок на участке, пошёл к начальнику цеха и с радостью доложил, что заключённая Михайлова оказалась способным токарём и сумела самостоятельно отремонтировать станок.

Михайлова же, приноровившись, заточила резец иначе, чем было установлено на станке, и стала обрабатывать детали. За два часа она сделала дневную норму. Довольная своим результатом, приведя в порядок рабочее место, она пошла отмечаться в пункт контроля.

Домой Елена пришла уставшая, но счастливая. Услышав, что Михайлова вошла в квартиру, Владимир сразу позвонил в её дверь.

– Леночка, можно к тебе зайти?

– Проходите, проходите, Владимир.

– Какое впечатление, Леночка, сложилось на заводе?

– Доброе, Владимир. Мне дали поломанный станок, но я смогла его отремонтировать. И на нём я уже точила детали. Получилось... Детали пошли без брака. А у тебя как сложился день?

– У меня тоже неплохо. Я прочитал две лекции студентам. Кажется, им понравилось. Слушали меня внимательно. И я их читал им в приподнятом настроении. Затем пошёл в институтскую библиотеку и взял для тебя дополнительный материал по истории и литературе.

– Спасибо, Володенька. Вот напишу письма детям и Тамаре и стану читать.

– А зачем, Леночка, писать? У них же есть телефоны? Ты им позвони и всё расскажешь. Они будут рады услышать твой голос.

– Володя, а разве мне можно звонить с этого телефона?

– Конечно, можно. Для чего же он тогда здесь установлен? Чтобы с него звонить, а не смотреть на него.

– У меня ведь пока денег в обрез. Боксь, что нечем будет платить.

- Пустое, Леночка... Я заплачу.
- Я не люблю, Володенька, за чужой счёт жить.
- А ты и не будешь. Как только денег заработаешь, так и отдашь.
- Спасибо, Володя, мне так хочется позвонить своим детям и Тамаре с Мишей.
- Так надо было тебе, Леночка, ещё позавчера позвонить, когда мы только приехали.
- Да я, Володя, постеснялась.
- Что тут стесняться? Всё-таки это я, балда, виноват. Надо было сразу тебе предложить.
- Ничего, ничего, Володенька. Сегодня как раз расскажу, что я уже работаю.
- Я тебе, Леночка, надоедать не буду, пойду к себе. Я тебе вот денег принёс, пойдёшь в магазин и купи продуктов.
- Спасибо, Володя... Когда я получу, то сразу тебе отдам.
- Не переживай, Елена, отдашь, когда будут. Главное, не подорви своё здоровье и питайся нормально.
- Кормилец ты мой, Володенька. Спасибо тебе.
- Вот заладила: спасибо да спасибо. Этой мой долг и долг нормального человека – помочь тебе.
- Всё равно, Володя, долг долгом, а доброе отношение – это совсем другое. И мне хоть через слова благодарности хочется ответить тебе радостью и признательностью.
- Ну коль так, то ладно. Я пошёл, Леночка, не буду мешать, а завтра загляну. До свидания.
- До свидания, Володя... Спасибо большое за всё ещё раз.
- Всего хорошего, Леночка.

И он, довольно улыбаясь, закрыл за собой дверь. А Елена умылась и пошла покупать продукты, чтобы приготовить ужин и завтра взять с собой на работу.

Она зашла в гастроном, купила там хлеба, сахара, соли, макарон и риса. Увидев находившейся неподалёку овощной магазин, Елена тоже зашла в него. Там она купила картошки, капусты, моркови, томатной пасты и лука. Набрал две сумки продуктов, она пошла домой.

Михайлова разложила по местам все продукты и ста-

ла готовить себе ужин. Поев, она стала звонить детям. Когда на другом конце провода услышала голосок Ленусеньки, то была очень счастлива.

- Ленусенька, здравствуй, родимая!

- Здравствуй, здравствуй, мамулечка! Это ты? Тебе разрешили? Ты где?

- Я, доченька, в Харькове, снимаю здесь квартиру. Мне теперь разрешается звонить. А ещё вы сможете чаще ко мне приезжать. А кроме тебя в квартире есть ещё кто-нибудь?

- Только Игорёк, тётя Тамара придёт попозже. Мамулечка, а когда к тебе можно приехать?

- Да когда хотите. Я вот с тётей Томой переговорю, и мы тогда решим, когда это лучше будет сделать... А сейчас, Ленусенька, дай трубочку Игорьку.

- Мама, это ты?! Какая красота! Сто лет тебя по телефону не слышал!

- Я, сыночек. Как вы там живёте? Как Ленусенька? Как учёба? Продолжаешь ли ты работать?

- Да, мамуля, я работаю. Ленусенька мне помогает, и мы вместе быстро справляемся. Наш участок - самый чистый, поэтому тётя Тамара нами довольна. И я, и Ленусенька учимся на отлично. У нас всё хорошо. Сашенька здоров.

- Игорёчек, я перезвоню попозже, часов в девять вечера.

- Мамуля, дай номер своего телефона. Когда тётя Тамара придёт, мы тебе перезвоним.

- Хорошо, Игорёчек, записывай.

Елена продиктовала номер телефона и свой адрес, по которому она временно проживает, и повесила трубку.

Через полчаса раздался звонок. Елена сняла трубку и услышала родной голос сестры.

- Томочка, я так рада тебя слышать, моя любимая сестрица!

- Леночка, я тоже очень тебя люблю и безмерно рада слышать твой голосок. Как ты там? Где ты теперь живёшь? Где работаешь?

- Пока, Тамара, всё хорошо. Владимир Владимирович попросил друга, своего соседа, чтобы он сдал мне

квартиру. Сосед Леонид уехал в длительную командировку на год, и всё это время я буду жить здесь. Трудоустроили меня на завод, работаю токарем. Сегодня уже была на работе. Условия неплохие.

– Леночка, когда можно к тебе приехать? Ведь теперь это можно сделать в любое время?

– Да, можно приезжать хоть завтра. Но теперь же есть телефон, я не буду уже так за вами тосковать. Вот сейчас говорю с тобой, а по сердцу разливается теплота. Мне так радостно на душе. Хочу немного присмотреться, так что вы пока не приезжайте, а звоните, если можно, почаще. А потом приедете, я вас по Харьковку как гид повожу. Томочка, ну как там Сашенька, Игорёк, Ленусенька?

– Сашенька ходит в хороший детский сад. Ему там очень нравится. Водит в садик его в основном Ленусенька, а Игорёк с утра работает. Сотрудники его очень хвалят. В пять часов утра он уже на работе, и до восьми у него уже всё блестит. Если утром он не успевает, то бежит и убирает вечером. Одним словом, Игорёк – большой молодец. Ленусенька тоже умница. Домашнее хозяйство ведёт она. Сама и стирает, и убирает, и готовит. Как приду к ним, то вместо того, чтобы им помогать, сяду и сижу. Они с Игорьком не дают мне работать, а, наоборот, ухаживают за мной, как за барынькой: накормят вкусно, напоят, в постельку с лаской уложат. Не дети у тебя, а ангелочки. Олежек тоже к ним часто бегаёт и ночует там. Он их очень любит. В кино вместе ходят, а я тогда с Сашенькой сижу. Недавно все вчетвером были в цирке. Так разговоров после этого до сих пор не переслушать...

– Хорошо, Томочка. А Сашенька рядом? Дай ему трубочку, а то я с ним ещё ни разу по телефону не разговаривала.

– Даю трубку Сашеньке. Сашенька, поговори с мамой.
– Сашенька, сынулька, это я с тобой разговариваю по телефону, твоя мама.

– Мамочка, а где ты есть? Иди домой. Тётя Тома сказала, что мы скоро к тебе приедем. А ты вот сама говоришь. Ты далеко?

– В Харьковке, сыночек. Приезжайте, я вас всех буду

ждать, ну чуть позже. Как ты там, Сашенька, живёшь? Игорёк или Ленусенька не обижают тебя?

– Обижают. Они меня заставляют кушать, ноги мыть, каждый день чистить зубы. А я не хочу.

– Ой, сыночек, ведь это же необходимо делать. Если ты не будешь хорошо кушать, то не вырастешь. А не будешь ножки мыть, то постельку измажешь, и Ленусенька тогда замучается постельное бельё стирать. А если зубки не станешь чистить, то они не будут крепкими. Так что, Сашенька, правильно, что тебя заставляют делать твои братик и сестричка. Ты слушайся их, сыночек.

– Буду слушаться. Но я уже за тобой, мамуля, очень соскучился. Тебя отпустили домой?

– Не совсем, Сашенька. Но зато я могу говорить с вами по телефону. И вы мне будете звонить, а я вам о себе всё рассказывать. Так что, мой дорогой сыночек, не скучай. И передай трубочку тёте Томе.

– Ну что, Леночка, послушала и поняла, какой у тебя уже разговорчивый сынок растёт? Он хороший и послушный мальчик. Когда ему что-то говорят или о чём-то просят, то он всё делает, даже если ему это не нравится. Игорёчек, как и подобает старшему брату, ведёт себя строго с ним. А Ленусенька больше балует. Все они живут дружно, Игорёк и Ленусенька ведут себя как взрослые не по годам. Соседи очень удивляются их взаимоотношениям и их ответственности ко всем житейским делам. Я прямо-таки сама не нарадуюсь.

– Спасибо, Томочка, это ты их там так воспитываешь. Это твоё влияние и забота сделали их такими хорошими и ответственными.

– Леночка, они уже сами тётушку порой воспитывают. У них ведь гены прекрасные, и они умны от природы. Так что, сестричка, у нас всё хорошо. Ты в этом убедилась? Мы тебе будем теперь звонить частенько после восьми, девяти. Да я и с работы стану тебе позванивать. Ну вот, моя любимая Леночка, теперь жизнь пойдёт веселее, и ты не так уже будешь скучать за нами. Мы теперь тебе скучать не дадим. Послезавтра тебе позвоним, не возражаешь?

– Не возражаю, Томочка, а буду очень рада. До свиданья.

ния, сестрица. Всех крепко целую и обнимаю. Спокойной ночи.

Михайлова повесила трубку. Счастливая и окрылённая легла спать. Утром она встала отдохнувшая и уже в семь часов отметилась у дежурного. Затем она поехала на завод.

Когда Елена вошла в цех, то она обратила внимание, что людей было ещё мало. Не дожидаясь указаний мастера, она переделалась, подошла к станку и стала работать.

Работа у Михайловой ладилась. К одиннадцати часам она уже закончила точить все выданные ей заготовки, поэтому подошла к мастеру и спросила:

– Николай Иванович, что мне делать?

– Как что? Точить то, что я тебе дал.

– Я уже всё закончила.

– Неужели? Там же двойная норма. Как это у тебя получилось?

– Просто я по другому радиусу резец заточила и скорость другую включила. Детали я все померила, брака нет.

Удивлённый Николай Иванович сам взял микрометр и измерил на выбор детали. Но брака не нашёл, лишь довольно улыбнулся и сказал:

– Какую же тебе, Михайлова, работу дать: ту, что сложнее или ту, что попроще.

– Дайте мне, Николай Иванович, ту работу, которая больше стоит. Мне деньги очень нужны. Я задолжала... Да и детям хочется что-нибудь купить. Я им так давно ничего не покупала.

– Сколько же у тебя детей?

– Трое... Два сына и дочь.

– Трое?! Ну ты даёшь, Михайлова!.. В таком случае я могу тебе, Елена, дать высокооплачиваемую работу, но она очень сложная. Есть у меня штамп. Он состоит из нескольких узлов. Работа рассчитана на десять норм. Но эта работа должна быть сделана без малейшего отклонения от чертежей. Отклонение на миллиметр уже будет считаться браком. И за допущенный брак с тебя тогда удержат. Будешь выполнять эту работу?

– Буду, Николай Иванович, ведь я инженер. Я окончила Донецкий политехнический институт, так что думаю, что справлюсь.

– Вы институт окончили? Вот здорово! А я тоже учусь на четвёртом курсе Харьковского политехнического института. Теперь мне есть к кому за консультациями обращаться. Если я к тебе за помощью обращусь, не откажешь мне?

– Не откажу... И постараюсь помочь.

– Спасибо, Михайлова.

И довольный Николай Иванович взял штамп с чертежами и подал Михайловой. Елена очень внимательно изучила чертежи, посмотрела на штамп, замерила отверстие, его глубину и сказала:

– Николай Иванович, этот штамп сам по себе уже бракованный. Здесь нельзя будет достичь такой точности, которая указана в чертеже. Отверстие почти такого же размера, а как же производить расточку, здесь снимать нечего. Посмотрите сами.

– Действительно, Михайлова, этот штамп уже сам по себе брак. Я сейчас принесу другой.

И через несколько минут Николай Иванович подошёл к Елене с другим штампом и отдал его ей. Она вновь внимательно изучила чертежи и штамп, а затем сказала:

– В этом штампе, Николай Иванович, припуски на расточку имеются, поэтому я берусь за эту работу.

– Ну хорошо, Михайлова, только прошу, будь внимательной.

– Постараюсь, Николай Иванович.

И она приступила к работе. Для этого штампа нужно было сделать девяносто две детали разной формы и размера. Елена начала с основной работы: проточила все отверстия, затем стала делать втулки, болты, гайки и остальные детали. Работа спорилась. Михайлова так увлеклась, что не заметила, как наступил перерыв. На обед она не пошла, и лишь к концу работы она достала из сумки два пирожка, съела их и запила кефиром. Потом продолжила работу до вечера.

И только в девятом часу Елена бросила работать, вытерла станок, тщательно убрала рабочее место и поеха-

ла отмечаться в пункт регистрации. Домой она приехала уставшая, поела на скорую руку и легла спать. А утром по тому же сценарию начала свой рабочий день.

Работала Михайлова с большим старанием и желанием, подбадриваемая мыслями о встрече с детьми и Тамарой. Ей очень хотелось купить им подарки. Все эти четыре дня она работала в большом напряжении: приходила на завод пораньше и уходила попозже. Поэтому вместо десяти дней сумела сделать этот штамп за четыре дня, чем очень удивила не только мастера и начальника цеха, но и директора завода. О её способностях, смекалке и старании пошёл слух по всему заводу.

И самую ответственную и сложную работу не только по этому цеху, а и в целом по заводу стала выполнять Михайлова. Как-то незаметно она заняла на заводе особое положение, и теперь всё начальство уважительно называло её на "вы" и по имени и отчеству. Безусловно, Елена заметила перемену в отношении к себе, но отнеслась к этому без особого восторга. Она ещё больше стремилась помочь всем, кто к ней обращался. Лену в цеху полюбили и рабочие, и начальство за её кроткий нрав, большое трудолюбие и доброе отношение к людям.

Особенно Михайловой восхищался Николай Иванович. Ему с ней работалось легко, слаженно. Теперь его участок из отстающих стал передовым. И за помощью он чаще обращался к Михайловой, а не к начальнику цеха. Вот и сегодня он подошёл к ней и, мило улыбаясь, спросил:

– Елена Васильевна, тут у меня чертёж на целый узел. Проверьте, пожалуйста, что-то у меня здесь не стыкуется с назначением оси.

– Просто, Николай Иванович, здесь перепутали, и ось указали с неправильным градусом. А её надо разместить вот под таким углом.

– Действительно, как же это я не додумался? Спасибо вам. Пойдёмте в кассу за получкой. Кстати, вы довольны своей зарплатой?

– Да я и не знаю, Николай Иванович, это же будет моя первая получка на заводе. С меня же кроме подоходного налога будут удерживать ещё и за то, что меня опекают

работники колонии.. Но закон есть закон, Николай Иванович, и он должен выполняться.

– Это точно, Елена Васильевна. Ну пойдёмте скорее, а то сейчас подойдёт моя очередь, но я и для вас место занял.

И они поспешили к кассе, где уже было много народа.

– Давайте, Елена Васильевна, берите ручку и расписывайтесь напротив своей фамилии.

Елена, словно ученица, взяла ручку и уже хотела расписаться, но когда увидела в графе сумму в четырёхстах рублём, то воскликнула:

– Это что же мне четырёхста рублём получать?!

– Но вы же Михайлова? – строго спросила кассир.

– Я Михайлова...

– Тогда расписывайтесь и не морочьте мне голову.

Елена расписалась дрожащими руками и взяла начисленные ей деньги, радуясь как ребёнок. Она отошла в сторонку и стала ждать Замкова, чуть ли не приплясывая на месте. И когда он к ней подошёл, то она в приподнятом настроении по-родственному поцеловала его в щёку. Затем радостно произнесла:

– Николай Иванович, спасибо вам большое, я ведь теперь богачка. В выходной день, Бог даст, накоплю детям кучу подарков.

В долгожданный выходной Елена пошла по магазинам и накупила подарков: Тамаре отличное платье, Ленусеньке тоже весёленькое платьице, для Игорёчка, Михаила, Олежека и соседа Владимира Владимировича прекрасные сорочки и запонки, а Сашеньке спортивный костюмчик. А для стола она прикупила по бутылочке коньяка, шампанского и водки.

Всё это она припрятала и стала с нетерпением ждать родню в гости, считая каждый день до их приезда. И вот, наконец, в субботний день к ней приехали Тамара, Михаил, Олежек, Игорёк, Ленусенька и Сашенька. Увидев подъезжающую к дому машину, Елена помчалась их встречать. Игорёк, как джентльмен, нёс роскошный букет, приобретённый на заработанные деньги, а вручил его маме Сашенька.

– Mamочка, это тебе от всех нас. Поздравляем тебя...

Игорёк, а с чем поздравляем? Я забыл. Ааа, мама, вспомнил: с облегчением наказания. Ты же теперь не за решёткой?

– Нет, Сашенька, не за решёткой.. Спасибо вам всем.

И она бросилась к ним и целовала всех с великой радостью и любовью. А затем все дружно под весёлый гомон зашли в квартиру, где их ждал и помогал накрывать на стол смущённый Владимир Владимирович.

– Здравствуйте, как доехали?

– Хорошо доехали, Володя. Знакомься, это мой муж Михаил.

– Приятно познакомиться, Володя. А с остальными я уже знаком. Так, Ленусенька?

– Так, дядя Володя.

– Ну, дорогие мои, мойте руки и за стол. Будем кушать, вы же проголодались. Так ведь, Сашенька?

– Так, так... Ленусенька, посмотри, тут и твой торт любимый есть. Ты откуда, мамочка, узнала?

– Синичка сказала, и Мишка косолапый сообщил.

– Шутишь, мамуля? А когда можно торт есть? Сейчас?

– Нет, сынулечка. Сначала поешь картошечки с котлетками, а потом тортик с чаем. Или ты хочешь чего другого?

– Нет, я хочу пюре с котлеткой.

– Хорошо, Сашенька, садись. Прошу активней присаживаться за стол. Вот пообедаем, тогда будем рассматривать квартиру. Прошу, дорогие мои. Что будем пить?

– Начнём, сестричка, с шампанского. Давай, Миша, наливай, да смотри потолок не пробей и не облей нас.

– Не оболью, не бойтесь.

И Михаил осторожно, но всё же с помпой открыл шампанское, пробка от которого с шумом вылетела и ударилась об стол, отчего Сашенька радостно воскликнул:

– Дядя Миша, выстрел получился. Наливай скорее и мне, и Игорёчку, и Ленусеньке.

– А не рановато ли тебе, племянничек?

– Не рановато, не рановато, а в пору.

Все дружно рассмеялись. И Михаил налил всем взрослым шампанского, а детям сидро. И первой слово взяла

Елена:

– Дорогие мои Томочка, Михаил, Володя, Олежек, Игорёчек, Ленусенька и Сашенька. Всем вам большущее спасибо, низкий поклон и вечная моя признательность. Вы для меня столько всего доброго и сердечного сделали. Если бы не вы, то мне бы никогда уже не сидеть за таким столом и не видеть бы вас всех. Вы все в какой-то мере спасли меня и дальше спасаете мою жизнь. Я вас всех очень люблю, ценю и уважаю. Вы – моя радость, надежда и счастье. Ниспошли вам, Господи, здоровья, благополучия, везения, улады жизни и никогда не знать уныния. Я хочу, дорогие мои, выпить за вас до дна.

И все сидящие за столом дружно выпили: кто шампанское, а кто сидро. Слегка поев, Михаил вновь наполнил бокалы, Тамара встала и сказала:

– Первое, что мне хотелось бы сказать, это то, что судьба подарила мне такую прекрасную сестрёнку. Она у нас в самых сложных условиях всё равно остаётся такой же доброй, отзывчивой, внимательной и сердобольной. Поэтому я предлагаю выпить за дорогую Леночку до дна.

– Хороший тост. И прекрасно, что предлагают пить до дна, а не забирают, – шутя, сказал Михаил. – И поэтому третий тост, как и подобает, скажу я. За наших прекрасных, милых и дорогих женщин. Они у нас все трое удивительные и замечательные: и Леночка, и моя Тамарочка, и Ленусенька. В приподнятом настроении они весело танцевали, пели, произносили тосты, шутили. И Елена, улучив момент, вновь попросила Михаила наполнить бокалы. Она сказала:

– Дорогие мои, мне очень хочется сделать вам приятное и всем вам что-то подарить. Но если я не угодила, то прошу меня простить, поскольку я старалась всей душой. Начнём с дорогой моей сестрицы Томочки и дочки Ленусеньки. Возьмите и примерьте. А подходит или нет, мы потом сообщаем посмотрим. А нашим мужчинам я вот такие подарки дарю. Тоже прошу принять и примерить.

И она вручила всем мужчинам сорочки с запонками. Они все были красивые и разные. Мужчины с большим удовольствием надели сорочки, Тамара и Ленусенька примерили платья, а Сашенька – спортивный костюм.

Все любовались и красовались друг перед другом, весело шутя:

– Леночка, ты сберегательную кассу ограбила или магазин, скажи?

– Ограбила я, Мишенька, завод. Мне там аховскую зарплату начислили. И я скорее побежала тратить, чтоб меня не раскулачили и не отобрали. А теперь, дорогие мои, давайте обмоем подарки. Кажется, обменивать ничего не нужно, с размерами я угадала, и расцветки такие красивые. По-моему, всем очень к лицу.

– К лицу, сестричка, даже очень. Ну ты, Леночка, даёшь... Как это ты сумела так подарки для каждого угадать?

– Мне, Томочка, очень хотелось всем вам угодить. И я прежде, чем идти по магазинам, Господу помолилась, чтобы Он мне помог. А Творец вот и помог. Я такая счастливая и так радёшенька, что сумела дать вам хоть толику своего тепла и внимания. У меня от восторга и умиления сердце в груди поёт. Давайте же скорее обмоем да запоём. Михаил, помогай.

– А я что, Леночка?.. Я вот он, готов. Я тебя поддерживаю, благодарю и пью за тебя, твою щедрость и любовь. Ура!..

И они пили то за Лену, то за подарки, то персонально за каждого присутствующего. Затем вдоволь повеселились и стали пить чай.

Отдохнув, вновь пели песни и танцевали. Такого тёплого веселья Елена не ощущала уже более четырёх лет. И вот, наконец, она вновь почувствовала счастье родного дыхания семьи, оставляя позади горе, ненастье, разлуку, страдания и тернии дорог.

И Елена ликовала, насыщаясь зовом родных сердец и ощущением полёта своей души, которая в это время стремилась парить без границ от любви.

И лишь под утро все уставшие, но безмерно счастливые утомнились и легли спать. А утром, проснувшись, привели себя в порядок и стали обсуждать насущные проблемы, чётко определили задачи и пути их решения. На сердце у всех была радость и счастье, и эти чувства придавали им сил для решения тех задач, которые ста-

вила перед ними судьба, расстилая пути ветвистой жизни.

У Елены после того, как она встретилась со своей семьёй, родными, приобретёнными друзьями словно выросли крылья. Ей хотелось парить. Она больше четырёх лет не ощущала в себе такого подъёма. У неё открылось то зовущее, жизнеутверждающее состояние души, олицетворяющее красоту назначения человека в цветении переливающихся далей. Елена ощутила порыв сил, которые множились дыханием природы и её внутренним подъёмом, ощущавшимся через восприятие поступи жизни.

Хотя и не полная, но всё же свобода в определённой степени и лишала её того глубинного состояния, которое впитывается человеком при рождении. А оно у неё в этот момент пока травмировалось отношением окружающего мира к ней, как к осуждённой. Чувство несправедливой наказанности кровоточило в Елене помимо её воли.

Это парение души, которое она ощущала, было часто над раной, давящей болью неполноценного, полуненужного, воспитуемого рамками, угнетающего закона. Душа Елены в этот момент была за пределами этого несовершенного, грубого и по природным явлениям незаконного подавления той части, которая остаётся свободной и не способной подчиняться никаким силам власти. Хочется парить, парить, парить в высоте духовного мира, где есть услада вечности, чистоты любви и стремление к совершенству, чтобы быть той живой водой, о которой говорил Иисус Христос у колодца с самаритянкой..

В приподнятом настроении Елена была и сегодня. Она точила детали одну за другой, а мысли уводили её в даль своей жизни, где окружали её люди, к которым она относилась в большей степени с пониманием, стремясь непременно им помочь чистотой своих отношений, чтобы люди стали добрее и отзывчивее друг к другу.

Витая в заоблачном мироощущении, Елена не заметила, как к ней подошёл мастер и сказал:

– Елена Васильевна, директор просит, чтобы вы сделали вот такую деталь.

– А где, Николай Иванович, чертёж?

– Чертежа нет, Елена Васильевна. А вы разве по образцу не сможете сделать?

– Смогу, но это займёт больше времени.

– По нормативам, которые следует заложить в расчёт времени, дней за семь.

– Да вы что, Елена Васильевна?! Директор просил, чтобы была готова через день, а иначе у меня будут неприятности.

– Николай Иванович, как бы я не старалась, но за это время я не успею это сделать.

– Елена Васильевна, а вы не могли бы сегодня поработать в ночную смену? Я вам и покушать принесу. Вы перестраивайтесь на эту работу. Я сейчас же отнесу справку в ваш пункт регистрации о том, что вы в течение двух дней не сможете туда приходиться по производственным причинам.

– Хорошо, Николай Иванович, ради вас я постараюсь и буду работать до тех пор, пока хватит сил. Тогда, если можно, принесите мне побольше крепкого чая.

– Хорошо, Елена Васильевна, я принесу вам сейчас чаю, а потом отнесу справку.

Елена сделала все замеры, быстро перенесла их на чертёж и стала точить. Пока Замков Николай Иванович принёс ей чай, Михайлова сумела уже сделать первую операцию на растачиваемой детали.

Она с благодарностью приняла еду и чай, который принёс мастер. Елена хорошо поела, выпила чай и работала чуть ли не до рассвета. Затем выключила станок, легла в раздевалке на лавку, подложив под голову старую ненужную фуфайку, и заснула. Поспав два часа, она встала, доела оставшуюся пищу, выпила недопитый чай, вновь стала к станку и начала работать.

К восьми часам в цеху стали уже собираться и другие рабочие. Вскоре пришёл и Николай Иванович. Он подошёл к Михайловой и сказал:

– Елена Васильевна, я вам горяченькой еды принёс, супчика и картошки с котлетками. Поешьте, пожалуйста, сейчас, чтобы еда не остыла. А то я так старался, вон как еду закутал. И чаю вам много принёс, целый литровый термос. Я сам всё готовил. Повар из меня не очень

хороший, но есть, думаю, можно. Так что садитесь и кушайте. А я сейчас наряды токарям и слесарям раздам, а потом подойду.

– Спасибо, Николай Иванович, с удовольствием поем. Я очень тронута вашим вниманием.

Михайлова здесь же, возле станка, села и с удовольствием съела суп и картошку с котлетами, выпила чаю. Потом она вновь включила станок и продолжила работать. Вскоре к ней подошёл мастер и спросил:

– Поела, Елена Васильевна?

– С удовольствием, Николай Иванович, поела. Всё было очень вкусное и горячее. Спасибо вам большое, выручили вы меня, не дали с голоду умереть.

– Это не я вас, Елена Васильевна, выручил, а вы меня выручаете. Когда будет готова деталь?

– Наверное, к концу смены. Вы мне, Николай Иванович, пока не мешайте, подойдёте ко мне часа в три или четыре.

– Хорошо, Елена Васильевна, я так и сделаю.

И Замков ушёл, а Елена продолжала сосредоточенно выполнять данное ей задание. Работа у неё спорилась. Все операции Михайлова выполняла в рамках дозволенного допуска. И когда в условленное время к ней подошёл Николай Иванович, то деталь уже была готова. Елена была уставшая, но счастливая от того, что не подвела мастера.

– Вот возьмите, Николай Иванович, нашу мучительницу. Готовенькая. Размеры все выдержаны. И класс чистоты дала высокий.

Николай Иванович взял у Елены деталь, радостный обнял её и поцеловал, сказав:

– Вот, Леночка, какая же ты умничка! Выручила меня. Спасибо тебе превеликое! Я, признаться, не очень верил в то, что ты справишься с этой работой. Да и начальник цеха не верил, а ты справилась. Великий ты профессионал, настоящий токарь! Ура!.. Победа за тобой! Ты завтра на работу не выходи. Ты ведь, получается, почти четыре смены подряд работала.

– Спасибо, Николай Иванович, за отгул.

– Это тебе, Леночка, большое-пребольшое спасибо.

И вдруг он спохватился и сказал:

– Ой, я от радости и счастья вас не Еленой Васильев-ной назвал, а Леночкой и на "ты". А можно я так и буду вас теперь называть? Мне почему-то хочется теплее к вам относиться и быть доверительнее к тебе, Леночка, а не к вам.

– Ну если хочется, то называйте так.

– Спасибо, Леночка. Мне тоже было бы приятно, если бы ты меня называла не Николаем Ивановичем, а просто Колей, Николаем и тоже обращалась бы ко мне на "ты". Хорошо?

– Хорошо, Николай. Но ты же мой начальник.

– Ой, Леночка, какой я начальник? Это ты у нас по деловым качествам начальник, а не я. Но ты иди домой, а я побегу к директору Виталию Степановичу и обрадую его.

И Николай Иванович немедленно пошёл к директору в кабинет, где он уже ожидал его.

– Ну что, Коля, чем порадуешь?

– Сделали, Виталий Степанович..

– Неужели! Вот здорово! Не подвёл ты меня, справил-ся с заданием.

– Да это не я не подвёл, а Михайлова не подвела. Она почти четыре смены подряд работала. И только выпол-нив задание, пошла домой.

– Да, молодец Михайлова, надо бы её поощрить. Ты её в зарплате не обижай. Такие работники, как она, на вес золота ценятся. Эту её работу оцени рублей на восемь-десять, ведь эта деталь стоит не менее четырёхсот рублей, да её ещё и не купишь.

– Спасибо, Виталий Степанович, я так эту деталь и оценю. Михайлова действительно очень высокопрофес-сиональный токарь, безотказный и добрый человек.

– Ты не влюбился ли в неё, Коля, а?

– Да нет, – краснея, ответил Замков, – Михайлова очень серьёзная женщина.

– А что ты думаешь, что в серьёзных нельзя влюблять-ся что ли?

– Ой, Виталий Степанович, засмутили вы меня. Я луч-ше пойду в цех. Там ещё нужно проверить сданную рабо-

ту.

И Замков пошёл в цех, радуясь тому, что Господь ему на пути послал такого прекрасного человека, как Елена.

А Елена тоже довольная пошла домой. По пути она зашла в несколько магазинов и накупила недорогих продуктов. Дома она загрузила их в холодильник и прилегла отдохнуть. Но вскоре забылась крепким сном, и лишь только звонок в дверь разбудил её. Она встала и открыла дверь. В квартиру вошёл Владимир Владимирович Сергеев.

– Проходи, Володя...

– Леночка, а где это ты пропадала? Почему тебя не было всю ночь?

– На работе...

– На какой работе? Ты же в первую смену работаешь?

– После первой смены я осталась работать и во вторую, и в третью, и на следующий день в первую смену доделывала срочную работу.

– Как это могло произойти? Разве можно работать подряд четыре смены без еды и отдыха? Кто это тебя заставил? Это же незаконно! Беспредел! Я пойду и заявлю на них в прокуратуру.

– Ты что, Володенька? Не нужно никуда ходить. Я, во-первых, там ночью спала часа два, во-вторых, меня там покормили и, в-третьих, никто не приказывал, а я сама выразила согласие поработать.

– А почему ты мне не позвонила? Я здесь беспокоился, места себе не находил. Разве так, Михайлова, поступают?

– Извини, пожалуйста, Володенька. Я была очень озадачена этой работой и совершенно забыла, что нужно позвонить. Я думала, что ты не заметишь моего отсутствия.

– Хорошенькое дело! Тебя нет всю ночь, а я не заметил! У тебя же свет даже не включался. Я увидел это, заволновался, позвонил, а дверь никто не открывает. Тогда я стал по телефону звонить, а там молчок. Нехорошо так поступать, Елена Васильевна! Я весь измучился, всё думал, вдруг с тобой что случилось, хулиганы напали или ещё что-нибудь.

– Ну, Володенька, со мной, слава Богу, ничего дурного не случилось. Всё в порядке. Я перед тобой уже извинилась, объяснила тебе причину, а ты всё ругаешься. Садись, давай поужинаем, чаю попьём. Ну что ты так разбушевался, как холодный самовар. Давай, я тебя по твоей горячей головке поглажу и прогоню всё твоё негодование.

После этих слов Сергеев как-то обмяк, попросил за свою выходку прощения и сел пить чай. А за чаем они стали обсуждать свои планы. Обращаясь к Михайловой, он сказал:

– До экзаменов остался месяц. Надо подготовить все документы, сходить к ректору юридического института и всерьёз заняться историей.

– Мне предоставили отгул за отработанное время, поэтому хоть завтра можем идти к ректору.

– Нет, Леночка, ректор пока отсутствует. У него командировка, приедет он через три дня. Тебе надо сразу собрать и документы, сдадим их тогда. Уже сделаем всё сразу заодно.

– Тогда, Володенька, я завтра весь день-деньской стану учить историю. Я уже начала её конспектировать. Этот предмет ведь профилирующий?

– Да, Леночка, его сдать сложнее всех. Но я думаю, что ты осилишь...

– Ой, боюсь я, Володечка. А вдруг тебя подведу?

– Чтобы не подвести, Леночка, надо больше заниматься, а не работать по ночам.

– Ой, Володенька, какой же ты неутомонный и, похоже, что очень ревнивый. Я же тебе не жена. Ты чего меня так ругаешь?

– Как не жена?.. Жена.

– Ты что, Володя, какая я тебе жена? Ты что говоришь?

– Самая обыкновенная. Мы с тобой зарегистрировали фиктивный брак.

– Я же не давала на это никакого согласия и ничего не знаю об этом.

– Вот поэтому, зная, что ты согласия не дашь, я и сделал всё это тайно.

– А как же, Володя, наш брак, хоть и фиктивный, зарегистрировали?

– Моя двоюродная сестра Анастасия заведует загсом. По моей просьбе она нас и зарегистрировала. Помнишь, я намекал тебе на свои чувства? Ты в очень резкой форме отклонила все мои ухаживания, сказала, что никогда и ни за кого не выйдешь замуж, поскольку любишь Ивана и кроме того дала обет замуж не выходить. Поэтому если бы я тебе это предложил, ты бы ни за что не согласилась. А, значит, я не смог бы вытащить тебя из колонии строгого режима в колонию-поселение. Для этого нужно было, во-первых, чтобы было жильё с постоянным местом прописки и, во-вторых, чтобы был близкий человек, который мог бы за тебя поручиться. А вот эти качества я в себе и нашёл. Так что, Леночка, извини меня, но получилось, что без тебя же тебя выдали замуж. А я вот твой новоиспечённый, правда, фиктивный, муж. И ты, и твой Сашенька прописаны у меня. А Ленусенька и Игорёк прописаны в Донецкой квартире. Здесь учли, что Игорёк уже исполнилось шестнадцать лет, и он работает.

– А Тамара об этом знает?

– Да, Леночка, знает. Мы собрались все – Тамара, Миша, Игорёк и Ленусенька – и сообща всё решили. Все высказались за это предложение, чтобы тебе не сидеть за решёткой ещё три с половиной года. Брак этот фиктивный, я ни на что, Леночка, не рассчитываю. Хотя признаюсь, что ты мне не безразлична, и я пошёл на это только из-за большой любви к тебе. Однако после отбытия срока я буду согласен расторгнуть наш брак. Ты, Леночка, не волнуйся, я тебя и пальцем не трону, потому что я очень и очень тебя люблю. Но все свои чувства я держу в кулаке. Начальник колонии Григорий Николаевич хотел направить тебя в колонию-поселение без этого замужества, но на самом конечном этапе ему не разрешили. Вот нам и пришлось оформить этот фиктивный брак.

– И врач Дмитрий Васильевич об этом знает?

– Знает. Правда, он почему-то не очень в этом вопросе нас с Григорием Николаевичем поддерживал. Разозлился на нас, даже с нами поругался. Со мною он сейчас почти не разговаривает, но и я ему не звоню.

– А с Григорием Николаевичем вы общаетесь?

– Да, созваниваемся. Он тебе приветы передаёт, спрашивает, как твои дела. Друг у меня что надо. В трудный час мне помог. А вот Дмитрий Васильевич оказался как-то закрытым.

– Их бы, Володя, надо отблагодарить. Я получила большую зарплату. Купила им подарки, и их надо как-то им вручить. Они столько сделали для меня, пока я была там, особенно Дмитрий Васильевич. Он меня лечил и был ко мне очень внимателен, фактически делал невозможное возможным. Я ему и Григорию Николаевичу очень признательна и хочу их как-то отблагодарить.

– Леночка, так я тебе помогу в этом. А ты меня простила, что я такое сотворил? Без твоего ведома женился на тебе.

– Не знаю, Владимир. Ты меня просто ошарашил. Я пока не могу сообразить. Выходит, все знают, что ты мой муж, а я не знаю. Слава Богу, что сегодня хоть это прояснилось. Буду знать как себя вести в соответствующих ситуациях... И когда, Владимир, я за тебя замуж вышла?

– Да уже давненько, скоро четыре месяца.

– Ого... Ты мне хоть свидетельство о браке покажи.

– Сейчас, Леночка, принесу.

И он быстро сходил в свою квартиру и принёс ей свидетельство о браке, в котором было указано, что мужем Михайловой Елены Васильевны является Сергеев Владимир Владимирович.

– Хорошо, что хоть фамилию мою оставил.

– Это так Тамара решила.

– А теперь, Леночка, я хочу усыновить всех твоих детей. Как ты считаешь? Ты не против?

– Давай пока, Володя, не касаться этого вопроса. Поживём, увидим, спешить не будем. Ты же сам говоришь, что брак фиктивный.

– Да, я говорю, но я очень хочу, чтобы он был не фиктивным.

– Я к этому, Владимир, пока совершенно не готова. Да и ты меня плохо знаешь. После смерти Ивана я вряд ли кого смогу полюбить. Да мы, кажется, с тобой и по

убеждениям не совсем сходимся. Меня тянет к Богу, а ты, по-моему, не очень стремишься к Нему. Так ведь?

– Леночка, конечно, я не такой, как ты. Я далёк от Бога, но я хочу вместе с тобой ходить в Монастырь, научиться молиться, познать христианство, одним словом, повернуться лицом к Богу. Если ты мне поможешь в этом, то я буду очень рад и пойду за тобой хоть на край света.

– Володенька, но ведь я тебя не люблю.

– Леночка, но, как ты говоришь, Бог даст – полюбись. Я буду очень стараться, чтобы ты меня полюбила. А если не полюбишь, то я всё равно рад буду видеть тебя, ощущать твоё дыхание, знать, что ты есть и со мной рядом. Но я повторяю: никакими действиями к своей любви принуждать тебя не буду. Для меня достаточно и платонической любви. Так что, Леночка, пусть всё идёт так, как идёт. Ведь я тебя с каждым днём люблю всё больше и счастлив от такой любви. А вчера я чуть с ума не сошёл, всё бегал от своей двери к твоей, всё звонил в дверь и по телефону, всю ночь не сомкнул глаз, у меня голова раскалывалась. Я выпил кучу разных таблеток. И не смог пойти в институт, попросил, чтобы коллега заменил меня. А когда услышал твои шаги, увидел тебя, то с меня словно сто пудов сняли, которые до изнеможения давили.

– Прости, Володенька, больше такого не повторится. Но я же не знала, что меня дома ждёт муж, – улыбаясь и целуя его в макушку с какой-то потаённой грустью, сказала Елена.

Окрылённый Владимир ответно, светясь нежностью, поцеловал её в щёчку и спросил:

– Леночка, теперь ты знаешь всю правду. Как мы будем жить? Ты ко мне переберёшься?

– Володенька, давай пока повременим. Как мы с тобой и решили: пусть идёт все как идёт. Время покажет, как мы должны строить с тобой наши отношения. Я, Володенька, сейчас переполнена полученной информацией. Она меня и давит, и огорчает, и в какой-то степени радует. Можно ты сейчас уйдёшь, а я побуду одна?

Когда Елена осталась одна, она долго раздумывала над тем, что узнала. Её переполняли различные чувства. И

она задумалась: "Ну как это я вышла замуж без воли? И не то, чтобы без воли, а даже не знала о том. Но факт замужества теперь свершился. Что же мне делать? Владимир это сделал по любви и из лучших побуждений, но я же дала обет не выходить замуж. Неужели бес таким образом решил меня искушать, чтобы я продолжала грешить? Но я же не люблю Володю, а если и люблю, то всего лишь платонической любовью, совершенно не той, что любила Ванюшу. Моя сладострастная любовь к нему до сих пор меня волнует, хотя после его смерти прошло уже больше года, а после последней встречи с ним около двух лет. А Ванюша всё так же близок и дорог мне по-прежнему. Его дыхание, ласку, нежность, необъяснимую притягательность я ощущаю с такой же остротой, как и когда-то. Конечно же, Володя мне не сможет дать того, что я чувствовала. И это всегда будет служить тормозом наших тёплых отношений.. А может это так случилось по молитвам батюшки Тимофея? Он же бранил меня за сладострастную любовь к Ванюше. И это промысел Господний. Я не стану растворяться всем своим существом в Володе. Это уже однозначно. Острее буду торить тропу к Господу, служить Ему всем сердцем и душой, как того хотел батюшка Тимофей, обрету покой, уверенность, взращу в себе более крепкую веру и ярче смогу нести Господнее Слово. На такую с моей стороны не совсем чувственную любовь Владимир согласен. Если я откажусь от него, то он будет опечален. Володя же ради меня, а вернее ради своей любви ко мне, пошёл на такие жертвы и в определённой степени унижения. А если я своим холодным отношением буду всё-таки причинять ему боль? Этого бы я никак не хотела, ведь за добро надо платить добром, а не причинять человеку страдания. Господи, что мне делать?"

И Елена поднялась, поскольку ощутила в себе острую потребность молиться. Обращая свои взоры к иконе, подаренной батюшкой Тимофеем, встав на колени, стала взывать: "Владько, ниспошли разумение: как мне в данном случае поступить? Я дала обет не выходить замуж, но помимо своей воли стала замужней женщиной. Я его люблю только платонической любовью, но я не хочу

Володю огорчать и причинять ему печали. Господи, укажи путь, как мне в этом случае поступить? Направь меня, Творец, на тропу спасения. Воззри мои скорби и сложившиеся обстоятельства. Возлей на мою грешную душу просветления. Слёзно прошу, Возлюбленный мой Боже, пошли мне прозрения и направь на праведный путь. Я, Господи, хочу чистоты души и чтобы мои помыслы были направлены к Тебе, Всеблагой Боже. Припадаю к Тебе, Всесущий. Укажи для меня правильный путь. Мне так хочется смыть грехи, а не наращивать их своими греховными делами и поступками. Ниспошли мне, Боже Праведный, верной дороги жизни. Укрепи меня силой духа и более крепкой верой. Избавь меня от искушений, которые следуют за мной по пятам, коварно соблазняя меня своими греховными воззрениями. Владыко, прости меня грешную и недостойную рабу Елену, укрой меня Своей благодатью и милостью Твоею. И помоги мне, Всевышний Боже, обрести покой, в котором я сейчас так нуждаюсь, и принять правильное решение – такое решение, которое было бы угодно Тебе, Господи, а в мою душу внесло бы спокойствие".

Но сколько ни молилась Елена, в душе она не чувствовала спокойствия и уверенности в выборе правильного решения. И она решила поехать в Храм, который находился на окраине Харькова, чтобы там помолиться и исповедоваться у священника.

Елена не стала откладывать это решение в долгий ящик, а, пользуясь тем, что ей предоставили отгул, поехала в этот день в Храм. Он был небольшой, и, судя по внешнему виду, старенький и нуждался в ремонте.

Зайдя в Храм, Елена перекрестилась и прочитала несколько молитв. Затем подошла к священнику, чтобы исповедоваться. Она хотела попросить его помочь ей в выборе решения и получить на это благословение.

Батюшка очень внимательно слушал исповедь Елены, не перебивал её. А когда она закончила говорить, то сказал ей:

– Что же тебе, деточка, в данном случае посоветовать, чтобы ты приняла правильное решение? Мне это тоже сложно сделать. А ты, детка, послушай себя, своё серд-

це, свою душу, что они тебе говорят. Ведь кроме тебя самой никто правильное решение не найдёт. Что говорит тебе твой внутренний голос?

– Батюшка Андрей, я слышу в себе большое сомнение, неопределённость и неуютность в душе. Ведь к Владимиру я не ощущаю ни любви, ни трепетности, ни желания быть вместе. Но я боюсь обидеть его. Этот человек так много доброго сделал и делает для меня.

– Ну, то, что он, Елена, делает доброе дело, то Господь ему на Судном дне зачтёт. А судьбы должны соединяться, когда есть взаимная внутренняя привязанность. А если её нет, то тяжело будет вместе жить, незаметно появится злость и у тебя, и у него, исчезнет терпение, и с его стороны погаснет огонь. Тогда Володя уже не сможет относиться к тебе уважительно, с пониманием и любовью, которую он сейчас имеет. Ведь без поддержания огонь исчезнет, а на его месте возникнет разочарование и холодность отношений. В таком состоянии человек становится очень несчастным, и такой путь вам обоим принесёт боль и тоску. Ты, детка, не принимай конкретного решения до тех пор, пока не услышишь зов к нему, пока сердце твоё не раскроется, как цветущий тюльпан весной. Владимир же согласен ждать, поэтому не торопите события. Время вас рассудит. А может Владимир тебя и не любит, он жалеет тебя за твои страдания, да и только. Ты вон и статная, и красивая, с тобой каждый мужчина покрасоваться не прочь. Но это же не говорит о том, что эта тонкая нить не порвётся, и каждый не пойдёт своей стезёй? Ведь отношения для двоих ниспосылаются Господом, а ты ведь Господом была благословенная.

– Да, батюшка Андрей, я со своим мужем Иваном, который умер более года назад, венчалась в Монастыре у схииархимандрита Тимофея.

– Знавал я батюшку Тимофея, Елена, светлая и чистая была у него душа. Ниспошли ему, Господи, Царствие Небесное. В Раю, наверное, наш батюшка. Прозорливый он был. Он бы нам однозначно подсказал правильное решение. Да вот нет его с нами..

– Когда он ещё был жив, то говорил мне, что замуж не нужно выходить. А тут получилось так, что без моего

ведома был оформлен фиктивный брак.

– Значит, детка, на это есть Промысел Божий. И как я уже сказал, ты не торопи события. Всё само по себе станет на свои места. Коль схиархимандрит так тебе говорил, то так и надо делать.

– Но ведь я, батюшка Андрей, уже замужем. Мне что надо разводиться?

– Нет, детка, разводиться не надо, Володя этого не хочет, ему сейчас легче чувствовать себя хоть и фиктивным, но твоим мужем. Да и тебе этот развод совершенно ни к чему. Ты, Елена, не спеши перейти границу твоих с ним отношений. Вот и всё, детка, время рассудит..

Елена поблагодарила священника, пожертвовала денег на нужды Храма и направилась домой. Дома немного отдохнув, она стала изучать историю, прозанималась до позднего вечера, пока не услышала звонок. Елена открыла дверь, и Владимир вместо приветствия сразу задал ей вопрос:

– Елена, где ты и сегодня пропадала? Я самого утра и до часу дня всё тебе названивал, а тебя опять дома не было.

– Я, Володенька, сегодня встала очень рано и поехала в тот Храм, что на окраине Харькова, о котором ты мне рассказывал.

– А почему ты мне не сказала? Поехали бы вместе на машине.

– Мне захотелось поехать одной, чтобы никого не беспокоить и чтобы никто не знал. Я хотела в Храме помолиться, исповедоваться и спросить батюшку о том, как нам с тобой поступить.

– И что же, Леночка, батюшка посоветовал?

– Батюшка Андрей сказал, чтобы мы не спешили переходить от фиктивного брака к близким отношениям. Пусть всё идёт своим чередом. Наши с тобой отношения должны провериться временем.

– Жаль, Леночка, что меня ждёт такое жестокое испытание. Но я дал слово тебе и твоим родственникам, что насильно границу дозволенного не стану переходить. Вот так вот, моя дорогая ненаглядная Леночка. Ну дай я тебя хоть в макушечку поцелую, как ребёнка, где не живут чувства, зато живут правильные мысли. Так ведь, фик-

тивная моя жёнушка?

– Так, Володя, но прошу тебя, не называй меня пока даже фиктивной жёнушкой. Пусть это будет в определённой степени тайной.

– Хорошо, Леночка, однако это мало для кого является тайной. Кстати, когда мы поедем в колонию к Григорию Николаевичу и Дмитрию Васильевичу?

– Наверное, когда я заработаю очередной отгул.

– Но можно же и после работы, Леночка.

– Я не возражаю, Володенька.

– Тогда я сейчас позвоню и договорюсь.

И он позвонил от Елены Григорию Николаевичу в колонию.

– Добрый вечер, Григорий Николаевич. Мы вот с Леночкой хотим вас с Дмитрием Васильевичем навестить. Когда можно подъехать? Леночка, он говорит, что можно и завтра.

– Володя, ну я не знаю, как сложится завтрашний день. Я же не обговаривала это на работе, а вдруг меня заставят во вторую смену работать? Попроси разрешения приехать послезавтра.

– Гриша, Леночка просит перенести на послезавтра, не возражаешь?

– Не возражаю, – раздался голос на другом конце провода.

– Спасибо, Григорий.. Приедем послезавтра к семи часам вечера. До свидания. Всё, Леночка.. Я договорился.. Послезавтра я заеду за тобой, ты отметишься, а потом мы поедем в колонию.

– Хорошо, Володенька. Спасибо тебе большое. Какой же ты бойкий, смелый и находчивый.

– За что спасибо, Леночка? Я же сам очень хочу увидеть своих друзей. И мне очень приятно с тобой там побывать, со своей красавицей, несравненной лебедушкой и царевной, Еленой прекрасной.

И вот они уже сидят за столом все вместе – Владимир, Елена, Дмитрий и Григорий – и весело общаются. В качестве тамады выступал Григорий Николаевич. И он, обращаясь к присутствующим, сказал:

– А сейчас, дорогие друзья, слово предоставляется

Елене Васильевне, которая накрыла для нас такой богатый стол с такими прекрасными коньячными напитками. Где ж ты столько денег взяла?

– Спасибо, Григорий Николаевич за предоставленное слово. Мне очень хочется поблагодарить Дмитрия Васильевича, Григория Николаевича, Владимира Владимировича за всё то добро, что вы сделали для меня, за заботу, за понимание и вашу в наивысшей степени человечность. Мне от чистого сердца хочется подарить вам именные серебряные портсигары в знак глубокой признательности и уважения к вам. Примите, пожалуйста.

И Елена подарила подписанные портсигары и Владимиру Владимировичу, и Григорию Николаевичу, и Дмитрию Васильевичу. С удовольствием приняв подарок, Григорий Николаевич не удержался и снова спросил:

– Елена Васильевна, ну где же это ты столько денег взяла?

– Заработала, Григорий Николаевич. Я же работаю токарем. Мне дают самую сложную работу, её хорошо оценивают. Так что в этом месяце я получила около пятисот рублей.

– Вот так Леночка! Вот так молодец! Это три моих оклада!.. и зачем я учился на врача? Пошёл бы лучше токарем, загребал бы такие деньжищи, а?

– Токари не все такие, как Лена, бывают. Она же, Дима, единственная на заводе, кто зарабатывает такие деньги. Директор Леночкой очень доволен. Она на заводе, как палочка-выручалочка. За такое короткое время Лена уже внесла и внедрила семь рационализаторских предложений. Поэтому сейчас завод благодаря им и её работе выполняет и перевыполняет план. Директор Леной не нарадуется и всё меня благодарит.

– Леночка, а где это ты так классно научилась работать?

– Я, Дмитрий Васильевич, начала работать токарем ещё с пятнадцати лет. У меня был очень хороший учитель Николай Иванович. Я около восьми лет работала токарем, только потом ушла в науку.

– А как же ты институт закончила?

– Я закончила вечернюю школу, Дмитрий Василье-

вич, и институт заочно.

– Повезло тебе, Володя, такую жену себе отхватил. Леночка и красавица, и умница, и труженица необыкновенная.

– Ну что вы, Дмитрий Васильевич, я не стою таких красивых слов.

Обновив стол, достав из сумки ещё разной нарезки и коньяка, Елена обратилась к начальнику колонии:

– Григорий Николаевич, а можно мне навестить мою боевую дружину и угостить всех коньячком? Я там для них приготовила скромные подарки в рамках дозволенного и хотела бы с ними пообщаться в комнате свиданий. Сумка с подарками в машине. Можно сделать так, чтобы на проходной меня не проверяли?

– Можно, Елена Васильевна. И надеюсь, что ты действительно не пронесёшь ничего запрещённого.

– Кроме коньяка, Григорий Николаевич, там только то, что разрешается.

– Ну тогда иди, да не напивайтесь там.

– Да я несу только одну бутылочку коньяка, да и всё из спиртного.

– Гриша, я тогда пойду с Леночкой, открою ей машину, помогу сумку донести до комнаты свиданий. А там немного подожду, пока придёт боевая дружина.

– Не надо, Володя, там ждать. Сумку донесёшь и возвращайся сюда. А я позвоню дежурному, чтобы вас пропустили через проходную, а дружину привели в комнату свиданий.

– Спасибо, Григорий Николаевич, – сказала Елена, и они с Володей направились к машине.

А тем временем начальник колонии позвонил на проходную и дал соответствующее распоряжение.

А Дмитрий Васильевич задумчиво сидел за столом. Он был угрюмым и недовольным:

– Вот счастливичек этот Володя. Такую жену отхватить!.. Везёт же людям!.. Эта Елена редкой души человек...

– Ты, Дима, не завидуй. Ещё неизвестно кому повезло. Ведь брак-то, ты сам знаешь, не настоящий, а фиктивный...

- Гриша, я бы даже за фиктивный брак, за три года такого брака отдал бы жизнь. Леночка же такая сказочная женщина.

- Дима, у тебя и Фаина сказочная женщина. И она тебя любит безумно, дорожит тобой, заботится о тебе. Что тебе ещё для полного счастья надо? Не гневи Бога, друг мой.

- Гриша, неужели ты не видишь, Елена не такая как все во всех отношениях. Она ведь не только красивая, от природы умная, а ещё она обладает каким-то магнетическим чувственным воззванием, которое исходит от неё с особой притягательностью, зовом и трепетом. Вот эта невидимая сила, сконцентрированная в ней, насыщает мою грудь, как цветочный аромат. И мне хочется от этого парить, кричать и веселиться.

- Дима, ничего в ней такого и нет. Ты просто в Елену влюбился, вот и всё. Со временем эта блажь пройдёт, и ты сам увидишь, что Елена - обыкновенный человек, такой же, как и все.

- Гриша, я действительно влюбился в Леночку с первого взгляда. Я увидел в ней то, что ты своей грубой душой не можешь рассмотреть.

- А мне, Димочка, и не нужно смотреть. Во-первых, я люблю свою жену, а, во-вторых, Елена такого, как я никогда не полжубит, поэтому и нечего рвать себе душу.

- Если бы ты, Гриша, проник в её внутренний мир, то у тебя не было бы ни во-первых, ни во-вторых. Ты бы стремился хоть краешком глаза её увидеть, прикоснуться бы к ней и слушать, слушать её умные речи, а в ответ говорить ей ласковые слова.

- Димок, если бы я увидел то, что ты нарисовал, то я бы наверняка не отпустил Лену в колонию-поселение.

- Это точно, Гриша. Теперь ты можешь понять, как мне тяжело стало без Леночки. И я очень жалею, что просил тебя похлопотать о переводе Елены в колонию-поселение.

- Ты хоть Володе об этом не говори.

- А что ему говорить? Он и сам всё видит. Володя же не такой чурбан и не слепой, как ты.

- Ну ладно, фантазёр. Дима, наливай. Давай выпьем

за твою сказочную чувствительность и виртуальную любовь.

- Нет... За это я, Гриша, пить не стану. Я хочу выпить за Леночку, чтобы она была счастливой и всё-таки хоть немножко обратила внимания на меня.

- Хорошо, Дима, давай за это выпьем... А как Лена нам нос утёрла? Вон какие на поселении деньги зарабатывает. Это же действительно сказочные деньги! Мы с тобой начальниками служим, а и близко таких денег не зарабатываем.

- А я тебе, Гриша, о чём говорю. Елена во всех отношениях лучшая. Вот ты на поселение многих отправлял, а кто-нибудь к тебе с благодарностью приходил? Нет, не приходил, а Леночка пришла, стол нам накрыла, да ещё подарки принесла, а у неё ведь трое детей. И о дружине своей она не забыла, пошла их поддержать. Ну, Гриша, какой Лена после этого человек? Конечно же, редкий. И это всё есть её внутренний мир, который ты не рассмотрел. Гриша, если бы Леночка мне досталась, то я бы её боготворил, носил на руках.

- Дима, боготворить людей нельзя. Ты помнишь, нам об этом говорил схиархимандрит Тимофей?

- Да, помню. Но я настолько глубоко полюбил Елену, что спасу нет. А она же Володю совершенно не любит. Я помню, как горели глаза Елены, когда приезжал сюда её муж Иван. Вот его Леночка любила. Похоже, что и Иван был от неё без ума.

- Дима, давай сменим тему, а то сейчас придёт Володя.

- Счастливчик этот Володя, счастливчик... Мне его от ревности очень хочется отдубасить, хоть он и мой друг.

- Дима, ты смотри и на самом деле не сделай этого, а то ты так разгорячился, разволновался. Я согласен с тобой, Елена редкой души человек, но а тебе, друже, надо держать себя в руках.

- Надо, Гриша, да силы не хватает. Вот как пойдём провожать, то упаду перед Леночкой на колени и стану ей говорить о своих чувствах и о любви.

- Ты что, Дима! Не смей этого делать! А то я...

И в это время открылась дверь, и в кабинет зашёл Во-

лодя. Сияющий и довольный, он сказал:

– Там боевая дружина уже вся в сборе. Все счастливы и беседуют в комнате свиданий.

А боевая дружина действительно очень обрадовалась приезду Елены. Дуняша от радости даже расплакалась, она всё обнимала Елену и приговаривала:

– Мы тебя все заждались, Леночка, истосковались. Наконец-то мы встретились. Нам здесь без тебя было так тоскливо.

И другие подружки в унисон Дуняше говорили Елене добрые и тёплые слова. Затем все вместе накрыли на стол, достав из сумки Елены вкусные продукты, разлили коньяк по кружкам и начали отмечать встречу.

– Ой, Леночка, мы такой вкусняшки так давно не ели. Спасибо тебе, подруга.

– Не стоит благодарности, Степанида. Мне очень приятно слышать от вас добрые слова, ведь я тоже за вами очень и очень соскучилась. Мне там вас очень не хватает. Я вам всем подарочки привезла.

И Елена раздала всем одинаковые парфюмерные наборы.

– Ой, Леночка, ну зачем ты так много денег потратила?

– Я теперь богачка, Людочка, работаю токарем и хорошо зарабатываю.

– Леночка, а тут говорят, что ты замуж за Володю вышла. Это так или нет?

– Так, Виктория, но я бы не хотела говорить на эту тему.

– А ты с ним счастлива, Леночка?

– Счастлива, Степанида, но я бы не хотела это обсуждать.

– Хорошо, Леночка, не будем.. Давайте, девчонки, выпьем за встречу. Я сто лет не пила, а коньяк вообще не пробовала.

И они счастливые много говорили, перебивая друг друга от радости. В их душах чувствовался праздник, поэтому они не заметили, как пролетели два часа. Опомнились только тогда, когда в комнату вошёл дежурный и сказал, чтобы они расходились, а Михайлова следовала

к машине, где её ждал Владимир.

Боевая дружина оставшиеся продукты взяла с собой. Женщины по-родственному попрощались с Еленой и разошлись. Они пошли в свои камеры, а Елена пошла к машине, возле которой в глубокой задумчивости стоял Владимир.

– Володенька, ты давно здесь? Что-то ты грустный?

– Да нет, Леночка, я тебя недолго ожидаю. Я не грустный, а просто задумался над разговором Дмитрия. Ты знаешь, Леночка, почему он на меня дуется и не совсем дружелюбно настроен?

– Нет, Володя, не знаю..

– Дима мне сказал, что я счастливчик и что он мне очень завидует потому, что я женился на тебе, и я тебя не достоин.

– Ты, Володя, не обращай на это внимание. Он, наверное, изрядно выпил и говорил всякую чушь.

– Нет, Леночка, Дмитрий был почти трезвый. Вначале я тоже думал, что он шутит, а он о своих чувствах к тебе выдал целую тираду. Дмитрий к тебе приставал?

– Нет, что ты? Дмитрий относился ко мне совершенно адекватно, нормально..

– А что же он сегодня так разошёлся?

– Ну, этого я не знаю, вот ты бы у него и спросил.

– Я хотел строгонько с ним поговорить, да Дмитрий стал задираться так, что Григорий его от меня еле оттащил.

– Ну это уже совсем нехорошо. Да это он, наверное, шутил или проверял тебя, как ты к его чудачеству отнесёшься. Дмитрий – несколько своеобразный, в душе он поэт и фантазёр. Нафантазировал, наверное, да под градусами коньячка и размечтался. Ты уж на него зла не держи, он хороший человек.

– А что это ты его, Леночка, защищаешь?

– Да не защищаю я его, Володя.

– А может быть между вами что-то было?

– Володя, прекрати говорить глупости. Между нами ничего не было и быть не могло. Я прошу, меня не ревнуй и на эту тему со мной больше не говори. Мне неприятно это слышать, и я не хочу оправдываться. Если я в кого-

то влюблюсь, то ты первый об этом узнаешь. Давай садись в машину и поехали домой, а то уже поздно.

Приехав домой, Елена сказала:

– Володенька, сегодня был такой насыщенный день, я очень устала. Давай вот здесь у дверей и расстанемся.. А то я завтра должна рано вставать. Хорошо?

– Хорошо.. А хочешь, Леночка, завтра утром я отвезу тебя на машине, чтобы ты подольше поспала.

– Нет, Володенька.. Я не хочу тебя обременять. Спокойной ночи. И спасибо тебе, Володенька, за всё.

Елена быстро открыла дверь и вошла в квартиру. Она незамедлительно легла спать, чтобы набраться сил для завтрашнего рабочего дня.

Смена на заводе прошла успешно. Елена с Николаем обсудили предстоящий график срочной работы на субботу и воскресенье.

– Елена, за работу в субботу и воскресенье я предоставлю тебе компенсацию, то есть двойную оплату.

– Нет, Николай, не нужно мне двойной оплаты, а лучше предоставь мне отгулы. Мне эти два дня очень нужны. Я хочу подать документы в юридический институт.

– Ты что, Леночка, хочешь поступать?

– Попытаюсь, авось повезёт.

– Ты поступишь, Леночка, я в этом уверен. Зачем тебе вообще поступать? Говорят, что ты доктор технических наук, профессор. Тебе второе высшее образование как бы и ни к чему при твоих регалиях.

– Никаких, Николай, у меня регалий нет. По приговору суда меня лишили и звания профессора, и степени доктора технических наук. И теперь я никто, а просто, как видишь, токарь.

– Ну, Леночка, ведь диплома о высшем образовании тебя же не лишили? Или и его отобрали?

– Диплом не отобрали, но на инженерную должность после освобождения меня нигде не возьмут. А у меня, Николай, трое детей и их поднимать надо. Я хочу попытаться найти применение своих сил в другой сфере, в юриспруденции. Возможно, в этом направлении мне больше повезёт.

– Да, Леночка, сложная у тебя ситуация.. Но раз ты

чувствуешь, что тебе надо идти по этой стёжке-дорожке, то почему бы не попробовать, чтобы в дальнейшей жизни не раскаиваться. Всё равно тебе до окончания срока ещё три года осталось. Будешь учиться, и время быстрее пройдёт, и вторую специальность приобретёшь

– Ой, Николай Иванович, хорошо мы с тобой раз-мечтались, а в институт ещё поступить надо.

– Леночка, я же уже сказал, что ты поступишь, и я в этом ничуть не сомневаюсь.

– Тогда мне, Николай, будет стыдно провалиться или не набрать проходных баллов. Все в меня верят. Вот будет конфуз, если я не поступлю. Поэтому, Николай, мне и нужны эти отгулы, чтобы усердно позаниматься.

– Хорошо, Леночка, не возражаю. Будут тебе отгулы.

ГЛАВА XI

Отработав выходные дни и получив за них отгулы, Елена вместе с Владимиром пошла во вторник на приём к ректору юридического института.

Ректор, мужчина лет сорока приятной внешности, встретил их доброжелательно и сказал:

– Проходите... Ну, Володя, знакомь меня со своей женой.

– С удовольствием, Юрий Кузьмич. Вот это моя жена Елена.

И Лена с некоторым смущением протянула руку ректору. Юрий Кузьмич пожал её руку, с улыбкой посмотрел на неё и воскликнул:

– Красивую ты себе жену отхватил! Смотри, чтобы не отбили.

– Юрий, кто посмеет, того я на дуэль вызову.

– Хотя бы, Володя, и я.

– Ты у своего друга не посмеешь отбить.

– Шучу я... Да в жизни всякое бывает... А вы присаживайтесь, давайте кофеёчку попьём. Сейчас секретарь принесёт.

И он позвонил в приёмную. Вошла секретарь и на подносе принесла три чашки ароматного кофе и вазочку с конфетами и печеньем.

– Прошу, Елена Прекрасная, угощайтесь.

- Спасибо, Юрий Кузьмич, попью с удовольствием.
- А мне, Юрий, кофе?
- И ты, Володя, возьми.. Утоли жажду.
- Спасибо, а то я уже думал, что ты обо мне забыл.
- Не забыл, Володя, не забыл. А теперь рассказывай-те, что вас ко мне привело?
- Да вот, Елена решила учиться на заочном отделении. Мы собрали все документы и принесли их с собой.
- Давайте, посмотрю, всё ли здесь есть, что требуется. Кажется, всё.

И он вызвал секретаря приёмной комиссии, вручил ему документы и сказал:

- Фёдор, прими эти документы. Будем надеяться, что Михайлова Елена Васильевна станет нашей лучшей студенткой среди заочников.
- Юрий Кузьмич, ведь мне же ещё поступить нужно.
- Елена Васильевна, я не сомневаюсь, что с такими данными ты непременно поступишь...

Секретарь взял документы и вышел, а ректор продолжал беседовать с Володей и Еленой. И вдруг неожиданно спросил:

- Володя, это почему ты меня на свадьбу не пригласил, а ещё брат называется?
- Да как-то, Юра, всё неожиданно произошло. И свадьбу мы не играли.
- Это нехорошо, Володя, не жадничай. Ты меня хоть в гости к себе пригласи, а то ведёшь себя не по-дружески.
- Я рад тебя пригласить, Юра, хоть завтра.
- Завтра не могу, а вот в воскресенье приду с удовольствием.
- Хорошо, ждём тебя в воскресенье в два часа дня.
- Это меня, Володя, устраивает. А сейчас у меня должен быть секретарь райкома, я ему назначил аудиенцию на это время. Так что, друзья, до свидания и до воскресенья.

Елена не ожидала такого тёплого приёма от ректора и была приятно удивлена. Она спросила:

- Володя, а ты давно знаешь ректора?
- Давно, Леночка. Я же тебе говорил, он мой двоюродный брат. Мы с ним и в одной школе учились, и в инсти-

туте в одной группе, где он был у нас старостой.

– А давно он занимает должность ректора?

– Кажется, второй год пошёл.

– Володя, а что за человек этот Юрий?

– Нормальный, слегка помпезный, амбициозный, и за хорошенькими девушками раньше любил приударить. А сейчас остыл, женился, но детей почему-то нет.

– Леночка, а почему ты всё так про него выспрашиваешь?

– Так ты же его в гости пригласил, я же должна о нём хоть что-то знать. А то я себя буду чувствовать не совсем уютно, когда он придёт.

– Я его, Леночка, не приглашал. Он сам напросился. Смотри, не очень ему улыбайся, а то он фрукт ещё тот...

– Володя, ты никак меня ревнуешь к нему?

– Не ревную, а предупреждаю.

– Хорошо, буду иметь ввиду, что мне улыбаться нельзя.

– Не ёрничай, Леночка.. Но ты же знаешь, что я тебя очень люблю, потому так и говорю, поскольку боюсь, что ещё уведёт тебя у меня. Видишь, он ведь сразу подметил, что ты красивая.

– Володенька, я же не коза, чтобы меня увести.. Да и у него сейчас столько много красивых студенточек, что никакой проблемы нет выбрать среди них себе по вкусу. Нам же к воскресенью нужно подготовиться. Чем его угощать, что мы будем на стол ставить?

– Юрий в еде не особо привередлив, но всё же любит вкусно поесть, а пьёт всё подряд. Во всяком случае так раньше было. Ты купи водки, шампанского, коньяка, а там разберёмся что будем пить.

– Хорошо, я тогда всё подготовлю. Кстати, Володя, а он знает, что у нас фиктивный брак.

– Нет, не знает. Поэтому, Леночка, хоть на людях веди себя поласковей, а то ты как бука.

– А как это, Володя, понимать?

– Ну не приласкаешь, не обнимешь, лишний раз не улыбнёшься. Одним словом, ведёшь себя как совершенно чужая женщина, а не как жена. Мне же от людей стыдно.. Ты хоть при других побудь артисткой, раз не пита-

ешь ко мне никаких чувств.

– Ой, Володенька, ты ставишь передо мной сложную задачу. Не знаю как мне её решать. А где мне готовить: у тебя или у меня?

– Конечно, у меня. И одежду свою хоть какую-нибудь принеси.

– Хорошо, Володя, я так и сделаю. Тогда я сейчас пойду по магазинам, чтобы скупиться к воскресенью, а потом уже буду заниматься и готовиться к поступлению.

– Леночка, что же ты пойдёшь одна? Давай, сейчас вместе поедем на машине, чтобы ты не тащила эти сумки и не тратила лишнее время.

– Спасибо, Володенька, я с удовольствием поеду с тобой.

И они вместе поехали по магазинам, купили всё необходимое, чтобы накрыть хороший стол, и стали ждать выходного дня, который прибежал, как и все остальные дни, очень быстро. На этот день они возлагали большие надежды.

В назначенное время к ним в дверь раздался звонок. Это был ни кто иной, как Юрий Кузьмич. Володя быстренько отворил ему дверь. В квартиру вошёл улыбающийся ректор, держа в руках громадную коробку и букет цветов.

– Ну, Володя, помогай же... А где хозяйка?

– Здесь я, Юрий Кузьмич...

– Какой ещё Юрий Кузьмич? Я такого не вижу. Тут пришёл просто Юра, Юрочка. Понятно?... Вот так, Леночка, меня и называй, – вручив цветы Елене, сказал Юрий Кузьмич.

– Спасибо, Юрий.

– А поцеловать тоже надо, Леночка. Вот я вам дарю набор кухонной посуды. Так что с тебя поцелуй причитается.

Елена, не раздумывая, обняла обеими руками ректора и поцеловала его в щёку три раза.

– Вот это по-нашему, а то спасибо, спасибо... "Спасибо" душу не греет, а поцелуй рождает чувства.

– Юрий, а почему ты без жены? Где же Светлана?

– Света уехала к матери в деревню, поэтому я сегодня

и за неё, и за себя буду есть, пить и гулять.

– Хорошо, Юра, присаживайся, пожалуйста, к столу.

– Я, Леночка, и без пожалуйста усядусь вот в это кресло, то бишь поближе к тебе.

– Поближе, Юрочка, я сяду.

– Не ёрничай, Володенька, ты и так с Леночкой каждый день сидишь рядышком. А я хоть сегодня возле неё посижу в наказание тебе, что ты на свадьбу не пригласил.

– Ой, Юрий, злопамятный ты однако.

– Не злопамятный, а обидчивый. В этом, я полагаю, ты разницу усматриваешь?

– Усматриваю, но только не в отношении моей Леночки.

– Видал, какой твой муж, Леночка? Мало того, что забывчивый, так ещё и ревнивый. Ну в этой квартире начнут что-нибудь наливать али как?

– Что тебе, Юрий, налить?

– По такому случаю вначале я хочу выпить шампанского. А ты, Леночка, что будешь пить?

– Я как все, Владимир.

– Тогда, Юрий, открывай шампанское. У тебя это дело лучше получается.

– У меня всё лучше получается, Володенька, – несколько двусмысленно сказал Юрий Кузьмич.

– Слушай, Юра, что это ты сегодня так разошёлся?

– Если честно, Володя, то я и сам не знаю. Но мою грудь почему-то распирает восторг, мне хочется бить, петь, любить.

– Ну давай, Юрий, бить ничего не будем, а песенки споём. Ты ведь так хорошо поёшь.

– Тогда я беру слово, дорогие молодожёны, и вот что хочу сказать. Любимый мой друг и брат Володя и Леночка, мне хочется пожелать вам крепкой и вечной любви и счастья. И чтобы везение озаряло вам дорогу совместной жизни, как солнце в майский день, и чтобы сопутствовала вам удача во всех ваших делах, и дом ваш наполнялся, звоном, смехом и весельем детей. Я пью за вас, но что-то шампанское и мой внутренний голос кри-

чат: "Горько! Горько! Горько! Горько!.." Вы, молодожёны, почему сидите и не целуетесь? А ну-ка поднимайтесь и целуйтесь, а то я не могу пить при таких ваших смущённых лицах. Понятно, молодожёны?!

– Понятно, Юрий...

Володя, не зная, как ему поступить в такой ситуации, горя румянцем, поднялся, схватил Елену на руки и крепко поцеловал её в губы, не отпуская и кружа, словно в танце.

– Хорошо, хорошо, Володя! Достаточно. Вижу, что любишь... Садитесь за стол, а то ещё чего доброго уронишь Леночку.

Запыхавшийся, но очень довольный Владимир сел за стол, нежно поглядывая на Елену. Елена тоже разрумянилась, опустила глаза и молчала.

– Ой, Леночка, какой же у тебя красивый румянец. Ты прямо как розочка.

– Розочка, козочка, давайте уже выпьем, – несколько раздражённо сказал Владимир и залпом выпил целый бокал шампанского.

Затем он снова налил в стопку коньяка и хотел выпить. Елена поняла причину такой резкой перемены в поведении Владимира, обняла его и прошептала ему на ушко:

– Не ревнуй. Ты мне дорог.

После этих слов она поцеловала его в щёку. Владимир внутренне смягчился и уже мог владеть собой. Он с лаской посмотрел на Елену и сказал:

– Ну, пора нам выпить и за моего дорого друга Юрия, которого я ценю и уважаю. Я пью за него стоя и до дна.

– Спасибо, Володя, за добрые слова. Я тоже хочу выпить за тебя и Леночку. Я рад, что познакомился с ней. Ещё раз любви вам, нежности и раздолья души, где бы высились вершины неги, счастья и восторга жизни.

Владимир выпил ещё стопку коньяка, развеселился, стал не таким придирчивым. Его ревность будто растаяла в градусах коньяка. Но на смену пришла распахнутая любовь. Несколько раз, движимый внутренним порывом, он хватал Елену на руки, как ребёнка, и кружил в танце любви.

Михайлова не знала, как себя вести, поскольку никогда не видела Владимира пьяным и не знала чего от него ждать. Она терпела все его выходки. И лишь иногда Елена строго смотрела на него и шептала:

- Владимир, утомонись и старайся меньше пить.

- Леночка, ну мы же с тобой молодожёны. У нас в гостях мой дорогой друг и брат Юрасик. Я так его в детстве звал. Как же я могу утомониться? Я хочу пить, гулять и тебя целовать. Я такой счастливый и влюблённый, что нет сил держать себя в руках. Давайте пить и танцевать.

- Тогда, Володя, чур этот танец я с Леночкой танцую. Ты уже много танцевал с ней, а я ни разу.

И Юрий, поднявшись со стула, сделал перед Еленой изысканный реверанс и увлёк её в плавный зовущий вальс. Елена танцевала легко и свободно, чувствуя ритм музыки и движения партнёра. В вальсе с Юрием она плыла словно лебедушка.

Увидев такую картину, ревность вновь вонзалась в сердце Владимира, хотя уже не так остро. Пытаясь её заглушить, он пил стопку за стопкой. И вскоре, уронив голову на стол, заснул.

- Леночка, а наш Владимир, кажется, уснул. Что с ним делать? Может быть, его положить на диван?

- Если тебе не тяжело с этим справиться, Юрий, то это было бы хорошо.

- Справлюсь, Леночка, непременно справлюсь.

И он легко поднял его со стула и перенёс на диван. После этого они вновь пошли танцевать.

- Леночка, как ты легко танцуешь. Я бы с тобой танцевал и танцевал, хоть до рассвета.

- Я, признаться, уже устала. Я не танцевала около пяти лет. Давайте лучше чаёчку попьём.

- Не возражаю, Леночка, чаёчку так чаёчку. Ты посиди, а я сейчас сам за тобой поухаживаю. Я умею чай заваривать.

- Тогда, Юрий, ты иди чай готовь, а я кое-что со стола уберу и торт порежу.

Не успела Елена убрать всё лишнее со стола, как Юрий принёс приготовленный им чай и порезанный торт.

- Ну как, Леночка, вкусный чай?

- Очень. А ты, Юрий, кушай и тортик с чаем.
- Я тортик, Леночка, очень люблю. Но я уже так наелся, что разве что возьму вот этот маленький кусочек. Славно, что мы с вами так посидели. Жаль только, что Володя так быстро отключился. Раньше я такого за ним не замечал.
- Юра, он тебя очень ждал, разволновался, наверное, потому так и получилось.
- Володя тебя не обижает? Я гляжу, что-то очень он тебя опекает. Или мне показалось?
- По-моему, всё нормально. Просто Володя выпил немного лишнего и всё. Раз ты его знаешь с детства, то ты сам можешь всё понять и во всём разобраться.
- Да я уже говорил, Леночка, что я его таким вижу впервые. Поэтому ничего не могу сказать... Леночка, можно задать тебе вопрос?
- Конечно, можно.
- Тогда скажи, для чего ты хочешь учиться и окончить юридический институт?
- Это долгая история, Юрий.
- Но у нас, Леночка, времени предостаточно и если можно, то ответь на мой вопрос в тех рамках, в которых считаешь это возможным.
- Юрий, мне хочется познать юриспруденцию. Меня по жизни ни за что обидели. Лишили меня учёной степени доктора технических наук, звания профессора, низложили также звание лауреата Государственной премии. Вот я и хочу окончить институт для того, чтобы побороться за свои права. Возможно, чего-то и добьюсь... Ведь моя вина заключается лишь в том, что я писала стихи на духовную тематику, а мне инкриминировали статью семидесятую Уголовного кодекса, что в них я агитировала и проводила пропаганду в целях подрыва и ослабления советской власти. Духовные стихи, на мой взгляд, напротив, способствуют наставлению человека на правильный путь.
- Леночка, а сейчас ты пишешь стихи на духовную тематику?
- Почти не пишу, в основном лирические. Да и писать-то некогда, вот сижу готовлюсь к экзаменам, а то стыдно

будет, если провалюсь...

- Да нет, Леночка, такие, как ты, не проваливаются. Ты обязательно поступишь, закончишь и восстановишь свои права, я в этом уверен.

- Юрий, ты же меня не знаешь, а говоришь обо мне так уверенно.

- Леночка, твоя настойчивость видна невооружённым глазом, она-то и снимает всякое сомнение.

- А когда ты, Юрий, защищал кандидатскую и докторскую диссертации?

- Кандидатскую я защитил через три года после окончания института, а докторскую через пять лет после защиты кандидатской.

- Это удачно. Так, значит, ты защитил докторскую в тридцать лет?

- Нет, позже. Мы ведь с Володией служили вместе в Морфлоте и пробьли в армии долгие четыре года, поэтому поступили в институт, когда нам было уже по двадцать три года.

- Когда же ты, Юра, докторскую диссертацию защитил?

- Три года тому назад.

- По какому же предмету ты защищался?

- По гражданскому праву.

- А мне почему-то больше всех нравится трудовое право. Я и статью направляла в журнал "Право Украины". Её опубликовали. Это меня, признаться, как-то удивило и приободрило. Но это в большей степени заслуга Володи. Это он меня нацелил статью писать. А теперь вот мне советует поступать, и мне эта идея нравится.

- А ты, Леночка, во сколько лет докторскую защитила?

- В тридцать лет.

- Ого, как рано! И на какую же интересно тему?

- Я писала докторскую диссертацию по аэродинамическому сопротивлению крыла и индукционной нагревательной установке.

- Мне, Леночка, сложно ориентироваться в этой теме, я в этом совершенно ни бум-бум. Расскажи мне о ней что-нибудь поконкретнее.

- Эти мои разработки применялись в исследовании ракетных установок, в новых технологиях аэродинамического сопротивления крыла. Фактически за эти исследования, а точнее, за достижения результатов меня и наградили Государственной премией. Но, увы, это оказалось лишь в прошлом, без дороги в будущее.

- Не расстраивайтесь, Леночка, может быть, всё ещё наладится. И в юриспруденции ты достигнешь высот. А мы с Володей будем тебе помогать. Он тоже где-то в ноябре выходит на защиту докторской диссертации. А когда он освободится, то и тебе станет полегче, возьмёт на себя кое-какие заботы. Да и я в стороне не буду стоять. Втроём мы оседлаем строптивого коня под названием "Юриспруденция".

- Спасибо, Юрий. Я не ожидала от тебя такой настоящей крепкой поддержки и такого доброго отношения. Я буду очень стараться, чтобы оправдать твоё доверие и доверие Володи. Он тоже очень хороший человек. Я очень вам обоим признательна.

- Да ладно тебе, Леночка... Я пока для тебя ещё ничего не сделал.

- В моей ситуации, Юрий, добрые слова поддержки и веры дорогого стоят.

- Ну если на то пошло, Леночка, то я очень рад, что встретил в жизни такую необыкновенную женщину, от которой и уходить не хочется. Да нужно идти домой. А ты, Леночка, заходи ко мне без стеснения. Мы с Володи-большие друзья и двоюродные братья. Надеюсь, и с тобой будем находить общий язык. Так ведь?

- Я, Юрий, буду стараться поступать так, чтобы вы во мне не разочаровались.

- Хорошо, Леночка, в это я верю. Спасибо за прекрасно проведённый вечер. Я давно так душевно не отдыхал. У меня через месяц будет день рождения. Я тебя и Володю приглашаю к себе его отметить.

- Мне как-то неудобно будет приходиться... Я же заключённая...

- Ничего, мы ведь об этом никому не скажем. Я очень хочу, чтобы ты пришла с Владимиром. А сейчас пока... До свидания.

И он по-джентельменски поцеловал Елене руку, а затем по-простецки поцеловал её в щёку. Потом весело зашагал к двери. А Михайлова быстро убрала всё со стола, сложила все продукты в холодильник, вымыла полы и ушла в свою квартиру.

На душе у неё было тревожно. Елена чувствовала неуютность на сердце из-за своего маскарада. И ей от этого или от чего-то другого хотелось плакать. Елене не очень понравилось поведение Владимира по отношению к ней, её терзали мысли о нём: "Ну зачем он так напился? Начал ревновать. Я же никакого повода не давала. Тяжко мне будет так жить: и быть ему женой, и в то же время посторонней женщиной. А другого выхода, наверное, нет? Если разойдусь с ним, то опять надо возвращаться за решётку. Тогда снова придётся лишиться воли во всех отношениях. Я здесь вот какие деньги зарабатываю, семье теперь помогаю. А то всё Тамара на них свои деньги тратила. Возможно, ещё и поступлю в институт. Может быть, второе образование даст мне именно то, что поведёт меня по жизни. Если стану адвокатом, то мне будет легче нести в народ слово Божье, чем тогда, когда я была инженером. Ведь после освобождения меня вряд ли возьмут инженером. Поэтому надо терпеть... В конечном счёте Владимир не такой уж плохой человек. Ради меня он идёт на такие большие жертвы, поэтому ни о каком разводе не может быть и речи. А надо нам набраться терпения и здравого смысла и как-то помочь Володе, чтобы он чувствовал себя счастливым и не мучился со мной. Ну как это сделать, Господи, если я его совершенно не люблю. Быть актрисой? Ну какая из меня актриса?"

И вдруг она по зову души встала на колени и начала молиться: "Владыко, помоги, подскажи, как мне быть? Воздай мне терпения, чтобы от меня не шла тропа разочарования, а Владимир был бы счастлив со мною. Или пошли ему любовь к другой женщине. Или научи меня быть для него ласковой матерью, давать ему тепло и радость. На его выходки мне, Боже, помоги не обращать внимания или относиться к ним так, как мать относилась бы к выходкам своего ребёнка. Она же всегда прощает своих детей, если они даже и виноваты. Вот и мне,

Владыко, ниспошли такой путь прощения к Владимиру, помоги нести ему материнскую любовь и утешение. И чтобы он был счастлив и видел бы во мне помощника, защитника по жизни. Господи, ниспошли мне больше непосредственности, детской чистоты, которая могла бы окружать Владимира, даруя ему мир радости и веселья. И чтобы я в этом мире являла бы ему бодрость и ощущение полётности от моего присутствия, а не угнетала бы его своей нелюбовью. Помоги мне, Боже, вести себя с Владимиром просто, весело и доступно, и в то же время чтобы он чувствовал запретную границу. Облегчи, Всевышний, Володе эту ночь, ведь я дала обет больше не выходить замуж и не быть женой. Но вот так, Господи, я помимо воли стала женой, хоть и фиктивной. Укрепи меня, Владыко, чтобы я сдержала своё слово пред Тобой, Всевышний, и не причиняла боли Володе. Ведь он по-настоящему любит меня и ревнует меня ко всем беспочвенно, чем ранит собственное сердце, а я чувствую себя перед ним виноватой. Всевышний Боже, Отче наш, Иисусе Христе, услышь мои прошения, ниспошли мне милости Своей, Господи. Прости просящую недостойную рабу Елену и воздай мне прощения в совершённых мною грехах вольных и невольных. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Слава! Слава! Слава тебе, Боже!.. Аминь".

И Михайлова с благоговением поцеловала Икону, затем поставила её на место и легла спать. Но вдруг раздался звонок в дверь. Это пришёл Владимир. Войдя в квартиру, он виновато спросил:

- Ты, Леночка, ещё не легла отдыхать?

- Да вот, Володя, отдыхаю..

- Леночка, ты прости меня за такое моё несуразное поведение. Правда, я не всё помню, но от того, что помню, меня бросает в ужас. Ведь я такое вытворял, прости меня, пожалуйста..

- Ничего, Володенька, бывает. Это не ты выдавал, а твой коньяк кренделя выделывал, поэтому я всё тебе прощаю. Но, Володенька, не напивайся больше так и не ревнуй меня. Я как женщина никому не принадлежу. И только тебе принадлежу по фиктивному браку. Я хочу

тебя любить материнской любовью, быть тебе опорой и надеждой в твоей жизни. Об этом, Володенька, я и просила Господа, вот только перед твоим приходом закончила молиться. И прошу тебя, Володенька, помоги мне в этом. Я же люблю тебя и хочу любить чистой, девственной любовью или, другими словами, как я уже тебе сказала, материнской любовью. Коль, Володенька, так случилось, я же не могу нарушить обет перед Господом, который я ему дала по доброй воле, по зову своей души. Если же я нарушу этот обет, то это не принесёт счастья ни тебе, ни мне. И я тогда совсем, наверное, буду проклята. Помоги мне, Володенька, уйти от этого великого греха. Ниспошли мне своей чистой, платонической любви, а я всем сердцем, всею душою тебе в этом стану помогать. Ведь я тоже живая и очень боюсь, что могу не выдержать этой, предназначенной мне, тропы, где свеча судьбы то светит мне ярко и радостно, а то грустно и с болью, даруя мне пути искушения, в которых я мучаюсь, впадая в безысходность и тоску, нарушая Заповеди Христовы. Мне по жизни, как сказал прозорливый схииерарх Тимофей, дан путь просвещения и несения слова Господа. А нести его я могу, только если сама чиста и свободна от сладострастной плотской любви. Пока я это поняла, а точнее пока мне об этом прямо не сказал батюшка Тимофей, я так мучилась душой, ещё даже в далёком детстве. Я то впадала в летаргический сон, то в непомерное уныние через разные, посланные мне, обстоятельства жизни. Чтобы как-то разобраться в себе, я оставила сына, мужа, работу и ушла в Монастырь. Жила я там немало времени, работала послушницей, но всё равно в себе до конца не разобралась. И вновь вершила неправильные действия. Я стала стремиться не к несению слова Божьего, а к науке, к собственному удовольствию. Я стала доктором технических наук, профессором, влюбилась в Ивана сладострастной любовью. Но как ты сам знаешь, я не доктор, не профессор, и Иван умер. То есть меня вернули к первоначальному состоянию через тернии и лишения. И это, наверное, всё Промысел Божий. Ведь мне в Монастыре батюшка Тимофей говорил: "Оставь всё и носи слово Божье. Господь тебя в этот мир направил, вру-

чая тебе способности и умения просвещать людей, как это делали апостолы. А ты не поверила и не повернула на эту стезю познания и просвещения всем своим сердцем, а отнеслась к выполнению этого долга спустя рукава. Но Бог через лишения, боли всё равно повернёт тебя на тот путь, который для тебя предназначен". А я вот опять замуж вышла, следовательно, сворачиваю с того пути, который мне ниспослан. Поэтому, Володенька, помоги мне удержаться от искушений и остаться такой, какая я сейчас есть. Не принуждай меня переступить границу дозволенного. Я и так, Володенька, в своей жизни так много нагрешила. Прошу тебя, помоги мне очиститься от грехов. Умоляю, воздай мне своей помощи и понимания, а то я могу кануть в ад. Своим пониманием ты укрепишь во мне силу духа. Прости, но это ведь дьявол послал тебя на мой путь, чтобы я не выдержала искушения и нарушила обет. За это короткое время я вдруг ощутила, что ты мне совершенно не безразличен, я тебя поллюбила и хочу тебя видеть, слышать, быть с тобою нежной и ласковой женщиной. И поэтому прошу меня понять и помочь мне быть стойкой, сумею искушения дьявола пересилить и перебороть в себе. Я распахнула, Володенька, свою душу и сказала тебе главное. Ты, наверное, был не готов к такому откровенному разговору. Может быть, этим разговором я испугала тебя, тогда прости меня, пожалуйста. Ведь я так мало рассказывала тебе о своей жизни, о Христианстве, о Библии, о святых писаниях... И я тебе совсем ничего не говорила о дьявольских искушениях, которые по жизни нас окружают.

– Леночка, я действительно мало что понял. Но зато я понял однозначно, что ты меня любишь. И я сделаю всё, чтобы ты не страдала. Не бойся, Леночка, я обещаю тебе, что границу дозволенного я никогда не переступлю. И стану тебе братом, помощником, слугою с любящей и распахнутой к тебе откровенностью душою. И я очень хочу, Леночка, постичь Законы Божьи, писания святых. И молю тебя, сестричка моя дорогая, не оставляй меня в духовной темноте, в которой я сейчас нахожусь. Я буду стараться делать всё так, как ты мне подскажешь. Твой разговор, твоя откровенность меня озарили. Я словно

проснулся, увидел тебя совершенно с другой стороны. И всё, что ты мне говорила, о чём ты меня просила, я буду стараться выполнить всею душою. Ты сегодня же дашь мне те молитвы, какие ты считаешь, нужны мне в первую очередь.

– Спасибо, Володенька, братик мой. Я так счастлива, что ты меня понял и стараешься мне помочь. Теперь я знаю, что тот путь, который ниспослан мне, я пройду, ведь опору и надежду я вдруг встретила в тебе. Ещё раз, Володенька, спасибо тебе сердечное и земной поклон.

– А я, Леночка, тоже очень счастлив.. И очень тебе признателен за такой светлый, чистый и открытый разговор. Я теперь за тебя, за твою, как ты говоришь, материнскую любовь ко мне, за пути Господни и твою веру в меня готов свернуть горы.

И они долго трепетно и воззвано общались, радуясь состоявшемуся разговору о них, об их совместном пути и о Господнем даровании. И лишь уже перед уходом Владимир спросил:

– Леночка, а о чём вы с Юрием говорили?

– Да так, вели ни к чему не обязывающий разговор. Нас, Володя, Юрий пригласил на свой день рождения. Мы пойдём к нему?

– Конечно, пойдём, дорогая. Леночка, я хочу, чтобы ты там блеснула.. Пойдём купим тебе какой-нибудь красивый наряд и обувь. А то там будут разные важные гости, а я хочу, чтобы ты там была королевой. И если можно, почитай там стихи или тост скажи в стихотворной форме. Я очень хочу, чтобы ты произвела фурор. Мне так хочется, чтобы ты была роскошной и выбила бы из сознания тех людей, которые знают, что ты находишься в колонии-поселении, мысли о том, какой должна быть заключённая женщина.

– Ой, Володенька, сложную ты передо мной задачу ставишь. А ты не станешь меня ревновать и напиваться?

– Леночка, с этим завязано. Я дал тебе слово. И с этой ревностью покончено раз и навсегда. Я буду тебя охранять и любоваться тобою, как ребёнок своей матерью. Вот и всё, моя красавица.

Владимир обнял её, поцеловал с нескрываемым вос-

хищением, помня о границах дозволенного, и пошёл в свою квартиру, в которой тоже было уютно и чисто, благодаря Елене. Счастливый и довольный он лёг на диван и, анализируя разговор с начала и до конца, подумал: "Господи, помоги мне сдерживать слово своё и быть настоящим другом для Леночки, чтобы она сумела выполнить обет, данный Всевышнему".

Затем достал молитву, которую ему продиктовала Елена, и стал её учить. Выучив наизусть, с благоговением рассказал её перед иконой, подаренной Еленой. В радостном состоянии духа он пошёл отдыхать, думая о Елене трепетно и нежно.

Михайлова тоже довольная тем, что случилось, в отличном настроении счастливая легла спать, чтобы набраться сил и в полной мере нести багаж жизни по вверенной ей стезе.

А утром Елена как обычно рано поднялась, поела и поехала на работу, где её поджидал мастер с новым заданием.

– Леночка, опять директор дал срочное задание, помоги. Работа имеет тридцать операций, сложноватая. Сколько тебе понадобится времени?

Михайлова внимательно посмотрела на чертёж, затем спросила:

– Николай, сколько часов на неё занормировано?

– Двадцать пять часов. Это, Леночка, на три смены работы. Но я прошу, чтобы ты эту работу завтра сдала, то есть осталась после первой смены во вторую. Работа хорошо оценена, в семьдесят пять рублей. И компенсацию за переработанное время выплатим.

– Я постараюсь, Николай, сделать это задание. Но компенсацию мне прошу не выплачивать, а предоставить отгулы. Я их использую для экзаменов. Я же тебе говорила, что буду поступать в институт, и мне будут нужны три отгула.

– Я не против, Леночка. Коль так, то это для меня ещё и лучше.

– Ну вот и договорились. А начальник цеха не станет возражать?

– Нет, он не будет против... Начальник цеха тебя очень

уважает за то, что ты такой классный токарь и безотказный человек. Ты для нас большая находка, как он любит говорить о тебе.

– Спасибо, Николай, за добрые слова. Я постараюсь тебя не подвести и выполнить эту работу в назначенный срок.

– Я в этом, Леночка, и не сомневаюсь.

Михайлова пошла и взяла в кладовой необходимый инструмент, подобрала свёрла, заточила резцы под соответствующие градусы и лишь затем приступила к выполнению задания.

Во время перерыва Елена позвонила Владимиру.

– Володенька, я сегодня после первой смены останусь во вторую и третью. Работу дали срочную, поэтому, когда выйду, сразу завтра приду.

– Ой, Леночка, что это они тебя так там эксплуатируют?

– Ничего, Володенька, это мне кстати. За эти смены работы я возьму отгулы и использую их для вступительных экзаменов. Меня не будет сегодня вечером и ночью дома, так что ты не переживай.

– Я за тебя, Леночка, всегда переживаю. Спасибо, что позвонила и предупредила, а то я бы извёлся. Давай я за тобой утром приеду.

– Нет, не надо, Володя, не приезжай. Я не знаю, когда закончу работу: возможно, утром, а может быть, и к вечеру.

– Ты там, Леночка, хоть где-нибудь примостись и поспи. А то ведь разве можно столько времени без отдыха простоять на ногах?

– Хорошо, Володя. Я непременно посплю в раздевалке. А ты сегодня идёшь в институт? Если идёшь и увидишь Юрия, то передавай поклон от меня.

– Я, Леночка, к нему зайду и извинюсь за своё непристойное поведение. Мне не только перед тобой стыдно, но и перед ним.

– Ладненько... Я с тобой, Володенька, согласна. Ну пока, до свидания, удачи тебе во всём..

– И тебе, Леночка, везения и терпения. До свидания.

Позвонив, Елена быстренько пообедала, а затем вновь

включив станок, стала точить деталь. Работа у неё спорилась, и она уже в четырнадцать часов закончила выполнять задание. Сдав готовую деталь Николаю, она уставшая, но довольная результатом работы, поехала домой.

Вначале Михайлова позвонила Владимиру, который как раз тоже только приехал из института. Он с радостью открыл ей дверь, помог раздеться и спросил:

– Устала, моя дорогая Леночка?

– Немного есть, – улыбаясь ему, ответила Елена.

– Садись, моя красавица, я сейчас тебя кормить стану. Я только что разогрел кашу-малашу и борщик. Что тебе дать: и того, и другого сразу или по очереди?

– Я, Володенька, только кашу-малашу поем и чаёчку поплю. Очень хочется спать, а есть совсем не хочется.

– Леночка, нельзя так себя изнурять.

– Ну мне же отгулы нужны.. Ничего, я вот сейчас посплю немного и восстановлю силы.

Михайлова очень мало поела, выпила полчашки чая, встала и хотела уже идти в свою квартиру.

– Леночка, а ты куда? Ложись здесь, я вот тебе кроватку разобрал, отдыхай, я шуметь не буду, стану тихонько заниматься и готовиться к лекциям.

И Михайлова не стала отказываться, легла в кровать Владимира и забылась сладким сном. Пospав часа три, она бодрая, довольная и счастливая встала и пошла в комнату к Владимиру.

– Володенька, спасибо, я очень хорошо поспала. Что будем делать? Ты кушал?

– Нет, тебя ждал. Ты же совсем от усталости почти ничего не ела.

– Тогда пойду и приготовлю ужин. Ты хочешь, я поджарю картошечки?

– Хочу, Леночка, но я и борщика поем.

– Хорошо, я и борщик разогрею, и компотика тебе налью, – целуя его в макушку, счастливо ворковала Елена.

Светясь улыбкой, отвечая взаимностью, счастливый Володя трепетно произнёс:

– Какая же ты прекрасная и добрая, моя Леночка. Да-

вай я тоже пойду тебе помогать.

И он взял картошку, помыл и стал её чистить. А Елена нарезала соломкой и бросала в кипящее растительное масло. Вскоре ужин был готов. Владимир и Елена поели с аппетитом и быстро вместе убрали со стола. После этого каждый стал заниматься своим делом. Владимир вычитывал свою докторскую диссертацию, а Елена читала исторические материалы, готовясь к экзамену.

Прозанимавшись до глубокой ночи, Елена стала собираться уходить в свою квартиру, однако Владимир сказал:

– Леночка, с сегодняшнего дня ты будешь жить здесь. Я же тебе дал слово, что не переступлю границу дозволенного, и я это слово сдержу, чего бы мне это не стоило, если ты сама не придёшь к другому решению. Наши с тобой внутренние отношения будут строиться как отношения брата и сестры, а что касается внешней стороны, то здесь они должны выглядеть как отношения мужа и жены, чтобы не вызывать у людей никаких кривотолков. Ты, Леночка, согласна с этим?

– Очень даже согласна...

– Так почему же ты, Леночка, собираешься уходить в другую квартиру? Никуда не уходи.. С сегодняшнего дня будешь жить здесь, это твой родной дом. Мы будем вести совместное хозяйство. Ты будешь спать на кровати, а я на диване, как когда-то ещё при жизни мамы. Ты не возражаешь против такого варианта?

– Нет, Володя, не возражаю.

– Тогда пойдём, Леночка, и принесём все твои вещи, чтобы ты себя уютно и комфортно чувствовала.

И Владимир с Еленой собрали все её вещи и перенесли в квартиру Сергеева. Вдвоём они тщательно всё в квартире соседа перебрали и оставили чистой, затем довольные стали размещать вещи Елены в квартире Сергеева.

Утомлённые переселением и разрешённостью своих отношений, которые, наконец, привели их к согласию, Владимир и Елена успокоились и легли спать: Владимир на диван, а Елена на кровать.

И в таких братских взаимоотношениях бежали дни жизни Елены и Владимира. А сегодня они спешили на

день рождения к ректору Юрию Кузьмичу Галкину.

Стараясь не опаздывать, Владимир и Елена спешно подошли к дому ректора, где в основном собрались уже все гости, но до назначенного времени оставалась минута. Выйдя им навстречу, ректор, протягивая руку Владимиру, сказал:

– О, молодожёны, по вам хоть часы проверяй. Смотри, какие пунктуальные. Спасибо, но ты, друг Володя, раньше таким не был. Наверное, это Леночка тебя к порядку причуает?

– Так оно и есть, Юра.

– Я это так, Володя, и понял. Присаживайтесь к столу. Ой, Леночка, а какой красивый на тебе наряд, ты выглядишь по-королевски.

– Спасибо, Юрий, за внимание. Этот наряд мы выбрали вместе с Володенькой.

– Это что вы там шепчитесь, а? Юрий, я буду ревновать, говорите всё громче.

– Володя, не стоит ревновать, ведь мы вправе иметь с Леночкой хоть какую-то тайну, – улыбаясь, ответил ректор.

– Ну если маленькую, то не возражаю, – также улыбаясь, сказал Владимир.

Затем Юрий подошёл к другой паре, чтобы поприветствовать их и пригласить к столу, так как уже все собрались, и пришло время открывать мероприятие, посвящённое дню рождения ректора Галкина Юрия Кузьмича.

На этот вечер был приглашён ведущий, который предоставлял всем присутствующим слово для поздравления юбиляра. И вдруг Елена неожиданно услышала:

– А сейчас слово предоставляется Михайловой Елене Васильевне, которая является не только доктором, профессором, но и поэтом.

Елена вначале очень смутилась от такого её представления присутствующим, но затем собралась с мыслями и начала говорить:

– Спасибо за предоставленное слово. Я очень рада поздравить дорогого юбиляра Юрия Кузьмича, доктора юридических наук, профессора с Днём рождения. В ад-

рес Юрия Кузьмича было сказано много добрых и прекрасных слов, и я присоединяюсь к ним. Но ещё мне хотелось бы подарить Юрию Кузьмичу такие пожелания:

***Познать желаю я Вам нежность,
Ласкаться величием дня,
Вдыхать ароматную свежесть,
Пылать горячее огня.***

***Упитья дыханьем Вселенной,
Обнять её дивную грудь,
Быть в радости, в счастье безмерном,
Познать неизведанный путь.***

***И взвиться небесным сияньем,
Наполненным сердца теплом,
Коснуться с душевным лобзаньем
Уст света и вечности в нём.***

После того, как Елена закончила читать своё стихотворение, раздались громкие аплодисменты. А Юрий Кузьмич с наполненной коньяком стопкой встал, подошёл к Елене и поцеловал её, сказав:

– Елена Васильевна подарила мне прекрасное пожелание. За него нельзя не выпить. Я сам пью до дна и вас, дорогие гости, призываю последовать моему примеру.

Гости не заставили себя долго упрашивать и все осушили наполненные бокалы. Отметив такое уважение к своей просьбе, довольный ректор, обращаясь к гостям, сказал:

– Уважаемые друзья, коллеги, а у Елены Васильевны есть и шарж на меня. Я вчера чисто случайно его прочитал, и мне бы хотелось, чтобы Елена Васильевна его озвучила. Прошу, Елена Васильевна, порадуйте присутствующих своим добрым шаржем.

– Я не думала читать его для широкой аудитории, но коль Юрий Кузьмич не возражает, то я сделаю это с удовольствием. Но вначале позвольте рассказать предысторию написания этого шаржа. Приходит на днях домой довольный Владимир Владимирович и говорит: "Наш ректор в честь своего юбилея для многих ведущих учёных института сделал сюрприз. Он добился награжде-

ния их орденами и медалями". И вот я, согретая этими мыслями, написала шарж такого содержания:

**Галкин – ректор, сердцем бойкий,
Шаг судьбы имеет стойкий.**

**Вуз к высотам он ведёт,
Всё характером берёт.**

**Отчего порой бывает,
Что вуз штормами вздымает.**

**А потом и штиль бежит,
Да успехами звенит.**

**Звон доходит до Дворца,
Министерского Венца,**

**Где людей награды ждут,
За что ректора и чтут...**

– Молодец, Елена Васильевна, правильно подметила основу и характер нашего ректора Юрия Кузьмича. Если юбиляр не возражает, то я предлагаю этот тост за Елену Васильевну, за её прекрасное поэтическое поздравление и дружеский шарж, – разумно ораторствовал сосед и коллега Владимира Владимировича, доктор юридических наук, проректор Иван Сергеевич Даньков.

– Я не только не возражаю, Иван Сергеевич, но я рад и с большим удовольствием опустошу свой келих. И спасибо тебе, дорогая наша поэтесса, за такие красивые и добрые слова.

Выпив свою стопку до дна, Юрий Кузьмич подошёл к Михайловой и пригласил её на вальс. Танцевали они так слаженно, свободно, увлекательно и красиво, что присутствующие не осмелились выйти к ним в круг, чтобы не нарушить их единого парения в музыкальной высоте.

Елена выглядела великолепно, приобретённое вызывающее платье плотно обтягивало её тонкую стройную фигуру. Подобранные в тон платья туфли на высоком каблуке делали ещё стройнее и грациознее. Она улыбалась, и в улыбке Елены светилась радость и ощущение праздничного торжества.

Присутствующие смотрели на эту вальсирующую

пару с восхищением и какой-то потаённой завистью. А Владимир Владимирович с радостью любовался Еленой, её красотой, её умением вести себя в обществе и быть в центре внимания. И когда закончился танец, то он подошёл к запыхавшимся Юрию и Елене и сказал:

– Юрий Кузьмич, извини, но следующий танец с Леночкой мой. Ты не возражаешь?

– Возражаю, конечно, но куда же мне деваться? Поэтому уступаю тебе твою Леночку, королеву этого бала.

И Владимир подал свою руку Елене, увлёл её в круг танцующих, сказав:

– Ты, Леночка, восхитительна и прекрасна. Я тобой горжусь и восхищаюсь.

– Володенька, гордиться грех. Да ты и преувеличиваешь, чтобы меня подбодрить. Ты правду скажи: я тут не переусердствовала? Тебе за моё поведение не стыдно? Как звучало моё поздравление?

– Я тебе, Леночка, и так правду говорю. Ты неотразима, говорила хорошо.

– Но, Володя, я привлекла к себе много внимания.

– Ну и хорошо...

– Да что же тут хорошего? Пытаются со мной говорить, спрашивают, кем я работала, в какой отрасли я защитила докторскую диссертацию, в какой сфере стала профессором. А я не знаю, что им отвечать. Врать у меня нет желания, а сказать, что я заключённая я тоже не могу... Что мне делать?

– Ничего им, Леночка, говорить и не надо. Я тебя от себя не отпущу, всегда будем только вместе танцевать.

Но не успел он закончить фразу, как к ним подошёл секретарь горкома партии Кузнецов Александр Александрович и сказал:

– Разрешите, Владимир Владимирович, потанцевать с вашей женой, прекрасной Еленой Васильевной?

И, не дождавшись ответа Владимира, он взял её за руку и повёл в круг танцующих, спросив:

– Вы, Елена Васильевна, давно в нашем городе живёте?

– Не очень, Александр Александрович.

– А кем вы работаете? Какую должность занимаете?

Что-то я раньше вас не встречал?

- Должность я занимаю невысокую, и мне об этом не хочется говорить. Давайте лучше насыщаться и наслаждаться праздником юбиляра и попляшем от души.

- А вы что же, Елена Васильевна, умеете плясать?

- Это к слову пришлось, Александр Александрович.

- Нет, Елена Васильевна, вы меня обманываете. Я душою чувствую, что вы умеете плясать. Я вас на пляски под частушки вызываю.

И он подошёл к оркестру и попросил играть музыку для частушек. Сам же, обращаясь к Елене, под звуки музыки запел:

***Ой, Елена дорогая,
Выходи со мной плясать,
Хоть головушка седая,
Но начну тебя взывать.***

Елена не знала, что делать и стояла растерянно. Она посмотрела на Владимира и сказала:

- Я не пойду.

- Иди, Леночка, ты же знаешь кучу частушек.. - ответил Владимир.

- Нет, Володя, я не хочу.

- Но это же секретарь горкома КПСС Александр Александрович.

- Ну так что? Я всё равно не пойду.

Пока они дискутировали, как им поступить, секретарь сам подошёл к Елене, взял её за руку, повёл в круг и вновь запел:

***- Ой, Елена дорогая,
Выходи со мной плясать,
Хоть головушка седая,
Но начну тебя взывать.***

Стоя в середине круга, окружённая присутствующими, Елена собралась с духом и стала в унисон Александровичу припевать и приплясывать под частушки:

***- Выхожу и начинаю
Потихонечку дробить,
Но ведь, Сашенька, я знаю
Тебе Лену не отбить.***

**- Отобью тебя, подруга,
Вишь, какой же я герой!
Заберу тебя у друга
И женюсь на молодой.**

**- Ой, ты, Саша, расплясался
И геройство проявил,
А вчера в кустах валялся,
Пьянством девок удивил.**

**- То, Леноч, вчера случилось,
Я сегодня как стекло,
К тебе серденько забилось
И любовью зацвело...**

После этой частушки Елена сделала знак Александру Александровичу, и они вдвоём запели заключительную частушку:

**- Хватит, хватит, мы напелись,
Хватит, наплясались,
Все частушки уж изъелись,
Сердцем что слагались...**

Закончив петь и плясать, Елена и Александр Александрович улыбнулись и поклонились присутствующим, как настоящие артисты. Все окружили их и кричали: "Браво... Бис..."

Довольный Александр Александрович подвёл Елену к Владимиру Владимировичу и сказал:

- Я, Владимир Владимирович, от выступления вашей супруги получил массу удовольствия. Спасибо вам, Елена Васильевна, большое. Вы пели и плясали великолепно. Вы с Волги, наверное? И я с тех краёв... Только там так умеют петь и плясать под частушки, а в Украине это не очень почитается. Но я душой сразу почувствовал, что вы с Волги, потому что у вас прослеживается волжский акцент. Вы же, Елена Васильевна, действительно с Волги?

- Да, Александр Александрович, я с Волги. Я жила недалеко от Казани в селе Нарманка, которое почти что расположено на берегах этой прекрасной русской реки.

– А я, Елена Васильевна, родился в Тетюшах. Вы знаете этот городок?

– Конечно, знаю. Этот городок находится в пяти километрах от нашего села. Тетюши как раз расположен на берегах Волги. Там внизу хорошая пристань.

– Правильно, Елена Васильевна! Так мы с вами, оказывается, земляки?!

– Выходит, Александр Александрович, что земляки.

– Как я рад, Леночка! Можно я вас так называть буду?..

– Я не возражаю, Александр Александрович..

– Леночка, а вы меня, как в частушках пели, зовите Сашенькой, – улыбаясь, сказал Кузнецов. – И если что надо, обращайтесь ко мне за помощью. А я чем смогу, то обязательно своей землячке помогу.

– Спасибо за добрые слова, Сашенька, – с улыбкой ответила Михайлова.

– Это кто же моего друга Кузнецова кроме меня здесь называет Сашенькой?

– Леночка.. Она тоже имеет право так называть меня. Ведь Леночка, оказывается, Юрий, моя землячка. Мы с ней вместе с Тетюш.

– Ну, Юрий, я не совсем из Тетюш, я из села Нарманки, которое находится в пяти километрах от этого городка. Но Тетюши я хорошо знаю.

– Пять километров – это, Леночка, не расстояние. Через десять лет это село станет околицей города.

– Возможно.. А вы давно, Сашенька, были в Тетюшах?

– Лет пять тому назад. Кстати, я вот собираюсь в начале сентября туда поехать. Вы, Леночка, не составите мне компанию?

– Нет, Александр Александрович, у меня пока возможности нет.

– А какие обстоятельства мешают? Давайте, Леночка, я вам помогу.

– Обстоятельства разные, мне не хочется о них говорить.

– Ну раз не хочется говорить, то Леночка, Сашенька и Володя, пойдёмте за стол, а то вон гости уже без вас начи-

нают скучать и хотят выпить, чтобы взбодриться.

– Не возражаю, наш дорогой юбиляр, к столу так к столу, – раскрепощенно сказал Александр Александрович Кузнецов.

Он взял Елену под руку и повёл к столу. А Владимир Владимирович, несколько смущённый, попросил, обращаясь к Юрию:

– Юрий, выручай.. Этот твой секретарь горкома порядком надоел Елене и мне. Леночка от него уже устала, а он пристал к ней, как банный лист, и не отцепляется.

– Володя, я же не виноват в том, что Леночка с Александром вдруг оказались земляками. Но я горжусь тобой, Володя, что у тебя такая такая коммуникабельная, красивая и зовущая жена. Как она здорово плясала и пела частушки! Я прямо-таки потрясён. Елена в своём исполнении не уступила и профессиональным артистам. Не жена у тебя, а кладезь всего прекрасного.

– Так вот этот кладезь, Юрий, как ты помнишь, я надеюсь, находится за решёткой. И ни к чему, наверное, Александру Александровичу знать об этом. А я уверен, что он сейчас пытается, где она работает и чем занимается. Поэтому давай помогай, спасай ситуацию. Сделай так, чтобы мы смогли незаметно уйти домой. Ты же виноват, Елену разрекламировал, а теперь вон все хотят с ней познакомиться, что даже этот Александр, кому уже пятьдесят пять, всё хочет для неё быть Сашенькой, старый перечник. И не отпускает от себя Елену ни на шаг. Если, Юра, ты мне как-то незаметно не поможешь забрать Елену от этого старого пня, то я это сделаю сам в грубой форме.

– Володя, не кипятись.. Я что-то придумую.. Пойдём к столу, садись, следи за мной и в сторону не уходи.

И они поспешили к столу. Затем ректор позвал к себе ведущего и попросил его, чтобы он слово для следующего тоста предоставил Александру Александровичу, а потом, по его знаку, пригласил его к телефону.

Ведущий всё сделал так, как его попросил Юрий. И в то время, пока секретарь горкома общался со своей сестрой по телефону, Елена с Владимиром незаметно покинули дом ректора.

Когда они вошли в квартиру, Елена облегчённо вздохнула и сказала:

– Я, Володя, чувствую себя как-то очень неуютно. Это клеймо заключённой давит меня, словно плитой, с огромной силой. Когда уже это кончится? А тут ещё Юрий мною хвастаться захотел, что совершенно усложнило моё положение на вечере. Разбудил у людей ко мне любопытство со всех сторон. Спасибо, что ты меня до окончания вечера увёл, а то все уже подпили, и этот земляк от меня не отходил, посадил возле себя и всё спрашивал меня о чём надо и о чём не надо. Ты почему, Володя, меня с ним отпустил? Ты ведь мой муж, мог бы действовать по-настоящейвей.

– Золотые слова, Леночка. Но этот Сашенька как выпьет, так становится самодуром. Он мог бы испортить весь вечер Юрию, а ведь он же наш друг. Нельзя было в открытую так сделать, поэтому Юра разыграл этот сценарий. Он попросил его сестру, которая является родственницей жены Юрия, ему позвонить. И в тот момент, когда Александр Александрович говорил по телефону с сестрой, мы и смогли, как ты сама знаешь, уйти более или менее незаметно.

– Конечно, Володя, мне бы хотелось по многим вопросам поговорить с земляком. Я очень соскучилась по своему селу и очень хочу поехать туда, чтобы подышать воздухом тех полей, которые согревали меня в детстве и в отрочестве.

– Ничего, Леночка, уже немного осталось ждать. Самое тяжёлое позади. Вот поступишь в институт, побегут у тебя дни побыстрее и повеселее. А давай, я съезжу в Донецк и привезу детей сюда. Может, и Тамара с Мишей захотят приехать.

– Нет, Володенька, экзамены на носу, а то провалюсь с треском. Вот сдам экзамены, тогда и привезёшь.

– Хорошо, Леночка, как скажешь.

– Тогда, Володенька, можно, я немного отдохну и начну изучать ту программку по истории, что ты мне принёс.

– Не возражаю, готовься, моя дорогая сестрёнка.

Он поцеловал её и пошёл заниматься своими делами.

А Елена, оставшись одна, достала учебники по истории и стала заниматься.

Утром их ждал рабочий день со всеми своими старыми и новыми проблемами, которые вращались в пласт жизни, даруя радости и печали..

И этот наступивший день принёс Елене большую радость. Она узнала, что зачислена студенткой заочного отделения юридического института, ведь все экзамены Михайлова сдала на наивысшие баллы. Поэтому не зачислить её было нельзя.

Это радостное событие они, конечно же, отметили. Приехали дети и Тамара с Михаилом, которые тоже были очень рады и поступлению, и встрече с мамой. Дети также потихоньку стали привыкать к дяде Володе. Володя тоже относился к детям с заботой и вниманием. Вот и сегодня он накупил разных подарков для детей. Первому он решил вручить подарок Сашеньке.

– Сашенька, угадай, что тебе дядя Володя хочет подарить? Если угадаешь, то я тебе ещё что-то дам.

– Наверное, дядя Володя, ты купил для меня конструктор.

– Правильно, Сашенька, конструктор! Придётся тебе, Сашенька, сразу и второй подарок дарить.

– Ура!.. А что это за подарок?

– Это, Сашенька, букварь. Ты уже большой, надо буковки учить, а то скоро в школу пойдёшь.

– Я, дядя Володя, все буковки знаю. Меня Ленусенька и Игорёк учат постоянно. Хочешь, я тебе прочитаю?

– Ну-ка, ну-ка, Сашенька, читай, порадуй дядю Володю.

– Тогда слушай внимательно и не перебивай меня, а то Ленусенька меня постоянно перебивает. Вот на этой страничке написано: "Ма-ма мы-ла Ма-шу. Ма-ша мы-ла Са-шу".

– Сашенька, а вот на этой страничке читай.

– Давай.. Здесь текст сложный, я по слогам не буду читать, а сразу: "Солнышко блестит, травка зеленеет. Все сады в цвету, погода теплеет".

– Молодец, Сашенька, как ты хорошо читаешь! А до сколько ты считать умеешь?

– Я, дядя Володя, до ста считать умею, а если надо, то и больше. Примеры уже не очень сложные решаю. Вот, например: два плюс два, будет четыре. Или, четыре плюс два, то будет шесть.

– Кто это здесь так расхвастался?..

– Ничего я, Ленусенька, и не расхвастался. Я дяде Вове правду говорю. Так ведь, дядя Вова?

– Так, так, Сашенька, ты мне сухую правду сказал. Ты – молодец, и читать, и считать уже хорошо умеешь. Возьми-ка в награду себе конструктор, разбирайся с ним. А тебе, Ленусенька, мы с мамой вот такое платьице купили. На... Гляди... Нравится?..

– Очень нравится. Дядя Володя, я пойду, примерю.

– Хорошо... А где же Игорёк? Почему он не идёт? Мы же с мамой ему тоже кое-что купили.

Игорь услышал, что его зовут, подошёл к дяде Володе, где стояла и Елена. Она держала в руках красивый чёрный костюм, чёрные туфли и белую рубашку.

– Вот мы с дядей Володей купили тебе эти наряды. Пойди, примерь, ты же у нас в этом году выпускник. Но ты не жалея, носи, а на выпускной мы тебе новый костюм купим.

– Спасибо, дядя Володя. Спасибо, мамуля. Пойду и примерю всё.

– Хорошо, Игорек, иди.

– Дядя Володя! Мамуля! А почему это Ленусеньке вон какое красивое платье подарили, Игорьку костюм и ещё туфли с рубашкой, а мне костюма нет?

– И не угадал, Сашенька, а мы с мамой и тебе купили красивый костюмчик, иди и ты одень его, чтобы мы посмотрели, подходит или нет.

Сашенька тоже с большой радостью взял костюм, и они вместе с мамой пошли его примерять. Через несколько минут они явились нарядные и радостные, крутятся перед зеркалом и щеголяя каждый своим нарядом. Елена с Володей были в приподнятом настроении от встречи и радости, которую они сумели доставить детям.

И Тамара с Михаилом не были оставлены без внимания. Елена с Володей подарили им импортный магнитофон. Принимая подарок, Тамара сказала:

– Вы же нам и раньше уже много подарков надарили. Нам с Мишей стыдно их уже от вас принимать.

– О таком подарке я, Томочка, мечтал. И мне не стыдно, а очень радостно. Спасибо вам большое, Володя и Елена. Очень, очень рад и признателен. Классный магнитофон! Пойду его включу и опробую.

– Ох, ты, Михаил, какой же ты нескромный.

– Я исправлюсь, Томочка, но подарок мне так понравился. Пойду и скорее включу, а то ещё отберут, – в радостном настроении шутил Михаил.

И все чувствовали себя свободно, радостно и счастливо. Нарядные и весёлые они сели за стол ужинать, а заодно и отметить поступление Елены в институт. Первое слово взял Владимир и сказал:

– Я, Леночка, очень рад, что ты поступила в юридический институт, сдав блестяще экзамены. Теперь наряду с обучением можно параллельно писать и диссертацию. Ты же у нас очень способная и трудолюбивая. А это те основные качества, которые помогают добиться в жизни больших успехов. Я тебе и в учёбе, и в написании диссертации буду помогать. Да ты и сама имеешь большой практический опыт руководителя, да и защищённые диссертации кандидата наук, а затем доктора наук бесследно не ушли, а дали познания и опыт в написании диссертации. Ведь общие требования для написания диссертаций едины. И ты уже ими владеешь, а, следовательно, тебе будет значительно легче освоить пути исследования в юриспруденции. Я желаю тебе, Леночка, здоровья и удачи, везения и в учёбе, и в написании диссертации, а побочные негативные явления, которые тебя окружают, пусть не теснят тебя, а растают, как дым, как утренний туман.

– Спасибо, Владимир, хорошие слова ты сказал. Я буду стремиться оправдать твоё доверие, но как получится...

– Ты что это, сестричка, упадническое настроение приняла? Как получится, говоришь, а я уверен, что хорошо получится. Вот за это я пью и остальных призываю.

– Ничего, Леночка, ты у нас бойкая, ещё Володю догонишь. Не успеет он оглянуться, как уже и ты доктором станешь. Ты ещё молодая, красивая, энергичная. Дети

уже большие, скоро Сашенька в школу пойдёт, а Игорёк в институт в этом году поступать будет. Всё идёт как надо, так что не печалься ни о чём. Мы с тобой и тебя в обиду не дадим.

– Спасибо, Михаил, за тёплые слова в мой адрес. Если бы не вы, то, конечно бы, не чувствовала бы я такой уют и заботу о детях. Вы с Тамарой – мой щит, надежда и опора.

– А я же, Леночка, кто?

– Ты, Володя, мой рыцарь, брат и учитель.

– А я же кто, мамулечка?

– Вы, дети мои, смысл моей жизни, отрада и вдохновение. Без вас жизнь мрачная и без продолжения. Вы мне даёте силу и заставляете не хандрить, искать тропу спасения, веры и любви. Другими словами, вы – мои крылья. И чем вы старательнее, трудолюбивее, добрее и милосерднее, тем больше мои крылья, которые мне в жизни помогают лететь, особенно в тяжкие минуты. А благодаря Тамаре и Михаилу у меня есть большие крылья поддержки и любви. Игорёк и Ленусенька, вы прекрасные дети. Вы в тяжкие минуты не потерялись в пучине жизни, а встали на мою защиту, трудясь во всю мощь своего детского организма. В таких сложных ситуациях вы продолжаете быть отличниками, как и тогда, когда мы жили все вместе в более лёгких условиях. А Игорёк ещё стремится работать и официально, зарабатывая на кусок хлеба самостоятельно. Спасибо вам всем большое, Тамара, Михаил, Володя, Игорёк, Ленусенька, земной поклон. И ниспошли вам, Господь, здоровья на многие лета, пути творения, удачи и ещё:

***Помоги вам, Боже, во всём,
Дай сил, чтоб могли вы трудиться,
И согрей вас нежным теплом,
Чтоб жизнью смогли насладиться.***

***И вас, Вседержатель, спаси,
Пошли вам яркого солнца,
В Храм Небесный вас вознеси,
Открой вам в Вечность оконце.***

– Леночка, ну как же ты красиво рассказываешь, осо-

бенно в стихах. Я так люблю слушать все твои поздравления. Ты вся у нас в маму. Она тоже всегда очень хорошо говорила, это в тебе её гены. Ты, сестрица, среди нас семерых одна умеешь так тонко всё подмечать и так ярко и торжественно произносить. Вот и сейчас мы тебя должны поздравлять и говорить в твой адрес торжественные слова, а фактически ты нам говоришь добрые слова. И, признаюсь, Леночка, хоть и не наш праздник, но приятно слушать великолепные слова в свой адрес. Спасибо, сестрица, за утончённость твоего ума. Я после общения с тобой мудрею и, кажется, добрею. И вообще, Леночка, я тебя очень люблю. Я стала любить сюда к вам приезжать. У тебя такой великолепный, как ты его называешь, Володенька. Он мне напоминает брата, который тебя в детстве очень опекал. И ты его бегала встречать, когда он шёл с работы. Встретишь его за километр-два, а он тебя сажал на плечи и нёс до самого дома. Он непременно оставлял тебе хоть небольшой кусочек хлеба от своего обеда. Ты его частичку оставляла и для меня. Вот и Володенька, я гляжу, заботится и ухаживает за тобой, как за ребёнком.

– За это, Томочка, я люблю Володеньку. Он действительно наидобрейший, наигумнейший человек на белом свете. Он через неделю выходит на защиту докторской диссертации. По моей кандидатской он у меня руководитель. И Володенька заставляет меня работать над диссертацией. Правда, у меня в голове пока полнейший сквозняк, но я всё равно его слушаю. И ты, Томочка, совершенно права в том, что Володенька напоминает старшего брата. Мой Володя очень заботливый, ласковый, нежный и не теснит меня в свободе. Я за ним, как за каменной стеной. Я никогда не чувствовала себя такой свободной. Он даже сам предложил не губить моё внутреннее убеждение, не нарушать обет, который я дала перед Господом. За это я ему безмерно благодарна. Те чувства, которые я к нему питаю, кажутся мне наивысшими, поскольку они чистые, трепетные и всеобъемлющие. Я всем сердцем люблю Володеньку за то, что он подарил мне те отношения, которые я раньше не испытывала. Я знаю, что эти чувства к Володеньке с моей стороны ни-

когда не погаснут. В этих отношениях нет ревности, грязи. В них есть, как бы мне правильно подобрать слова, небесная святость, райское блаженство, простота, открытость и доверие. Я знаю, что он мужчина, но люблю его братской возвышенной любовью. Для меня не будет неожиданностью, если Володенька через определённое время приведёт в дом молодую хозяйку. Я не перестану его любить той любовью, которую питаю сейчас, а, напротив, если ему это принесёт счастье, то буду содействовать этому, поскольку, как я уже сказала, люблю его наивысшей любовью, которая не знает ревности, угнетения и плотского сладострастия. Ведь плотское сладострастие снимает красоту возвышенных отношений, их цветение и благоухание, где чувствуется наивысшее счастье, сознание ощущения близкого человека, а не запачканное грязью острое чувство любви плотского безумия, когда впоследствии наступает ощущение пустоты, какой-то подавленности, холода и стыда от близкого человека.

– Леночка, ты так глубоко и сложно изъяснилась, что мне тяжело понять твою философию любви.

– Тамара, но Лена умеет и очень просто объяснять, и это она доказала, когда мы вместе с ней были в гостях у ректора нашего института Галкина Юрия Кузьмича. Так Леночка там такие завлекательные и шуточные частушки сыпала вместе с секретарём горкома партии, что после этого и ректор, и секретарь мне покоя не дадут и всё просят, чтобы она пришла на юбилей секретаря обкома партии. А Леночка ни в какую не хочет. Сама там всех своей речью, тостами и шаржами заинтриговала, а теперь я её уговорить не могу. Хоть ты, Тамара, помоги мне Леночку убедить, что нужно идти на юбилей к секретарю обкома, а то меня неправильно поймут.

– Извините, но хоть ты, Володенька, хоть Тамара будет просить, я всё равно не пойду. То, что я пошла к ректору на день рождения, было моей ошибкой. Мне не нужно было туда идти.

– Но, Леночка, ты же там была королевой бала. Ты была неотразима, восхитительна, породила столько разговоров и зависти. У многих мужчин и женщин пробуди-

ла такое любопытство, что они не дают мне покоя.

– Вот это и плохо. Эти светские вечера зачастую имеют не совсем хорошие последствия. Ведь человек может порой быть излишне свободным, раскрепоститься под воздействием спиртных напитков, когда общество может выведать какие-то тайны этого человека, распознать его внутренний мир, чтобы в последующем иметь возможность управлять им. Поэтому, Володенька, не зови меня, я не пойду. Я и к Юрию Кузьмичу пошла только потому, что он твой друг и брат и, как оказалось, неплохой человек. И он просил меня почитать свои стихи. Я, чтобы не ставить тебя в неудобное положение, исполнила его просьбу и прочитала стихотворения в этом кругу, где была вся светская элита города, хотя мне этого очень не хотелось. Я люблю отдыхать и позволять себе расслабиться только в узком кругу родственников, где меня понимают и принимают такой, какая я есть, со всеми моими положительными и отрицательными качествами. В таких случаях я не становлюсь ни от кого зависимой и не являюсь объектом обсуждения. Вот, Володенька, почему я и не хочу к этому секретарю партии идти. Вот сейчас хочешь, я вам здесь и шаржи почитаю, и чаюшки спую. А лучше давайте вместе споём мой любимый романс:

***Стояла ночь, а мы с тобой прощались,
Луна склонилась яркостью на грудь,
И звёзды нам сияньем улыбались,
Май свой простор спешил нам распахнуть...***

***Мы молча шли, боясь коснуться речи,
Которая нас хочет разлучить...
В душе ж молили мы желанной встречи
У долкшки разлучной попросить.***

***Глаза надеждой, ласкою горели,
В устах скользила нежности волна,
И чувства трелью соловьиной пели,
Высот небес любовь была полна...***

***Стояла ночь, а мы с тобой прощались,
Луна склонилась яркостью на грудь,***

***И звёзды нам сияньем улыбались,
Май свой простор спешил нам распахнуть...***

- Тома, а давай ещё споём про наш родимый край!
- Я, Леночка, не возражаю.

И Елена красиво, воззванно и сердечно запела. Ей стали вторить и Михаил, и Володя, и Игорек, и Ленусенька, и Тамара. Даже пытался петь с ними в унисон и Сашенька. И песня полилась по всей квартире:

***Хочу припасть к тебе душою,
Земля моя, родимый край!
Всем сердцем быть тебе родною –
Меня ты, Русь, не забывай!сс***

***Я – плоть земли твоей отрадной,
Которая во мне живёт,
Пращурами обетованной,
Их голос глубиной зовёт.***

***И дом, берёзкою согретый,
Трава роскошностью своей,
Садок, соловушкой воспетый,
И Волга в россыпи огней..***

***Всё это так сердечно греет,
Любовью насыщает грудь,
Ничто воззвать так не сумеет,
Как матерью возвращённый путь...***

- Леночка, а у меня ещё сердце чаще бьётся, и кровь играет от твоей песни "Порывы сердца".

И Михаил бойко и радостно запел, а затем стал приплясывать. А Тамара ему подпевала:

***Кровь славянская взыграла,
Вихрем душу напоив,
Биться сердце чаще стало –
Парит радугой порыв.***

***Он ворвался песней звонкой,
То частушкой восходил,
То чечёткой стлался бойкой,
Взор усладю поил.***

**Вдруг сорвался и заплакал,
Песни скорбью голосил,
Затем девушку сосватал
И ненастья сердца смыл.**

**Кровь сердечная взыграла,
Вихрем душу напоив,
Биться сердце чаще стало,
Разлив радугой порыв.**

В весёлом настроении они ещё много пели песен, частушек, шутили, пока Сашенька не сказал:

– А не пора ли нам, товарищи, уже готовиться ко сну?

Все дружно рассмеялись, а затем Тамара ответила:

– Ой, Сашенька, пора, давно уже пора утомониться.

Но душа просится веселиться, плясать, шутить, ведь твоя мамулечка вновь поступила в институт и вновь пишет кандидатскую диссертацию. И я уверена, что Леночка и институт закончит, может ещё экстерном или ускоренно, и диссертацию быстренько напишет, ведь она у нас очень бойкая и смышлёная. Кроме того, твой дядя Володя на днях защищает докторскую диссертацию. И я уверена, что он тоже блестяще её защитит. К сожалению, Сашенька, мы на эту защиту приехать не сможем... Я на той неделе уезжаю в Москву в командировку, поэтому сегодня мы отмечаем сразу два события.

– Тома, заранее так говорить нельзя, а то ещё не защищусь.

– Ой, Володенька, если ты не защитишься, то кто же тогда защитится? Я в твою защиту верю, как в то, что после дня наступит ночь.

– Спасибо, Томочка, за такие ободряющие слова, но я всё же побаиваюсь. Но если, Бог даст, и будет всё хорошо, то мы потом встретимся и обмоем мою защиту.

– Мы, конечно же, Володя, не возражаем.. И, Бог даст, обязательно приедем, когда эта защита состоится, и у нас будет такая возможность. Ну по этому поводу мы ещё не раз созвонимся, так ведь?

– Конечно, созвонимся, это в наше время не проблема.

– Тогда, Володенька, жди наших поздравлений пока

по телефону. А сейчас всем отбой! Так ведь, Сашенька?
– Совершенно так, тётя Тамара.

Они ещё некоторое время поговорили, пошутили, затем, пожелав друг другу спокойной ночи, утомонились и усладно расслабились во сне. А утром их всех ждал новый трудовой день, кого в Донецке, а Владимира и Елену в Харькове. Все поднялись очень рано, попили чаю, трогательно расстались, и дончане поспешили в путь. Елена отправилась на работу, а Владимир пошёл готовить своё выступление по защите диссертации..

ГЛАВА XII

Стоял холодный ноябрьский день. Дул сильный ветер, срывались первые снежные хлопья. Люди стремились спрятаться от порывов ветра, спешили сесть в нужный им транспорт, чтобы поскорее добраться до тёплых мест, которые их ожидали то ли на работе, то ли дома.

Владимир мчался на своей машине в юридический институт, где сегодня должна была состояться защита докторской диссертации. Он очень волновался, чтобы не опоздать, но добрался благополучно вовремя. Докторскую диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук Сергеев защитил отлично.

Коллеги поздравили его с успешной защитой, и Владимир счастливый поехал домой, где его ждала пришедшая с работы Елена, которая спросила:

– Володя, ну как, защитился?..

– Защитился, Леночка. Всё прошло хорошо и гладко.

– Слава Богу, а то я почему-то, Володенька, за тебя очень волновалась. У меня сегодня даже работа не клеилась. Все мысли были о тебе, я чуть брака не наделала. Я тебя поздравляю, дорогой мой Володенька! Желаю не останавливаться на достигнутом, а продвигать науку трудового права вперёд и вперёд. Я так рада за тебя! Ведь теперь все трудности для тебя позади. Много тебе вопросов задавали?

– Да где-то вопросов пятнадцать-семнадцать. Не очень, Леночка, меня коллеги щадили. Каждый старался задать вопрос покаверзней и позапутанней.

– Но ты, мой дорогой, справился. В том, что ты защи-

тишься, я не сомневалась, но всё равно на душе у меня было как-то тревожно. Теперь гора с плеч, слава Богу, свалилась. И ты будешь посвободней. А сейчас садись, я тебя покормлю. В честь твоей защиты я приготовила богатый торжественный ужин. Тебе что, Володенька, положить: отбивную или курочку?

- Леночка, признаться, от волнения что ли, но есть совершенно не хочется.

- Тогда давай мы с тобой выпьем за твою удачу коньяка, и аппетит, Володенька, непременно появится.

- Не возражаю. Я, Леночка, хочу сам за тобой поухаживать. Мне так приятно, что ты приготовила в честь моей защиты такой шикарный ужин. И на сердце тепло от ощущения, что вот такая прекрасная жёнушка ждёт меня дома, волнуется за меня и радуется моим успехам. Спасибо тебе, моя дорогая сестричка. Давай, моя прекрасная Леночка, обмоем мою защиту.

И Владимир налил полные стопки коньяка, они дружно выпили. Тогда Владимир, наконец, расслабился и стал с аппетитом ужинать. И беседа у них потекла рекой.

Затем они позвонили Тамаре и детям. Все были очень рады таким приятным новостям. И чуть ли не до утра Володя с Леной разговаривали, обсуждая диссертационные вопросы и другие проблемы жизни.

- Всё, Леночка, теперь я за тебя возьмусь основательно. Завтра мы с тобой сверстаем план твоей диссертации и будем по параграфам её наполнять.

- Володенька, лучше позволь мне дня три поработать над контрольными работами. Когда я с ними справлюсь в полном объёме, тогда начнём заниматься диссертационными исследованиями. Ты как раз немножко отойдешь от своей защиты.

- Хорошо, Леночка, если тебе так удобно, то мы поступим именно таким образом.

Счастливая Елена с большим вдохновением работала, писала контрольные работы, занималась диссертационным исследованием, частенько звонила детям и Тамаре с Мишей в Донецк. На заводе у неё тоже всё ладилось. И дни в житейской суете бежали очень быстро. Елена не успела оглянуться, как уже окончила с отличием

первый год обучения в институте и перешла на третий курс, так как она училась экстерном.

А Игорёчек с волнением выбирал вуз, куда ему хотелось бы поступать. Он на радость Елены успешно окончил школу и получил аттестат с отличием. А вот куда же поступать всё никак не мог выбрать.

И поэтому, чтобы окончательно определиться с выбором, он решил посоветоваться с Еленой и позвонил ей:

– Мамуля, добрый вечер... Я тут весь извёлся, не знаю в какой вуз поступать. Уже документы подавать нужно, а я всё никак не решусь. Посоветуй, мамуля, куда мне поступать.

– Игорёчек, куда душа зовёт, туда и поступай.

– Мамуля, куда душа зовёт, туда пока мне путь закрыт. Я хочу поступать или в духовную семинарию, или в духовную академию. А я знаю, что это поступление отразится на тебе. Ты же хочешь окончить институт и получить юридическое образование, а затем защитить диссертацию. Если я пойду туда учиться, то тебе не дадут защититься, и у тебя опять усложнится жизнь. И кроме того духовная семинария находится в Одессе, а духовная академия в Киеве. Ведь мне тогда придётся уехать из Донецка. А кто же будет с Сашенькой? Ленусенька одна не справится, а тебе надо ещё отбывать наказание целых два года. Что мне делать, мамуля?

– Сыночек, я и сама не знаю, что тебе посоветовать. Ты ведь правильно рассуждаешь. Может, ты остановишься на техническом вузе или тебе ближе гуманитарный?

– Нет, мамуля, я в большей степени склонен к техническому вузу. Буду, наверное, поступать в политехнический институт, в тот самый, в котором училась и который окончила ты. Может быть, этот вуз мне принесёт везение?

– Смотри, сыночек, сам.. Ты у меня уже взрослый. Я буду поддерживать тебя, какой бы институт ты не выбрал.

– Тогда всё, мамуля, я иду учиться в политехнический. А там видно будет. Если не понравится, то брошу.

– Да нет, Игорёчек, это не выход из положения: поступать, а потом бросать. Уж настраивай себя сразу: если

поступишь, то этот вуз надо и заканчивать. Если же другой институт захочешь одолеть, то поступай, как я, на заочное отделение, и будешь учиться. Жизнь длинная, сыночек, но стремись любое начатое дело доводить до конца. А если будешь бегать то в один вуз, то в другой, в результате ничего не достигнешь и останешься у разбитого корыта. В такой ситуации не за что будет уцепиться.

– Хорошо, мамуля, я всё понял. Я сделаю так, как ты сказала.

– Спасибо, сыночек. Как вы там живёте? Как Сашенька? Как Ленусенька?

– Да, слава Богу, всё потихоньку. Я продолжаю работать, деньги от тебя получил. Спасибо большое. Но ты, мамуля, сама там питайся получше. Денег, что я зарабатываю, нам хватает. Одеждой ты нас всех обеспечила, так что у нас всё есть. Сашенька и Ленусенька стараются, ведут себя хорошо, меня слушают. Ну, мамуля, я тебе всё рассказал, до свидания.

– До свидания, сынок. Поцелуй за меня Ленусеньку, Сашеньку, тётю Тамару и дядю Мишу...

– Хорошо, – и Игорёк повесил трубку.

После разговора с сыном на душе Елены было тревожно, ей было жаль Игорька. Она подумала: "В его возрасте мальчишки живут беспечно, за них думают родители, а мой уже не первый год работает... Кроме того воспитывает не только Ленусеньку, но и Сашеньку. При живой матери дети мои почти сироты. Спасибо Тамаре с Михаилом, что помогают их растить. Если бы не они, то детей вообще пришлось бы отдать в детский дом. Слава Богу, что я хоть в колонии-поселении большие деньги зарабатываю и могу им помогать. Но всё равно как же я устала так жить, Господи. А мне даже при хороших обстоятельствах быть в заключении ещё два года. Спасибо ректору Юрию Кузьмичу, что разрешил мне учиться экстерном. Я за этот год сумела пройти программу за два года обучения. Надо, кровь из носа, за эти оставшиеся два году обучения полностью закончить институт, чтобы хоть как-то облегчить жизнь детей. Поэтому работу над диссертацией надо пока отложить. Но за это время всё равно надо

опубликовать хотя бы две-три статьи по диссертационному исследованию. А то потом процесс защиты диссертации затянется. Мне каждый год очень дорог, поэтому не следует слушать Володю, а больше нагружать себя. Больше, как можно больше мне нужно работать. Ведь я так соскучилась по воле. Уже шестой год нахожусь в заключении. И столько лет дети фактически живут без моей ласки, на них падает такая большая жизненная нагрузка. И сейчас как у Игорёчка, так и у Ленусеньки очень сложная пора. Они за столько лет лишения могут не выдержать этой нагрузки и сорваться. Поэтому за эти оставшиеся два года мне нужно выполнить программу максимум: окончить институт и подготовить хотя бы две статьи по диссертации. А то когда я выйду на волю, меня нигде не возьмут на работу. При наличии диплома и написанных статей, а также исследовательского материала может быть удастся работать в педагогической сфере и легче будет трудоустроиться юрисконсультантом или адвокатом. Но где мне взять время для сдачи этих бесчисленных экзаменов и зачётов, которые изучаются в институте? Где?.. Как где? Не стони, Елена! Время есть! Спи по два-три часа в сутки и тогда всё успеешь. Да.. Я, пожалуй, за счёт сна сумею выполнить задуманное. Надо ещё крепче взять себя в руки и каждую минуту использовать только для достижения этой цели. Когда я решу основополагающую задачу, то мне легче станет решать другие. Поэтому я должна быть крепкой, как камень, как сталь и ничуть не жалеть себя, а всё работать, работать и работать..."

Так думала Михайлова и такую по отношению к себе приняла жёсткую программу-максимум для достижения намеченных целей. И она пошла по этой непомерно трудной тропе жизни и не сворачивала с неё. Елена день за днём шла к своей цели.

Вот и сегодня Елена сидит ночь напролёт над написанием работы по гражданскому праву. Проснулся Владимир, увидел, что на кухне горит свет, подошёл к Елене и спросил:

- Леночка, так ты ещё не ложились спать?
- Нет, но скоро лягу, вот осталось ещё совсем немно-

го...

– Нельзя так, Леночка!.. Ты же не железная?! Загу-бишь своё здоровье, тогда как?.. Давай, я тебе помогу.

– Ничего, Володенька, мне Господь помогает. Поэтому твоя помощь пока не нужна. Я уже скоро. Бог даст, сдам все экзамены и зачёты за третий год обучения, а там возьмусь и за четвёртый курс.

– Леночка, а со статьями как же?

– Володенька, вот как сдам все экзамены и зачёты за третий курс, так сразу приступлю к написанию статей. А ты иди, дорогой братец, спать и пока не мешай мне.

Встревоженный Владимир покачал головой, пошёл и лёг снова спать на свой диван. А Елена закончила писать курсовую работу, оформила, как требовалось в методических указаниях, сшила и тоже легла спать. По-спала она полтора часа, а утром выпила крепкого чая и поехала на работу.

По окончании смены Елена взяла написанную ночью курсовую работу, контрольные и поехала сдала их в деканат заочного отделения института. И довольная результатами проведённой работы приехала домой, где её с нетерпением ждал Владимир.

– Леночка, ну что ты так долго домой не являешься? Я тебя жду с большим нетерпением, поскольку у меня есть новости, которые я должен с тобой обсудить.

– Какие же, Володенька, у тебя новости?

– Мне, Леночка, предлагают быть ректором педагогического университета.

– Это где? В каком городе?

– Да в этом городе, в Харькове..

– Ну и что же ты, Володенька, решил?

– Не знаю.. Вот тебя и ждал, чтобы с тобой посоветоваться. Мне дали время до завтра подумать..

– Ты, Володенька, человек волевой, сильный, добрый, обладаешь прекрасными деловыми качествами. Так что тебе эта должность по плечу и ты вполне справишься с этой работой. Работники этого вуза довольны будут тобой. Тебе надо соглашаться на эту должность. И думать тут нечего.

– Спасибо, Леночка, за поддержку и добрые слова. Но

мне почему-то страшновато. А вдруг не справлюсь?

– Справишься, Володенька, даже ничуть не переживай. Ты у меня, братец, что надо: и молод, и красив, и умён. Ты успешно можешь справиться и с министерским портфелем.

– Ну это, Леночка, ты уже лишкухватила.

– Ничего, Володенька, и не лишку. Ты действительно обладаешь и интуицией, и высокими профессиональными, деловыми и личностными качествами. Так что вперёд, Володенька, и с Богом..

– Я рад, Леночка, что ты меня так высоко ценишь. Тогда всё, завтра чётко даю согласие и иду туда работать.

В течении недели Сергеев Владимир Владимирович прошёл все необходимые согласования. И вот сегодня он первый день в новой должности. Заходя в свой кабинет, он увидел в приёмной молоденькую студентку-заочницу, которая сдавала ему экзамен по трудовому праву в юридическом институте.

– Вербицкая, а ты что здесь делаешь?

– Я, Владимир Владимирович, работаю здесь секретарём.

– И давно ты здесь работаешь?

– Да уже третий год..

– Тогда, Анастасия, вот тебе моё первое задание. Пригласи всех проректоров ко мне в кабинет на одиннадцать часов, а деканов на два часа дня. И дай мне на этих работников все данные: фамилии, имена и отчества.

– Хорошо, Владимир Владимирович, я сейчас же всех обзвоню и предупрежу.

Владимир был рад увидеть здесь студентку юридического института Вербицкую Анастасию Михайловну. Он улыбнулся ей и вошёл в свой кабинет.

Кабинет был большой, светлый и чистый. Здесь стоял стол для работы ректора и приставленный к нему столик для посетителей. А вдоль стены стоял обставленный стульями со всех сторон огромный длинный стол для проведения заседаний, совещаний с проректорами и иными работниками.

Сев за свой стол, Сергеев позвонил секретарю и попро-

сил принести ему список с фамилиями, именами и отчествами.

– Анастасия, где же список?

– Владимир Владимирович, я его ещё не сделала.

– А почему же ты так долго его делаешь?

– Не успела...

– Что, Анастасия, ты не успела три-четыре фамилии написать? Сколько человек здесь работает проректорами?

– Четыре, Владимир Владимирович: Андропов Юрий Иванович по учебной работе, он занимает должность первого проректора, Воронько Евгения Петровна, она работает проректором по воспитательной работе, Санжаров Александр Иванович, занимает должность проректора по науке, а Сидоренко Тимофей Фёдорович – проректор по общим вопросам.

– Анастасия, список всех проректоров, деканов, заместителей деканов и всего профессорско-преподавательского состава должен быть у тебя, понятно?

– Понятно, Владимир Владимирович. Но бывший ректор не требовал этого. А такие списки имеются в отделе кадров и на кафедрах.

– Тогда сейчас вызови ко мне начальника отдела кадров. Как его зовут?

– Кудрявцев Степан Леонидович.

– Мои распоряжения, Анастасия, впредь требую выполнять незамедлительно, чётко и по-деловому.

– Хорошо, Владимир Владимирович, я именно так и стану поступать, – несколько взволнованно ответила девушка.

А через несколько минут в его кабинет без стука вошли первый проректор и начальник отдела кадров.

– Вас, Юрий Иванович, и вас, Степан Леонидович, не учили стучать прежде, чем войти в кабинет?

– У нас как-то раньше не было принято стучать в дверь перед тем, как зайти в кабинет.

– Теперь, Юрий Иванович и Степан Леонидович, будем учиться культуре поведения. Присаживайтесь и дайте мне данные, сколько у нас в вузе учится студентов на дневной форме обучения, а сколько на заочной, и есть ли

вакансии на должности профессорско-преподавательского состава.

- У нас, Владимир Владимирович, на дневной форме обучается четыре тысячи студентов, а на заочной три тысячи. По вакансиям: имеются две вакантные должности преподавателей по советскому праву и одна ставка доцента по английскому языку. Вот и всё.

- А почему, Юрий Иванович, вакантные аж две ставки по советскому праву?

- Платят очень мало старшему преподавателю, как вы знаете. Оклад установлен в сто сорок пять рублей. А специалисты, имеющие дипломы юристов, получают заработную плату на предприятиях или в правоохранительных органах куда больше, поэтому в вузы идти не хотят.

- Но доценты, кандидаты наук в вузах имеют же более трёхсот рублей. Что у нас мало юристов защищается?

- Да, во всех вузах у нас в Харькове нет ни одного преподавателя, который бы имел учёную степень кандидата юридических наук или учёное звание доцента по советскому праву. Это большая проблема в вузах.

- Конечно, нам бы необходимо принять преподавателя по дисциплине "Советское право", имеющего учёную степень.

- Да что вы, Владимир Владимирович? Тут хотя бы найти преподавателя-юриста, чтобы он читал эту дисциплину. А то ведь в большей степени в вузах читают предмет "Советское право" историки, математики и так далее. А нас же, юристов, выпускают очень мало в стране, поэтому такая вот возникла сложная проблема.

- Признаться, Юрий Иванович, я не ожидал, что в вузах такая сложная ситуация с дисциплиной "Советское право", но всё равно её решать надо.

- Будем стараться, Владимир Владимирович. Может, целевым образом где-то станем обучать в аспирантуре и готовить для нашего вуза кандидата юридических наук?

- Можно и таким способом, Юрий Иванович. Давайте в следующем учебном году подадим заявку в юридический институт, и там будем готовить для себя высокопрофессионального преподавателя по праву.

Закончив беседу относительно имеющейся проблемы по дисциплине "Советское право", ректор перешёл к рассмотрению и обсуждению других актуальных вопросов, которые имелись в вузе. Сергеев, утомлённый и озабоченный проблемами университета, приехал домой, значительно задержавшись после окончания рабочего дня, где его с нетерпением ждала Елена.

- Володенька, ну как прошёл твой первый рабочий день в качестве ректора?

- Ой, Леночка, сложно. В университете столько проблем. Оказывается, почти во всех вузах, за исключением юридического, читают право не юристы, а историки, биологи, географы и другие...

- А почему так?

- Ответ, Леночка, банальный. Выпускников дневной формы обучения юридического института в основном направляют в правоохранительные органы, а заочники из-за низкой оплаты идти в вузы не хотят. Остепененные преподаватели в вузах хорошо получают, но всё-таки сложно защитить диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Поэтому и сложилась в стране такая ситуация. Тебе, Леночка, надо спешить с защитой. Когда защитишься, то, я думаю, легко будет трудоустроиться преподавателем по советскому праву.

- А вдруг и тогда, Володенька, меня не возьмут? Ведь я буду иметь клеймо бывшей заключённой.

- Трудоустроим, Леночка, не переживай. Ты только давай вуз оканчивай и скорее защищай диссертацию. Ты подготовила статью?

- Подготовила, Володенька. Вот как раз только закончила. Но её, наверное, надо ещё редактировать.

- Сейчас, Леночка, давай поужинаем, после этого я полчаса отдохну, а потом отредактирую твою статью.

- Спасибо, Володенька, за твоё участие и помощь. Ты мне просто даёшь надежду, силу и радость. Я очень тебя, дорогой братец, люблю, ценю и уважаю. Слава Господу, что Он мне на моём пути послал такого милого, доброго, умного и бескорыстного человека.

- Леночка, а дружба не может в себе носить какую-то выгоду, корысть. Я тобой очень дорожу и люблю тебя.

Мне от тебя ничего не надо, кроме как знать, что я тебе не безразличен и что ты меня ценишь, любишь. И слово своё, данное тебе, любимая моя сестра, я не нарушу. Ты мне, как я уже не раз говорил, самый близкий человек. Ты мне и мать, и сестра. У меня на целом свете нет никого, кто бы был роднее и отраднее тебя. Ты меня зовёшь, греешь и восхищаешь. Ощущать возле себя такое сокровище, как ты, большое счастье.

И он ненавязчиво, с большим уважением поцеловал её. В этом поцелуе чувствовалась высота совершенной любви.

Пужинав и отдохнув, Владимир с Еленой стали читать подготовленную ею статью. Статья Сергееву очень понравилась, он обнял Елену за плечи и сказал:

– Дорогая моя ученица Елена Васильевна, статья великолепно написана. Её и править совершенно не нужно. В ней такие глубокие и интересные мысли, что я просто диву даюсь, откуда ты это знаешь? Я, доктор юридических наук, но я лучше тебя не напишу статью по этому вопросу. Ты прекрасно видишь основную проблему правового регулирования аттестации работников. Эта статья написана на очень высоком уровне. Она, Леночка, заслуживает внимания и будет интересна как учёным, так и практикам в правоприменительной деятельности. Я её завтра сам отправлю в правовой журнал. А ты, Елена, её ещё расширь, и мы тогда это исследование напечатает отдельной брошюрой.

– Спасибо, Володенька, я это сделаю с удовольствием. У меня пока появилось окно. Ты же знаешь, я уже все дисциплины третьего курса сдала полностью, а время ещё в запасе есть. Поэтому я буду заниматься написанием брошюры, которая станет частью исследования диссертационной работы.

– Правильно, Леночка, ты же у меня умница. Я сегодня видел Юрия Кузьмича. Он передавал тебе привет. Очень восхищён твоими результатами и знает, что ты сдала все экзамены на отлично. Тебя там все преподаватели ставят студентам в пример. Я рад, Леночка, твоим успехам. Но ты всё же как-то больше должна щадить себя. Ты же совсем мало спишь, организм ведь может не

выдержать .

– Хорошо, Володенька, я буду давать себе отдыха сколько смогу. А ты знаешь, сегодня я звонила в Донецк. Там Игорёк первую сессию сдал тоже на отлично.

– Вот молодец.. Он, похоже, Леночка, весь в тебя: и работает, и учится отлично. А Ленусенька как там? Сашенька, Михаил, Тамара – они как себя чувствуют? Что там у них нового? Когда к нам приедут?

– Будто бы у всех всё в порядке. Тамара и Михаил так же работают директорами, план выполняют. Вот за этот месяц Михаила премировали крупной суммой. Сашенька там всё удивляет своим мышлением и смекалкой. Он хорошо пишет, читает и считает. Тамара водила его к учительнице младших классов, так она говорит, что Сашенька полностью владеет программой первого класса. Поэтому его надо направлять учиться сразу во второй класс. А ему же ещё не исполнилось шести лет. Что мне, Володенька, с ним делать?

– На мой взгляд, Леночка, пусть всё идёт как идёт. Не надо лишать ребёнка детства. И в первый класс он должен идти с одноклассниками. Ну если Сашеньке совершенно будет не интересно учиться со своими одноклассниками, то там видно будет. А сейчас пусть растёт и набирается сил. И отправлять его в школу в этом году не нужно.

– И я, Володенька, так считаю. Пусть окрепнет, пусть Ленусенька с ним занимается, если ему так интересно, но переусердствовать нельзя. Я тут с тобой, дорогой мой, абсолютно согласна. Володенька, я завтра ночевать домой не приду. Мне вновь дают срочную и очень дорогостоящую работу. Её директор оценил в сто двадцать рублей. Я её должна сделать за три смены, то есть завтра с утра начну точить, а ночью часов в одиннадцать-двенадцать закончу. Я сегодня уже ознакомилась с этой работой, подобрала соответствующие инструменты. Завтра когда приду, то сразу стану делать эту деталь. Поэтому послезавтра, а, может быть, и раньше я её сделаю. А когда приеду домой, то сразу позвоню тебе на работу.

– Ой, Леночка, не бережешь ты себя!

– Володенька, куда же мне деваться? Но эта каторга скоро закончится. Уже немного осталось, придётся по-

терпеть. Детям вон как тяжело, они маленькие и то терпят.

И так в великом напряжении и большом старании шли дни один за другим. Но Елена не сворачивала с этого пути, где просматривался просвет достигаемой цели.

Наступила последняя седьмая весна нахождения Елены в заключении, и в юридическом институте подошло время последней сессии, которую она сдала, как и все предыдущие, на отлично.

До освобождения оставалось всего пятнадцать дней, но они начали давить таким томлением, что для Елены один день стал казаться месяцем. Вот и сегодня она сидела грустная, ожидая Владимира с работы. Но Сергеев не спешил уходить из института. Он был захвачен решением институтских дел и не замечал времени. И лишь когда его секретарь Анастасия зашла в кабинет и занесла на подносе чай, он заметил её печальные глаза.

– Ты почему, Анастасия, такая унылая?

– Владимир Владимирович, пора уже заканчивать работу, а то вас Елена Васильевна уже, наверное, заждалась. Или вы на неё также не обращаете внимания, как и на меня?

– В каком это смысле я на тебя не обращаю внимания?

– В прямом. Я уже за вами третий год сохну, а вы как не замечали меня, так и не замечаете. Я все глаза проплакала. Вот и сейчас мне нужно было уйти с работы два часа назад, а я всё здесь ошиваюсь и чай вам подаю..

– Анастасия, что значит ты "ошиваешься"? Что это за выражение? И раз тебе нужно идти домой, тогда почему же ты не пошла? Я ведь тебя не держу..

– В том-то и дело, что держите. Вы, Владимир Владимирович, захватили меня в плен и держите меня в нём.

– В каком это смысле, Анастасия?

– В каком, в каком?.. Неужели вы не видите, что я люблю вас? Поэтому и стараюсь здесь с вами торчать..

– Ой, Анастасия, опять грубости говоришь. Во-первых, не торчать, а работать, и, во-вторых, я же старше тебя почти на двадцать лет, таких уже не любят.

– А я вот, дурёха, люблю.. Отчего и спасу нет ни на

работе, ни дома. Всё думаю и думаю о вас. Люблю каждый ваш взгляд, а вы, словно слепой: кроме своей работы ничего не видите и ничего не замечаете.

Вдруг Анастасия заплакала навзрыд. Не зная что делать, Сергеев подошёл к ней, погладил по голове и ласково сказал:

– Анастасия, ну полно, полно тебе так горестно плакать. Я тоже тебя за хорошие качества люблю..

– Так вы любите меня?! – по-своему истолковав слова ректора, воскликнула Анастасия.

Она молниеносно схватила его за голову, крепко поцеловала в губы. Не ожидая такого поворота событий, Владимир стоял несколько сконфуженный, а Анастасия снова обняла его и страстно целовала в лоб, глаза, щёки, губы.

Затем, припав головою к груди, прошептала:

– Владимир Владимирович, солнышко ты моё, радость превеликая, я тебя очень люблю. Люблю больше жизни и хочу нарожать тебе кучу детей.

– Анастасия, но я же женат. У меня уже есть трое детей.. Я люблю Елену Васильевну и детей.

– Но я вас больше люблю, чем Елена Васильевна. Она очень красивая, но она не любит вас как женщина, это же видно.

– А какой же любовью Елена Васильевна меня любит?

– Я, Владимир Владимирович, не знаю как точно выразиться, но сердцем чувствую, что вы не совсем счастливы с Еленой Васильевной. Она вам не даёт полного счастья, от которого мужчины пламенеют. А я вам такое счастье дам. Я окутаю вас таким вниманием и негой, от которого вам захочется петь, звенеть, смеяться и молодеть. И вы не почувствуете разницы в возрасте между нами.

И Анастасия вновь стала пылко целовать Владимира Владимировича.

– Анастасия, остановись, люди могут зайти..

– Не бойтесь, Владимир Владимирович, все уже ушли домой..

– Тогда и нам пора идти по домам.

– Нет, не пора, дорогой Володенька, совсем не пора.

Нам пора уединиться. Я хочу принадлежать тебе вся без остатка и сердцем, и телом, и всем своим любящим существом.

И своей всепоглощающей страстью она сумела раствориться в нём, даря ему минуты плотского наслаждения, которое он так давно не ощущал. Расслабленный таким ощущением сладострастия, Владимир согревал Анастасию своей лаской, целуя её пылко, чувственно и воззванно. Он дал волю своим порывам, которые вдруг вырвались наружу и закружились в разделённых чувствах Анастасии.. Он по-другому посмотрел на Анастасию и на себя. Ему после случившегося было стыдно, но в то же время радостно и уютно от физиологического наслаждения.

Поднявшись с дивана и посмотрев восторженно на Анастасию, Владимир сказал:

– Поехали, Настюша, по домам.

Сергеев подвёз Анастасию на своей служебной машине к дому. После чего быстро поехал домой, где его с волнением ждала Елена. Открыв ключом дверь, он услышал:

– Володенька, я уже вся извелась. Ты почему так поздно пришёл?

– На работе, Леночка, задержался..

– До такого позднего часа вряд ли можно работать. Кроме того, мог бы позвонить.

– Виноват, Леночка, прости, так получилось.

– Ну хорошо.. Кушать будешь?

– Буду, есть хочу как зверь, которого три дня не кормили.

– Тогда садись за стол, я тебя плотненько покормлю.

Елена налила Владимиру целую тарелку рассольника, положила голубцов и поставила перед ним большую кружку компота. Он ел и как-то виновато прятал свои глаза, пытаясь что-то сказать, но речь его была несколько путаной, что для него было несвойственно.

– Володенька, на работе что-нибудь случилось? Ты почему сегодня несколько иной, чем обычно?

– Ничего, Леночка, не случилось. Просто пришлось долго поработать. Я устал, поэтому так и выпляжу.

– Признаться, Володенька, по внешнему виду не скажешь, что ты устал. Вон весь как светишься. Ты там не влюбился случайно в какую-нибудь красавицу?

Услышав эти слова, Владимир вспыхнул, загорелся румянцем, как-то весь внутренне сжался и ответил:

– Поздно мне влюбляться. Ты у меня, сестричка, есть.

– Но, Володенька, я у тебя как была сестра, так и останусь. А влюбляться никогда не поздно. Так что, Володенька, похоже, ты чего-то не договариваешь.

– От тебя, Леночка, ничего не скроешь. Я сегодня по-другому посмотрел на свою секретаршу Анастасию после того, как она объяснилась мне в любви. Поэтому я и задержался. Извини, сразу не смог правду сказать, как-то стыдно перед тобой. Прости меня...

– За что же, Володенька, тебя прощать? И нечего здесь стыдиться. Очень хорошо, что Анастасия в тебя влюбилась. Это ты меня прости, что целых три года мучила тебя своей сестринской любовью. Я тебе, Володенька, за всё признательна и очень рада за тебя, что ты, наконец, нашёл своё счастье. А тебе Анастасия нравится?..

– Леночка, да я толком не разобрался, всё так быстро произошло. Анастасия разрыдалась... Я её пожалел, погладил по голове, а она вдруг сказала, что сохнет по мне три года и стала объясняться в любви, целовать и прочее, прямо на работе... Хорошо, что никто не видел... Вот такой, Леночка, я сегодня совершил нехороший поступок, да ещё и на работе...

– Володенька, здесь ничего нехорошего совершенно нет. Но на работе, конечно, волю таким действиям давать не следует. Я очень счастлива за тебя, что ты нашёл свою судьбу. Но она, кажется, молодая?

– Да... Анастасия моложе меня на семнадцать лет...

– Это, Володенька, ничего. Ты же у меня, братец, и хорош, и пригож, и очень молодо выглядишь. А ты приведи свою Анастасию сюда.

– Я бы, Леночка, очень хотел, чтобы ты посмотрела на Анастасию и оценила её. Твоё мнение мне очень важно.

– Тогда приглашай Анастасию к нам, но предварительно расскажи, что между нами существует всего лишь

фиктивный брак.

– Нет, Леночка, пока ты на Анастасию не помотришь и не дашь свою оценку, я её сюда приглашать не буду. Давай лучше ты приедешь ко мне на работу в конце дня. Я Анастасии, естественно, ничего об этом не скажу. Я заранее что-нибудь приготовлю для стола, мы его накроем и будем с Анастасией тайно сидеть, а ты неожиданно придёшь.

– Ой, Володенька, у тебя прямо план "Барбаросса" родился. Я её своим визитом не испугаю?

– Нет, Леночка, не испугаешь, зато, мне кажется, я лучше разберусь и в себе, и в ней. Прощу тебя, уважь... Сделай именно так.

– Хорошо... А когда же к тебе, Володенька, приходиться?

– Давай на послезавтра это дело наметим?

– Не возражаю, мы ведь в пятницу поедем с тобой в колонию. Там должны будут уже подготовить документы о моём освобождении. Мы должны будем поблагодарить начальника колонии Григория Николаевича и врача Дмитрия Васильевича, а то мы у них давно не были. Хорошие они люди и прекрасные друзья. Они столько хорошего для меня сделали, об их доброте я буду помнить до конца своих дней.

– А обо мне, Леночка?

– Ты, Володенька, вне любых сравнений. Я тебя, дорогой братец, очень и очень люблю и буду стремиться сделать всё, чтобы ты был счастлив.

– Спасибо, Леночка. Я тоже знаю, что такую, как ты, больше не встречу... Лишь тебя я буду любить всю свою жизнь. Ты очень дорога моему сердцу, душе, рассудку и всей моей жизни. Я бы тебя никогда ни на кого не променял, ты есть совершенство человека на земле. Я, признаться, очень страдаю от того, что ты дала перед Господом обет, что не будешь выходить замуж, а я тебе дал слово джентльмена, что не буду теснить тебя, чтобы ты его не нарушила, и любить тебя лишь как сестру. Не скрою, Леночка, я люблю тебя больше, чем сестру. И мне стоит очень больших усилий, чтобы держать себя в ежовых рукавицах. Я безумно рад, что не нарушил границу дозволенного и разделяю с тобой лишь братские чувства.

– Милый Володенька, я до слёз расчувствовалась от твоих признаний. За твою великую волю и чистую любовь ко мне я молюсь и буду молиться за тебя Господу. И просить у Господа, чтобы ты многие годы жил во здравии, счастья и благодати. Спаси тебя, Господи, за твои добрые правдивые светлые слова и дела.

Елена встала со стула, подошла к Владимиру и поцеловала его по-сестрински, этот поцелуй граничил с поцелуем любящей женщины, способной увести своими чувствами в цветение весны, в лазурное парение счастья, подаренного двоим. Затем она отошла от него и сказала:

– Володенька, а не выпить ли нам коньячка?

– Да, Леночка, безусловно, выпить необходимо.

И Владимир быстро достал из шкафа коньяк, шоколадные конфеты, нарезал лимон и всё это поставил на стол. Он наполнил рюмки коньяком и сказал:

– Леночка! Я хочу выпить за тебя, золотая моя сестрица, за твоё старание, терпение и трудолюбие. Ты фактически смогла сделать то, что мало кому под силу. Ты за три года в таких тяжёлых условиях сумела закончить институт на отлично, и на заводе ты стала лучшим токарем, выполняешь наисложнейшую работу. Ты, Леночка, и по дому сама ведёшь всё хозяйство. Я, дорогая моя сестрёнка, так мало тебе помогаю. Прости меня, пожалуйста, за мою, быть может, леность или беспечность. Но так, Леночка, приятно чувствовать твою заботу, что вмиг волей или неволей я становлюсь человеком, ожидающим от тебя внимания и умиляющимся душой от твоих действий, слов и поступков. И хочется вновь и вновь ощущать это внимание и заботу о себе, отчего становишься эгоистом. Ещё раз прошу, Ленусенька, ты прости меня за такие мои эгоистические поступки, но, как я уже говорил много-много раз, я очень тебя люблю. Я пью за твои большие достижения, за твоё второе образование и твою светлую и совершенную любовь на земле.

– Спасибо, Володенька, но ты явно всё преувеличиваешь. Во-первых, совершенную любовь имеет только Господь. Во-вторых, то, что я получила второе образование и буду иметь диплом юриста в большей степени твоя заслуга. И, в-третьих, ты мне помогал во всём, без тебя бы я

не справилась. И я тебе за всё очень и очень благодарна. Я пью, дорогой мой братец, за тебя, за тот огромный вклад, который ты внёс в мои дела. Без тебя я, безусловно, ничего бы не достигла.

Ещё долго они говорили друг другу слова благодарности. Каждому хотелось говорить только хорошее, светлое и чистое, то есть то, что они питали друг к другу как любящие брат и сестра. И в то же время их любовь была заперта на крепкий замок, она могла вспыхнуть и загореться ярким пламенем, если дать ей свободу.

Наговорившись, они потешили себя возвышенностью чувств, и Елена напомнила Сергееву:

– Володенька, а ты завтра не забудешь с утра позвонить Григорию Николаевичу и сказать, что мы к ним в пятницу приедем? Попроси его, чтобы завтра мне разрешили встретиться с боевой дружиной, а то неудобно будет, если я с подругами не попрощаюсь. Пусть мне на завтра выпишут пропуск, чтобы мы от души пообщались. Ведь если в пятницу сбежать из вашей компании к подругам, то Григорий Николаевич и Дмитрий Васильевич могут обидеться и сказать, что я их игнорирую.

– Сейчас уже, Леночка, поздно, а утром я непременно позвоню.

– Тогда, Володенька, я после работы сразу поеду в колонию к своим подругам, а то они уже, наверное, заждались меня. А сейчас спокойной ночи, дорогой мой братик.

– Спокойной ночи, Леночка, – в ответ сказал Владимир и лёг спать на диван.

Но сон к Владимиру не шёл, в голове роилось большое количество разных мыслей. Владимира несколько волновал вопрос встречи с Анастасией, но намного больше его волновала предстоящая разлука с Еленой: "Как я без Елены стану жить? Я же сразу потеряю интерес к жизни. Как я буду приходить в эти стены, когда здесь не будет Леночки? Меня здесь никто не будет ждать. А, может быть, взять да и жениться на Анастасии? Она, похоже, любит меня, вон как плакала.. Возможно, жизнь с ней и принесёт мне счастье. Но я всё равно не буду никого любить так, как я люблю Леночку. Вот завтра-послезав-

тра посмотрю и тогда приму решение. А сейчас пора спать... Спать... Спать..."

И, ворочаясь с боку на бок в какой-то неопределённости и тревоге, Владимир, наконец, заснул.

Елене тоже не спалось. Ей очень хотелось по-доброму и по-хорошему завершить все оставшиеся дела и отправиться домой к детям, к родственникам и вновь почувствовать себя вольной и счастливой.

Жизнь в колонии многому научила её. Она глубже почувствовала человеческую доброту, боль, страдание и лучше стала понимать смысл жизни.

И вера в Господа в ней в застенках не угасла, а, напротив, разгоралась всё ярче и ярче. Михайлова была рада, что за эти семь лет она в колонии многих людей воззвала к Господу. А заключённым, как никому, нужны были слова утешения и понимания смысла жизни, который зиждется на основе доброты самого человека и любви к Всевышнему. Без любви к Богу нет чистых дел, которые бы дышали благоговением, откровенностью и величием вечности на этой грешной земле.

Вот и сегодня Михайлова, согретая надеждой на встречу с подругами, вошла в комнату свиданий с целой сумкой разных продуктов. Там её в полном составе уже ожидала боевая дружина. Едва Елена открыла входную дверь, как к ней на шею бросились по очереди Степанида, затем Виктория, Дуняша и Людмила. Согрев себя радостными поцелуями с Еленой, Дуняша стала засыпать Михайлову вопросами:

– Леночка, а когда конкретно заканчивается твой срок? Где после освобождения ты будешь жить? Закончила ли ты институт?

– Дуняша, ты мне слишком много вопросов задала... Сейчас возьмите эти продукты, раскладывайте их на тарелки, будем кушать. И тогда я буду отвечать на все ваши вопросы, – улыбаясь, сказала Елена.

Подруги так и сделали, заставили весь стол продуктами. Дуняша даже не удержалась и воскликнула:

– Какой богатый стол нам Леночка опять накрыла. Прямо как на богатой свадьбе. Ну что же ты так тратишься?

– Ничего, подруги, ведь я много зарабатываю. Поэтому мы с вами, боевая дружина, можем и попить. Кушайте на здоровье. Я рада вам уделить внимание и пообщаться с вами, ведь через неделю я освобождаюсь. Я еду к детям и к родственникам жить в Донецк.

– А как же муж Володя? Где он будет жить?

– Володя будет жить в Харькове.

– Как же так, Леночка? Ты будешь жить в Донецке, а муж в Харькове, это ведь нехорошо.

– Девчонки, признаюсь вам в том, что мы с Владимиром состоим в фиктивном браке. Хотя мы с ним и вели совместное хозяйство, но фактически не были мужем и женой.

– Как так, Леночка? Все три года ты с ним не вступала в близкие отношения?

– Нет, Виктория, не вступала. Мы с ним жили и живём, как брат и сестра. Владимир – очень хороший человек. Но вы помните, я вам рассказывала, что должна идти тропой безбрачия? Так мне сказал прозорливый схииерхимандрит Тимофей, когда ещё был жив. И я перед ним и перед Господом дала такой обет для того, чтобы я глубже веровала в Бога, была чище душой и могла бы в большей степени нести в народ Господнее слово. Вот скоро получу диплом юриста, попытаюсь в Донецке трудоустроиться по этой специальности. Но где конкретно я буду работать, пока ещё не знаю.

– Леночка, нам очень тебя будет здесь не хватать. Как мы будем жить без тебя? Кто нас будет учить уму-разуму? Кто будет просвещать нас по Библейскому писанию? Ты, Леночка, хоть сегодня расскажи нам о рождении Претечи, о Благовещении Девы Марии, а то у нас заключённые спрашивают, а мы – ни Виктория, ни Дуняша, ни Людмила, ни я – и понятия не имеем. Так они нас теребят каждый день, всё спрашивают: приходила ты к нам или нет, рассказывала об этом или нет?.. Про эти события где-нибудь написано?

– Степанида, я рада, что не только моя боевая дружина интересуется святыми писаниями, но и другие заключённые. А что многие хотят знать о Евангельском учении?

– Ой, Леночка, мы сейчас в колонии не ругаемся и не дерёмся, заключённые за нами ходят, как цыплята за кочкой, и всё расспрашивают. А то, что ты нам рассказываешь, мы стараемся слово в слово передать остальным. Но о рождении Предтечи и о Благовещении Девы Марии ничего не можем им ответить, так что, Елена, выручай.

– Хорошо, подружки, я расскажу вам и о Предтече, и о Благовещении. О Предтече народу стало известно через пророка Малахию. Он возвестил, что перед самым пришествием в мир Иисуса Христа явится Предтеча, то есть Предшественник Христа Спасителя. И что будет он великим пророком и возвестит людям о скором явлении Христа и будет приготавливать их к принятию Христа Спасителя. Для рождения Предтечи Бог избрал благочестивых родителей, родственников Пресвятой Девы Марии – священника Захарию и его жену Елисавету. Они были уже старые, а детей не имели, но усердно молили Бога избавить их от такого несчастья. И вот однажды Захария совершил богослужение в Храме Иерусалимском. Когда он вошёл во святилище для каждения, там явился Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного, то есть на котором курился ладан. Увидев его, Захария смутился и испугался. Ангел же сказал ему: "Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя: жена твоя Елисавета родит тебе сына. И наречёшь ему имя Иоанн. Рождение его принесёт радость многим. Он будет велик перед Господом, будет иметь дары Духа Святого от самого рождения и многих людей обратит к Господу Богу. Он будет Предшественником перед Господом Спасителем, по духу и силе, как Илия. И будет приготавливать людей к принятию Спасителя". Захария от радости не сразу поверил и сказал: "А чем мне увериться, что это сбудется? Ведь я и жена моя уж очень старые". Ангел ответил ему: "Я – Архангел Гавриил, предстоящий перед Богом, и послан говорить с тобою. За то, что ты не поверил моим словам, ты будешь нем и не сможешь говорить до того дня, пока это не сбудется". Между тем молившийся народ ждал Захарию и удивлялся, что он замешкался в Храме, в святилище. Он же, вышедши от-

туда, не мог говорить с народом и объяснялся знаками. Тогда все поняли, что ему было видение в святилище. По окончании дней службы своей в Храме Захария возвратился в дом свой. А когда Елисавета узнала о великой Божьей милости к ним, она скрыла от людей свою радость со скромностью, а всё благодарила Господа.

- Леночка, а где про это написано?

- Это священное событие, Виктория, описал в Святом Евангелии апостол и евангелист Лука.

- Лена, а про Благовещение Девы Марии где и что сказано?

- Про Благовещение Пресвятой Девы Марии тоже описано всё в Святом Евангелии Лукой. В своём писании Святой апостол и евангелист рассказывает, что в шестой месяц после явления Ангела Захарии тот же Архангел Гавриил был послан от Бога в город Назарет к пресвятой Деве Марии с радостной вестью, что Господь избрал Её быть Матерью Спасителя мира. Ангел явился в дом праведного Иосифа, когда Мария читала Священное Писание. Войдя к Ней, он сказал: "Радуйся, Благодатная, то есть исполненная благодати Божьей - даров Святого Духа, Господь с Тобю! Благословенна Ты между жёнами".

- Лена, а что же Мария делала?..

- Пресвятая Дева Мария смутилась от слов Ангела и думала, что же значит это приветствие? Ангел же продолжал говорить Ей: "Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот Ты родишь Сына и наречёшь имя Ему Иисус. Он будет велик и назовётся Сыном Всевышнего и Царству Его не будет конца". Мария в недоумении спросила Ангела: "Как это будет, когда Я мужа не знаю?" Ангел ответил Ей, что всё это совершится силою Всемогущего Бога: "Дух Святой найдёт на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречётся Сыном Божиим. Вот и родственница Твоя Елисавета, не имевшая детей до глубокой старости, скоро родит сына; ибо у Бога не останется бессильным никакое слово". Тогда Мария со смирением сказала: "Я раба Господняя, да будет Мне по слову твоему". И Архангел Гавриил отошёл от Неё.

- Леночка, а когда Благовещенье Пресвятой Девы Марии празднуется?

- Степанида, Благовещение Святая Православная Церковь празднует седьмого апреля. Праздник Благовещения является одним из великих праздников.

- Елена, а что означает слово "благовещение"?

- Слово "благовещение", Дуняша, означает: добрая и радостная весть. В данном случае весть о том, что началось освобождение человеческого рода от греха и вечной смерти.

- Леночка, а ведь ты у нас родилась седьмого апреля?

- Да, Люда... Я седьмого апреля, на Благовещение, вечером и родилась.

- Видишь, Леночка, в какой ты Святой день родилась, поэтому не случайно ты такая добрая и светлая душой, и людям несёшь радость и просвещение. Ты, наверное, избранная Богом, как и Мария, и святой станешь?

- Ну что ты, Степанида, какая я там святая? Я великая грешница. Я в своей жизни столько много совершила греховных дел. Я много роптала Господу о своей тяжкой доле, что мне во сне являлся Ангел и сообщал мне о своём недостойном поведении. Ангел на раз поучал меня, как надо поступать. А я всё в своей жизни от тоски и горя роптала и плакала вместо того, чтобы исправиться. Особенно после смерти мамы, Николая и супруга Ванюши, да и по поводу моего заключения тоже. Я стала более смиренной и терпеливой лишь тогда, когда со мной в колонии поговорил прозорливый схиархимандрит Тимофей. Он меня, подруги, воспитывал и бранил за то, что я возлюбила своего супруга Ивана больше, чем Бога. И спешила вслед за ним насильственно умереть и уйти в бездну ада, а не торить путь просвещения, который ниспослан мне судьбою. Батюшка Тимофей долго молился о моём духовном очищении, чтобы я больше не сворачивала с пути, который ниспослан мне Господом, и чтобы приняла перед Всевышним обет дальнейшего безбрачия.

- А ты что, Елена, так ни разу и не вступила в близкие отношения с Владимиром все эти три года?

- Нет, Виктория, ни разу... Хотя, признаться, я очень полюбила Владимира. Он очень хороший человек. И дья-

вол искушал меня много раз... Сложно жить под одной крышей с любящим мужчиной, но относиться к нему как к брату...

– А Владимир тебя любит? Он не обижал тебя, Леночка?

– Владимир говорит, что полюбил меня с первого взгляда. И когда мы с ним вступали в фиктивный брак, то он дал мне слово, что не переступит границу дозволенного, поскольку я объяснила ему, что дала обет перед Владыкой в разговоре с батюшкой Тимофеем. Ну всё, подружки, мне пора уходить. Я в пятницу приеду с Владимиром за документами. Мы встретимся с Григорием Николаевичем и Дмитрием Васильевичем, я не знаю как всё сложится, поэтому и решила сегодня с вами увидеться. Но если получится, то я забегу к вам в пятницу на несколько минут. Но на всякий случай, девчонки, давайте попросаемся. Вы здесь ведите себя хорошо, рассказывайте заключённым о Святом писании, крепите их дух добром и терпением. Я о вас буду помнить, стану вам писать, а при возможности приезжать к вам. Степанида, Дуняша и Людмила, вы должны окончить школу и получить аттестат с отличием. Если Господь мне поможет, то я займусь вашим образованием дальше. Виктория, как эта боевая дружина учится?

– Старается, Лена, но у Людмилы, похоже, несколько четвёрок будет.

– Подруги, никаких четвёрок, только пятёрки. Давайте я на дорожку вас всех поцелую, и я побежала, а то уже поздно.

– Да уж иди, Леночка, спасибо тебе за гостинцы, за заботу, за твои тёплые слова и наставления. Помоги тебе, Господи...

И вдруг, не закончив фразы, Степанида разрыдалась как ребёнок, сквозь слёзы она произнесла:

– Ну как мы безе тебя теперь будем?

– Ну что ты, Степанида, не плачь... Я обещаю писать и при возможности приезжать к вам. Да вам уже по три года только и осталось... Это время быстро пролетит. А я о вас не забуду и буду вам всем помогать.

– Леночка, нам с тобой очень тяжело расставаться. Я

тебя полюбила всеми фибрами своей души. Я не познала в детстве любви матери, а ты мне здесь стала в тяжёлые годы испытаний и матерью, и подружкой, и сестрой, и светлой зорькою, которая светит и согревает своим теплом ярко и бескорыстно. Ты прости меня, Леночка, что в первые дни твоего заключения я же хотела тебя убить. А ты не только для меня, но и для всей нашей боевой дружины и для остальных заключённых стала спасительницей. Твоё духовное просвещение насыщает нас верой, надеждой и даёт силы жить и творить добро. И что бы ни случилось, я всегда буду вспоминать о тебе с большой любовью. Ты, Леночка, великий светлый праздник моей жизни.

И Степанида снова заплакала, уткнувшись лицом в грудь Елены:

– Прости меня, Леночка, Христа ради за мои злые к тебе действия.

– Ну что ты, что ты, Степанида? Я давно всё простила, да и не помню уже ничего о наших разногласиях, а иначе бы я сюда не приходила.

И Елена спешно поцеловала всех подруг. У неё тоже от расставания набежали на глаза слёзы, которые она пыталась скрыть. Она быстро пошла к проходной колонии, где неожиданно для себя увидела ожидавшего её Владимира.

– Володенька, а ты что здесь делаешь?

– Как что, Леночка, тебя жду.

– И давно ты меня ждёшь?

– Да около двух часов..

– Ты прости меня, Володенька, я же не знала, что ты приехал меня встречать и уже так долго ждёшь.

– Не переживай, Леночка, всё нормально. Я же понимаю, они твои подруги по несчастью. У вас так много общего и столько всего накопилось за последнее время. В таких случаях сложно расставаться.. Я всё это понимаю и тебя совершенно не виню.

– Спасибо тебе, Володенька, золотой ты мой братец. А как прошёл сегодня рабочий день? Как вела себя Анастасия? Наши с тобой планы на завтрашний день не поменялись?

– Не поменялись, Леночка. Завтра ты ко мне приходишь в шесть вечера. А Анастасия вела себя смущённо, но с какой-то потаённой радостью, светилась вся изнутри. По делу и без дела всё бегала ко мне в кабинет, даже несколько мешала мне работать.

– Ну а сердце твоё как билось? Ощущал ты волнение или нет?

– Ой, Елена, вопрос ты мне задала. Не знаю как на него и ответить. Вот завтра приедешь и сама всё увидишь своим пронизательным взором.

– Хорошо, Володенька, завтра так завтра. Я чувствую, что ты, мой братец, всё же устал и нуждаешься в покое. Сейчас приедем домой, и я тебя побалую твоими любимыми отбивными с тушеной капусточкой.

– Согласен, Леночка, такие отбивные, как делаешь ты, я нигде не ел: ни в ресторанах, ни в гостях.

Поднявшись в квартиру, Елена быстренько переоделась, разогрела ужин и с большой заботой и вниманием накормила Владимира Владимировича вкусным ужином. А затем всё убрала со стола, помыла посуду, пол на кухне и довольная стала выбирать себе лёгкий наряд для завтрашнего дня. А на улице вовсю торжествовал июнь. Деньки были погожие, но земля ждала дождя, а погода его не предвещала, и вечера стояли тёплые. И в этот вечер, когда Елена собиралась к Владимиру на работу, ей почему-то захотелось одеться воззванно.

И Михайлова одела роскошное платье, подаренное ей Владимиром. В нём она выглядела молодо и эффектно. Высокий каблук красивых туфельек подчёркивал стройность её фигурки.

Летающей походкой Елена без стука вошла в кабинет, где за столом сидели Владимир и Анастасия и пили коньяк.

– Ах, уважаемый ректор, нехорошо распивать коньяк даже со своими подчинёнными.

– У нас, Елена Васильевна, двадцать минут назад закончился рабочий день, так что имеем право отдохнуть.

– У вас, Владимир Владимирович, ненормированный рабочий день, поэтому распитие спиртных напитков на работе, даже после семнадцати часов считается наруше-

нием правил внутреннего трудового распорядка института.

– Сдаюсь, Елена Васильевна. Вы хорошо знаете трудовое право и права как всегда. Присаживайтесь к нам, мы с Анастасией решили чайку попить. Тебе чаёчку налить?

– Налить, товарищ ректор...

Смущённая Анастасия, не зная как себя вести, быстро подскочила со стула, принесла прибор для чая, тарелку, вилку и поставила возле Елены, после чего робко спросила:

– Елена Васильевна, вам чаю налить?

– Налей, Анастасия, мне чаю покрепче и послаще.

– А можно я вам в тарелку сыра и колбаски положу.

– Можно, но сыра я хочу "Российского".

– А у нас сыр "Любительский", Елена Васильевна.

– Ну "Любительский" так "Любительский", коль другого нет, то давай этот.

Наблюдая такую картину, Владимир не вмешивался в процесс ухаживания за Михайловой, а лишь с улыбкой посматривал на Елену, затем всё же не выдержал и спросил:

– Тебе, Леночка, коньячку налить?

– Налить, Володенька, и непременно до краёв, и тебе, и Анастасии.

Владимир налил всем троем полные стопки коньяка, Михайлова встала и, взяв свою стопку в руки, сказала:

– Я предлагаю выпить за знакомство, и чтобы каждый мог увидеть дно стопки с внутренней стороны.

Анастасия от волнения не совсем всё поняла, но, увидев, что Елена и Владимир выпили, последовала их примеру.

Затем Владимир ещё наполнил стопки, и Елена, улыбаясь, сказала:

– Теперь слово предоставляется молодому поколению, Анастасии. Ты ведь, наверное, знаешь, что на таких мероприятиях существует золотое правило о том, что тостующий пьёт до дна.

Анастасия, боясь ослушаться, взяла стопку и начала говорить:

– Елена Васильевна, Владимир Владимирович, я не знаю как себя вести в таких случаях, но я хочу пожелать вам здоровья, счастья и всего доброго.

И Анастасия на одном дыхании одолела полную стопку коньяка. Румянец заиграл у неё на щеках, видно было, что она пьянеет.

– А ты, Анастасия, кушай, а то опьянеешь.

– Нет, Владимир Владимирович, я после второй не закусываю. Наливайте тогда третью.

– Ну, третью так третью. Наливай, Владимир Владимирович, и слово предоставляется тебе.

– С удовольствием, Елена Васильевна, налью и скажу вам следующее. Я знаю, третий тост всегда посвящают женщинам, и мне не хочется нарушать этот обычай, поскольку женщины были, есть и будут хранительницами домашнего очага. Они любимы мужчинами, а особенно вот такие женщины, как Елена и Анастасия. Вы, дорогие мои, прекрасны, очаровательны и милы. Я люблю вас... И хочу выпить за вас...

И Владимир Владимирович выпил. За ним последовала и Анастасия, она тоже осушила стопку полностью. Елена, чувствуя, что хмель начинает гулять в голове, пить не стала, а только слегка пригубила, но хорошо поела. Анастасия же кушать не хотела. Напрасно Владимир Владимирович подкладывал в её тарелку сыр, колбасу, бутерброды. Она не притронулась к еде, но стала настойчиво просить Михайлову предоставить ей слово.

– Елена Васильевна, ну дайте же мне слово. Я хочу сказать, что вы прекрасный человек, но Владимир Владимирович лучше вас. Я его очень люблю.. Вы как хотите, а я за него жизнь отдам не задумываясь. Володюшка говорит, что он для меня старьёй, а я считаю, что старьёй конь борозды не портит. Мы с ним тебе, Елена Васильевна, изменили. Вы меня хоть убедите, но я его соблазнила...

– Хорошо, Анастасия, но не стоит об этом говорить, это же ваша тайна с Владимиром.

– Но я хочу, чтобы вы, Елена Васильевна, об этом знали. Но прощения за это совершённое не совсем хорошее, а для меня хорошее, дело я просить у вас не буду, поскольку

ку я Володюнчика люблю, хочу быть с ним до самой смерти...

– Я, Анастасия, не возражаю. Но, однако, ты захмелела. Давай всё убирать со стола, поедem домой.

– Нет, Елена Васильевна, никуда мы не поедem. Я не пьяная и хочу пить. Володюнчик, наливай мне коньяку.

Сергеев не стал ей наливать. Тогда Анастасия увидела невыпитую стопку, которая стояла возле Елены, взяла и всю её выпила до дна.

Елена и Владимир, увидев такое положение дел, быстро убрали всё со стола и не знали, как поступить с Анастасией. Поэтому решили поить её чаем, чтобы она хоть как-то отрезвела.

– Анастасия, выпей, пожалуйста, чаю. Тебе будет лучше... Ты ведь не можешь даже стоять на ногах...

– А мне, Елена Васильевна, и так неплохо. Дайте мне ещё коньяку, тогда я стоять смогу... Мне коньяк, Володюнчик, нужен...

– Вот выпьешь эту чашку чая, тогда посмотрим.

– Не буду пить чай. Я же тебе, Володюнчик, уже сказала, ты мне дай коньяка.

– Если не будешь пить чай, то уволю с работы.

– Нет, Володюнчик, любовниц с работы не выгоняют... Их ценят. Они для начальников служат щитом и защитой, понял?

– Леночка, что же с ней делать? Стоять она не может. Как мы её выведем отсюда?

– Пригласи, Владимир, водителя, вон она уже уснула. Пусть он её в машину отнесёт. Сейчас ведь уже темно, не так видно будет.

– А куда нам, Елена, Анастасию везти?

– Домой, конечно. Водитель занесёт её в дом, ничего не объясняя родителям. А когда протрезвеет, то пусть сама что надо, то и рассказывает. Но давай всё же, Володя, ещё посидим, пусть Анастасия поспит. Может, протрезвеет?

– Едва ли протрезвеет... Но я не возражаю, Леночка, ещё здесь побыть. А чтобы время зря не терять, давай с тобой хоть чаю попьём.

Елена включила электрочайник, вода вновь закипе-

ла. Они налили кипяток в чашки, добавили из заварника чая и стали пить горячий напиток, но каждый в душе чувствовал какую-то подавленность.

И вдруг Анастасия застонала, открыла глаза и сказала:

– Мне плохо... Я рвать хочу...

Елена с Владимиром подбежали к ней, подхватили с обеих сторон под руки и повели в туалет. Анастасию рвало так тяжело, что на глазах выступили слёзы. Когда рвота прекратилась, Елена хорошенько умыла Анастасию холодной водой. После этого Елена и Владимир налили девушке чай с лимоном, от которого она отказывалась.

– Анастасия, выпей чаю и тебе станет легче... Попей..

– Не хочу, Елена Васильевна, не буду.

– Нет, чай ты пить всё же будешь! На... И выпей чашку полностью!..

Услышав властный тон Елены, Анастасия всё же подчинилась ей и стала пить обжигающий чай. Она выпила одну чашку, потом другую, после чего стала трезветь и понимать, что с ней происходит. И вдруг она разрыдалась, сквозь слёзы сказала:

– Что же я натворила? Елена Васильевна, Владимир Владимирович, простите меня. Такого со мной никогда не было. Да я и коньяк-то пью первый раз. Не знала, что он так подействует на меня. Я отключилась полностью.. Ничего не помню.. Я, наверное, что-то плохое говорила?

– Ничего, Анастасия, ты плохого не говорила. А то, что ты отключилась, такое с каждым может случиться. Ты просто пила, а не закусьвала, потому сразу и захмелела. Ты теперь в состоянии идти?

– Да, Елена Васильевна, в состоянии.. Но голова от боли раскалывается. Мне очень стыдно перед вами, Елена Васильевна, и перед вами, Владимир Владимирович, простите меня, пожалуйста. Этот урок, как пить коньяк, я получила на всю жизнь.. Наверное, я никогда его больше пить не стану и из-за боли, и из-за стыда, который меня сейчас давит. Это чувство вины будет меня преследовать всю жизнь и напоминать о моей глупости. Про-

стите меня..

– Анастасия, полно тебе оправдываться.. Молодо, зелено.. Как говорил Есенин: "...Всё пройдёт, как с белых яблонь дым. Увяданыя золотом охваченный, я не буду больше молодым.." Так ведь, Анастасия?

– Так, Елена Васильевна, но мне всё равно очень стыдно. Я готова от стыда сквозь землю провалиться.

– Нет уж, Анастасия, проваливаться нельзя. Это ещё хуже, чем напиться.. Лучше мы сейчас здесь всё уберём и поедем домой.

– Мы тебя по пути завезём, ты не возражаешь?..

– Нет, конечно, Владимир Владимирович, я буду очень рада.

– Тогда, мои прекрасные дамы, поехали..

Машина быстро домчала Анастасию до подъезда дома, водитель открыл ей дверцу машины и сопроводил до квартиры, а Володя с Еленой поехали к своему дому.

Когда они поднялись в свою квартиру, Владимир Владимирович не выдержал и спросил у Елены:

– Ну как тебе Анастасия?

– Сложно мне, Володя, ответить. Она молодая, симпатичная.

– Но ты хочешь сказать, что слегка пустая.. Напилась вдрызг..

– Это ты, Володя, говоришь, а не я. Мы сам виноваты в том, что она напилась, и в первую очередь я. Ведь я хотела над ней слегка подшутить. Анастасия шутки не поняла и одну за другой стала пить.. Быстро отключилась, а пьяному, сам знаешь, море по колено, поэтому и наговорила лишнего.

– Но, Елена, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Об этом, надеюсь, ты тоже знаешь?

– Володя, не сердись, успокойся. Анастасия хорошая, она просто, как говорится, простоватая. Тебя она любит, но хочет быть полной хозяйкой над тобой. Если ты этого не боишься, то с ней тебе жить не тяжело будет. Анастасия не модница и не чистюля. Дома особого уюта она не создаст. В ней нет искринки задора, которая бы могла в порыве женского зова разгореться костром. Так что тебе её ревновать не придётся. Однако со временем ты будешь

посматривать на других женщин. Анастасия же нет, но при определённых обстоятельствах изменить сможет. Её простота тебя будет раздражать. Ты с ней будешь слегка стесняться появляться в обществе, поскольку ты щеголеватый, модный и с амбициями, а видеть перед собой хотя и молодую, но без крыльев женщину тебе будет тягостно. Но, Владимир, это всего лишь моя точка зрения. Она может быть ошибочной. Возможно, я тебя ревную в данный момент и наговариваю на Анастасию. Ты сам смотри.. Ты же её знаешь, скоро уже три года как вместе работаете.

– Да, Леночка, ты говоришь абсолютно правильно. Я и сам за нею и за собой замечал всё то, о чём ты сказала, но мне не хотелось себе признаваться в этом. А после твоих слов во мне произошло совершенное просветление. Однако, что же мне делать? Жениться на ней или нет? Леночка, посоветуй..

– Этот вопрос, Владимир, очень сложный. И тут решать должен только ты сам. У меня аналогичная ситуация в молодости была, когда я вышла замуж за Дмитрия, но затем я с ним всё же разошлась. С ним мне было очень тяжело жить, поскольку я вышла за него замуж не по любви, а из жалости. Поэтому, братец, решай сам. Если любишь, то женись. Любовь сгладит углы как с её стороны, так и с твоей. А если не любишь, то надо над этим подумать, повстречаетесь, а там, возможно, само всё прояснится, и ты примешь правильное решение. А именно сейчас не стоит с Анастасией прекращать отношения, ведь я через три дня уезжаю в Донецк. Тебе будет пустынно, особенно по началу, а дальше, может быть, всё наладится. Ты, Владимир, должен подыскать себе домработницу.

– Да я, Леночка, тоже об этом думал.

– Кого-нибудь присмотрел?

– Соседку снизу, она как раз на пенсию выходит.

– Зинаиду что ли?

– Да, Зинаиду..

– Она, на мой взгляд, неплохой человек. А ты с ней говорил об этом?

– Говорил, но не совсем конкретно. Похоже, что она

согласна.

– Вот, Владимир, и хорошо... Не так тебе грустно будет...

– А ты же мне, Леночка, разрешишь часто в Донецк ездить?..

– Безусловно, Владимир. Приезжай хоть каждый день. Я только буду рада тебя, золотой мой братец, видеть. Завтра начну уже потихоньку свои вещи упаковывать.

– Но ты не забыла, Леночка, что мы в пятницу должны ехать к начальнику колонии Григорию Николаевичу и Дмитрию Васильевичу?

– Нет, Владимир, не забыла. Я завтра подготовлю всё, что надо. Закончу расчёт на заводе, получу денежки, а в пятницу, Бог даст, мне выдадут документы об освобождении из колонии. И я, Владимир, свободная птица. А вот диплом об окончании юридического института когда же мне получить?

– Как когда? Давай хоть завтра... Я позвоню с утра Юрию Кузьмичу, и если он не в командировке, то мы к нему вечером и съездим.

– Было бы, Володя, очень хорошо. Тогда бы я все вопросы и решила и была бы в субботу совсем свободна, мы могли бы уехать в Донецк..

На следующий день, узнав от Владимира, что их ожидает к себе Юрий Кузьмич в семнадцать часов, Елена старалась получить все соответствующие документы на заводе пораньше. И ей повезло, она оперативно решила все вопросы, на заводе никто её не задерживал, поэтому уже в час дня она была со всеми необходимыми документами. Довольная и счастливая Елена забежала в один гастронорм, а затем в другой. Она накупила всё, что посчитала нужным и уже в половине четвёртого была дома.

Елена умылась, нанесла макияж и тщательно оделась. Уже в шестнадцать тридцать она была готова и поджидала Владимира. Встретив его на пороге, она дала ему увесистую сумку, и они поехали к ректору юридического института. Юрий Кузьмич уже поджидал их с нетерпением.

– Наконец-то, пришли... Проходите... Ой, Елена Васи-

льевна, какая же ты красивая!.. Ну просто обворожительная, прекрасная, как ангел. Как же ты умеешь со вкусом одеваться. Кто тебя только этому научил?

– Этому меня научил Владимир Владимирович. Это он мне подарил красивые вещи, а я вот их одеваю. Так что здесь заслуга не моя, а Владимира.

– Ох, Леночка, преувеличиваешь ты заслуги Владимира. Это ты красавица и умница, а не он. Дай я тебя хоть обниму и расцелую, певунья ты моя. Секретарь горкома до сих пор всё вспоминает, как вы с ним частушки пели и плясали и всё спрашивает где ты есть, а я отшучиваюсь и не говорю.

– Спасибо, Юрий Кузьмич, вам за всё, за вашу доброту, за сердечность, за помощь.

– Леночка, уж чего, чего, а помогать я тебе совершенно не помогал. Это ты у нас такая умница, труженица и необыкновенная женщина. Я понимаю, ты, Леночка, сегодня явилась, чтобы диплом об окончании получить, так ведь?

– Так, Юрий Кузьмич, получить и чтобы этот диплом обмыть. Можно я передам сумку секретарю, чтобы она накрыла на стол.

– Конечно, Леночка, можно.

И он пригласил секретаря. Она умело накрыла стол. Открыв шампанского и налив его в шикарные фужеры, ректор сказал:

– Дорогая Леночка, я очень рад поздравить тебя с окончанием юридического института и получением не какого-нибудь, а диплома с отличием. Я всегда тебя ставлю в пример и перед преподавателями, и перед студентами. Ты в таких сложнейших условиях сумела закончить, да ещё экстерном, наш вуз. Ты, Леночка, просто героиня. Таким, как ты, надо давать ордена. Если бы это было в моей власти, то я бы непременно наградил тебя орденом. Но такого права у меня нет. Я всё-таки выдаю тебе диплом и награждаю тебя почётной грамотой за твоё трудолюбие, старание, терпение и великую волю к победе. Ты единственная такая значимая выпускница в стенах юридического института. И я горд, что именно мне посчастливилось выдать диплом такому блестящему выпускни-

ку...

Юрий Кузьмич выпил залпом шампанское, затем пошёл к Елене, обнял и поцеловал её. Он снова стал хвалить Михайлову:

– Ты, Елена, гений! Умница... А где же ты теперь собираешься работать?

– Не знаю ещё толком, Юрий Кузьмич, куда меня примут, ведь я имею клеймо бывшей заключённой.

– Но это, Леночка, в анкетных данных порой можно и скрыть... А как бы ты посмотрела на то, если бы тебе в Донецке предложили работать пока старшим преподавателем советского права в машиностроительном институте?

– Положительно, Юрий Кузьмич. Мне эта работа очень нравится. Я детей люблю и с удовольствием читаю лекции. Я была бы счастлива, если бы меня взяли туда работать.

– Я уже по этому вопросу навёл кое-какие справки. И ректор Сергей Сергеевич Орлов не возражает взять тебя работать в свой машиностроительный институт старшим преподавателем по советскому праву.

– Ой, спасибо огромное, Юрий Кузьмич. Как же вы меня обрадовали. Можно я вас расцелую?

– Не можно, Леночка, а нужно, – довольно улыбаясь, ответил ректор. – Леночка, когда ты думаешь защитить кандидатскую диссертацию?

– Четыре статьи у меня уже опубликовано, и черновой вариант диссертации написан. Теперь всё зависит от Владимира Владимировича, он же мой руководитель, как разрешит, так я и выйду на защиту.

– Это не совсем всё же хорошо, что Владимир Владимирович официально утверждён твоим руководителем, он ведь по документам является твоим мужем. Мы же не будем говорить, что вы с ним лишь фиктивно в браке состоите?... Поэтому при защите могут возникнуть проблемы. Срочно, Владимир, надо менять руководителя. Кого ты считаешь можно утвердить в данном случае?

– Петренко Антона Ивановича. Я думаю, эта кандидатура пройдёт. Он – доктор юридических наук. Правда, работать не очень любит, но он же формально будет ру-

ководителем, фактически диссертационными исследованиями Елены буду управлять я.

- А ты, Леночка, как, согласна?

- Конечно, Юрий Кузьмич, согласна.

- Тогда, Володя, в ближайшие дни напиши заявление об отказе от руководства, и мы тогда переназначим руководителя.

- Хорошо, Юрий, я готов сейчас написать это заявление.

- И это правильно... Сейчас заявление напиши, и я отдам его секретарю, чтобы завтра ему дать дальнейшую дорогу.

- А ты, Леночка, когда едешь домой?

- Если всё получится, то я с субботы уже вольная птица. И в этот день мы с Володей думаем поехать. Там дети и родственники нас уже заждались. Я и так, Юрий Кузьмич, от звонка до звонка была в заключении семь лет. Правда, в колонии-поселении почти полсрока пробыла. Здесь чуть получше, чем в колонии строгого режима, есть определённые льготы. Но заключение даже в колонии-поселении - это есть лишение свободы. Я в июне тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года привлеклась к уголовной ответственности и вот в июне тысяча девятьсот восемьдесят первого года лишь освободилась из заключения. Это психологически и морально очень тяжело.

- Ну ты, дорогая наша Леночка, сумела на высоком уровне пройти это тяжкое испытание. Мы тобой гордимся, ведь ты в таких условиях доказала свою состоятельность и фактическую невиновность. И это мы с Владимиром Владимировичем докажем, в этом вопросе обещаем тебе, Леночка, помогать. Так ведь, Владимир?

- Так, именно так. И поэтому я предлагаю выпить за свободу Леночки, за её новую работу и желаю ей здоровья, удачи, и чтобы она скорее защитила кандидатскую диссертацию.

- Спасибо вам великое, низкий поклон, Владимир и Юрий Кузьмич. Вы в моей жизни светочи, вы дали мне своего тепла, добра и веры в меня, подарив мне эти силы. Если бы не вы, то, конечно, я бы ничего этого не имела. Я желаю вам счастья, благополучия, здоровья и ещё:

**Украй, Господь, Вас крепкой силой,
Наполни благодатью путь,
И приголубь зарёю милой,
Чтоб радостью дышала грудь.**

**И чтоб сумела в небо взвиться
Свершеньем сладкая мечта,
И счастьем трепетным забиться
Души горящая звезда.**

– Прекрасные слова, Леночка. Я восхищён тобою. Ты, Леночка, единственная и неповторимая на этом белом свете. Недаром говорят, если Бог дал талант в одном направлении, то от основополагающего таланта освещаются и все остальные пути. И поэтому этот человек достигает вершин, что ниспосылает ему Господь.

– А ты, Юрий, видал как заговорил, ну прямо как поэт. Ты там стихи случайно не пишешь?

– Не пишу, Володя, но поэзию очень люблю и очень хотел бы иметь стихи Елены.

– У меня они, Юрий Кузьмич, в основном в голове, а не на бумаге. Вот если книгу издам, то вам непременно подарю одному из первых.

– Буду ждать, Леночка, и надеюсь, что издашь свои стихи. И у тебя не одна, а целый десяток их выйдет.

– Спасибо, Юрий Кузьмич, за слова поддержки. И ещё раз большое спасибо за всё, что вы для меня сделали. Вашу доброту я никогда не забуду.

– Ой, Леночка, для таких, как ты творить добро – это счастье. Так ведь, Володя?

– Так, Юрий Кузьмич, я с тобой совершенно согласен.. Но нам, друзья, пора расставаться, а то мы с вами и так засиделись.

– Ну если пора, то поднимаемся и уходим. А ты, Леночка, когда встретишься с Сергеем Сергеевичем, то сразу мне позвони..

– Хорошо, Юрий Кузьмич, позвоню, – улыбаясь и целуя его в щёку, сказала Михайлова.

И друзья, довольные состоявшейся встречей, наконец, разошлись и разъехались по домам.

А на следующий день Елену и Владимира ожидала

встреча в колонии с Григорием Николаевичем и Дмитрием Васильевичем. Елена к этому визиту подготовилась. Она купила памятные подарки и накрыла богатый стол. Встретившись, они долго общались. В своей речи Елена сердечно благодарила и начальника колонии, и врача за их сочувственное и доброе к ней отношение.

Вспомнили схиархимандрита Тимофея, его пророческие слова, сказанные в адрес Елены. Договорились о том, что скоро все встретятся в подмосковном Монастыре.

Елене был выдан документ, подтверждающий её свободу. И домой Михайлова приехала уже вольной и независимой женщиной, которая сумела пройти пути испытания, хотя и падала, когда гас свет души, и в неё врвалась тьма.

Но она с помощью Всевышнего и своих друзей находила в себе силы, поднималась и снова шла дорогами спасения, освещёнными Господней милостью и благодарить ю...

ГЛАВА XIII

И вот Елена с Владимиром уже мчатся на машине в Донецк. Елена ещё не могла в полной мере осмыслить свою свободу, в ней ещё присутствовал страх заключённого человека, человека неполноценного, лишённого воли постоять за свои права. Все семь лет на неё давила несправедливость, унижение, стыд и угнетение.

А сейчас Елена чувствовала в себе радость освобождения, которая расправляет крылья и стремится парить, насыщаясь счастьем свободы и воли. И все эти чувства смешались в ней, соединяя силу духа волевого человека со своим внутренним миром, человека, прошедшего по острию ножа со своими болями, лишениями, смертью и любовью к Богу и людям. И этот человек с такой пройденной дорогой жизни способен понять многое и пронзительно заглянуть вглубь души собеседника и всесторонне осмыслить назначение человека на земле и его бытия.

И вот Михайлова, озарённая счастьем встречи с родными, звонит в дверь своей квартиры, где с великой ра-

достью её ждут дети, Тамара и Михаил. Первой, услышав звонок, подскочила Ленусенька, она восторженно закричала:

– Мамулечка! Наша милая мамулечка приехала!.. Наконец-то ты дома!.. Как же мы за тобой истосковались... Как же мы хотели тебя увидеть в этой нашей квартире!

Покрывая лицо матери поцелуями, Ленусенька всё радостно причитала со слезами на глазах. Затем Игорёк обнял и тоже с большой любовью поцеловал Елену, не жась к ней лаской и вниманием.

– Мамочка, мамочка! Теперь мы опять все вместе! Счастье-то какое! Наконец-то, мучения наши закончились.

– Закончились, Игорёк, закончились. Теперь мы никогда не расстанемся и будем жить все вместе.

– Игорёк, какой бессовестный! Ты чего мамулю не отпускаешь? Я тоже хочу мамочку обнять и поцеловать...

– Сашенька, дорогой мой сыночек, – подхватив его на руки о сыпая поцелуями, шептала Елена. – Как же я по тебе и по всем вам соскучилась! Это не передать словами, это жило во мне каждым тоскливым днём, прошедшим без вас, нанося сердечные раны и принося слёзы огорчения.

– Ой, Леночка, ты именно то сказала, что чувствую я по отношению к тебе. Я за тобой не раз рыдала, не находя покоя от тоски, которая давила меня из-за разлуки с тобой. И вот ты свободна! Ты с нами! Все несчастья позади... Ты в кругу своих детей и родни, – обнимая сестру вместе с Сашенькой, говорила Тамара.

– Тётя Тамара, ты меня задушишь и мамулю тоже. Караул!.. Спасайте!..

– Не задушу, Сашенька, не задушу. Но ты, однако, слазь с маминых рук, ты же большущий у нас, и маме тяжело тебя держать.

– Не слезу, тётя Тома... Я за мамулей очень и очень соскучился, и хочу в нашей квартире посидеть у неё на руках много, а то её сейчас от меня вновь заберёт дядя Миша.

– Не заберу, Сашенька, а я только маму твою поце-

люю, поприветствую и всё..

– Так приветствуй, дядя Миша, а я с рук не слезу.

Услышав такой диалог, присутствующие улыбнулись и не стали настаивать, чтобы Сашенька слез с рук мамы. Они только предложили Елене сесть вместе с сыном на руках за стол на диван. И дружно переключились приветствовать и целовать Владимира Владимировича, который тоже стоял счастливый и светился от радости встречи с детьми, Тамарой и Михаилом.

Наконец, когда первые бурные эмоции от радостной встречи улеглись, они слегка успокоились. И Тамара с Ленусенькой быстро завершили накрывать на стол, поставив ещё горячие голубцы и жаркое. Затем все дружно сели за стол, произнося тосты за освобождение Елены. Они пели песни и танцевали. Утомонились все ближе к глубокой ночи, напоив себя радостью от встречи с дорогим для каждого из них человеком.

А после обеда на следующий день они пошли гулять в парк. Детям не терпелось показать всему миру, что они не сироты, а у них есть мама. Хотя они очень любили и тётю Тамару, которая замещала им Елену, но опекун и мать – это два совершенно разных понятия. Природу-матушку не обмануть и не уговорить никакими нормативными актами, придуманными людьми.

Природные законы всегда были, есть и будут выше тех законов, которые придумал народ. Они появились в результате создания их Самим Господом, и поэтому они первичны, вечны и будут всегда над законами, придуманными, может быть, даже лучшими умами человечества.

Это Елена давно поняла и стремилась следовать этой логике. Вот и сегодня, гуляя по парку с детьми, под руку с Владимиром она говорила:

– Володя, человек – существо многогранное, развивающееся, но он – природное явление, Божье творение, изначально произошедшее из святой плоти Адама и Евы, но уже несущее в себе грех деяний запретного плода. И поэтому человек на земле никогда не будет совершенным, пока Господь Сам не пожелает изменить природу-матушку и живущего в ней человека. Вот я в своей диссертации

исследую правовое регулирование аттестации работников. Ставлю в основу то, что при аттестации на занятие определённой должности нужно устанавливать соответствие человека этой должности при наличии деловых, личностных и профессиональных качеств. Однако, профессиональные качества работник может улучшить за счёт накопления опыта в трудовой деятельности. А вот деловые и в большей степени личностные качества, которые являются природными, за счёт повышения квалификации не улучшишь, поскольку в основе этих качеств лежит творение Господа, и никакому руководителю суть этих природных качеств не изменить.

– Леночка, это очень глубокая и интересная мысль. Но я тебя прощу, в диссертации об этом не пиши, иначе ты никогда не защитишься.

– Я понимаю, Владимир, и поэтому я стану обходить эти места и анализ буду проводить по действующей программе нашей партии. Но для себя я стану исследовать эти вопросы, исходя из Библейского понятия. Ведь я тебе уже когда то рассказывала о том, что придёт время, когда у власти будет находиться Михаил "Меченый", и он даст свободу развитию Церкви, мне об этом ещё мама в детстве рассказывала. А батюшка Тимофей, когда был у меня в колонии, тоже сказал о том, что Михаил "Меченый" уже скоро придёт к власти, а именно в восьмидесятые годы. Следовательно, уже недолго ждать, поскольку сейчас на дворе тысяча девятьсот восемьдесят первый год. Поэтому наряду с диссертацией я буду писать духовные произведения. А как придёт время Михаила "Меченого", то я их опубликую. Как ты смотришь на это?

– Ой, Леночка, отрицательно. Не нужно тебе писать духовные книги, а то опять найдётся какая-нибудь подлая душа, и снова тебя упекут в тюрьму, но теперь не на семь лет, а на все пятнадцать.

– Не упекут, Володя. Я прозорливому схииерхимандриту Тимофею верю. Но, конечно, со своими духовными произведениями я буду поступать более осторожно. Поэтому ты не расстраивайся и не переживай. Я, Володенька, не могу по-другому поступить. Я дала батюшке Тимофею обет не вступать в брак, а нести со старанием

Слово Божье. Так что ты меня не отговаривай, пожалуйста, а, напротив, пожелай мне удачи и помоги раздобыть Библию и другие святыя писания. У меня была и Библия, и много других святыя писаний, но при обыске московской квартиры, где я, как ты знаешь, ранее жила, всю эту литературу конфисковали.

– Я постараюсь, Леночка, твою просьбу выполнить и добыть тебе эти нужные книги. Но очень прошу тебя, будь осторожна и внимательна с незнакомыми людьми, не очень доверяй свои духовные мысли непроверенным людям.

– Обещаю тебе, Владимир, быть осмотрительней в этом плане. Но, Володенька, я всего третий день на свободе, а душа зовёт к Богу в широком смысле. Вот я и буду ублажать свой порыв в писании духовных произведений.

– Тебе, Леночка, есть над чем время проводить. Ведь завтра ты пойдёшь к ректору машиностроительного института?

– Пойду непременно. Вот тебя провожу и к Сергею Сергеевичу тогда отправлюсь.

– А, может, Леночка, мне сегодня уехать?

– Ну что ты, Володенька, погости у меня ещё хоть денёк, а то я у тебя три года жила, а ты боишься побыть здесь три денька.

– Не боюсь я, Леночка, но не хочется тебя обременять и быть тебе обузой.

– Ты что, Володенька?.. Ведь я очень тебя люблю, золотой мой братец, дорогой мой человек и учитель. Мне без тебя будет очень тоскливо и грустно. Признаться, никак не хочется тебя отпускать. А ты когда в следующий раз приедешь?

– Думаю, Леночка, месяца через два-три приеду.

– Ты что, Володенька?!. Это же так долго. Я изведусь без тебя всей своей душой.. Приезжай вновь ко мне не позже, чем через месяц.

– Хорошо, Леночка, спасибо, я непременно приеду. По вечерам я буду звонить тебе и рассказывать новости. Не возражаешь?

– Буду рада, Володенька, услышать твои новости.

И вот Володя, выполняя зов собственного сердца и

данного обещания Елене, уже звонит из Харькова и спрашивает:

– Леночка, была у ректора? Что тебе сказал Сергей Сергеевич?

– Была, Владимир, но его не было. Сергей Сергеевич будет завтра.. Я прямо к восьми часам к нему и явлюсь и потом тебе обо всём расскажу.

И Михайлова с волнением стала ждать времени приёма.

Но Сергей Сергеевич был пунктуальный и простой в общении. После доклада секретаря о ней, он тут же пригласил Михайлову в кабинет.

– Заходите, Елена Васильевна, я рад с вами познакомиться. Юрий Кузьмич говорил о вас много хорошего и просил взять вас на должность старшего преподавателя по советскому праву. Так?..

– Я хотела бы, Сергей Сергеевич, работать старшим преподавателем..

– Дайте, пожалуйста, ваши документы о высшем образовании.

– Какие, Сергей Сергеевич?

– Как это какие? Все, которые у вас имеются.

И Елена достала из сумки документы: диплом об окончании Донецкого политехнического института, дипломы о присвоении ей учёной степени кандидата технических наук и доктора технических наук, дипломы о присвоении ей званий доцента и профессора и диплом об окончании Харьковского юридического института.

– Вот это да! Это что же, Елена, все дипломы ваши?

– Мои, Сергей Сергеевич..

– Так почему же тогда мы вас будем брать старшим преподавателем по советскому праву? Давайте оформляйтесь к нам работать профессором по гидравлике. Вы же профессор, доктор технических наук.

– Сергей Сергеевич, это только дипломы. По приговору суда меня лишили учёной степени доктора технических наук и учёного звания профессора. И я не хочу вас подводить, поэтому возьмите, если можно, старшим преподавателем по советскому праву. В феврале я собираюсь защитить кандидатскую диссертацию по праву.

- А дальше что, Елена Васильевна?
- Если будет всё хорошо, то буду писать докторскую.
- За что же вас лишили степеней и званий?..
- За написание духовных стихов.
- Вот за это, Елена Васильевна, и лишили? А по какой же статье?

- По статье 70-й Уголовного кодекса, за агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва и ослабления советской власти.

- А как же это вы, Елена Васильевна, подрывали советскую власть? Что же это вы делали?

- Ничего, Сергей Сергеевич, не делала. Написала духовные стихи, они лежали у меня в столе. А один нехороший человек выкрал их у меня и отнёс в прокуратуру, наговорив при этом на меня всего того, о чём я понятия не имела. И за это мне дали семь лет лишения свободы.

- Вот это дела... Как сажа бела... Что же нам с тобой делать, Елена Васильевна?

- Не знаю, Сергей Сергеевич.

- Но я думаю, Елена Васильевна, надо поступить следующим образом: ты в личном листке и в остальных бумагах ничего не пишешь о своём заключении и никому ничего не говоришь... И коль ты думаешь в феврале защитить диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук, а потом будешь работать над докторской, то тебе действительно надо пока поработать старшим преподавателем по советскому праву, а там видно будет, как нам дальше решать этот вопрос.

На этом решении и остановились. Михайлова написала заявление, чтобы её приняли на работу на должность старшего преподавателя по советскому праву. И на следующий день она вышла на работу.

Дисциплина "Советское право" преподавалась на кафедре научного коммунизма, где работало семнадцать преподавателей на разных должностях. Были там и доценты, и кандидаты исторических наук, и ассистенты. А возглавлял кафедру доктор исторических наук, профессор Иванов Анатолий Степанович.

Зайдя на кафедру, Михайлова познакомилась с присутствующими преподавателями и заведующим кафедрой

рой. Она спросила у него:

- Анатолий Степанович, а чем мне сейчас заниматься?

- Вот вам, Елена Васильевна, папка по дисциплине "Советское право". В ней имеется программа по данной дисциплине, рабочие и учебные планы. Сначала ознакомьтесь с ними, затем пойдёте в институтскую библиотеку и возьмёте учебник по советскому праву. Поработайте по программам, напишите лекции по каждой теме. Через недельку мне доложите о проделанной работе. В начале июля почти весь профессорско-преподавательский состав уходит в отпуск, с отпуска выходят в конце августа, поэтому у вас будет время для подготовки к новому учебному году и для написания всего курса лекций по данной дисциплине.

- Спасибо, Анатолий Степанович, я поняла... А насчёт завтрашнего дня я не разобралась: мне приходиться на кафедру или нет?

- Можете не приходиться, а позаниматься дома или в библиотеке. Преподавательская деятельность не обязывает непременно находиться на кафедре или в институте. Однако, преподавателям нужно чётко знать свой предмет, интересно, качественно и со знанием дела читать лекции студентам и проводить занятия на высоком уровне. Сейчас, как вы знаете, учебный год уже заканчивается. Все лекции уже вычитаны студентам, и они находятся на сессии, сдают зачёты и экзамены. По вашей дисциплине учебным планом предусмотрен зачёт. Поняла, Елена Васильевна?

- Поняла, Анатолий Степанович. Спасибо вам большое за чёткое пояснение.

- Пожалуйста, Елена Васильевна. Если вам всё понятно, то приступайте к выполнению своих трудовых обязанностей.

Елена долго и внимательно изучала планы по дисциплине "Советское право", методические указания. Кое-что выписала себе в общую тетрадь, на титульной странице которой жирными буквами написала: "Советское право". Основательно изучив весь имеющийся в папке материал, Елена пошла в институтскую библиотеку.

В библиотеке на неё завели регистрационную карточку. Елена подобрала себе ряд учебников и других источников по этой дисциплине и отправилась домой заниматься. А дома был только один Игорёчек. Он встретил Елену с радостью:

– Мамочка, а я сдал последний экзамен.

– И что же ты, сыночек, получил?

– Пятёрку. Я всю сессию сдал на пятёрки..

– Какой же ты у меня молодец, умница. Дай-ка я тебя, мой дорогой отличник, поцелую. Елена с радостью поцеловала сына и сказала:

– Я тоже, Игорёк, с сегодняшнего дня уже работаю. Меня оформили старшим преподавателем по советскому праву. Вот набрала целую сумку разных материалов и учебников, буду писать лекции по данной дисциплине.

– Ой, прекрасно, мамочка! Поздравляю тебя с трудоустройством и желаю, чтобы на новом месте работы тебе светила удача, и ты быстренько защитилась бы и стала кандидатом юридических наук.

– Спасибо, Игоречек. Теперь, сынок, у меня, кажется, есть все условия для быстрого написания диссертации. А где у нас пишущая машинка? Она мне нужна. Я сейчас буду печатать на ней.

– Сейчас, мамочка, я тебе машинку принесу. Я её берёг, упаковал, она так и хранится в упаковке все семь лет.

Игорёк открыл шкаф и достал с нижней полки пишущую машинку. Она была в надлежащем состоянии, хотя и нуждалась в чистке и смазке.

Елена поставила на стол машинку на её родную подстилку и стала смазывать и прочищать её, после чего машинка плавно заработала, не издавая никакого скрипа.

– Игорёчек, а ты сейчас чем будешь заниматься?

– Да практически ничем, мамуля.

– Тогда сходим вместе с тобой в детский садик и заберём Сашеньку? А то ведь я даже толком не знаю, где он находится.

– Я не возражаю.. Мамуля, а ты знаешь, что Сашенька уже в конце июля заканчивает ходить в садик?

– Нет, Игорёк, не знаю. Но ведь он в сентябре пойдёт в школу?

– Пойдёт, а как же? Он у нас тоже уже большой.

– Как здорово, Игорёчек! Ты уже студент третьего курса, Ленусенька – ученица девятого класса, а Сашенька пойдёт в первый класс. И я с вами.. И работаю.. Может быть уже не будешь дворником работать?

– Как это, мама? Нельзя, я же мужик в доме. Надо мне вам помогать. К тому же, мамуля, мне и самому нужны деньги. У меня ведь есть невеста.

– А кто она такая, Игорёк?.. Секрет?..

– Никакого секрета нет, мамуля. Это дочка тёти Тины Надежда. Мы с ней так и продолжаем дружить. Думаю к ней поехать. А может её вместе с тётей Тиной к нам пригласить? Им так хочется приехать.

– Я не возражаю, сыночек, пусть приезжают...

– А когда им можно приехать?

– Да хоть завтра, Игорёчек. Я тоже буду рада встретиться с ними и пообщаться и с Тиной, и с Надеждой. Тина – прекрасный человек, столько хорошего для нас сделала.

– Мама, Надежда тоже очень хорошая девушка. Она красивая и серьёзная. Тебе Надежда непременно понравится. Так я пойду позвоню и поговорю с ней, выясню, когда они к нам смогут приехать.

– Тогда, Игорёк, давай лучше я приглашу. Им после моего приглашения будет ехать удобнее.

– Хорошо, спасибо, мамуля.

И буквально через три минуты Елене удалось соединиться с Тиной и услышать её голосок.

– Тиночка, добрый день. Как ты там поживаешь? Как Надежда?

– У нас всё, слава Богу, хорошо. Вот собираемся ехать на море, а то в следующем году Наденька будет поступать в МГУ, отдыхать не придётся.

– А мы с Игорьком ждём вас к себе в гости.

– Нет, Леночка, не получится к вам сейчас приехать. Ведь нам дали "горящие" путёвки. А такое счастье выпадает редко. Пусть Игорёк с нами едет, мы его там без путёвки пристроим. Как он сессию сдал?

- Успешно, все предметы на отлично.
- Молодец.. А как у тебя дела, Леночка?
- На работу устроилась. С сегодняшнего дня работаю в машиностроительном институте в качестве старшего преподавателя.

- Ты же, Леночка, хотела быть адвокатом?

- Да вот представилась возможность, и меня взяли на преподавательскую работу. Я очень довольна, Тина, таким поворотом дела.

- Поздравляю тебя с трудоустройством. Я очень рада за тебя, Леночка, что у тебя всё хорошо складывается. Но я не поняла, ты отпускаешь с нами Игорька или нет?

- Я не знаю, Тиночка.. Мы с Игорьком этот вопрос не обговаривали. Сейчас посоветуемся, и он вам перезвонит. От меня Надюшеньке передавай поклон, а также поклон передавай Любаше с Семёном. Как они там живут? Я им звоню, а их телефон в последнее время не отвечает.

- У них, Елена, всё хорошо. Просто в квартире поломался телефон. Так что запиши рабочий телефон Любаши.

- Хорошо, Тиночка, диктуй номер.

И Михайлова записала рабочий телефон Любаши и позвонила ей. Они обменялись новостями и довольные, в приподнятом настроении, распрощались.

А Игорь тем временем всё думал, как ему поступить и что ответить на предложение тёти Тины и Наденьки. И, наконец, обращаясь к матери, сказал:

- Мамуля, я, наверное, всё же не поеду.. Ну что я там буду как бедный родственник..

- Игорёчек, у меня деньги есть, я тебе дам.

- Нет, мамуля.. Деньги семье нужны. Ты же будешь получать на работе не очень большие деньги, а тебе они скоро понадобятся. Я ведь тебя знаю, ты за лето свою диссертацию напишешь, а на защиту тебе нужны будут деньги. Так что я, мамуля, потерплю. Кроме того, я поеду в стройотряд, там наши парни хорошие деньги зарабатывают, а Ленусенька эти два месяца пусть поработает дворником за меня.

- Игорёчек, какой ты у меня разумный, трудолюбивый и сердобольный. Ты рассуждаешь уже не как сту-

дент, а как совершенно зрелый семьянин. Спасибо тебе, сыночек, за всё. Я очень тронута твоим старанием и сама буду отвечать тебе взаимностью. Сынуля, а что это так долго нашей Ленусеньки нет?

- Наверное, в магазине очередь большая. А, может быть, соседа Илью встретила. Они как встретятся, то всё никак не наговорятся...

И не успел Игорёк дальше развить мысль, как в комнату вошла Ленусенька.

- Где это, Ленусенька, ты так долго была? Мы тебя с мамой уже заждались.

- Да, Игорёк, так получилось...

- Небось, Илью встретила?..

- Встретила, ну так что? Ты ведь тоже со своей Наденькой встречаешься и ничего... А меня всё проверяешь, выспрашиваешь, как полицейский...

- Ленусенька, так нехорошо со старшим братом разговаривать! Ты что себе позволяешь такую бескультурность и грубость? Игорёк - твой старший брат, он заботится о тебе. И это прекрасно, этому надо радоваться и ценить, что брат так ответственно относится к тебе.

- Прости меня, Игорёк... Прости меня, мамулечка... Я очень люблю Игорька, слушаюсь его. Но сегодня этот Илья задумал надо мной подшутить, и этой шуткой он рассердил меня. Вот потому так и получилось.

- Ленусенька, доченька моя, запомни: чувствами надо уметь руководить. Если ими не управлять, то это может завести в нехорошую сторону. И кроме того, доченька, запомни: причину всегда надо искать в себе.

- Я согласна с этим, мамулечка. Но Илью надо повоспитывать. Он замотал руку полотенцем, а когда я спросила, что у него с рукой, то Илья ответил, что сломал. Я, конечно, разволновалась, а он встал на руки и пошёл.. Я от испуга вскрикнула. Илья же говорит: "Ленусенька, я пошутил. Мне хотелось посмотреть на твою реакцию". Так я ему по лицу врезала и ушла домой.

- Ленусенька, конечно, этим шутить нельзя. Зря Илья так поступил, но и ты не права... Зачем ты его по лицу ударила?

- Чтобы умнел скорее. У него в голове одни детские

шалости да сквозняки. Вот я его и повоспитывала, чтобы вырослел.

– А сколько же Илье лет?

– Он на два года старше меня, ему скоро будет восемнадцать. В этом году, мамуля, он будет поступать в наш политехнический институт. И так по-глупому ведёт себя.

– Ленусенька, да нет в его действиях глупости. Просто молодость в нём бьёт ключом, и ты, видно, ему нравишься. Вот он и пытается как-то тебя развлечь и обратить на себя внимания. А ты вон как грозно отреагировала. Поэтому тебе надо пойти к нему и извиниться.

– Ну вот ещё... Не пойду. А ты, мамуля, на моём месте пошла бы?

– Не знаю, Ленусенька... Может быть пошла, а может быть и нет... Я ведь не владею ситуацией и не знаю глубины ваших отношений. Если всё было так, как ты рассказала, то пошла бы и извинилась, а если там ещё что-то другое, то не пошла бы.

– Нравится он мне, мамулечка, очень. Но вот эта его какая-то несерьёзность меня сердит. Илья – добрый, сердечный, отзывчивый и совершенно не эгоист. Ему, наоборот, нравится, чтобы я им командовала, брала над ним верх.

– Вероятно, это оттого, что он в тебе души не чаёт и любит тебя. Но это, Ленусенька, не даёт тебе права так себя вести. А то его любовь к тебе из-за твоих грубых поступков, какой ты совершила сегодня, постепенно уйдёт. Любовь нельзя унижать. Наоборот, ей нужно давать пути разумного пристойного цветения без унижения и пошлости. Но в то же время нужно делать так, чтобы любовь не зрела на самопожертвовании и жалости. Такая любовь, дорогая моя Ленусенька, ни одной, ни другой стороне счастья не принесёт.

– Ой, мамуля, как приятно с тобой говорить. Ты у нас такая мудрая. Мы с тобой как когда-то в далёком детстве поговорили. Я, помню, заберусь к тебе на колени, а ты меня утешаешь, говоришь мне понятные и сердечные слова, от которых мне становится легко и уютно. Вот и сейчас я как семь лет назад почувствовала то тепло, которым ты согрела меня. Спасибо тебе, моя любимая, доб-

рая и прекрасная мамуля. Я тебя очень и очень люблю. Наконец-то солнышко засветило и в наше окно, и наша семья обрела счастье.

– Я тоже и тебя, и Игоречка, и Сашеньку очень-очень люблю. Моя любовь к вам давала мне силы выдержать все эти семь лет заключения, не потерять чувства доброты и сердоболия и идти стойко к своей цели. На этом пути вы, дорогие мои дети, Тамара, Михаил, друзья, посланные Господом, вселяли в меня силу духа, терпение и любовь. Без вас этот тяжкий путь я не одолела бы и не достигла бы таких результатов. Слава Господу и спасибо всем вам, что вы испослали мне веру, надежду и душевное благополучие.

Елена с Игорьком и Ленусенькой ещё долго доверительно и сердечно говорили друг с другом, пока Игорёк не сказал:

– Мамуля, нам пора идти уже в детский садик за Сашенькой, а то братик уже ждёт.

И действительно Сашенька уже стоял у ворот детского садика, ожидая, когда его заберут. И когда он увидел подходящих к детскому саду Елену и Игорёчка, радостно крикнул воспитательнице:

– Вера Ивановна, за мной мамулечка с Игорьком пришли! Я пошёл домой.

И Сашенька во всю прыть бросился бежать навстречу маме и повис у неё на руках.

– Мамуля, мамулечка, как я рад, что ты за мной с Игорьком пришла! Вера Ивановна, это моя мамулечка! Я никакой не сирота! Посмотрите, это моя мамулечка – Михайлова Елена Васильевна!

– Вижу, Сашенька... Я рада, что за тобой мама пришла, – сказала Вера Ивановна, улыбаясь идущим к ней Елене и Игорю.

– Здравствуйте, Вера Ивановна. Я действительно мама Сашеньки. Вот пришли с Игорёчком его забрать.

– Вы, Елена Васильевна, будете Сашеньку в этом году в школу отправлять?

– Да, Вера Ивановна, буду. Поэтому я бы хотела забрать все документы, которые выдаются детским садом детям, идущим в первый класс.

– Я подготовлю, Елена Васильевна, да и документы у нас фактически уже готовы. Завтра я их вам выдам. И хочу вас ещё предупредить, что мы работаем только эту неделю, а с понедельника детский сад закрывается на ремонт.

– Хорошо, Вера Ивановна. Я буду иметь ввиду и спасибо за информацию. До свидания.

Елена вновь взяла на руки Сашеньку, который как котёнок ласкался возле неё, и счастливые все троём пошли домой.

А дома снова потекла душевная беседа, наполненная воспоминаниями о прошедших днях и планами на настоящие и будущие дни, недели, месяцы и годы.

Елена вскоре адаптировалась в новых условиях. Её жизнь в Донецке приобрела чёткий намеченный путь, который освещался свечой её жизни и труда, старания, познания и просвещения.

И она счастливая и одухотворённая шагала по ней, напоённая любовью к Господу, к детям, к людям и шаг за шагом постигала мудрость жизни и Господнего Слова.

Вот и сегодня Владимир Владимирович привёз ей Библию и книгу "Жития Святых". Счастьем Елены не было границ.

– Володенька, какой же ты молодец! Какой ты сделал мне неоценимый подарок. Дорогой ты мой, золотой ты мой братец, я безмерно счастлива!

В порыве радости она целовала Владимира, обнимая его.

– Ой, Леночка, задушишь меня от счастья. Кто же тебе будет книги возить? – восторженно восклицал Владимир.

– Спасибо, Володенька! Спасибо, любимый братец! Ты не представляешь, какой великолепный ты сделал мне дар... Исключительный дар... Дар всех даров, который только может иметь человек. Я безмерно рада твоему подарку. Ещё ни одному подарку я так не радовалась! Эта радость переполняет меня! И мне хочется тебе, дорогой братец, бесконечно говорить слова благодарности, петь и плясать от радости и от любви громко и весело. И да-

рить тебе слова признательности и поклониться до самой земли тебе, Володенька! Ведь теперь я смогу приступить к написанию духовной книги "Поэма о пути Господнем и Его избранных". Эта тема не в меньшей степени интересует меня, чем написание диссертации.

– Смотри же, Леночка, будь при написании этой поэмы осторожной. И эти книги, которые я тебе подарил, ты никому не показывай и не давай.

– Постараюсь, Володенька, делать так, как ты говоришь. А как у тебя дела с Анастасией? Может тебе со мной развестись?

– Нет, Леночка, разводиться я с тобой не хочу, потому что жениться на Анастасии я не буду. Не нравится она мне. Признаться, в её окружении я чувствую себя некомфортно. Пошли мы вместе с ней на день рождения к заведующему кафедрой Терёхину Александру Ильичу. Так я там чуть от стыда не сгорел.

– Что, опять напилась?

– Да не напилась... Одевалась в какое-то мятое платье, которое ей было совершенно не к лицу. Стала говорить тост, наговорила в нём пошлостей, развела какое-то панибратство, затем стала показывать там свою важность. Одним словом, ты оказалась права, мне с ней неинтересно и в обществе хочется от неё бежать. После этого дня рождения я ей сказал, что я её совершенно не люблю, и наши отношения меня тяготят. Анастасия подала заявление на увольнение, и я не возражал. Вот так мы и расстались.

– Владимир, но ведь тяжело тебе одному жить. Жениться бы тебе надо, деток заиметь, жизнь тогда интересней станет.

– Леночка, дома у меня порядок. Соседка убирает, готовит прекрасно, за мной хорошо ухаживает. Дома мне уютно. А дети у меня уже есть.

– Откуда вдруг, Володенька, у тебя дети появились? И что это за дети?

– Эти дети, Леночка, Игорёчек, Ленусенька и Сашенька. И они у меня уже давно появились. Ты же видишь, как они меня любят, как хорошо относятся ко мне? Особенно Сашенька, он же за мной хвостиком ходит, ни на

шаг от меня не отстаёт. А вчера влез ко мне на колени, обнимает меня, целует и говорит: "Дядя Володя, а можно я тебя папой, папулечкой стану звать?" Я растерялся и не знал, что ему ответить, а потом сказал: "А кто это тебя научил так меня называть?" Он же в ответ: "Никто, душа требует. У всех папы есть, а у меня нет. Когда мы с мамой жили в домике с решётками, я же тебя называл папой, и ты не возражал. Вот и сейчас хочу тебя тоже звать папой". Я ему сказал, что я не против, но надо спросить у мамы. Если она не будет возражать, то и я согласен. Сашенька по этому поводу тебе говорил что-нибудь?

- Нет, Володя, не говорил.. Но он ходит, я вижу, какой-то озадаченный и грустный. Вон он топает, кажется, бежит сюда.

Дверь распахнулась, и Сашенька прямой наводкой помчался к Владимиру. Он вскарабкался к нему на колени и взволнованно сказал:

- Мамулечка, я хочу дядю Володю звать папой. У нас в школе все имеют пап, а я нет. Я тоже хочу иметь папу. Дядя Володя хороший, добрый, я его люблю. Поэтому разреши мне называть его папой. И пусть он меня завтра проводит в школу, и я крикну всему классу: "Меня привёл в школу мой папа!" Пусть все увидят моего папу.

- Сашенька, да я не знаю, как в этом случае поступить.

- А что тут, мамуля, знать?.. Дядя Володя, вы согласны, чтобы я называл вас папой?

- Конечно, Сашенька, согласен. Зови меня папой. Я буду этому только очень рад. И завтра пойдём вместе в школу.

- Ура!.. Ура!.. Ура!.. Я нашёл папу, - целуя и обнимая дядю Володю, ликовал Сашенька.

- И я приобрёл сыночка, - тоже обнимая и целуя Сашеньку, с радостью провозгласил Владимир Владимирович. Давай сейчас мы с тобой пойдём погуляем.

- Пойдём, папуля.

Елена растерянно смотрела им вслед, когда Владимир Владимирович и Сашенька пошли гулять. Они зашли в детский магазин, Владимир Сашеньку подвёл к игрушкам и сказал:

– Сашенька, выбирай любую игрушку, какая тебе нравится.

– Мне, папуля, нравится конструктор, но я бы больше хотел, чтобы ты мне и себе купил лыжи, и мы бы покатались.

– Тогда, Сашенька, давай сделаем так. Я для всех куплю лыжи, и мы все завтра пойдём кататься.

– Это что же, папа, ты купишь аж четыре пары лыж?

– Да, и тебе ещё в придачу, сынуля, конструктор.

Сашенька от радости обнял и поцеловал Владимира, сказав:

– Ты самый лучший мой папочка. Пойдём же скорее домой, покажем домашним подарки, они будут рады.

– Вначале, Сашенька, пойдём в магазин и купим торт. Подарки, сынуля, надо обмыть.

– Надо, папочка, так надо. Я с тобой согласен.

Пока Владимир с Сашенькой отсутствовал, домой пришли Игорёк и Ленусенька. Елена им рассказала о желании Сашеньки звать Владимира Владимировича папой. И она их спросила:

– Дети, как тут поступить? Надо согласиться с желанием Сашеньки или нет?

– Согласиться нужно, мама... Если Сашеньке хочется звать дядю Володю папой, то пусть зовёт. Дядя Володя действительно хороший человек, и он заслуживает, чтобы его звали папой. Так ведь, Ленусенька?

– Я с тобой, Игорёчек, полностью согласна. Пусть так и будет, как Сашенька хочет.

– Мамулечка, а может быть, ты с дядей Володей тайно обвенчаешься?

– Нет, что вы, дети? У нас как был с Владимиром Владимировичем фиктивный брак, так он пусть и остаётся. Я ведь вам уже рассказывала, что дала обет безбрачия перед Господом Богом, к этому же меня направил прозорливый схиархимандрит Тимофей. И этот обет я нарушать ни при каких обстоятельствах не стану. И помните, дети, вы уже взрослые. Этот обет я дала при молитвах к Господу, когда молилась со схиархимандритом Тимофеем, выпрашивая у Всевышнего прощения за мои грехи. Это было тогда, когда батюшка Тимофей своими

молитвами вернул меня к жизни. И поэтому меня не провоцируйте и не принуждайте.

– Прости, мамулечка, я больше не буду без твоего разрешения касаться этой темы.

– Прощаю, Ленусенька... Но что-то наших гуляющих так долго нет. Пора бы им уже и явиться, а то уже на улице начинает темнеть.

– Дети, мы будем Сашеньку с Владимиром Владимировичем ждать или без них станем кушать?

– Нет, мама, подождём. Они, наверное, уже скоро придут.

Минут через пятнадцать раздался звонок в дверь. Ленусенька открыла. У двери стояли припорошенные снегом Володя и Сашенька. Владимир держал в руках вязанку лыж, а Сашенька торт и конструктор. Оба они сияли от счастья. Своей радостью они заразили и всех остальных.

– Дядя Володя, что это вы купили так много?

– Это мы с сынулькой купили для всех нас лыжи. Разбирайте... Завтра мы поедем кататься. Согласны?

– Согласны, дядя Володя. Спасибо вам большое.

– Ленусенька, Игорёчек, а мне дядя Володя разрешил его называть папой. Мы по этому поводу купили торт и будем это дело обмывать чаем с тортом, – радостно суетясь то возле Ленусеньки, то возле матери, то возле Игорёчка, но в большей степени всё же возле вновь обретенного папы Володи, сказал Сашенька.

– Хорошо, Сашенька, мы рады, что дядя Володя согласился, чтобы ты его называл папой.

– А мы, Игорёк, с папой завтра пойдём вместе в школу.

– Дядя Володя завтра же собирается уезжать в Харьков?

– Нет, Ленусенька, я передумал. Если сынок хочет, чтобы я его проводил в школу, то я это сделаю. Ради сыночка чего не сделаешь? – улыбаясь и взяв Сашеньку на руки, сказал Владимир.

– К тому же завтра мы все компанией поедем кататься на лыжах. А то зима пройдёт, а мы и не покатаемся... Я ещё в магазине Сашеньке пообещал, что мы поедем на

льжах кататься. Так ведь, сынок?

– Так, папочка... Совершенно верно... Ты обещал, а я так хочу побыть вместе с тобой хоть ещё денёк.

И утром Владимир Владимирович действительно пошёл с Сашенькой в школу, где Сашенька с радостью рассказал всем своим приятелям и учительнице, что его в школу привёл папа, что он с папой едет кататься на лыжах, и что папа у него замечательный.

Рассказывая об этом, Сашенька светился радостью, стерев из души обиду на отсутствие у него отца и отцовской ласки. Теперь он ощущал заботу, внимание отца, и приятели видели это воочию. "Ясное дело, теперь меня не назовут безотцовщиной", – так думал счастливый Сашенька, стремясь всё это время держать отца за руку. Он всевозможными способами старался подчеркнуть свою тёплую родственную связь с Владимиром Владимировичем.

А Владимиру такая привязанность Сашеньки тоже распаивала чувства отцовского зова, которые зрели в нём и искали пути реализации этих качеств. И Сергеев тоже был счастлив и рад юному дарованию, который так бесхитростно и с такой нескрываемой любовью ворвался в его сердце и растопил в нём лёд и стужу. Отчего ему хотелось раскрыться к мальшу ответной любовью, отвечая лаской и вниманием на зов Сашеньки. Владимир ощущал желание всех считать его не посторонним человеком, а членом семьи Михайловых.

И теперь, когда Владимир Владимирович звонил по телефону из Харькова в Донецк, он не чувствовал неуютность в душе при разговоре хоть с Игорьком, хоть с Ленусенькой, хоть с Сашенькой, хоть с Еленой. Все члены семьи щебетали с ним, как птички, и он чувствовал свою значимость, необходимость и уважение всей семьи к нему. И его уже стали интересовать все проблемы, которые возникали в этой семье, а не только Елена и её диссертационное исследование, хотя отношения между Еленой и Владимиром также продолжали протекать в братском русле, с чем уже Владимир Владимирович смирился, получив поддержку и любовь детей.

Вот и сегодня Сашенька, не дождавшись звонка от

Владимира, самостоятельно набрал его номер телефона и взволнованно спроси:

– Папочка, ты там не заболел? Почему ты уже третий день не звонишь?

– Нет, Сашенька, сынок мой, со мной всё в порядке. Я как раз собирался вам позвонить, а вчера и позавчера днём я вам звонил, а трубку никто не снимал. А по вечерам не звонил, потому что приходил домой после двенадцати часов. У меня были такие мероприятия, на которых мне необходимо было присутствовать. Как там, сынулячка, у тебя успехи в учёбе?

– Отлично, папуля. Я только пятёрки получаю.

– А как там себя чувствуют Игорёчек, Ленусенька, мама?

– У нас, папочка, всё в порядке. Как мама говорит, все мы молодцы, стараемся. Но я очень по тебе соскучился. Когда ты уже приедешь?

– Сашулячка, я же две недели тому назад был у вас. Времени ещё ведь мало прошло.

– Ну, папуля, я уже всё равно очень соскучился. Когда ты опять приедешь?

– Сашенька, вот мама защитится, и я приеду.

– А когда мама защитится?

– На этой неделе, в пятницу. Послезавтра мама должна быть уже здесь. Если у меня получится, то завтра я сам приеду к вам. А если нет, то мама приедет ко мне.

– Нет, папочка, пусть у тебя всё получится. Я помолюсь Богу, чтобы у тебя всё было хорошо. А то я за тобой очень соскучился. Я очень хочу, чтобы ты меня взял на мамину защиту. Я буду вести себя примерно..

– Сынок, ну в школе ведь идут занятия. Ты же отстаешь...

– Я, папочка, буду очень стараться. Я возьму задание у Ирины Ивановны, она меня отпустит. Ирина Ивановна у нас учительница понимающая, она знает, что я за тобой очень тоскую, поэтому отпустит. Я тебе, папочка, обещаю: в учёбе я не отстану.. Приедь, пожалуйста, мой самый добрый, самый лучший и самый любимый папулячка.

– Ух, ты хитруша, сынулячка, знаешь, как папу угово-

речь. Хорошо, я завтра приеду к вам на машине и заберу всех вас, кто сможет поехать...

- И Ленусеньку? И Игорька?

- Если у них есть возможность, то и их заберём.

- Вот, папочка родимый ты мой, какой же ты добрый.

Ленусенька и Игорёк тоже хотели попасть на мамину защиту, но они стеснялись тебя попросить. Я сейчас им всё скажу, обрадую их, дорогой наш папуля.

- Сынок, пока ты будешь их радовать, дай мне с мамой поговорить. Мама дома?

- Мамуля дома, вот возле меня стоит, я ей трубку передаю...

- Володенька, здравствуй. Я всё уже поняла из твоего разговора с Сашенькой, что ты приезжаешь завтра, и мы всей семьёй едем к тебе.

- Уговорил меня наш пострел. Я попытаюсь встречу перенести на более позднее время и завтра к вам приехать. И коль сынуля так просит, то, конечно, его, Игорька и Ленусеньку надо взять на защиту. Как ты, Леночка, на это смотришь?

- Положительно... Наши дети воспитанные, они скромненько посидят в уголочке, зато посмотрят на мою защиту. Это им запомнится. Так что спасибо тебе, Володенька, за заботу и радость, которую ты нам даёшь. Там вон Сашенька рассказал новости Игорьку и Ленусеньке, что они тоже едут в Харьков и смогут присутствовать на защите, так они от радости подпрыгивают.

- Мне тоже, Леночка, приятно сделать что-то хорошее для нашей семьи. У меня на душе соловьи поют, когда дети рады. Так что жди, дорогая сестричка, завтра я буду у вас.

Вот все они уже в Харькове на защите у Елены. Защита прошла на высоком уровне. Диссертационное исследование, полученные результаты, предложения, которые Михайлова изложила в ходе защиты своей диссертации, представляли неоспоримый интерес и большой вклад в науку трудового права и послужили помощью в правоприменительной деятельности по разрешению проблемных вопросов правового регулирования аттестации работников в СССР. И поэтому все члены специализиро-

ванного учёного совета проголосовали за присвоение Михайловой Елене Васильевне учёной степени "Кандидат юридических наук".

Михайловы скромно в кругу семьи отметили блестящую защиту Еленой кандидатской диссертации. На некоторое время она почувствовала облегчение на своём жизненном пути. Елена победила, вновь защитилась и стала кандидатом наук в области юриспруденции. В её душу заглянул отдых, однако затишье и отдых недолго согревали её жизнь. Елена видела, что в вузах право читается не на высоком уровне. По этой дисциплине фактически не было единых требований. Часов отводилось очень мало, а практические занятия по советскому праву вообще не были предусмотрены.

Обеспокоенная таким положением дел с изучением права, Михайлова пошла на приём к ректору Сергею Сергеевичу.

– Сергей Сергеевич, а почему в Министерстве образования такое не очень хорошее отношение к праву? Правовая культура у населения очень низкая. А в вузах, в частности в нашем институте, на право отведено так мало часов.

– Я, Елена Васильевна, часто и сам об этом думаю, но количество часов определяется Министерством образования, и мы не имеем права увеличивать или сокращать количество часов.

– Сергей Сергеевич, вы же знаете, что меня назначили от нашей области в научно-методический совет Министерства образования Украины. Всех членов совета приглашают в Министерство на совещание на следующей неделе. Можно я поеду в эту командировку и там выскажу своё видение развития дисциплины "Советское право" и предложу свою концепцию?

– Это, Елена Васильевна, очень хорошо, что вы над этим задумались и хотите предложить свою концепцию. Только вы там в своих высказываниях будьте поосторожнее, лишнего не наговорите. А в командировку поезжайте обязательно.

– Спасибо, Сергей Сергеевич. Я постараюсь обдумать своё выступление.

И вот уже Михайлова находится на совещании в Министерстве образования, где обсуждались проблемы высшей школы по научно-методической обеспеченности дисциплин, в том числе и дисциплины "Советское право". Слово предоставили Елене, и она сказала:

– Уважаемые коллеги, мне в своём выступлении хотелось бы в первую очередь обратить внимание на дисциплину "Советское право", которая читается во всех вузах страны. На эту дисциплину выделено необоснованно малое количество часов. И это негативно влияет на качество выпускаемых специалистов, особенно в технических вузах. После окончания технических вузов многие выпускники направляются работать на должности мастеров, а мастер является руководителем первого звена административной цепи, то есть он непосредственно работает с рабочими. Мастер закрывает наряды, организует сверхурочные работы, привлекает работников, если есть в том необходимость, к работам в выходные и праздничные дни или по производственной необходимости и так далее. Поэтому ему нужно знать нормы трудового права. Но наши выпускники не знают норм трудового законодательства, поскольку на дисциплину "Советское право" предусмотрено всего лишь двадцать восемь часов. А программа изучения этого предмета включает множество отраслей права. Как известно, в неё входят и конституционное право, и гражданское, и уголовное, и административное право, и трудовое право, и гражданско-процессуальное право и другие. Но разве можно за двадцать восемь часов охватить все эти отрасли? Конечно, нет. За четырнадцать пар лекций можно только слегка коснуться норм этих отраслей, но не научить студента правовым понятиям. Поэтому я предлагаю: во-первых, увеличить количество часов по дисциплине "Советское право" до пятидесяти двух, во-вторых, ввести практические занятия по советскому праву, чтобы студент, а в дальнейшем выпускник, мог решать вопросы правоприменительной практики. В-третьих, предлагаю в технических вузах кроме курса "Советское право" ввести ещё гражданское и трудовое право. В-четвёртых, учитывая, что в целом у населения очень низкая правовая

культура и в общеобразовательных школах не предусмотрено ни одного часа на право, необходимо ввести в школах изучение предмета "Основы права". Лишь только в этом случае мы сможем повысить качество образования выпускника, который сможет правильно, согласно действующим нормам, разрешить ту или иную ситуацию, возникающую в процессе трудовой деятельности работника. В-пятых, создать межвузовскую кафедру советского права.

Елена в своём выступлении ещё много доводов приводила в пользу введения новой концепции по усовершенствованию курса "Советское право" для студентов высших учебных заведений и внедрению в школах предмета "Основы права".

На совещании присутствовал заместитель министра образования. Ему понравился доклад Михайловой, и он попросил дать ему материалы выступления с изложенной правовой концепцией.

И со следующего учебного года в качестве эксперимента в её вузе увеличили количество часов по дисциплине "Советское право". Кроме того, Михайловой разрешили создать межвузовскую кафедру советского права, куда входили все преподаватели других вузов, читающие курс "Советское право". И Михайлову Елену Васильевну назначили заведующей этой кафедрой.

На кафедре работали преподаватели медицинского, сельскохозяйственного, педагогического и других институтов. Елена разработала программу для всех вузов и сумела добиться повышения качества преподавания и изучения этой дисциплины.

По обмену опытом к Михайловой стали приезжать преподаватели, читающие дисциплину "Советское право" из Прибалтики, Белоруссии, России, Узбекистана, Казахстана и других союзных республик.

Но Елена на этом не остановилась. Она стала искать возможность изучения права в школах. Сумела организовать межшкольный учебно-производственный комбинат, где учащиеся изучали право. Занятия по праву велись преподавателями межвузовской кафедры "Советское право". Ученики обучались праву после занятий в школе, желаю-

ших было более пятисот человек. Это говорило о большом интересе школьников к познанию права.

В межшкольном учебно-производственном комбинате изучались такие правовые дисциплины: трудовое право, уголовное право, гражданское право, аудиторское, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное право и другие. После успешного окончания обучения учащимся выдавалось свидетельство, в котором указывалось, что они получили квалификацию младшего специалиста по праву.

Михайлова впервые в Украине сумела провести с учащимися научно-методическую конференцию на тему "Законодательство Украины – основа правового воспитания студенческой и учащейся молодёжи".

Решение задач, определённых тематикой научно-методической конференции, вызвало большой интерес не только среди учащейся молодёжи, но и среди педагогов и работников правоохранительных органов.

По результатам конференции были изданы доклады, которые были направлены в Министерство образования. Министерство образования заинтересовалось проблемами, которые освещались на конференции, в них указывалось новое направление современного образования и формирования правового государства. Ведь к власти пришёл Горбачёв, и в стране началась перестройка.

А Елена к этому времени защитила диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук.

ГЛАВА XIV

Мечта Елены осуществилась. Она достигла своей цели и вновь стала доктором, но только уже не технических, а юридических наук. Михайлова направила документы в соответствующие органы о пересмотре дела и об отмене незаконного приговора о лишении её свободы сроком на семь лет, а также о возвращении ей учёной степени доктора технических наук и звания профессора.

Присвоенная учёная степень доктора юридических наук требовала реального применения тех юридических знаний, которые имела Михайлова. Ей стало тесно в межшкольном учебно-производственном комбинате, по-

скольку общеобразовательная школа фактически представляет собой лишь профориентационную работу со школьниками, которая рассчитана на несколько обобщённую модель ученика, а не на правовую подготовку личности в сфере производства.

Являясь заведующей межвузовской кафедрой советского права, Михайлова стремилась прививать студентам основы правовых дисциплин, но даже с теми добавленными часами, которые разрешило Министерство образования, Елена не могла воплотить те мысли, которые переполняли её накопленный багаж знаний. Ей хотелось открыть юридическую специальность и готовить студентов по правовой направленности. И Елена решила открыть такую специальность в машиностроительном институте. С этой мыслью она пошла к ректору института Орлову Сергею Сергеевичу:

– Сергей Сергеевич, в настоящее время в нашем государстве очень большой дефицит юристов. Я интересовалась тем, что в правоохранительных органах работают в основном сотрудники, которые имеют не юридическое образование, а историческое, экономическое и даже техническое. А я бы могла помочь в разрешении этой проблемы посредством открытия в нашем вузе юридической специальности и готовить специалистов-правоведов. Во мне есть силы, знания и большое желание для этой работы. Вот я написала письмо в Министерство, в котором обосновывается необходимость и целесообразность открытия специальности "Право" для подготовки юристов. Я стала доктором юридических наук и сумею в надлежащей степени вести учебный процесс и создать соответствующую школу по правовым дисциплинам, обеспечить научно-методическими разработками и литературой.

– Елена Васильевна, да у нас в Украине нет ни одного технического вуза, где бы готовили юристов.

– Сергей Сергеевич, но как мне известно, в технических вузах нет ни одного доктора юридических наук. Позвольте мне поехать в Министерство образования и там просить, чтобы в нашем машиностроительном институте открыли специальность по праву.

– Ну что ж, Елена Васильевна, коль вы так по-боевому настроены, то я не возражаю, но сомневаюсь, что вам министр разрешит открыть эту специальность.

Михайлова поехала в Министерство образования на приём к министру, но он не принял её. А принял заместитель министра, который в категорической форме запретил открывать юридическую специальность в машиностроительном институте. Опечаленная Елена приехала домой, не зная, что ей делать, но всё-таки решила не сдаваться, а в следующий раз добиться аудиенции лично у министра образования.

Перед тем, как ехать в Министерство, Елена сходила в Церковь и там помолилась. В это время уже не преследовали строго за посещение Церкви, ведь шёл 1987 год, и в СССР вовсю набирала силы горбачёвская перестройка. Михайлова и дома со старанием всей душой молилась перед иконами, прося Спасителя помочь ей в разрешении и благословении открыть в машиностроительном институте юридическую специальность.

И вот Елена снова уже в Министерстве в приёмной министра. Она очень волновалась, ожидая своей очереди приёма. Наконец, её вызвали к министру Ревину Михаилу Викторовичу.

– Я слушаю вас, Михайлова. Какой у вас вопрос?

– Я, Михаил Викторович, прошу открыть в нашем вузе юридическую специальность.

– Но ведь ваш вуз технический? Поэтому мы не имеем права этого делать.

– Михаил Викторович, я вас очень прошу, позвольте открыть в виде исключения, я ведь доктор юридических наук, профессор и сумею на высоком уровне организовать и вести учебный процесс по этой специальности. Вы же знаете, какая у нас большая потребность в юристах в правоохранительных органах и их нехватка на предприятиях, в учреждениях и организациях. Я проводила социологическое исследование, только в нашей области нехватка юристов составляет около ста тысяч человек. Я имею уже определённый опыт ведения занятий по правовым дисциплинам, ведь я впервые открыла несколько лет назад на базе межшкольного учебно-производствен-

ного комбината специальность "Право". И по его окончании мы выдаём учащимся свидетельство младшего специалиста по праву. Кроме того, я, Михаил Викторович, являюсь заведующей межвузовской кафедрой советского права и координирую работу преподавателей-правоведов всех вузов нашей области. Кстати, такая кафедра тоже была создана впервые. А теперь ко мне приезжают со всех союзных республик преподаватели по обмену опытом, после чего создают подобные кафедры в своих республиках. Такая форма управления кафедрой способствует улучшению качества учебного процесса и координирует единую программу по дисциплине "Советское право".

– А как же вы, Елена Васильевна, создали эту межвузовскую кафедру советского права?

– В первую очередь, Михаил Викторович, я получила согласие своего ректора Орлова Сергея Сергеевича. Затем получила согласие ректоров всех других вузов на подчинение преподавателей непосредственно мне и тем заведующим кафедрами, на которых они числились. И это обеспечило качественный учебный процесс по изучению дисциплины "Советское право", поскольку на заседаниях межвузовской кафедры решаются вопросы не тех кафедр, где они числятся, а актуальные проблемы именно по советскому праву, то есть той дисциплины, которую они ведут.

– Это, Елена Васильевна, действительно мудрое решение. В вас чувствуется разумная и прогрессивная мысль руководителя. И я в виде исключения разрешу в вашем машиностроительном институте открыть новую специальность и обучать студентов праву. Давайте ваши бумаги.

И Михаил Викторович подписал ходатайство и решил открыть в машиностроительном институте специальность "Право", при этом сказал:

– Пользуйтесь, Елена Васильевна, моей добротой. В технических вузах действительно пока нет ни одного преподавателя, читающего курс "Советское право", который имел бы учёную степень доктора юридических наук, звание профессора и имел бы уже опыт проведения

учебных занятий по правовым дисциплинам в межшкольном учебно-производственном комбинате, да ещё будучи заведующим межвузовской кафедрой советского права, где вы, Елена Васильевна, безусловно приобрели огромный опыт. Поэтому я вам в качестве исключения и разрешил в вашем машиностроительном институте обучать студентов праву. А при других обстоятельствах я, конечно бы, не разрешил осуществлять подготовку юристов в техническом вузе.

- Спасибо вам большое, Михаил Викторович. Я буду очень стараться оправдать ваше доверие и постараюсь добиться хороших результатов в подготовке юристов.

- Я, Елена Васильевна, вам верю, а в противном случае не разрешил бы осуществлять подготовку по такой ответственной специальности.

- Очень вам признательна, Михаил Викторович, за доверие. Я дни и ночи буду работать, чтобы не подвести вас.

И не зная от волнения как ещё благодарить министра, Елена низко поклонилась ему и счастливая вышла из кабинета и поехала домой.

В институте администрация не верила в успех Михайловой. Но когда Елена показала документ, разрешающий открыть специальность "Право", все были удивлены. Ректор радостно тряс руку Михайловой, приговаривая:

- Вот так Елена Васильевна! Вот так молодец! Добилась всё же своего. Для института это большой плюс. Но как же вы будете осуществлять набор, если до экзаменов осталось пять дней? Ведь вы теперь по всем этим вопросам начальник.

- Я, Сергей Сергеевич, сегодня же сообщу учащимся, которые обучались на юридической специальности в межшкольном учебно-производственном комбинате о возможности сдать документы в наш вуз, чтобы они сдавали экзамены вместе с другими, если желают поступить в наш вуз по направлению "Право".

Эта радостная весть быстро облетела весь город. О ней узнали не только выпускники межшкольного учебно-производственного комбината, но и ученики и родители

других школ. И в течение трёх дней на эту специальность учащиеся сдали документы в очень большом количестве. На специальность "Право" образовался конкурс.

Елена в эти дни работала не только весь световой день, но и ночи напролёт, формируя перечень вопросов для экзаменов по правоведению, рабочие планы, программы по соответствующим правовым дисциплинам. Она подбирала профессорско-преподавательский состав для проведения занятий со студентами юридического отделения.

На этот момент она была единственной, кто имел учёную степень доктора юридических наук и звание профессора. Михайлова не знала, где бы ей взять преподавателей, имеющих учёную степень и звание. Она очень волновалась по этому поводу. И в первую очередь позвонила ректору юридического института Галкину Юрию Кузьмичу. К её везению ректор был в кабинете и снял трубку:

– Юрий Кузьмич, добрый день.

– Добрый день, Елена Васильевна. Какие там у тебя новости?

– Я, Юрий Кузьмич, была в Министерстве образования на приёме у министра Михаила Викторовича. Он разрешил мне обучать в нашем вузе студентов по специальности "Право".

– Поздравляю, Леночка, это ты большое дело сделала для технического вуза. А с какого года будете производить набор абитуриентов и обучать студентов?

– С этого года, Юрий Кузьмич. Среди абитуриентов очень многие уже подали документы на эту специальность, у нас будет большой конкурс.

– Так ты, Леночка, стала мне конкуренткой?

– В какой-то степени да, Юрий Кузьмич. Но у вас и без моих абитуриентов огромный конкурс, ведь желающих учиться по этой специальности очень много. Юристов у нас в стране катастрофически не хватает. Так что я вам не помеха, а даже, наоборот, помогу немного разгрузить существующие у вас большие конкурсы. Но чтобы я могла вам в разрешении этой проблемы, прошу вас, Юрий Кузьмич, окажите мне милость, направьте к нам в вуз остепенённых преподавателей. А то ведь у меня мало

преподавателей с учёной степенью кандидата юридических наук и званием доцента.

– Ой, Леночка, сложный это вопрос. Я подумаю. И обещаю направить всех выпускников аспирантуры, которые родом из твоего города и области. Завтра я тебе сообщу об этом и скажу конкретно.

– Спасибо, Юрий Кузьмич, премного вам благодарна.

– Благодарить, Леночка, пока ещё не за что. Но ты к нам можешь приехать и взять учебные планы, программы, методические указания. Выдам тебе на время часть учебников, хотя бы для первого курса. А на следующий год ты со своей хваткой и сама приобретёшь.

– Я непременно, Юрий Кузьмич, приеду и воспользуюсь вашей помощью. Я очень вам признательна и благодарна.

– Рад помочь такому неординарному человеку, как ты, Леночка. Давай будем заканчивать разговор, а то у меня через две минуты совещание.

– Ещё раз большое спасибо за всё, Юрий Кузьмич, и до свидания.

После обнадеживающего разговора с Юрием Кузьмичом на душе Михайловой стало легче. Но проблемы, связанные с открытием специальности "Право", были настолько масштабными, что они требовали ещё и обеспечения материальной базы: наличие кафедр, лабораторий, учебных аудиторий. И по всем этим вопросам Михайлова пошла к ректору машиностроительного института. Постучав в дверь, Елена вошла в кабинет и сказала:

– Сергей Сергеевич, я звонила ректору Харьковского юридического института Юрию Кузьмичу, он пообещал помочь кадрами. Но мне ведь нужны и площади, где можно будет разместить кафедры и проводить занятия.

– Елена Васильевна, площадей свободных у нас нет. Вот на третьем этаже триста двенадцатую комнату под одну из кафедр могу дать.

– Сергей Сергеевич, да это же чердачное помещение, оно не приспособлено для кафедры. Эта комната вся разрушена, там ведь нужно делать не косметический, а капитальный ремонт.

– Вы, Елена Васильевна, женщина энергичная, поэтому сами организуйте и делайте ремонт. Других площадей, как я уже сказал, у меня нет... Вы же выбили в Министерстве специальность "Право", так вам и карты в руки, обеспечивайте, думайте, как это сделать. У нас же вуз технический, не могу же я забрать лаборатории у профессорско-преподавательского состава технических специальностей и отдать вам.

– Сергей Сергеевич, но пересмотреть же площади без ущерба для технических специальностей можно? И освободить для специальности "Право" хотя бы пять комнат?

– Нет, Елена Васильевна, я не могу этого сделать. Я не хочу в вузе никаких скандалов и жалоб.

Елена вышла из кабинета ректора очень расстроенная. Она не ожидала от ректора такого безучастного отношения к её вопросу. Но ведь это была не личная проблема Елены, она открыла специальность в интересах института, однако институт помогать не хочет. Озабоченная Елена ушла домой, где её ждал приехавший из Харькова Владимир Владимирович Сергеев.

– Леночка, ты что такая грустная? На работе что-то случилось?..

– Ничего, братец, особого не случилось. Я открыла специальность "Право", уже и студенты поступили на первый курс, а для меня в таком большом институте не могут выделить даже пяти аудиторий. Дают на чердачке бесхозную комнату, которая нуждается в капитальном ремонте, вот и всё..

– Не расстраивайся, Леночка, что-нибудь всегда придумать можно. Давай я отпуск возьму и буду ремонтировать это помещение, никто же не знает, что я ректор Харьковского педагогического института.

И не успела Елена ответить на предложение Владимира, как в дверь позвонили, она пошла открывать, это пришли Тамара с Михаилом. Они по-родственному расцеловались, затем сели все вместе ужинать. Но Елена к еде не притрагивалась, а лишь задумчиво смотрела.

– Леночка, ты почему не ешь?

– Что-то, Томочка, не хочется.

– Да у неё, Тамара, проблемы в институте образовались. Леночка же открыла специальность по праву, а ей ректор для организации и размещения преподавательского состава, то есть для лабораторий, учебных кабинетов, кафедр помещений не даёт. Дал лишь на чердаке комнату, но и в ней надо делать капитальный ремонт. Так я прошусь к Елене, чтобы она мне разрешила в отпуске поработать в качестве строителя в этом помещении,

– Ну что ты, Володя.. Думаю, что помогу Елене с этим вопросом. У меня на шахте есть строительная бригада, вот я её и направлю к ней. Бригада за месяц отремонтирует там весь чердак и сделает не одну, а несколько комнат. Лена, сколько там на чердаке квадратных метров вообще?

– Где-то, Миша, около ста квадратных метров.

– Так я всё там распланирую, утеплю, встрою перегородки и сделаю три-четыре комнаты. Леночка, я завтра же возьму с собой прораба, мы всё осмотрим и приступим к работе. Так что не переживай.

На следующий день Михаил с прорабом внимательно осмотрели это помещение и стали его ремонтировать. За полтора месяца строители сделали хороший капитальный ремонт и на этой площади сумели разместить три комнаты.

Елена одну комнату определила под деканат, другую под кафедру, а третью под лабораторию. И к учебному году она фактически сумела обеспечить неплохую возможность работы со студентами, чтобы они знали куда обращаться по вопросам, связанным с учебным процессом.

Конечно, Елена понимала, что для дальнейшего развития юридической специальности этих помещений явно не будет хватать. И Михайлова искала пути, чтобы разрешить эту проблему. Она неоднократно обращалась в различные инстанции, но всё безрезультатно.

Шёл уже пятый набор на юридическую специальность, студентов было уже очень много. Имеющиеся помещения не соответствовали запросам и нормам, которые были предусмотрены ГОСТом для этого количества

обучающихся.

Однажды Михайлова проходила по улице Ватутина и обратила внимание на то, что на этой улице находился целый комплекс заброшенных корпусов. Она зашла во двор и обошла все эти корпуса. Все они были разбиты и нуждались в капитальном ремонте. А в стране была полнейшая разруха, шёл 1991 год. Именно в этом году распался Советский Союз. Экономика Украинского государства находилась в упадническом состоянии. В вузах решили осуществлять приём студентов на контрактную основу.

Михайлова узнала кому принадлежат эти корпуса и решила просить, чтобы их выделили бы под юридическую специальность, то есть отдали бы в ведение юридического факультета, который возглавляла Елена. С этими мыслями она и пошла к ректору института Сергею Сергеевичу Орлову.

– Можно, Сергей Сергеевич, к вам обратиться?

– Обращайтесь, Елена Васильевна... Что у вас за вопрос?

– Сергей Сергеевич, я узнала, что корпуса по улице Ватутина фактически разрушены и не эксплуатируются. Принадлежат они областному совету. Можно мне просить в областном совете, чтобы их выделили под юридический факультет?

– Елена Васильевна, а что вы будете с ними делать? Они же не пригодны для учебного процесса. В этих корпусах надо делать капитальный ремонт. А кто его будет делать? И где взять средства для ремонта?

– Сергей Сергеевич, ремонт буду делать я сама. У вас только прошу, чтобы институт выделил мне сметчика, а в остальном я справлюсь сама. Ремонт я буду осуществлять за контрактные деньги. Я подсчитала, что наш факультет зарабатывает значительно больше денег, чем нам необходимо для ремонта. К тому же я обращусь к спонсорам, к друзьям, да и студенты с преподавателями тоже станут работать.

– Елена Васильевна, не отдадут вам эти корпуса, хотя они совершенно непригодные. Председатель областного совета Дайнеко Леонид Иванович, наверное, бережёт их

для своих целей. Эти корпуса хотя и построены ещё в пятидесятые годы, но стены, однако же, стоят.

– Сергей Сергеевич, а я всё же хочу попытаться и пойти к нему на приём. Вот и своё обоснование я изложила, а вдруг мне повезёт.

– Неугомонная вы, Елена Васильевна, но я рад, что вы такая настойчивая. Давайте вашу бумагу, я её подпишу, и идите с Богом. О результатах беседы доложите мне.

– Хорошо, Сергей Сергеевич. Спасибо вам большое.

– Елена Васильевна, это тебе спасибо. Если бы у меня все такие деканы были, то мы бы не знали никаких проблем в учебном процессе института, а так не знаю за что и братья... Всё трещит по швам, в зданиях нужно делать ремонт, а Министерство денег совершенно не даёт. На технические специальности поступает мало студентов по контракту, да и стоимость обучения там очень низкая, по сравнению с юридическим факультетом где-то раза в три меньше. А на юридический факультет и на контракт большой конкурс. Так ведь, Елена Васильевна?

– Так, Сергей Сергеевич. Юристы сейчас на рынке труда очень востребованы, поскольку их просто нет. Юристов ведь все эти годы готовили в небольшом количестве. Как пошло с хрущёвских времён сокращение юридических учебных заведений, так и продолжалось до 90-х годов. Вы же помните, как Хрущев на одном из партийных съездов сказал, что мы уже вступаем в фазу коммунизма, и нам не нужны будут юристы вообще, потому что преступлений не будет. Вот такая взращённая концепция и породила не совсем нормальную ситуацию с юристами.

– А вы, Елена Васильевна, словно предвидели такое положение и сумели в нашем техническом институте открыть специальность "Право", чтобы готовить юристов. Молодец вы, Елена Васильевна, спасаете вы нас. Но с площадями всё равно помочь не могу. Вы добивайтесь сами, ведь вуз-то у нас машиностроительный, и я не могу у технарей забрать площади и отдать их юристам. Меня просто трудовой коллектив не поймёт.

Елена с грустью посмотрела на ректора и подумала:

"Вуз мы спасаем, зарабатываем для него деньги, а условия для нормального проведения учебного процесса для юристов создать не можем.. Вы сами, Елена Васильевна, для своих правоведов создавайте надлежащие условия, в том числе и ищите площади. Это же ненормальный подход, при чём тут непонимание трудового коллектива? Ведь ты ректор, думай, как разрешить данную ситуацию. Юридический же факультет заработанные деньги отдаёт в общую институтскую копилку, а из общего котла ему достаются только ножки да рожки". Но вслух свои мысли на этот раз она не стала произносить, а встала и вышла из кабинета Сергея Сергеевича.

Над диалогом с ректором Елена долго размышляла. Эта мысль не отпустила и давила тоской непонимания её дела. И она ещё больше огорчилась, когда побывала на приёме у Дайнеко Леонида Ивановича. Он отказался отдать Михайловой эти корпуса под юридический факультет, объяснив это тем, что они пока находятся в аренде, но через год-два вопрос о судьбе этих зданий будет пересматриваться. Вот тогда председатель областного совета посоветовал Михайловой вновь подойти к нему. Расстроенная Елена пошла домой.

А дома её ждал радостный сын.

– Мама, я привёз диплом об окончании Киевской духовной академии. Поэтому прошу тебя благословить меня идти служить в Церковь священником.

– Игорь, но это же так сложно – быть священником..

– Да, мама, сложно, я не спорю. Раньше ты меня не благословляла, говорила, что я молод, что не имею соответствующего образования. Я закончил по твоей просьбе политехнический институт, но работать конструктором, как сейчас, я не хочу. Меня тянет быть священником. Поэтому я окончил Одесскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. Я женат, у меня есть все основания быть священником. Этот зов служить Господу, ты же сама знаешь, я слышу в себе с детства. А ты находишь массу причин и всё не даёшь мне благословения.

– Сыночек, коль ты будешь служить священником, то перед Богом будешь в ответе не только за себя, но и за

всю свою паству... А как жена Надежда к этому относится?

- Надежда не возражает. Она со мною почти на все службы ходит.

- Игорёк, а где тогда ты будешь служить?

- Куда владыко направит. Митрополит меня уже не раз спрашивал, когда ты дашь своё благословение...

- Игорёчек, ну коль ты так по зову сердца стремишься быть священником, хоть ты ещё и молодой, но я всё же даю своё благословение. Иди и всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим служи Господу Богу. Пусть Господь поможет тебе нести этот ответственный и честнейший крест жизни во спасение тебя и людей. А я тоже буду стремиться помогать тебе во всём. И прости ты меня, что в течение пяти лет я не давала тебе своего благословения. Я хотела, чтобы ты с годами глубже осознал значимость и сложность того пути, на который ты стремишься вступить. Но коль ты в течение времени не изменил своего решения, то с Богом, дорогой мой сыночек. Я счастливая мать, если сын избрал такой Богоугодный путь...

И Елена со слезами на глазах поцеловала Игоря, радуясь и тревожась за избранный им путь. А вскоре Игоря митрополит Иоанникий рукоположил в дьяконы, а затем в священники и рекомендовал ему строить Храм, в котором бы он служил.

Озадаченная решением строить Храм, Елена спросила у Игоря:

- Сын, а где же мы будем строить Храм? И на какие средства?

- Не знаю, мама... Я пока вагончик поставлю, который мне друг дал, в нём и начну служить. Ну где ставить этот вагончик, я не знаю, горисполком пока землю не выделяет. Но я ещё пойду к заместителю председателя горисполкома Елене Александровне Желдак, она верующая, думаю, что поможет.

И Игорь не ошибся в Елене Александровне, она действительно очень постаралась и взяла в большей степени на себя все заботы по выделению земли под Церковь. Подготовив все необходимые согласования, она помога-

ла Игорю и в определении решения.

Счастливым Игорю, прибежав домой, спросил у Елены:

- Мама, дела по отводу земли под Церковь идут хорошо. А как мы назовём наш Храм?

- Не знаю, сынок, ты в этой части сильнее меня. Как назовёшь, так и будет.

- Я бы, мама, хотел нашу Церковь назвать "Свято-Благовещенский Храм". Я наряду с Господом очень люблю нашу Богородицу, в честь Неё и хотел бы назвать. Да и ты у нас на Благовещение родилась. Это тоже меня как-то радует и согревает. Так как, ты не возражаешь, чтобы мы Храм назвали Свято-Благовещенским?

- Нет, сын, совершенно не возражаю, а, напротив, рада такому названию. Коль ты влетаешь в название и моё рождение на Благовещение, то это обязывает меня помогать тебе в строительстве Храма..

Окрылённый ходом рассматриваемой проблемы, Игорь вскоре получил решение горисполкома о выделении земли и строительстве Храма. На этом участке он поставил вагончик и начал вести в нём службу. Но однажды Игорь пришёл к Елене и спросил:

- Мама, а можно я продам свой новый костюм?

- Это же для какой цели, Игорь?

- На вырученные деньги я хочу купить стенку, чтобы поставить в вагончике и подсвечник, а то у меня нет возможности служить, а прихожанам некуда ставить зажжённые свечи.

- Ну что ты, сынок? Это не решение вопроса. Я тут скопила денег на покупку вам с Надеждой квартиры, но покупать квартиру мы не будем, а пустим эти деньги на строительство Храма. Если не будет хватать, то я займу денег у Тамары с Мишей или у друзей. И давай начинать строить Храм.

- Ой, мамочка, я очень рад такому решению. Но это опять заведёт тебя в долговую яму, и ты снова во всём себе станешь отказывать.

- Ничего, батюшка Игорю, за Бога можно и пострадать. И кроме того, ты же знаешь, у Бога всего много. Я думаю открыть правовую фирму и оказывать гражда-

нам юридические услуги. Я в выходные и после работы буду там находиться, а Надежда будет в этой фирме работать постоянно. Я её подучу, она барышня смышленная, поэтому у неё получится. Я уже с Надеждой об этом говорила, она не возражает. Так вот, если дела пойдут хорошо, то это будет источником для получения средств на строительство Храма.

Елена занялась строительством Храма, но однако не упустила и учебный процесс на факультете. Она подолгу занималась со своими аспирантами, уже имела очень много своих защищённых учеников. Преподавание дисциплин в большей степени уже вели преподаватели, которые имели учёную степень кандидата наук или звание доцента. Михайлова этому очень радовалась, поэтому не случайно её питомцы занимали призовые места на различного рода конкурсах и научно-практических конференциях. И выпускники юридического факультета пользовались спросом как у руководителей предприятий, учреждений, организаций, так и у правоохранительных органов.

Чтобы обхватить весь комплекс вопросов Михайловой явно не хватало времени. И это время Елена находила за счёт сна, что вызывало у домашних опасение за здоровье Елены.

- Мамуля, ты опять всю ночь не спала? Ну почему ты так себя ведёшь? Ты же не железная? Сорвёшь своё здоровье и дальше что?

- Ленусенька, ты же у меня в этом уже выпускница медицинского института, в случае чего вылечишь... Так ведь?..

- Нет, мама, так не годится себя вести. Ты всю ночь напролёт не спишь, а всё работаешь. Или спишь два-три часа в сутки. Любой организм не выдержит и слетит с катушек. Ты всё же пересмотри свой объём работы и сократи его.

- Ленусенька, ну как же я его сокращу? Факультет новый, он проходит период становления, нужно решать много вопросов и по учебному процессу, и по подготовке учёных, и по написанию духовных произведений. А вот теперь ещё надо и Храм строить, а средства на него надо

зарабатывать

– Мамулечка, а ты возьми меня в свою фирму, я там после занятий буду помогать Надежде, ведь я же ещё и студентка пятого курса юридического факультета, тем более ты говоришь, что я старательна, многие вопросы могу правильно решить.

– Я, Ленусенька, не возражаю и очень рада, что ты стремишься помогать, поэтому можешь хоть с завтрашнего дня приходить в фирму и работать там. А я тебе выделю конкретный участок работы. Подучишься как на практике разрешать те или иные вопросы. И ты меня немножечко освободишь, я тогда смогу больше времени уделять строительству Храма. Строительство Храма, Слава Богу, сейчас пошло хорошо. Вон видишь, Игорёк целыми днями на стройке пропадает. Если дальше так пойдёт, то в октябре Храм будет построен.

– Хорошо бы, мамуля, а то Игорек весь извёлся, всё переживает. Он то и дело теребит подрядчиков. Что там за подрядчик?

– Неплохой подрядчик, Ленусенька, ответственный. Я его сама позавчера вызывала, и он мне до мелочей рассказал о проделанной и предстоящей работе. Правда, за качество я его поругала и указала на недостатки. А сегодня я там была и посмотрела. Все недостатки он уже устранил.

– Мама, а я у Храма видела и дядю Мишу. Он что тоже помогает?

– Дядя Миша – молодец.. Очень помогает, вокруг Храма уже потихоньку начинает асфальтировать. Нашёл по очень низкой цене асфальт и хочет всю площадь вокруг Храма покрыть, а то из-за грязи невозможно подойти.

– Мама, а можно мне с Ленусенькой тоже ходить на фирму и там помогать?

– А что ты, Сашенька, на фирме будешь делать?

– Я же, мама, печатать умею, русский язык я хорошо знаю. Могу печатать по образцу исковые заявления или ещё какие-нибудь документы. Мне же интересно всё знать. Я ведь собираюсь поступить на юридический факультет.

– В принципе, Сашенька, я не возражаю, чтобы ты

ходил на фирму и помогал девчатам. А ты им мешать не будешь? Ну что ты, мама, конечно нет.

– Тогда вот вам, дети мои, от меня такой наказ. На фирму вы идёте помогать, то есть работать, поэтому чтобы там была подчинённость, слаженность и уважительность и, само собой разумеется, трудолюбие и старательность. Без этих качеств там вам нечего делать. Когда я нахожусь там, то вы все подчиняетесь мне, а в моё отсутствие – Надежде. Понятно?

– Более чем понятно. А если Надежда будет не права, то что нам делать, мама?

– Всё равно, Сашенька, подчиняться и делать то и так, как тебе скажут.

– Мама, а когда папа приедет?

– А ты ему, Сашенька, позвони и спроси его.

– Я уже звонил. Он сказал, что приболел.

– Тогда тебе, Сашенька, нужно к нему съездить.

– Да я с удовольствием, ты мне только разреши...

– Тогда пойдём, я сама ему позвоню и выясню в чём дело.

И она быстро набрала номер телефона и услышала голос Владимира Владимировича.

– Володя, ты заболел? Как ты себя чувствуешь?

– Ничего страшного, Леночка, я просто простыл и всё.

– А ты когда к нам приедешь? А то Сашенька очень волнуется и хочет к тебе приехать.

– Я за всеми вами соскучился и поэтому в выходные приеду в Донецк.

– Хорошо, будем ждать тебя, Володя. Я по тебе, мой золотой братец, тоже уже очень соскучилась. Я тут вся в заботах, вся в трудах. Но, слава Богу, всё идёт нормально. Приедешь, я тебе все новости расскажу, а сейчас пока... Целую и обнимаю...

И Михайлова повесила трубку. Обращаясь к детям, сказала:

– Володя приедет в выходные, он слегка простыл. Так что, слава Богу, всё в порядке. А сейчас всем ужинать и спать.

– А ты, мамуля, опять всю ночь писать будешь?

– Нет, Ленусенька, часов до четырёх ночи. Я завтра

веду первую пару, читаю "Каноническое право". Студенты этот предмет очень любят и слушают с большим удовольствием. У нас в Украине фактически нет учебника по этой дисциплине, хотя её читают во многих юридических вузах. Вот мне и хочется поскорее подготовить этот учебник.

– А когда ты, мама, хочешь его закончить?

– Через месяц, не позже, он уже почти готов.

Михайлова очень старалась издать этот учебник, поскольку изучение дисциплины "Каноническое право" в отечественной юридической науке является важным свидетельством культурного выздоровления современного общества, освобождения его от оков тоталитарного атеистического прошлого. И этот учебник представляет интерес не только для студенчества, но и для формирования мировоззрения всех членов общества.

Понимая актуальность этой проблемы, Елена стремилась скорее подготовить этот учебник, просиживая ночи над его написанием. Игорь видел такую занятость матери и старался помочь в подготовке учебника по каноническому праву. У него это очень хорошо получалось, он был хорошим помощником. Полученные им знания в духовной семинарии и академии оченьгодились при написании учебника, поскольку он ещё заочно закончил и юридический факультет и готовился к защите докторской диссертации.

Елена прочитала лекцию студентам по каноническому праву на тему "Происхождение нравственности и права" и пошла в свой кабинет. И буквально через несколько минут к ней постучались Степанида с Дуняшей.

– Елена Васильевна, к вам можно зайти?

– Проходите, подруги, что вас ко мне привело?

– Леночка, ты прости, но мы были на твоей лекции. Нам безумно нравится, как ты читаешь. И это же каноническое право, а не шишты-мышты. Мы просидели на твоей лекции во время работы, но мы это время отработаем. Не ругай нас, пожалуйста, разреши нам и впредь ходить на твои лекции.

– Подруги, я вообще-то не сторонница нарушать правила внутреннего распорядка факультета и вам не сове-

тую нарушать трудовую дисциплину. Я заканчиваю писать учебник по каноническому праву. Скоро его издам и подарю в первую очередь вам.

– Спасибо, Елена Васильевна, трудовую дисциплину больше нарушать не будем.

– Дуняша, а как у тебя дела с написанием диссертации?

– Заканчиваю, Елена Васильевна, править диссертацию в соответствии с вашими замечаниями.

– А ты, Степанида, справилась с моими рекомендациями?

– Да... Я работу над диссертацией практически закончила. Когда вам, Елена Васильевна, можно будет принести её на проверку?

– Ты пока работай над авторефератом, а через неделю диссертацию принесёшь вместе с ним. Если там всё будет в порядке, то месяца через три будем выходить на защиту... Ой, подруги, как быстро бежит время, ведь совсем недавно, кажется, вы освободились из колонии и прибыли ко мне, стали работать лаборантами, заочно закончили юридический факультет, получили дипломы о высшем образовании по специальности "Право". После этого стали работать ассистентами. А теперь заканчиваете уже аспирантуру и выходите на защиту диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук..

– Всего этого мы, Леночка, достигли только благодаря тебе. Если бы не ты, то я не знаю, что мы и делали бы.. Твои лекции в колонии многому нас научили. После них мы старались быть чище, лучше, трудолюбивее, стали проявлять интерес к жизни, к людям. Поэтому, Елена Васильевна, большое спасибо тебе, дорогой наш учитель, просветитель, наша мама и подруга. Мы с Дуняшей перед тобой в неоплаченном долгу.

– Сочтёмся, подруги. Я тоже очень рада вашим успехам. Старайтесь, как только защититесь, станете кандидатами юридических наук, сразу буду ставить вас на должности доцентов. Как вам там живётся в семейном институтском общежитии? Никто не обижает?

– Нет, Елена Васильевна, живём по-королевски, име-

ем по отдельной комнате. О такой жизни мы со Степанидой даже и не мечтали. Всё, слава Богу, идёт хорошо. Спасибо тебе, Леночка.

– А вы, подружки, давно получали письма от Виктории и Людмилы? Мне Виктория недавно письмо прислала. Пишет, что работает учителем истории, вышла удачно замуж. Её дочка тоже замуж вышла и у неё всё хорошо. И Людмила вышла вновь замуж, ждёт ребёнка. Может быть, уже и родила? Нам бы надо всей боевой дружиной встретиться. Вот вы защититесь, и мы позовём в гости к нам Людмилу и Викторю. Вы, подружки, не возражаете?

– Нет, Леночка, не возражаем и будем очень рады нашей встрече. Нам они тоже письма пишут. рассказывают все те же новости, что и тебе..

– Ну всё, девушки, подружки, пообщались, повспоминали и давайте снова работать. А то проблем у нас с вами целый воз да маленькая тележка. Мне надо бежать смотреть, как там наш Храм строится. Ведь завтра суббота?

– Леночка, а нам завтра прийти поработать?

– Приходите, я тоже там буду.

Работа по строительству Храма шла неплохо. Елена встретила там сестру Тамару, она красила окна. Михайлова переделалась и тоже стала красить стены белой краской. Работа спорилась. Нанятые рабочие тоже старательно трудились с раннего утра и до позднего вечера.

Уставшая Тамара сделала перерыв, подошла к сестре и спросила:

– Леночка, а где же твой сын, наш батюшка Игорь?

– Батюшка Игорь поехал в Москву за товаром для Храма. Дня через три вернётся.

– А как ты думаешь, Леночка, к октябрю строительство закончим?

– К октябрю, Тамара, наверное, успеем основную работу сделать. Батюшка Игорь очень об этом мечтает, он же здесь с утра до вечера трудится, чтобы до зимы Храм освятить. А внутренние работы ещё останутся неоконченными. Поэтому, Томочка, кровь из носа, а сейчас надо отопление запустить. Тогда и прихожанам будет на службе тепло, и внутренние работы можно будет делать. Твой Миша обещал к концу следующей недели закон-

чить с отоплением. Если он сумеет это сделать, то ситуация в строительстве выровняется. Штукатурные работы в зале Храма завершили, а в прилегающем здании пока нет, электропроводку всю уже сделали.

– Что и в трапезной, и в котельной?

– Да, Тамара, уже по всей Церкви электропроводка в порядке. Ой, уже темно, давай, сестрица, включим свет и ещё поработаем. Окна уже красить темно, становись рядом, будем стены красить. Или ты домой хочешь пойти?

– Нет, Леночка, я ещё поработаю.

– Тогда, Томочка, давай сегодня закончим вот эту стенку, а эту придём завтра красить. Ты не возражаешь?

– Конечно же, нет. Я хоть и устала, но зато желание поработать во славу Господа больше, чем усталость. Я бы хотела, Леночка, с тобой после работы помолиться в вагончике, где батюшка Игорь пока службу проводит.

– Я, Тамара, не возражаю. Там тоже есть свет. Я туда заходила сегодня, там вчера служба была. Внутри всё чистенько и уютно, и икон там очень много.

– Леночка, а мне очень хочется сегодня в вагончике помолиться. Пойдём помолимся?..

– Если тебе, Томочка, хочется, то, безусловно, пойдём. Давай закончим наш намеченный план, тогда отправимся.

И сёстры встали со своих измазанных краской табуреток и пошли красить правую стенку основного Храма зала. Закончив работу, Елена нашла сторожа. Он открыл им дверь в вагончик, и они вошли. Елена зажгла свечи. Они встали перед Иконой Иисуса Христа, и вдруг Тамара спросила:

– Лена, ты меня прости, но я толком не понимаю, что называется Символом Веры? И что под этим следует понимать? Ты объясни мне, пожалуйста.

– Томочка, Символом Веры называется краткое и точное изложение всех истин христианской веры, составленное и утверждённое на первом и втором Вселенских Соборах. И кто эти истины не принимает, тот уже не может быть православным христианином. Весь Символ Веры состоит из двенадцати членов, и в каждом из них содер-

жится особая истина или, как ещё говорится, догмат нашей православной веры.

– Леночка, а ты мне прочитай весь Символ Веры с конкретным указанием каждого члена этой молитвы, а то для меня это тёмный лес. А я хочу конкретно разобраться, какая часть молитвы относится к первому, ко второму, к третьему и так далее к последнему двенадцатому члену Символа Веры.

– Хорошо, Томочка, я с радостью тебе поясню, какие члены относятся к Символу Веры: Первый член – это верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. Второй член – верую и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рождённого от Отца прежде всех веков; Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, не созданныго, одного существа с Отцом через Которого всё сотворено. Третий член – для нас, людей, и для нашего спасения сшедшего с небес, принявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы, и сделавшегося человеком. Четвёртый член – это распятого же за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребённого. Пятый – и воскресшего в третий день, согласно с писаниями пророческими. Шестой – и восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца. Седьмой – и опять имеющего придти со славою судить живых и мёртвых, царству Которого не будет конца. Восьмой – верую и в Духа Святого, Господа, подающего жизнь, исходящего от Отца, поклоняемого и прославляемого равно со Отцом и Сыном, говорившего через пророков. Девятый член этой молитвы – это верую и во единую святую соборную вселенскую и апостольскую Церковь. Десятый – исповедую одно крещение во оставление грехов. Одиннадцатый – ожидаю воскресения мёртвых. И двенадцатый член Символа Веры – это и жизни будущего века, Истинно так. Вот, Томочка, я тебе назвала все двенадцать членов Символа Веры. Понятны они тебе теперь?

– Понятно, Леночка, спаси тебя, Господи. Но я всё же не совсем осмысливаю, почему мы называемся православными христианами?

– Православными христианами мы называемся по-

тому, что веруем в Господа нашего Иисуса Христа. Веруем так, как изложено в Символе Веры, и принадлежим к основанной Самим Спасителем на земле Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, которая под руководством Духа Святого неизменно правильно и славно сохраняет учение Иисуса Христа, то есть принадлежащим к Православной Христианской Церкви.

- А те, которые не исповедуют или неодинаково со Святой Православной Церковью исповедуют веру, то они, Елена, не православные?

- Точно так, Тамара. Все остальные христиане, которые исповедуют веру во Христа не одинаково со Святой Православной Церковью, не принадлежат к ней. К ним относятся католики: это римско-католическая церковь, протестанты или, как их ещё называют, лютеране, баптисты и другие секты.

- Теперь ты меня, Леночка, просветила полностью. Сейчас я теплее к душе воспринимаю молитву "Символ Веры".

- Тогда давай, Томочка, с любовью и проникновенно с душой помолимся и почитаем эту молитву во славу нашего Отца и Сына и Святого Духа.

- С радостью, Леночка!..

И сёстры долго с благодарностью и благоговением молились Господу за плодотворно проведённый день и ниспосланное им везение в труде, а также за скорейшее окончание строительства Храма. И лишь поздним вечером разошлись по домам, где Елену уже с волнением ждали Ленусенька и Сашенька.

- Мама, где ты так долго была?

- В Храме, Ленусенька, с Тамарой трудились. Затем мы с сестрицей помолились по зову души, потому так и задержались.

- Мамулечка, ну что же ты мне не сказала? Я бы тоже пошла...

- И я бы пошёл, хотя я, правда, из-за учёбы поздновато пришёл, зато я завтра совершенно свободный. Можно я пойду поработаю? Признаться, я не знаю, что без тебя там, мама, делать.

- Завтра же суббота, я тоже свободна. Поэтому, дети,

все вместе пойдём и там целый день поработаем. Ты сейчас, Ленусенька, приготовь еды, чтобы мы там смогли в обед что-нибудь поесть и подкрепить силы. Наготовь побольше, а то придут работать в Храм и Степанида, и Дуныша, и Тамара, и Михаил, и Олежек...

– Тогда я, мамуля, наготовлю пятилитровый термос борща, сделаю чай и бутерброды с колбасой и сыром.

– Хорошо, Ленусенька. А я сейчас пойду поработаю над диссертациями своих учеников.

– Мамулечка, но ведь ты устала и голодная. Пойдём, я вначале тебя покормлю, ты хоть чуток отдохнёшь, а потом пойдёшь заниматься своими науками.

– Хорошо, доченька, идёте кушать, а то я действительно голодная...

Покушав, затем передохнув минут двадцать, Елена пошла заниматься методическими разработками, проанализировала диссертационный материал, предоставленный ученицей. Она сделала замечания по данной диссертации, написала на неё свой конкретный отзыв и лишь под уро пошла спать. А в восемь часов утра Елена со своими детьми уже трудилась в Храме.

И в таком напряжённейшем ритме Михайлова трудилась изо дня в день, отдавая себя то работе, связанной с учебным процессом своих студентов, то строительству Храма. Но всё-таки работе по строительству Храма после увиденного сна она уделяла больше времени. Этот сон Елена не могла забыть, стремилась исправить и искупить свою вину. Она помнила, как в очередной раз пошла к председателю областного совета с просьбой выделить для неё корпуса под юридический факультет, но получила снова отказ и очень расстроилась. Тогда вечером она слёзно молилась перед иконой Спасителя и просила Господа помочь ей в решении вопроса о выделении корпусов под юридический факультет. И чтобы она могла не только отремонтировать, но и осуществлять в этих корпусах перестройку учебных аудиторий, которые были совершенно не пригодны для ведения учебного процесса.

В эту ночь ей приснился сон. Елена видит, как раскрылось Небо и перед ней воспарил Ангел. Он опустился

перед ней и сказал строгим голосом: "Вот, Елена, ты всё убиваешься и просишь Господа, чтобы тебе под юридический факультет выделили корпуса. Но разве ты правильно поступаешь? Нет, не правильно. Когда ты давала своё благословение сыну на то, чтобы он был священником, ты что ему говорила, напутствуя его на правильный путь? Ты говорила возлюбить Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим, поскольку ты правильно сказала, что это есть первая и наибольшая заповедь Закона Божьего. А сама что творишь? Отправила сына служить в вагончик! Храма не строишь! А собираешься строить корпуса для своих студентов. Что же ты сама не выполняешь основную заповедь Божью? Ты в первую очередь должна построить Храм, чтобы батюшка Игорь мог служить службу не для десяти-пятнадцати мирян, которые помещаются в том вагончике, а куда большему количеству прихожан. Поэтому не ходи и не проси эти корпуса у председателя областного совета. Он тебе их не отдаст, но они тебя будут ждать. И когда ты построишь Свято-Благовещенский Храм, то после его освящения иди и проси Леонида Ивановича, он тебе эти корпуса под юридический факультет выделит. И ты станешь выполнять вторую заповедь Божью. И лишь после Господа Иисуса Христа ты возлюби ближних твоих, в том числе и своих студентов. Ты же, Елена, сама об этом знаешь. И кроме того, когда ты стала деканом юридического факультета, то стала писать меньше духовных произведений. Ведь твоя основная миссия – это восславие Господа, Богородицы, Святых. Ты должна писать стихи по содержанию гимны, псалмы, молитвы и другие произведения духовного и душевного характера. Помни об этом и не забывай. Тебе Господь дал талант, поэтому воздай свою любовь и восславие Господу. Не забывай добрые слова в поэтической форме посвящать народу. И коль ты выбрала две дороги жизни, то по ним и иди. Или же выбирай только Господний путь и иди по одной стезе без ведения тропы юридического факультета. Подумай, Елена, и определись..."

Проснувшись, Елена долго размышляла над сном. Он внёс в её душу неоднозначность избранного пути и

смятение. Сон ей показался пророческим, но растолковать его она не могла. И вдруг в голове Елены родились такие поэтические строчки:

**Терзаюсь меж наукой и стихами –
Чему мне предпочтение отдать?
Стихи пишу для Господа часами,
Затем бегу науку догонять.**

**От этого не сердце неуютно,
И гложет стыд, и радость, и печаль,
И от забот становится так дурно,
Что до удушных слёз себя мне жаль.**

**Но поняла, что не смогу я бросить
Родной юрфак и Господа тропу,
Судьбу свою не в силах обездолить,
Видать, две жизни сразу я живу.**

Записав это стихотворение, Елена несколько успокоилась и решила с ещё большим усердием стараться трудиться для дел Господних и для студентов. И в голове её понеслись мысли, успокаивающие её душу: "Ну коль Ангел сказал, чтобы я шла сразу по двум дорогам жизни, пока хватит сил, то значит так и надо делать. Ведь я очень люблю Господа и Богородицу, меня зовут и пути Святых, я их тоже очень уважаю и чту. Ну и студенчество меня тоже греет и зовёт. В своей душе я ощущаю их тепло, и мне хочется сделать для них много доброго и расстелить им дороги счастья, воспитать в них духовность. Но я действительно отошла от первой заповеди Господней и отдаю себя в первую очередь студенчеству, а не Всевышнему. Господнего Дома не возвожу, а стремлюсь в первую очередь построить корпус для студентов. Следовательно, в первую очередь не Господа Бога возлюбила всем сердцем, всею душою, всем разумением своим, а студентов. Мне даже Ангел во сне явился и сказал о моих отклонениях от Господнего пути.. Ты прости меня, Господи, за моё прегрешение. Я обещаю тебе, Владыко, построить Храм и лишь после этого приступить к вопросу обеспечения студенчества корпусами. Но позовь, Господи, вести тропу студенчества и науки. Я

буду стараться писать, как Ангел призывал, и молитвы, и гимны, и псалмы, посвящённые Тебе, Всевышний, а также излагать духовные произведения в честь Богородицы нашей, апостолов и других святых. Очень Тебя прошу, Отче. А с завтрашнего дня я буду заниматься вопросами строительства Церкви..."

Припомнив сон, который приснился ей больше года назад, Елена сегодня с ещё большим старанием трудилась в Церкви. И на душе у неё было светло и уютно, ведь строительство Свято-Благовещенского Храма завершалось.

И вот в начале октября Храм был освящён. Елена восторженно и с великой радостью находилась на службе в Храме и с любовью молилась всей глубиной души. Батюшка Игорь тоже пребывал в великой радости, и служба проходила сердечно. Прихожане молились с умилением и благодарностью, что у них появилась возможность теперь бывать в Храме и молиться в нём хоть каждый день, очищая свою душу от греховности, внося в неё чистоту и любовь.

А Елена на следующий день вновь пошла к председателю областного совета, чтобы он выделил ей корпуса для юридического факультета по улице Ватутина. И какова же была её радость, когда Леонид Иванович, увидев Михайлову в дверях кабинета, неожиданно сказал:

– Проходите, Елена Васильевна, присаживайтесь. И давайте свои бумаги, я вам выделю два корпуса – восьмой, девятый и столовую.

– Спасибо превеликое, Леонид Иванович. Очень вам признательна. Ваше добро я буду помнить и отвечать вам взаимностью.

– Не стоит меня благодарить. Это тебе, Елена Васильевна, спасибо. Ведь твой юридический факультет очень хвалят у нас в области. Я вижу, как ты стараешься для людей, и мне стало как-то стыдно, что я зажал эти корпуса и хотел отдать их одному бизнесмену. К тому же, я слышал, что ты для народа и Храм построила. Это правда?

– Да, Леонид Иванович, вчера батюшка Игорь провёл в Храме первую службу.

- А как же ваш Храм называется?
- Свято-Благовещенский Храм, Леонид Иванович...
- А Храм большой построили?
- Да нет, Леонид Иванович, скромный возвели.
- На какие же средства вы его построили, Елена Васильевна?

- В основном на собственные. Я вложила все деньги, что на квартиру собирала, ещё заняли родственники и друзья. Некоторые друзья даже спонсировали.

- А это правда, что в этом Храме ваш сын священником служит и является настоятелем.

- Правда, Леонид Иванович.

- Так, Елена Васильевна, он же с моим сыном учился по специальности "Механика роботов". Как же он там служит, ведь необходимо для этого иметь соответствующее образование?

- Мой сын заочно закончил и Одесскую духовную семинарию, и Киевскую духовную академию. И ещё он закончил наш юридический факультет, защитил кандидатскую диссертацию, работает над докторской.

- Какой бойкий у вас сын. Мой Аркадий говорил, что ваш сын смыслённый, но я не подозревал, что до такой степени.

- Игорь - обыкновенный, он просто очень старательный и ответственный. А священником он хотел стать ещё с детства.

- Елена Васильевна, простите за нескромный вопрос. Вас привлекали к уголовной ответственности? За что и какой срок вам дали?

- Меня привлекли к уголовной ответственности за написание духовных произведений, дали мне семь лет.

- Это за то, что вы писали стихи про Бога, вам дали семь лет лишения свободы?! Вот это парадокс... Вас за стихи о Боге лишали свободы, а теперь вы не только Бога в стихах прославляете, а и построили Церковь. И вас в тюрьму не сажают, а, напротив, вы в обществе у народа и власти, которая вас в колонию упекла, пользуетесь уважением. И мне, Елена Васильевна, хочется вам сказать спасибо за то, что вы не сошли с дороги стойкости и сумели через все лишения сохранить веру в Господа. И тем

самым дарили людям верить в завтрашний день света и тепла, который может взойти в обществе лишь с Богом в душе. А я вот струсил, и все эти годы не подавал никаких признаков своей веры в Господа. А вот теперь, когда прошли все эти страшные годы лихолетья, я пользуюсь всеми благами тех людей, которые, как вы, принесли нам это благополучие духовного спокойствия, когда можно пойти в Храм и там черпать благодать, умиротворение, надежду и вечность.

- А вы, Леонид Иванович, крещёный?

- Я-то, Елена Васильевна, крещёный, меня бабушка крестила. А вот мои сын и дочь остались некрещёными. Можно я их в вашей Церкви обоих окрещу? А то так душа болит, что нехристи растут.

- Конечно можно, Леонид Иванович. Я скажу об этом батюшке Игорю, и он непременно исполнит ваше желание.

- Спасибо заранее вашему сыну, а в большей степени спасибо вам. Вы в такое бездуховное время сумели воспитать сына священника, построить на свои средства Храм для людей, в который они могут пойти и помолиться, чтобы обрести надежду на спасение и покой в душе. Вы, Елена Васильевна, наш маяк духовности, который светит нам и таким, как я, грешным освещает путь, чтобы мы не сбились с дороги духовной и житейской тропы бытия...

- Вы, Леонид Иванович, преувеличиваете мои заслуги.

- Что вы, Елена Васильевна, ничуть не преувеличиваю. Я, напротив, сказал мало слов, которых вы заслуживаете. Я без преувеличения говорю, что только благодаря таким людям, как вы, наша вера сохранена. Строятся Храмы, наше общество выходит из христианской тьмы, безбожия, пыток, наказаний и лишений свободы. И все эти наказания и испытания вы вынесли на себе, но не свернули с тропы Господней, а просвещали общество, которое в конце концов поняло свою порочность и бездуховность. Бездуховный член общества легко вершит зло, падение, рождая в себе терроризм, насилие, гомосексуализм, лесбиянство и другие порочные качества. Об

этом, Елена Васильевна, много ещё можно говорить, но вы в этом разбираетесь куда лучше моего. Ведь я созерцатель и видел это лишь со стороны, а вы непосредственно все тяготы жизни, все эти лишения несли на себе, на своих собственных плечах, чтобы сохранить в нас веру Господню и очистить от скверны наши души, являя обществу светозарную основу Великой Библейской Истины.. Елена Васильевна, простите меня, но мне ещё хочется спросить вас: действительно ли вас за наши грехи лишили учёной степени доктора технических наук?

– То, что я писала стихи про Бога, классифицировали как агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва и ослабления советской власти и по приговору суда мне дали семь лет лишения свободы с отбыванием срока наказания в Исправительно-трудовой колонии строгого режима. А в качестве дополнительной меры наказания лишили меня учёных степеней кандидата и доктора технических наук, а также званий доцента и профессора. И кроме того, меня лишили права проживать в Москве в течение пяти лет после отбывания срока наказания, ведь до суда я жила в Москве.

– Так вот, оказывается, почему вы живёте в нашем городе? Так что же, Елена Васильевна, вам эти звания так и не вернули?

– Вернули, Леонид Иванович, я подавала документы на пересмотр моего дела. Мне приговор суда отменили, как незаконный, и признали меня невиновной. Все учёные степени кандидата и доктора технических наук, а также звания доцента и профессора восстановили.

– Елена Васильевна, а к вам, кажется, народная мудрость о том, что нет худа без добра точно подходит, ведь вы за это время стали кандидатом и доктором юридических наук, доцентом и профессором кафедры правоведения. Вы на совершенно пустом месте смогли вырастить не только себя, но и создать такой мощный юридический факультет. Вот вы, работая деканом юридического факультета, сколько уже подготовили кандидатов юридических наук, доцентов?

– Более пятидесяти, Леонид Иванович.

– А докторов и профессоров тоже вырастили?

– На нашем факультете работает более двадцати докторов и профессоров, а непосредственно я подготовила около десяти.

– Какая же вы, Елена Васильевна, труженица великая! Вас надо представлять к награде.

– Я, Леонид Иванович, уже имею от президента Украины награды. Согласно Указу президента я награждена орденом Княгини Ольги, являюсь заслуженным юристом Украины, учёным года и так далее.

– Так вот, оказывается, почему процветает наш юридический факультет. Вы – умелый и талантливый руководитель, Елена Васильевна. Вы сумели собрать такой мощный преподавательский состав наивысшей квалификации, подготовить огромное количество кандидатов и докторов юридических наук, доцентов и профессоров. Поэтому вы, на мой взгляд, заслуживаете наивысшей награды нашего государства. И я вам не только с удовольствием отдаю восьмой, девятый корпус и столовую, но и буду стараться вам помогать в материальном плане.

– Спасибо вам, Леонид Иванович, большое за то, что вы отдали нам два корпуса и столовую под юридический факультет и за добрые слова. Я буду стараться оправдать ваше доверие и проявлять усердие в капитальном ремонте и реконструкции этих зданий, чтобы они соответствовали стандартам для проведения в них занятий со студентами.

– В добрый путь, Елена Васильевна. Я очень рад, что вы мне открылись с такой прекрасной стороны. Заходите ко мне со своими проблемами, не стесняйтесь, а я вам чем смогу, непременно помогу.

– Очень признательна вам, Леонид Иванович. И если вам нужна будет юридическая помощь, то я буду оказывать её с великой радостью. До свидания...

И Михайлова, довольная встречей и общением, а главное получением корпусов под юридический факультет, поехала с доброй вестью на работу. Елене молниеносно припомнился сон, в котором Ангел бранил её в первую очередь за то, что она не строит Церковь, а стремится получить корпуса и переделать их для студентов. И на

это Ангел строго сказал Елене, что корпуса под юридический факультет будут выделены лишь тогда, когда она построит Храм. "И действительно, – подумала Елена, – сон вещий. Вчера освятили Храм, а сегодня я пошла к председателю областного совета, и он не только выделил мне корпуса под юридический факультет, а и говорил со мной любезно, словно родственник. И даже обещал оказать материальную помощь по ремонту корпусов, а ведь раньше Леонид Иванович находил множество причин и всегда отказывал мне в просьбе о выделении корпусов. А сегодня его как подменили. Мне следовало бы и самой догадаться, и в первую очередь приступить к строительству Храма... Ты прости меня, Господи, за моё недопонимание, за моё отклонение от Твоего, Боже, основополагающего пути. Я буду стараться идти по той тропе, которую Ты, Творец, даровал мне. Но я часто из-за своей греховности не совсем слышу зов души. Прости меня, Боже, Иисусе Христе, ниспошли мне мудрости, разумения в правильном решении и избрании дел. Я буду стремиться выполнять ту миссию, о которой мне во сне говорил Ангел. И стану торить с большей энергией тропу просвещения, творения разума и рук. Буду всем сердцем своим, всей душой своею, всем разумением своим идти по Твоему пути и являть людям духовные произведения. Ведь я люблю Тебя, Господи. И для меня нет большего счастья, чем служить Тебе, Боже, посвящать Тебе, Владыко, восславные гимны, псалмы. И обращаться к Тебе, Спаситель, с молитвой, которая рождается в моей душе. Но я из-за своей греховности оступаюсь... Молю Тебя, Всевышний, прости меня... И помоги мне писать так, чтобы это был слог Библейского величия, простоты сердца, всеобъемлющей и детской любви к тебе, Создатель, добра и милосердия к людям. И прошу тебя, Господи, помоги мне сделать капитальный ремонт в тех корпусах, что мне выделили под юридический факультет, совершить реконструкцию так, чтобы они отвечали требованиям учебного процесса".

Находясь в своих размышлениях, Елена вошла в университет, где ей встретился ректор Сергей Сергеевич Орлов.

– Елена Васильевна, о чём это вы так задумались? Какие у вас новости? Когда думаете к председателю областного совета идти?

– Я, Сергей Сергеевич, только что от Леонида Ивановича. Он подписал все документы и выделил для юридического факультета восьмой, девятый корпуса и столовую.

– Поздравляю, Елена Васильевна! Не ожидал, что ты сумеешь эти корпуса у него выпросить. Я на своём уровне не смог с ним договориться, а ты вот уговорила Леонида Ивановича. Молодец, Михайлова!.. Вы завтра придите ко мне, мы всё обговорим, и вы начнёте обустроить корпуса, приспособив их к учебному процессу.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, спасибо вам.. Я к завтрашнему дню подготовлю свои предложения и представлю их вам.

ГЛАВА XV

Михайлова не стала подниматься на третий этаж в свой деканат, а поехала в выделенные ей корпуса, которые находились в двух остановках от университета... Приехав туда, она нашла сторожа, попросила его открыть помещения и поочерёдно внимательно стала осматривать каждую комнату. Для себя она решила, что в первую очередь будет делать капитальный ремонт именно в восьмом корпусе. И лишь после сдачи в эксплуатацию этого здания приступит к реконструкции девятого корпуса.

Елена набросала себе план работы, в котором она отразила своё видение строительства учебных аудиторий. И на следующий день она с самого утра пошла к ректору Орлову. Сергей Сергеевич уже был в кабинете и принял Михайлову радушно.

– Проходите, Елена Васильевна. Какие у вас будут соображения по поводу реконструкции и ремонта этих корпусов?

– Сергей Сергеевич, там очень большой объём работы. Я думаю, что вначале надо сделать капитальный ремонт в восьмом корпусе, подготовить его под учебный процесс и начать занятия, ведь в университете совсем нет

аудиторий для юридического факультета. Организовав учебный процесс в восьмом корпусе, начнём ремонтировать девятый.

– А когда, Елена Васильевна, вы думаете ввести в эксплуатацию после ремонта восьмой корпус?

– Мне, Сергей Сергеевич, хочется начать занятия в нём с нового учебного года.

– Вы полагаете, Елена Васильевна, с сентября?

– Да, Сергей Сергеевич, именно с сентября. Правда, отрезок времени небольшой, можем и не успеть. Но я буду стараться, чтобы к этому времени завершить строительный процесс в восьмом корпусе. Я создам строительные студенческие бригады, буду привлекать и преподавателей. Думаю, что и спонсоров найду. Только, Сергей Сергеевич, я прошу вас выделить мне из штата университета хорошего сметчика по строительным работам, чтобы он смог согласно нормативам составить смету тех или иных операционных работ.

– Хорошо, Елена Васильевна, я вам в помощники выделю начальника сметного отдела Немцеву Людмилу Ивановну. У неё есть все нормативы по стоимости работ и расценки на материалы. Так что общайтесь с ней, выбирайте себе подрядчиков и приступайте к работе. Но имейте в виду, Елена Васильевна, что корпуса будете строить только на те средства, которые юридический факультет получает за обучение своих студентов. Я вам ни копейки не дам из университетского бюджета. В университете денег просто нет, вот в чём состоит весь секрет. Но вы бойкая, находчивая, и я уверен, что вы найдёте средства, на которые сможете отремонтировать и реконструировать корпуса. Тем более у вас опыт есть, вон какой симпатичный Храм выстроили. Вы же там были за старшего строителя?

– Да, я там была и за прораба, и за рабочего, и за начальника стройки. Но и сын очень помогал, он там сутками пропадал и тоже выполнял разные виды работ. А теперь вот, слава Богу, в воскресенье Храм осветили, и в нём прошла первая служба.

– Я, Елена Васильевна, забегал за день до освещения Храма к батюшке Игорю и знаю все ваши Церковные

проблемы и новости. Мне батюшка о них рассказывал. Мы с ним в определённой степени дружим. Я пригласил его, чтобы он освятил мой построенный дом. И увидел ваш Храм, он мне очень понравился, в нём так много разных икон. Церковь вся блестит, хорошо, что вы внутри покрасили белой краской. У вас там в ней столько света. Люстра красиво освещает купол Церкви, так всё здорово сочетается. Умница вы, Елена Васильевна, так что я без страха уверяю вас строительство корпусов.

– Спасибо, Сергей Сергеевич, за доверие и тёплые слова. Я буду стараться трудиться так, чтобы оправдать ваше доверие и построить для своих студентов хороший учебный корпус.

Попрошавшись, Елена поднялась на третий этаж в свой очень маленький кабинет. Затем пригласила к себе своего заместителя по социально-экономическим вопросам Петрова Александра Анатольевича и начальника сметного отдела Людмилу Ивановну, озадачила их вопросами, которые необходимо было разрешить прежде, чем начать работу в корпусе. А затем сказала:

– Людмила Ивановна, срочно обсчитайте стоимость работ, которые будут проводиться в корпусе, хотя бы приблизительно. Подготовьте мне перечень строительных организаций, с которыми мы будем заключать договора. Вы же знаете добросовестных подрядчиков, а недобросовестных, сразу вас, Людмила Ивановна, предупреждаю, я повыгоняю, а вас стану бранить за ненадлежащий подбор строителей. Все расценки должны согласовываться со мной. И, естественно, я все договора буду проверять, чтобы в них цены не были завышены. Денег у нас мало, придётся экономить каждую копейку. Понятны вам, Людмила Ивановна, наши проблемы?

– Конечно понятны, Елена Васильевна. А к какому времени мне эти вопросы подготовить?

– К завтрашнему дню мне всё и подготовите.

– Я не успею за такое короткое время всё сделать.

– Успеете, Людмила Ивановна, если постараетесь. У нас нет времени на раскачку. Всё будем делать в темпе, но в то же время качественно.

– А вы, Александр Анатольевич, подготовьте мне сту-

денческие строительные бригады, которые будут работать, а также определите перечень работ для преподавателей.

– Елена Васильевна, а преподавателей всех привлекать к работе или только тех, кто изъявит желание?

– По желанию привлекать только студентов, а преподаватели должны трудиться по мере своих возможностей и сил. Нам, Александр Анатольевич, помощи ждать неоткуда. Я хочу выступить по телевидению, чтобы нам оказали спонсорскую помощь как в оплате строительных работ, так и в выделении строителей. Пойду к губернатору, у него буду просить средства на строительство этих зданий. Думаю, что Виктор Сергеевич окажет помощь. Ну а нам всем надо очень стараться, ведь наши студенты занимаются в очень стеснённых условиях. А количество студентов у нас всё увеличивается, поэтому отступать и тунеядничать нам нельзя.

Озадаченная проблемами капитального строительства корпусов и переоборудованием их под учебный процесс, Михайлова провела общее собрание преподавателей и пригласила на него старост студенческих групп. На собрании она озвучила те чёткие задачи, которые стояли перед юридическим факультетом, пытаясь достучаться до каждого присутствующего и донести важность решаемых проблем.

Чётко поставленная Еленой организационная работа открыла путь к практическому выполнению намеченных работ. На строительстве корпуса работало около тридцати бригад. На всех четырёх этажах кипела работа. Михайлова строго следила за планом выполнения работ и их качеством. Не раз заставляла строителей переделывать ту или иную работу, если она была выполнена не качественно. В противном случае не производила оплату.

Елена каждый день находилась в строящемся корпусе с утра и до позднего вечера. Она заставляла строителей работать по ежедневному графику и отчитываться каждый день на планёрках о проделанной работе. Работа ладилась, но приближалась зима, и холод ограничивал объём работы. Михайлова обратилась к начальнику теп-

лосети, и Николай Данилович помог проложить трубы по улице, утеплив их. Тепло в полном объёме согревало корпус, работа снова набирала обороты: штукатурились стены, потолки, настилались полы, делались перегородки, в туалетах укладывалась плитка, и выполнялось много других отделочных работ.

Студенты и преподаватели проявили большую активность, они помогали со старанием. Только мусора каждый день грузили десятки машин, подготавливая площадки для строительных работ. Здание внутри было в очень плохом состоянии, ведь ему было более пятидесяти лет. Капитальный ремонт в нём не делался ни разу, весь материал, который ранее был на стенах, потолке, полу превратился в мусор, от которого необходимо было избавляться. Необходимо было ставить новые окна, оборудовать туалеты, реконструировать аудитории, чтобы они соответствовали требованиям высшей школы и были пригодны для проведения в них занятий. Кроме того, нужно было приобретать для студентов и преподавателей столы и стулья, оборудовать учебные кабинеты, асфальтировать двор, крыть крышу. На всё это нужны были колоссальные суммы денег. Михайлова постоянно обращалась в различные инстанции: и к председателю областной госадминистрации, и к председателям районных советов, и к председателю областного совета, и к мэру города, и к бизнесменам. И в большей степени и администрации разных уровней, и граждане отвечали пониманием, по мере возможности выделяли, жертвовали необходимые средства для строительства корпусов. Но Елена постоянно была в напряжении и страхе, опасаясь, что ей нечем будет платить работающим бригадам, поэтому этот вопрос находился под её ответственностью на первом месте. И, слава Богу, сбой в оплате рабочим не было.

Строители, увидев добросовестное и строгое отношение Михайловой к их труду, в основном выполняли свою работу качественно. Елена все завершённые работы принимала сама, если же обнаруживала брак в работе, то заставляла её переделывать. Вот и сегодня, принимая работу по штукатурке стен, она обнаружила их неров-

ность. Тогда она вызвала генерального подрядчика и строго ему сказала:

– Геннадий Дмитриевич, вы почему не контролируете своих рабочих и сдаёте мне такую некачественную работу? Смотрите, какой большой зазор между стеной и измерительным прибором. Вы же сами знаете, что никакого зазора не должно быть, а он у вас больше одного или двух сантиметров. Я такую работу не приму. Всё переделайте согласно установленным требованиям и по уровню всё перемеряйте. В противном случае никаких денег за этот труд я не выдам.

– Хорошо, Елена Васильевна, всё переделаем, но мы не уложимся в срок.

– Нет, Геннадий Дмитриевич, работа должна быть сдана в срок. А иначе я с вас взьму неустойку в размере двадцати процентов от стоимости объёма работ. Ведь так у нас с вами в договоре предусмотрено?

– Так, Елена Васильевна, но у меня мало времени осталось, и дополнительных штукатуров нет.

– Это, Геннадий Дмитриевич, ваши проблемы. И они меня волновать не должны, где вы будете искать штукатуров!.. Работайте в выходные дни, в ночное время, но за использование электроэнергии в ночное время вы должны будете заплатить. Кстати, вы проверяли, как ваши работники делают окна и вставляют их в оконные проёмы? Там же тоже идёт брак. Пойдёмте.. Смотрите, окно очень плохо запенено к прилегающей стенке.

– Мы это, Елена Васильевна, сейчас же устраним.

– Геннадий Дмитриевич, обратите внимания и на полы, они же тоже с отклонением от ГОСТа идут. Вы же чаще бывайте на стройке, контролируйте, следите за всем! А то смотрите, какое безобразие!.. Я – заказчик, и за вашими рабочими слежу с утра до вечера. А вы – подрядчик, должны быть здесь по своим обязанностям и этим заниматься, за это я вам деньги плачу, а вас нет!.. Мне такой подход к работе с вашей стороны совершенно не нужен!..

– Я, Елена Васильевна, всё понял. Я усилю контроль и ежедневно буду здесь бывать и проверять качество работ и срок их выполнения. Обещаю, больше такого не

повторится.

Обойдя все четыре этажа корпуса вместе с генеральным подрядчиком, акцентирую внимание на каждой бригаде, указав на недостатки в работе, уставшая Михайлова лишь поздним вечером отправилась домой, где её ждала сестра.

– Томочка, я так рада, что ты пришла. Моя же ты дорогая сестричка, ты мне всегда своим присутствием радость приносишь.

– А что это, Леночка, ты так поздно домой приходишь? И такая уставшая?

– На работе задержалась, на стройке корпуса была, мы его уже скоро будем заканчивать. Добыла ещё денег, и девятый начинаем строить. Забот невпроворот на стройке, да и в учебном процессе боюсь что-то упустить. Вот и приходится домой поздно являться.

– Это нехорошо, Елена, что ты по столько часов работаешь. Ты же трудишься фактически по двадцать часов в сутки. С утра до вечера то на стройке, то в деканате пропадаешь. Приходишь домой и тоже всю ночь пишешь и пишешь... Куда это годится? Загубишь своё здоровье. Оно у тебя и так слабое, целый воз разных таблеток принимаешь.

– Томочка, вот отстрою корпуса, поставлю учебный процесс на соответствующий образовательный уровень, и тогда мне будет полегче. Поменьше стану работать.

– Да ты, Елена, мне об этом уже не раз говорила, а сама вот пашешь и пашешь, как вол. В таком режиме работать, как ты, и вол бы, мне кажется, не выдержал. То ты кандидатскую диссертацию писала, то докторскую, то организовывала и защищала межвузовскую кафедру, то ты открывала специальность "Право", то строила Храм, то сейчас ты готовишь аспирантов, строишь корпуса и пишешь свои духовные произведения. Нельзя же так много работать, сбавь темп на половину.

– Если, Томочка, я сбавлю темп, то я не выполню всего того, что мне в жизни необходимо сделать. И кроме того, ты же видишь, мне Господь помогает, поэтому не так уж я и устаю, и у меня, слава Богу, всё ладится. Поэтому, дорогая сестрица, не сердись на меня, что мало

внимания тебе уделяю...

- Да мне-то ты ещё нормально уделяешь внимания, вот Владимир звонил, он слегка жалуется на тебя, что ты ему нечасто звонишь и не очень-то приглашаешь в гости. Ты что к нему совершенно равнодушна?

- Я действительно, Томочка, ему в последнее время звоню реже. Но зато Сашенька ему звонит каждый день, неделю назад в гостях у него был. Сашенька его очень любит и относится к нему как к родному отцу. Не все родные дети так относятся к своим родителям, как Александр относится к Владимиру.

- Ну а ты, Елена, что совсем Владимира не любишь?

- Я же тебе, Тамара, уже как-то говорила, люблю я его. Люблю его очень и де юре являюсь ему женой, но де факте я никогда ему не стану женой. И молю Бога, чтобы я с ним не нарушила обет, данный Господу. Я отношусь к нему как к брату и не больше. Хотя иной раз так хочется его ласки, нежности, мужского внимания, что мне бывает трудно удержаться от соблазна распахнуться к Владимиру всей глубиной своей любви. Но я тут же вспоминаю сказанные по этому поводу слова покойного схиархимандрита Тимофея и речь Ангела, приснившегося мне, когда я выходила из комы. Вот поэтому я, сестричка, и стараюсь не нарушать обет, который дала Господу. Я и стараюсь держаться с Владимиром похолоднее и относиться к нему не как к мужу, а как к брату. Хотя я знаю, что он меня тоже любит и, кажется, очень...

- Ты же, Леночка, этим его очень мучаешь. Дай ему свободу. Пусть он найдёт себе другую женщину и женится.

- Да я ему, сестричка, не раз об этом говорила, а он и слушать не хочет, говорит, что его такие отношения устраивают.

- Сложно мне, Елена, признаться, понять ваши взаимоотношения. Любите друг друга, являетесь мужем и женой, а не принадлежите друг другу. Я бы, наверное, не выдержала бы ни за что.

- По силе каждого в этой жизни дорога даётся. По ноше, Томочка, и судьба верстается.

- Что же, сестричка, тебе такая сложная стезя про-

легла?

– Томочка, да я же только что сказала, что человек рождается со своей дорогой жизни. А судьба, вероятно, определяется секундой, минутой рождения, в которых на небесах ниспослан путь единения человека, доли и мига секунд, являющих букет разноцветья дорог. Вот каждый и должен пройти по этим дорогам, которые ниспосланы свечой судьбы, которая, как я полагаю, ещё наполнена и генетикой наших родителей, их делами, совершаемыми по жизни. Эти компоненты и определяют появление нас на свет через волеизъявление Господа, дарующего нам жизнь. А уж как мы пойдём по этой жизни, то здесь большая и наша воля выбора пути лежит к добру и злу. Здесь мы в большей степени сами являем эти качества.

– Ой, Леночка, ты так здесь сложно говоришь, но, мне кажется, я всё же поняла. Да.. Многое зависит от нашего внутреннего состояния души, когда идёт зачатие ребёнка. Так ведь, Леночка? Как ты думаешь?

– На мой взгляд, Тамара, совершенно верно. Судьба ребёнка, его разум, способности, духовность и, естественно, дорога жизни зависят также и от состояния и зова души родителей в момент зачатия ребёнка. Какие мысли и чувства у родителей: или они обращены к сладострастию или же чистые помысли, направленные к Богу с просьбой даровать будущему ребёнку счастливую судьбу, то есть трудолюбие, усердие, любовь к Богу, к родителям, к людям, духовность, состоятельность, сострадание и ряд других качеств, которые родители хотели бы видеть в своих детях. Мир очень сложный, но всё вокруг нас взаимосвязано: и плоть ребёнка с родителями, и их помысли к содеянному, к Богу, и ответная сторона Господа к нам и к нашим делам.

– Что ты мне, Лена, это раньше не рассказала? Сказала бы ещё в девичьей поре, то у меня было бы совсем другое отношение к бракосочетанию и рождению ребёнка.

– У тебя, сестрица, и так, слава Богу, всё хорошо.

– Нет, Леночка, у тебя дети более одарённые, чем мой сын. Они вон у тебя отличники, старательные какие, ты

с ними и забот никаких не знаешь, с детства вели себя как взрослые.

– Да, слава Богу, Господь послал мне хороших детей. Ты права, у меня с ними проблем никаких нет. Они во всём мне помогают, я в них чувствую опору и поддержку. Но и Олег твой прекрасный парень, я его тоже очень люблю. Он мне тоже очень помогает, на строительстве Храма вон трудился всё своё свободное время. Вчера приезжал помогать корпуса ремонтировать. За это я ему очень признательна и благодарна.

– Кстати, Леночка, когда же ты свои корпуса в эксплуатацию сдаёшь?

– Скоро, совсем скоро восьмой корпус будет готов. А девятый и одиннадцатый попозже. В этих корпусах тоже хорошо продвигается работа. Так что, Тома, скоро будем переезжать в новые корпуса и вести в них учебный процесс. Студенты и преподаватели уже никак не ждутся. И все спешат и старательно трудятся. Восьмой корпус практически уже готов, осталось крыльцо недоделанное, там работы дня на три осталось.

– А ты, Лена, освящать корпус будешь?

– Конечно, сестрица... Батюшка Игорь договорился с Митрополитом Иоанникием, и он согласился восьмой корпус вместе со своими приближёнными и батюшкой Игорем освятить. Этот корпус фактически был заброшенным, и чего там только не творилось... А я хочу, чтобы для моих студентов и всех работников в этом корпусе была благодать, и Господь бы ниспослал нам милость и благополучие. Мне так, Томочка, хочется, чтобы мои студенты познали счастье, полётность души в стенах этого корпуса, ведь они прекрасные, разумные, светлые дети. В них, сестрица, вечность лучезарного крыла.

– Ты, их, Леночка, похоже, очень любишь.

– Я их люблю, Тамара, зовом педагога и матери, а иначе я бы не торила к ним путь и не старалась бы для них так трудиться. Конечно, не буду лукавить, но прежде всего и больше всего я люблю Господа Бога, детей, тебя, Томочка, ближних, но и студентов своих я тоже люблю. И вот послушай, для них я написала такое стихотворение, которое называется "Студенчества величия крыло", им

я буду поздравлять их в день посвящения в студенты:

**Люблю студентов сердцем педагога
И матери с открытой душой.
Я к вам парю распахнутой восторгом
Поэзии, что льётся в вас рекой.**

**Ведь в вас она, как солнце, полыхает.
В вас трепетность прекрасна и светла.
В вас молодость и разум процветают.
В вас вечность лучезарного крыла,**

**Которая мир знаний озаряет,
Даёт познаниям высоко расти,
Дорогу доли вашей освещает
И помогает счастье обрести.**

**И как декан поэтому желаю
Усердья вам в намеченном пути.
Всей глубиной сердечности зываю
Достойно путь студенчества пройти.**

- Чудесное стихотворение! Ты, Леночка, умеешь выразить своё состояние души и своей открытостью проникать в сердца людей. Думаю, студентам это стихотворение понравится, они поймут его суть и будут отвечать тебе взаимностью. Жаль, что мама умерла и не слышит твоих прекрасных стихотворений, не видит твоих стараний и достижений.

- Томочка, мне как-то давно сказал схиархимандрит Тимофей, что наша мама в мире ином всё о нас знает. Так что ты не печалься, но молиться о маме нам в память о её добрых делах, о её любви к нам надо. При молитвах фактически наша мамуля видит нас ярче и ощущает наше тёплое состояние души...

- Леночка, какое счастье иметь такую духовную сестру как ты. Тебе по жизни легла очень тяжёлая стезя, но ты от неё не сломалась, хотя от боли падала, затем вновь поднималась и продолжала свой титанический труд наставника, просветителя и поэта-проповедника. Ты же столько много написала духовных произведений: и "Поэму об Иисусе Христе", и "Поэму о Чудотворной Иконе Божьей Матери "Скоропослушница", и "Поэму о Святом

Иоанне Крондштадтском", и "Поэму о Святой Велико-мученице Варваре", и "Поэму о Святой мученице Лидии", и "Поэму о Чудотворной Иконе Пресвятой Богородицы "Геронтисса". И даже книги издала духовно-исторические, такие как: "Равноапостольная княгиня Ольга", "Святой Апостол Андрей Первозванный", "Боже, укрой нас спасеньем", "И к Богу хочется мне руки простирать", и множество стихов, на которые положена музыка. Эти произведения в виде псалмов и молитв звучат не только у нас в стране, но и за рубежом. Вот и студентам юридического факультета повезло, ты для них издала учебник "Каноническое право". Леночка, скажи, этот учебник впервые издан в Украине и о чём он?

- Да, действительно, не только в Украине, но фактически на всём постсоветском пространстве впервые разработан учебник "Каноническое право", предназначенный для изучения данной дисциплины студентами юридических вузов. В нём освещается теория и история возникновения и развития общественных норм религиозного характера, источники канонического права, содержание основных канонических правовых институтов. Представлена характеристика применения церковного права, проанализированы взаимоотношения Церковной и государственной власти в различные исторические периоды и на современном этапе развития украинского общества. Внимание студентов акцентируется на роли и значении канонического права для формирования нравственной позиции и профессионального уровня будущего юриста. Показано воздействие канонического права на духовно-нравственное развитие общества, на гуманистическую направленность современного права. Рассмотрены основы канонического права современных христианских вероисповеданий, а также нехристианских монотеистических религий.

- Леночка, это, наверное, за твои муки и твою верность к Богу Господь дал тебе такую благодать, что ты смогла написать такие значимые и великие духовные труды. Такие книги, по идее, должны были бы написать священнослужители, а Бог ниспослал написать их тебе. Ты, вероятно, у нас святая и безгрешная.

– Что ты, что ты, Тамара! Какая же я безгрешница?! Я великая грешница... Безгрешный и совершенный у нас только Бог. Господь наш Творец, Промыслитель и Спаситель. Им мы и живём, и движемся, и существуем. Все мы производны от Господа. Но к великому сожалению, мы не исполняем или не все исполняем Заветы Господа, в том числя и я, грешница. Ты вспомни, сколько много я в жизни нагрешила, что на это мне Ангелы во сне указывали, а схиархимандрит Тимофей в глаза говорил о моих прегрешениях. Но по милосердию Спасителя, по молитвам батюшки Тимофея, а, может быть, и других и моим молитвам и раскаянию я прозревала и снова вставала на путь, дарованный мне Господом.

– Леночка, скажи, а ты сейчас счастлива?

– Конечно, счастлива, Тамара... Я глубже прониклась верой в Бога и частенько чувствую поддержку Господа, Богородицы, Святых, твою, твоей семьи, детей, родных, студентов, преподавателей, простых людей, администрации и, безусловно, Владимира. Он мне очень во всём безотказно помогает. Я ощущаю, сестрица, полётность и восторженность души, жажду жить и творить добро людям, учить студентов, вести просветительскую работу. Я буду продолжать писать духовные, лирические, исторические произведения, коль мне, как ты, Тамара, говоришь, Господь дал дар поэтического пера и призвание проповеднического пути. Не случайно, наверное, Творец убрал меня с дороги ракетостроения и направил на иную стезю, на ту, по которой я сейчас и иду. Правда, я к этому пришла через лишения, боли и муки. Но, во-первых, чем труднее путь, тем слаще результат. А, во-вторых, я сама виновата, что я не пошла по этой дороге с самого начала, ведь именно её я чувствовала в глубине души, но не послушала зова и свернула в сторону, не к Господу, а к Николаю Ивановичу. Я пошла учиться в тот вуз, который закончил он в угоду любви к нему и греховности своей, а никак не в угоду нашему Спасителю. И, слава Богу, что я хотя через лишения, но нашла себя и встала на путь, как ты мне, Тома, сказала, ниспосланный Господом. И поэтому, сестричка моя дорогая, я очень счастлива и довольна своей судьбой.

– Я рада, Леночка, за тебя, что ты, наконец-то, обрела покой души и радость жизни.

Сёстры долго ещё общались, ведя сокровенный разговор между собой, пока не зазвонил телефон. Это звонил Владимир из Харькова:

– Леночка, я тебя не разбудил?

– Нет, Володенька, мы здесь с сестрицей ведём душевный разговор. И о тебе вспоминали.

– Надеюсь, не ругали?

– Совершенно не ругали, а хвалили тебя за то, что ты у меня такой прекрасный братец. Я по тебе уже очень соскучилась. Когда ты приедешь?

– Да хоть завтра... У меня есть возможность приехать, Леночка, а ты всё не зовёшь.

– Володенька, а что ты ждёшь приглашения? Здесь же твой дом, я всегда рада твоему приезду и общению с тобой. Ты же знаешь, я тебя очень люблю, дорогой мой человек, золотой мой братец.

– Спасибо, Леночка. Тогда ждите, завтра я приеду часов в девять. Надеюсь, к этому времени ты уже будешь дома?

– Я постараюсь. Но в случае чего тебя встретит Сашенька.

– Хорошо, Леночка, целую, обнимаю, до завтра.

– До свидания, Володенька, прекрасных снов и счастливой дороги.

Повесив трубку, Елена направилась к сестре, а она уже безмятежно спала на диване. Елена укрыла её пледом и пошла дописывать "Поэму о пути Господнем и Его избранных".

При написании этой поэмы основой для Елены послужили книги священного писания Ветхого и Нового Завета, Толковая Библия, книги "Жития Святых", труды Древних Отцов и Учителей Церкви, а также был использован и труд нашего современника – Его Блаженства, Блаженнейшего Владимира, Митрополита Киевского и всея Украины, Предстоятеля Украинской Православной Церкви.

В своей поэме Елена старалась раскрыть возвышенные идеалы и духовные истины, которые открылись

человечеству через Господа нашего Иисуса Христа. Михайлова писала эту книгу с большим волнением и старанием, понимая что в настоящее время большинство людей не получило духовного воспитания, находясь в постоянных заботах и суете современного мира. Людям трудно бывает ориентироваться в священном писании без посторонней помощи. И вот Елена старалась оказать помощь, излагая Слово Божье с помощью поэтических приёмов, доступных читателю любого возраста и любого сословия, пытаясь адаптировать тот язык, которым в своё время были написаны священные книги, под современный, понятный всем.

Когда книга вышла в свет, то она сразу же стала широко известным произведением среди читателей. Они присылали на имя Михайловой множество отзывов. Был среди них и отзыв Митрополита Луганского и Старобельского Иоанникия, который писал о том, что ни один мудрец не дал ответа на вопрос о том, каково предназначение человека и в чём смысл его жизни.

И только Христово учение показало, что смысл жизни всякого человека заключается в том, чтобы восстановить и возродить в себе искажённый грехом образ Божий.

Такой труд совершила Елена Васильевна Михайлова, написав "Поэму о пути Господнем и Его избранных".

Нет ни одного произведения, которое по своей глубине могло бы сравниться с Евангелием. Однако есть люди, обладающие величайшим даром осмыслить Божественную Истину и делиться плодами своего поэтического творчества с ближними. Именно к таким духовно богатым натурам и относится поэтесса Елена Васильевна Михайлова.

Господь наградил её многими дарованиями. Её отличает доброта души, трудолюбие, работоспособность и ответственность.

Неизменно строгая к себе во всём, она благожелательно и с любовью относится к окружающему миру. Именно это святое чувство подвигло заслуженного юриста Украины, доктора юридических наук, профессора взяться за поэтическое осмысления Евангелия.

А схиархимандрит Кирилл, духовник Свято-Скорбященского женского Монастыря города Старобельска, прочитав "Поэму о пути Господнем и Его избранных", написал в своём отзыве, что этот труд идёт навстречу самой настойчивой потребности всего христианского общества.

В наше тревожное и неутешительное время, когда многие потеряли в себе не только образ Божий, но и человеческий облик, когда на всех континентах разгораются войны голос "Поэмы о пути Господнем и Его избранных", её духовная поэтическая энергия призывает людей к покаянию и желанию перековать "...мечи свои на орала и копьё свои - на серпы.."

И прозорливый батюшка Кирилл ещё добавил: "Да, неподдельная похвала добрых дел не может затмить наше сознание, она утверждает, что все таланты от Бога и что... получивший пять талантов пошёл, употребил их в дело и приобрёл другие пять талантов. Точно также и получивший два таланта приобрёл два.."

Елена поняла, что схиархимандрит Кирилл намекает на то, что дар написания поэмы идёт от Господа и талант нельзя зарывать, а трудиться надо, не жалея сил. И похвала не должна затмить сознание, значит, я должна быть скромнее и не заболеть звёздной болезнью. А с большей любовью работать, помня, что копьё Господь дал талант, то Он по нему и спросит. И Михайлова вспомнила, как любил об этом говорить схиархимандрит Тимофей, общаясь с ней. Елена также вспомнила и то, как утешал её батюшка Тимофей, когда она скорбно плакала при расставании с ним в колонии. Ведь он признался Елене, что скоро покинет землю, и эта встреча с ним последняя. Но батюшка Тимофей обещал Елене, что не оставит её одну, и она встретит на пути светлого, доброго и прозорливого схиархимандрита Кирилла. И батюшка Кирилл будет дальше вести её по жизни, наставляя на жизненный путь.

Так оно и произошло. Через некоторое время после смерти схиархимандрита Тимофея Елена случайно на улице встретила схиархимандрита Кирилла, который сам к ней подошёл и сказал:

– Не плачь, Елена. Не убивайся по батюшке Тимофею, он в Раю и там молится Господу о тебе и меня к тебе на помощь взывает. Вот я к тебе и пришёл, а служу я духовником Свято-Скорбященского женского Монастыря города Старобельска. Я и есть схиархимандрит Кирилл...

Первое время у Елены не получалось встреч с батюшкой Кириллом по различным причинам, но Михайлова полагала, что по грехам её и вине, а не из-за отсутствия времени. И так подумала Елена из-за такого случая в её жизни. Однажды в Донецкий Храм привезли из Афона Икону Пресвятой Богородицы "Геронтисса". Сын с Ленусенькой ходили в этот Храм и принесли ей маленькую брошюру в качестве пояснения. Игорь отдал её матери и сказал:

– Мама, почитай.. Эта Икона у нас впервые. Тебе о ней необходимо знать.

– Сын, у меня времени в обрез, мне надо сегодня вычитать все эти десять статей, которые завтра должны идти в сборник, поскольку его срочно надо сдать в печать.

– Мама, давай тогда я сам тебе почитаю эту брошюру, это займёт немного времени.

– Сын, но я тебе уже сказала, что я очень занята и не могу уделить внимание сейчас этой брошюре об Иконе.

И недовольная Елена взяла эту брошюру из рук Игоря и бросила её на стол, а сама стала читать дальше статью своей ученицы. Но, к великому удивлению, она не могла читать, все буквы сливались в единую жирную полосу. Михайлова испугалась и стала молиться, но и после усердного покаяния она не смогла прочитать ни одного слова. Елена поняла в чём состоял её грех, она так пренебрежительно отнеслась к Иконе "Геронтисса", к Богородице, и Господь наказал её. Елена пригласила Игоря и попросила, чтобы он прочитал эту принесённую для неё брошюру. Но и после этого она продолжала не видеть слов. Тогда Елена в большом страхе, рыдая, спросила у сына:

– Игорь, что же мне делать?

– Мама, ты же сама виновата.. Разве можно так относиться к Богородице? Теперь молись, проси у Неё про-

шения, Она милостива, возможно, простит. И я буду за тебя молиться, но всё это во власти Божьей.

Елена всю ночь напролёт молилась. Однако читать она не могла. Все слова продолжали сливаться в одну жирную полосу. Напрасно она одевала очки, читала через лупу, но всё равно не могла прочитать ни единого слова. Вот тогда Елена и вспомнила про схиархимандрита Кирилла и поехала к нему в Монастырь.

– Ну что, Елена, наконец-то ты ко мне приехала.. Нужда ведь тебя ко мне пригнала, а то ты ведь всё ещё собиралась бы.

– Простите, батюшка Кирилл, правду вы говорите.. Виновата я и перед вами, и перед Богородицей, и перед Господом..

– Ну что же это ты, Елена, времени на Владычицу, Божью Матерь пожалела? И своих студентов, аспирантов поставила выше Богородицы! Воззрела Владычица твою неблагодарность и бездушие. Теперь вымаливай прощение.. Молись три дня подряд, затем ещё молись, чтобы во искупление своих грехов и прощения нашей Спасительницы ты написала книгу о Чудотворной Иконе Пресвятой Богородицы "Геронтисса". И там обо всём этом напишешь. И кроме того, пусть по твоему сну, который тебе приснится, художник нарисует Икону. Поняла, Елена?!

– Поняла, батюшка Кирилл..

– Ну коль поняла, то с усердием спеши исполнять.

И Михайлова поехала домой. Дома она раскаянно молилась, встав на колени, прося у Богородицы, Господа Иисуса Христа прощения. И к великому счастью Елена вновь стала видеть и, как прежде, могла читать. Одухотворённая, она с великим старанием изучила всю добытую литературу об Афонской Иконе. И зовом души и с помощью Пречистой Владычицы написала "Поэму о Чудотворной Иконе Пресвятой Богородицы "Геронтисса". Икону она повесила в Свято-Благовещенском Храме.

И Елена помнит, как ей приснился один сон, затем второй, в которых она видела Богородицу несказанной красоты. Во сне Владычица говорила Елене много добрых

слов и просила её, чтобы она сумела передать этот Образ, где Она стоит с детьми, чтобы художник именно так сумел запечатлеть Богородицу с детьми и чтобы называлась эта Икона "Прощение".

Из снов и состояния души Елена поняла, что Богородица простила её. Михайлова написанную "Поэму о Чудотворной Иконе Пресвятой Богородицы "Геронтисса" быстро опубликовала, и эта книга вышла в свет, пользуясь спросом и популярностью. Также Елена нашла художника, он по словесному описанию Образа нарисовал Икону "Прощение", которая была освящена в Свято-Благовещенском Храме.

После этой проделанной духовной работы дела на юридическом факультете, как в учебном процессе, так и в науке, пошли оживлённее, лучше и качественнее. Елена сумела на свой сборник получить международный номер. Этот научный сборник стал издаваться на русском, украинском и английском языках, он пользуется успехом среди учёных и студенческих коллективов не только в Украине, но и за рубежом.

Михайлову стали высоко ценить за её огромный труд не только на родном юридическом факультете, но и далеко за его пределами.

Окрылённая такой высокой оценкой своего труда, Михайлова с большим старанием трудилась на всех направлениях. Её студенты уже учились в отстроенном восьмом корпусе, а в девятом работы по строительству заканчивались. Весь двор Елена смогла заасфальтировать. Корпуса возвышались, вызывая своей красотой и доброжелательностью. Но Елена темп работы так и не сбавила. Она написала много духовных, лирических, исторических и детских книг, учила студентов, растила учёных. И за вклад в развитие науки и литературы Елена, как ей и предсказал батюшка Кирилл, была награждена десятью орденами и одиннадцатью медалями и Президентом Украины, и Предстоятелем Украинской Православной Церкви, и международными организациями.

За активную работу в Украине и на международном уровне Елене Васильевне Михайловой присвоили зва-

ние генерал-лейтенанта Международного комитета защиты прав человека. Она стала академиком двух международных и двух украинских Академий. Кроме звания заслуженного юриста Украины Елене присвоили и звание заслуженного деятеля науки и техники. Ею написано около трёхсот научных трудов. Более, чем на сто двадцать её произведений, написана музыка.

Стихи, которые обрели своё музыкальное выражение в гимнах, молитвах, псалмах, вальсах, романсах исполняются профессиональными певцами и хорами, звучат по телевидению, радио, в Церквях, филармониях, на международных фестивалях и в учебных заведениях. С музыкальными произведениями на стихи Михайловой вышли в свет около десяти дисков.

Елена написала более тридцати различных книг, в которых она стремилась раскрыть духовную стезю Святых. И в первую очередь много книг посвятила Господу Иисусу Христу и Спасителю, Владычице и Богородице, помня наказы Ангелов и схиархимандрита Тимофея, схиархимандрита Кирилла. Книги Михайловой стали широко известны не только в Украине, но и далеко за её пределами.

На её адрес приходит множество писем. Вот и сегодня она получила письмо такого содержания: "Здравствуйте, дорогая Елена Васильевна! Пишет вам Даша Уханова. Мне тринадцать лет. Я живу в Киеве. Прочитала все ваши книги. Так они мне понравились, что многие стихотворения я выучила наизусть. Ваши стихи очень легко и интересно читаются, поэтому я несколько раз перечитывала книги, особенно "Поэму об Иисусе Христе". Когда мы с мамой её читали, то даже плакали. Теперь я не расстанусь с этой книгой. Она мне помогает учить уроки и быть старательной. Я её постоянно ношу в портфеле, а когда ездила в Воронеж к бабушке в гости, то брала её с собой. Часто хочется взять одну из ваших книг и прочитать пару стихов. Но я настолько зачитываюсь, что сижу и не могу оторваться. Вот и сегодня с родителями я ходила в Киево-Печерскую Лавру, и Ваше стихотворение "Храм" постоянно было в памяти:

**Вот Храм святой стоит, сияя солнцем.
Иду в душе с распахнутым оконцем,
В него вхожу и взор бросаю к Богу.
Ему служу. Его внимаю слогу.
Я в нём цвету. В душе моей – отрада.
Я им дышу. Мне большего не надо.**

Как это проникновенно! Елена Васильевна, я живу и другими Вашими стихами. Особенно мне нравится о маме, о бабушке и братике Артёмке:

**...Обниму я дорогую
Бабусеньку мою.
И ей песенку родную
С чувством пропою.
Посидим все вместе рядом
Долго за столом.
И от счастья белым садом
Расцветёт наш дом.**

Спасибо Вам за Ваши книги. Я желаю Вам написать ещё много-много! Мне очень хотелось бы, чтобы мы изучали ваши стихи в школе. Я уверена в том, что все дети будут их читать с большим интересом.

Валя Даша
ИММИМАИГАГА.
27 августа 1999 г."

Прочитав письмо, Елена подумала: "Чистый, добрый, светлый ребёнок растёт. Побольше бы таких детей в мире было, тогда бы меньше зла на земле всходило, и люди ощущали бы в своих сердцах радостное удовлетворение. Надо этой Дашеньке ещё несколько книг выслать, коль она так до слёз любит мои произведения".

И пригласив в свой кабинет секретаря, Елена сказала:

– Ирина, вышли на адрес Даши Ухановой книги: "Поэму о Чудотворной Иконе Пресвятой Богородицы "Геронтисса", "Зов доли", "Лазури трепетная даль" и духовно-исторический роман "Святой Апостол Андрей Первозванный", а также духовный диск "Восславие Госпо-

ду". Отпечатай по моему образцу сопроводительное письмо, я подпишу его. И можешь идти домой, а я ещё одно письмо читаю.

В письме излагалось следующее: "Как здорово, что Господь нам дал познакомиться с Богоносными произведениями Елены Васильевны Михайловой. Они – праздник для души и духовная пища. Они очень необходимы сейчас, когда искусство, которым торгуют на нравственном базаре – маргаринное, с большими примесями смертельных для истинного искусства веществ.

...Дело это нешуточное. Отрава духовная намного опасней отравы телесной. Спасибо Вам, Елена Васильевна, за то, что в своих произведениях помогаете читателям познать глубину Господней благодати, направляете их на путь любви, единственно верный для нормального существования общества. Мы в семье с удовольствием прочли Ваши книги: "Боже, укрой нас спасеньем", "Равноапостольная княгиня Ольга", "Поэма о пути Господнем и Его избранных" и "Поэма об Иисусе Христе". Вы заставляете нас думать о душе, как о хлебе насущном. Это о Вас, Елена Васильевна, сказал митрополит Трифон: "Хорошо быть с Господом на Горе Преображения, но драгоценнее любить волю Божию среди тусклых будничных трудностей и выходить навстречу Христу среди бури, и поклоняться Ему, и благодарить Его, когда Он на кресте".

Господи, дай сил рабе Твоей Елене делать добрые дела и дальше.

P.S. Глубокоуважаемая Елена Васильевна, Вы простите меня, пожалуйста, но говорят, у вас ещё и другие книги написаны и есть духовные диски. Если можно, то вышлите все эти Ваши произведения в нашу областную библиотеку. Люди очень хотят читать Ваши книги, но не могут их нигде найти. Я сам ваши книги на время выпросил у нашего батюшки Александра.

С любовью к Вам
семья Жаричких, город Харьков".

Елена, озадаченная проблемой, которая заключалась в том, что её книги не доходят до читателей, решила на-

править во многие библиотеки почти весь перечень книг и дисков. Кроме того, двадцать пять книг и четыре диска отправила на свою Родину, столько же книг и дисков подарила Казанской областной библиотеке, Московской библиотеке и другим библиотекам и Храмам России, Украины. А трилогию – "И к Богу хочется мне руки простирать", "Поэму об Иисусе Христе" и "Поэму о пути Господнем и Его избранных" – Елена направила в сорок семь стран мира. Многие духовные отцы выразили Елене свою благодарность за такой её великий и титанический труд, за собрание строго определённых Церковью Богодуховных книг. Трилогия стала востребована не только среди священнослужителей, но и среди простого народа, поскольку, как писала Иванова Зинаида Гавриловна: "...Елена Васильевна, я уверена, что Ваша трилогия станет настольной книгой не только для людей зрелого возраста, но и для молодёжи. В наше смутное время очень трудно достучаться до заветных уголков души, и тем более глубокой духовности. А Ваша трилогия будет для них настоящим откровением о Боге, тем букварём, который открывает путь к Господу, к Его Великим Творениям, заставляет о многом задуматься, осмыслить истинные ценности данной нам жизни".

Получаемые отзывы, письма от священнослужителей и простых людей на изданные книги заставляли Елену ещё больше трудиться во славу Господа и добрых деяний для народа. Она узнала, что её книги востребованы и стремилась нести свою миссию просветительницы, поэта-проповедника всей глубиной своей души. Михайлова была очень рада тому, как ей казалось, что она искупает свою вину перед Господом, Владычицей всей сутью своей жизни. Елена поняла, что в жизни в любом направлении надо стремиться к восславлению Господа и растить в себе желание дарить людям облегчение и радость.

"А в противном случае, – подумала Елена, – любая дорога, если она не ведёт к Господу, добру, любви, милосердию, то это лишь суета сует и не более в нашей жизни. А я в молодости не совсем распознала смысл жизни и поэтому делала ошибки, за что и наказывалась Господом и Богородицей в моё же спасение. Видать, спасение

души ткётся через тернии дорог, где прорастают искушения, соблазны и другие греховзывающие явления. Но если бы я сразу жила с заповедью Иисуса Христа и больше всех возлюбила бы Господа всем сердцем своим, всею душою своею, всем разумением своим, то я бы таких испытаний не имела, которые я прочувствовала в жизни. Но, слава Господу, мне Бог не дал упасть в бездну, а удерживал меня на краю пропасти, взывая и возвращая снова и снова на тот путь, по которому я должна идти, освещая мою судьбу свечой спасения, а она то почти гасла, то ярко разгоралась в моём жизненном пространстве, даря мне осмысление чаще всего через Ангелов, прозорливых людей и через воззванных мною Господа и Богородицу. И прости меня, Спаситель и Владычица, что я чинила грехопадение. Воздай мне силы, чтобы я больше не оступалась в своей судьбе, а вела в благочестие тропу жизни и трудилась бы в восславление Господа и для счастья народа".

Елена ещё долго размышляла над своею судьбою и своими ошибками, пока к ней не подошёл Владимир и не спросил:

– Леночка, ну куда ты подевалась?!

– Да здесь я, Володя... Вот на брёвнышке у цветущей вишни сажу...

– Подвинься, дорогая, я возле тебя присяду.

– Присаживайся, брёвнышко хоть и старенькое, но нас с тобой выдержит.

– Леночка, а мне кажется, что ты какая-то грустненькая? О чём ты думала?

– О жизни, о своей судьбе размышляла...

– А меня, Леночка, ты в своей судьбе видела или уже не видишь?..

– Видела и вижу, мой Володенька. И ты прости меня, что я всё же тебе причиняю боль и в какой-то степени неуютность. И не даю, наверное, счастья...

– Ничего подобного, никакой неуютности я с тобой не ощущаю. Ты же, Леночка, меня любишь?

– Люблю, Володенька, но только лишь как брата, ты же сам знаешь об этом.

– Знаю, Леночка, но я всё равно с тобой очень счастлив. Мне никто другой не нужен, лишь бы была возмож-

ность тебя видеть, слышать, вот так, как мы сейчас сидим с тобой, посидеть вместе, поговорить, почувствовать, что ты моя в этой жизни. Мне хочется заботиться о тебе, об Игоре, о Ленусеньке, о Сашеньке, то есть о наших детях. Они же, Леночка, душой меня воспринимают как родного отца?

– Воспринимают, Володя, и очень тебя ценят, уважают и любят...

– Вот поэтому я и очень счастлив, ведь у меня есть ты, самая прекрасная сестрица из всех сестёр на свете. Ты у меня единственная, небесная и неповторимая, дорогая моя Леночка. У нас с тобой есть милые, добрые, разумные и умилительные дети, которые очень согревают моё сердце. А ты, Леночка, счастлива со мною?

– Да, Володенька, мне с тобой радостно и уютно живётся. Богатство твоей души наполняет меня счастьем, дарует мне полётность души, которая простирается свободой, не нарушая данного мною обета перед Господом. Я тебя очень люблю чистой и проникновенной любовью. От этой любви я познала любовь, умиротворение и праведность пути, ниспосланного мне Господом. Мне кажется, Володенька, золотой мой братец, я именно с тобой ощутила полное счастье. От меня ушли метания, я приобрела твёрдый путь. И ты мне на этом пути помог и помогаешь торить ту стезю, которая определена мне судьбой. Спасибо тебе и низкий поклон, славный и любимый мой Володенька...

Елена наклонила к нему голову, улыбаясь греющей лучезарной улыбкой, а Владимир обнял её умиротворённо за плечи.

И они пошли навстречу своей жизни, прижавшись друг к другу, воркуя, словно голуби, в разливе майского дня. А ветви сада, усыпанные белым сиянием, ласкали их своим цветением и негой в просторе чарующей весны...

Р.С. Период, описанный автором, охватывает
1975 – 2000 годы.

11.11.11 г. – 17.01.12 г.
город Луганск.

СТРАЖДУЩАЯ

Она сидела на вырытом из земли, еще не обсохнувшем от влаги, бутристом камне недалеко от могилки, наполненная многогранными чувствами боли. Её разум угнетали чувства вины, безысходности, растерянности, безразличия ко всему окружающему. Великое горе, которое обрушилось на неё, словно раскаленные угли, жгло её исстрадавшуюся душу.

Слёзы крупными каплями текли по её осунувшимся щекам, срывались с её страдальческого лица и падали непрерывным дождем на её чёрное платье. Но и они ненесли облегчения, не давали расслабления и не снимали боли, поселившейся в её страждущей груди. Ей хотелось от навалившегося непреодолимого горя, как раненому зверю, рычать, одновременно врыться всем своим существом в толщу земли и раствориться в ней, чтоб освободиться от жизни, от её несправедливости и саднящей тоски, которая крепко держит её в своих тисках страдания.

Вдруг страждущая рывком встала, пошла, резко оставилась возле свеженасыпанной могилки, и, словно срезанная, пала на её холмик, где вчера была погребена её сестра, впиваясь руками в землю, уронив голову на сутлинистый покров влажной почвы, отрешённо запричитала:

– Боже, ну почему Ты её забрал? За что меня так наказал? Лишил сестру так рано жизни. Она ведь так для Тебя старалась. Во имя Тебя Нина так много трудилась, не жалея сил, не считаясь с собой. И во время болезни она столько много молилась, превозмогая непомерную боль, душой испрашивая у Тебя облегчения и чтоб Ты продлил ей жизнь на земле, снял невыносимые страдания, от которых Ниночка, как свеча, ежеминутно угасала. Видя её мучения, и я, как безумная, страстно молилась и умоляла Тебя, Всесущий, помочь моей дорогой сестре. А Ты, Господь, не услышал моё прошение. Ну почему, Владыка

Вселенной? Я ли не отношусь к Тебе с трепетом и любовью? А Ты отверг мою просьбу. Отобрал у меня Ниночку и разлучил меня с ней. Забери тогда, Боже, и меня. Я не хочу жить без неё. Для меня жизнь обратилась сплошной тоской. Твой дарованный Свет стал безрадостным, горестным и тягостным. Дом без неё опустел, наполнился снедающей остродой. Мне теперь некуда спешить, некому сказать о своём желании, достижении, невзгодах, поделиться новостью дня. Ты же знаешь, Господи, что Ниночка меня по жизни согревала своим вниманием и любовью как мать, подруга, сестра, а Ты, Боже, в одно мгновение лишил меня всего этого. Боже, в чём моя вина? За что такая кара? Какие я совершала такие великие грехи? За что Ты мне послал такое тяжкое непомерное испытание? Почему мне, Господи, ниспослана Тобою такая немилость?

Её разум словно помутился. И она всё исступленней причитала, выплёскивая лавиной своё роптание Господу. И вдруг неожиданно страждущая чётко услышала строгий голос то ли в себе, то ли он доносился сверху, который призывал её опомниться.

Сражённая этим властным зовом, она мгновенно прозрела и затрепетала. Испуганно, с глубоким волнением обратилась в своё оправдание, терзаемая горем и раскаянием ко Всевышнему с мольбою:

- Господи, прости меня! Что я наделала! Я же знаю, что нельзя роптать, а я ропщу, Боже, но на душе так невыносимо, тяжело, одиноко и больно. Я не в силах всё это перенести одна. Помоги мне. Пожалей Ты меня грешную и увидь мою истерзанную душу и услышь моё воззвание. Распахни врата рая для моей сестрички. Умоляю я Тебя, Господи, спаси Ниночку. Дай ей Царствие Небесное, чтоб я своим сотворённым роптанием не причинила ей страдания. Укрой сестру Своей милостью. Ниспошли для её души вечную благодать, обласкай Нину утешением. Не отторгни её от покрова радости. Впусти её душу в твой мир светлости, благоухания, неиссякаемого источника жизни. Всесущий, и напои меня терпением и кротостью. Облегчи мой тяжкий путь. Не допусти, Отец Небесный, совершить великий грех - наложить мне на себя руки. И без Твоей воли уйти из земной жизни. Огради меня, Гос-

поди, от слабости и дьявольского подстрекательства и соблазна. Ниспошли мне, Боже, путь облегчения. Сними с меня мои прегрешения. Прости заблудшую за неразумное роптание. Я глубоко раскаиваюсь в том, что я, грешная, посмела Тебе Всевышнему задавать вопросы и выражать своё недовольство и обиду. Господь, это всё от непомерного горя, которое затмило мой разум. На всё, Творец, Твоя воля. Ты – наш Создатель и Судья. Только Тебе принадлежит Верховенство Власти и Суда и Наисправедливейшее воззвание наказаний за наши грехи. Только Ты, Боже, можешь нас миловать и снимать с нас наши прегрешения. Я всем существом своей души прошу Тебя, Отче наш, помилуй и спаси меня, утонувшую в страдании. Услышь мои прошения. Возлей на меня силу духа, чтоб смогла я преодолеть неожиданно напавшую на меня непомерную боль, которая лишает меня рассудка.

Майский день уже клонился к закату, а страдающая всё также неподвижно лежала, обняв своим телом и руками, как крестом, холмик могилки, молитвенно испрошая у Господа прощения.

03.06.01 г.

ИЗМЕНА

Стоял июльский тёплый вечер. Катя и Алексей счастливые шли по мелководью родной реки. Волга ласкала их своим радостным прикосновением тепла и звала ощутить её простор и насладиться дарованием нежности её вод, отчего Алексей не удержался и сказал:

- Катенька, а не искупаться ли нам? Смотри, какой чудный тёплый вечер к нам с тобой явился. Волга так сердечно зовёт насладиться её очарованием, что сил нет.

- Я не против, Алексей, откликнуться на этот зов. Помнишь, как мы с тобой здесь познакомились?.. Нам с тобой тогда было на двоих двадцать лет, а сейчас уже каждому по двадцать.

- Конечно, Катюша, помню. Ты тогда была вся в бантиках и всё боялась их намочить. А я нарочно взял и облил их водой из своих пригоршней. Ты ужасно рассердилась и сильно толкнула меня, а я не удержался и шлёпнулся в воду. Вот уже с той минуты ты мне глубоко запала в сердце.

- И ты начал допытываться, как меня зовут и в какой школе я учусь.

- А ты мне, Екатерина Великая, никак не хотела говорить, а всё ругала меня, называя "балдой стоеросовой". Я про тебя у Сашки всё расспросил и на следующий день к тебе в школу пришёл.

- Я тогда, Алексей, очень удивилась, когда ты подошёл ко мне и сказал, как сейчас помню: "Дай, Екатерина, твой портфель, я его понесу".

- И ты молча подала мне свой портфель, а я проводил тебя до твоего дома. И с тех пор я частенько стал провожать тебя домой, сбегая с последнего урока. И за то, что я сбегал с уроков меня очень ругали классный руководитель и родители, но я всё равно убегал. Поэтому родители были вынуждены перевести меня в ту школу и в тот класс, где училась ты.

- А когда ты впервые пришёл в наш класс, то ты учи-

тельнице Татьяне Валентиновне сказал: "Я сяду за ту парту, где сидит Дарюшина Екатерина, а за другую парту не сяду". Однако, Карасёв Василий, который сидел со мной, не хотел уходить. Тогда ты его тут же отдубасил, за что тебя выставили за дверь и послали за родителями. Ты привёл своего отца, но и при нём сказал: "Папа, ты меня хоть убей, но я, кроме как с Дарюшиной Катей, ни с кем сидеть не буду". И тебя пожурили-пожурили, но всё равно посадили со мной.

– Да, Катенька, я это помню. И на своей шкуре ощутил, как меня лупцевали Васька и его друзья Федька и Гришка, чтобы я от тебя отцепился. Но я их потом всех поодиночке отлупил, и они оставили меня в покое, а я стал спокойно и гордо сидеть с тобой. И как тигр бросался на других, если кто пытался тебя обидеть. Я тебя уже с тех пор полюбил так сильно и всеобъемлюще, что уже кроме тебя никого не видел и слушать никого не хотел. Ты, Катенька, уже тогда так глубоко проникла в моё детское сердце. Но я себя с тобой не ощущал ребёнком, а стремился быть для тебя рыцарем, воином и никак не меньше. Поэтому я после школы, после свидания с тобой всё свободное время использовал для изучения школьной программы, насыщал себя чтением мудрых книг, чтобы казаться в твоих глазах умным, интересным и начитанным.

– Ты, Алёшенька, действительно не только в моих глазах, но и во всей школе слыл интересным и бесстрашным отроком. Мне завидовали многие девчонки. И я в тебя почти сразу влюбилась, мне были приятны твои ухаживания. Я очень восторгалась твоими познаниями в области истории, философии, литературы, а особенно в поэзии. Ты так много знал стихотворений наизусть и мне чуть ли не каждый день всё рассказывал новые и новые стихи на память. Я и сейчас, Лёшенька, хочу, чтобы ты мне читал стихи.

– С удовольствием, Катенька, продекламирую тебе новые стихи, которые я случайно обнаружил в нашей Текшской городской библиотеке. Оказывается, эти стихи написала наша землячка. Она до шестнадцати лет жила в селе Чинчурино и стала широко известным учёным, поэтом и писателем. А сейчас живёт в Украине. Эта поэтесса подарила много своих книг в школу, где она училась, и

в нашу Тетюшскую библиотеку. В ней есть красный уголок, где я и познакомился с её книгами. В них я нашёл много прекрасных стихов про любовь, они словно написаны для меня и выражают мои чувства, которые живут во мне и хотят тебе сказать о том, что:

*Ты, как роза, величава,
Пышнокудра и мила,
Искрометного ты нрава,
Ты меня с ума свела.*

*Так тобою я болею! . .
Больше жизни я люблю!
Пред тобою сердцем млею
И тебя душой молю:*

*Будь мне, Зорюшка, женою,
Мне надеждою ответь,
Ведь пленён я лишь тобою,
Крепкой верностью приветь.*

*Ты, как роза, величава,
Как ромашечка мила,
Лебединого ты нрава
И, как солнышко, светла...*

- Да, действительно, трепетное и волнительное стихотворение... Так ты с помощью него мне, Алёшенька, предложение делаешь?

- Так точно, Катенька. Я хочу, чтобы ты стала мне женой навеки, той единственной и ненаглядной, которая грела бы меня верностью на протяжении всей нашей жизни, и я буду отвечать взаимностью и безграничной любовью.

- Алёшенька, я тебе уже говорила, что я не возражаю стать твоей женой. Ну давай сначала окончим вузы: ты станешь инженером, а я профессиональной певицей. Меня уже сейчас приглашают во многие города, чтобы я там выступила со своей концертной программой. Я так люблю петь. А если выйду замуж, то боюсь, что не окончу институт и не стану профессиональной певицей. А я хочу дарить тебе радость, вдохновение своим пением, парить и гореть душой, даруя тебе счастья.

– Ну что же, моя дорогая,

*Я твоему так рад паренью,
Оно давно во мне живёт,
И мне дарует вдохновенье,
В хоромы радостей ведёт.*

*Спасибо, милая певунья,
Соловушка души моей,
Головушка, любовью буйна,
Хмельна от пылкости твоей,*

*В которой хочется разлиться,
Тебя душой одну ласкать,
С тобой хочу я к зорям взвиться
И счастьем неба полыхать.*

*И никогда не расставаться,
Сияньем солнышка ласкать,
В единстве душ хочу купаться,
В веках с тобою пребывать.*

*Ведь твоему я рад горенью,
Которое весной цветёт,
Даруя высоту паренья,
В мир счастья радостно ведёт..*

И я буду ждать тебя, моя любимая зорянушка, лучезарная и восхитительная моя певунья сердца, столько, сколько потребуется. Пусть даже пройдут и года. Я всё вытерплю, ведь я люблю тебя всей глубиной своих чувств, всем своим существом и всем смыслом своей жизни. Мне без тебя, моё солнышко, жизнь будет безрадостная, неинтересная и постылая.

– Алексюша, я тебя тоже очень и очень люблю. Ты тоже для меня свет в окошке, моя радость и опора. И я без тебя завяну, как роза, вырванная из земли. Ты тоже мой единственный и ненаглядный.

И она прижалась к Алексею своим порывом сердца, целуя его в красивые губы. Алексей, пламенея от горения своих чувств, молодости и любви отвечал Екатерине взаимностью. И они тонули в счастье, зове и желании любви.

Резвясь вольностью в порыве страсти, они не замети-

ли, как оказались на глубине. Не раздумывая, первым поплыл Алексей, а за ним и Екатерина. Наплававшись вдоволь, Алексей взял на руки Екатерину и понёс на берег.

С их одежды вода сбегала тонкими струйками на землю. Мокрые наряды холодом прошивали тело, им стало зябко. Тогда Алексей быстро набрал хвороста, сухой травы, валявшихся веток. Он подбежал к сумке, достал из неё коробку спичек и разжёг костёр, после чего сказал:

– Ну, дорогая моя лазорюшка, раздевайся. Давай у костра наши наряды сушить будем, а то как мы в город мокрыми пойдём?.. Дождя же на улице нет, нас с тобой могут неправильно понять, да и в мокрой одежде стоять холодно. Я вот целый забор смастерил из валявшихся палок, давай платье, я на него повешу. И свою одежду тоже просушу.

Екатерина послушно сняла свою одежду, повесила рядом с брюками и рубашкой Алексея. Она прижалась к нему. Стоя возле костра, влюблённые долго шептались, горя желанием выразить свои искромётные чувства порывом любви, молодости и счастья. И лишь к рассвету уставшие, но радостные явились домой. Утром Екатерина уехала на море. Алексей же остался дома в Тетюшах, чтобы помочь матери.

– Сыночек, да ты тоже бы поехал на море. Ты же там ни разу не был. А то каникулы закончатся, а ты опять не отдохнёшь.

– Нет, мама, вот тебе помогу по хозяйству управиться, заготовлю топливо на зиму, а потом пойду грузчиком на пристань поработаю, чтобы денежек подкопить. А то ведь денежки нужны, так ведь?

– Да, тяжело стало, как умер Степан.. Без него сразу, сынуля, мы с тобой нужду почувствовали.

– Ничего, мама, через два года я уже институт окончу, пойду работать, и облегчение заглянет в наш дом.

– В дом-то, Алёша, и заглянет, а в сердце нет. Мне так горестно без Степана жить, что порой совсем от боли душа разрывается. И почему-то хочется бежать за калитку и ждать его там с мыслью, что он вот-вот из-под горки выйдет. Постой-постой, а его всё нет и нет. И не появится наш Степанушка уже никогда... А сердце верить не хо-

чет, всё ждёт и ждёт. Отменный, надёжный и верный у меня был муж, а у тебя отец. Ты на него, сынок, очень похож и внешностью, и характером.. Повезёт Екатерине, если вы поженитесь. Надолго она поехала?

- Нет, мама, на две недельки.

- Да... Две недели пробегут быстро, вы не успеете друг за другом и соскучиться.

Но Алексей уже соскучился и тосковал за Екатериной, ожидая от неё телефонного звонка из Сочи. Шёл уже седьмой день их разлуки, а Катя ему так ещё и не позвонила. Она была увлечена солнцем и морем, которое манило её своей красотой, размахом и весёлым времяпрепровождением. За ней сразу же с первого дня приезда в Сочи следовал по пятам и старался предупредить её капризы директор мясокомбината Радомир Петрович. Вот и сегодня он принёс ей на пляж прекрасный золотой кулон в форме сердечка на золотой цепочке.

- Катюша, посмотри-ка... Нравится тебе мой подарок или нет? Я очень старался, чтобы он тебе приглянулся..

- Ой, Радомир Петрович, конечно, нравится. Но не надо было тратиться. Этот подарок ведь дорого стоит.

- Ничего, Катенька, дороже тебя нет. Ты такая прекрасная, зовущая, что мне доставляет огромное удовольствие дарить тебе подарки. Я тебя полюбил и жить без тебя не могу..

- А как же, Радомир Петрович, ваша жена, дочь?

- Ну что, Катенька, значит жена? Мы с ней разведёмся, на дочку я буду платить алименты. Вот и вся проблема. В нашем же государстве не запрещены разводы. И тысячи, может, миллионы так живут.

- Ну жена же вас любит. И дочка будет скучать за вами. Она же ещё маленькая?

- Моей дочке, Катенька, уже три года. Я думаю, что она не очень будет тосковать. Я с ней мало занимаюсь, в основном со Светой возится жена. Она же не работает, а занята воспитанием дочки.

- Коль вы с женой расстанетесь, то ей же придётся работать?..

- А что у нас разве мало женщин работает?.. Тогда и она, как все, пойдёт работать, а Светочку станет в детский садик водить.

Хотя на самом деле Радомир Петрович и не думал разводиться со своей женой. Ему просто хотелось поухаживать за красивой девушкой и провести с Екатериной приятно отпуск. А серьёзных намерений у него по отношению к ней не было. Но Катя ему поверила, и это было одной из причин, почему она не звонила Алексею. Алексей не находил себе места. Он не выдержал, пошёл к Катиной маме, взял у неё адрес и полетел к своей невесте в Сочи.

Он прилетел в Сочи уже к вечеру и сразу же направился в гостиницу, где жила Катя. Но её в гостинице не оказалось. Алексей пошёл в сквер, который находился недалеко от гостиницы. И вдруг он увидел сидящую на скамейке рядом с мужчиной Екатерину. Ему показалось, что она пьяна. Он не поверил своим глазам: его Катя сладострастно целовалась с этим мужчиной, приговаривая:

– Радик, я тебя люблю.. И готова хоть сейчас быть тебе женой...

– Тогда, моя дорогая Катенька, пойдём в мой номер люкс и отметим наш свадебный пир и свадебную ночь.

– Пойдём, Радик, я на всё согласна. Я хочу испытать, мой милый, с тобой это чувство.

– И я весь пылаю нетерпением, моя дорогая Катенька.

Они встали и вновь сладострастно поцеловались... Недалеко от них возле дерева стоял Алексей, и он всё видел и слышал. Его охватили стыд, гнев и разочарование. Он, как побитый пёс, пошёл к железнодорожному вокзалу, взял билет и через два часа уехал домой.

От увиденного и услышанного Алексей не мог прийти в себя. Перед глазами стояла убивающая картина: Катя целуется с мужчиной и признаётся ему в любви. "Ну как она могла, моя невеста, моя Катя, которой я доверял, которую любил, и с ней мы должны были пожениться, так поступить? Она же десять дней назад клялась мне в любви. И уже собирается быть женой другого человека. Как это можно?! Может быть, она сошла с ума? Но ведь рассуждала она адекватно... Что же случилось? Неужели любовь такая недолговечная?... Неужели чувства могут сгореть так быстро? А может Катя никогда меня не любила? И она в этом мужчине встретила свою первую глубокую и настоящую любовь? А со мною Катя все эти десять

лет играла? Да этого не может быть! Неужели её любовь такая легковесная, похотливая и неглубокая? А может быть Катя была пьяна и не давала отчёт своим действиям? Да нет, ведь когда она встала, то не качалась из стороны в сторону, а уверенной походкой пошла с этим мужчиной в его номер. И там, значит, всё было... Катя не только словами и поцелуями, но и всей своей сутью изменила мне. Боже мой, Боже! Как же мне больно всё это осознать... Как теперь мне быть? Что мне делать? Неужели жизнь окончена? Мне так плохо, что я готов расстаться с жизнью. Боже, убереги, спаси меня от самоубийства, дай мне силы пережить эту измену, предательство Екатерины. Господи, не лишай меня разума, не допусти ко мне дьявола в душу, чтобы я не натворил беды ни с собой, ни с Екатериной, а то ведь мама у меня одна. Без меня она тоже не выдержит, набросит на себя петлю или в Волге утопится. Боже, Ты укрой меня Своей милостью и ниспошли мне терпения, и воздай воли, чтобы я взял себя в руки и от боли не запил бы и не стал пьяницей. И от своих раздражающих мук не причинил бы Екатерине зла, а пересилил бы себя. Господи, помоги Ты мне в этом, прости и укроти побудившегося во мне зверя..."

Алексей всю ночь не сомкнул глаз. Он всё размышлял то над поступком Екатерины, то над сущностью любви вообще, то об их любви с Катей, то обращался к Господу с молитвой помочь ему выстоять в этой душераздирающей ситуации.

Он с трудом вышел из вагона поезда и пошёл домой. Мать сразу заметила болезненное и печальное состояние души сына, поэтому спросила:

- Алёшенька, ты не заболел? Ты что такой бледный и обеспокоенный? Не случилось ли чего?

- Ничего, мама, не случилось. Я просто устал и хочу поспать.

- Иди тогда, сынок, отдохни, а я завтрак тебе приготовлю: твои любимые блинчики с творогом.

Алексей на слова матери ничего не ответил, тут же разделся и лёг. Варвара заподозрила, что с сыном случилось что-то неладное, но не стала больше ему надоедать своими разговорами. Однако, про себя подумала: "Наверное, поругались с Катей, и из-за ссоры он так убивается..."

А Катя тем временем рыдала в Сочи. Она действительно пошла с Радомиром в его номер люкс, там они ещё выпили коньяка. И пьяненькая от спиртного и от нахлынувших чувств она предалась любвеобильной страсти, которая продолжалась до рассвета. А затем Радомир Петрович проводил Екатерину в её номер. Утром он должен был встретить жену с дочкой.

Встретив их на вокзале, Радомир Петрович посадил жену и Светочку в такси и привёз в гостиницу. По его просьбе в номере стояли цветы и был накрыт стол.

– Спасибо, мой дорогой муженёк, что ты нас так пышно встречаешь. Чувствуется, что ты за нами соскучился.

– Да, Дашенька, я очень здесь без вас тосковал... Мне вас очень не хватало, – лукавя ответил Радик. – Сейчас мы ваш приезд отметим на славу. Так ведь, моя доченька? Ты за мной скучала?..

– Так, папочка, так.. Я за тобой скучала и очень хотела на море.

– Тогда сейчас покушаем и пойдём купаться. День вон чудный стоит.

И они, позавтракав, дружно отправились на море. А Екатерина, не дождавшись Радомира Петровича, пошла в его номер. Но дверь была заперта. Горничная сказала, что к Радомиру Петровичу приехали жена и дочь, и они пошли на пляж купаться.

У Екатерины в груди словно что-то оборвалось. Она почувствовала снедающую тоску, но всё же, собравшись с духом, она пошла на море к тому месту, где они с Радомиром любили бывать. И каково же было её удивление, когда она увидела на том же месте Радомира с девочкой и женщиной. Екатерина поняла, что это его жена и дочь.

Катя постелила своё полотенце недалеко от них и прилегла на лежак. Она увидела, как женщина с девочкой встали и пошли в воду. Радомир поднялся позже, подошёл к Екатерине и сказал:

– Катенька, я полагаю, что наш роман закончился... Приехали моя жена Даша и дочка, при них, как ты понимаешь, нам встречаться нельзя, да и ни к чему... Мы познали друг друга, позабавились, жену со Светочкой я не намерен оставлять... А с тобой мы приятно провели время. Я думаю, что тебе, так же, как и мне, будет что вспом-

нить. Так что спасибо за всё, за удовольствие и ласку. А сейчас мы должны разбежаться и делать вид, что не знаем друг друга. Так что прощай..

И Радомир Петрович резко повернулся и пошёл туда, где купались его жена и дочка. А Екатерина, обезумев от услышанного, вскочила с лежака и, словно ошпаренная, помчалась в гостиницу. Слезы мук покатились из её глаз. Ей было стыдно, больно и гадко от того, что произошло. Весь её внутренний мир пронизывала мысль: "Как так можно?.. Ведь Радомир ещё вчера клялся в вечной любви, говорил, что разведётся с женой, а сегодня как ничего и не было, подошёл и сказал, что развлечения закончились с приездом его жены, и что он в её услугах не нуждается.. Какой позор!.. Какой Радомир подлец!.. Какое грязное животное!.. Да и я ничтожество.. Как я могла поверить этому проходимцу, изменить Алексею?!.. Ведь я люблю Алексея, а сама потянулась за богатством, подарками и роскошной жизнью.. Я мразь и подлая женщина, поэтому заслуживаю такого отношения к себе, так мне и надо.. Иметь такого прекрасного парня и предать его. Что я теперь ему скажу? Ведь я ему из-за этой твари даже ни разу не позвонила. Да это не он тварь, а я. Что же я натворила?.. Я словно ослепла, одурела от ласк этого проходимца Радомира и позволила совершить такое безумство. Как же мне теперь с этим позором жить?.. А может повеситься?.."

И Екатерина с этой мыслью пришла в гостиницу, зашла в свой номер, вытащила из сумки пояс. Один конец она завязала себе на шею, другой привязала к трубе, которая находилась под потолком туалета, встала на приготовленный стул, затем оттолкнула его ногой и повисла в воздухе. И вскоре Катя стала задыхаться, а затем потеряла сознание.

В это время по коридору проходила дежурная и увидела открытую дверь в номер. Женщина решила зайти туда. Она осмотрела комнаты, заглянула и в туалет, где и обнаружила Екатерину. Дежурная растерялась, но всё же позвала на помощь. Прибывшие на крик горничные смогли снять Катю и освободить её от петли. Они положили её на кровать. Им показалось, что девушка уже не дышит, поскольку пульс не прощупывался. Но всё же они попытались сделать ей искусственное дыхание.

И вдруг, к их радости, Екатерина слегка застонала, а через некоторое время она открыла глаза. Горничная, которая делала искусственное дыхание, сердобольно спросила:

– Почему же это ты, красавица, решила с жизнью расстаться? На тот свет всегда успеем и спешить туда добровольно нечего. Время придёт, всех нас Господь заберёт, когда в этом мире мы пройдём отпущенную дорогу жизни. А вот так, как ты, девонька, хотела уйти из этой жизни, то это грех большой. Все те, которые самовольно уходят из земной жизни, попадают в ад. И нет страшнее мук в аду, чем те, которые уготовлены для самоубийц. Поняла?..

– Поняла, – еле слышно прошептала Екатерина.

– Для тебя, девонька, "Скорую" вызывать?

– Нет, мне уже лучше.

– А ты, красавица, снова в петлю не полезешь?..

– Нет... Не полезу... Это была минутная слабость. Спасибо вам за помощь, за то, что спасли меня.

– Не стоит благодарности, но больше этого не делай.. Любая беда не стоит нашей жизни, помни об этом.. А мы пойдём, но я к тебе ещё загляну, так что дверь не закрывай. А сейчас пошли, девчата..

И они вышли из номера Екатерины. А Катю охватил страх от содеянного. Она вспомнила о своей матери, отце, которым бы она могла причинить столько боли и горя, ведь они её очень любили. Неожиданно для себя Екатерина вновь расплакалась, но это уже были слёзы раскаяния и осмысления содеянного. Она не хотела больше оставаться в Сочи и на следующий день уехала в свой родной город Тетюши.

Приехав домой, Катя вечером пошла к Алексею и всё ему рассказала и про измену, и про то, как она хотела уйти из жизни. Алексей понимал её состояние души, но в то же время в нём разлилась тоска измены. И он с грустью ей сообщил:

– Я, Катя, был в Сочи.. Я не мог терпеть твоего молчания. Ведь ты мне должна была позвонить сразу по приезду, но ты не звонила и на десятый день. И я в страхе из-за того, что с тобой случилось что-то недоброе, бросил все дела и помчался к тебе. И каково же было моё состояние, когда

я увидел в сквере, что ты целовалась с каким-то мужчиной!..

– Прости меня, Алексей.. На меня нашло какое-то наваядение, я не хотела тебе изменять, но так получилось.. Мне очень стыдно, я сама себя презираю, оттого и хотела уйти из жизни. И ушла бы, если бы дежурная не зашла в номер гостиницы и не увидела меня, висевшую под потолком. Это она вытащила меня из петли. Видать, мне ещё не суждено уйти из жизни.. Я клянусь тебе, Алёшенька, в том, что никогда больше ничего подобного себе не позволю, ведь я любила и люблю только тебя. Давай испытай меня. В течение года мы не будем встречаться, и я не посмотрю ни на одного мужчину. А ты будь свободным и поступай так, как считаешь нужным.

– Не знаю, Катя, что тебе на это и сказать. В моей душе от всего этого так сумрачно и больно. И мне сложно тебя простить, хоть я тебя ещё, похоже, очень люблю, а иначе не рвалось бы от мук моё сердце на части. Но твоя измена меня грызёт и угнетает. И, наверное, правильное будет пока нам с тобой не встречаться.

И они расстались.. И вот уже на протяжении трёх лет Алексея словно подменили. Он встречался с Катей, но с его стороны отношения с ней были иными. Они были пронизаны оскорблением пылающих чувств, хотя в них всё ещё и чувствовалась любовь. В его сердце кровоточила рана измены, которая не зарастала, а постоянно о себе давала знать. Напрасно Екатерина стремилась всей глубиной своего сердца, влюблённым радушием, крылатостью своей любви пробудить в Алексее прежнюю пылкость души. Он её не отвергал, но дарил ей ту любовь, которая была опалена изменой. Однажды Екатерина не выдержала и в сердцах сказала:

– Алексей, я всю себя тебе отдаю без остатка, а ты напуган какой-то больной и в то же время беспечной любовью, которая сеет во мне твоё равнодушие. Неужели ты меня до сих пор не простил за измену?

– Катя, я недавно чисто случайно приобрёл книгу одного нашего земляка и там прочитал стихотворение, которое называется "Измена". Этот стих подходит к нашей судьбе. Он написан словно специально для нас с тобой..

Хочешь, я тебе его почитаю и отвечу им на твой вопрос.

– Почитай, коль ты в нём нашёл отображение наших отношений...

– Я, Катя, нашёл в нём наше смятение и состояние души в сложившейся ситуации, а так же свой незадачливый полёт, который оказался в сетях возвышенной, но изменной любви и боль разлившейся тоски:

*Своей силой тебя одолею,
Своим чувством тебя обожгу,
Но как прежде любить не сумею,
Быть опорой души не смогу.*

*Не зови потому ты сердечно,
Не стели ты радушием путь,
Я способен жить только беспечно,
Опалила изменой ты грудь.*

*Потому мне весенние цветы
Не даруют души глубину,
Той любви я испробовал сети,
И в тебе лишь я вижу вину.*

*Ты остудой ведь сердце пронзила,
Бросив верность счастливых дорог,
Равнодушием ты напоила,
Я изменой судьбы занемог...*

– Так ты меня, Алёша, до сих пор так и не простил?

– Простить, Катя, я разумом простил, а сердце, чувства горят лишь в силу мужского вожделения, мужского естества, но не больше. Сердце оскорблено изменой, которая помимо воли теперь всегда живёт в нём и не даёт той бесшабашной, лазоревой и чистой полётности. Мой путь жизни, Екатерина, как в стихотворении говорится "...изменой судьбы занемог". И едва ли вылечится моё сердце от остуды измены..

15.03. – 16.03.12 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хархордина Т.В. Дорога добра и просвещения</i>	3
---	---

Роман «Свеча судьбы»

Глава I.....	8-39
Глава II.....	39-75
Глава III.....	76-108
Глава IV.....	108-143
Глава V.....	143-183
Глава VI.....	183-225
Глава VII.....	225-268
Глава VIII.....	268-297
Глава IX.....	297-338
Глава X.....	339-385
Глава XI.....	385-422
Глава XII.....	422-460
Глава XIII.....	460-485
Глава XIV.....	485-517
Глава XV.....	517-541

Рассказы

Страждущая.....	542-544
Имена.....	545-557

Литературно-художественное
издание

Лазор
Лидия Ивановна

СВЕЧА СУДЬБЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Роман, рассказы

Под редакцией автора

Художественный редактор
Консультант

Лазор Лидия Ивановна
Лазор Валерий Васильевич,
протоиерей, настоятель Свято-
Благовещенского Храма, доктор
юридических наук, профессор
Хархордина Татьяна Валентиновна

Технический редактор
Ассистенты технического
редактора

Лазор Наталья Александровна,
Лазор Игорь Валерьевич
Лазор Юлия Анатольевна,
Лазор Иван Валерьевич
Холод Елена Александровна

Компьютерный набор

Компьютерная верстка

Сдано в набор 10.04.2012 г.

Формат 84/108х32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. 27,0. Усл. кр.-отт. 25,01. Уч.-изд. л. 24,75.

Заказ №354. Тираж 1000.

Цена договорная.

Адрес издательства: 91000, г. Луганск, ул. Челюскинцев, 6/15.

Телефон: 8 (0642) 588-140. Факс: 8 (0642) 546-222

E-mail: shiko@ler.lg.ua

Издательство «Литература»

г. Луганск

ББК 84 (4Укр-4Луг) 6-5

Л 17

Лидия Лазор

Л 17 Свеча судьбы. Часть третья. — Луганск, 2012. — 560 с.

ISBN 978-966-492-301-6

Третья часть романа "Свеча судьбы" — это 27-я по счёту книга известного в Украине и далеко за её пределами поэта и писателя Лидии Ивановны Лазор.

Трилогия охватывает время действия с 1941 по 2000 годы. Автор стремится тонко и проникновенно раскрыть пути жизни героев книги.

В романе особенно ярко, вдохновенно и многогранно раскрыт образ главной героини Михайловой Елены Васильевны. Она сумела, несмотря на тернистые тропы жизни, которые выпали на её долю, пройти по своей жизненной дороге достойно, с любовью и добиться поставленных целей. В целом роман насыщен эмоциональной свежестью, психологической тонкостью и благоуханием распахнутых чувств.

Книги трилогии "Свеча судьбы" несут в себе духовно-просветительскую миссию и имеют глубокий нравственный характер. Они пополняют сокровищницу интереснейших произведений современной литературы.

ББК 84 (4Укр-4Луг) 6-5

Л 17

ISBN 978-966-492-301-6

Лазор Л.И., 2012.